

Министерство науки и высшего образования РФ
Институт российской истории РАН
Совет молодых ученых ИРИ РАН

Международная
научно-практическая
школа-конференция
молодых ученых (24—25 ноября 2020 г.)

История России с древнейших времен до XXI века:

*проблемы,
дискуссии,
новые взгляды*

Сборник статей участников



Москва
2020

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)
И90

Редакционная коллегия:

Ю.А. Петров (ответственный редактор), С.В. Журавлёв,
В.Н. Захаров, Д.Б. Павлов, В.Н. Круглов (ответственный редактор),
О.А. Плех, С.П. Ким, Ю.С. Филина

И90 История России с древнейших времен до XXI века : проблемы, дискуссии, новые взгляды [Текст] : сборник статей участников Международной научно-практической школы-конференции молодых ученых ((24—25 ноября 2020 г.) / [отв. ред. : Ю.А. Петров, В.Н. Круглов] ; Министерство науки и высшего образования РФ ; Институт российской истории РАН ; Совет молодых ученых ИРИ РАН . — Москва : Институт российской истории РАН , 2020 . — 454, [2] с. : табл.

ISBN 978-5-8055-0387-1

Сборник содержит материалы Международной школы-конференции молодых ученых «История России с древнейших времен до XXI века: проблемы, дискуссии, новые взгляды», прошедшей в ИРИ РАН 24—25 ноября 2020 г. В него вошли статьи, подготовленные участниками конференции. Исследования посвящены широкому кругу вопросов отечественной истории начиная с Древней Руси и заканчивая современностью. Авторы затрагивают сюжеты политической, социальной, военной истории, истории государственных учреждений, церкви, экономики, медицины, науки, внешней политики и многие другие.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)

ISBN 978-5-8055-0387-1

© Институт российской истории РАН, 2020
© Коллектив авторов, 2020

Содержание

Секция I. История России до начала XVIII в.

<i>Н.Ю. Гребенников.</i> Летописные сообщения о взятии Великого города 1236 и 1241 гг.: происхождение текста и возможные источники.....	9
<i>К.В. Вершинин.</i> Древнейший русский метеорологический текст.....	17
<i>А.В. Воробьёв.</i> Крестоцеловальная запись губных старост середины XVI в. как исторический источник	23
<i>А.Л. Новосёлов.</i> Феномен чудес митрополита Петра в Никоновской летописи.....	30
<i>Л.А. Ерамова.</i> Культ трёх московских святителей Петра, Алексия и Ионы в XVI—XVII вв.	37
<i>А.А. Казаков.</i> О происхождении одного назидательного сюжетца волоколамской книжности XVI в. (к вопросу о возможном источнике).....	44
<i>А.А. Бондаренко.</i> Из истории управления Коложским Борисоглебским монастырем в середине XVI в.	48
<i>И.А. Устинова.</i> Из практики архиерейских поставлений в XVII в.: традиции и новации	58
<i>В.Д. Жуков.</i> «Заёмные кабалы» московских посольств в Крыму в конце 1630-х — начале 1640-х гг. и их оплата Московским государством (сравнительный анализ).....	65
<i>А.Б. Страхов.</i> Идеиные основания исторической политики царя Алексея Михайловича	74
<i>А.В. Богатырёв.</i> Василий Тяпкин, польско-русские культурные связи и выражение «пал крыжем».....	81
<i>М.Р. Яфарова.</i> Миссия Яна Белевича в Москву в 1679 г.	87
<i>М.Т. Накишова.</i> Отношения генерал-губернатора А.Д. Меншикова и генерал-полицмейстера А.М. Девиера в системе управления Санкт-Петербургом.....	94
<i>М.А. Киселёв.</i> Проблема правового статуса горных офицеров в России в 1720—1740-е гг.....	103
<i>И.М. Котов.</i> Служба на флоте военных моряков из рода Спиридовых во второй трети XVIII в.	110
<i>О.К. Ермакова.</i> Неформальные связи и методы в практике управления иностранными колонистами в России 1760-х гг.	117
<i>Д.А. Сосницкий.</i> История России в художественных сочинениях Екатерины II.....	123
<i>Е.В. Суровцева.</i> Становление русского театра в письмах А.П. Сумарокова Екатерине II и И.И. Шувалову.....	129
<i>З.Х. Глашева.</i> Первое Кавказское наместничество 1785—1796 гг.: особенности учреждения и функционирования.....	134

<i>О.В. Ларюшкин.</i> Поручительство у московских купцов иностранного происхождения как показатель межэтнических взаимоотношений в деловой среде (середина XVIII — середина XIX вв.)	140
--	-----

Секция II. История России XIX — начала XX в.

<i>А.С. Кравчук.</i> Из жизни рядовых обывателей Таврической губернии первой половины XIX в.: дело А.Н. Бегича	147
<i>О.А. Плех.</i> «В нашем месте... с честностию и благородством умрём с голоду»: размышления о службе провинциального чиновника 1820-х гг. на страницах его дневника	153
<i>А.А. Ефимов.</i> Прошения горожан как способ участия в программе перестройки частных домов Петергофа за казённый счет 1826—1839 гг.	169
<i>М.С. Шишкина.</i> Организация воспитательного процесса в Императорском училище правоведения в 1835—1861 гг.	175
<i>К.В. Мельчакова.</i> Александр Фёдорович Гильфердинг и Московский университет. Штрихи к биографии слависта	182
<i>С.А. Юсупова.</i> Введение «Городового положения» 1870 г. в Туркестанском генерал-губернаторстве: к 150-летию городской реформы Александра II	188
<i>А.В. Манахова.</i> К вопросу допуска иностранных корреспондентов на Русско-турецкую войну 1877—1878 гг. (Балканский театр военных действий)	195
<i>Г.В. Рывкина.</i> Приграничная сухопутная дорожная сеть между Олонекской губернией и Великим княжеством Финляндским в XIX — начале XX в.	200
<i>Е.В. Белокуров.</i> Помощь голодающим в России в конце XIX — начале XX вв.: основные направления эволюции правительственной политики	207
<i>Е.М. Чигирева.</i> Демографическое и санитарно-эпидемиологическое состояния Воронежской губернии в дискуссии дворянских гласных	218
<i>С.А. Иконников.</i> Проблема материального обеспечения приходского духовенства Православной Российской Церкви второй половины XIX — начала XX в. в советской историографии	225
<i>В.А. Болтрукевич.</i> Теория «крейсерской войны» в 1890-е гг. в представлениях военно-морского профессионального сообщества (на основе публикаций в «Морском сборнике»)	232
<i>И.В. Печенин.</i> Еврейская партийная пресса в Российской империи: особенности функционирования и идеологии	240
<i>А.Е. Власов.</i> К вопросу об организации сыскной деятельности и агентурной работы служащими калужской полиции и жандармерии в начале XX в.	247
<i>А.К. Мордовин-Залесский.</i> Сравнительный анализ положений о полевом управлении войск в военное время 1890 и 1914 гг.	253

Секция III. Отечественная история XX в.

<i>С.А. Орешин.</i> Формирование и деятельность органов власти Временного правительства на Северном Кавказе в 1917 г.	261
<i>И.А. Концевой.</i> Представительство большевиков и левых эсеров на губернских Съездах Советов в первой половине 1918 г.	268
<i>В.И. Подлеснов.</i> Православное духовенство Тамбовской губернии в первые годы Советской власти.	275
<i>И.И. Родионов.</i> Военнопленные Польско-советской войны 1919—1921 гг.: сравнительный анализ	282
<i>И.А. Суздальцев.</i> Формирование и изменение тактики Коммунистического Интернационала в 1919—1922 гг.	292
<i>Е.М. Якушкина.</i> Вузовская молодёжь во внутривластной дискуссии РКП(б) 1923—1924 г.	299
<i>В.Н. Сергеев.</i> Профессиональные заболевания лиц свободных профессий. Эпизод дискуссии о списке профессиональных болезней и социальном страховании в середине 1920-х гг.	306
<i>Ю.С. Филина.</i> Социально-политический аспект теорий художников новейшего искусства (1917—1927 гг.)	313
<i>А.В. Чебаковская.</i> Жизнеобеспечение воспитанника детского дома Карелии в 1918 г. — первой половине 1930-х гг.	320
<i>В.О. Неруш.</i> Северный рабфак в Ленинграде (1925—1930 гг.): межведомственные дискуссии об образовательном проекте для коренных малочисленных народов Севера.	327
<i>Чжин Сил.</i> Проблемы добровольной и принудительной миграции в России (на примере российских корейцев). 1920—1930-е гг.	336
<i>В.Б. Романова.</i> Периодическая печать как источник о жизни эмиграции «первой волны» (на материалах газет «Возрождение» и «Последние новости»)	342
<i>А.М. Ситдиков.</i> Подготовка среднего и младшего командного состава РККА в 1920—1930-е гг.	348
<i>С.П. Ким.</i> «Так работать не годится, так работать нельзя»: проблемы организации и планирования мобилизации гражданской промышленности СССР по материалам писем К.Е. Ворошилову, В.М. Молотову и Л.М. Кагановичу.	355
<i>А.С. Мартынов.</i> Организационная структура и функции «украинской вспомогательной полиции» в г. Сталино (Донецке) в период нацистской оккупации	365
<i>С.В. Решетников.</i> Взаимодействие русских эмигрантов и советских граждан во французском движении Сопротивления (1942—1945 гг.)	373
<i>В.Н. Круглов.</i> Конструирование подвига (Герой Советского Союза Василий Александрович Ершов)	381

<i>А.А. Дерюгина.</i> Проблемы послевоенной реинтеграции в воспоминаниях бывших военнопленных СССР (по материалам фонда С.С. Смирнова в РГАЛИ).....	391
<i>В.В. Тихонов.</i> Теория нации в советском обществоведении второй половины 1940-х — начала 50-х гг.	398
<i>А.Н. Гребенкин, А.В. Левда.</i> Развитие института личной охраны руководителей СССР в 1945—1982 гг.	406
<i>Е.А. Воронова.</i> Отцовство как нормативная категория в советском законодательстве 1940—1960-х гг.	415
<i>Р.Ю. Червяков.</i> «Здесь, в Москве, вас охраняет могучий дух равенства и дружбы»: репрезентация фестивалей молодежи и студентов в Москве на страницах журнала «Крокодил».....	424
<i>Чжуан Шици.</i> Михаил Горбачёв и Продовольственная программа	433
<i>Р.Г. Кирсанов.</i> Закон СССР о государственном предприятии: сложности и противоречия перехода на хозрасчётную основу	438
<i>Е.К. Аксёнова, А.М. Иванов.</i> Развитие кооперативного движения в Советском Союзе в период перестройки (1985—1991 гг.) на примере Смоленского региона	446

Секция I
**История России
до начала XVIII в.**

Летописные сообщения о взятии Великого города 1236 и 1241 гг.: происхождение текста и возможные источники

Аннотация. Известие о разорении Волжской Булгарии в 1236 г. войсками Батыею отразилось как в новгородском летописании, так и во владими́ро-суздальском, однако их тексты отличаются друг от друга. В научной литературе вопрос об источниках и времени записи этого сообщения не обсуждался. Между тем более серьёзное ознакомление с его текстом позволяет судить о возможных путях появления новгородских событий во владычной летописи. Второе известие также выбрано неслучайно — сообщение 1241 г. о повторном взятии Биляра отразилось только в поздней Никоновской летописи. Исследователи по сей день воспринимают его как достоверное, однако это, как кажется, далеко от истины. В статье предложен новый взгляд на обозначенные сюжеты.

Ключевые слова: древнерусские летописи, новгородское летописание, владими́ро-суздальское летописание, Никоновская летопись, Волжская Булгария, монголо-татарское нашествие.

CHRONICLE REPORTS OF THE GREAT CITY'S CAPTURE IN 1236 AND 1241: ORIGINS OF THE TEXT AND POSSIBLE SOURCES

Abstract. The record about sacking the Volga Bulgaria and destruction its capital during the Mongol invasion in 1236 was reflected in Novgorodian chronicling and Vladimir-Suzdalian as well. Nevertheless, their contents differ from each other. The question about its appearance in Novgorod First Chronicle, presumed sources of this evidence and the time of composing its text has not discussed in historiography yet, while it is very vivid example for understanding in which ways and how the non-Novgorodian records appear in Novgorod First Chronicle. The record of 1241 in the Nikon Chronicle is also expected thorough examination because researches do not hesitate in its reliable information, despite the late origin of the chronicle. In the article suggests possible solutions on the issues.

Keywords: Old-Russian chronicles, Novgorodian chronicling, Vladimir-Suzdalian chronicling, the Nikon chronicle, the Volga Bulgaria, the Mongol invasion.

В 1237 г. Русь столкнулась с огромной армией восточных завоевателей, ведомой Батыею. Однако за год до катастрофы первый удар монголо-татарской армии пришёлся на государство волжских булгар, приведя к его разорению. В Лаврентьевской летописи (далее —

* **Никита Юрьевич Гребенников** — магистр, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия).
e-mail: grebennikov97@list.ru

Nikita Y. Grebennikov — Undergraduate, National Research University “Higher School of Economics” (Moscow, Russia).

Лавр.) по этому поводу сообщается: «Тое же осени. Придоша от восточныѣ страны в Болгарьскую землю безбожнии татары и взяша славнии Великыи горо(д) болгарьскыи и избиша оружье(м) от старца, и до унаго и до сушаго младенца; и взяша товара мно(же)ство, а горо(д) ихъ пожгоша огне(м) и всю землю ихъ плѣниша» [17, стб. 450]. В Синодальном списке (далее — Син.) Новгородской 1 летописи (далее — Н1Л) известие сохранилось в более сжатом виде: «В том же лѣтѣ. Пришедше безбожнии татарове, плѣниша всю землю Болгарьскую, и градъ ихъ Великыи взяша, и исѣкоша вся и жены и дѣти». В мл. изв. текст идентичен ст. изв. [16, с. 74, 285]. По всей видимости, запись в неизменном виде восходит к единому протографу обоих изводов — владычной летописи, которая велась на постоянной основе при Софийском соборе с начала XII в. [8, с. 352, 355, 357, 360; 9, с. 19, 40].

Обращаясь к содержанию известия, отметим, что в новгородском рассказе присутствуют детали, которые не читаются в Лавр.: это указание на убийство женщин во время штурма Биляра — столицы Булгарии. Кроме того, при сопоставлении двух версий летописного сообщения можно говорить о том, что текст новгородского рассказа подвергся сильному стилистическому упрощению. В Н1Л известие сильно напоминает собой краткую погодную запись, характерную для анналистической манеры ведения летописания в Новгороде [7, с. 174—201; 8, 253]. Следовательно, можно говорить либо о сокращении подробностей владими́ро-суздальского рассказа о взятии Булгара и завоевании Волжской Булгарии владычным летописцем в Новгороде, либо о двух версиях рассказа, которые создавались независимо друг от друга. Исследованием Т. В. Гимона и А. А. Гиппиуса доказано, что писцы Син. и мл. изв. Н1Л сокращали текст владычной летописи [5, с. 34—43]. Следовательно, текст известия Н1Л можно было бы приписать сильному сокращению со стороны новгородского летописца владимирского известия. Однако еще А.А. Шахматовым было показано, что в Тверском сборнике (далее — Тв. сб.) — компиляции второй половины XVI в., которая до 6763 г. текстологически близко стоит к Н1Л — редакторских правок не наблюдается и, следовательно, в Н1Л тоже [26, с. 136—138]*. Таким образом, версия о редакции владимирского известия в Новгороде отпадает.

Приведу аргументы в пользу того, что в Новгороде имелись собственные источники для фиксации события 1236 г. Прежде всего следует отметить, что большая часть известий в новгородской лето-

* Гиппиус также считает, что в Н1Л содержится минимальное количество поздних редакторских правок [8, с. 358].

писи за XII—XIV вв. о событиях в Северо-Восточной и Южной Руси восходит к устным источникам [8, с. 358]. Следовательно, информаторами о разорении, учитывая тесные торговые контакты внутри всей «федерации» Русских земель в XIII в., могли быть купцы из Булгарии, которые, будучи осведомлены булгарами, бежали в поисках защиты от ужасов войны. Об этом сообщает венгерский монах Юлиан, побывавший во Владимирской Руси в 1237 г. [27, р. 183—192]: «Они, как передавали нам словесно сами русские, венгры и булгары, бежавшие перед ними [татарами]» [2, с. 86].

С другой стороны, в Новгородскую землю могли прибыть княжеские представители от Ярослава Всеволодовича, который долгое время оставался звеном, связывающим Новгород с Залесской землёй [13, с. 71—87]. Однако Ярослав в этом же году пытался утвердиться на Киевском столе, но «не мога его держати» [18, стб. 777]. Перед уходом в Южную Русь князь оставил в городе малолетнего сына Александра [16, с. 74]. Сам же после неудачной попытки вынужден был отправиться во Залесскую землю [16, с. 74]. Видимо, Ярослав вернулся в отчину — Переяславль-Залесский, выделенный ему ещё Всеволодом Большое Гнездо [25, с. 170]. Именно из своего удела он мог отправить людей, которые могли бы оповестить малолетнего новгородского князя о бедствии «на востоке».

Причина же, по которой новгородский книжник решил зафиксировать событие осени 1236 г. во владычной летописи, остаётся туманной. По мнению Гимона, известие следует считать уникальным, т.к. оно входит в единичное количество вестей о новгородских событиях за 1210—1238 гг. [4, с. 140, 141]. В то же время исследователем отмечено, что фиксация событий, происходивших за пределами Новгородской земли в XII—XIII в., производилась в силу значимости их для города. Осторожно отметим, что в Новгородскую землю через Суздальскую в XII—XIII вв. поставлялся перец, который, как кажется, был ценным товаром [28, р. 379, 380]. Разорение Булгарии, о котором рассказали бы «мужи» Ярослава, послужило бы поводом для того, чтобы в таком крупном торговом центре как Новгород всерьёз обеспокоились прекращением поставок и озаботились поиском другого пути его получения.

Теперь же обратимся ко времени записи известия. Так, падению Великого города предшествовало солнечное затмение, упоминание которого встречается из ранних летописных сводов только в Лавр. и НІЛ. Оно отмечено точной датой — 3 августа [16, с. 74, 285; 17, стб. 460]. Это свидетельствует, что известие фиксировалось летописцем в течение короткого времени — запись производилась на протяжении года или в начале следующего [1, с. 134, 137; 6, с. 329, 330]. В то же время в НІЛ рассказ о затмении читается в известии

следующего года (6745). Это обусловлено внезапной сменой годового стиля: запись этого события производилась по ультрамартовскому стилю [3, с. 109, 262, 270]. Таким образом, во владычной летописи сентябрьские события 1236 г. записаны перед августовским затмением. Это может указывать на несвоевременность полученных летописцем сведений [6, с. 323, 324].

По нашему мнению, известие о солнечном знамении и взятии Волжской Булгарии войсками Батыея записано во Владимиро-Суздальской Руси поздней осенью 1236 г. или в начале 1237 г. (до вторжения Батыея в Северо-Восточную Русь). Известие же в Н1Л записано ближе к зиме 1236 — в пределах 1237 г. Промежуток выбран с учётом сложности при передвижении людей из Владимиро-Суздальской земли в Новгородскую, а также трудностей, которые могли заставить новгородского летописца повременить с фиксацией этого события. На мой взгляд, погодную статью 1236 г. Лавр., записанную в пределах Владимиро-Суздальской земли, следует отнести к черновым записям ростовского клира. Предположение обусловлено тем, что с назначением в 1230 г. в Ростов епископа Кирилла в Лавр. по 1235 г. отмечается усиленное внимание к делу князей Константиновичей. Это в целом не противоречит наблюдениям А.Н. Насонова, который отмечал усиленную работу ростовских книжников перед нашествием Батыея и их обработку владимирских сводов [15, с. 180—225]. Кроме того, владимирские книжники, как кажется, пространнее описывали события, связанные с булгарами на протяжении середины XII — начала XIII вв., что также может подтверждать предположение [10, с. 120—133]. Попасть же известие 1236 г. в новый владимирский свод могло при князе Ярославле Всеволодовиче, по заказу которого в 1238—1239 гг. был составлен свод, соединивший ростовскую и владимирскую традицию [14, с. 173, 179, 180; 23, с. 137—146].

Другое известие, которое привлекает внимание — сообщение Никоновской летописи (далее — Никон.) под 1241 г. о повторном разорении Великого города: «Того же лѣта. Батыева татарове взяша Болгары, иже на Волзѣ и на Камѣ» [20, с. 125]. Оно содержит уникальные сведения, не подтверждающиеся другими летописными сводами. Однако так ли это?

Прежде всего следует отметить, что в Лавр., Н1Л обеих изводов, Рогожском летописце (далее — Рог.), НК1 и НК2, Симеоновской летописи (далее — Сим.), Тв. сб., Типографской летописи (далее — Тип.), Владимирском летописце (далее — Вл.) это известие не отражено. Данные летописи выбраны неслучайно — они основаны на летописных сводах разных традиций, составленных в конце XIII — первой половине XV вв., т.е. тех, которые стоят относительно близко анализируемых событий. Следовательно, доверять данным

Никон., которая составлялась конце 1520-х — начале 1530-х гг. [11, с. 48—50], в данном случае опрометчиво. Приведу дополнительные аргументы. Во-первых, текст известия за 1241 г. отмечен редким стилем, характерным только для составителя Никон. Это уточнение, которое делает летописец при локализации волжских булгар: «иже на Волзѣ и на Камѣ»*. К примеру, подобный «маркер» возникает в Никон. в контексте события о взятии булгарами Муром в 1088 г. [19, с. 115] или же в сообщении о походе Мстислава Андреевича на Булгарию зимой 1172 г. [19, с. 247]. Так, в начальной части текста Никон. за 860—880-е гг. сохранились уникальные известия о Волжской Булгарии, которые, по мнению Б.М. Клосса, имеют легендарный характер. Текстолог объясняет их попадание в текст Никон. политическими мотивами: они создаются в период напряжённых русско-казанских отношений, а в их основу положен домысел книжника [12, с. 187].

В случае с известием за 1241 г. его содержание можно было приписать фантазии писца/составителя**, однако, на мой взгляд, появление известия следует отнести к невнимательности книжника. Наглядным примером может послужить эпизод в Никон. с разорением Рязани зимой 1237 г., который изначально под этим годом открывается пространным рассказом. Однако в завершении годовой статьи уже за 1239 г. кратко повторяется: «Того же лѣта. Приходиша Батыеви татарове въ Рязань, и поплѣниша ю всю» [20, с. 115]. Разумеется, второй раз взять разрушенный город монголы уже не могли. Летописец, возможно, оставил данное известие под 1239 г., так как конечная часть годовой статьи повествует о взятии татарами земель Северо-Восточной Руси, а именно — Муромской земли и части Владимирской — г. Гороховца [20, с. 115]. Следовательно, повторное краткое известие о взятии Рязани подводило к тому, что монголы окончили разорение Северо-Восточной Руси, уйдя в Южную. Более того, известие о взятии Рязани 1239 г. в целом замыкает пласт повествования о судьбе Северо-Восточной Руси и отчасти Южной за этот год.

Известие же о взятии Биляра в 1241 г. также замыкает достаточно большой тематический блок: летописному сообщению предшествует Слово похвальное о князе Александре Ярославиче, пространная повесть о победе в Невской битве, годовые известия о деятельности Ярослава Всеволодовича и Александра Ярославича в Новгороде

* Указанные дополнения встречаются в тексте Хронографической Новгородской летописи, но они были внесены в процессе работы над ней при составлении Никон. [12, с. 32—40, 44—47].

** Вряд ли составитель знал о сочинении Рашид ад-Дина начала XIV в., в котором отмечено второе разорение Болгарской земли около 1238 г. [11, с. 407].

и борьбе новгородцев против немцев и литовцев в Прибалтике [20, с. 118—125]. Только после этого большой по объёму текстовой фрагмент завершается краткими известиями о разорении литвой и немцами части Новгородской земли и взятии столицы Булгарии войсками Батая.

Таким образом, как и в случае с известием за 1239 г. о взятии Рязани, перед нами неудачная работа сводчика. По всей видимости, перед книжником стояла задача внести пространные повести под 1239 г. и 1241 г. в основную канву повествования, не разорвав при этом хронологическую и тематическую связанность текста*. Однако по мере работы с большим количеством источников, задействованных при составлении Никон., сводчик запутался при расстановке дат, таким образом, дважды отметив взятие Рязани и Биляра под разными годами. Думается, что известие за 1241 г. могло быть заимствовано из какого-то краткого летописца типа Рог. — именно этот памятник тверской литературы, по меткому замечанию Г.М. Прохорова, открывался кратким пересказом домонгольской истории Руси, а также сухим и сжатым изложением нескольких десятилетий уже после походов Батая [24, с. 74, 75]. Обратимся к тексту известия о взятии Булгарии в Рог. за 1236 г.: «Тое же осени. *Татарове взяша Българы*» [21, стб. 25]. Как видим, текст известий имеет почти идентичную структуру и содержание, если отбросить характерное для стиля Никон. уточнение о месте расположения Биляра: «Того же лѣта. Батыева *татарове взяша Болгары*, иже на Волзѣ и на Камѣ».

Таким образом, я заключаю, что известие, которое долгое время в историографии принималось за подтверждение сведений Рашид-ад-Дина о повторном разорении столицы Булгарии в 1238 г. [11, с. 407] на самом деле является результатом неумелой работы книжника в этом месте и повторяет в кратком виде событие 1236 г.

* Похожую ошибку находим в Летописе Авраамки под 6746 г.: «В лѣто 6746. Придоша татарове в землю Рязанскую, тои же Батый. И прислаша в посольство жену съ двѣма мужи, просящи въ всемь десятины: въ князехъ, и в людехъ, и в конехъ и в скотехъ. И ркоша князи: «Нась не будетъ». И взяша татарове землю Рязанскую, и Суздальскую, и Болгарскую, и у Козельская стояли 7 недѣль, и едва взяша» [18, стб. 51]. Т.о., вновь наблюдается непоследовательность событий в тексте: Батый не мог «взять» Рязанскую и Владимиро-Суздальскую земли раньше Волжской Булгарии. Следовательно, Авраамка знал, что Батый точно подверг Булгарию опустошению перед походом на Рязань, но по какой-то причине пропустил этот фрагмент. Видимо, с одной стороны, для составителя эпизод со взятием Болгарской земли дополнял картину происходящего, а с другой — показывал, что составитель располагал знанием об этом событии. По этой причине Авраамка не опустил полностью упоминание о разорении Булгарии монголами, а поместил краткую приписку в окончание годовой статьи.

Список литературы

1. *Алешковский М.Х.* К типологии текстов «Повести временных лет» // Источниковедение отечественной истории: сб. науч. ст. 1975. М.: Наука, 1976. С. 133—167.
2. *Аннинский С.А.* Известия венгерских миссионеров XIII—XIV вв. о татарах и Восточной Европе // Исторический архив. 1940. Вып. 3. С. 71—112.
3. *Бережков Н.Г.* Хронология русского летописания / Отв. ред. М.Н. Тихомиров. М.: Наука, 1963. 376 с.
4. *Гимон Т.В.* Отражение в новгородском летописании XII—XIII вв. новгородских событий // Восточная Европа в древности и средневековье: контакты, зоны контактов и контактные зоны. XI Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто: материалы к конференции (Москва, 14—16 апреля 1999 г.). М.: Изд-во Института всеобщей истории РАН, 1999. С. 139—144.
5. *Гимон Т.В., Гиппиус А.А.* Новые данные по истории текста Новгородской первой летописи // Новгородский исторический сборник. СПб., 1999. Вып. 7. С. 18—47.
6. *Гимон Т.В.* Как велась Новгородская погодная летопись в XII в. // Древнейшие государства Восточной Европы. 2003: Мнимые реальности в античных и средневековых текстах: материалы и исследования. М.: Вост. лит., 2005. С. 316—353.
7. *Гимон В.Т., Гиппиус А.А.* Русское летописание в свете типологических параллелей (к постановке проблемы) // Жанры и формы в письменной культуре Средневековья. М.: ИМЛИ РАН, 2005. С. 174—201.
8. *Гиппиус А.А.* К характеристике новгородского владычного летописания XII—XIV вв. // Великий Новгород в истории средневековой Европы. К 70-летию Валентина Лаврентевича Янина: сб. науч. ст. М.: Русские словари, 1999. С. 345—364.
9. *Гиппиус А.А.* К истории сложения текста Новгородской первой летописи // Новгородский исторический сборник. Вып. 6. 1997. С. 3—72.
10. *Гребенников Н.Ю.* «Безбожные» и «поганые». Образ волжских булгар в древнерусском летописании XII — начала XIII в. // Казус: индивидуальное и уникальное в истории. 2020. Вып. 15. С. 311—335.
11. Золотая Орда в источниках / Сост. и комм. Р.П. Храпачевского. Т. 1: Арабские и персидские сочинения. М.: Типография «Наука», 2003. 448 с.
12. *Клосс Б.М.* Никоновский свод и русские летописи XVI—XVII вв. М.: Наука, 1980. 310 с.
13. *Кузнецов А.А.* Новгородская политика владимирских князей в 1220-е гг. // Новгородский исторический сборник. Вып. 25. 2015. С. 65—87.
14. *Лимонов Ю.А.* Летописание Владимиро-Суздальской Руси / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. Л.: Наука, 1967. 198 с.
15. *Насонов А.Н.* История русского летописания IX — начала XVIII в.: очерки и исследования. М.: Наука, 1969. 556 с.
16. Новгородская первая летопись старшего и младшего извода / Под ред. А.Н. Насонова. М.; Л., 1950. 580 с.
17. Полное собрание русских летописей. Т. 1. Лаврентьевская летопись. 2-е изд. Л., 1927: Изд-во Академии наук СССР. Вып. 2: Суздальская летопись по Лаврентьевскому списку.
18. Полное собрание русских летописей. Т. 2. Ипатьевская летопись. СПб.: Типография М.А. Александрова, 1908.

19. Полное собрание русских летописей. Т. 9. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. СПб.: Типография Эдуарда Праца, 1862. 255 с.
20. Полное собрание русских летописей. Т. 10. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. СПб.: Типография Министерства внутренних дел, 1885. 244 с.
21. Полное собрание русских летописей. Т. 15. Рогожский летописец. Тверской сборник. Вып. 1. М.: Языки русской культуры, 2000. 432 с.
22. Полное собрание русских летописей. Т. 16. Летописный сборник, именуемый летописью Авраамки. СПб.: Типография Ф. Елеопского и К., 1889. 389 с.
23. *Прищёлков М.Д.* История русского летописания IX—XV вв. СПб.: Дмитрий Буланин, 1996. 325 с.
24. *Прохоров Г.М.* «Летописец великий русский». Анализ его упоминания в Троицкой летописи // Летописи и хроники. 1976: сб. науч. ст. М.: Наука, 1976. С. 67—78.
25. *Рапов О.М.* Княжеские владения на Руси в X — первой половине XIII в. М.: Изд-во Московского ун-та, 1977. 259 с.
26. *Шахматов А.А.* Общерусские летописные своды XIV и XV вв. // Журнал Министерства народного просвещения. 1900. Вып. 332. С. 135—200.
27. *Hautala R.* Early Hungarian information on the beginning of the Western campaign of Batu (1235—1242) // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hung. 2016. Vol. 69. P. 183—199.
28. *Noonan T.* Suzdalia's Eastern Trade in the Century before the Mongol conquest // Cahiers du Monde Russe et soviétique. 1978. Vol. 19, No. 4. P. 371—384.

Древнейший русский метеорологический текст

Аннотация. В статье изучается текст «О двенадцати ветрах», помещённый в древнерусском сборнике конца XIII в. Мерило Праведное. Прослежены греческие прототипы текста и отечественные параллели, его связь с позднейшей русской мореходной терминологией. Показано, что памятник можно считать древнейшим метеорологическим и вообще одним из древнейших географических текстов, составленных в Древней Руси.

Ключевые слова: древнерусская литература, славянская переводная литература, историческая география, Мерило Праведное, Иоанн Дамаскин.

THE OLDEST RUSSIAN METEOROLOGICAL TEXT

Abstract. The article examines the text “On the twelve winds”, found in an Old Russian miscellany of the late 13th century named “The Righteous Measure”. There are traced the Greek prototypes of the text, indigenous parallels and its connection with the later Russian nautical terminology. It is shown that the piece can be considered the oldest meteorological and generally one of the oldest geographical texts compiled in Old Russia.

Keywords: Old Russian literature, Slavic translated literature, historical geography, Merilo Pravednoye, John of Damascus.

В самом конце древнерусского сборника XIII в. Мерило Праведное расположен текст «О 12 ветру» (т.е. «о 12 ветрах») [8, с. 698]**. Я уже обращался к нему ранее [3, с. 182—187]. Думается, однако, что он заслуживает особого внимания и дополненного комментария.

Текст о ветрах компилятивен и распадается на две части. Первая заимствована из трактата «Источник знания» И. Дамаскина в переводе Иоанна, экзарха Болгарского (этот сокращённый перевод известен под заглавием «Богословие»), и объясняет природу ветров (у Дамаскина этот вопрос освещён в главе «О воздухе и ветрах» — 8-й во второй книге, или 22-й общего счёта, в оригинале [6, с. 151—152] и 19-й в славянской версии [1, с. 149—150]). Она интересна как образец раннего обращения русских книжников к упомянутому пере-

* **Константин Владимирович Вершинин** — кандидат исторических наук, научный сотрудник Центра источниковедения истории России Института российской истории Российской академии наук (Москва, Россия).
e-mail: versh-kv@yandex.ru

Konstantin V. Vershinin — Candidate of Historical Sciences, Researcher in Center for Source Studies of Russian History, Russian History Institute of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

** Далее текст цитируется по упомянутому изданию рукописи XIV в. с восполнением угасших мест по списку конца XV в. [11, л. 368 об. — 369].

водному памятнику, цитаты из которого ранее отмечались (из произведений старшего периода) только в Чтениях о Борисе и Глебе [5, с. 295—296] и толковой части послания Климента Смолятича [10, с. 30, 52]. В то же время её происхождение очевидно, чего нельзя сказать о второй части текста — перечне ветров. В греческом тексте Дамаскина подобный перечень присутствует, но он не был переведён экзархом Иоанном. Неизвестный нам книжник восполнил этот пробел, но пользовался он не книгой Дамаскина, а другим источником, пока нам неизвестным.

Всего перечислено двенадцать ветров, начиная с восточного направления (по часовой стрелке). Вначале читаются заимствованные названия (написание которых предполагает знакомство записавшего их книжника с устным произношением), рядом даются славянские соответствия (только в первом случае порядок обратный)*. Приведу весь перечень, давая в скобках греческие написания названий ветров и их современные транскрипции: 1) «афилии» (ἀφίλιον = ἀπλήλιον; *афелий*, он же *афелиот*), «вѣсточныи»; 2) «ифрось» (εὔρος, *эвр*), «изнизеть»; 3) «ифронить» (εὐρόνοτος, *эвронот*), «со обеда»; 4) «варрась» (βοῦρῶς, *борей*), «подистиньныи угии»; 5) «ливонть» (λιβόνωτος, *ливноот*) «старыи угь, с де-9-е години»; 6) «лепесь» (λίψ = λιβός, *липс*), «с вечера»; 7) «зефурь» (ζέφυρος, *зефир*), «западныи»; 8) «иапекось» (ἰάπυξ, *япикс*), «от запада»; 9) «ергасть» (ἀργέστης, *аргест*), «старыи северь»; 10) «аперекѣтия» (ἀπαρακτίᾱς, *апарктий*), «истиньныи северь»; 11) «варась» (*борей*), «лисичий ветрь»; 12) «кикия» (κακίᾱς, *кекий*), «красныи ветрь». Следует иметь в виду: эта античная по происхождению «роза ветров» лишь приблизительно совпадает с принятыми теперь представлениями о сторонах света, так что соответствующие сопоставления в известной мере условны.

Прежде всего надо отметить, что в перечне по неизвестной причине допущена ошибка: четвёртым должен быть назван не *борей* (который правильно указан ниже на своём месте), а единственно возможный здесь южный ветер *нот* (νότος). В остальном текст соответствует греко-византийской традиции, оформившейся ещё в сочинениях Аристотеля и Теофраста. Названия некоторых ветров в греческих источниках различаются. Как уже отмечалось, перечень из Мерила Праведного близко сходится с данными поэта и грамматика XII в. И. Цеца [3, с. 184]. Однако можно указать и более точное соответствие: это перечень, зафиксированный на т.н. Ватиканском анемоскопе II—III вв. с греческими и римскими названиями

* Тот же перечень помещён в «конвое» некоторых списков Исторической Палеи, однако там он сильно искажён и никак не дополняет текста из Мерила Праведного [3, с. 185—186].

12 ветров [22, р. 89—90]*, и повторённый (в греческом варианте) без каких-либо изменений на первом листе кодекса XV в. Gr. 122 из библиотеки Эстенсе в Модене — приписке на известной иллюминированной копии хроники И. Зонары [21, р. 461]. Очевидно, данный вариант бытовал на протяжении длительного времени и мог попасть на Русь (следует помнить, что от греческой книжности сохранились лишь немногие географические тексты, и судить о низкой популярности того или иного памятника, исходя из малого числа списков, ошибочно). Единственное отличие этого перечня от русского текста (если исключить ошибку с *нотом*) в том, что северо-северо-западный ветер здесь называется «фракий» (правильнее «фраский»; в Мериле — «эргаст»). Однако всё встанет на свои места, если принять поправку с опорой на упомянутого Цеца, согласно которому *эргаст* и *фраский* — одно и то же [20, р. 308].

Названия «всточни» (1) и «западни» (7) общеприняты до сих пор и не требуют особых комментариев. Заметим только, что в дальнейшем в письменных источниках и в говорах восточный ветер может называться *всток* [9, с. 168—169; 14, с. 45]. Некоторые специальные наименования имеют соответствия в позднейшей терминологии. Так, известен общерусский термин *обедник* или *обеденник* (юго-восточный ветер) [2, с. 34; 5, с. 639; 14, с. 45; 18, с. 26—27]. «Изнизець» (2) можно сравнить с названием юго-восточного ветра *низовец* [2, с. 34; 17, с. 228]. Аналоги названиям «с де-9-е години» (5) и «с вечера» (6) нам неизвестны в других источниках, однако они дополняют определение «со обеда» (3). Имеются в виду ветра, дующие с той стороны, где расположено солнце во время обедни, службы девятого часа (около трёх часов пополудни) и вечерни. Эти названия складываются в стройную систему, от которой впоследствии уцелел только *обедник/обеденник*. В иноязычных традициях подобные определения не известны, так что следует предполагать их русское происхождение. Указание направления «от запада» (8) сопоставимо с зафиксированным в XVII в. поморским названием «северь оть запада» (т.е. северо-западный ветер) [15, с. 121]. Всё это свидетельствует о русском происхождении текста в целом.

Загадочны два последних названия: «лисичии ветрь» (11) и «краснии ветрь» (12), однако можно предполагать их народное происхождение. Известно, что и в русской, и в южнославянской традиции некоторые ветра считаются губительными для животных; ср. псковские названия *волкодав* и *волкоед*, сербское *дрикокош* и др. [16,

* Что любопытно, он содержит грубую ошибку в латинском разделе: *вольтурн* соответствует *кекию*, а не *эвру*. Таким образом, в ошибке из перечня в Мериле Праведном нет ничего экстраординарного.

с. 360]. Характерно, что эти ветра, как и «лисичий ветер», относятся к восточному направлению; таким образом, и последний может вписываться в этот ряд (если, конечно, название не искажено до неузнаваемости в рукописной традиции). «Красный ветер» уместно сравнить с сербским *црвени ветар* — такой ветер, по народным поверьям, приносит болезнь (*црвени ветар* до сих пор употребляется в значении ‘рожа’).

Оставшиеся четыре названия связаны с северными и южными ветрами: «подистиньный угий», «истинный северь» (4, 10); «старый угь», «старый северь» (5, 9). Отметим, что слово «подистиньный» представляет собой гапак славянской книжности, а форма «угий»* (если не содержит писцовой ошибки) может отражать диалектный (древнепсковский?) рефлекс заднеязычного звука. Противопоставление «истинного» и «старого» севера и юга требует истолкования: оно не имеет аналогий в известных нам памятниках. Судя по контексту, вероятнее всего связывать «старение» ветра со смещением точки, откуда этот ветер дует, к западу (закату солнца). Однако данная гипотеза требует дополнительных подтверждений. Что же касается термина «истинный», то он носит, по-видимому, не народное, а книжное происхождение и может быть связан со знанием принципа устройства простейшего компаса (общеизвестно, что к XII—XIII в. компас был известен в западноевропейском и мусульманском мире). Впрочем, и это соображение остаётся пока гипотетическим.

Наш текст не одинок в древнерусской книжности. Можно указать типологические параллели к нему, относящиеся, впрочем, к гораздо более позднему времени. В сборнике 1676 г. с самоназванием «Синописис», созданном в Саввино-Сторожевском монастыре, а ныне хранящемся в Королевской библиотеке в Копенгагене (современный шифр: NKS 147b), начерчена схема мироздания «Круг Ерусалимский». Она включает в себя, помимо прочего, 12-лучевую розу ветров, происходящую из западного источника (возможно, европейского географического сочинения XVI—XVII вв.). Часть названий здесь — греческие, большинство же — латинские [19, с. 369].

Ещё более близкая параллель обнаруживается в одной из рукописей известного соловецкого книжника С. Шелонина (РНБ, Сол. 310/330; «Богословие» И. Дамаскина, 1637 г.) где имеется 8-лучевая роза ветров («Кругъ ветрени»), иллюстрирующая всё ту же главу «Богословия» Дамаскина «О воздухе и ветрах». Характерно, что и здесь к греческим названиям ветров — правда, не основных, а только «промежуточных» — даны диалектные поморские соответствия (известные из многочисленных письменных источников и су-

* Ср. «южий» ветер в орловских говорах [7, с. 47].

ществующие в местных говорах до сих пор): «онеской обедникъ» (он же «востокъ зимной» — юго-восточный ветер); «шолоникъ» («западъ зимной» — юго-западный); «глубникъ-побережникъ» («северь отъ запада») [15, с. 121]. Кроме того, на северо-восточном направлении отмечен «полунощный» ветер [12, с. 391] — в данном случае книжный термин, очевидно, практически тождествен разговорному (ср. современное поморское и сибирское название северо-восточного или северного ветра «полуночник»). Наконец, следует указать, что в новом переводе «Богословия» Дамаскина, осуществлённом в XVI в. князем А. Курбским, глава «О воздухе и ветрах» также сопровождается «кругом ветров» с толкованием переводчика [1, с. 41; 13, с. 106].

Статья о 12 ветрах свидетельствует, что уже к XIII в. на Руси существовала собственная метеорологическая терминология, частично совпадавшая с известной нам по позднейшим источникам. Что касается причины появления текста в Мериле Праведном (возможно, сопровождавшегося в архетипе изображением розы ветров), то могу лишь отослать читателя к уже высказанному соображению о сакральных функциях ветров и священном статусе числа 12, имевших большое значение для средневековых книжников [3, с. 186—187]. Но местные географические знания, осколок которых по счастливой случайности сохранился в учительно-юридическом сборнике, несомненно имели и практический смысл. Тот факт, что по меньшей мере трижды в русской книжности интерес к ветрам пробуждался «Богословием», иллюстрирует неразрывность реального и символического в сознании средневекового человека.

Список литературы

1. *Бодянский О.М.* Богословие святого Иоанна Дамаскина в переводе Иоанна Ексарха Болгарского по харатейному списку Московской Синодальной библиотеки // Чтения в Обществе истории и древностей Российских. 1877. Кн. 4. 422 с.
2. *Вендина Т.И.* Русская языковая картина мира сквозь призму словообразования. М., 1998. 236 с.
3. *Вершинин К.В.* Мерило Праведное в истории древнерусской книжности и права. М.; СПб., 2019. 296 с.
4. *Горский А.В., Невоструев К.И.* Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки. М., 1859. Отд. II. Ч. 2. XII, 690 с.
5. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 2. М., 1955. 780 с.
6. *Иоанн Дамаскин.* Источник знания. СПб., 2006. 358 с.
7. *Макушева О.А.* Словарь метеорологической лексики орловских говоров. Орел, 1997. 106 с.

8. Мерило праведное. По рукописи XIV в. / Изд. под наблюдением и со вступ. статьей акад. М.Н. Тихомирова. М., 1961. 698 с.
9. *Мжельская О.С.* Лексика обиходно-разговорного языка Московской Руси XVI—XVII вв. СПб., 2003. 220 с.
10. *Никольский Н.К.* О литературных трудах митрополита Климента Смолятича, писателя XII в. СПб., 1892. [4], VIII, 229 с., 1 л. факс.
11. Отдел рукописей и старопечатных книг Государственного исторического музея (ОР ГИМ). Синодальное собрание. № 525. Мерило Праведное. Кон. XV в. 369 л.
12. *Порфирьев И.Я., Вадковский А.В., Красносельцев Н.Ф.* Описание рукописей Соловецкого монастыря, находящихся в библиотеке Казанской Духовной Академии. Казань, 1881. Ч. 1. 828 с.
13. *Попов А.Н.* Описание рукописей и Каталог книг церковной печати библиотеки А.И. Хлудова. М., 1872. 54 с.
14. *Прох Л.З.* Словарь ветров. Л., 1983. 312 с.
15. *Сапожникова О.С.* Несостоявшееся издание XVII в.: Богословие Иоанна Дамаскина в переводе Иоанна экзарха болгарского // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб., 2008. Т. 58. С. 99—126.
16. Славянские древности. Этнолингвистический словарь. Т. 1. М., 1995. 578 с.
17. Словарь русских народных говоров. Вып. 21. Л., 1986. 360 с.
18. Словарь русских народных говоров. Вып. 28. Л., 1987. 400 с.
19. Срезневский И.И. Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках. СПб., 1874. 580 с.
20. Ioannis Tzetzae historiarum variarum Chiliades. Instr. Th. Kiesslingius. Lipsiae, 1826. 568 p.
21. *Puntoni V.* Indice dei codici greci della Biblioteca Estense di Modena // Studi Italiani di filologia classica. Firenze; Roma, 1896. Vol. IV. P. 375—536.
22. *Wood J.G.* Theophrastus of Eresus on winds and on weather signs. L., 1894. 98 p.

Крестоцеловальная запись губных старост середины XVI в. как исторический источник

Аннотация. Крестоцеловальная запись середины XVI в. — единственный известный текст присяги губных старост, борющихся с преступностью в России того времени. Она анализируется как исторический источник, предложена более точная её датировка, указано на политический аспект ее содержания, раскрыта связь с другими материалами, приходившими из канцелярии Разбойного приказа.

Ключевые слова: Разбойный приказ, губные старосты, крестоцеловальная запись.

THE OATH OF GUBA ELDERS' OFFICE (MID. XVI C.) AS A HISTORICAL SOURCE

Abstract. The oath of office (mid XVI c.) is the only one known to scholars text of the oath that guba elders, who prosecuted criminals, took before assuming their duties. In this article I analyze the oath as a historical source, i.e. suggest its more accurate dating, review the political aspect of the oath's content, show the connections of this text to other sources originated from the Felony Chancery.

Keywords: Felony Chancery, guba elders, oath of office.

В России XVI — начала XVIII вв. централизованная борьба с преступностью осуществлялась силами Разбойного приказа и подчинявшихся ему выборных уездных губных старост. Последние, как и многие другие должностные лица той эпохи, перед тем, как приступить к исполнению своих обязанностей, обязательно приносили присягу — целовали крест. Крестоцеловальные записи с текстом присяги губных старост рано появились в делопроизводстве приказа и, изменяясь, просуществовали вплоть до упразднения самого учреждения и его агентов в начале XVIII в. К сожалению, до нас дошёл всего лишь один документ такого рода — крестоцеловальная запись губных старост 1550-х гг., обнаруженная и дважды опубликованная Н.Е. Носовым.

В обоих изданиях этот важный источник сопровождался одной и той же небольшой (чуть больше страницы) заметкой вводившего

* Александр Владимирович Воробьёв — кандидат исторических наук, научный сотрудник Центра истории русского феодализма Института российской истории Российской академии наук (Москва, Россия).
e-mail: aleksandr_vorobe@mail.ru

Aleksandr A. Vorob'ev — Candidate of Historical Sciences, Researcher in the Center of the History of Russian Feudalism, Institute of Russian History of Russian Academy of Science (Moscow, Russia).

его в оборот историка [4, с. 343—346; 5, с. 186—188, 209—210]. В ней предлагались датировка источника, краткая характеристика рукописного сборника, в составе которого он дошёл, излагалось содержание крестоцеловальной записи. Особо отмечался политический аспект этого документа с выводом о том, что правительство того времени придавало большое значение «обеспечению, в первую очередь, политической благонадежности губных старост». В дальнейшем текст присяги оказался практически забыт и, насколько мне известно, не становился предметом специального источниковедческого анализа.

Причина этого, по моему мнению, в том, что историки приняли как аксиому главный тезис Носова, что «по содержанию крестоцеловальная запись представляет собой краткое изложение основных обязанностей губных старост, как они формулируются в Уставной книге Разбойного приказа и губных наказах 1555—1556 гг. (Курсив мой. — А.В.)» [4, с. 344]. Возможно, учёные не видели необходимости в обращении к документу в сокращённой форме дублирующему Книгу. Между тем, внимательный анализ источника не позволяет согласиться с высказанным тезисом.

Прежде всего, необходимо начать с вопроса о времени составления записи. Несмотря на отсутствие даты в тексте, Носову удалось определить крайние хронологические пределы его вхождения в оборот. Запись не могла быть составлена ранее 1547 г., когда Иван IV женился на Анастасии Романовой, упоминающейся в тексте как царице, и не позднее 1560 г., когда она умерла [4, с. 343]. Пытаясь определить ещё более точную дату, историк высказал догадку о том, что она была составлена около 1555—1556 гг. во время проведения новых реформ в области губного дела [4, с. 343—346]. Внешне это утверждение выглядит логично и даже отчасти очевидно. Однако попробуем проверить его, обратившись к таким источникам, как наказ губным старостам сёл Кирилло-Белозёрского монастыря в Белозерском уезде (1549) и Уставная книга Разбойного приказа (1555—1556).

Здесь налицо эволюция одной из норм губного права. В губных грамотах и наказах 1539—1550 гг. при оговоре разбойником жителя другой губы, требовалось писать местным губным старостам о том, чтобы они самостоятельно вершили над ним суд. Крестоцеловальная запись уже говорит о необходимости доставки подозреваемого к оговорившему его разбойнику для проведения очной ставки. Вскоре выяснилось, что положение это не всегда выполняется. Это стало причиной добавления нового требования о передаче грамоты целовальником при свидетелях, дабы гарантировать присылку оговорённого. Таким образом, крестоцеловальная запись не могла быть

Наказ губным старостам сёл Кирилло-Белозерского монастыря в Белоозерском уезде 1549 г.	Крестоцеловальная запись губных старост 50-х годов XVI в.	Уставная книга Разбойного приказа (1555 г. Января 18. Приговор о разбойных делах).
«А который разбойник или тать своих товарищев розбойников, скажет в иных городех, где которые разбойники и тати живут, и вы б о тех разбойниках и о татех отписывали грамоты в те города к детям боярским, которые дети боярские в тех городах и в волостях учинены у того розбойного и у татина дела в головах; а в грамотах бы есте писали, чтобы тех розбойников и татей, в тех городах и в волостях потому ж имали и управу чинили по нашим грамотам (Курсив наш — <i>А.В.</i>); а обсылалися бы естя о тех делех меж собой не измешкивая» [2, с. 66].	«А на кого розбойники или тати учнут говорити в ыные города и в станы и в волости к выборным головам, где которые учинены для разбойных дел, посылати грамоты да тех розбойников и татей велеть имати ж, да велети их присылати к собе, ставити с очей на очи, да про них обыскивати ж и управа им чинить потому ж вправду (Курсив наш — <i>А.В.</i>)» [4, с. 345].	У которых губных старост языки говорят в ыные города и в ыные губы, и те губные старосты посылают к тем губным старостам не с одними с грамотами, чтоб тех к ним людей, на которых у них языки говорят, присылати их ставити с очей на очи, и те губные старосты к тем губным старостам не посылают и грамот не слушают, — и о том старостам меж себя сыслатись, а посылати им меж себя целовальников с грамотами. А целовальники б те грамоты отдавали старостам, взяв с собой сторонних людей, человек трех или четырех добрых (Курсив наш — <i>А.В.</i>)...» [2, с. 34].

составлена ранее выданного в сентябре 1550 г. наказа губных старостам сёл Кирилло-Белозёрского монастыря, однотипного по формуляру с наказами 1549 г., и позднее 18 января 1555 г., когда был принят приговор о разбойных делах.

В пользу этой датировки можно привести и несколько косвенных доказательств. В тексте записи есть ряд оборотов, не встречающихся ни в наказах 1549—1550 гг., ни в Уставной книге. Может ли это значить, что данный факт свидетельствует о составлении крестоцеловальной записи после 1556 г.? Скорее всего, нет. Дело в том, что и наказ Новгородской земле 1559 г., кстати, составленный за год и несколько месяцев до смерти А. Романовой, и наказ белоозерским губным старостам 1571 г. всё так же повторяют формуляр Медынского губного наказа, внесённого в Уставную книгу как образец. Естественно, что и оборотов, присущих записи, там также нет.

К проблеме датировки крестоцеловальной записи примыкает ещё ряд вопросов, связанных с проведением присяги с 1539 по 1555 гг. Все губные грамоты и другие источники, как хорошо извест-

но, говорят, что избранные губные старосты руководствовались не только уставными грамотами, но и крестным целованием. О том, как конкретно проводилась процедура свидетельствует грамота, выданная сёлам Троице-Сергиева монастыря в Бежецком уезде: «И вы б меж себя, свестясь все заодин, учинили собе приказика в головах... выбрав старост сотских и десятских лутчих людей... да с приказики тех людей к целованью привели» [3, с. 63]. Судя по всему, Носов не совсем точно трактовал ту запись, полагая, что приказчик должен был приводить к крестному целованию выборных из крестьян [4, с. 277]. По цитированному отрывку хорошо видно, что на самом деле население (или, точнее, монастырские власти), выбравшие (или назначившие) приказчиков и их помощников, должны были приводить к крестному целованию их всех. Весьма вероятно, что подобный опыт приведения к присяге на местах практиковался и в других уездах. Скорее всего, т.к. крестоцеловальной записи тогда не было, губные старосты и целовальники просто присягали на том, что будут вершить суд по губной грамоте.

Думается, что крестоцеловальная запись появилась вместе с наказами, первые из которых относятся к 1549 г. Изучая губные грамоты, нельзя не заметить, сколь рознятся они по объёму прав и обязанностей органов. Период с 1539 по 1549 гг. был временем проб и экспериментов, поэтому, когда губное дело установилось во всей стране, встал вопрос о приведении местных учреждений к общему законодательному знаменателю. Главными инструментами как раз и должны были стать одинаковые для всех указы, издававшиеся в Москве, и крестоцеловальные записи.

Достоверно известно, что к январю 1555 г. проезд губных старост в столицу для получения наказов был обычным делом. На это указывает и то, что составители Уставной книги Разбойного приказа требовали от губных старост сразу после целования креста ехать на место своей службы, не задерживаясь в Москве для решения собственных дел [2, с. 34]. Тот факт, что крестоцеловальная запись дошла до нас в составе правового новгородского сборника, позволяет предположить, что в Новгороде, где воеводы и дьяки наверняка обладали большим объёмом власти, старост могли приводить к присяге, не отправляя в Москве.

Нельзя не отметить, что крестоцеловальная запись предлагала старостам руководствоваться «уставной (т.е. губной — *А.В.*) грамотой». Такая формулировка никогда не встречалась в ни в одном источнике по истории губного дела XVI в. Обнаруживается она только в указной грамоте в Рузский уезд, в которой, кроме всего прочего, идёт пересказ и недошедшей до нас Рузской губной грамоты [1, с. 30—31]. Но это не единственное сходство с Рузской указной гра-

мотой. И там, и там употребляется один и тот же уникальный оборот «самим ездити и людей посылать».

Рассмотрим интересующие нас обороты по порядку. Хорошо известно, что правительство требовало от губных старост не использовать данные им полномочия для сведения счётов с личными врагами, и в этом смысле крестоцеловальная запись не является исключением. К этой привычной формуле составители записи добавляют новый запрет: «языков... недружбе не научати никакого никоторыми делы». Речь о том, что губной староста не должен понуждать преступника к оговору. Из этой краткой фразы можно сделать два важных вывода. Во-первых, правительство признавало, что подобные факты мести имели место. Во-вторых, оно указывало на конкретный способ её осуществления, получивший распространение настолько, что это отразилось в тексте крестоцеловальной записи.

Изучение второго оригинального оборота нужно начать сравнением с нормой, вошедшей и в указы середины 1550-х гг., и в Уставную книгу:

Крестоцеловальная запись губных старост 1550-х гг.	Наказ зубцовским губным старостам.
«А на кого разбойники или тати учнут говорити и нам тем розбойником и татем с тех людей зговаривати не велети» [4, с. 345].	«А на которых людей учнут языки говорить в розбое, а с очей на очи на ставке с них учнут зговаривати, а в обыску их назовут лихими людьми з доводом, и старостам тех людей по обыску пытати» [3, с. 72].

Сравнение статей показывает, что первая является первоначальной, сокращённой версией второй. Это может служить подтверждением мысли о более раннем времени составления крестоцеловальной записи, нежели Указной книги. Из приведённого отрывка наказа медыньским губным старостам хорошо видно, что у составителей не было и мысли напоминать о необходимости продолжать следственные действия, вопреки отказу преступника от своего оговора. Для губного старосты, руководствующегося таким наказом, подобный вопрос даже не стоял, он сразу же начинал обыск. Если статья крестоцеловальной записи требовала отказу не верить и подразумевала, что дальше необходимо судить как обычного оговорённого человека, то в наказах середины 1550-х гг. в центре внимания особые нормы для лиц такого рода. Если обыск признавал их «лихими людьми з доводом», то не имело значения, будет ли признание этого человека получено под пыткой или нет. В любом случае его казнили. До приговора 18 января 1555—1556 г. преступник, не со-

знавшийся под пыткой, сажался в тюрьму «до смерти», т.е. пожизненно [2, с. 33].

Наконец, рассмотрим последнюю оригинальную клаузулу и сравним её с другими известными источниками:

Наказ губным старостам сёл Кирилло-Белозёрского монастыря в Белоозёрском уезде 1549 г.	Крестоцеловальная запись губных старост 1550-х гг.
«И которого татя поймают на первой татбе, а досудите до вины, и вы б на том тате доправя исцовы иски отдвали исцем, а в продаже тот тать наместнику и волостелем и их тиуном» [3, с. 66—67].	«А которые люди по уставной грамоте до смертныи казни не доведутца, а доведутца до вытей, а на тех нам людех велети выти правити, а животы их и статки отдавати им да отдавати исцом в их иски повытно ж по иском» [4, с. 346].

Пассаж из наказа 1549 г. представляет изложение единственного известного до составления Указной книги случая, когда преступник не подвергся смертной казни, а дело ограничилось лишь правежом «вытей» в пользу истцов. Необходимо обратить внимание на разницу между правежом и обычной конфискацией имущества. В первом случае имущество отдавалось преступнику и начинался правёж, в ходе которого его били батогами и (или) сажали в тюрьму. Дальше было два варианта развития событий: либо преступник выплачивал сумму украденного, либо «возмещал» её телесными наказаниями. Регламентация процесса проведена правительством в ряде приговоров, вошедших в Уставную книгу^{*}. Конфискация же имущества совершалась губными старостами в принудительном порядке, после чего они же раздавали его по «вытям» истцам.

Любопытно, что и крестоцеловальная запись, и Указная книга Разбойного приказа оперируют одинаковыми терминами в том, что касается обозначения преступников. Так, профессиональные преступники — это обязательно «ведомые» тати и разбойники, к которым применяется смертная казнь и конфискация. Зато те, к кому применяется правёж, называются просто «людьми». Можно говорить о признании правительством и самим обществом возможности совершения преступления по стечению обстоятельств или по бытовым мотивам. Истинными врагами считались лишь «ведомые лихие» люди.

Завершая анализ источника, хочу обратить внимание, что губные старосты присягали и целовали крест на том, чтобы ни помыслить,

^{*} Например, месяц нахождения на правёже был равен 100 руб. Кроме того, правительство всеми силами стремилось, чтобы преступники не отделялись правежом, не платя деньги [2, с. 35].

ни сделать ничего дурного не только царю, царице и их детям, но и «землям». «Земля» же в терминологии того времени — население уезда или иной административной единицы. А значит, губные старосты служили и были ответственны не только перед монархом, но и перед всем народом. Единение царской власти и «земли» посредством создания выборных органов местного самоуправления — лейтмотив земской и губной реформ середины XVI в. и формуляр крестоцеловальной записи — ещё одно яркое тому подтверждение.

Изучение конкретной крестоцеловальной записи губных старост позволяет сделать некоторые выводы об этом типе делопроизводственной документации вообще. Текст присяги, составлявшийся в Разбойном приказе, тесно увязывался с основными требованиями, сформулированными в наказах. В крестоцеловальную запись вносились наиболее важные обязательства, возлагавшиеся на губного старосту, среди них следует выделить и «политический элемент», подразумевавший личную преданность монарху и его семье и ответственность перед ними. Кроме того, ряд положений приносимой клятвы отражал опыт работы губных старост. Например, из них мы можем узнать о наиболее частых должностных преступлениях. Учитывая всё это, неудивительно, что Разбойный приказ придавал большое значение целованию креста своими агентами, не дозволяя старостам нести службу без присяги.

Список литературы

1. *Баранов К.В.* Новые акты Иосифо-Волоколамского монастыря конца XV — начала XVII в. // Русский дипломатарий. Вып. 4. М.: Памятники исторической мысли, 1998. С. 22—35.
2. Законодательные акты русского государства второй половины XVI — первой половины XVII в.: тексты / Под ред. Н.Е. Носова. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1986. 261 с.
3. Наместничьи, губные и земские уставные грамоты Московского государства / Изд. под ред. прив.-доц. А.И. Яковлева. М.: Ист.-филол. фак. Имп. Моск. ун-та, 1909. 208 с.
4. *Носов Н.Е.* Очерки по истории местного управления Русского государства первой половины XVI в. М., Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1957. 408 с.
5. Памятники русского права. Вып. 4: Памятники права периода укрепления русского централизованного государства XV—XVII вв. / Под ред. проф. Л.В. Черепнина. М.: Госюриздат, 1956. 632 с.

Феномен чудес митрополита Петра в Никоновской летописи

Аннотация. Рассматриваются место и значение чудес митрополита Петра в Никоновской летописи. Оценивается источниковый потенциал чудес для изучения церковной идеологии в 1520—1530-е гг. В качестве источников также привлекаются Симеоновская, Вологодско-Пермская, Иоасафовская и др. летописи, Житие митрополита Петра, Сказание о Мамаевом побоище. Доказывается, что введение чудес московского святителя в текст Никоновской летописи связано с личностью составителя свода митрополита Даниила и с задачей укрепления культа и почитания Петра. Кроме того подтверждается, что чудеса святителя в Никоновской летописи выступали как аргументы в борьбе с взглядами нестяжателей и Максима Грека. Прослеживается складывание текста, повествующего о Куликовской битве в Никоновской летописи, в котором победа рассматривается как чудо митрополита Петра.

Ключевые слова: летописи, чудеса, митрополит Пётр, митрополит Даниил, Никоновская летопись.

PHENOMENON OF MIRACLES OF METROPOLITAN PETER IN THE NIKONOV CHRONICLE

Abstract. The article discusses the place and significance of Metropolitan Peter's wonders in the Nikonov Chronicle. The potential of chronicle miracles as a source for the study of church ideology in the 20—30s of the 16th century is assessed. The sources also include Simeon's, Vologda-Perm's, Joasaph's, and other chronicles, the Life of Metropolitan Peter, and the Tale of the Battle of Mamaev. It is proved that the introduction of the wonders of the Moscow saint in the Nikonov Chronicle was related to the personality of Metropolitan Daniel, the compiler of the arch, and to the task of strengthening the cult and veneration of Peter. In addition, it is confirmed that the miracles of Metropolitan Peter in the Nikonov Chronicle serve as arguments in combating the views of the adversaries and Maximus the Greek. We trace the folding of the text telling of the Battle of Kulikovo in the Nikonov Chronicle, where victory is considered a miracle of Metropolitan Peter.

Keywords: chronicles, miracles, Metropolitan Peter, Metropolitan Daniel, Nikonov Chronicle.

На протяжении XV—XVI вв. при дворе митрополитов получило распространение ведение летописей. Известны летописные памятники, созданные при Киприане, Геронтии, Иоасафе, Данииле и др.

* Александр Леонидович Новосёлов — соискатель кафедры Отечественной истории Казанского федерального университета (Казань, Россия).
e-mail: alnovo92@mail.ru

Alexander L. Novoselov — Competitor of a Scientific Degree in the Department of National History, Kazan Federal University. Kazan, Russia.

Митрополичье летописание отчётливо отразилось в Софийской 2-й и Львовской (свод 1518 г.), Иоасафовской (1520) и, конечно, в Никоновской (1520-е гг.) летописях. Последняя — важнейшее историографическое произведение, самый обширный летописный памятник, уникальный по своему составу. Благодаря своей пространности и оригинальности она неизменно привлекала внимание исследователей. Наибольший вклад в её изучение внёс Б.М. Клосс. Им обстоятельно исследованы ключевые аспекты истории текста, литературного стиля составителей, идейной направленности их работы. Для правильного понимания отдельных сюжетов летописи необходимо кратко остановиться на основных выводах учёного о ней.

Клосс рассматривает Никоновскую летопись как звено в системе мероприятий митрополичьей кафедры в 1520—1530-е гг. Её составление датируется 1526—1530 гг. [6, с. 54]. Не вызывает возражений церковный характер свода, что, в свою очередь при подкреплении рядом доказательств, позволяет определить местом создания свода московскую митрополичью кафедру [6, с. 55]. Летопись опиралась на обширный круг источников: другие летописи, повести, сказания, жития и др. Основными её летописными источниками считаются Симеоновская, Иоасафовская и Новгородская Хронографическая. Отличительная черта — последовательное редактирование любых источников, привлекавшихся к созданию свода. Эта особенность позволила предположить, что работа было хороша организована. Обстоятельно доказано, что редактором летописи выступил митрополит Даниил [6, с. 92—99]. Не менее точно общественно-политические взгляды её составителей. Среди тенденций названы: защита интересов митрополичьей кафедры; взаимоотношения светской и духовной властей; борьба с ересью и «дело» Максима Грека; русско-литовские отношения; интерес к истории Рязанского княжества [6, с. 100—107].

Таким образом, весьма точная атрибуция летописи позволяет сосредоточить внимание исследователей на отдельных сюжетах, связанных с ней. Среди жанрового разнообразия произведений особое место занимают чудеса. Установление источников, функций и значений чудес позволит лучше понять идеологические установки составителей летописи, выявить практики осмысления и оценки ими исторических событий.

Московские летописи XV—XVI вв. последовательно фиксировали посмертные чудеса митрополита Петра. Святитель — один из главных персонажей Никоновской летописи. Её составители и Даниил последовательно усиливали роль Петра в событиях прошлого, видя в удачах Москвы его чудотворное вмешательство. Поэтому для летописи характерно не только внимание к вопросу о поставлении мо-

сковских митрополитов, поднятому в связи с делом Максима Грека, но и прославление Петра как главного русского святого—чудотворца. Это в первую очередь доказывает частота упоминания митрополита: около 50 раз в оригинальном тексте свода (до 1520 г.). Половину всех упоминаний составляют сообщения о посмертных чудесах святителя, молитвенные обращения к нему с просьбой о помощи или благодарности, сведения об обретении и перенесении мощей.

Труден вопрос об источниках чудес митрополита Петра. Вряд ли его Житие можно считать основным источником для летописи на этот счёт. Сюжеты в обеих редакциях жития (1348 и 1381 г.) не содержат деталей и подробностей, им не свойственна летописная документальность. Автор беспрестанно писал о множестве чудес, перечислял их, но ни на одном подробно не остановился [5, с. 15—47]. Все чудеса, произошедшие у гроба святого Петра, зафиксировало митрополичье летописание XV — начала XVI вв. [12]. В этом отношении текст Никоновской летописи следует за Симеоновской, значительно дополняя и корректируя её. Описания чудес второй половины XV в. полностью соответствуют предшествующему источнику, вышедшему также из митрополичьеи среды — летописи Иоасафовской.

Для Никоновской летописи характерна литературная переработка источников. Например, описывая чудо 1348 г., Симеоновская летопись сообщает о «некой девице с прикорченной рукой», получившей исцеление у гроба митрополита [9, с. 96]. О том же чуде Никоновская повествует, что девица пребывала в «великой болезни» [7, с. 219], поэтому подразумевается большая чудотворная сила останков святителя. Кроме того, в Никоновском своде, в отличие от предшествующих, присутствует устойчивое словосочетание «святой чудотворец Пётр, митрополит Киевский и всяя Руси». В Симеоновской Пётр упоминается только как святой (в сообщениях до начала XV в.) и лишь в последующих статьях к его имени добавляется чин «чудотворца». Вероятнее всего это связано с тем, что культ митрополита получил значительное развитие на рубеже XIV—XV вв. благодаря усилиям митрополита Киприана. Для составителей Никоновской летописи, создававшейся в условиях борьбы с нестяжателями, важно было изобразить митрополита не только как символ преемственности Московской кафедры от Киевской, но и акцентировать внимание на его легитимности как чудотворца.

Переработка предшествующих чудес в Никоновской летописи могла быть и более существенной. Доказательство тому — чудесное исцеление золотоордынской ханши Тайдулы. Ранее это чудо приписывалось митрополиту Алексею, в летописи же упоминается Пётр: «И божию милостию... и великого чюдотворца Петра царицу Таидалу исцели» [7, с. 229].

Если исцеления от гроба митрополита встречаются и в более ранних летописях, то воинские чудеса, приписываемые святителю, оригинальны. Защита Алексина (1348), война с Мамаем (1380), спасение от Тамерлана (1395), Едигея (1409) и Мазовши (1451), покорение Новгорода (1470-е гг.) — все эти события трактуются как чудеса святого Петра. «Сказание о Мамаевом побоище» в Никоновской летописи представлено в Киприановской редакции. Достоверно установлено, что новый вариант «Сказания» создал митрополит Даниил [6, с. 132—133] в 1523—1526 гг. Исследователями отмечен ряд особенностей текста Киприана. Так, обращает на себя внимание ярко выраженный церковно-религиозный характер изложения: большая роль митрополита, покровительство Петра, перечисление святых в заглавии [4]. Установлено, что Даниил при создании варианта «Сказания» опирался на основную редакцию, которую подверг сильной переработке. Кроме того, автор Киприановской редакции использовал пространную летописную повесть о событиях 1380 г., которую также видоизменил в соответствии со своими потребностями [3, с. 336]. Наконец, Даниил включил в текст новые сведения: рассказ о поставлении Киприана, участие в Куликовской битве И.В. Холмского, имя противника Пересвета Темир-мурзы [3, с. 336; 404—406].

Важная особенность Киприановской редакции — то, что уже в заголовке подчеркнута связь победы над татарами с чудесной помощью святых: «Повесть полезна бывшего чудеси, егда помощью Бодиею и пречистыя Его Матери Богородицы, и угодника Ихъ свягата чудотворца Петра митрополита всяя Руси, и преподобнаго игумена Сергия чудотворца, и всехъ святыхъ молитвами князь велики Дмитрий Ивановичъ... прогна Волжскиа орды гордаго князя Мамаея» [8, с. 48]. В заглавии Основной редакции сказания также подчеркнута божественная помощь великому князю, но ни Петр, ни Сергей не упоминаются [13, с. 25]. То же наблюдаем в Летописной редакции, содержащейся в Вологодско-Пермской летописи [10, с. 125].

Во всех рассматриваемых вариантах Сказания (Пространная летописная повесть, Основная редакция, Летописная редакция по Вологодско-Пермской летописи и Киприановская редакция по Никоновской) чудо победы над Мамаем сводится непосредственно к вмешательству небесного воинства в бой на Куликовом поле. Чтобы выделить особенности этого чуда в Никоновской летописи, важно сопоставить его описание с другими редакциями.

В наиболее раннем варианте, Пространной летописной повести, чудо сводится к следующему: «Видиша бо вернии, яко в 9 часъ бьющися ангели помагаютъ крестьяном и святыхъ мученикъ полкъ, воина Георгия и славнаго Дмитрия и великихъ князей тезоименитыхъ Бориса и Глеба, в нихъ же бе воевода свершеннаго полка небесныхъ

вой архистратиг Михаил» [11, с. 21]. Из чего можно предположить, что чудесная победа приписывается русским святым Борису и Глебу. Это вполне соответствует традиции воинских чудес, которые часто встречаются в летописях, вышедших из среды удельных и великих князей.

В Основной редакции роль Бориса и Глеба в исходе войны с Мамаем уточняется и расширяется. Сообщается, что накануне битвы некому Фоме Кащибею явилось видение: «От полуденныя же страны приидоша два юноши, имуща на себе светлыи багряница, лица их сияюща, аки солнце, въ обоихъ руках у них острые мечи, и рекуще пльковником: «Кто вы повеле тробити отечесътво наше, его же намъ господь дарова?». И начаша их сеци и всех изсекоша, ни единъ от них не избысть» [13, с. 41]. После рассказа Фомы князь обратился с молитвой к святым [13, с. 41]. Далее дважды подчёркивается, что с их помощью одержана победа [13, с. 45].

В Пространной летописной повести важное место, помимо Бориса и Глеба, отведено Сергию Радонежскому. Его роль в источниках Куликовского цикла попытался оценить И.Н. Данилевский. Он исходит из того, что сведения о Сергии в сказаниях и повестях о Куликовской битве на протяжении XV в. менялись. Если первоначально в Пространной летописной повести присутствовало только сообщение о грамоте Сергия с благословением, то в последующих редакциях «Сказания» появился развёрнутый рассказ о визите Дмитрия Ивановича в Троицкий монастырь. Дополнение сведений о роли Сергия Радонежского в победе над Мамаем Данилевский связал со стремлением церкви в 1470—1480-е гг. к более твёрдому отстаиванию своих позиций из-за конфликта Ивана III с митрополитом Геронтием, в частности подчёркиванию роли в борьбе с Ордой [2, с. 480—482]. Несмотря на это, основания для предписания чуда победы над Мамаем Сергию ни в Пространной летописной повести, ни в Основной редакции не встречается.

В Основной редакции появляется упоминание чудотворца Петра. Причины этого также можно усмотреть в веяниях 1470—1480-х гг. Так, в «Сказании» изображена сцена истовой молитвы Дмитрия Ивановича перед началом войны у гроба митрополита, который назван «стражем крепким от супротивных нападений» [13, с. 32]. Далее, непосредственно перед битвой, князь обращается с молитвой к чудотворцу, «надеясь на его милость» [13, с. 39]. Наконец, после битвы Дмитрий Донской говорит, что «враги наши побеждены» «пособием и молитвами» Бориса и Глеба, Петра, Сергия и всех святых [13, с. 46]. На первое место в этом варианте Сказания поставлены именно Борис и Глеб, что подчёркивает их первостепенную роль в чуде.

Редакция «Сказания» в Вологодско-Пермской летописи конца XV — начала XVI в. в объяснении чуда 1380 г. в точности следует Основной редакции. Победа объясняется помощью Бориса и Глеба. В перечислении святых в благодарственной молитве после Куликовской битвы, Борис и Глеб также предшествуют Петру и Сергию Радонежскому [10, с. 142—143].

Совершенно иначе победы над Мамаем объясняется в Киприановской редакции. Как уже отмечено, в заголовке события названы чудом Петра, Сергия и всех святых. Но центральное место отводится именно чудотворцу Петру. Об этом косвенно свидетельствует частота его упоминания: на протяжении всего текста — 15 раз, тогда как Сергей Радонежский — 9, а Борис и Глеб — дважды.

Как и в предыдущих редакциях, в Никоновской Дмитрий Иванович обращается с молитвой к Петру перед началом войны и в заключительной благодарственной молитве. При этом порядок чествования изменён: на первом месте «великий чудотворец Пётр», далее «чудотворец Сергей» (в предыдущие редакции о «чудотворности» Сергия не говорится), наконец Борис и Глеб и все святые. Содержание самого чуда осталось прежним: «Яко невидимою Божию помощию побежени быша Измалитяне и на насъ милость Божию возсия» [8, с. 53, 62—63]. Для дополнительного акцента на роли чудотворца Петра автор Киприановской редакции добавил несколько не встречавшихся ранее молитвенных обращений к митрополиту: князь «возложил печаль свою на святого чудотворца Петра и всех святых» перед тем как узнал о готовящемся нашествии Мамаея [8, с. 51], перед переправой через Дон помолился «великому чудотворцу Петру и всем святым» [8, с. 56]. Митрополит Даниил в изложении «Сказания» дополнил и видение Фомы Кащибея. Так, некие Василий Капица и Семён Антонов видели накануне битвы, как митрополит Пётр своим жезлом отгоняет «множество ефиопъ» [8, с. 58]. При этом видение описано подробнее, чем видение Кащибея с Борисом и Глебом.

Из всего этого можно заключить, что в интерпретации составителей Никоновской летописи победа над Мамаем — чудо, в первую очередь, митрополита Петра. Вероятно, причины подобной трансформации связаны с личностями составителей [1, с. 322—323]. Если в ранних вариантах описания событий войны с Мамаем главную роль играют Борис и Глеб, то закономерно предположить, что это так или иначе связано с великокняжеской средой: данные святые — покровители князей-воинов. Введение в повествование Петра и Сергия обусловлено церковными интересами. Сергей — участник событий, поэтому его роль в победе оценивается мирским подвигом. Несмотря на это, авторы летописи называют его чудотворцем.

Но само чудо всё-таки приписывается Петру. Даниил мог тем самым преследовать сразу несколько целей: усилить роль церкви в победе, прославить Москву, укрепить общерусское почитание Петра. Посредством летописи Даниилу важно было доказать оппонентам-нестяжателям, что Пётр — великий чудотворец и его вмешательство в исход важнейшей войны Московского княжества не подлежит сомнению.

Список литературы

1. *Азбелев С.Н.* Об уникальных известиях Никоновской летописи // Академик А.А. Шахматов: жизнь, творчество, научное наследие. Сб. ст. к 150-летию со дня рождения учёного. СПб.: Нестор-История, 2015. С. 317—327.
2. *Данилевский И.Н.* Казус Сергия Радонежского // Историческая текстология: учеб. пособие. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2018. 556 с.
3. *Дмитриев Л.А.* Литературная история памятников Куликовского цикла // Сказания и повести о Куликовской битве. Л.: Издательство «Наука», 1982. С. 306—359.
4. *Дмитриев Л.А.* Сказание о Мамаевом побоище // Словарь книжников и книжности Древней Руси. URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4615> (дата обращения: 13.09.2020).
5. *Клосс Б.М.* Избранные труды. Т. II. Очерки по истории русской агиографии XIV—XVI вв. М.: ЯСК, 2001. 488 с.
6. *Клосс Б.М.* Никоновский свод и русские летописи XVI—XVII вв. М.: Квадрига, 2018. 366 с.
7. Полное собрание русских летописей. Т. 10. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. СПб.: Типография Министерства внутренних дел, 1885. 248 с.
8. Полное собрание русских летописей. Т. 11. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. СПб.: Типография И.Н. Скороходова, 1897. 258 с.
9. Полное собрание русских летописей. Т. 18. Симеоновская летопись. СПб.: Типография М.А. Александровна, 1913. 320 с.
10. Полное собрание русских летописей. Т. 26. Вологодско-Пермская летопись. М., Л.: Издательство АН СССР, 1959. 412 с.
11. Пространная летописная повесть // Сказания и повести о Куликовской битве. Л.: Издательство «Наука», 1982. С. 16—24.
12. *Прохоров Г.М.* Житие митрополита Петра // Словарь книжников и книжности Древней Руси. URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=3915> (дата обращения: 13.09.2020).
13. Сказание о Мамаевом побоище. Основная редакция // Сказания и повести о Куликовской битве. Л.: Издательство «Наука», 1982. С. 25—48.

Кульτ трёх московских святителей Петра, Алексия и Ионы в XVI—XVII вв.

Аннотация. Русская культура XVI—XVII вв. характеризуется «подъёмом религиозности», который привел к установлению и официальному оформлению множества культов святых. Одним из вновь возникших почитаний был культ трех московских митрополитов Петра, Алексия и Ионы. Укрепление Москвы как религиозного и политического центра привело к увеличению значимости столичных святых. Традиционно трех митрополитов почитали в качестве покровителей только одной территории — города Москвы. Однако к XVII в. эти чудотворцы стали считаться святыми патронами всей православной Руси. Почитание Петра, Алексия и Ионы использовалось в качестве политического инструмента, призванного провозглашать независимость и праведность московской митрополии / патриархата. В данном исследовании будет описан процесс складывания и развития культа трех московских святителей.

Ключевые слова: история религиозных культов, история России XVII в., Успенский собор Москвы, святители Петр, Алексей и Иона.

THE CULT OF THE SAINTLY METROPOLITANS OF MOSCOW PETER, ALEKSEI AND IONA IN THE 16TH—17TH CENTURIES

Abstract. The 16th—17th centuries were marked by a significant increase in piousness which resulted in the establishment of multiple saints' cults. One of the newly emerged worships was the cult of the three Moscow hierarchs: Peter, Aleksei and Iona. The strengthening of Moscow as a religious and political center during this epoch has led to an augmentation of the significance of Moscow metropolitans. Traditionally they were revered as patrons of only one territory — the city of Moscow. However, by the 17th century these wonderworkers became protectors of the whole Orthodox Russia. For both the high clergy and secular authorities the veneration of Peter, Aleksei and Iona was important as a political statement declaring the primordial holiness and historical continuity of the Moscow Metropole / Patriarchate. Genesis and development of this veneration will be described in this study.

Keywords: history of religious cults, history of Russia in the 17th century, Cathedral of the Dormition in Moscow, Saint metropolitans Peter, Aleksei and Iona.

* Людмила Артемовна Ерамова — бакалавр по направлению подготовки «История», стажёр-исследователь в Центре истории России Нового времени Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва, Россия), e-mail: laeramova@edu.hse.ru

Liudmila A. Eramova — Bachelor Degree in History, Intern Researcher at Center for Imperial Russian History, National Research University “Higher School of Economics” (Moscow, Russia).

Складывание единого культа

Почитание трёх московских святителей совместно началось вскоре после смерти митрополита Ионы (1461) — с 1470-х гг. К этому периоду относятся и первые совместные упоминания Петра, Алексия и Ионы в источниках. Добавление в ряд московским митрополитам Петру и Алексию первого автокефального митрополита Ионы привнесло в культ новый, общерусский смысл. В последующие десятилетия их имена начали появляться в делопроизводственной документации: купчих, разъезжих, жалованных и вкладных грамотах [1, с. 55—57, 68—75, 82, 84, 91, 102—104, 112—114, 128, 143, 167, 168, 193, 197, 209, 217, 254, 268, 270]. Обращение к московским чудотворцам активно использовалось на протяжении всей первой половины правления Ивана IV. Так, в рассказе от 1547 г. великий князь перед боярами и митрополитом Макарием объявил, что намеревается жениться и что в своём помысле надеется на помощь Богородицы, «великих чудотворцев Петра и Алексиа, Ионы» [13, с. 450] и др. святых. В послании 1552 г. митрополит Макарий перечислил заступников, молитвы которых должны помочь царю в походе на Казань. В этом небесном воинстве присутствуют Пётр, Алексий и Иона. Большое количество указаний на московских святителей приходится на 1563—1564 гг. — период Ливонской войны. Архиепископ Новгородский Пимен рассчитывал на небесное заступничество для него Христа, Богородицы и «преосвященных митрополитов Петра, Алексея и Ионы» [13, с. 352].

Впервые отождествление митрополичьего престола с тремя святителями встречается в грамоте о белом клобуке 1564 г. Макарий использовал исторический пример чудотворцев московских для аргументации ношения белых, а не черных кукол. Он постановил, чтобы «впред кому Бог благоволит и пречистаа Богородица и Русстии митрополити Пётр и Алексий и Иона чудотворцы на великой степени Русския митрополия быти» [13, с. 379], тем носить белый клобук с херувимом. В летописной записи того же года преставление митрополита Макария описывается следующим образом: «Церковь Божиа вдовствует и престол великиа Россия преосвященных прежних митрополитов чудотворцов Петра и Алексиа и Ионы без пастыря» [13, с. 378]. Получается, к этому моменту московские святители стали олицетворять всю русскую церковь. Эта концепция транслируется в житии Федора Иоанновича при описании венчания на царство в Успенском соборе, содержащим «престол великих чудотворцов Петра и Алексея и Ионы» [14, с. 2].

Установление официального почитания

Официальное оформление культа трёх московских святителей инициировало высшим духовенством. «Предпринимаемое умножение святых ставилось в прямую связь с возможностью учреждения патриаршества» [9, с. 2], что привело к следующему этапу в прославлении митрополитов. В 1588—1589 гг. «неизречённою лепотою украшену» [14, с. 5] русскую церковь, хранившую великие святых — а именно «многочюдесныя и целебоносныя мощи великих чудотворцов Русских митрополитов Петра и Алексея и Ионы», продемонстрировали вселенскому патриарху Иеремии. После этого он предоставил разрешение на поставление Иова в «Доме Пречистые Богородицы честнаго и славнаго ея Успения и на престоле великих чудотворцев киевских и московских и всеа Русии Петра, и Алексея, и Ионы» [16, с. 92—93].

В 1595 г. произошло установление общего праздника «трёх святителей московских» и написание соответствующих текстов. Самый ранний памятник — «Служба святым трем святителем Петру и Алексею и Ионе» — был обнаружен П.М. Строевым в сборнике XVII в. из библиотеки костромского Богоявленского монастыря [20, с. 426]. Упоминание службы завершает известие об учреждении дня памяти по повелению Федора Иоанновича и по благословению патриарха Иова «в лето 7104 месяца октября в 5 день» [20, с. 426]. В этом же рассказе сообщается, что 13 сентября 1595 г. освящена первая церковь во имя «митрополитов киевских и всеа Русии чудотворец Петра и Алексея и Ионы... в патриарше селе в Никольском, зовомое Селятино» [20, с. 426—427]. Получается, что престол столичным святителям был устроен ещё до создания их торжества.

Другой текст содержит «Книга глаголемая прелог», хранящаяся в рукописном отделе центральной библиотеки Украины. Пролог — сборник житий и святоотеческих поучений — написал «дьячек Польского монастыря Никифорко Алексиев» [12, с. 39] около 1700 г. На первом листе рукописи обнаруживается «Сказание о оставлении общаго торжества» святителям. Из него следует, что решение о введении прославления принадлежит царю Федору Ивановичу, который «восхоте совокупити и уставити... якоже и вселенским великим святителям Василию Великому, Григорию Богослову и Иоанну Златоусту» [Цит. по: 10, с. 26]. Тем не менее и в «Сказании», и в «Службе» говорится о том, что патриарх «совет полагает с сыном своим, дабы во имя сих великих святителей росийских воздвигнути храмы» [10, с. 26].

В Пролог также входит «Сказание о чудесех святых чудотворцев Петра и Алексия и Ионы московских, како избави Господь Бог молитвами их царствующий град Москву от нашествия иноплемнных» [12, с. 39].

Оно повествует о спасении столицы от крымского хана Магмет-Гирея в 1521 г., хотя московские чудотворцы также помогли отразить нашествие врагов в 1591 г. [14, с. 14], что по времени гораздо ближе к моменту установления праздника. Вероятно, выбор события, к которому в данном случае апеллирует автор, обусловливался имевшимся в его распоряжении источником — Степенной книгой или Никоновской летописью.

Закономерно предположить, что главным вдохновителем и устроителем культа был всё-таки патриарх Иов (1589—1605), который, вероятно, имел отношение к созданию и «Сказания», и «Службы». Культ Петра, Алексия и Ионы призывался показать крепость Русской церкви: наличие великих святых свидетельствовало в пользу её высокого, не уступающего другим центрам православия статуса. Власть в лице патриарха Иова неслучайно предпочла почитание трёх святителей другим возможным вариантам: связанность фигур митрополитов с московским Кремлём, где располагалась резиденция патриарха, создавало впечатление вековой преемственности святости.

Известно, что в начале XVII в. составлением канона трём святым занимался будущий Лжедмитрий I — Г. Отрепьев [8, с. 49], одно время выполнявший секретарские обязанности при патриархе Иове. Его высокий уровень образования отмечается во многих источниках: Григорий был «зело в грамоте горазд» [15, с. 149], «в юношестве прилежно учился, особенно истории, был искусен в музыке и несколько времени служил с пользою патриарху» [17, с. 351]. Так, Иов взял Отрепьева «к себе первопрестольной апостольское церкви» [5, с. 255], повелев «книги чести, и святых отец жития составлять» [15, с. 205]. Согласно челобитной чернеца Варлаама (1606), Григорий жил в Чудовом монастыре «у архимарита Пафнотия в келии, да сложил похвалу Московским чудотворцом Петру и Алексею и Ионы» [2, с. 142]. В Тихомировском собрании Сибирского отделения РАН имеется рукопись № 87 «Жития и слова». Помимо различных апокрифических произведений этот сборник XVI—XVII вв. содержит набор памятников, связанных с именами Петра, Алексия и Ионы. В частности, на обороте л. 452 присутствуют записи скорописью XVII в. «Божиею милостию царь государь и великий князь Дмитрей Иванович всеа Русии» [22, с. 43] и «Отрок Юрья Отрепьев руку» [4, с. 50].

По-видимому, блок текстов о московских митрополитах следует воспринимать как предварительное коллекционирование «материала для создания канона трём святым» [4, с. 53]. В Новом Летописце отсутствует указание на интерес Отрепьева конкретно к трём святым; там лишь сообщается, что Григорий «живяше у патриарха и начат сотворяти каноны святым» [14, с. 59]. В хронографе XVIII в. из коллекции Н.П. Лихачёва представлена ещё одна версия: «Живучи... у архимандрита Пафнотья в келье, да слог сложил московскому чудотвор-

цу Алексею» [Цит. по: 9, прим. 24]. Митрополит Макарий (Булгаков) полагал, что канон московских чудотворцам Отрепьев написал по заказу патриарха Иова [11, с. 593, прим. 172]. Подобное поручение представляется логичным, т.к. именно он в то время был книгохранителем Чудова монастыря [21, с. 13]. Вероятно, что Иов ещё до перевода Григория в святительский дом [5, с. 255] повелел тому написать похвалу святителям. Сам этот факт не отрицался исследователями, споры касались только выяснения жанровой принадлежности произведения.

В первой половине XVII в. «канон с кондаки и с икосы похвален трём святителем московским Петру и Алексею и Ионе» [20, с. 298] написал князь С.И. Шаховской. Это «Слово похвальное на общий праздник иже во святых отец наших триех иерарх Петра и Алексея и Ионы, киевских и московских и всяя Руси чудотворцев» [20, с. 298] входит в составленный самим Шаховским в 1652 г. сборник, куда также включены сочинения на исторические темы, молитвы, послания разнообразного содержания [3, с. 279].

К культу трёх митрополитов обращались в критические для русской государственности моменты: они упоминались в подавляющем большинстве исходящих из центра грамот периода Смуты. В мае 1605 г. вышла окружная грамота патриарха Иова к воеводам сибирских городов о преставлении Бориса Годунова и о благословении в восшествии на престол его сына Фёдора. Патриарх апеллировал к авторитету святителей, утверждая, что «милость Божия и пречистые Богородицы, и великих чудотворцов Петра и Алексея и Ионы молитва... будет со всеми вами» [18, с. 190]. Аналогичная формула встречается и в соборном послании российских владык князю Острожскому, в котором рассказывается о низложении самозванца Лжедмитрия и о восшествии на престол царя Василия. Авторы заверяют, что «милость Божия, и пречистые Богородицы, и великих чудотворцов [Петра, Алексия и Ионы] молитва... будет с тобою во веки» [5, с. 262].

Судя по всему, перечисление имён Петра, Алексия и Ионы было стандартным в делопроизводственных материалах конца XVI — начала XVII вв. Эта формула обычно встречается в документах, связанных с патриаршей кафедрой или её учреждением, как, например, в докладе об избрании патриарха Иова [5, с. 95]. Она упоминалась в чине венчания на царство Фёдора Ивановича. Ритуал проводился «в св[ятейш]еи соборней церкви Успения пр[е]ч[ис]тые Б[огородиц] а, оу чудотворных гробов великих чудотворцев Петра и Алексея, Ионы, Митрополитов всеи Роусии» [5, с. 80]. Таким образом, культ трёх святителей стал частью официального самоопределения Русской Православной Церкви.

Источники первой четверти XVII в. часто фиксируют обращение к Петру, Алексею и Ионе [5, с. 430; 6, с. 219; 19, с. 271, 292]. Однако с

середины столетия к трем святителям добавляется четвёртый — Филипп. Изменение ряда главнейших заступников Отечества произошло благодаря усилиям патриарха Никона по канонизации и прославлению митрополита Филиппа (Кольчова). Так, благодарность за победу над польскими войсками в 1654 г. объявляется «милостию Божию, и пресвятыя владычицы наша Богородицы заступлением, и великих Святителей Петра и Алексея и Ионы и Филиппа» [7, с. 522—523].

Култ Петра, Алексия и Ионы — частный случай религиозно-культурных традиций России XVI—XVII в. В начале XVI в. святители воспринимались преимущественно в качестве патронов Москвы, однако вследствие усиления роли столицы как религиозного и политического центра начали декларироваться в качестве верховных покровителей государства и всех православных. Так, после успешного отражения атаки крымских татар в 1591 г. царь Фёдор Иванович святителей за то, что «ныне царствующий град наш сохранен цел и невредим бысть» [14, с. 14]. К XVII в. московские святые — это подвижники, чья прижизненная деятельность связана с городом, но чьё посмертное заступничество распространялось на всех жителей страны. Прославление святителей стало возможным в результате совпадения комплекса условий, главным образом образом включавшего физическую и духовную связь самих святых с московским Кремлём и патриаршим двором в частности. Таким образом, культ трёх московских святителей был одним из способов (само)репрезентации Русской Православной Церкви в XVI—XVII вв.

Список литературы

1. Акты феодального землевладения и хозяйства XIV—XVI веков / Подгот. к печати Л.В. Черепнин. В 3 т. Ч. 1. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1951. 400 с.
2. Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской Империи Археографической экспедицией Императорской академии наук / доп. и изд. Высочайше учрежденною комиссиею. Т. 2.: 1598—1613. СПб.: в Тип. 2 отд-ния Собственной Е. И. В. канцелярии, 1836. 394 с.
3. Буланин Д.М. Шаховской Семён Иванович // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 4: Т—Я. Дополнения. СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. С. 275—286.
4. Гайская Т.Н. «Отрок Юрья Отрепьев руку...?»: рукопись № 87 Тихомировского собрания Сибирского отделения РАН // Книга и литература: сб. науч. ст. Новосибирск, 1997. С. 47—62.
5. Дополнения к актам историческим, собранные и изданные археографической комиссией : [В 12-ти т. с указ.]. / [Сост. Я. Бердников и М. Коркунов], СПб.: Тип. Эдуарда Праца. Т. 1.: [X в. — 1611]. 1846. 445 с.
6. Дополнения к актам историческим, собранные и изданные археографической комиссией : [В 12-ти т. с указ.]. Т. 2. : [1613—1645] / [Под. ред. Я. Бердникова и М. Коркунова]. СПб.: Тип. Эдуарда Праца, 1846. 307 с.

7. Дополнения к актам историческим, собранные и изданные археографической комиссией [В 12-ти т. с указ.] / [Сост. Я. Бередииков, М. Коркунов]. СПб.: Тип. Эдуарда Праца. Т. 3.: [1645—1654]. 1848. 575 с.
8. *Крицков Д. Ю., Морохин А. В.* К обсуждению вопроса о том, был ли Григорий Отрепьев автором похвалы трём святителям? // Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.). К 80-летию члена-корреспондента РАН В.И. Буганова: сб. ст. / Отв. ред. Н.М. Рогожин. М.: Российская политическая энциклопедия, 2012. С.46—50.
9. *Кулакова И. П.* К истории Московского Кремля как религиозного центра конца XVI — начала XVII века // Кремли России: сб. ст. М.: Государственный историко-культурный музей-заповедник «Московский Кремль», 2003. 12 с.
10. *Кулакова И. П.* Пётр, Алексей, Иона — святители Московские (Из истории церковно-политической мысли конца XVI — начала XVII в.) // Европейский альманах. 1999. История. Традиции. Культура. М.: Наука, 2000. С. 19—33.
11. *Макарий (Булгаков М. П.).* История русской церкви / Макарий (Булгаков), митрополит Московский и Коломенский. Т. 9. История Западнорусской, или Литовской, митрополии (1458—1596). М.: Изд-во Спасо-Преображен. Валаам. монастыря, 1996. 509 с.
12. *Петров Н. И.* Описание рукописных собраний, находящихся в городе Киеве. Вып. 1: Собрание рукописей Московского митрополита Макария (Булгакова), Мелецкого монастыря на Волыни, Киево-Братского монастыря и Киевской духовной Семинарии. М.: Унив. тип., 1891 (обл. 1892). VIII, 321 с.
13. Полное собрание русских летописей. Т. 13. 2-я половина. I. Дополнения к Никоновской летописи. II. Так называемая царственная книга / Под ред. С.Ф. Платонова. СПб.: Типография И.Н. Скороходова, 1906. С. 303—532.
14. Полное собрание русских летописей. Т. 14. 1-я половина. I. Повесть о честном житии царя и великого князя Феодора Ивановича всея Руси. II. Новый летописец / Под ред. С.Ф. Платонова, П.Г. Васенко. СПб.: Типография М.А. Александрова, 1910. 154 с.
15. Полное собрание русских летописей. Т. 31. Летописцы последней четверти XVII в. М.: Наука, 1968. 264 с.
16. Посольская книга по связям России с Грецией (православные иерархам и монастырям), 1588—1549 / Подгот. текста М.П. Лукичёва, Н.М. Рогожина. М.: Институт истории СССР, 1988. 194 с.
17. Сказания современников о Димитрии Самозванце / С предисл. Н. Устрялова. СПб.: в Тип. Императорской акад. наук, 1859. 373 с.
18. Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел. 5 т. / Предисл. А.Ф. Малиновского. М.: Тип. Всеволожского. Ч. 2: служащая дополнением к первой, 1819. 612 с.
19. Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел. 5 т. / Предисл. А.Ф. Малиновского. М.: Тип. Всеволожского. Ч. 3: Грамоты в государственование царя Михаила Феодоровича (1613—1644), 1822. 540 с.
20. *Строев П. М.* Библиографический словарь и черновые к нему материалы / Под ред. А.Ф. Бычкова. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1882. 532 с.
21. *Тихомиров М. Н.* Записи XIV—XVII веков на рукописях Чудова монастыря // Археографический ежегодник за 1958 год. М., 1960. С. 11—36.
22. *Тихомиров М. Н.* Описание Тихомировского собрания рукописей. М.: Наука, 1968. 196 с.

О происхождении одного назидательного сюжетца волоколамской книжности XVI в. (к вопросу о возможном источнике)

Аннотация. В статье рассматривается возможный литературный источник назидательного рассказа, происходящего из Иосифо-Волоколамского монастыря. Сравнительный анализ позволяет прийти к выводу, что автор-иосифлянин использовал славянский перевод поздневизантийской повести, сохранив основные моменты повествования, но полностью изменив его смысл.

Ключевые слова: древнерусская литература, славянская переводная литература, Волоколамский патерик.

ON THE ORIGIN OF ONE EDIFYING PLOT IN VOLOKOLAMSK MONASTIC LITERATURE OF 16th CENTURY (ON THE MATTER OF THE HIPOTETICAL SOURCE)

Abstract. The article examines a possible literary source of the edifying story from the Joseph-Volokolamsk monastery. Comparative analysis allows us to conclude that the Josephite author used the Slavic translation of the late Byzantine story by retaining the main points of the narrative, but completely changing its meaning.

Keywords: Old Russian literature, Slavic translated literature, Volokolamsk Paterson.

Сборник середины XVI в., принадлежавший постриженнику Иосифо-Волоцкого монастыря Вассиану Кошке, содержит рассказ с оригинальным сюжетом о наказании, постигшем свыше некоего мирянина за нечестивое поведение. Характер рассказа выдержан в русле иосифлянкой назидательной литературы, его с полной уверенностью можно отнести к разряду патериковых. Правда, в состав единственного дошедшего до наших дней списка Волоколамского патерика он не включен. Вполне возможно, Досифей Топорков, собиравший и записывавший во второй половине 1510-х — 1520-х гг. повести для Волоколамского патерика, которые затем, в начале 1530-х гг., были сведены в единый текст [4, с. 67—68], по каким-то причинам не включил этот, как и некоторые другие рассказы такого рода в окончательную редакцию своего труда. Тем не менее, при пу-

* Александр Александрович Казаков — кандидат исторических наук, независимый исследователь (Москва, Россия). e-mail: astrubal@yandex.ru
Alexander A. Kazakov — Candidate of Historical Sciences, Independent Researcher (Moscow, Russia).

бликации патерика исследуемый рассказ издан в качестве дополнения к «каноническому» тексту.

Содержание сюжетца следующее. Накануне Великого четверга некие поселяне, следуя благочестивому обычаю, собрались в церкви для исповеди «и поновивъ священникъ покаанием всѣхъ». Однако ночью один из исповедников, будучи «побѣжень похотию, прииде на жену свою, еже совокупитися с нею». Жена стала увещевать его, убеждая в необходимости блюсти чистоту перед принятием причастия на литургии в Великий четверг: «И много наказавъ его и не повинуюся ему». Устыдившись увещеваний, не угасивших, впрочем, его нескромных желаний, несчастный супруг отправился «в коньское стоялище, и нача совершати грѣхъ над скотиною»; во время блудодеяния он и скончался. Нашли его только на следующий день, «и вси убояшася страхомъ велиим зело» [1, с. 102]. Как видим, пафос рассказа направлен на необходимость блюсти телесную чистоту перед тем, как приступить к Евхаристии. Отступивших же от этого правила, по мысли автора, ждёт неминуемая кара, в данном случае — внезапная и постыдная кончина.

Насколько известно, вопрос об источниках этого рассказа не ставился, хотя литературные параллели к некоторым патериковым повестям, происходившим из иосифлянкой среды, определены довольно убедительно [3, с. 58—69; 5]. Сюжетец можно было бы всецело приписать фантазии автора, который избегает конкретики, в частности, не называет имени информатора («Повѣда нам нѣкий отецъ»), что, вообще говоря, не совсем типично для иосифлянских патериковых повестей, которые почти всегда содержат указание на авторитетный источник («Повѣда нам отецъ Паисѣя Ярославовъ», «Повѣда нам священноинок Иона, духовникъ пресвященнаго епископа Тверьскаго Акакия», «Повѣда нам отецъ Иосифъ» [1, с. 102—105]). Однако есть основания предполагать, что автор опирался на вполне определённое литературное произведение.

Таким источником могла быть позневизантийская повесть о молодом священнике и его излишне упорствующей в добродетели супруге [2, с. 38—39], известная в славянском переводе. Старший её список — болгарского происхождения, второй четверти XIV в.; впоследствии, очевидно в результате «второго южнославянского влияния», этот перевод попал на Русь. Самый ранний из списков датируется 1480—1490-ми гг. [6, с. 53—54]. Сюжет повести таков. Некий молодой сельский священник в Великую субботу, совершив приготовления к празднованию Пасхи, возгорелся страстью, «всъхоте смеситися с женою своею». Получив отказ, «пришед, и бысть со скотиною». На следующий день, во время пасхальной литургии, за Евхаристией, к церковным дверям слетелся «облак птиц различ-

ных, ядуших кровий». Священник, резонно связав появление хищных птиц с собственным грехопадением, публично покаялся в нём перед прихожанами и первым вышел из храма наружу. Однако птицы его не тронули. «И так вси людие начаша исходити», но никому пернатые хищники не причинили никакого вреда. Последней вышла жена священника, тут-то птицы «всъхытиша еа. И подробно расторгнувшe плоть ея с костми, и в устех своих взявшe, отлетаху» [6, с. 57—58].

Различия между переводным, восходящим к византийской повести, и волоколамским повествованиями очевидны. В первом случае жена священника «погибает из-за гордыни, потому что, видя покаяние мужа, не осознала своего собственного греха и не раскаялась в нём» [6, с. 55], во втором поведение супруги поселянина преподносится как единственно возможное с точки зрения благочестия. Впрочем, сюжетты сближает значительное число маркеров, которые позволяют предположить, что волоколамский рассказ так или иначе имеет в основе переводную повесть. Во-первых, описываемые в обоих произведениях события происходят накануне главного христианского праздника — Пасхи, что, по всей вероятности, призвано подчеркнуть глубину падения как священника, так и поселянина. Во-вторых, общими являются момент, связанный с соблюдением супружеского воздержания, и блуд со скотом — в исходном византийском варианте — с ослом [2, с. 38], в славянском переводе — с неназванной скотиною [6, с. 57], в волоколамском рассказе — с конём [2, с. 102]. В-третьих, переводная повесть «теснейшим образом связана с патериковой традицией» [6, с. 54] — то же можно сказать и о волоколамском рассказе. Не стоит забывать, что Топорков, изпод пера которого, вероятно, вышел этот рассказ, находился «под сильнейшим влиянием переводных патериков» [3, с. 49] и, кроме прочего, был составителем особой редакции Синайского патерика, над которой трудился в конце 1520-х гг. по благословению новгородского архиепископа Макария [4, с. 67]. Именно поэтому переводная повесть о благочестивой попадье могла быть для него весьма ценной находкой.

Однако если повесть в изначальном варианте «предназначалась скорее для духовников, чем для исповедающихся» [6, с. 55], то волоколамский рассказ с его прямолинейным ригоризмом вполне годился для широкого круга мирян. Возможно, именно по этой причине он не вошёл в Волоколамский патерик, который являлся достоянием исключительно иосифлянкой монашеской книжности.

Список литературы

1. Волоколамский патерик // Древнерусские патерики. Киево-Печерский патерик. Волоколамский патерик / Изд. подгот. Л.А. Ольшевская и С.Н. Травников. М.: Наука, 1999. С. 81—106.
2. *Иванов С.А.* «Не согрешишь — не покаешься»: о парадоксах спасения души на Руси и в Византии // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова. Вып. 9. М., 2016. С. 36—40.
3. *Кадлубовский А.П.* Очерки из истории древнерусской литературы житий святых. 4. Легендарные рассказы Волоколамского Патерика // Русский филологический вестник. 1901. № 1—2. С. 35—70.
4. *Казаков А.А.* Когда был написан Волоколамский патерик? К научной дискуссии // Историческое обозрение. Вып. 19. М.: НП «Историческое общество “Радетель”», Изд-во НИИБ, 2018. С. 64—69.
5. *Турилов А.А.* «Гарун-ар-Рашидовский» сюжет в славянских литературах XV—XVI вв. (сербский деспот Стефан Лазаревич и великий князь Московский Иван Калита) // Турилов А.А. Межславянские культурные связи эпохи Средневековья и источниковедение истории и культуры славян: этюды и характеристики. М.: Знак, 2012. С. 709—713.
6. *Турилов А.А.* Чудо о добродетельной попадье, введшей мужа в смертный грех // Концепт чуда в славянской и еврейской культурной традиции: сб. ст. М.: Пробел—2000, 2001. С. 52—58.

Из истории управления Коложским Борисоглебским монастырем в середине XVI в.**

Аннотация. На основании актовых источников в статье анализируются особенности управления светскими лицами православным Коложским монастырём незадолго до заключения Брестской церковной унии, уточняется список настоятелей обители. В середине XVI в. борьба за инвестицию духовенства монастыря велась между королевой Боной Сфорца и её сыном Сигизмундом II Августом. Каждый из них считал себя обладателем права поставления архимандритов и назначения светских опекунов монастыря. В приложении публикуются две грамоты из состава книг Литовской метрики, проливающие свет на историю управления монастырём в этот период.

Ключевые слова: церковная инвестиция, право церковного патроната, Коложский Борисоглебский монастырь, метрика королевы Боны, Западнорусская митрополия.

FROM THE HISTORY OF ADMINISTRATION OF STS. BORIS AND GLEB KOLOZHA MONASTERY IN THE MID-16th CENTURY

Abstract. On the basis of act sources this article examines the peculiarities of administration of Sts. Boris and Gleb Orthodox Kolozha Monastery by the laity shortly before the formation of the Church Union of Brest, the list of superiors of this religious house is ascertained. In the mid-16th century struggle for the monastery clergy investiture was waged between Queen Bona Sforza and her son Sigismund II Augustus. Each of them deemed herself/himself to be the holder of the right to enthrone archimandrites and appoint laic guardians of the monastery. Two charters from the books of the Lithuanian Metrica throwing light on the history of administration of Sts. Boris and Gleb Monastery during that period are published in annex to this article.

Keywords: church investiture, right to church patronage, Sts. Boris and Gleb Kolozha Monastery, Queen Bona's Metrica, West-Russian Metropolitanate.

Истории обители, основанной на рубеже XV—XVI вв. при одной из старейших церквей Древнерусского государства — Гродненского монастыря во имя мучеников-страстотерпцев Бориса и Глеба «на Ко-

* Андрей Андреевич Бондаренко — кандидат исторических наук, научный сотрудник Центра источниковедения истории России Института российской истории РАН (Москва, Россия). e-mail: bondarenko-a.a@mail.ru
 Andrey A. Bondarenko - Candidate of Historical Sciences, Researcher in Center of Source Studies of Russian History, Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

** Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20—09—00174.

The reported study was funded by RFBR, project number 20—09—00174.

ложенех подле Немна», — посвящено немало исследований. На протяжении XIX в. о Коложском храме и монастыре публиковались заметки в церковных и гражданских периодических изданиях; в 1870 г. увидела свет публикация «Инвентаря» и «Хроники игуменов» монастыря [4, с. 409—454]. Наряду с изданными в Вильне в тот же период авторскими источниками, эти историописательные сочинения, составленные в 1730-е гг. архимандритом И. Кульчинским*, на долгое время сформировали основу источниковой базы изучения истории монастыря**. Современные исследования посвящены реконструкции состава его землевладений в XVI в., публикации и уточнению спорных датировок вкладных грамот, некогда хранившихся в его архиве [11; 9].

Известны великокняжеские грамоты XVI в., охранявшие иммунитетные права коложских архимандритов и братии, ставленные, данные и дозволенные листы, при помощи которых светскими лицами осуществлялись поставление игуменов и передача монастырского имущества под опеку. Однако в историографии не рассматривался вопрос о принадлежности права церковной инвеституры духовенства этой обители. Сохранившиеся документы содержат противоречивую информацию, свидетельствуя, что в середине XVI в. Коложский монастырь был объектом столкновения интересов представителей династии Ягеллонов — королевы Боны Сфорца и её сына Сигизмунда II Августа. Частный пример управления монастырём в середине XVI в. — предшествующий Брестской церковной унии период, к началу которого в Великом княжестве Литовском окончательно сложился институт светского церковного патроната, — демонстрирует, насколько сложным и неоднозначным являлся процесс перехода от одного феодала к другому «права подавания» и делегирования опекунских полномочий над тем или иным церковным учреждением. В этой связи представляется, что источники по истории управления монастырём светскими лицами заслуживают более скрупулёзного изучения.

В 1533 г. Бона Сфорца выкупила замок Городно с прилегающими к нему волостями и дворами Кринки, Жорославка, Скидель, Озеры у

* Опубликованная не в полном составе рукопись Кульчинского считалась утраченной, однако не так давно в Санкт-Петербурге был выявлен один из её более исправных списков, а в Вильнюсе обнаружены материалы по истории церкви Гродненского деканата, принадлежавшие перу архимандрита [8]. Дополнительными источниками для изучения истории монастыря являются «Историческая справка о времени построения Коложской монастырской церкви в г. Гродно и её земельных владениях» и «Суммариуш подлинных документов гродненского Коложского монастыря на его владения», которые хранятся в архиве Санкт-Петербургского Института истории РАН [13, с. 206, 208].

** В частности, посвящённая монастырю энциклопедическая статья современного авторитетного издания едва ли не полностью основана на сведениях только этих источников [6].

гетмана Ю.Н. Радзивилла [14, к. 126—127 v.; 15, s. 202—204], которому эти имения были заставлены в 1521 г. [7, с. 179] и который уже в 1534 г. именовался городенским старостой королевы [3, с. 236]. Обладая всей полнотой власти в области церковной инвеституры в своих имениях, королева Бона выдавала ставленные листы епископам, приходскому духовенству, игуменам и архимандритам; данные и дозволенные листы — светским лицам, принимавшим под опеку имущество церковных учреждений, которые фактически передавались им в кормление. Сохранилось лишь несколько документов Боны, прямо или опосредованно адресованных православному духовенству Городенского повета, и только один из них связан с передачей прав на управление Коложским монастырём. «Хроника игуменов» Кульчинского далека от полноты и содержит множество неточностей. За тот период, в течение которого королева Бона владела Городенским поветом (1533—1556 гг.), Игнатий назвал всего трёх местных архимандритов — Иону, Сергия и Михаила, а также двух опекунов — «самого злого» («paugorszy») Б.Г. Воловича и «благодетеля и защитника» («dobrodziej u proctector») Новогрудского воеводу И. Горностая [4, с. 423—427].

Вероятно, путая двух тезоименитых настоятелей, Кульчинский полагал, что Иона заведовал архимандрией на протяжении 26 лет [4, с. 426]. Первый из двух Ион известен по тяжбе с «попом дворным» И. Горностая Павлом, который ночью ворвался в его покои и пытался учинить над ним насилие (1539)* [1, с. 4, 50—51; 11, с. 12]. Ионе наследовал Арсений, по указанию королевы судившийся с её городенскими подданными за землю (1541) [1, с. 354—356]. Следующим настоятелем обители стал ещё один Иона — по его жалобе Сигизмунд II воспретил родственникам умершего к тому времени Воловича «чинить кривды и втиски» монастырским людям (1546) [2, с. 120—121; 11, с. 6]. В 1548 г. упоминался архимандрит Сергей, умерший, по предположению Кульчинского, около 1550 г. [2, с. 65—66; 11, с. 6; 4, с. 427]. В 1552 г. грамота Боны называет архимандритом Михаила [2, с. 122—123; 11, с. 13]. И, наконец, в 1554 г. подтвердительный лист на монастырь от королевы получил её дворянин М.Г. Волович, которого Игнатий путал с его сыном Семёном [10, кн. 36, л. 28—29].

По крайней мере пятеро из шестерых перечисленных настоятелей (неизвестно, когда был возведен в сан первый Иона) могли или, скорее, даже должны были получить ставленные грамоты от своей «госпо-

* На суде управляющего («справцы») Городенским староством королевы Боны В. Требского архимандрит Иона свидетельствовал: «И он пред ся почал ся у двери добывати и, выломивши двери, до мене ся добыл и взял мя за груди... и зсоромил мя, как хотел, и над то мя ещё хотел бити, олиж есми от него втёк, и ратовали мя сторожи монастырские» [1, с. 50].

дарыни». Указание на выдачу соответствующего документа имеется только в отношении Михаила: в наррации грамоты королевы, которой она передавала монастырь в управление М. Воловичу, значится, что Михаил «держал и з ласки наше, игуменом будучи, заведал архимандрию» [10, кн. 36, л. 28 об.]. Изъявление «ласки» и «воли» землевладельца, являвшегося патроном церковного учреждения, оформлялось в виде ставленного, данного или дозволенного листа. Священнослужители возводились в сан пожизненно («до живота»), а опекуны могли назначаться только на временный срок («до воли и ласки»).

Так, Волович получил монастырь в управление «до воли и ласки» Боны, причем изначальное пожалование соответствующих прав осуществил опекун обители И. Горностай, а выдаче подтвердительного листа королевы предшествовало ходатайство будущего (на тот момент) литовского канцлера О. Воловича, племянника Марка. Вместе с недвижимым имуществом и доходами («со всеми землями, пожитьки и приходы») Волович получал не только сам монастырь, но и полномочия «на всем справовати, яко ся и предки его, игуменове тамошние, справовали» — т.е. право управлять внутренней жизнью обители соответственно тому, как это делали предыдущие архимандриты. Горностай при этом сохранял положение главного опекуна и попечителя обители, «зверхность» над Воловичем и обязанность «доглядать» за ним так же, как и за прежними настоятелями [10, кн. 36, л. 29]. Он стал опекуном Коложского монастыря ещё в 1538 г. [12, с. 140]. В грамотах королевы Боны 1552 и 1554 гг. подчеркивалось, что привилегию он получил по её распоряжению: «Яко будучий от насъ данный опекун того монастыра», «панъ Иванъ Горностай, оный монастыр... з воли и порученья н(а)шого в опеце и обороне своей маючи» [2, с. 123; 10, кн. 36, л. 28 об.].

Кажется, выстраивается вполне логичная иерархическая структура управления монастырём светскими лицами. Королева Бона по своему усмотрению назначала попечителя (опекуна) и главного управителя монастыря, которому делегировалось право представления и рекомендации кандидатов на получение архимандритского сана. Пожалование этого сана или передача прав на управление и распоряжение монастырским имуществом требовали последующего утверждения королевой. Действовавшие в Коложском монастыре архимандриты Арсений, Иона и Сергей могли быть назначены на настоятельскую должность как самой Боной, так и по предварительному представлению И. Горностая, как произошло с М. Воловичем*.

* На следующий год после передачи ему в управление монастыря Волович фигурировал в документах просто как королевский дворянин и не был назван даже «наречённым» архимандритом — а именно так в Литве обозначались лица, получившие светский ставленный лист, но не принявшие постриг и

В то же время формулировки грамот короля Сигизмунда заставляют иначе взглянуть на роль Боны в системе инвеституры. Во-первых, из них следует, что Горностай держал обитель «в справе, опеце и обороне» не по пожалованию Боны, но «за листом» короля Сигизмунда I Старого, и, передавая монастырь в управление Воловичу, это королева руководствовалась «писаньем и позволением», «властным узыченьем и прычыною» пана Горностая (т.е. исполняла его волеизъявление, пользуясь дозволением назначать ставленников и опекунов), а не наоборот, как значится в её грамотах [10, кн. 38, л. 18]. Во-вторых, что более значимо, ещё в 1546 г. Сигизмунд «научал» адресатов указного листа, что «сей монастырь не есть в державе королевы, её милости, пани маткы наше, але есть подаванье наше господарское» [2, с. 121]. В 1555 г. он вновь делал акцент на исключительной принадлежности права церковного патроната над Коложской обителью ему самому — «тотъ манастыр есть властье наше подаванье наше господарское» [10, кн. 38, л. 18].

Получается, что с точки зрения великокняжеской власти инвеститура духовенства Коложского монастыря была выведена из юрисдикции Боны. Несмотря на это и вопреки распоряжениям сына, королева, судя по всему, в полной мере пользовалась правом церковного патроната в пределах Городенского повета. Грамоты, изданные уже после её отъезда в Италию (1556) и смерти (1557), вновь указывают на существовавшие ограничения властных полномочий ввиду самого характера землевладения тамошними имениями. Декларировалось, что, поскольку королева являлась «пани дочасной» (временной собственницей) повета и владела здесь имениями только «в сумме пенязей» (по праву выкупа из великокняжеского домена), она не имела полномочий жаловать подданным землю в «вечное» пользование, освобождать их от старых налогов или обременять новыми. Такая позиция была сформулирована Сигизмундом в отношении придания Боной десятины к костелу во дворе Мосты, основанному ею в 1539 г.* [15, с. 210—211], а также в отношении ряда её земельных пожалований в Городенском, Бельском, Ковельском, Кременецком и Трокском поветах [10, кн. 38, л. 111—111 об., 142 об.—143 об., 171 об.—172, 174—176, 201 об.—203, 436—436 об.; кн. 39, л. 538]. Впрочем, невзирая на спорные оговорки о нелегитимно-

не рукоположенные в сан в соответствии с каноническим правом [10, кн. 38, л. 18]. В статусе дворянина и «держателя», но не настоятеля монастыря он упоминался и в 1556 г. [1, с. 408—409].

* «Ачь кольвекъ королева, её м(и)л(о)сть, пани матька наша, будучы панею дочасною и маючы тые дворы наши городеньские толко в суме п(е)н(е)зей, не мела моцы речей вечныхъ и беремьнь такихъ на именья и подданные наши становити и вькладати» [10, кн. 38, л. 415 об.].

сти земельной политики королевы в её владениях, Сигизмунд, «не хотячы листов её м(и)л(о)сти на сторону отъкладати и нарушивати» [10, кн. 38, л. 436—436 об.], оставлял распоряжения Боны в силе и подтверждал их грамотами. Например, удовлетворяя челобитье М.Г. Воловича о пожизненном пользовании монастырём, он не только подтвердил грамоту матери, но и утвердил дальнейший переход прав на обитель его сыну Семёну.

Сложно сказать, имел ли в этом случае место личный конфликт между Боной и Сигизмундом, о котором много говорится в историографии, либо каждая из сторон таким образом отстаивала имущественные интересы, либо в отношении «права подавания» монастыря, вкладчиками и ктиторами которого были не только представители рода Воловичей, в действительности сложилась столь сложная иерархия светского управления. Что касается ограничения части властных прерогатив землевладельцев, распоряжавшихся имениями не на вотчинном праве, этому находят прямые аналогии в синхронных грамотах Сигизмунда. В частности, не имел права («не мел мощы») осуществлять земельные раздачи современник Боны, последний великий князь рязанский Иван Иванович, получивший в Литве ряд имений «на выхованье своё» (т.е. не в вотчину, а во временное пользование, в кормление) [5, с. 321—323; 10, кн. 38, л. 255 об.—258 об.]. Как и в ситуации с королевой, замечание о неправомерности пожалований великого князя рязанского не помешало польскому монарху подтвердить их листами.

После смерти Боны все её обширные владения в Великом княжестве Литовском перешли в личный домен Сигизмунда II. До конца его правления Коложский Борисоглебский монастырь находился в юрисдикции М. и С. Воловичей*, а затем городенского подкомория П. Котовича.

* В 1556 г. Семен Маркович получил от короля ставленный лист на игуменство в Троицком монастыре «у Браслави» [10, кн. 38, л. 66 об.—67], но, видимо, в нём не задержался и вскоре вновь получил в распоряжение городненский монастырь, в котором подвизался до 1568 г. [2, с. 126].

Приложения*

1.

1554 г. [января 1 — декабря 31. Варшава]. —

Подтвердительный данный лист королевы польской, великой княгини литовской Боны Сфорца дворянину Марку Воловичу на монастырь святых мучеников Бориса и Глеба в г. Городно, «за подаваньем» воеводы новгородского, маршалка дворного, подскарбега земского, старосты слонимского и мстибоговского Ивана Горноста

л. 28 Листъ Марку Воловичу на монастыр | светых мученикъ Бориса и Глеба | в Городне за поданьемъ его | на игуменью того монастыра | от воеводы новгородского пана | Ивана Горностаа || л. 28 об.

Лета бож(ого) нароженьа 1554. |

Ѣзнаимуюемъ симъ н(а)шимъ листомъ, кому бѣдетъ по|треб того ведати.

Ижъ што которыи монастыр в Го|родне светыхъ мченикъ Бориса и Глеба держаль и з ласки | н(а)шое, игменомъ бѣдѣчи, заведаль небошикъ Мисаило ажъ | до смерти своее. То пакъ его м(и)л(о)сть панъ воевода новгород|скийи, маршалокъ дворныи, подскарбии земьскийи панъ Иванъ Гор|ностаи, ѡныи монастыр светыхъ мченикъ Бориса и Глеба | з воли и порѣченъа н(а)шого в опеце и ѡбороне своеі маючи, | по смерти ѡного Мисаила даль справовати и заведать | его порячить дворенину н(а)шому пану Марку Воловичу до воли | и ласки н(а)шое. Яко жъ тежъ маршалокъ и писар короля, его | м(и)л(о)сти, староста могилевскийи панъ Ѣстаѡеи Воловичъ нас ѡ том | через листъ свои жедаль, ижъбыхмо ѡныи монастыр пану | Марку листомъ н(а)шимъ водлугъ листов его м(и)л(о)сти пана вое|воды новгородьского потвердили и листъ н(а)шъ ему на то | дали.

А такъ мы, прихилаючи са в томъ воли его м(и)л(о)сти | пана воеводы новгородьского на жеданье тежъ пана | Ѣстаѡа Воловича, з ласки н(а)шое то есмо зделали и | тотъ монастыр светыхъ мученикъ Бориса и Глеба в Го|родне пану Марку Воловичу есмо потвердили и симъ листом | н(а)шимъ во всемъ по тому, яко в листе пана Горностаевом | есть, потвержаемъ. Маеть панъ Марко Воловичъ || л. 29 ѡныи монастыр со всимъ на все, яко са в собе со всеми землами, | пожитьки и приходы здавна маеть, держати и по то|му на всемъ справовати, яко са и предки его, игуменове | тамошние, справовали,

* О принятых принципах передачи текста документов Литовской метрики см.: [3, с. 28—29].

надъ которымъ зверхность свою | мети и всего рядѣ тамъ доглядати
маеть его м(и)л(о)сть | пань Горностаи, воевода новгородский, по
тому, яко теж | с порученьа н(а)шого предьковъ его, игуменов та-
мошнихъ, | доглядалъ.

И на то есмо ему дати казали сес(ь) н(а)шь листь | з н(а)шою пе-
чатью. |

Список: Б) РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 36. Л. 28—29 (список 1597 г.).

2.

1555 г. июля 3. Петрков. — Подтвердительный данный лист короля польского, великого князя литовского Сигизмунда II Августа дворянину Марку Воловичу на монастырь святых мучеников Бориса и Глеба в г. Городно, согласно пожалованиям воеводы новгородского Ивана Горностаия и королевы Боны, «до живота», а после его смерти — сыну Семену.

л. 17 об. Привилеи п(а)ну Маркѣ Гринкевичѣ Воловичу | на монастырь
в Городне на Коложи Бориса и Глеба | до его живота зо всим, а по его
животе | сыну его Семену etc. || л. 18

Жигимонт Август, бож(о)ю м(и)л(о)стью корол(ь) полский,
великий княз(ь) лит(о)вский, рѣский, прѣский, жомойтский, мазо-
вецкий и иныхъ. |

Ѣзнаимѣемъ симъ нашимъ листомъ.

Што перво сего королевѣа, | еи м(и)л(о)сть, навъшышаа великаа
кн(а)гини Бона, п(а)ни матка | наша, за писаньемъ и позволеньемъ
воеводы новгородског(о), | маршалка дворного, подскарбега земь-
ского, старосты слонимского | пана Ивана Горностаа монастырь в Го-
родне на Коложи светыхъ | мченикъ Борыса и Глеба з селы и людми, к
немъ пръслѣхаючыми, которыи в справе, ѡпеце и ѡбороне своєї за
листомъ короля, его м(и)л(о)сти, светое и славное памяти пана ѡтца
нашого, | его м(и)л(о)сть черезъ немалыи часть мель, и за властнымъ
звычайемъ | и причыною пана воеводы самого новгородского дати и
въ спраѣвѣ и владность поръчыти рачыла дворенинѣ нашомѣ пану
Марку Гринькевичѣ Воловича, на што ѡнь и листь ее м(и)л(о)сти в
себе маеть, | и перед нами его покладалъ, поведаячы, ижьбы за ла-
скою и позволеньемъ нашимъ хотель ѡнь за живота своего, если бы
кѣ которому лепышомѣ ѡпатренью ѡтъ насъ, г(о)с(по)д(а)ра, пры-
шоль, звычыти ѡного маностыра сынѣ своемѣ Семену, которого
пань | богъ на ѡчью слепотою скарати рачыль.

Лечъ ижь тотъ мана|стырь естъ властное подаванье наше
г(о)с(по)д(а)рское, бачечы ѡн же, яко самъ его без ласки а ѡтвер-
женьа нашего г(о)с(по)д(а)рского ѡдержати, | такъ и сынѣ своемѣ
того звычыти а ни на томъ его мети не | можетъ, билъ намъ чоломъ

пань Марко, абыхмо его з ласки наше | г(о)с(по)д(а)рьское пры томъ монастыры до живота зоставили и к томъ | дозволили ему пры жы- воте своемъ сынъ его Семенъ тотъ мана|стыр спсѣтити, а не спсѣтит ли его и до живота своего на немъ | самъ быти похочеть, тогда жебысмы по смерти его сыну | его Семенъ ѿтъ насъ, г(о)с(по)д(а)ра, дали.

Мы, маючы ведомость ѿ вер|ныхъ а цнотыливыхъ заслгахъ прод- ковъ пана Марка Воловича || л. 18 об. и его самого къ предкомъ и ѿцыхъ нашомъ, королемъ и великимъ | кн(а)земъ, ихъ м(и)л(о)сти, ачь при- хильностью смыслъ нашего г(о)с(по)д(а)рь|ского, нагорожаючи ему то и показючи заслги предковъ его, | на немъ ради бысмы были его которымъ добрымъ врадомъ подле вчистivosti домъ его ѿсмотре- ли, але ижъ вжо | летъ зошлыхъ и самъ къ томъ сѣ мети не можеть, призволаючи | прозбе и чоломъбитью пана Марковомъ, пры томъ монастыри | в Городне на Коложи и со вьсими селы, людми и по- жыткы, к немъ | прислухаючыми, до его живота зоставемъ. А пань Марко | бѣдетъ повиненъ пры томъ монастыри пры церкви бо|жои свещениковъ и братью чернцьовъ для слѣжтбы бож(о)и хо|вати и ѿныи монастырь в добромъ а слѣшномъ порадкѣ и сь|праве мети по тому, яко и за першихъ архиманьдрытовъ бы|вало.

А што сѣ дотычь сына его Семена, ино если мы пана | Марка иньшымъ лепьшымъ и пожиточнѣишымъ хлебомъ дѣ|ховьнымъ ѿсмотримъ, або похочеть ли самъ пань Марко, тогда | ѿнъ тотъ ма- настыр сынъ своемъ Семену со вьсимъ с тымъ, што | к томъ здавна и тепер прислѣхаеть, бѣдетъ мочи спсѣтити, | а Семенъ вжо за симъ позволеньемъ и листомъ нашимъ держати | его бѣдетъ и въ немъ сѣ такъ же радити и справовати маеть | по томъ жь, яко ѿцьцъ его в семь нашомъ листе вышеи ѿпи|сано. А где бы къ лепьшомъ и по- житочнѣишомъ ѿпатренью | нашему хлебъ дѣховьномъ пань Мар- ко прышоль або за живо|та своего сынъ своемъ ѿного монастыра взычыти и зступити | не хотель, а *первей* самъ, нижли тотъ сынъ его, с того света зышол, | тогда мы пред сѣ пры томъ монастыри Семена Марковича | зоставемъ и то емъ симъ нашимъ листомъ по смерти ѿца | его даемъ до его живота. А ѿнъ слѣшне и радне, на томъ мест- цы | бѣдѣчы, маеть сѣ заховати и къ хвале божою свещеники || л. 19 и братью ховати и вьсемъ тому досыть чынити, што за | першихъ архи- маньдрытовъ тамошнихъ бывало.

И на то даемъ | паню Марьку Воловичю и сынъ его Семенъ сѣшь нашъ листь з на|шою печатью.

Писанъ 8 Петрькове, лѣт(а) бож(ого) нарож(енья) 15|55, м(е)с(а) ца июля 3 день. |

Подпись рѣки г(о)с(по)д(а)рьское. |

Список: Б) РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 38. Л. 17 об. — 19 (список 1596 г.).

Список литературы

1. Акты, издаваемые Виленскою Археографическою комиссиею. Т. XVII. Акты гродненского земского суда. Вильна: тип. А.Г. Сыркина, 1890. 638 с.
2. Акты, издаваемые Комиссиею, высочайше утвержденною для разбора древних актов в Вильне. Т. I. Акты гродненского земского суда. Вильна: тип. А.К. Киркора, 1865. 401 с.
3. Акты, относящиеся к истории Западной России. Вып. 2: 18-я и 32-я книги записей Литовской метрики. Метрика королевы Боны / Сост. Д.И. Алексеева, А.Е. Беликов, А.А. Бондаренко, А. Петкевич, К. Петкевич, О.И. Хоруженко, М.В. Шумилин; отв. ред. С.М. Каштанов. М.: Кучково поле, Фонд «Связь эпох», 2018. 576 с.
4. Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси, издаваемый при Управлении Виленского учебного округа. Вильна: Печ. Губ. правления, 1870. Т. IX. 486 с.
5. *Иловайский Д.И.* История Рязанского княжества. М.: Унив. тип., 1858. 331 с.
6. *Кулаженко Л.Е.* Гродненский Коложский во имя мучеников Бориса и Глеба мужской монастырь // Православная энциклопедия. М.: ЦНЦ «Православная энциклопедия», 2006. Т. XIII. С. 169—172.
7. *Любавский М.К.* Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства ко времени издания Первого Литовского Статута. М.: Унив. тип., 1892. 998 с.
8. *Микульский Ю.Н.* Новонайденные рукописи Игнатия Кульчинского 1736—1738 гг. со сведениями по церковной истории Гродно и окрестностей // Беларуская даўніна. *Studia et fontes.* Мінск: выд. А.М. Вараксін, 2006. Вып. 3. С. 220—254.
9. Найдаўнейшыя дакументы з архіва былога Барыса-Глебскага Каложскага манастыра ў Гародні (пачатак XVI ст.) / падрыхт. Ю.М. Мікульскі // Беларуская даўніна. Гістарычны альманах. Мінск: выд. А.М. Вараксін, 2015. Вып. 2. С. 168—178.
10. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 389 (Литовская метрика). Оп. 1. Кн. 36, 38, 39.
11. *Сліж Н./У./* Невядомае пра вядомае: уладанні царквы і манастыра св. Барыса і Глеба ў канцы 15 — пачатку 17 ст. // Гістарычны альманах. Гродна: Гародня, 2012. Т. 18. С. 2—25.
12. *Сліж Н.У.* Гісторыя роду Валовічаў на Гарадзеншчыне ў XV—XVII стст. // Гарадзенскі палімпсест 2012. Людзі даўняй Гародні. XV—XX стст. Гродна: Гарадзенская бібліятэка, 2013. С. 133—186.
13. *Тацрова-Яковлева Т.Г.* Материалы по истории Белоруссии в архиве Санкт-Петербургского института истории РАН // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana.* СПб.: Изд-во СПбГУ, 2009. Вып. 1—2. С. 195—232.
14. *Archiwum Głównie Akt Dawnych.* Tak zwana Metryka litewska. Dz. III. A/28.
15. *Pociecha W.* Królowa Bona (1494—1557). Czasy i ludzie Odrodzenia. Poznań: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1958. Т. III. 260 s.

Из практики архиерейских поставлений в XVII в.: традиции и новации

Аннотация. Статья посвящена практикам выбора кандидатов в епископы в России периода патриаршества. Наиболее распространенной традицией в этом случае был выбор достойных кандидатов из настоятелей монастырей или лиц, имевших такой опыт прежде. Однако в XVII в. фиксируется и практика поставления во епископы лиц, не имевших опыта настоятельства в монастыре. В статье рассмотрены 10 случаев таких назначений (трое монахов, трое иеромонахов, двое казначеев, двое ризничих). Из них половина прецедентов относится ко времени патриаршества Никона. В статье аргументируется вывод о том, что все подобные нарушения традиционного подхода к выбору кандидатов во епископы были связаны с личной заинтересованностью царя или патриарха, однако эта практика не стала распространенной, оставаясь скорее исключением из правила и лишь в период патриаршества Никона оказалась наиболее востребованной.

Ключевые слова: русская православная церковь, высшая церковная иерархия, патриарх, митрополит, архиепископ, епископ, патриарх Никон.

FROM THE PRACTICE OF ARCHIEREAN SUPPLIES IN THE XVII CENTURY: TRADITIONS AND INNOVATIONS

Abstract. The article is devoted to the practice of choosing candidates for bishops in Russia during the Patriarchate period. The most widespread tradition in this case was the selection of worthy candidates from the abbots of monasteries or persons who had such experience before. However, in the XVII century, there is a practice of ordaining bishops of persons who did not have such experience. The article examines 10 cases of such appointments (three monks, three hieromonks, two treasurers, two sacristans). Of these, half of the precedents date back to the time of Nikon's patriarchate. The article substantiates the conclusion that all such changes of the traditional approach to the selection of candidates for bishops were associated with the personal interest of the tsar or the patriarch, but this practice did not become widespread, remaining rather an exception to the rule, and only during the period of Nikon's patriarchate was it most in demand.

Keywords: Russian Orthodox Church, supreme church hierarchy, patriarch, metropolitan, archbishop, bishop, patriarch Nikon.

* **Ирина Александровна Устинова** – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра истории русского феодализма Института российской истории Российской академии наук (Москва, Россия), e-mail: ilustinova@yandex.ru
Irina A. Ustinova – Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Centre of History of Russian Feudalism, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

На протяжении XVII в. Русская Церковь пережила серьезные кризисы, изменения, конфликты — от катаклизмов Смутного времени до раскола. Все они способствовали не только активизации книжной sprawy, строительству новых храмов и монастырей, прославлению новых святых, икон, мощей. Менялась и сама церковь, происходила длительная, не всегда заметная эволюция практик, традиций, норм. Изменился и социальный облик русского епископата: на высших церковных постах увеличилось число иностранцев (выходцев из украинских и белорусских земель), выросла мобильность архиереев (частота перемещения между кафедрами). В традиционных практиках выбора кандидатов на архиерейские кафедры также возникали новации — временные или, напротив, укоренявшиеся в практике.

В Правилах Св. Апостолов и Деяниях Вселенских соборов к кандидатам в епископы выдвигались требования, касавшиеся преимущественно образования, нравственного облика, крепости веры, позднее — возраста и проч. (напр., 1 Тим 3.2—7; Тит 1. 7—9). Но в русской практике сложилась традиция набирать епископов не из простых монахов, а преимущественно из настоятелей наиболее значимых монастырей, которые стали «кузницами» архиерейских кадров [24, с. 143]. Важно отметить, что эта традиция сохранилась даже в Смутное время [28, с. 92—98]. В научной литературе стало общепризнанным мнение Н.Ф. Каптерева, что выбор кандидатов в патриархи и епархиальные архиереи оставался за царём (особенно в период царствования Алексея Михайловича) [14, с. 61, 64—66]. Не вдаваясь в дискуссию по этому сложному вопросу, отмечу, тем не менее, что в большинстве случаев монарха ограничивала традиция.

Исключения, разумеется, случались как в XVI, так и в XVII в. Например, митрополит Афанасий (1564—1566) долгие годы служил протопопом Благовещенского собора Московского Кремля и духовником Ивана Грозного, затем принял постриг, но вскоре был поставлен во главу церкви из простых монахов Чудова монастыря. В данном случае сыграли значительную роль близость Афанасия к Даниилу Переяславскому, его высокое положение в церковной иерархии г. Переяславля, опыт настоятельства в соборе [25, с. 113—116; 26, с. 33—45]. Тем не менее основная часть архиереев XVI в. поставлялась из настоятелей крупных монастырей.

В XVII в. традиция продолжилась: из 124 архиереев (епископов, архиепископов, митрополитов, патриархов), управлявших епархиями в период патриаршества (1589—1701) 100 поставлены из настоятелей монастырей и лишь 10 (около 8%) не имели такого сана. За рамками исследования оставлены те случаи, когда нет достоверных сведений о церковной карьере кандидатов до их хиротонии: таких случаев известно восемь. Ещё шесть архиереев возглавили епархии,

уже имея посвящение во епископы за пределами канонической территории Русской Православной Церкви. В этой связи возникает вопрос о причинах подобных отклонений как в каждом конкретном случае, так и в рамках рассматриваемого периода в целом.

В XVII в. трое кандидатов были хиротонисаны во епископы будучи простыми монахами, трое — иеромонахами, двое из казначеев, двое из ризничих. Наибольшее число таких поставлений (8) приходится на 1650—1680-е гг., из них пять — на 1650-е гг. Рассмотрим каждое из них подробнее.

Первая в XVII в. епископская хиротония инока произошла в 1605 г., когда в митрополиты Ростовские поставили опального боярина Филарета Никитича Романова. По справедливому предположению В.И. Ульяновского, накануне хиротонии он, согласно правилам, в ускоренном порядке прошёл предшествующие ступени священства (диакон, священник, епископ). Его поставление исследователь датируется апрелем—маем 1606 г. [23, с. 144]. В данном случае обращу внимание на то, что Филарет занял не вакантную кафедру — действующего митрополита Кирилла (Завидова) отстранили от управления и отправили в Троице-Сергиев монастырь. Поставление Филарета диктовалось не церковными, но политическими соображениями и отношениями Лжедмитрия I с Романовыми. В такой ситуации, очевидно, церковный сан будущего митрополита не мог стать препятствием на его пути к хиротонии.

Второй случай произошел в 1638 г., когда на Рязанскую кафедру был хиротонисан инок Троице-Сергиева монастыря Моисей (в миру Максим). На протяжении 16 лет (1618—1634) он служил протопопом Благовещенского собора Московского кремля и был духовником Михаила Фёдоровича. В сентябре 1624 г. венчал царя с Марией Владимировной Долгоруковой, а в феврале 1626 г. — с Евдокией Лукьяновной Стрешневой [6, стб. 643, 779, 886], в мае 1627 г. крестил царевну Ирину Михайловну, а в марте 1629 г. и царевича Алексея Михайловича [11, с. 141—142]. Вся семья Максима (жена Ульяна, сыновья Михей и Анания, их жёны, племянница Максима) часто получали ткани, одежду, денежные дачи от царской семьи. Он пользовался особой благоклонностью царицы Евдокии Лукьяновны [11, с. 141—142]. На рубеже 1633—1634 гг. Максим оставил придворное служение и удалился в Новгород, вероятной причиной такого решения послужило вдовство. Однако он не лишился милости — получал подарки от царицы, составил для неё список новгородских святынь [11, с. 225] и роспись новгородских святых [31, прил. 1, с. 217; 12, с. 325]. Спустя год принял постриг и стал иеромонахом Троице-Сергиева монастыря с именем Моисей, получив в подарок от царицы «ряску» [11, с. 98, 143]. Наконец, в январе 1638 г. был хиротонисан во епископы и поставлен на Рязанскую кафедру в сане архиепископа. Вероятно, в данных обстоя-

тельства отсутствие опыта настоятельства в монастыре (при наличии обширного опыта настоятельства в Кремлёвском соборе) признали незначительным на фоне многолетней службы и близости к монарху.

Случаи Филарета и Моисея — вероятно, единственные достоверные примеры такого рода в первой половине XVII в. Во второй половине века подобная практика стала более распространённой. Сразу пять епископских хиротоний связаны с деятельностью патриарха Никона.

В 1651 г. архиепископом Рязанским (вместо почившего владыки Моисея) стал иеромонах Новгородского Деревяницкого Воскресенского монастыря Мисаил, служивший ризничим Никона в бытность последнего Новгородским митрополитом. Он был известен строгой благочестивой жизнью [20, с. 380]. Исследователи полагают, что именно Никон выдвинул его кандидатуру на кафедру [9, с. 88—91]. Вероятно, Мисаил поддерживал идеи ревнителей древлего благочестия [17, с. 219—223]. Сразу по поставлении на кафедру он направил пастве окружное послание, в котором осудил пьянство, несоблюдение постов, недостойное поведение в церквях и др. [4, с. 61—63]. Он выявлял священников и дьяконов, действовавших без поставления, и требовал вторичного проведения всех обрядов, совершенных таковыми [10, с. 63]. На протяжении своего служения Мисаил был близок патриарху: часто бывал в Москве, участвовал в церковных соборах (в 1652 г. выступил одним из кандидатов на патриарший престол) и крупных церковных мероприятиях (например, в 1652 г. встречал в с. Тушино тело патриарха Иова [1, с. 77; 7, стб. 304]). Он развернул широкую миссионерскую кампанию в своей епархии, обо всех этапах которой докладывал патриарху. Впрочем, пользовался и благосклонностью Алексея Михайловича, получил богатые дары за успехи на кафедре [4, с. 115—116]. Деятельность архиепископа может служить наглядным доказательством «единомыслия» с патриархом, которое, вероятно, и послужило причиной «карьерного роста».

В августе 1652 г. на Новгородскую кафедру (освободившуюся после поставления Никона в патриархи) был хиротонисан монах Казанского Спасского монастыря Макарий. Летописные свидетельства о его положении в обители разнятся: «чёрный священник» [16, с. 375; 22, с. 82], «иеромонах» [16, с. 458], казначей [7, стб. 324; 21, стб. 36]. В Новгородских 2-й и 3-й летописях, а также Новгородском хронографе отдельно упоминается, что поставлен он был «избранием и повелением... Алексея Михайловича», а хиротонисан патриархом [16, стб. 375; 22, с. 84]. Выбор кандидата на вторую по значимости кафедру не мог быть случайным. В 1649—1652 гг. Никон вел в Новгороде активную борьбу за церковное благочестие и благочиние. Это дело необходимо было продолжать и развивать в русле намечавшихся церковных реформ. Назначение обычного монаха/иеромона-

ха/казначей, как представляется, прямо свидетельствует о том, что кандидат был известен царю и патриарху, пользовался их доверием. В «Винограде Российском» С. Денисова упоминается, что Макарий, подписавший решения соборов 1650-х гг., впоследствии «так скорбяше, так сетовавше о оных новинах... трепетом мучений объятый», и призывал «крепко» держаться «древлецерковного благочестия» [13, с. 491]. В то же время митрополит последовательно проводил в жизнь принятые решения и был лоялен церковной и светской власти [2, с. 493—494; 18, с. 20; 19, стб. 373].

В 1654 г. Никон хиротонисал во архиепископы Тверские и Кашинские собственного ризничего иеромонаха Лаврентия [7, стб. 407]. Кафедра освободилась после ухода на покой Ионы [8, с. 242]. Спустя два года Лаврентия перевели на Казанскую кафедру. Он, вероятно, был знаком и царю — вскоре по поставлении отправился с ним в польский поход, где осуществлял функции первого духовного лица и занимался устройением Смоленской епархии [7, стб. 471, 471].

В 1655 и 1656 г. во архиепископы Суздальские были рукоположены ризничий Савво-Сторожевского монастыря Иосиф, а после его ухода на покой — инок того же монастыря Филарет (впоследствии митрополит Смоленский). В данном случае также высока вероятность, что они выбраны царём и патриархом в силу личной симпатии, невзирая на отсутствие у них административного опыта. Савво-Сторожевский монастырь пользовался особым покровительством Алексея Михайловича. В обители велось обширное строительство, много внимания уделялось развитию культа преп. Саввы Сторожевского после явления его царю [30, с. 805]. С другой стороны, следует отметить особое положение Суздальской епархии — анклава, со всех сторон окружённого землями Патриаршей области, примыкавшей к вотчинному домену патриаршего дома. Все суздальские архиереи 1620—1670-х гг. особым образом связаны с Москвой. В 1626—1634 гг. епархией правил близкий патриарху Филарету Иосиф (Курцевич) [5, с. 5—45], в 1634—1653 г. — Серапион, в 1642 г. выдвигавшийся кандидатом в патриархи, а в 1647 г. получивший отказ в просьбе об отставке, вероятнее всего ввиду близости ко двору и лояльности [29, с. 143—144]. В 1654 г. Никон поставил на кафедру владыку Софрония, который вскоре скончался от чумы, его преемниками стали Иосиф, затем Филарет. Переведённого на вновь открытую Смоленскую кафедру Филарета в 1658 г. сменил Стефан, церковная карьера которого началась в клире патриарха, после чего он стал первым архимандритом Новоиерусалимского монастыря (1656—1658) [27, с. 122—123].

Практика поставления архиереев из ближайшего окружения патриарха продолжилась при Иоакиме (Савёлове), но уже не имела прежнего размаха. Так, из крестовых иеромонахов патриарха был поставлен архи-

епископ Холмогорский Афанасий (Любимов) (1682). Он, впрочем, имел опыт многолетнего игуменства в Успенском Далматове монастыре [3, с. 14—17]. Из того же «кадрового резерва» вышел митрополит Астраханский Савватий (1686). В тот же год, после удаления митрополита Нижегородского Филарета на покой, на опустевшую кафедру возвели казанской архиерейского дома Павла, много лет прослужившего владыке и, вероятно, через него ставшего известным патриарху [15, с. 19—24].

В рамках настоящей статьи рассмотрены лишь те случаи, которые в той или иной мере противоречили традиции выбора кандидатов в епископы из настоятелей монастырей. В подавляющем большинстве своём такие назначения объяснялись симпатиями царя или патриарха к потенциальным кандидатам, лояльностью намечавшимся церковным реформам, наконец, стремлением обновить епископат, заполнив его своими выдвинутыми. Влияние главы государства или церкви на формирование архиерейского корпуса, разумеется, было более обширным, поскольку и среди настоятелей монастырей (особенно московских) нужно было выбирать кандидатов «по сердцу». Как известно, такие симпатии могли стать движущей силой в церковной карьере. Хрестоматийным является пример самого Никона, выдвинутого с подачи Алексея Михайловича сначала архимандритом Московского Новоспасского монастыря, затем патриархом. Тем не менее в рассматриваемый период нет оснований говорить о том, что отклонение от традиции стало распространённым. Такие случаи можно назвать скорее исключительными.

Список литературы

1. Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. 4. СПб.: Тип. II-го Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии 1841. 604 с.
2. Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией императорской академии наук. Т. 4. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии. 1836. 654 с.
3. *Верюжский В.М.* Афанасий, архиепископ Холмогорский. Его жизнь и труды в связи с историей Холмогорской епархии за первые 20 лет её существования и вообще Русской Церкви в конце XVII в. Церковно-исторический очерк. СПб.: тип. И.В. Леонтьева, 1908. 683 с.
4. *Воздвиженский Т.* Историческое обозрение Рязанской иерархии и всех церковных дел ея иерархии от учреждения ея до нынешних времён. М.: В типографии С. Селивановского, 1820. 349 с.
5. *Горбатов Е.Н.* Новые материалы по делу архиепископа Иосифа (Курцевича) // Вестник церковной истории. 2017. № 1—2. С. 5—45.
6. Дворцовые разряды. Т. 1. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1850. 656 с.
7. Дворцовые разряды. Т. 3. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1852. 841 с.
8. Дело о патриархе Никоне. СПб.: Товарищество «Печатня С.П. Яковлева», 1897. 510 с.

9. *Зеленская Г.М.* Патриарх Никон и святитель Мисаил, архиепископ Рязанский и Муромский // Макариевские чтения. Материалы XII Российской научной конференции, посвящённой Памяти Святителя Макария. Можайск, 2005. С. 88—91.
10. *Иероним, архим.* Рязанские достопамятности. Рязань: Рязанская учен. арх. комиссия, 1889. 129 с.
11. *Извеков Н.Д.* Московские кремлёвские дворцовые церкви и служившие при них лица в XVII в.: церковно-историческое археологическое исследование. М.: печ. А.И. Снегирёвой, 1906. 268 с.
12. *Каган М.Д.* Максим // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3. Ч. 2. СПб.: Издательство «Дмитрий Буланин», 1993. С. 322—326.
13. *Кантєрев Н.Ф.* Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович. Т. 1. Сергиев Посад: тип. Св.-Троиц. Сергиевой лавры, 1909. 525 с.
14. *Кантєрев Н.Ф.* Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович. Т. 2. Сергиев Посад: тип. Св.-Троиц. Сергиевой лавры, 1912. 548 с.
15. *Макарий (Миролюбов), архим.* История Нижегородской иерархии, содержащая в себе сказания о нижегородских иерархах с 1672 по 1850 г. СПб.: Н.Г. Овсянников, 1857. 247 с.
16. Новгородские летописи (Так названные Новгородская вторая и Новгородская третья летописи). СПб.: Тип. Императорской академии наук, 1879. 488 с.
17. *Паскаль П.* Протопоп Аввакум и начало Раскола / Пер. с фр. С.С. Толстого; науч. ред. пер. Е.М. Юхименко. М.: Знак, 2010. 680 с.
18. *Полознев Д.Ф.* Клерикальная оппозиция в начале становления российского абсолютизма. Конец 1640-х — 1660-х гг. Автореф. ... канд. ист. наук. М., 1990. 24 с.
19. Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией. Т. 5. СПб.: Тип. М. Этингера, 1878. 656 с.
20. *Сладкопевцев П.М.* Преосвященный Мисаил, архиепископ Рязанский и Муромский // Прибавления к Рязанским епархиальным ведомостям. 1866. № 13. С. 378—387.
21. *Строев П.М.* Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. СПб.: Тип. В.С. Балашева, 1877. 1064 стб.
22. *Тихомиров М.Н.* Новгородский хронограф XVII в. // Новгородский исторический сборник. Вып. 7. Новгород, 1940. С. 66—114.
23. *Ульяновский В.И.* Смутное время. М.: Европа, 2006. 448 с.
24. *Усачёв А.С.* Ещё раз о причинах ослабления роли иноков Иосифо-Волоколамского монастыря в управлении русской церковью XVI в. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2017. № 3. С. 142—143.
25. *Усачёв А.С.* Новые данные о биографии митрополита Афанасия (1564—1566) // Русь, Россия, Средневековье и Новое время. М., 2019. С. 113—116.
26. *Усачёв А.С.* Переяславский штрих к биографии митрополита Афанасия (1564—1566) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2020. № 2. С. 33—45.
27. *Устинова И.А.* «Возненавиден он того града людми...» // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2015. № 3. С. 122—123.
28. *Устинова И.А.* Архидеревский корпус русской церкви в 1598—1619 гг.: состав и динамика // Деулинское перемирие 1618 г.: взгляд через четыре столетия. Сб. трудов конф. М., 2018. С. 92—98.
29. *Устинова И.А.* Русский епископ в диалоге с царём: одна неудачная просьба об отставке // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2017. № 3. С. 143—144.
30. *Щедрина К. А.* Саввино-Сторожевский «Иерусалим» // Новые Иерусалимы. Иеротопия и иконография сакральных пространств. М.: «Индрик», 2009. С. 804—828.
31. *Янин В.Л.* Некрополь Новгородского Софийского собора: церковная традиция и историческая критика. М.: Наука, 1989. 240 с.

«Заёмные кабалы» московских посольств в Крыму в конце 1630-х — начале 1640-х гг. и их оплата Московским государством (сравнительный анализ)**

Аннотация. В статье приводятся данные по оплате долговых обязательств («заёмных кабал») трёх московских посольств, которые находились в Крыму на рубеже 1630—1640-х гг. Показаны минимальные, максимальные и средние значения по размерам займов, которые брали представители посольств. Отражен социальный состав посольств и имена некоторых их представителей. Кроме того, дано представление о крымских купцах-займодателях и количестве выдававшихся ими займов.

Ключевые слова: выкуп пленных, заёмные кабалы, Крымское ханство, Посольский приказ, русско-крымские отношения в XVII в.

“DEBT OBLIGATIONS” OF THE MOSCOW EMBASSIES IN CRIMEA IN THE LATE 1630^S — EARLY 1640^S AND PAYMENT IT FOR MOSCOW STATE (COMPARATIVE ANALYSIS)

Abstract. The article provides information on the payment of debt obligations three Moscow embassies, which were in the Crimea at the turn of the 30—40s XVII century. Shown the minimum, maximum and average values of the size of loans that the representatives of the embassies took. The social composition of the embassies and the names some of their representatives are reflected. In addition, an idea of the Crimean merchants-lenders and the number of loans issued by them is given.

Keywords: the redemption of captives, debt obligations, Crimean Khanate, Ambassadorial department, Russian-Crimean contact on XVII century.

В течение XVI—XVII вв. русско-крымские отношения носили характер постоянной борьбы как на театре военных действий, так и на дипломатической арене. С одной стороны, крымские татары совершали опустошительные набеги с целью захвата полона и дальнейшей продажи его за море — работоторговля была основной статьёй дохода ханства. С другой они оказывали давление на русских посланников путём регулярно-

* Вечеслав Дмитриевич Жуков — ведущий специалист отдела научной информации и публикации документов Российского государственного архива древних актов (Москва, Россия). e-mail: zhvd@list.ru

Vecheslav D. Zhukov — Leading Specialist of Department Scientific Information and Publication Documents, Russian State Archives of Ancient Documents (Moscow, Russia).

** Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19—09—00496.

го третирования и вымогательства у них денег под различными предлогами, которыми, как правило, могли послужить размер и качество поминок, а также вопрос о титуловании русского государя «самодержцем» в шерстных грамотах. Такая ситуация сложилась по причине того, что крымские ханы, считая себя прямыми наследниками Золотой Орды [16, с. 27; 11, с. 419], упорно не признавали суверенитет московских государей, и это отражалось на положении русских посланников и отношении к ним крымских чиновников. Если в отношениях с европейскими государствами издевательства над дипломатами были недопустимы, то в отношениях с Крымом это вошло в систему [16, с. 35—36].

На протяжении своей истории (1475—1774) Крымское ханство находилось в вассальной зависимости от Османской империи и было орудием проведения её внешней политики в Европе и Передней Азии (Иран) [15, с. 97]. От состояния отношений Крыма и Турции во многом зависело состояние отношений Бахчисарая и Москвы. На рубеже 1630—1640-х гг. политика ханов по отношению к султану менялась от противоборства к активному сотрудничеству [11, с. 42, 101—102, 245—250 и др.]. В периоды относительно мирных отношений, «не имея возможности воевать с Московским государством и увести из него полон, крымцы с тем большим ожесточением насильствовали посланников и домогались от московского правительства увеличения поминок. В этом выражалось стремление компенсировать себя за отказ от добычи; можно сказать, что это была та же война, но только ведённая в иной форме и иными средствами» [11, с. 251].

В результате отношений возник острый дипломатический кризис. Его причиной стало взятие в июне 1637 г. донскими казаками Азова, который они удерживали вплоть до 1642 г. Сам замысел захвата города зрел уже давно, т.к. тот был не только крупным центром торговли русскими пленниками*, «он был также одним из очагов по организации татарских набегов как на южнорусские города, так и на донские казацкие городки» [9, с. 49]. Несмотря на то, что захват города вызвал энергичный протест турок и кризис в русско-турецких отношениях, присутствие казаков в низовьях Дона дополнительно сковывало действия кочевников. Овладение крепостью оказало существенное влияние на русско-крымские отношения, заставив татар пересмотреть отношение к Москве и на короткий срок прекратило их нападения. Так начался новый период в истории московско-татарских отношений [11, с. 256—257, 261].

На фоне этих событий московские посольства в Крыму подвергались вымогательствам путём понуждения русских посланников и их

* Наряду с Кафой Азов (Тана) уже в XIV—XV вв. снабжал невольниками всё Причерноморье и Средиземноморье [7, с. 139; 8, с. 129].

сотрудников брать займы у местных ростовщиков [4; 5]. В документах Посольского приказа (РГАДА) сохранились материалы, показывающие механизм погашения займов, который сводился к тому, что в Москву приезжал крымский гонец и предъявлял «заёмные кабалы» сотрудникам посольства в Посольский приказ с требованием их оплатить, после чего московская казна погашала долги по кабалам.

В статье будут рассмотрены три посольства. Первое — Д. Астафьева и А. Кузовлева 1636—1638 гг. 16 августа 1637 г. крымский гонец Сал с товарищами предъявил посольским дьякам 76 кабал на 40 заёмщиков. Второе — посольство И. Фустова и И. Ломакина 1638—1640 гг. 9 октября 1640 г. крымский гонец Салтык потребовал оплаты по 159 кабалам, вымученным у 72 членов посольства. И, наконец, посольство В. Сухотина и С. Звягина 1640 г. 9 января 1641 г. крымский гонец М. Чилибей потребовал оплаты 23 кабал, оформленных на 22 сотрудников посольства.

Социальная категория / Род службы	1637 г.	1640 г.	1641 г.
Посланник / Подьячий	—	—	1 посланник, 1 подьячий
Толмачи / Переводчики	3 толмача	7 толмачей, 1 переводчик	1 толмач, 1 переводчик
Служилые по отечеству	6	—	—
Служилые по прибору	2	1	5
Духовенство	—	—	2
Посадские люди	1	1	—
Арбачеи	12	35	1
Вожи	3	6	—
Кречетники, сокольники, ястребники	7	21	—
Крестьяне	—	—	1
Другие	6	—	9
Всего человек	40	72	22

Обращают на себя внимание сотрудники посольств, которые непосредственно связаны с деятельностью по переговорам сторон — толмачи и переводчики. В посольстве Астафьева среди толмачей, взявших на себя кабалы, мы видим М. Девякова, М. Кучумова и А. Алымова [12, л. 217—219 об]. В составе толмачей-заемщиков посольства Фустова представлены А. Цвилинев, А. Кучумов, Л. Алымов, Е. Янчуров*, Ф.

* Согласно материалам Посольского приказа, толмач Емельян Янчуров прослеживается в этом ведомстве 51 год [2, с. 141].

Степанов, У. Альшев, К. Гнездилов. Кроме них, есть также переводчик Б. Безергенев [12, л. 261—268]. Переводчик М. Тевкелев и толмач А. Кучумов брали займы, будучи в посольстве Сухотина [12, л. 335 об. — 336]. Как видим, среди заемщиков в разное время оказались братья Мочак и Афанасий из небезызвестного рода Кучумовых, которые начиная с XVI в. служили московским государям в различных приказах, главным образом в Посольском [3; 2, с. 143].

Кроме толмачей и переводчиков, существенную роль в посольстве играли кречетники, сокольники и ястребники. Ловчие птицы — неотъемлемая часть царских даров крымскому хану и его приближенным [16, с. 130; 10], поэтому нуждались в постоянном уходе во время долгой дороги от Москвы до Бахчисарая. В посольстве Астафьева их представляли В. Угренин, С. Свиридонов, М. Чернышов, З. Марков, С. Зубков, О. Чернцов, И. Немпиров [12, л. 220—225 об]. Во время посольства Фустова взять на себя кабальный долг были вынуждены кречетники А. Дмитриев, А. Петров, С. Савелов, А. Уланов, К. Петров, О. Кучин, И. Яцкой и др. [12, л. 269—288 об]

Социальная категория / Род службы	Средний размер займа (руб.)		
	1637 г.	1640 г.	1641 г.
Посланник / Подьячий	—	—	45
Толмачи / Переводчики	36	29	8
Служилые по отечеству	44	—	—
Служилые по прибору	60,5	62 (1 чел.)	66
Духовенство	—	—	103,5
Посадские люди	30	54	
Арбачеи	44	40	6
Вожи	35	47	—
Кречетники, сокольники, ястребники	48	42	—
Крестьяне	—	—	9 (1 чел.)
Другие	34	—	118

В. Сухотин и С. Звягин в 1641 г. брали займы на 21 р. и 58 р., соответственно.

В 1637 г. минимальный размер займа толмачей составил 30 руб., а максимальный — 46,5. В 1640 г. — 10 и 42 руб. соответственно. В 1641 г. минимальную сумму занял толмач — 6 руб., а максимальную, 10, — переводчик. Служилые по отечеству, дети боярские, в 1637 г. брали в займы от 5 до 90 руб. Займы служилых по прибору в 1637 г. составили минимум 36 руб. и максимум 85. В 1640 г. в числе представителей данной

категории только один человек, на которого была оформлена кабала в 62 руб. Минимальный заём по прибору в 1641 г. составил 8 руб., а максимальный — 200. Представители духовного сословия в составе 2 чел. в 1641 г. заняли у крымских купцов 7 и 200 руб. Посадские люди, которые в 1637 и 1640 г. встречаются только по одному разу, брали кабалы на сумму от 30 до 54 руб. соответственно. Арбачей, самая многочисленная из рассматриваемых групп, в 1637 г. взяли максимум 83 руб., а минимум — 30. В 1640 г. максимальная ставка составила 69 руб., а минимальная — 25. И лишь один арбачей был вынужден взять кабалу в 1641 г., долг по которой составил 6 руб. Минимальная сумма займа вожей в 1637 г. составила 24 руб., а максимальная — 43. В 1640 г. они занимали от 10 до 93 руб. Кречетники, сокольники и ястребники в 1637 г. занимали от 42 до 66 руб. В 1640 г. займы кречетников составляли от 10 до 134 руб. Займы по кабалам людей, чей социальный статус или род службы остались неизвестными, равнялись суммам от 14 до 47 руб. в 1637 г. и от 2 до 200 руб. в 1641 г.

Посчитав максимальные, минимальные и средние размеры кабальных долгов различных категорий сотрудников посольству, мы можем рассчитать средние значения и по каждому посольству в целом. В 1637 г. на оплату кабал 40 заёмщиков потрачено 1702 руб., средний размер займа при этом составил 43 руб. В 1640 г. при оплате кабал 72 заёмщиков казна потратила 2907 руб., средний размер займа составил 45,6 руб. В 1641 г. оплата долгов 22 членов посольства стоила казне 1720 руб., средний размер займа — 50,8.

Среди тех, кто давал займы, были крымские купцы разных национальностей, с которыми связаны различные суммы займов и количество заёмных кабал. В 1637 г. кабалы оформляли в общей сложности 36 купцов, 30 из которых татары, 2 — греки и 1 армянин. Соответственно, наибольшее число кабал связано с татарскими купцами — 73 кабалы, а средний размер займа по ним составил 42 руб. Два греческих купца оформили две кабалы, средний размер займа по ним — 18 руб. Один армянский купец выдал кабалу на 30 руб. В большинстве случаев (16 чел.) у каждого заемщика было по два заимодателя. В 12 случаях заимодатель был один. У 9 заёмщиков их было по три и у двух — по четыре. Лишь в одном случае кредиторов было пять. В 1640 г. займы выдавали 40 кредиторов. 37 из них были татары, один грек и два караима. Как и в предыдущем случае, больше всего кабал дали татары — 141 кабала, средний размер займа составил 40 руб. Два долговых обязательства оформили два караимских купца, средний размер займа — 43 руб. Один греческий купец дал кабалу на 12 руб. [4, с. 309]. У большинства заёмщиков было один (24 чел.) или два (27 чел.) заимодателя. В 14 случаях их было три, в 4 — четыре и в 5 — два кредитора, соответственно. В 1641 г. известно 18 купцов. 13 татар

выдали 16 займов, средний размер которых составил 72 руб. Четыре караима оформили 6 кабал в среднем на 92 руб. Один купец-грек дал кабалу на 80 руб. В большинстве случаев (21 чел.) заимодатель был один и только у одного заёмщика их было четыре [5, с. 85].

Источники погашения займа в 1637 г.	Чел.
Новгородская четверть	36
Деньги Шуйского («во иноцех Иона»)	37
Государево жалованье за «полонское терпенье»	11
Компенсация за счёт личных денег	34

В 1637 г. погашение кабал посольства Д. Астафьева осуществлялось, главным образом, из Новгородской четверти, которая выделила деньги на оплату кабал 36 чел. Впоследствии большинство из них были обязаны вернуть выделенную на выкуп сумму из личных денег. Пожертвования боярина князя И.И. Шуйского*, «во иноцех Иона» (479 руб.), также вошли в оплату долгов 37 чел., однако здесь освобождённый от кабалы человек не был обязан возвращать деньги благодетелю. Кабалы таких категорий, как кречетники, сокольники, ястребники, толмачи и станичник (11 чел.) отчасти покрывались за счёт государева жалованья за «крымскую службу и за изрон».

Источники погашения займа в 1640 г.	Чел.
Приказ Большого прихода	53
Новгородская четверть	51
Полоняничные деньги Проестева	31
Из Большого прихода с последующей компенсацией за счет арбачейской службы	28
Государево жалованье	67
Из Большого прихода с последующей компенсацией из личных денег	38
С продажи «дворов, животных и вотчин»	12

* Иван Иванович, по прозвищу «Пуговка» — последний из князей Шуйских. В качестве воеводы участвовал в событиях Смутного времени. Завидя военным успехам своего племянника М.В. Скопина-Шуйского, пытался его отравить. Боясь народного гнева, сдался в плен полякам. Ещё в бытность московским воеводой оказывал всяческое почтение пленным полякам — лечил от ранений, одаривал. Однако, попав в плен сам, попал в очень тяжёлые условия. После воцарения Михаила Фёдоровича вернулся на родину и занимал руководящие должности в московских приказах. Скончался в 1638 г. [14, с. 511—512]. Видимо, предчувствуя скорую смерть, принял монашеский постриг под именем Иона и решил пожертвовать деньги из сбережений на погашение долгов посольства.

В 1640 г. выплаты по кабалам сотрудников Фустова производились из Большого прихода, откуда выплачивалось государево жалование за крымскую службу, которое частично и покрывало долг основной части полоняников, Новгородской четверти, а также из полоняничных денег С.М. Простева*, 641 руб. («ис тех денег, которые присланы от окольного от Степана Матвеевича Простева, что доправлено на полонениках» [12, л. 286 об. — 287]). Источники оплаты кабал посольства Сухотина в 1641 г. не указаны в источнике, но, учитывая практику предыдущих посольств, очевидно, что и здесь долги погашались из Большого прихода и, вероятно, Новгородской четверти.

Часть выкупленных пленны должны были через определённое время вернуть потраченные средства. Причём 12 кречетникам пришлось погашать долги за счёт продажи своих «дворов, животов и вотчин». Арбачеи определённую сумму долга перед государством могли покрыть за счёт службы [4, с. 308—309]. В 1637 г. 34 чел., после ликвидации задолженностей перед купцами, должны были вернуть государству около 970 руб. Среди них долг 28 чел. составлял от 2 до 37 руб., а еще 6 — от 50 до 70. В 1640 г. 38 чел. оставались должны казне 1059 руб. 29 из них — от 4 до 38, 9 других обязаны были вернуть от 40 до 97. В 1641 г. из 22 заёмщиков 16 чел. должны были возвратить казне 1550 руб., семерым нужно было вернуть от 2 до 50 и девяти — от 80 до 230.

Таким образом, принятое при ханском дворе в Крыму жестокое обращение с московскими посланниками дало о себе знать с новой силой на рубеже 1630—1640-х гг. Документы по оплате «заёмных кабал» отражают достаточно широкий социальный состав заемщиков. Среди них присутствуют не только лица, бывшие в непосредственном контакте с крымскими чиновниками, но и служилые люди, а также те, кто не был связан с исполнением прямых задач посольств.

Сравнение размеров общих сумм займов показывает, что они из года в год росли. Это было связано как с общим ухудшением русско-крымских отношений, так и с экономическими потерями, которые несло Крымское ханство в условиях невозможности совершать набеги, забирать полон и заниматься работоторговлей. Вероятно, на увеличение сумм займов могли повлиять хозяйственный кризис и

* Степан Матвеевич Простев имел как дипломатический, так и военный и административный опыт, причём определённый промежуток его карьеры связан с южной окраиной. В 1617 г. был отправлен воеводой на Оскол, затем назначен в Земский приказ. В 1635 г. пожалован из думных дворян в окольные. В 1639 и 1644 гг. находился на Валуяхах для размена пленных [13, с. 102—105]. В 1640 г. на Валуиской размене под его руководством также осуществлялся выкуп пленных [6, с. 83].

сопряжённый с ним голод, а также подорожание хлеба, начавшиеся в Крыму в 1641 г. [11, с. 313.]

Подавляющее число крымских купцов, выдававших займы, составляли татары, равно как и наибольшее количество кабал связано с ними. Однако самые крупные суммы займов связаны с караимскими купцами, традиционно связанными с полонянничным торгом*. В подавляющем большинстве случаев заимодателей было один или два, в некоторых случаях — до пяти.

Источниками погашения долгов членов посольств служили не только государственные учреждения — Приказы Большого прихода и Новгородской четверти. Как правило, государственных средств не хватало, поэтому сами заемщики были вынуждены выплачивать недостающие суммы из жалованья и личных денег. Имели место и частные пожертвования. Тем самым, несмотря на давление крымской стороны, Русское государство могло решать проблему оплаты кабал государевых людей, при этом сохраняя политический курс по отношению к Крымскому ханству.

Список литературы

1. *Ахиезер Г.* Завоевание Крыма Российской империей глазами караимских хронистов. Иерусалим; М.: Гешарим / Мосты культуры, 2015. 240 с.
2. *Беляков А.В.* Служащие Посольского приказа 1645—1682 гг. СПб.: Нестор-История, 2017. 368 с.
3. *Беляков А.В., Енгальцева Е.А.* Документы о происхождении толмачей Посольского приказа Кучумовых // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Сер. История. 2017. № 2. С. 16—23.
4. *Жуков В.Д.* К вопросу о судьбе посольства Ивана Фустова и Ивана Ломакина в Крым в 1639 г.: «заёмные кабалы» рядовых членов посольства и их оплата Московским государством // Третьи чтения памяти акад. Л.В. Милова. Вып. 3. М., 2013. С. 305—310.
5. *Жуков В.Д.* К вопросу о судьбе посольства Венедикта Сухотина и Семёна Звягина в Крым в 1640 г.: «заёмные кабалы» членов посольства и их оплата Московским государством // Комплексный подход в изучении Древней Руси. Материалы X Международной научной конференции. М., 2019. С. 83—85.
6. *Жуков В.Д.* Выкуп пленных на валуйской размене в 1640 г. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2019. № 4. С. 82—90.

* Центром караимской общины был Чуфут-Кале, куда стекались заработанные от торговли пленными деньги. Они распределялись между другими общинами караимов, как в Крыму, так и за его пределами. Часть этих средств тратилась на выкуп пленников и другие нужды [1, с. 30—34]. Возможно, именно в силу больших затрат на поддержку общин в Крыму и в Европе караимские работоторговцы устанавливали самые высокие цены на выкуп полонянников.

7. *Карпов С.П.* Работорговля в Южном Причерноморье в первой половине XV в. (преимущественно по данным массарии Каффы) // *Византийский временник*. 1986. Т. 46. С. 139—145.
8. *Карпов С.П.* Работорговля в Тане в XIV—XV вв. (преимущественно по данным венецианских нотариальных источников) // *Византийский временник* 2017. М., 2018. Т. 101 С. 128—142.
9. *Куц О.Ю.* Донское казачество времени Азовской эпопеи и 40-х гг. XVII в.: политическая и военная история. М.: Старая Басманная, 2014. 596 с.
10. *Михайлова И.Б.* Ловчие на княжеской службе (XIV — первая половина XVI вв.) // *Исследования по русской истории*. Сб. ст. к 65-летию профессора И.Я. Фроянова. СПб.-Ижевск: Изд. Удмуртского ун-та, 2001. С. 141—151.
11. *Новосельский А.А.* Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в. М.—Л.: Изд. Акад. наук, 1948. 450 с.
12. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 123. Оп. 1. Кн. 22.
13. Русский биографический словарь (далее — РБС). Т. 15. Притвиц—Рейс. СПб., 1910.
14. РБС. Т. 23. Шебанов—Шютц. СПб., 1911.
15. *Флоря Б.Н.* Османская империя, Крым и страны Восточной Европы во второй половине 30-х — 40-х гг. XVII в. // *Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII в.* Ч. I. М., 1998.
16. *Юзефович Л.А.* Путь посла. Русский посольский обычай: обиход, этикет, церемониал. СПб.: Изд. Ивана Лимбаха, 2007. 344 с.

Идейные основания исторической политики царя Алексея Михайловича**

Аннотация. Статья посвящена выявлению идейных оснований исторической политики Русского государства середины XVII в. на основе анализа некоторых текстовых и нетекстовых источников. Показана специфика осуществления исторической политики, аргументирована необходимость привлечения разнопорядковых источников. Установлен ряд идей, повторяющихся от источника к источнику, что позволяет достоверно идентифицировать их как идейные основания исторической политики.

Ключевые слова: духовно-политическая мысль, историософия, историческая политика, Алексей Михайлович.

IDEOLOGICAL FOUNDATIONS OF THE TSAR ALEXEY MIKHAILOVICH'S HISTORICAL POLICY

Abstract. The article is devoted to identifying the main ideological foundations of the historical policy of the Russian state in the middle of the XVII century based on the analysis of some textual and non-textual sources. The specifics of historical policy implementation in the XVII century are shown, and the need to attract different sources is argued. A number of ideas that are repeated from source to source are established, which allows us to reliably identify them as the ideological foundations of the historical policy of Russia during the reign of Alexey Mikhailovich.

Keywords: spiritual and political thought, historiosophy, historical politics, Alexey Mikhailovich.

Использование истории в политических целях не является исключительной особенностью современности, но имеет давнюю традицию: «Во все времена и во всех странах различные общественные силы стремились навязать согражданам своё понимание прошлого»

* Александр Борисович Страхов – аспирант, специалист по учебно-методической работе кафедры Истории социально-политических учений факультета политологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия), e-mail: falconian@yandex.ru

Aleksandr B. Strakhov – Post-graduate Student, Specialist in Educational and Methodological Work of the Department of History of Socio-Political Studies of the Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia).

** Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 20-011-32194 «Идейные истоки государственной исторической политики в России (на материалах историко-политических сочинений середины XVII века)»

The reported study was funded by RFBR and EISR, project number 20-011-32194 “Ideological origins of state historical policy in Russia (on materials of historical and political writings of the mid XVII century)”

[6, с. 52]. Не была исключением и Россия в царствование Алексея Михайловича (1645—1676). Более того, многие мероприятия, принятые государством в этот период, парадоксальным образом предвосхитили ряд современных методов осуществления исторической политики.

А.И. Миллер, рассуждая о странах Восточной Европы в начале XXI в., отметил многообразие субъектов исторической политики, а также то, что «попытки политиков вторгнуться в сферу преподавания и общественного функционирования истории не встречают достаточно сильного сопротивления» [7, с. 13—15]. Думается, это наблюдение вполне применимо и к политической действительности 3-й четверти XVII в., когда «вновь важнейшее звучание приобретает идея самодержавности» [8, с. 495]. В России того времени подобное сопротивление оказывать было просто некому, поэтому любая историческая политика была государственной. Более того, она проводилась или санкционировалась лично Алексеем Михайловичем и имела ряд идейных оснований, которые выражались в конкретных источниках. При этом нужно учитывать, что в данном случае ими могут выступать не только тексты (тем более исторические), но и события, действия, символы, образы и т.п. Такое разнообразие источников позволит более точно определить идейные основания исторической политики России того времени.

К примеру, важное символическое значение имел факт переноса в 1652 г. в Москву мощей митрополита Филиппа (Колычева). Значимость этого духовно-политического события становится понятной благодаря двум посланиям Алексея Михайловича. В первом, которое царь обратил непосредственно к канонизированному святому-мученику, он акцентировал внимание на ряде важных исторических деталей.

Во-первых, царь опечален тем, что мощи митрополита изначально были перенесены в Соловецкий монастырь. А ведь именно в столице пребывают святые останки почивших московских владык, продолжающих возносить молитвы ко Господу, которыми «всё нам на пользу строится» [9, с. 160]. Однако, как пишет он с горечью, «тебя нет, богохранимого царствующаго града Москвы, во святой, великой и преименитой соборной апостольской церкви Пресвятыя, Чистыя и Благословенныя Владычицы наша Богородицы и Приснодевы Марии, святаго Ея Успения, исполняющим место с прежде и после тебя бывшими святителями, дабы ради общих ваших молитв» [9, с. 160]. Призыв к «общей молитве» означает, что святитель Филипп тоже войдёт в число молитвенников за Россию перед Богом, Который особо расположен к русскому народу и русскому самодержавию. Следовательно, лишний раз подчеркивается идея бого-

избранности России, появившаяся почти одновременно с распространением христианства. Во-вторых, Алексей Михайлович прямо назвал себя потомком Ивана Грозного: «Разрешить согрешение прадеда нашего, царя и великого князя Иоанна» [9, с. 160], что не только закрыло вопрос правомочности избрания Романовых на престол, но и окончательно передало им самодержавный статус, утверждённый венчанием Ивана на царство.

Подтверждение обеим идеям находим в послании государя казанскому воеводе Н.И. Одоевскому. Так, многочисленные чудеса исцеления подтверждают, что «даровал Бог целителя» [9, с. 161], что вновь подчёркивает особое расположение Господа к России. Однако затем Алексей Михайлович утверждает нечто парадоксальное: «Здесь месть восприяли от прадеда моего царя и великаго князя Иоанна Васильевича всея Руси, и там месть вечную примут, если не покаются» [9, с. 161]. Иначе говоря, защищать митрополита Филиппа царь призывает его фактического убийцу. Призыв, впрочем, объяснимый. В литературе отмечено, что «признание чужой памяти о страдании могут преодолеть... фатальное размежевание, создавая общую и обязательную для всех коммеморацию» [1, с. 295]. Таким образом рассуждение царя направлено на примирение русского народа и одновременно показывает, какую роль отводит Алексей Михайлович не только конкретно Грозному, но русскому самодержцу вообще.

Обращение к истории прослеживается и в эволюции написания царского титула. 28 июня 1654 г. особой грамотой в него были вписаны новые города Полоцк и Мстиславль. Интересна аргументация, вновь обращённая к истории: «Мы, Великий Государь, указали в Нашу Государскую титулу вписати города Полотск по прежнему, как писан наперед сего меж Рязанскаго и Ростовскаго, а Мстиславль после Кондийскаго» [10, с. 349]. Примечательно, что о новых городах говорится как о древней вотчине русских царей: «по прежнему». Этим подчёркивается, что ранее вновь обретенные города входили в состав единого Русского государства, которым управляет самодержавный правитель. Похожая аргументация звучит в именном указе от 3 сентября 1655 г.: «Наше Царское Величество учинились предков наших Великих Государей Князей Российских на Великом Княжестве Литовском и над Белою Россиею и на Волыни и Подолию Великим Государем» [10, с. 369]. Следовательно, возвращение и объединение русских земель происходит не только фактически, но и на символическом уровне.

Важнейшей дипломатической победой стала строка в преамбуле к Андрусовскому перемирию (1667): «С другой стороны, Божию милостию, Великаго Государя, Царя и Великаго Князя Алексея

Михайловича, всяя Великия и Малыя и Белья России Самодержца, и многих Государств и земель восточных, западных и северных отчича, дедича, Наследника, Государя и Обладателя» [10, с. 657]. Причём по условиям договора полагалось «титлы во всяких письмах... как в начале именовано, писати имеют» [10, с. 658]. Впервые русская историческая политика стала убедительным аргументом в международных спорах. Подписывая договор с таким титулом, Польша фактически признавала историческое право России на Малороссию и Белоруссию, а также другие «отчины и дедни» земли, которые пока ещё входили в состав Речи Посполитой.

Итог изменениям подвёл именной указ «О Титуле Царском и о Государственной печати»: «Мы, великий государь, царь и великий князь Алексей Михайлович, всяя Великия и Малыя и Белья России самодержец, Московский, Киевский, Владимирский, Новгородский, царь Казанский, царь Астраханский, царь Сибирский, государь Псковский и великий князь Смоленский, Тверский, Югорский, Пермский, Вятский, Болгарский и иных государств, и великий князь Новагорода Низовския земли, Черниговский, Рязанский, Ростовский, Ярославский, Белоозерский, Удорский, Обдорский, Кондийский и всяя Северная страны повелитель и государь Иверския земли, Карталинских и Грузинских Царей и Кабардинския земли, Черкасских и Горских князей, и иных многих государств и земель, восточных и западных и северных, отчич и дедич и наследник и государь и обладатель» [10, с. 737]. В новом титуле сплелись идеи наследного неотъемлемого самодержавного статуса русских государей и общерусского единства.

Важным для понимания идейных оснований исторической политики царя является учреждение в 1657 г. Записного приказа, который должен был «записывати степени и грани царственные» [2, с. 55]. Его руководители, дьяки Т. Кудрявцев и Г. Кунаков, занимались сбором самых разнообразных источников — летописей, записок, архивных материалов Посольского и Разрядного приказов, устных свидетельств, а также переводной литературы. Все действия они должны были регулярно согласовывать с царём: «Не укажет ли он, великий государь, поискати о начале великославного Сарматского, Славенского, Руского народов... А в кронике полской Матвея Стрийковского чаят написано о Сарматском, Славенском и Русском народех и о Московском старовечном имяновании к славе» [2, с. 72]. В 1659 г., после смерти Кунакова, приказ упразднили. Однако, хотя недолгая деятельность приказа постоянно осложнялась техническими и бюрократическими препятствиями, на основе сохранившихся документов можно сделать несколько важных выводов. Впервые в истории был создан механизм обеспечения и деятельности «инсти-

тута национальной памяти» (следующая подобная организация будет создана в Польше лишь в 1998 г.), а также подготовлены достоверные списки новых источников и их местонахождение. С идейной точки зрения в деятельности приказа заметно слияние теории происхождения русских самодержцев от римского императора Августа с теорией сарматского происхождения славян. Но если в Польше сарматизм стал дополнительным фактором разделения жителей на шляхту-поляков и преимущественно русское православное крестьянство, то приказ, вероятно, подводил к русско-польскому единству с перспективой не только воссоединения русских земель под сенью Москвы, но и присоединения собственно Польши.

Деятельность Записного приказа все же не осталась безрезультатной. Так, в 1669 г. Ф.А. Грибоедов создал «Историю о царях и великих князьях земли Русской»: «“История” Грибоедова составлена была для руководства государевых детей в их первом знакомстве с историей родины и их царской семьи» [4, с. IX]. Отсюда становится понятен компилятивный, отчасти устаревший характер произведения, которое, тем не менее, пополнялось актуальными сведениями.

В первых главах Грибоедов сжато повторил структуру Степенной книги царского родословия и её историософию: «В Русей земли первый благочестию держатель свято поживший, боговенчаный великий и равноапостольный князь Владимиръ Святославич, наречённый во святом крещении Василий, сродник Августу, кесарю Римскому, от него жь праведное его изражение, иже бяху от Бога яко райская древеса насаждени» [4, с. 6]. Важно, что Грибоедов начал историю русской государственности не с первого православного правителя, подчеркнув при этом его родство с Августом и богоизбранность династии. При этом Владимир именовался «единосамодержцем», что является причудливым соединением двух разных вариантов правления. Первым венчаным царём на Руси предстал Владимир Мономах. Его дед, византийский император Константин, передал дары, среди которых и царский венец, уже ставший к тому времени главным символом русского самодержавия.

Текст Грибоедова не лишён провиденциализма: «Честь и слава великого княжения восхождаше на боголюбивый град Москву, в нем же хотяше Бог сугубо прославити святое Своё Имя и первосвятительство, и боговенчанное царство утвердити» [4, с. 19]. Так начинается апологетика московских правителей — богоизбранным городом не может править небогоизбранный князь и тем более царь. Особое внимание уделено первой жене Ивана Грозного — Анастасии Романовне. Грибоедов пишет о ней почти как о святой, благоприятно влиявшей на нрав супруга. Через неё Романовы становятся причастны к династии Рюриковичей и в дальнейшем получают право не

только на престол, но и на сакральность, и на все духовно-политические идеал-образы, созданные при предшественниках. В Смуту Господь специально готовит их к чему-то большему: «По милости великаго Бога от рода их Никитичев Романовых востати имать скипетродержец Российскому царствию» [4, с. 28]. Так объясняется воцарение рода.

«История о царях и великих князьях» доносила до читателя идеи происхождения русских правителей от римского императора и необходимости «крепкого корня» самодержавия. Самодержавие предстало своеобразным атрибутом власти московских правителей, который присущ ей в любой обстановке из-за особого Божественного промысла.

Однако написанная в устаревшем жанре лестницы, книга уже не удовлетворяла запросы общества. Ей на смену пришел «Синописи, или Краткое описание о начале русского народа», созданный в Киево-Печёрском монастыре по инициативе архимандрита Иннокентия (Гизеля) и известный в редакциях 1674, 1678 и 1680 гг. Хотя прямой санкции Алексея Михайловича на его создание не было, царская семья благосклонно отнеслась к этой книге и обрела несколько экземплярами. Созданный в относительно недавно возвращённом Киеве под перекрестным влиянием польской учёности и русской традиции, «Синописи» стал главным проводником идеи общерусского единства. Так, в книгу вошла идея сарматского происхождения славян М. Стрыйковского. При этом общерусское единство, как и в царском титуле, подтверждалось не только общностью происхождения и истории, но и самодержавным статусом правителей: «Великий Князь Владимир Светославич, идущ от корене Августа Кесаря Римскаго, владевшего всею Вселенною, внук Игорев, правнук Рюриков, по смерти братии своя Ольга и Ярополка, объеми их Княжения и всю Россию полуношную, восточную, полуденную, Белую и Черную к своей власти приведши, нача писатися Царем и Великим Князем и Самодержцем Российским» [5, с. 46]. Возвращение Киева под сень старинной династии явилось для Иннокентия важнейшим событием русской истории, возвращением на нормальный путь развития [см.: 3].

Выше представлено пять разных источников. Тем не менее, в них можно проследить несколько повторяющихся идей — исключительность правящей династии и России в мировой истории; идеал самодержавного правления; национально-религиозное единство православного русского народа. При этом зачастую они заимствовались из XVI в., претерпевая изменения под влиянием современности. Именно эти идеи легли в основание исторической политики Русского государства и привели к созданию цельного взгляда на собственную историю.

Список литературы

1. *Ассман А.* Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 328 с.
2. *Белокуров С.А.* О Записном приказе // Из духовной жизни московского общества XVII в. М.: Университетская типография, 1902. С. 53—84.
3. *Болдин В.А., Страхов А.Б.* Национальное vs общеславянское в русских источниках XVII в. // Диалог со временем. 2020. № 71. С. 182—191.
4. *Грибоедов Ф.А.* История о царях и великих князьях земли Русской (по списку СПбДА, № 306) / Сообщ. С.Ф. Платонова и В.В. Майкова. СПб.: Синодальная типография, 1896. 72 с.
5. Киевский синопсис. Киев: Киево-Печёрская лавра, 1836. 400 с.
6. *Копосов Н.Е.* Память строгого режима. История и политика в России. М.: Новое литературное обозрение, 2011. 320 с.
7. *Миллер А.И.* Историческая политика в Восточной Европе начала XXI в. // Историческая политика в XXI веке: сб. ст. / Под ред. А. Миллера, М. Липман. М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 7—32.
8. *Перевезенцев С.В.* Русские смыслы: Духовно-политические учения России X—XVII вв. в их историческом развитии. М.: Вече, 2019. 608 с.
9. Письма и послания царя Алексея Михайловича // Самодержавное царство первых Романовых. М.: Издательство «Социально-политическая Мысль», 2004. С. 160—174.
10. Полное собрание законов Российской империи: собр. 1-е. Т. 1: 1649—1675: № 1—618. СПб., 1830. 1072 с.

Василий Тяпкин, польско-русские культурные связи и выражение «пал крестом»

Аннотация. В русском переводе романа популярного польского писателя А. Сапковского «Башня шутов» один из героев «пал крестом на пол». Это не первое появление выражения в русском языке — за несколько веков до этого нечто похожее отмечено на страницах документов московской резидентуры в Речи Посполитой. Автор доклада старается вскрыть «смысловые уровни» необычной фразы, обнаружить взаимосвязь между изречением и культурно-политической ситуацией в Польско-Литовском государстве XVII в.

Ключевые слова: Московское царство, Польско-Литовское государство, XVII в., иноязычные заимствования, язык телодвижений, св. Станислав из Щепанова, покаяние.

VASILY TYAPKIN, POLISH-RUSSIAN CULTURAL RELATIONS AND THE EXPRESSION «PADŁ KRZYŻEM»

Abstract. In the Russian translation of the novel «Narrenturm» by the popular Polish writer Andrzej Sapkowski, one of the heroes «pal krestom na pol». This is not the first appearance of the expression in the Russian language — several centuries ago we noticed it on the pages of documents of the Moscow residency in The Polish-Lithuanian Commonwealth. The author of the report tries to reveal the meaning of a somewhat unusual phrase, to discover the relationship between the saying and the cultural and political situation in the Polish-Lithuanian state of the XVII century.

Keywords: Muscovy, The Polish-Lithuanian state, XVII century, foreign language borrowings in Russian, body language, Stanisław Szczepanowski, repentance.

Около 12 лет мы отдали документам первого русского посланника в Речи Посполитой В.М. Тяпкина (полномочия с 1673 по 1677 гг.). Работа эта, как любая научная деятельность, не была чем-то статичным: вскрывались новые обстоятельства, пополнялась литература, совершенствовались методы, устранялись недочёты и т.д. Бумаги посланника были рассмотрены с разных позиций: искусство, политика, личный аспект. Как оказалось, одним из наиболее перспективных направлений является лексическое богатство документации миссии — всякого рода писем, отписок, статейного списка Тяпки-

* **Арсений Владимирович Богатырёв** — кандидат исторических наук, независимый исследователь (Тольятти, Россия). e-mail: sob1676@yandex.ru
Arseniy V. Bogatyrev — Candidate of Historical Sciences, Independent Researcher (Togliatti, Russia).

на. В них отобразилось воздействие «западной» иноязычной среды, в которую в силу своих обязанностей погрузились члены миссии, налаживавшие связи с носителями во многом чужой ментальности и «мовы».

Воссоздание целостной картины прошлого практически невозможно без учёта языкового компонента — не попытавшись постичь язык современников, не приблизишься и к познанию самой эпохи. Поэтому в последней нашей статье вместе с публикацией архивного документа мы, с понятными оговорками, предложили этимологии нескольких лексем и связанных с ними выражений [1, с. 66—103]. Некоторые из них являлись лишь единичными случаями, не получившими широкого распространения в русском языке. К таковым стоит отнести и ещё один, который русскому человеку XXI в. может показаться несуразным — выражение «пал крыжем».

Словосочетание встретилось в описании коронации Яна III Собеского, состоявшейся в Кракове в 1676 г. Новый король прибыл в кафедральный собор св. Станислава и Вацлава, «а вшедчи в костел, королевское величество шед до олтаря; а пришедчи к олтарю Божию, покланнул на колени и *пал крыжем* (курсив наш. — А.Б.)... и полежав крыжем, стал на колени и слушал... присягу свою, на которую присягал по элекции своей... дабы то всё здержано и непоколебимо было, на что паки королевское величество верою подтвердил» [5, с. 319].

Сделаем отступление: «писания» Тяпкина, помимо всего прочего, служили инструментом фиксации «символической» стороны событий, в первую очередь отражавшейся в языке тела, жестов [6, с. 51], ещё игравших в данный период довольно важную роль [8, с. 117]. Понятно, что для «берегущего честь» московского государя [9, с. 242] подобные этикетные условности значили много. «Телесный язык» в донесениях резидента принимал разное обличье: снять — надеть головной убор, «витать» («привитати») рукой, встать — сесть, поклониться («по обычаю в пояс») [15, д. 161а, л. 157, 416, 446—446 об., 461, 772 об.—773, 777 об.; 14, с. 281—282] и др.

Многое из этой невербальной коммуникации, разумеется, относилось к традициям встречи или проводов. Ещё больше подобного видим в церемониальной части, где жесты сочетались с использованием различных предметов: знамени, книги, королевского венца, креста, меча, перстня, платка [5, с. 320, 321, 322, 324, 325, 326] и пр. Всё это воспринималось как особый способ общения представителя власти с подданными, через жестикуюляцию «нижестоящим» адресовался тот или иной посыл (см. подробнее: [4]). Излишне объяснять, что изучение этого «смыслового горизонта» имеет большую важность, в особенности для наблюдательного дипломата, который за

рамками привычного «официоза» различал и интимные моменты (взять за руку *etc*) [14, с. 282], способные намекнуть на подлинное состояние дел [13, с. 16].

Итак, что же значит диковинное выражение «пал крыжем»? Составляющая фразы «крыж» (пол. Krzyż — крест) наводит на мысль об области духовной, отсылает к религии. Фрагмент нам подсказывает, что данная формула обозначала действие, когда король «поклонился» (т.е. опустил) на колени перед алтарем. При этом данное сочетание появляется у Тяпкина именно в описании коронационных мероприятий, отсутствуя в других случаях. Понятие, в котором соединились знаковые для шляхты категории креста (католического) [21, s. 48] и покаяния, выступает «эссенцией» польского мировосприятия, выражением религиозной польской души. Знакомящиеся с записками Тяпкина, таким образом, прочитывают «книгу знаков» символического пространства соседнего государства.

Изречение оказалось настолько своеобразным, что московский посол посчитал необходимым дать некое дополнительное разъяснение к увиденному действию: «Обычай убо [у] тех ново[из]бранных государей тому молению, якобы болезнующи о таком злом учинении предка их, и на память того Болеслава присягать, еже им, государем будучи, на слуг Божиих рук своих не подносить, яко учинил король Болеслав» [15, д. 178, л. 85]. Речь идёт о «церемониальном» раскаянии за давнее событие — убийство краковского епископа Станислава (Щепановского) королём Болеславом II Смелым. Выходит, поза «пал крыжем» является свидетельством смирения, большой скорби, глубокого покаяния.

По всей видимости, это коленопреклоненное положение. В большей степени позиция схожа с падением ниц, когда верхняя часть тела почти полностью соприкасается с поверхностью земли (в российском обычае — земной поклон). Из текста вытекает: «пал крыжем» соседствует со словом «лежать», государь «падши на землю... и лежал долгое время» [5, с. 318] (в «Словаре» Линде термин объясняется как положение лицом в пол, раскинув руки, когда сильно упрашивают, просят милости, помилования [23, s. 525]). Пример с «пал крыжем» относится не только к конкретно коронации, но и к посещению королём в рамках коронационных обрядов «Скалки» — первого по времени святого места поляков, связанного со св. Станиславом. Отметим здесь переключку с «диариушем» Богуслава Казимежа Маскевича, также находившегося среди очевидцев тех событий [20, s. 127—128].

Причем Тяпкин как бы объединяет свидетельства о королевском визите на «Скалку» Маскевича и другого наблюдателя, М. Емеловского, обмолвившись, что монарх посещал святыню дважды: «А егда

королевское величество приехал на замок... вшел королевское величество в костёл до каплицы святого Станислава, пред олтарём поклякнул на колена. Потом, ксёндз бискуп Краковской имел до королевского величества орацию, сприветствующе ему счастливаго въезду; на которую орацию королевское величество чинил отповедь. А подав бискуп королевскому величеству благословение и дав ему главу святого Станислава поцеловать, которая суть в златом ковчезе устроена, и тогда музыка костелная, благодаряще Бога, всеми гласы крикнула» [5, с. 315]. Добавим при этом, что в имеющихся описаниях коронаций Яна II Казимира (1649), Августа II Сильного (1697) и Августа III (1734) понятие «пал крыжем» встречается исключительно в церемониале возложения короны [25, s. 88; 24, s. 18, 38].

Почему же московский посланник остановился на этом, кажется, не столь значительном действии? Ведь и в России его царское величество выезжал на богомолье и склонялся перед святыми образами [17, с. 94]? Прежде всего, в задержавшей внимание посла сцене воплотилось одно из главных отличий Речи Посполитой от Русского царства, кроющееся в различных отношениях между государем и подданными. Лежавший «крыжем» в костёле монарх обращался в ритуализированной покаянной молитве не только к Всевышнему, но и к «народу», к земным людям. Даже чисто визуально его жест говорил о многом — король лежал посреди стоявшей в храме шляхты. В том числе в этой позе символически выражалось пускай и мнимое, но всё-таки превосходство шляхетства. Воспитанный в ином духе [2, с. 531] Тяпкин находил в данном акте подтверждение своим мыслям, вылившимся в узнаваемое «что жбан, то пан» [18, с. 216].

Выражение интересное, но вот вопрос — откуда оно было заимствовано? На первый взгляд, всё довольно просто. Резидент вращался в кругах польской и литовской знати, в значительной степени уже полонизированной [12, с. 414]. Следовательно, термин происходит из польского. Однако, например, венгерский славист А. Золтан напоминает, что немало выглядящих полонизмами слов давно перекочевало к нам через западнорусизмы, в белорусской (от литвинов) или украинской адаптации. Так обстоит дело с лексемой «крыж», которая уже довольно долгое время была известна носителям «западнорусского языка» [11, с. 93].

В то же время сама конструкция выражения говорит, что в целом изречение является «выемкой» из польской речи (пол. *padł krzyżem*), где оно, к слову, встречается и по сей день (переводчики одного из романов известного польского фантаста А. Сапковского перевели его как «пал крестом» [16]). А вот в «западнорусском» обращении к «пал крыжем» весьма немного [3, с. 242]. Что же до его появления в русском языке, то здесь словосочетание замечено в первую очередь в

творчестве писателей украинского происхождения — Г.П. Данилевского и П.А. Загребельного. При этом сохраняется польская семантика: у первого царевич Иоанн Антонович «упав крестом» «горячо молился»; у второго застаём за упомянутым занятием самого Ярослава Мудрого [7, с. 184; 10, с. 728]. Из польских примеров наиболее «цитируемый» фрагмент с применением понятия — текст М. Кромера [22, с. 55—56]. Чаще всего данной позой выражали благоговение, преклонение при обращении к Высшим силам. Уже наш современник К. Войтыла (папа Иоанн Павел II) отозвался о данной позе как о ползании червя («Jam, jako robak u Twych stóp») [19, s. 265], которым кажется человек перед лицом Господа.

Семантическая составляющая понятия немного прояснилась. Попробуем прояснить ещё один нюанс. Сообщение о коронации Яна III могло как принадлежать Тяпкину, так и быть переводом с польского или латыни. Данную версию, наверное, стоит отодвинуть в сторону — как правило, в этом случае бумаги дипломата имели бы соответствующую пометку типа: «С полского писма» [15, д. 161а, л. 262 об.]. Обычно «переклад» готовился в Посольском приказе с высланных резидентом подлинников или копий, но мог быть сделан и непосредственно в миссии: для перевода польских и латинских «писем» к резидентуре прикреплялся сотрудник «по профилю» [15, д. 161а, л. 7]. Отличить переводные включения (пересказ) от наблюдений самого посланника подчас довольно трудно.

Как бы то ни было, понятие всё-таки заявило о себе на русском языке. Очевидно, что без него вполне можно было бы и обойтись. Но резидент заострил внимание читателей на любопытном действе, подробно раскрыл его смысл. «Пал крыжем» превратилось в неотъемлемую часть описания коронационного обряда, подчеркнуло особенности польской религиозной жизни, особое «звучание» церемониального момента. Своеобразное выражение не пошло дальше страниц донесений Тяпкина. Однако на его примере ярко видна информативность бумаг русского посланника с ещё одной стороны — жест и его символическое значение в ритуалах власти Речи Посполитой.

Список литературы

1. *Богатырёв А.В.* Русский текст «pacta conventa» Яна III Собеского и его польский первоисточник // Герменевтика древнерусской литературы. Сб. 19. М.: ИМЛИ РАН, 2020. С. 66—103.
2. *Бычков В.В.* Русская средневековая эстетика XI—XVII вв. М.: «Мысль», 1992. 640 с.
3. *Варенцов В.Г.* Сборник русских духовных стихов. СПб.: «Общественная польза», 1860. 248 с.

4. *Воскобойников О.С.* Средневековые крупным планом. М.: «Бомбора», 2020. 240 с.
5. Выписка из статейного списка Русского посольства в Польшу, 1673 г. // Иванов П.И. Описание Государственного архива старых дел. М.: Тип. С. Селивановского, 1850. С. 305—327.
6. *Гуревич А.Я.* Избранные труды. М.; СПб.: «Университетская книга», 1999. Т. 2. 559 с.
7. *Данилевский Г.П.* Мирович. Княжна Тараканова. Сожжённая Москва. Минск: «Беларусь», 1985. 624 с.
8. *Даркевич В.П.* Цивилизация Древней Руси XI—XVII вв. М.: «Белый город», 2011. 520 с.
9. *Забелин И.Е.* Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. Кн. 1. М.: «Книга», 1990. 416 с.
10. *Загребельный П.А.* Ярослав Мудрый: роман. М.: Дрофа; Лирус, 1994. 733 с.
11. *Золтан А.* Interslavica. Исследования по межславянским языковым и культурным контактам. М.: «Индрик», 2014. 224 с.
12. История белорусской государственности. Т. 1. Минск: «Беларуская навука», 2018. 598 с.
13. *Мессинджер Ж.* Словарь жестов. М.: «РИПОЛ классик», 2019. 720 с.
14. Письмо Тяпкина к А.С. Матвееву 1677 года 27 марта // Попов А.Н. Русское посольство в Польше в 1673—1677 гг. СПб.: Тип. Морск. кадет. корп., 1854. С. 281—287.
15. Российский государственный архив древних актов. Ф. 79. Д. 161а, 178.
16. *Сапковский А.* Божьи воины (Башня шутов. Божьи воины. Свет вечный). URL.: <https://www.litres.ru/andzhey-sapkovskiy/bozhi-voiny-bashnya-shutov-bozhi-voiny-svet-vechnyy/chitat-onlayn/page-13/> (дата обращения: 01.09.2020).
17. *Снегурёв И.М.* Памятники московской древности. М.: Тип. А. Семена, 1842. 554 с.
18. *Соловьёв С.М.* История России с древнейших времен. Кн. 7. Т. 13—14. М.: СОЦЭКГИЗ, 1962. 725 с.
19. *Jan Paweł II.* Poezje, dramaty, szkice. Trzyptyk rzymski. Kraków: «Znak», 2004. 594 s.
20. *Jarczykowa M.* Koronacja Jana III Sobieskiego w ujęciu poetów i pamiętnikarzy // Acta Universitatis Lodzianis. Folia Litteraria Polonica. 2019. № 2. S. 117—135.
21. *Kowalski J.* Niezbędnik Sarmaty. Poznań: Fundacja św. Benedykta, 2006. 227 s.
22. *Kromer M.* Historyja prawdziwa o przygodzie żalosnej księżcia finlandzkiego Jana i królowny polskiej Katarzyny. Olsztyn: «Pojezierze», 1983. 117 s.
23. *Linde S.B.* Słownik języka polskiego. Lwów: Zakład Ossolińskich, 1855. Т. 2. 691 s.
24. *Syrokomla W.* Dwie koronacye Sasów, Augusta II i Augusta III królów polskich. Wilno: J. Zawadzki, 1854. 80 s.
25. Wyimki z dawnych historycznych rękopisów // Dniestrzanka. Zbiór artykułów wierszem i prozą ku zabawie i nauce. Lwów: J. Schnayder, 1841. S. 79—92.

Миссия Яна Белевича в Москву в 1679 г.**

Аннотация. На основании изучения материалов Посольского приказа рассматривается дипломатическая инициатива молдавского господаря Георгия Дуки, направившего в качестве посланника в Москву в марте 1679 г. капитана Я. Белевича, и реакция на неё московского правительства.

Ключевые слова: Русско-турецкая война, Чигиринские походы, Ян Белевич, XVII в.

THE DIPLOMATIC MISSION OF YAN BELEVICH IN MOSCOW (1679)

Abstract. The study is based on the complex of documentation of Posolsky prikaz (collection “Relations between Russia and Turkey”, Russian State Archive of Ancient Acts). The diplomatic initiative of the Moldovan ruler George Duca and the position of the Moscow government in the specified period are considered.

Keywords: Chygyryn Campaigns, Russian-Ottoman war, Yan Belevich, 17th century.

Разрушением Чигиринской крепости и отходом османских войск завершился этап очередной русско-турецкой войны, характеризовавшийся наступлением турецко-татарской армии на Чигирин и Украину. Направив в 1678 г. на Украину 120-тысячную армию под командованием великого визиря Кара Мустафы-паши, османы рассчитывали захватить Чигирин (утвердив там гетманом Ю.Б. Хмельницкого), Киев и, в случае успеха, двинуть войска на Левобережье.

Однако военная кампания оказалась исключительно тяжёлой для обеих сторон, а итоги её — достаточно противоречивыми. Войскам великого визиря удалось взять Чигирин — важную пограничную крепость, которую, не рассчитывая удержать, турки разрушили при отходе к Дунаю. Этот успех, а также тяжёлое поражение сторонников московской ориентации под Каневым в начале сентября привели к восстановлению власти поддерживаемого Турцией Хмельницкого над частью Правобережья. В то же время османы не смогли

* **Мадина Рашидовна Яфарова** — кандидат исторических наук, научный сотрудник Центра источниковедения Института российской истории РАН (Москва, Россия). e-mail: mryaf@bk.ru

Madina R. Yafarova — Candidate in Historical Sciences, Researcher, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

** Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-09-00496, «Московское государство, Османская империя и Крымское ханство в XVII в.»

нанести решительного поражения русско-украинским войскам, командующие которой сумели сохранить в целостности полевую армию и отступить к Днепру. Московское правительство было полно решимости продолжать войну, а авторитет Хмельницкого даже на правом берегу Днепра был невысок. Обе стороны претендовали на Правобережье, но ни одна из них к концу 1678 г. не получила над этой территорией военного контроля. Рассчитывать на лёгкие успехи османам здесь не приходилось, а между тем назревающий конфликт с Австрией требовал оперативного завершения войны в Восточной Европе.

В этих условиях было важно, по чьей инициативе начнутся переговоры и в какой форме они будут вестись. Интерес представляют дипломатические инициативы, предпринятые сторонами после военных столкновений. Эти вопросы рассматривались в работах С.М. Соловьева [5], Н.И. Смирнова [4], Г.В. Ходыревой [6]. Выход с инициативой о мирных переговорах и объявление условий ставили каждую сторону в невыгодное положение: это могло рассматриваться как проявление слабости и даже признание поражения. В поисках выхода из этого положения русское правительство в декабре направило в Стамбул миссию дворянина В. Даудова и подьячего Ф. Старкова, однако наказ ему был сформулирован таким образом, чтобы избежать трактовки посольства как признания поражения или желания начать переговоры. Согласно царскому наказу, дипломатам поручалось только передать грамоты османским сановникам, при этом «сверх грамоты» говорить «ни о чём не наказано» [1, л. 56]. В самих грамотах не упоминалось о конкретных мерах для разрешения конфликта; очевидно, инициатива переговоров, по мысли правительства, должна была принадлежать Порте [7].

Одновременно и османское правительство искало пути к началу переговоров. Стоит отметить, что в историографии на данный момент установилось мнение, что в 1679 г. Порта, «не зная об отправлении посольства Даудова, поручила волошскому господарю Дуке быть посредником при мирных переговорах с Россией», где «он сразу попытался определить основной круг территориальных претензий Турции» [6, с. 179—180]. Однако отложившиеся в фонде «Сношения России с Турцией» РГАДА документы позволяют пересмотреть данный тезис и уделить больше внимания данной инициативе Москвы.

Известно, что от различных информаторов уже летом 1678 г. стали поступать известия, что «салтан турецкой прекращения войны желает» [1, л. 43 об.], однако они не подтверждались официальным Стамбулом. В результате посольству Даудова и Старкова было поручено выяснить намерения турецкой стороны и провести разведывательные действия относительно планов османов на будущий год. Буду-

чи в марте 1679 г. в Яссах, Даудов выяснил, что османы планировали отправить в Москву собственную дипломатическую миссию, однако, узнав о прибытии русской делегации, предпочли её задержать. По его сведениям, «салтан, де... указал было к царскому величеству послать чауша, чтоб царское величество войну прекратил и всю Малую Росию, как владел Богдан Хмельницкой, в сторону его салтанов уступил. И чауш, де, уже был на отпуске у салтана, и как, де, ведомо учинилось у салтанова двора, что к салтану еду и в Батурином приехал, и для, де, того чауша и задержали». Одновременно в Стамбуле, по-видимому, решили воспользоваться посреднической деятельностью назначенного в конце 1678 г. молдавским воеводой Г. Дуку. Поэтому «к Дуке, воеводе молдавскому, прислан от салтана указ, чтоб он яко верной и доброжелательной ему, салтану, послал бы наскоро к царскому величеству верных людей против прежние обсылки... и писал бы к царскому величеству будто он царскому величеству сприяствует и желает того, чтоб царское величество уступил по Днепр, а он воевода может то у салтана учинить, что по ево прошению салтан к миру склонитца. И посланники уже до царского величества от Дуки воеводы готовы и пойдут вскоре, и таких сприяствующих подобает остерегатца» [1, л. 100—100 об.]. Очевидно, что Даудов всячески подчеркивал подчинённый статус господаря и предостерегал царя от согласия на его посредничество, намекая, что московская сторона окажется по отношению к Порте в позиции «просящей».

Даудов сообщал, что «салтан Дуке верит, для которой верности его учинил воеводою молдавским, и живет в Ясах з женою и з детьми, не так как прежние воеводы без жен в Ясах живали». Важно, как представляется, замечание о том, что «волошаном и греком верить невозможно, потому что великие плуты и бога в них нет, и хотя во очесех являютца быть желательными, токмо невозможно им верить» [1, л. 103]. В данном случае речь о том, что идея посредничества христианских подданных Османской империи кажется дипломату опасной, т.к. от них нельзя ожидать не только поддержки русской позиции, но и минимальной независимости от своего правительства.

Как показали дальнейшие события, информация Даудова. 7 апреля 1679 г. в Киев из «Волоской земли из города Яс» прибыл посланник Дуки капитан Я. Белевич [1, л. 116]. 26 апреля он встретился в Болхове с подьячим Посольского приказа А. Васильевым, с которым направился в Москву. 1 мая Белевичу был отведён «за Москвою рекою в ордынской слободе... двор доброй» [1, л. 117].

Об изначальном недоверии к посланнику свидетельствует посланный в Стрелецкий приказ указ о назначении караула: «Указал великий государь поставить на дворе, где стоять волоскому посланцу, стрельцов пять человек и велеть у него стрелцом стоять, переме-

няясь, посуточно до отпуску ево с Москвы, а посылать стрельцов к тому посланцу на караул каренных и добрых» [1, л. 117 об.]. 5 мая по царскому указу Белевич был «на розговоре» в Посольском приказе «у дьяков у думного у Лариона Иванова, у Василья Бобинина, у Емельяна Украинцова» [1, л. 130]. Представляется, что подробный анализ этих переговоров позволит, с одной стороны, представить позицию московского правительства по вопросам, связанным с мирными переговорами с Османской империей, с другой — рассмотреть те опасения, которые возникали насчёт посредничества молдавской стороны.

В первую очередь посланник сообщил, что отдаст лист, написанный молдавским господарем московскому царю, только на личной аудиенции с Фёдором Алексеевичем. Русская сторона сразу отвергла такую возможность, заявляя о полном недоверии к прибывшему: «Никакой верности на приезде свои он, посланец Дуки воеводы, не объявил, а словесным его розговорам верить не доведетца. Да и для того прежде объявления дел быти ему у великого государя... немочно, что у его царского величества с салтаном турским ныне недружба и война, а Дука воевода со всеми Волоские земли жителми, хотя и хрестьяне, толко под игом ево бусурманским, и делает то, что он, салтан, им велит» [1, л. 132—132 об.]. В сложившейся ситуации Белевич всё же отдал лист представителям Посольского приказа и продолжил переговоры. Цель приезда, заявил он, заключается в том, «что господарь ево, видя меж царским величеством и салтаном турским войну и кроворазлитие, и плен, умыслил, чтоб тое войну прекратить и умирить, и, буде великому государю... то годно будет, и великий государь... изволил бы ево, господаря, принять в том деле за посредника, а он, Дука воевода, по христианскому своему намерению в том деле станет служить» [1, л. 133].

Однако московскую сторону прежде всего интересовал вопрос, по чьей инициативе сторона молдавская хочет выступить посредником: «Дука воевода то дело начинает собою ль или с повеления салтана турского»? По словам Белевича, «он ведает, что господарю ево подлинного повеления от салтана турского о том нет, толко, де, салтан в посредство ево примет потому, что с салтановы стороны знатные особы к нему о том приказывали и то дело начинать велели, а знатно, де, то дело, что не без ведомости салтаново то чинитца. А господарь ево то дело учинить желает для того, чтоб то доброе дело учинилось не чрез иного кого, токмо чрез него потому, что от салтана турского за то он и все православные хрестияне примут себе в гонениях отраду» [1, л. 133 об. — 134]. Т.о. капитан настаивал, что ему ничего неизвестно об указе султана, в то же время подчёркивая, что господарь не стал бы выступать с инициативой без его распоряжения.

Такой ответ русских дипломатов не устроил, т.к. не давал оснований считать османскую сторону инициатором переговоров о мире: «И посланцу говорено, когда о том Дуке воеводе салтанова указу нет, и с стороны великого государя... в то дело вступати невозможно потому, что время настаёт военное. И царского величества бояря и воеводы со многими силами из розных стран х Киеву отпущены, а буде бы царское величество с салтаном и к миру приступати, и тогда бы пристойно было с обоих сторон прежде войну удержать, а потом бы иметь пересылки о миру. А ест ли Дука воевода хочет о миру радеть, и ему было довелось у себя иметь салтанской указ» [1, л. 134].

Важно, что перед капитаном не стояло задачи озвучить требования османской стороны, «какого, де, миру с стороны царского величества салтан желает, о том ему Дука говорить не наказал, толко послан он для ведома». Он не имел полномочий вести какие-либо переговоры, речь шла о том, чтобы заручиться согласием Москвы на посредничество молдавского господаря. Только в этом случае «царскому величеству известно будет, какого миру салтан с стороны царского величества желает» [1, л. 135].

Стоит отметить, что московская сторона прямо обвинила османов в начале военных действий: «Тое войну всчал салтан турской, оставя исконную дружбу, а буде салтан миру хочет и царское величество с салтаном турским в миру быть изволит, так как исконно было, а мимо прежняго обычая ничего учинити не изволит, такъже бы и салтан мимо прежняго обычая ничего не начинал и в подданных его царского величества не вступался» [1, л. 135—135 об.]. Высказали дипломаты и недовольство временем приезда Белевича: «Да посланцу ж говорено для чего Дука воевода прислал, дождался того, что великие царского величества войска пошли под Киев, а иные идут сухим путём и водою, а когда Дука в то дело вступает, и ему было довелось прислать ранее». Следует понимать, что после падения Чигирина защита левого берега Днепра и Киева оказалась важнейшим внешнеполитическим приоритетом Москвы. Для решения этой задачи в ожидании нового вторжения собиралась огромная армия, включавшая войска из удалённых частей государства. По росписи от 23 июля 1679 г. общая численность русских войск, задействованных в этой кампании, составляла 89 129 чел. [3, л. 156—170]. Однако молдавская сторона не видела в этом проблемы, отмечая, что и во время военных действий «мочно... мирные договоры чинить» [1, л. 137].

Таким образом, во время переговоров Белевич выдвинул только предложение о посредничестве молдавского господаря во время русско-турецких переговоров, никаких официальных заявлений османской стороной не делалось. Однако московской стороне удалось получить от капитана информацию о намерениях османов после того,

как его спросили «не по посолскому обычаю, но яко правоверной христианин» [1, л. 137—137 об.]. По его словам, «намерение салтаново то, чтоб с великим государем... быть в миру, только б выговорить на Украине часть, где жить Юраску для того, чтоб ему, салтану, от окрестных государей было невестыд, что имея такие воины ни на чем помирится, а приводит, де, к миру салтана везирь для того, что причину той войне учинил он, везирь, будучи каймакамом, тем, что Дорошенка принял, а салтан и прежней везирь на то не позволяли. И ныне видя салтан и паши и все ратные люди, что та война не прибыльна, но убыточна и во всём в том негодуют на везиря. И везирь, избегая того, чтоб ему от того зло какое не учинилось, всячески мыслит и салтана приводит, как бы тое воину прекратить и к ратным людям примирится» [1, л. 137 об. — 138]. Белевич явно стремился убедить собеседников, что наступил удачный момент для начала переговоров.

10 мая Белевич получил аудиенцию у Фёдора Алексеевича. Позднее, при отпуске из Москвы, с ним отправили ответную грамоту молдавскому господарю. Примечательно, что её основная часть воспроизводит текст грамоты, направленной вместе с Даудовым в Стамбул [см.: 9]. Основная часть текста посвящена обзору русско-османских отношений, когда московские государи и османские султаны «имели великую братцкую дружбу и любовь», однако далее турецкая сторона обвинилась в развязывании этого конфликта и нежелании вступать в диалог. Москва настаивала, чтобы в том случае, если «по каким ссорам показалось с стороны нашего царского величества и противно дружбе, и о том бы его салтанову величеству надобно учинить по исконной дружбе обсылку и то исправить». Как и в грамоте, ранее направленной султану, правительство обозначило стартовые позиции для ведения возможных переговоров: претензии османов на Правобережье отвергались, при этом подчёркивалось, что «в исконной дружбе быти с ним изволим на том, что его салтанову величеству, сохраняя исконную дружбу и любовь в подданных нашего царского величества в днепровских казаков и в городки, и в земли государств наших нигде не ступатца» [1, л. 183 об. — 184]. Открыто с посредничеством господаря не соглашались, ему следовало «по сей... грамоте ведать и по желанию своему... о дружбе и любви радеть», а также «без мотчанья» сообщить, «похочет ли... салтан турецкой быть во исконной дружбе и любви» [1, л. 184].

Итак, обе стороны искали возможности для начала переговоров. В то же время степень взаимного недоверия была ещё такова, что они так и не начались. Османское правительство не пожелало заявить претензии напрямую, в то время как русское выдвинуло свои условия и ждало инициативы с противоположной стороны.

Список литературы

1. Российский государственный архив древних актов (далее — РГАДА). Ф. 89. Оп. 1. Кн. 18.
2. РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 19.
3. РГАДА. Ф. 210. Оп. 14. Д. 1301.
4. *Смирнов Н. И.* Россия и Турция в XVI—XVII вв. // Учёные записки МГУ. Вып. 94. Т. 2. М., 1946.
5. *Соловьёв С. М.* История России с древнейших времен. Кн. VII. Т. 13—14. М., 1991.
6. *Ходырева Г. В.* Взаимоотношения России и гетманов Украины с Турцией в 1666—1681 гг. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2001. 269 с.
7. *Яфарова М. Р.* Позиция московского правительства после Чигиринского похода 1678 г. по документам Посольского приказа // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Вып. 6: Шестые чтения памяти академика РАН Л. В. Милова. М., 2019. С. 646—651.

Отношения генерал-губернатора А.Д. Меншикова и генерал-полицмейстера А.М. Девиера в системе управления Санкт-Петербургом**

Аннотация. В работе поднимается вопрос о подчинённости генерал-полицмейстера и Полицмейстерской канцелярии ведомству генерал-губернатора Санкт-петербургской губернии. На основе материалов делопроизводства канцелярии, фонда Сената и Кабинета делается вывод о законодательно независимом статусе полиции. Кроме того, рассматриваются деловые контакты между генерал-губернатором А.Д. Меншиковым и генерал-полицмейстером А.М. Девиером, специфика взаимоотношений между ними.

Ключевые слова: генерал-губернатор, генерал-полицмейстер, Полицмейстерская канцелярия, система управления, Санкт-Петербург, А.Д. Меншиков, А.М. Девиер.

THE RELATIONS BETWEEN A.D. MENSHIKOV, GENERAL-GOVERNOR, AND A.M. DEVIEIR, GENERAL CHIEF OF POLICE, IN ST. PETERSBURG MANAGEMENT SYSTEM

Abstract. The research is related to the subordination issue of General Chief of Police and the police chancellery to the department of General-Governor of St. Petersburg province. Based on the materials of Main Police Chancellery Fund, the Senate Fund and the Cabinet, it is concluded that the status of the police in St. Petersburg was legally independent of the general-governor. Moreover, the author considers business contacts maintained by A.D. Menshikov, General-Governor, and A.M. Devieir, General Chief of Police, from 1718 to 1727. As a result, the conclusion is made about the specific character of the relationship between these statesmen: the existence of relative supervision exercised by General-Governor, the pursuit in cooperation for the benefit of the «state good» («gosudarstvennoe blago») which was independent of personal ties and preferences.

Keywords: the general-governor, the general chief of police, the police chancellery, the management system, St. Petersburg, A.D. Menshikov, A.M. Devieir.

* **Марина Тазабаевна Накишова** – младший научный сотрудник лаборатории Эдиционной археографии Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия).
e-mail: m-nakishova@mail.ru

Marina T. Nakishova – Junior Researcher of the Laboratory for Studying Primary Sources, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (Yekaterinburg, Russia).

** Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда по теме «Неформальные связи в контексте государственного управления в России XVIII в.: административные стратегии и социальные практики» (Соглашение № 18-78-10093).

Деловые и личные контакты А.Д. Меншикова с отдельными представителями петровской политической элиты не раз становились объектом внимания исследователей [2; 4; 7; 13; 17; 19; 20; 45]. Историки стремились не только понять, каким образом князь выстраивал формальные и неформальные связи, работавшие на укрепление влияния и авторитета, но и выяснить, как в целом функционировала система государственного управления в России первой трети XVIII в. Бесспорная заслуга подобных работ — показ того, что петровские реформы проводили не обезличенные государственные институты, а реальные люди, чьи взаимоотношения влияли на успех того или иного мероприятия и в принципе способствовали его реализации на практике.

Особую роль во взаимоотношениях между сподвижниками Петра играли законодательно закреплённые нормы и компетенции. Регламент определял, кто и кому подчинялся, в чём отчитывался, где искал справедливости тот или иной чиновник вне зависимости от личных пристрастий. Поэтому для понимания природы контактов (в нашем случае князя Меншикова с другими петровскими соратниками) необходимо знать, где действовала сфера деловых отношений, а где выступали на первый план личные связи.

Важное место среди дел, порученных государем Меншикову, занимало управление Санкт-Петербургской губ., центром которой стала новая имперская столица. Забота о строительстве города и о его благоустройстве была нелёгкой задачей, а эффективность работы зависела от того, насколько грамотно генерал-губернатору удавалось выстроить отношения с другими столичными должностными лицами, подчинёнными или не подчинёнными ему. Помимо губернской канцелярии в Санкт-Петербурге действовало ещё несколько структур, отвечавших за различные стороны управления и хозяйственного обеспечения города: Городовая канцелярия (с 1723 г. — Канцелярия от строений), комендант Петербургской крепости и его канцелярия, генерал-полицмейстер и его Главная канцелярия, Главный магистрат и т.д. В данной статье будут рассмотрены деловые отношения Меншикова с генерал-полицмейстером А.М. Девиером, вопрос о служебной субординации между двумя чиновниками.

Как известно, должность генерал-полицмейстера создавалась в 1718 г. «для лучших порядков». Девиер получил «Пункты» — служебную инструкцию, в которой оговаривались его полномочия и общая сфера деятельности полиции. К компетенции генерал-полицмейстера относилось: наблюдение за процессом строительства в городе; проверка качества строительства, осмотр печей, очагов, бань и противодействие пожару; укрепление берегов рек и стоков; поддержание чистоты на улицах, переулках, рынках, мостах; слежка за продажей различных товаров, досмотр шинков и картёжных до-

мов; контроль над преступниками, правонарушителями, гулящими и нищими людьми, приезжими и отъезжими из города и т.д. [16, с. 569—571]. Относительно разграничений функций полиции и других учреждений, а также подчиненности кому-либо генерал-полицмейстера и его канцелярии ничего не говорилось.

«Пункты» были важны не только тем, что обозначили создание в России специализированной полицейской службы (до этого существовали органы, выполнявшие соответствующие функции от случая к случаю), но и тем, что поставили полицию в особое положение в системе органов городской власти [1, с. 140; 8]. «Петровская инструкция Девиеру поставила вновь учреждённую Главную Полицмейстерскую канцелярию во главе управления Петербургом и всеми отраслями его хозяйства. Петербургская губернская канцелярия после учреждения полиции совершенно не вмешивалась в управление Петербургом, занимаясь исключительно делами Петербургской губернии. Что касается самого А.Д. Меншикова, то он продолжал играть большую роль в делах Петербурга» [12, с. 163]. Однако, как уже отмечено, «Пункты» не проясняли, каково место генерал-полицмейстера в иерархии органов власти — кому он подчинялся, а кто подчинялся ему — и, соответственно, в них не указывалось, как его деятельность должна координироваться с полномочиями генерал-губернатора. Поэтому данные построения требуют дополнительной аргументации, основанной не только на инструкции, но и на других источниках.

Важным фактором, влиявшим на положение генерал-полицмейстера, являлось наличие у него обязанности объявлять указы государя, касающиеся различных сторон повседневной жизни столицы. Раньше эта функция относилась к сфере компетенции генерал-губернатора А.Д. Меншикова, который постоянно был занят другими делами и не мог уделять Санкт-Петербургу достаточного внимания [10, с. 156]. В Российском государственном архиве древних актов и Российском государственном историческом архиве сохранились комплексы именных указов Главной Полицмейстерской канцелярии за 1718—1727 гг. [36—44]. Так, в протоколе Сената от 25 июля 1724 г. написано: «Господин генерал полицмейстер объявил, что его императорское величество указал на Адмиралтейском острове, имеющему ныне на лугу, рынку не быть, а быть ему и перенести внутрь мытного каменного двора, и о том в Камор-коллегию послать промеморию» [42, л. 27].

В то же время ордера с указаниями от Меншикова в делопроизводстве канцелярии встречаются нечасто. За 1726 г., например, обнаружено лишь 5 ордеров от Меншикова на 53 документа в целом [43]. Более того, большинство ордеров посвящены частным или общегубернским вопросам: в ордере от 22 мая губернатор обращается к Девиеру об отпуске вдовы князя Черкасского в Москву из-за

«её старости» [43, л. 36а]; 20 июня — об отдаче по наследству двора вдовы М. Львовой [43, л. 44а]; 4 августа — о бритве бород всем обывателям, кроме крестьян, приезжающих на временное житьё [43, л. 60а—60а об]; 24 ноября — о разрешении для царского бандуриста перестроить дом [43, л. 79]. Только в ордере от 21 мая Меншиков пишет о делах, относящихся к благоустройству столицы, и просит опубликовать указ императрицы, предполагающий установку во всех дворах на кровле и под кровлей кадок с водой и создание надворных печей для противодействия пожарам [43, л. 35а].

Об исполнении указов Девиер регулярно отчитывался Сенату [24—26; 35]. Отдельные сведения и донесения, кроме того, сохранились в документальном комплексе Кабинета Петра I. О мероприятиях по благоустройству Санкт-Петербурга Девиер сообщал в письмах императору⁷ и кабинет-секретарю А.В. Макарову, который, со своей стороны, передавал генерал-полицмейстеру его указы и распоряжения. Содержательный анализ писем показывает, насколько широкий спектр вопросов обсуждался. Прежде всего, контролировались процесс строительства и размещения дворов в отдельных частях города, компании по очистке р. Мьи, создание каналов и мостов [22, л. 16; 23, л. 829; 24, л. 70—99]. К Макарову для определения к работам систематически посылались пойманные гулящие девки и женки, мелкие преступники и корчемники [22, л. 23; 25, л. 1047], ему же доносились сведения о приезжих иностранцах [25, л. 1061 об, 1065—1065 об; 27, л. 865]. Отчитывался Девиер и об изыскании новых марциальных вод, чьим поклонником был государь [25, л. 1050—1050 об; 26, л. 1314].

Таким образом, материалы делопроизводства Полицмейстерской канцелярии и Кабинета показывают, что деятельность генерал-полицмейстера контролировалась, как минимум, двумя инстанциями — государем и Сенатом. С другими институтами, в т.ч. генерал-губернатором, ситуация относительно подчиненности обстояла не так очевидно. В 1723 г., спустя пять лет с момента создания канцелярии, в Сенате обсуждался вопрос о её статусе. В результате 28 июня вышел указ: «Всепресветлейший державнейший Пётр Великий... указал в Магистрат, так и в Полицмейстерскую и в другие канцелярии, которые имеют особые правлений и такмо *по одну Сенатскою дирекцию и состоят, а их коллегиям не подчинён* (курсив мой. — М.Н.), а те ис коллегей так и ис тех канцелярей в коллегии писать про мемориям, а которые тем в коллегии подавать доношений, а ис коллегей к нам посылать указы. И о том куда надлежит послать указы». Указы тут же были отосланы в Военную, Адмиралтейскую, Вотчинную, Камер-

⁷ Частично ответы Петра Девиеру и отдельные его указания сохранились в фонде РГАДА «Переписка высочайших лиц [21].

Юстиц-, Берг-, Мануфактур-, Коммерц-, Малороссийскую коллегии, Штатс- и Ревизион-контору, Главный магистрат, Городовую, Медицинскую, Тайную, Ямскую, Дворцовую канцелярии, откуда настоятельно требовались ответные рапорты [35, л. 217—218 об].

Примечательно, что Полицейстерская канцелярия — орган, казалось бы, местной власти — упомянута в указе наравне с Главным магистратом и канцеляриями с «особым правлением», чья деятельность распространялась на всю страну в целом. Более того, подчинённость только одному Сенату на законодательном уровне ставила генерал-полицейстера в относительно независимое положение от других институтов*. Должно быть, поэтому ни генерал-губернатор, ни губернская канцелярия — органы местного управления — в перечне мест, куда нужно отослать указы, не встречаются: ведь если канцелярия воспринималась государем как общегосударственный орган власти, она не могла быть подконтрольна генерал-губернатору априори. Откуда же тогда появилось мнение, что «всё управление городом, его строительством и хозяйством осуществлялось под руководством петербургского генерал-губернатора светлейшего князя А.Д. Меншикова» и «к этой фигуре сходились нити управления от всех учреждений, действовавших в царском “парадизе”» [1, с. 135]?

Прежде всего, для оценки роли Меншикова в системе управления Санкт-Петербургом и характера его взаимоотношений с Девьером необходимо отказаться от двух крайностей. Во-первых, трудно допустить, что неутомимый Меншиков совершенно не вмешивался в дела столицы и переложил груз ответственности на плечи Девьера или кого-либо другого. Также кажется невероятным поддержание тотального контроля со стороны князя, учитывая его постоянные отъезды и законодательно независимый статус генерал-полицейстера. Поэтому отношения Меншикова с Девьером, которые, судя по значительным успехам в благоустройстве города, оказались высокоэффективны, должны были строиться на каких-то иных основаниях, нежели прямая подчинённость и тотальная зависимость.

Кроме того, не стоит забывать о важном факторе, отразившемся на историографических оценках: Девьер был женат на сестре князя Анне Даниловне. Этот нежеланный для Меншикова брак, как считает большинство исследователей, обусловил враждебные отношения с генерал-полицейстером, а любые контакты между ними стали минимальны [3; 5; 6; 9; 11; 47; 48]. В противовес существует мнение, высказанное, однако, весьма скромно в подстрочнике к основному

* Маловероятно, что указ 1723 г. внёс что-то значительно новое в положение канцелярии. Скорее всего, он закрепил положение дел, которое сформировалось на практике с 1718 г.

тексту и не подкреплённое фактическим материалом, что «вражда при жизни Петра I не проявлялась резко. Главные руководители армии и полиции, фактические начальники столичной губернии и столицы, повинуваясь крутому нраву и тяжёлой руке Петра I, *исполняя свои обязанности, сотрудничали между собой* (курсив мой. — М.Н.). Девиер, будучи чрезвычайно осторожным, не давал повода для уничтожения себя Меншиковым, а покушение на последнего было делом смертельно опасным» [46, с. 8]. В поддержку данного тезиса говорят и известные источниковые комплексы. Обратимся к ним.

Постоянные личные контакты генерал-полицмейстера и генерал-губернатора нашли отражение в «Повседневных записках делам кн. А.Д. Меншикова». Они регулярно навещали друг друга, вели разговоры как деловые, в компании других должностных лиц*, так и личные с глазу на глаз [15, с. 149, 391, 396]. Имя Девиера встречается среди участников обедов [15, с. 163, 279, 461], разнообразных развлечений [15, с. 90, 290, 495], визитов и приёмов у государя [15, с. 286, 288, 303]. Частота подобных встреч уже сама по себе демонстрирует отсутствие между князем и генерал-полицмейстером открытой вражды, а компания коменданта Санкт-Петербургской крепости Я.Х. Бахмеотова, вице-губернатора С.Т. Клокачёва, А.М. Черкасского, Г.П. Чернышева и др., входивших в ближний круг Меншикова и занимавших должности глав военных и городских органов власти, наводит на мысль о темах разговоров, должно быть, связанных и с управлением городом.

Помимо регулярных личных встреч, Девиер и Меншиков вели переписку, материалы которой отложились в фонде последнего в РГАДА. С одной стороны, доношения, введения, рапорты и другая официальная документация от Девиера встречается крайне редко — в противоположность, например, материалам от подчинённых генерал-губернатору Бахмеотова [30, 31, 32] или Клокачёва [34]. Можно проследить лишь один случай, когда генерал-полицмейстер регулярно отправлял рапорты князю. В январе 1723 г. Меншиков просил «по всем дорогам поставить караулы и записывать х кому сколько возов и обозов с припасы пройдет» [33, л. 219—219 об]. Генерал-полицмейстер караулы поставил и еженедельно посылал Меншикову отчёт.

С другой стороны, информационный пробел восполняет «неофициальная» корреспонденция**. Хотя письма с поручениями Меншикова Девиеру также сохранились в небольшом количестве — например, за июль—декабрь 1718 г., согласно книгам оттисков, писем и указов,

* «По совершении онаго (утреней. — М.Н.) был в покоях, х тому прибыли господин генерал-маеор Чернышов, генерал-полицмейстер Девиер и по разговорех розъехались» [15, с. 294].

** О термине «неофициальная переписка» см. подробнее [18].

князем было написано всего три письма к Девиеру при 22 к Бахметову и 61 к Клокачеву [28; 29], — комплекс, посланный от Девиера к князю в 1718—1727 гг., более чем объёмён и позволяет судить, какие сведения сообщал генерал-полицмейстер и с какой частотой. Это вопросы строительства мостов, укрепления берегов и очистки рек [33, л. 11, 149—149 об, 277 об], обеспечения безопасности города [33, л. 69—68 об; 358—359], установки фонарей [33, л. 59 об, 100—101, 384], найма подрядов и поиска команды для расчистки лесов и фашин [33, л. 140, 168 об — 169], наказания или смены меры пресечения для нарушителей закона [33, л. 91—93 об], помощи в расследовании дела о незаконной торговле и корчемстве [33, л. 3, 9, 11—12 об]. В 1723 г. Девиер отправил Меншикову несколько писем с просьбой оказать давление на Сенат, который на протяжении трёх лет не вынес решения об установке фиксированных цен на хлеб и съестные припасы [14, с. 256—257].

Важно отметить, что Девиер не был обязан отчитываться перед Меншиковым о проводимых полицией мероприятиях, т.к. не был ему подчинён. Тем не менее, он это делал, пусть и через неофициальную переписку. Какую выгоду он из этого извлекал? В первую очередь, вмешательство генерал-губернатора требовалось в случаях, когда решить проблему без него не представлялось возможным (конфликт с Сенатом), либо дело касалось подчинённых ему структур. Так, в 1722 г. Девиер столкнулся с Бахмеотовым, который руководил строительством постоянных дворов на Московской стороне [31]. Бахмеотов жаловался князю, что Девиер настойчиво требовал возврата одолженных фашин, а сам отдал землю, которую планировалось употребить для строительства бани у новопостроенных постоянных домов, главе Канцелярии городских дел У.А. Синявину для строительства канала к церкви Иоанна Предтечи [31, л. 65—67 об]. Меншиков обратился к Девиеру за разъяснениями и, получив от него ответ [33, л. 168 об — 169], указал коменданту пока строительство бани отложить [31, л. 77—77 об].

Кроме того, информирование князя о происходящем в столице, наряду с передачей сведений о семье, личных делах князя, передвижениях государя и других петровских соратников, должно быть, являлось добровольным решением Девиера. Для сановников подобное поведение выступало средством установления и поддержания неформальных связей и отношений, необходимых для осуществления должностных обязанностей. Поэтому они оба были заинтересованы в поиске компромиссных решений, несмотря на личную дружбу или вражду. Девиер нуждался если не в могущественном покровителе, то хотя бы в не-враге, а Меншикову было выгодно держать под контролем пользующегося доверием царской семьи генерал-полицмейстера.

Подводя итоги, отмечу ключевые для понимания характера взаимоотношений между Девиером и Меншиковым наблюдения. Прежде

всего, необходимо подчеркнуть, что в системе управления Санкт-Петербургом ни генерал-полицмейстер, ни возглавляемая им Полицмейстерская канцелярия не подчинялись генерал-губернатору напрямую. Законодательно они состояли под контролем только Сената или государя и регулярно отправляли туда донесения. Тем не менее, Меншиков контролировал деятельность Девиера. Они попросту не могли не контактировать, поскольку к должностной компетенции обоих относилась забота о благоустройстве столицы. Бесспорно, на их деловые контакты оказывали влияние личные отношения, родственный статус, амбиции и желания, но до 1727 г. всё это уходило на второй план перед службой на «государственное благо».

Список литературы

1. *Агеева О.Г.* «Величайший и славнейший более всех градов в свете...» — Град Святого Петра (Петербург в русском общественном сознании начала XVIII в.). СПб.: Русско-Балтийский информационный центр БЛИЦ, 1999. 344 с.
2. *Базарова Т.А.* Бумаги вице-канцлера П.П. Шафирова в походной канцелярии А.Д. Меншикова: археографическое введение // Походная канцелярия вице-канцлера Петра Павловича Шафирова: новые источники по истории России эпохи Петра Великого. СПб., 2011. С. 35—56.
3. *Бантыш-Каменский Д.Н.* Словарь достопамятных людей русской земли. Ч. 2. М.: Тип. Августа Семена при Императорской Медико-хирургической академии, 1836. 452 с.
4. *Бушкович П.* Пётр Великий. Борьба за власть (1671—1725). М.: Дмитрий Буланин, 2008. 555 с.
5. Девиер Антон Мануилович // Руководители Санкт-Петербурга. СПб., М.: Нева, Олма-Пресс, 2003. С. 164—166.
6. Дивиеры // Русский биографический словарь. Т. 6. СПб., 1905. С. 370—376.
7. *Кочегаров К.А.* Мазепа и Меншиков: человеческие отношения и политическое сотрудничество // Меншиковские чтения—2015: научный альманах. Вып. 10. СПб., 2015. С. 68—89.
8. *Кожелева О.Е.* Полиция есть душа гражданства // Отечественные записки. 2004. № 2.
9. *Кудрин В.А., Николаенко П.Д.* Неподкупный генерал-полицмейстер (Страницы жизни первого генерал-полицмейстера северной столицы А.М. Девиера) // Вестник Московского университета МВД России. 2017. № 1. С. 13—22.
10. *Лутнов С.П.* История строительства Петербурга в первой четверти XVIII в. М., Л.: Издательство Академии наук СССР, 1957. 193 с.
11. *Наумов В.П.* Повседневная жизнь Петра Великого и его сподвижников. М.: Молодая гвардия, 2010. 448 с.
12. Очерки истории Ленинграда. Т. 1: Период феодализма (1703—1861 гг.). М.-Л.: Издательство АН СССР, 1955. 896 с.
13. *Павленко Н.И.* Меншиков: полудержавный властелин. М.: Молодая гвардия, 2016. 400 с.
14. Письма и выписки из писем с.-петербургского генерал-полицеймейстера Девиера к князю А.Д. Меншикову. 1719—1727 // Русский архив. 1865. С. 244—265.

15. Повседневные записки делам князя А.Д. Меншикова 1716—1720, 1726—1727 гг. / Публ. С.Р. Долговой, Т.А. Лаптевой. М.: Рос. фонд культуры; Студия «ТРИТЭ»; Рос. Архив, 2000. С. 15—582.
16. Полное собрание законов Российской Империи. Собр. 1. Т. V. 1713—1719 гг. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. 784 с.
17. *Полонский Д.Г.* Эпистолярный этикет во взаимоотношениях А.Д. Меншикова с представителями властной элиты Петровской эпохи // Меншиковские чтения—2011: научный альманах. Вып. 2. СПб., 2011. С. 75—93.
18. *Редин Д.А.* Русская административная история Нового времени и неофициальная переписка: источниковедческие размышления // Новое прошлое. 2019. № 3. С. 116—127.
19. *Редин Д.А., Серов Д.О.* Второе путешествие Петра Первого в Европу в письмах барона П.П. Шафирова князю А.Д. Меншикову (1716—1717) // Quaestio Rossica. 2017. Т. 5, № 2. С. 471—502.
20. *Рогожин А.А.* А.Д. Меншиков и его «креатуры»: патронаж в служебной карьере генералитета русской армии начала XVIII в. // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Вып. 5. Пятые чтения памяти академика РАН Л.В. Милова. Материалы к международной научной конференции. М., 2017. С. 637—643.
21. Российский государственный архив древних актов (далее — РГАДА). Ф. 5. Оп. 1. Д. 15.
22. РГАДА. Ф. 9. Оп. 3. Отд. II. Д. 36.
23. РГАДА. Ф. 9. Оп. 3. Отд. II. Д. 40.
24. РГАДА. Ф. 9. Оп. 3. Отд. II. Д. 46.
25. РГАДА. Ф. 9. Оп. 4. Отд. II. Д. 59.
26. РГАДА. Ф. 9. Оп. 4. Отд. II. Д. 63.
27. РГАДА. Ф. 9. Оп. 4. Отд. II. Д. 66.
28. РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 109.
29. РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 110.
30. РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 378.
31. РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 379.
32. РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 380.
33. РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 557.
34. РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 642.
35. РГАДА. Ф. 248. Оп. 18. Д. 1206.
36. РГАДА. Ф. 1451. Оп. 1. Д. 20.
37. РГАДА. Ф. 1451. Оп. 1. Д. 21.
38. РГАДА. Ф. 1451. Оп. 1. Д. 22.
39. РГАДА. Ф. 1451. Оп. 1. Д. 23.
40. РГАДА. Ф. 1451. Оп. 1. Д. 24.
41. РГАДА. Ф. 1451. Оп. 1. Д. 25.
42. РГАДА. Ф. 1451. Оп. 1. Д. 26.
43. Российский государственный исторический архив (далее — РГИА). Ф. 1329. Оп. 2. Д. 22.
44. РГИА. Ф. 1329. Оп. 2. Д. 23.
45. *Савельева Е.А.* К вопросу о взаимоотношениях петровских военачальников А.Д. Меншикова и Я.В. Брюса // Меншиковские чтения—2008. Вып. 6. СПб. 2008. С. 74—86.
46. *Сизиков М.И.* Становление центрального и столичного аппарата регулярной полиции России в первой четверти XVIII в. // Государственный аппарат: историко-правовые исследования. Свердловск, 1975. С. 5—39.
47. *Шубинский С.Н.* Первый Петербургский генерал-полицимейстер // Исторический вестник. 1892. Т. 48. № 5. С. 427—448.
48. *Milhazes J. António de Vieira: Le favori Portugais de Pierre le Grand.* Aix-en-Provence: Le Poisson Volant, 2013.

Проблема правового статуса горных офицеров в России в 1720—1740-е гг.**

Аннотация. В статье показывается, что до 1734 г. горные чины, зафиксированные на законодательном уровне в Табели о рангах 1722 г. в перечне статских чинов, обладали низким престижем среди дворян, что создавало кадровые проблемы в государственном управлении отраслью. Затем для повышения престижа профессии обладателей таких чинов приравнили к офицерам полевых полков, благодаря чему уже к началу 1740-х гг. горные офицеры существовали как отдельная категория служащих.

Ключевые слова: Российская империя, горные офицеры, история Урала, В.И. Геннин, В.Н. Татищев.

PROBLEM OF THE LEGAL STATUS OF MINING OFFICERS IN RUSSIA IN THE 1720s—1740s

Abstract. The article is devoted to the status of mining officers in Russian legislation in the 1720s and 1740s. It is shown that until 1734, mining ranks, fixed at the legislative level in the Table of Ranks of 1722, had a low prestige among the nobility. It created problem with staff in the state management of the mining industry. To increase prestige, in 1734 the mining rank holders were equated to officers of field regiments. As a result, there was the emergence of mining officers as a separate category of employees.

Keywords: Russian Empire, mining officers, history of the Urals, V.I. Gennin, V.N. Tatishchev.

Горные офицеры, оформившиеся как особая категория служащих в первой половине XVIII в., сыграли важную роль в развитии горнозаводской промышленности Российской империи [1; 5]. Однако первые шаги по оформлению их статуса оказались практически вне поля зрения историков. Как результат, в литературе, затрагивающей эту проблему, встречаются досадные ошибки. Так, можно прочитать, что термин «горный офицер» употреблялся с 1731, когда генерал-лейтенант В.И. Геннин предложил определять ранги горн. чинов «против

* Михаил Александрович Киселёв – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник лаборатории Междисциплинарных гуманитарных исследований Института истории и археологии УрО РАН (Екатеринбург, Россия). e-mail: mihail.a.kiselev@gmail.com

Mikhail A. Kiselev – Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher in Laboratory for Interdisciplinary Humanities Studies, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of Russian Academy of Sciences (Ekaterinburg, Russia).

** Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ № 19-78-10095 «Индустриальная идентичность территорий России: уральские региональные сообщества и дискурс об Урале в культуре XVIII–XX вв.».

полевых полков», но офиц. было введено... 1 янв. 1834» [6, с. 209]. Как будет показано в статье, исследуемый термин употреблялся и до 1731 г., Геннин предложил определять ранги чинов горного дела не «против полевых полков», а «против инженерных офицеров». Более того, термин «горные офицеры» официально использовался при выдаче патентов уже с 1738 г. В связи с этим предполагается ликвидировать отмеченную историографическую лакуну и рассмотреть оформление их статуса в законодательстве 1720—1740-х гг.

В результате взаимодействия с работавшими на казённых заводах немецкими горными специалистами к началу 1720-х гг. использовались немецкие чины и звания. Первоначально это происходило в явочном порядке. Так, В.Н. Татищев, отправленный вместе с берг-мейстером И. Блиером на Урал для развития горного дела, в 1721 г. по своей инициативе определил в шихтмейстеры посланных на казённые заводы артиллерийских школьников А. Братцова, А. Карташёва и Д. Одинцова [3, л. 251 об., 266, 301]. На законодательном уровне использование горных чинов было закреплено в 1722 г. 15 января 1722 г. во время обсуждения в Сенате проекта Табели о рангах президент Берг-коллегии Я.В. Брюс «ещё внес в прибавок чины от Берг-коллегии» [11, л. 175 об.], так что в утверждённом Петром I проекте в статские чины вошли следующие горные чины: обер-берг-мейстер (8 класс), обер-цегентнер, берг-мейстер и обер-бергпробирер (10 класс), форштмейстер, гитен-фервальтер и маркшейдер (12 класс), а также механикус (13 класс) [7, с. 486—489].

На практике существовали определённые сложности с использованием чинов. Так, 11 февраля 1724 г. Берг-коллегия приняла решения касательно специалистов на уральских казённых заводах: «берг-мейстера Близера надлежит определить обер-берх-мейстером, а жалованья ему получать прежней свой оклад», «кандуктору Юдину в Пермских заводах быть гитен-мейстером» с окладом в 100 руб., «артиллерийским капралом Клеопиону и Гордееву быть [г]эшворенами» с окладами по 48 руб., а «шихтмейстером Карташёву, Калачёву, Одинцову, Порошину быть в том чину» с окладом по 36 руб. [12, л. 12—12 об.]. Берг-коллегия использовала чины гешворена и гитен-мейстера, не включённые в Табель, а повышение из одного ранга в другой не сопровождалось повышением жалованья. Получалось, что перечень чинов неполон, а между чинопроизводством и увеличением жалования нет прямой связи.

В итоге от коллегии потребовали, «дабы горных служителей и мастеровых людей, которых в генеральной Табели рангов не показано, и оных бы розобрать, и которые чины к рангам приличны, учинить бы им ранги и трактамент, а которым мастеровым людям в рангах быть неприлично, тем учинить трактаменты с примеру адмиралтейских мастеровых людей» [10, л. 151]. В 1725 г. коллегия напра-

вила в Сенат проект, где в дополнение к чином горным и монетным в лейтенантском ранге (12 класс) добавлялись вардеин, берг-фогт, гешворен, унтер-берг-мейстер и цегентнер, в унтер-лейтенантском (13 класс) — шихтмейстер, а в фендриковском (14 класс) — пробирный мастер, обер-штейгер, гитен-мейстер и бухгалтер. Оказалось выдвинуто и такое предложение: «Оные берг и монетные Офицеры в те чины дослуживаться будут чрез науку и труды свои; того ради Берг-Коллегия просит, дабы оным жалованье учинить против инженерных офицеров, чтоб оные наилучше к тому охоту имели». Если гешворен получал 72 руб. годового жалованья, а шихтмейстер — 36 руб., то по предложению Берг-коллегии они должны были получить «Инженерных Офицеров оклад с рационы и на деньщиков» по 243 руб. 95 коп. и 166 руб. 22,5 коп. соответственно. Что до чинов обер-берг-мейстера и берг-мейстера, то коллегия сообщала, что «иноземцы» в этих чинах получают по 500 руб. в год. По проекту же предполагалось, что обер-берг-мейстер будет получать 548 руб. 10 коп., а берг-мейстер — 324 руб. 5 коп. [2, с. 97—98]. Итак, коллегия не просто дополняла иерархию горных чинов, а выступила за существенное увеличение жалованья их обладателям.

В Сенате проект не утвердили, так что 25 июня 1728 г. последовало новое обращение. Президент коллегии А.К. Зыбин указывал, что «при горных делах многие есть из знатного шляхетства и взяты из разных школ, из Академии и Артиллерии, тако ж для разных горных наук посыланы были в Швецию и ныне обретаются при заводах, а протчие обучились в каманде Берг-коллегии, и, не видя себе рангов, в каких оные обретаются, имеют сомнение». Он полагал, что необходимо принять меры, «дабы российские люди, видя себе награждение... охоту к тому возымели». После этого он переходил к необходимости рассмотрения проекта табели горных чинов: «Горным афицерам, которым по Табели 1722 года ранги положены, також и коих в Табели не положено, а в горной службе оныя действительно обретаютца, конечно надлежит быть рангами и трактаментами против инженерных афицеров... ибо без рангов, хотя б оным и было денежное награждение с прибавкою, и то им, а особливо шляхетству, к службе охоты так придать не может, как повышение ранга, которой всегда неотъемлемым награждением считается» [10, л. 151—151 об.].

Зыбин не просто предложил дополнить список горных чинов в Табели о рангах. Он поставил проблему повышения престижности службы среди хорошо обученных дворян, решение которой видел в приравнивании обладателей отраслевых чинов к инженерным офицерам как в части жалования, так и в части рангов, в результате чего обладатели горных чинов, расположенных до этого среди чинов статских, должны были стать горными офицерами.

Проект не был утвержден. Соответственно, проблема повышения престижа горной службы для дворян осталась неразрешённой, что оказывало негативное влияние на управление казёнными заводами. В связи с этим в марте 1731 г. генерал-лейтенант В.И. Геннин, руководивший региональным органом управления горнозаводской промышленностью — Сибирским обер-берг-амтом, написал в Сенат о возможной нехватке квалифицированных кадров на Урале. Отметив, что несколько «искусных шляхтичей з заводов отпущены в дома», он просил их вернуть. При этом предлагалось: «Что б они тамо охотнее жили, повелено было производить их офицерскими чинами по моему рассмотрению с надлежащим трактаментом и против инженерных офицеров, хотя до капитанских рангов, как и протчия их братья в полках производятца, ибо они чрез немалое тамо бытие тех офицерских рангов получить не могут» [10, л. 65]. Геннин повторил мнение Берг-коллегии о приравнении обладателей горных чинов к инженерным офицерам и фактически сообщал, что дворянам к 1731 г. служба на этих заводах не приносила офицерских рангов. Похоже, проблема заключалась в следующем: хотя часть из них и была в Табели о рангах, их обладатели не получали патентов, в которых бы обладание чином приравнялось к обладанию офицерским званием соответствующего класса.

Во время обсуждения предложения в Сенате 29 марта 1731 г. прозвучало мнение о позволении Геннину «искусных шляхтичев во офицерския чины производить по порутчика, а в порутчики не производить, а писать о достоинстве их в Сенат» [10, л. 80]. Однако в итоге на расширение его полномочий не пошли, приняв 2 июня такое решение: «Отпущенных з заводов в дома шляхтичев... сыскав, отдать, и росписать ему... надвое, до каких мастерств и какими рангами определить надлежит, и которым рангов не дастся, каким жалованьем наградить» [10, л. 139 об.]. 5 июня того же года Геннин 1731 г. подал в Сенат затребованное от него расписание чинов горных и заводских. В его первую часть входили «берг-офицеры», которые должны были получить «ранги инженерные» и соответствующее им жалование. Самым высшим чином был берг-рат с рангом полковника-инженера (6 класс) и годовым жалованием (включая оклад и рационы) 1 011 руб. Далее шли обер-цегентнер и обер-гитен-фервальтер с жалованием 445 руб. 50 коп. в ранге майора-инженера (8 класс), берг-мейстер и гитен-фервальтер с жалованием 374 руб. 10 коп. в ранге капитана-инженера (9 класс), маркшейдер с жалованием 274 руб. 90 коп. в ранге инженерного капитан-лейтенанта (10 класс), берг-гешворен, минц-мейстер и цегентнер с жалованием 219 руб. 90 коп. в ранге лейтенанта инженерского (12 класс), старший шихтмейстер и механикус с жалованием 154 руб. 20 коп. в

ранге унтер-лейтенанта инженерского (13 класс) и младший шихт-мейстер и пробирный мастер с жалованьем 106 руб. 80 коп. в ранге инженерского фендрика (14 класс). Затем помещены чины мастеровых людей «не из шляхетства», обладатели которых не имели ранга по Табели и упорядочивались по уровню жалованья. Самое высокое полагалось гитен-мейстеру и обер-штейгеру — по 219 руб. 90 коп., а самое маленькое — грубен-юну (12 руб.). Геннин отмечал, что в его проекте нет мастеровых, которые «берут жалованье з заделья по пробам ис пудового числа». Что же до приказных людей, то им предлагалось «учинить жалованье против питербургских» [10, л. 156—157].

Сенат отверг проект 21 июня 1731 г. Вместо этого 2 июля вышел такой указ: «Кто потребны для горных дел в такие чины, которым ранги в табеле положены, о тех присылать по указу аттестаты при доношениях для конфирмации в Сенат; а которые уже до сего произведены, тем быть так, а жалованье как тем, коим в табели ранги положены, так и другим, коим рангов не положено, давать по рассмотрению искусства и прилежности в трудах их» [8, с. 513—514]. Итак, распоряжения о присвоении чинов должен был издавать Сенат. Правда, из формулировок указа не совсем понятно, мог ли после этого служащий претендовать на соответствующий офицерский ранг. И, конечно же, сохранялась проблема обладателей горных чинов, не включённых в Табель.

О важности проблемы горных чинов свидетельствовало то, что 14 марта 1734 г. В.Н. Татишев, назначенный вместо Геннина руководителем уральских казённых заводов, в рамках подготовки своего отбытия в регион обратился в Сенат, чтобы «о рангах для поохочиванья определённых тамо служителей... определение... учинено было». Сенат согласился вернуться к этому вопросу, в связи с чем 16 марта Татишев подал проект табели горных чинов, согласно которому обер-берг-мейстер должен был иметь ранг майора (8 класс), обер-цегентнер, обер-гитен-фервальтер, берг-мейстер — капитана (9 класс), маркшейдер, секретарь в обер-берг-амте — капитана-поручика (X класс), цегентнер, гитен-фервальтер, форштмейстер — поручика (12 класс), вице-маркшейдер, берг-гешворен, механик, пробирер, секретарь в берг-амте — подпоручика (13 класс), шихтмейстер, комиссар — прапорщика (14 класс), а унтер-пробирер, унтер-механик и унтер-шихт-мейстер должны были считаться унтер-офицерами без классных рангов. Далее, обладателям горных чинов следовало «жалованье положить полное против полевых полков с денщиками, кроме рационов, когда на месте, а когда в дальнюю посылку кто пошлётся, тогда вместо подъёму давать рационы, счисляя по цене той, где он будет» [4, л. 557 об., 552—553]. Такое предложение поддержали, татишевская табель была без изменений передана на утверждение императрице Анне Иоанновне, которая подписала её 2 октября [9, с. 34—35].

Итак, обладатели чинов обер-гитен-фервальтера, секретаря в обер-берг-амте, цегентнера, вице-маркшейдера, берг-гешворена, пробирера, секретаря в берг-амте и шихтмейстера стали обладателями обер-офицерских рангов, а несколько чинов, находившихся в Табели о рангах, заняли более высокую позицию: берг-мейстер — обер-цегентнер получали ранг 9 класса вместо 10, маркшейдер — 10 вместо 12. Обер-берг-мейстер, гитен-фервальтер, форштмейстер и механик сохранили прежние классы. Иное дело, что утверждение проекта не вело к существенному увеличению жалования. Сохранилась и проблема соотношения горных чинов с офицерскими рангами. «Узким» местом явилась процедура присвоения горного чина с последующим оформлением документа, где прямо было бы прописано, что обладатель такого чина является также обладателем и офицерского ранга.

Эту проблему решили в 1738 г. благодаря вмешательству Генерал-берг-директориума, созданного в 1736 г. Во главе его стоял саксонский специалист К.А. фон Шемберг, которому покровительствовал фаворит Анны Иоанновны И. Бирон, чем Шемберг активно пользовался для расширения полномочий. 17 марта 1738 г. он обратился в Кабинет министров с предложением, что следует «горных афицеров производить и патенты на их чины давать из Генерал-берг-директориума так, как и Военная коллегия воинских афицеров производит». Императрица утвердила это предложение, предписав, что патенты горным офицерам на обер-офицерские ранги Генерал-берг-директориум может выдавать самостоятельно. Что же до штаб-офицерских рангов, то «оних патенты» следовало «для собственного ея императорскаго величества подписания подавать в Кабинет» [14, л. 148—148 об.]. После этого директориум запустил выдачу патентов на ранги. Некоторые из чинов, хотя и служили по горному ведомству с начала 1720-х гг. и обладали чинами из Табели, не могли без патента полноценно претендовать на офицерский статус. 4 октября установили форму печатных патентов для «горных афицеров», взяв за образец те, которые «печатаютца военным афицером», а уже 16 октября директориум приказал выдать первые документы 27 служащим казённых заводов Урала [13, л. 85—86, 125—125 об.].

В 1742 г. директориум был ликвидирован, вместо него воссоздали Берг-коллегию, которую лишили права самостоятельно выдавать патенты на обер-офицерские ранги [14, л. 148 об.]. Тем не менее, к этому времени механизм выдачи документов был отработан, так что в итоге решили и далее «горным афицерам в силе указу 1738 году» выдавать патенты от Берг-коллегии при условии, что предлагаемые ей кандидатуры будут утверждены Сенатом [15, л. 118].

Итак, в 1722 г. ряд горных чинов закрепили в Табели о рангах. Однако с позиции престижности службы этого было недостаточно для

дворян, оказавшихся в госучреждениях, управлявших горным делом. Как следовало из обращений в Сенат и Берг-коллегии, и ключевых горных управленцев Геннина и Татищева, это создавало существенные кадровые проблемы. Управление этого периода опиралось не на безликую бюрократию, а, скорее, на дворянство как сословие, у представителей которого есть представления о престижности разных видов службы и связанных с ней чинов. Для удержания дворян на горной службе имело значение не только и, может быть, даже не столько большое жалование, но и приравнение чина к офицерскому рангу. На законодательном уровне это произошло в 1734 г., а в 1738 г. началась выдача соответствующих документов. В итоге к началу 1740-х гг. горные офицеры существовали как особая категория гражданских служащих, приравненных при этом к офицерам полевых полков. Это способствовало повышению престижа горной службы для дворян; кроме того, недворяне, работавшие на заводах, выслужив горный чин низшего 14 класса, получали возможность претендовать на потомственное дворянство. Как результат, это работало и на специализацию управления горным делом, и на создание особой профессиональной группы горных управленцев на госслужбе. Последнее, помимо прочего, в перспективе способствовало становлению индустриальной идентичности в регионах, связанных с горным делом.

Список литературы

1. Алтайские горные офицеры. XVIII—XIX вв. Барнаул: Управление архивного дела Алтайского края, 2006. 496 с.
2. *Герман И.Ф.* Историческое начертание горного производства в Российской империи. Ч. I. Екатеринбург: Горная типография, 1810. 223 с.
3. Государственный архив Свердловской области (далее — ГА СО). Ф. 24. Оп. 1. Д. 6.
4. ГА СО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 512.
5. *Дашкевич Л.А., Корсунова С.Я.* Техническая интеллигенция горнозаводского Урала. XIX в. Екатеринбург, 1997. 204 с.
6. *Макарова С.Л.* Горный офицер // Государственность России: словарь-справочник. Кн. 5: Должности, чины, звания, титулы и церковные саны России: конец XV в. — февраль 1917 г. Ч. 1: А—Л. М.: Наука, 2005. С. 209—210.
7. Полное собрание законов Российской Империи (далее — ПСЗ). Т. 6. СПб.: Тип. П Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1830. № 3890. С. 486—493.
8. ПСЗ. Т. 8. № 5796. С. 513—514.
9. ПСЗ. Т. 44. Ч. 2. Книга штатов. Отд. IV. К № 6632. С 34—35.
10. Российский государственный архив древних актов (далее — РГАДА). Ф. 248. Оп. 4. Д. 161.
11. РГАДА. Ф. 248. Оп. 30. Д. 1888.
12. РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 97.
13. РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 195.
14. РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 683.
15. РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 977.

Служба на флоте военных моряков из рода Спиридовых во второй трети XVIII в.

Аннотация. В статье отражены новые данные о службе на флоте моряков из династии Спиридовых во 2-й трети XVIII века: Василия Митрофановича, Василия Силыча, Ивана Никоновича, Ивана Митрофановича. В ходе исследования установлены их родственные связи, дополнены и уточнены факты биографий, содержащиеся в «Общем морском списке». В научный оборот вводится ряд архивных документов РГА ВМФ.

Ключевые слова: Спиридовы, парусный флот XVIII в., осада Кольберга.

THE SPIRIDOV FAMILY SERVICE IN THE NAVY IN THE SECOND THIRD OF XVIII CENTURY

Abstract. This article reveals some new information about the navy service of the Spiridov family in the second third of the XVIII century. In the course of our research, there were established their family ties and some facts of their biographies were added and specified. Some new data about the Kohlberg siege in 1761 were detailed. And a range of new archive documents of the Russian State Navy Archive has been introduced into our scientific investigation.

Keywords: The Spiridov family, XVIII century fleet, Kohlberg siege.

Г.А. Спиридов — один из известнейших отечественных флотоводцев, одержавший при Чесме первую в истории российского флота победу в эскадренном сражении. Биография этого адмирала достаточно хорошо изучена, однако в публикациях о нём порой встречаются противоречия. Так, например, в статье «Адмирал Спиридов. Победитель Чесмы» [1], упоминается эпизод его пленения на фрегате «Митау» в 1735 г, не встречающийся в других биографиях. Разгадка проста — действительно, некий офицер по фамилии Спиридов в плен попал (правда, не на «Митау», о чём позднее), однако этот факт не имеет к Григорию Андреевичу отношения, т.к. в это время на флоте служило несколько братьев Спиридовых. Сведения о родственниках знаменитого флотоводца изредка встречаются в его биографиях, например, в работе Е.С.Юнги «Адмирал Спиридов» [22, с. 120]. Семья Спиридовых упоминается и контр-адмиралом Ю.Л. Коршуновым в работе «Морские династии России» [4, с. 320].

* **Иван Максимович Котов** — студент 2-го курса бакалавриата исторического факультета Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова (Ярославль, Россия). e-mail: kot_iv00@mail.ru

Ivan M. Kotov - 2nd year Undergraduate Student, History department P.G. Demidov Yaroslavl State University (Yaroslavl, Russia).

Однако братьям в этой работе посвящено меньше страницы. Приводимая о них информация ограничивается датами жизни (если они известны), последним чином и причиной смерти. Кроме того, один из братьев, Василий Силыч, автором вовсе не упомянут. Таким образом, несмотря на столь обширное освещение деятельности Григория Андреевича, историографической традиции относительно службы на флоте его родственников не сложилось. Цель моего исследования, таким образом, — уточнение и систематизация известных фактов и выявление новых данных о службе на флоте моряков этого поколения семьи.

Наиболее ценный общедоступный источник информации на эту тему — «Общий Морской Список». В нём приведены ключевые этапы карьеры всех морских офицеров XVIII в. Однако даже в этом авторитетном справочнике порой встречаются ошибки. Связаны они с тем, что в документах того времени зачастую не фиксировалось ни только отчество, но и имён упоминаемых личностей. Чаще всего запись ограничивалась чином и фамилией. Если на флоте одновременно служило несколько родственников или однофамильцев, выявить, о ком идёт речь, достаточно проблематично. В качестве источниковой базы в исследовании использовались «Материалы для истории русского флота», которые представляют собой публикацию наиболее важных документов Архива Морского министерства, систематизированных в хронологическом и тематическом порядке. Также использованы материалы фондов Российского государственного архива ВМФ: 212 — Адмиралтейств-коллегия, 225 — клеркские протоколы, 406 — послужные списки, 870 — шканечные журналы.

Методология работы следующая: сопоставление данных Морского списка с генеалогией рода Спиридовых, определение отчества упоминаемых в справочнике офицеров; сопоставление данных о службе Спиридовых, представленных в Морском списке; выявление по Морскому списку кораблей, на которых служил тот или иной офицер в определённый год, изучение документов о плаваниях этого корабля, опубликованных в «Материалах для истории русского флота»; поиск и изучение послужных списков офицеров в РГА ВМФ; изучение шканечных журналов и клеркских протоколов кораблей, которыми командовал тот или иной офицер, хранящихся в фондах РГА; выявление и изучение документов ф. 212, которые могут относиться к службе Спиридовых, по ключевым событиям их биографий.

Мелкопоместный дворянский род Спиридовых восходит к XVI в. [7, с. 248]. Ближайший общий предок моряков из него — Алексей Спиридов, служивший в «полках рейтарского стоя» с 1653 г. Известны четыре его сына — Сила (Силантий), Никон, Митрофан и Андрей, каждый из которых отдал минимум по одному сыну служить

на флот. Согласно первым двум частям Морского списка, на флоте в 2-й трети XVIII в. служило пятеро Спиридовых: два Василия, два Ивана и Григорий Андреевич. В списке для большинства из них приведены только имена и общая фамилия. Установить их отчества удалось, обратившись к генеалогии рода и сопоставив известные годы их жизни с данными списка.

Самая короткая и печальная биография у родного брата прославленного адмирала — Василия Андреевича Спиридова. Упоминаний о нём в Морском списке нет, потому что он не дослужился до офицерских чинов. Однако то, что он служил на флоте и утонул в 1720 г., упомянуто в работе Коршунова [4, с. 78] и книге Юнги [22, с. 10]

Старший из братьев, Василий Силыч, в книге Коршунова не назван. Поступил на службу гардемаринном в 1718 г., три года спустя произведён в унтер-лейтенанты. Одним из немногих фактов его биографии, который нам удалось установить, является участие в групповом избииении комиссара* Г. Востинского. Известно это стало благодаря найденному нами в фондах РГА ВМФ экстракту следственного дела [10]. Из него следует, что 4 марта унтер-лейтенанты Спиридов, М. Бураков, Б. Щербачёв и мичман И. Креншин «били смертным боем» Востинского. Подозреваемые вину признали, но утверждали, что били не до смерти. Стоит отметить, что Спиридов единственный раскаялся в содеянном и во время следствия у комиссара «прощения просил». По итогу подозреваемых приговорили к понижению в чинах на три месяца и денежному штрафу в размере оклада в пользу избитого. К сожалению, проступок достаточно типичен для того времени. Офицеры петровской эпохи отличались «шумством», пьянством и грубостью нравов [6].

В 1725 г., командуя пинком «Принц Александр», Василий Силыч совершал рейсы из Кронштадта в Любек и Готенбург. Плавания до Любека стали первыми регулярными рейсами российского флота по перевозке грузов и пассажиров. По распоряжению Петра I командирами судов назначались мичманы «из достойных» [21]. Назначение Василия характеризует его как достаточно опытного моряка. Два года спустя он был произведён в лейтенанты. Далее в Морском списке значится, что в 1734 г. галиот «Гогланд» под его командованием был отправлен в Данциг, но взят в плен французскими кораблями. Однако в донесении адмирала Т. Гордона графу Остерману от 10 июня 1734 г. упоминается имя командира галиота — Иван [8, VII, с. 610—611]. Речь об Иване Никоновиче, т.к. именно он в то время имел чин лейтенанта.

* Комиссар корабельный — административно-хозяйственная должность на русском флоте с начала XVIII в. по 1918 г. Согласно Морскому уставу 1720 г., отвечал за приём, хранение и правильное распределение продовольствия, обмундирования и денежного жалования.

Т.о. этот эпизод к биографии Василия отношения не имеет. В 1742 г. он произведён в чин мастера (по Табели о рангах — чин 8 класса на флоте, существовавший до 1764 г.). Его дальнейшая судьба неизвестна.

Василий Митрофанович поступил на службу в 1729 г. из Морской Академии волонтёром, минуя гардемаринское звание. В 1733 г. произведён в мичманы и направлен в Астрахань. С 1737 по 1740 г. участвовал в Днепровской экспедиции. Она проводилась в рамках той же войны с Турцией, что и Донская, в которой боевое крещение получил Григорий Андреевич. Далее, согласно Морскому списку, в 1742 г. он произведён в корабельные мастера, а в 1743 г. — в лейтенанты, что противоречит Табели о рангах, в соответствии с которой мастер это чин, следующий не перед лейтенантом, а за ним. Так как Василий Сильч также был произведён в мастера в 1742 г., следует предположить, что приписывание Василию Митрофановичу чина мастера — ошибка, вызванная несовершенством документирования в XVIII в. В ноябре 1749 г. лейтенант Спиридов «за болезнь просился в отставку», однако прошение не удовлетворили. Лишь три года спустя его уволили к статским делам с чином надворного советника, соответствовавшим корабельному мастеру или капитану 3-го ранга.

Иван Никонович поступил на службу гардемаринном в 1718 г. и уже на следующий год принял участие в бою у о-ва Эзель, за что именным указом Петра I в числе прочих гардемариннов досрочно произведён в мичманы. В 1722 г. принял участие в Персидском походе, командуя «тялкою № 5». В 1728 г. в чине унтер-лейтенанта на фрегате «Де Кронделивде» под командованием капитан-лейтенанта Стрёма совершил дальнее плавание вокруг Скандинавии совместно с фрегатом «Амстердам-Галей» от Кронштадта до о-ва Кильдюин и Кольского острога. Известно, что на обратном пути, когда корабль штормом отнесло к местечку Мастерленд, Иван был направлен в крепость для переговоров по обмену салютами [5, V, с. 566]. Это знак высокого доверия. Шесть лет спустя произошло событие, по ошибке приписанное Морским списком Василию Сильчу. 24 мая 1734 г., не дойдя двух миль до Пиллау, галиот «Гогланд» под командованием Ивана Никоновича (к тому времени уже лейтенанта) был захвачен французским фрегатом «L'Astree». Вместе с командиром в плен попал и ещё один Спиридов — Иван Митрофанович, проходивший на галиоте гардемаринскую практику. Обстоятельства пленения и оказанного при этом сопротивления достоверно не известны. Однако последовавшее расследование Адмиралтейств коллегии установило, что ни командир, ни экипаж не посрамили чести [5]. Из плена Иван Никонович и Иван Митрофанович вернулись в начале октября. На следующий год лейтенант Спиридов скончался, в работе Коршунова говорится, что он утонул.

Наиболее подробную информацию удалось собрать по Ивану Митрофановичу. В РГА ВМФ найден его послужной список 1762 г. [12], содержащий множество подробностей, отсутствующих в Морском списке. По его биографии планируется к публикации отдельная статья в журнале «Кортик», так что в рамках этой работы ограничусь упоминанием наиболее интересных моментов. Так, в 1733 г. гардемарин Спиридов получил назначение на 54-пушечный линейный корабль «Рига», который под командованием капитана «полковничьего» ранга М. Баракова совершил учебное плавание до выхода из Скагеррака и обратно в отряде капитан-командора Я.С. Барша. По некоторым данным, одновременно с ним нёс службу мичманом и Григорий Андреевич. На следующий год на «Гогланде» Иван Митрофанович попал во французский плен.

В русско-шведской войне 1741—1743 гг. он участвовал в чине мичмана на фрегате «Гектор» и 54-пушечном линейном корабле «Астрахань». Упоминания конкретных младших офицеров выявить достаточно сложно, однако в шканечном журнале «Астрахани» за 1743 г. описан эпизод с участием мичмана Спиридова. После неудачной погони 2 мая за шведскими кораблями, сорвавшейся из-за повреждений на трёх кораблях эскадры, при крепком ветре его отправили на 8-весельной шлюпке на корабль «Кронштадт» для выяснения объёма повреждений рангоута. Несмотря на 7-бальный ветер (13,9—17,1 м/с) и сильное волнение он смог успешно выполнить приказание и вернуться на свой корабль с докладом для флагмана [16]. В 1752 г. лейтенанту Спиридову было поручено совершить вместе с лейтенантом Ф.И. Неклюдовым опись лесов Лифляндии и Эстляндии. Работы велись с мая 1752 по февраль 1753 г. Спиридов описал территорию от Дерпта до Риги, на которой насчитал 2 490 200 сосновых и еловых деревьев. Составленный ими документ, содержащий причины проведения описи, задействованные ресурсы и результаты работ, сохранился в фондах РГА ВМФ [10].

Богатый и разносторонний опыт Ивана Митрофановича оказался востребован при проведении реформы военно-морского образования. В течение трёх лет он командовал 2-й ротой в организованном на базе бывшей Морской Академии Морском кадетском шляхетском корпусе, в котором подбору преподавателей и воспитателей уделялось повышенное внимание. Вероятно, что роту он передал в 1756 г. двоюродному брату — Григорию Андреевичу. По крайней мере первый из них в этом году сдал командование ротой Морского корпуса, а второй — принял. В годы Семилетней войны оба они командовали линейными кораблями Балтийского флота: первый — «Астраханью», «Св. Николаем», «Св. Димитрием Ростовским» и «Св. Андреем Первозванным», а второй — «Урилом» и «Варахаилом».

В кампанию 1759 года 66-пушечный «Уриил» перевёз в Данциг 291 чел. из состава трехтысячного пополнения для армии, доставленного кронштадтской эскадрой контр-адмирала Н.Г. Лопухина [8, X, с. 498]. Эта цифра известна из поимённого списка в клеркском протоколе корабля, найденном в фондах РГА ВМФ [13]. На следующий год на том же корабле и в составе той же эскадры Иван Митрофанович принял участие в совместной с сухопутными войсками осаде Кольберга, которая не увенчалась успехом. Год спустя он снова участвовал в действиях против Кольберга, на этот раз командуя 54-пушечным линейным кораблём «Варахаил» в чине капитана 3 ранга. Именно с этой кампанией связан эпизод из его жизни, нашедший отражение в отечественной историографии — бой с береговыми батареями 14 августа. О нём упоминают Ф.Ф. Веселаго [2, с. 110] и Н.М. Коробков [3, с. 126]. На основании данных из шканечного журнала [19] и клеркского протокола [14] корабля удалось детально восстановить обстоятельства этого боя.

Боевая задача заключалась в том, чтобы пройти мимо укреплений противника, вызвав их огонь на себя, и вскрыть тем самым систему береговой обороны, вывнив её расположение и огневую мощь, одновременно нанеся ей ответным огнём максимально возможный урон. Бой с тремя береговыми батареями и верхним городским бастионом продолжался около 1,5 час. Расход боезапаса составил 130 18-фунтовых и 107 8-фунтовых зарядов, т.е. в среднем около 12 выстрелов на 18-фунтовое орудие, и около 6 выстрелов на 8-фунтовое орудие. Полученные кораблём повреждения были незначительны, потери в личном составе составили два человека убитыми. Стрельба с корабля, в свою очередь, была довольно точна — иногда отмечается, что «ядра ложились в самую батарею». В результате «разведки боем» поставленная задача была решена. В шканечном журнале флагманского корабля «Климент Папа Римский» зафиксированы точные пеленги батарей и количество орудий на них — 54 единицы [20]. Шесть дней спустя в составе морского десанта эскадры, который возглавил командир линейного корабля «Св. Андрей Первозванный» капитан 1 ранга Г.А. Спиридов, с «Варахаила» был высажен отряд в составе 51 чел. под командой лейтенанта П. Бачманова [14], после чего в течение нескольких дней велась перестрелка с первой остовой батареей. Наконец, 7 сентября батарею взяли с суши штурмом, в котором приняли участие как сухопутные войска, так и силы высаженного ранее десанта.

На следующий год Григория Андреевича, удостоившегося за успешное командование десантом блестящей аттестации генерала П.А. Румянцева, произвели в контр-адмиралы, что стало началом его дальнейшего карьерного роста, а Иван Митрофанович, хотя и получил чин капитана 1 ранга, оказался не у дел. В течение двух лет

он командовал кораблём «Св. Павел», который, однако, для участия в кампании не вооружался и не выходил из гавани. В 1764 г. он был произведён капитан-командоры и вышел в отставку, поселившись в своей деревне — с. Морозово Клинского уезда Московской губ. [12].

Таким образом, в результате проведённого исследования существенно дополнены биографии пяти родственников Г.А. Спиридова, служивших на флоте примерно в одно с ним время. Установлена степень их родства и отчества троих из них. В научный оборот введён ряд архивных документов, уточнены биографические данные из «Общего Морского Списка». Братья Спиридовы часто пересекались между собой по службе и приняли участие во всех войнах и военных конфликтах второй трети XVIII в., где задействовался Российской ВМФ: Великая Северная война (1700—1721), Персидский поход (1722), война за Польское наследство (1733—1735), Русско-турецкая война (1735—1739), Русско-шведская война (1741—1743), Семилетняя война (1756—1763).

Список литературы

1. Адмирал Спиридов. Победитель Чесмы // Литературное обозрение. 2016. 8 июля. URL: <https://litobozrenie.com/2016/07/admiral-spiridov-pobeditel-chesmy> (дата обращения: 30.09.2020)
2. *Веселаго Ф.Ф.* Краткая история Русского флота. СПб.: Тип. Демакова, 1893. 462 с.
3. *Коробков Н. М.* Русский флот в Семилетней войне. М.: Воениздат, 1946. 147 с.
4. *Коршунов Ю.Л.* Морские династии России. СПб.: Дмитрий Буланин, 2011. 320 с.
5. *Котов И.М.* «...И недошед до Данцига взяты были в полон» // Гангут. 2020. № 115. С. 86—96.
6. *Лебедев А.А.* К походу и бою готовы? Боевые возможности корабельных эскадр русского парусного флота XVIII — середины XIX вв. с точки зрения состояния их личного состава. СПб.: Гангут, 2015. 531 с.
7. *Лобанов-Ростовский А.Б.* Русская родословная книга Т.2. СПб.: Издание А.С. Суворова, 1895. 455 с.
8. Материалы для истории русского флота. Ч. V, VII, X. СПб.: Тип. Морского Министерства, 1875—1882.
9. Общий Морской Список. Ч. 1—2. СПб.: тип. В. Демакова, 1885. 455 с, 528 с.
10. Российский государственный архив Военно-Морского Флота (далее — РГА ВМФ). Ф. 212. Оп. 1. Ед. хр. 64. Л. 1—53.
11. РГА ВМФ. Ф. 212. Оп. 11. Д. 51. Л. 179—180.
12. РГА ВМФ. Ф. 212. Оп. 11. Д. 1505. Л. 14.
13. РГА ВМФ. Ф. 225. Оп. 1. Д. 748. Л. 206—208 об.
14. РГА ВМФ. Ф. 225. Оп. 1. Д. 827. Л. 137—138, 145 об.
15. РГА ВМФ. Ф. 406. Оп. 7. Д. 2. Л. 173—174.
16. РГА ВМФ. Ф. 870. Оп. 1. Д. 2936. Л. 16 об. — 17.
17. РГА ВМФ. Ф. 870. Оп. 1. Д. 358.
18. РГА ВМФ. Ф. 870. Оп. 1. Д. 641. Л. 7 об. — 8.
19. РГА ВМФ. Ф. 870. Оп. 1. Д. 734. Л. 44 об.
20. РГА ВМФ. Ф. 870. Оп. 1. Д. 736. Л. 34 об.
21. *Фёдорова Т.С.* «И ходить до Любека, а в Любеке ожидать пассажиров...» // Гангут. 1998. № 17. С. 84—91.
22. *Юнга Е.С.* Адмирал Спиридов. М.: Воениздат, 1953. 120 с.

Неформальные связи и методы в практике управления иностранными колонистами в России 1760-х гг.**

Аннотация. В статье рассматриваются попытки выстраивания неофициальных каналов и методов управления иностранными колонистами в России эпохи Екатерины II, осуществлявшиеся частными вербовщиками — «вызывателями» — с момента их назначения директорами колоний. Представлен социокультурный облик «вызывателей» и очерчен круг их агентов. Показано, каким образом они изыскивали способы усиления своей власти и личного обогащения в обход официальных структур. Сделан вывод о том, что «вызыватели», их «товарищи» и эмиссары составляли малые клиентелы, создававшиеся для конкретных практических потребностей.

Ключевые слова: неформальные связи, иностранные колонисты, «вызыватели», эпоха Екатерины II, административные практики.

INFORMAL TIES AND METHODS IN THE PRACTICE OF FOREIGN COLONISTS MANAGEMENT IN RUSSIA IN THE 1760s

Abstract. The article examines attempts to construct unofficial channels and methods of management of foreign colonists in Russia during the era of Catherine II, carried out by private recruiters — “*vyzyvateli*” since their appointment as directors of colonies. The author presents the socio-cultural image of the “*vyzyvateli*” and outlines the circle of their agents. The concrete examples show how recruiters and their assistants tried to strengthen their power and personal enrichment bypassing administrative structures. At the same time, only a few of them cared about the well-being of the immigrants, so that the conditions of life of the latter were much more difficult in comparison with those in “crown colonies”. It is concluded that the “*vyzyvateli*”, their “comrades” and emissaries constituted small clienteles, created in order to implement specific practical needs.

Keywords: informal ties, foreign colonists, “*vyzyvateli*”, era of Catherine II, administrative practices.

* **Ольга Константиновна Ермакова** — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник лаборатории Эдиционной археологии Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия). e-mail: ermakovaok@mail.ru

Olga K. Ermakova — Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher in the Laboratory for Studying Primary Sources, Ural Federal University (Yekaterinburg, Russia).

** Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках проекта № 18-78-10093 «Неформальные связи в контексте государственного управления в России XVIII в.: административные стратегии и социальные практики».

Феномен неформальных связей как замена или дополнение официальных каналов в административной работе признан широко распространённым явлением, бытовавшим в государствах Европы Нового времени. При упоминании об «отношениях верности»*, патрон-клиентских связях, сетях доверия, практиках дара в воображении сразу возникают развитые клиентелы могущественных аристократов (например, французских принцев крови, грандов или же российских дворян с обширными связями при дворе). Такие сети сплетались в сложную систему отношений патрон—брокер—клиент** и обладали известной степенью устойчивости. Важную роль в укреплении неформальных связей играли традиции дружбы между семьями, что особенно актуально для потомственного дворянства. Но возможно ли было сконструировать прочные неофициальные схемы управления тем, кто не относился к могущественным кланам, да ещё и очутился в чужой стране? Именно в таком положении оказались частные вербовщики, «вызыватели», занимавшиеся набором иностранных колонистов для Российской империи в эпоху Екатерины II, а затем назначенные директорами вновь образованных колоний.

Прежде всего, следует пояснить, что «вызыватели» представляли собой довольно своеобразную категорию предприимчивых людей. В тот период профессиональные вербовщики действовали в Европе на постоянной основе [2, с. 82—88]. Их социальный статус весьма противоречив. С одной стороны, среди них встречались люди, носившие дворянские титулы, как например, барон Кано де Борегар. Во всяком случае, он называл себя так — подобного рода люди нередко приписывали себе чужие имена или звания. Например, работавший под началом Борегара капитан Жан Батист Кост де Сабервиль действовал под поддельным именем. После того как он был арестован в Париже в 1766 г., выяснилось, что ранее этот человек служил конюхом у маркиза де Пьюизье, а его настоящая фамилия — Кабюссон [7, с. 210]. С Борегаром же сотрудничал некий барон Штейн, который действовал без договора, а исключительно на основании личных связей — по рекомендации одного из комиссаров «вызывателя» Веймарна. По мнению И.Р. Плеве, не исключено, что Штейн присвоил себе титул барона, а вдобавок и звание «обер-атамана царства Астраханского с чином российского императорского надворного советника и нарочно посланного от высокой короны для набора колонистов» [3, с. 71].

* Термин, который особенно предпочитал Р. Мунье в исследованиях французского общества и властных практик эпохи Старого порядка [11, с. 35—46].

** Подробнее о данной концепции см. работы Ш. Кеттеринг [9, 10].

Другой «вызыватель», бывший инспектор парижской полиции Менье де Прекур, в 1757 г. исчез и считался погибшим, а через восемь лет объявился и подписал с Канцелярией опекунства иностранных при Сенате договор о найме колонистов в Россию, и теперь уже фигурировал в документах не просто под фамилией де Прекур, а с припиской де Сен-Лоран [1, с. 47—49]. Вообще, подобный контингент в данной сфере деятельности не удивителен. Вербовка потенциальных мигрантов — достаточно опасное занятие. Правительства многих стран препятствовали оттоку жителей. В 1766 г. в Баварии, по свидетельствам источников, вспыхнула «буря против колонистского дела». Курфюрст называл переселение иностранцев в Россию «общевердным злом», а «набирателей и их товарищей» — «начальниками всего зла», которых следовало сыскивать, сажать в тюрьму, чинить им «наказания телесные и лишать живота» [6, л. 148—149].

«Вызыватели», как правило, действовали группами. Внутри таких объединений могли устанавливаться равные права участников или же формировалась небольшая иерархичная структура (если вербовщика сопровождала команда помощников разного ранга). Так, в одном из «товариществ» состояли Жан де Боффе, Менье де Прекур и Кантен Беньямин Кулетт Д'Отерив. В другую группу входили француз Докур с двумя «товарищами», с которыми Канцелярия опекунства иностранных заключила коллективные контракты [4, л. 53, 56]. Ещё одно «товарищество» составили француз Ле Руа, выходец из Женевы Пикте и немец Зонтаг [1, с. 47]. Кано де Борегар заключил с Канцелярией индивидуальный договор. В то же время, он располагал целым штатом эмигрантов, вербовавших колонистов по всей Западной Европе [1, с. 49]. Например, на него работали три агента в Швейцарии, которые в период 1766—1772 гг. отправили в сборный пункт в Базеле более 1 000 чел. [8, с. 63]. Его ближайшим доверенным лицом являлся полковник Отто Фридрих фон Монжу, которому «вызыватель» делегировал административные функции в колониях Поволжья [5, л. 320 об.].

В соответствии с контрактами, «вызывателям» выделялась определённая территория для заселения набранными ими семьями иностранцев. Они назначались директорами колоний и самостоятельно занимались распределением земель между поселенцами [4, л. 53—70 об.]. В отличие от «коронных колоний», заселяемых иноземцами, отправленными государственными комиссарами и российскими дипломатическими агентами за рубежом, колонии «вызывательские» изначально наделялись широкой автономией в плане внутреннего управления. Административные функции принадлежали дирекции, состоявшей из рекрутёров и их поверенных.

Именно ближайшие помощники «вызывателей» и члены «товариществ» (с которыми заключались коллективные договоры о найме переселенцев) участвовали в реализации сомнительных схем распоряжения ресурсами колоний и их обитателей, осуществлявшихся в обход официальных каналов. Директора и их доверенные лица пытались вовлечь колонистов в незаконные махинации, правда, порой делали это без их ведома и согласия. Так, в 1768 г. «вызыватель» Ле Руа и его поверенный Гогель подговаривали колонистов подавать в Саратовскую контору Канцелярии мемориалы с просьбами о выдаче в ссуду денег «под весьма убедительными, но вымышленными токмо, а не праведными предложениями». Делалось это с целью «пожиться от колонистов самой так называемой дирекции вызывательской сиречь поверенному Лероеву с его подручными иностранцами, кроме колонистов»*. Ведь средства, выдаваемые казной на нужды колонистов, попадали сначала в руки дирекций [4, л. 314]. Недобросовестность бывших вербовщиков постепенно приводила к лишению их управленческих функций. Например, «вызыватель» де Боффе растратил казенные деньги на строительство колонистских домов, в результате чего переселенцы провели первую зиму в Поволжье в землянках. После этого инцидента его отстранили от распоряжения ссудными и кормовыми деньгами [3, с. 106].

Ле Руа и Гогель стремились установить абсолютную власть над колонистами, для чего сочинили проект собственной юрисдикции, подразумевавшей создание специальных полицейских учреждений. И хотя этот документ Канцелярия не одобрила, директор и его помощник заставляли колонистов приносить себе присягу. Практиковали они и составление подложных контрактов с поселенцами о принятии ими новых условий. Тех же, кто не принял присягу на верность дирекции и разработанный ею устав, называли клятвопреступниками. Кроме того, было установлено, что Гогель посылал в Канцелярию весьма «предосудительные и обидные» мемориалы, якобы от имени колонистов. Одной из целей подобного рода интриг, а также намерения посеять смуту среди колонистов, являлось стремление скрыть собственные проступки и нарушения, а лучше всего — представить картину так, будто все незаконные и непорядочные действия совершали не члены «вызывательской дирекции», а назначенный от Канцелярии бригадир Резанов [2, Прил. № 32, с. 50—54].

На фоне бесчинств упомянутых «вызывателей» барон Кано де Богар выглядел наиболее порядочным директором колоний. Его тоже обвиняли в злоупотреблениях, которые касались финансовой сторо-

* Цит. по: «Описание поступков вызывательских в новозаведенных колонистских селениях» [2, Прил. № 32, с. 49].

ны вербовки и транспортировки переселенцев. Надо заметить, что с точки зрения отношения к колонистам, за Борегаром не наблюдалось случаев, когда бы он учинил им какие-либо притеснения. Напротив, по свидетельствам вице-президента Канцелярии В. Баскакова, «борегардовы колонисты имеют против других отменные контракты, и подлежат особливим разпоряжениям... они могут во всем положиться на обещания их начальника» [5, л. 315 об.]. Что же касается разбирательства по финансовым делам, Борегару, который действительно не составлял должных расписок в потраченных средствах, всё довольно легко сошло с рук. Исследователи объясняют это тем, что он пользовался особым расположением Екатерины II [3, с. 75].

Представляется, что «вызыватели» изначально были настроены, прежде всего, на извлечение как можно большей выгоды из своего предприятия, тем более что Екатерининский колонизационный проект был превосходно экономически обеспечен. При помощи сети агентов (чаще всего немногочисленной) они прибегали к разного рода ухищрениям с целью быстрого обогащения. Зачастую «вызыватели» действовали на расстоянии: оставляли во главе колоний поверенных, а сами находились в столице или за границей. Несмотря на то, что контракты предполагали создание для вербовщиков весьма привлекательные условия проживания в колониях (крупные земельные наделы, средства на домостроительство, широкие управленческие полномочия), по-видимому, перспектива осесть в отдалённых российских провинциях не являлась для них пределом мечтаний. Рекрутёры держались обособленно и в некотором роде оппозиционно по отношению к местным административным структурам (а порой и к населению колоний). Действуя каждый за себя, они всё же не разрывали связей с ближайшими поверенными, которых можно отнести к категории клиентов. Сложно оценить, насколько такого рода мини-клиенты являлись устойчивыми и долгосрочными. Если пользоваться концепцией Р. Мунье, определяющей патрон-клиентские отношения как кратковременные связи, возникающие в силу неких практических потребностей, то можно утверждать, что сети, выстроенные «вызывателями», носили именно такой характер. Однако развернуть влияние на более широкие круги иностранцев-переселенцев им не удалось (а может быть, это и не входило в их планы).

Список литературы

1. *Дитц Я.Е.* История поволжских немцев-колонистов. М.: Готика, 1997. 496 с.
2. *Писаревский Г.Г.* Из истории иностранной колонизации в России в XVIII в. (по неизданным архивным документам). М.: Печатня А.И. Снегирёвой, 1909. 438 с.
3. *Плеве И.Р.* Немецкие колонии на Волге во второй половине XVIII в. М.: АОО «Международный союз немецкой культуры», 2008. 400 с.
4. Российский государственный архив древних актов (далее — РГАДА). Ф. 283. Оп. 1. Д. 16.
5. РГАДА. Ф. 283. Оп. 1. Д. 56.
6. РГАДА. Ф. 283. Оп. 1. Д. 61.
7. *Строев А.* «Те, кто поправляет фортуна». Авантюристы Просвещения. М.: Новое литературное обозрение, 1998. 400 с.
8. *Bartlett R.* Human capital: the settlement of foreigners in Russia, 1762—1804. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. 339 p.
9. *Kettering S.* Patronage in Sixteenth- and Seventeenth-century France. Aldershot: Ashgate, 2002. 286 p.
10. *Kettering S.* Patrons, brokers and clients in Seventeenth-century France. New York, Oxford: Oxford University Press, 1986. 322 p.
11. *Mousnier R.* Les fidélités et les clientèles en France aux XVI^e, XVII^e et XVIII^e siècles // Histoire sociale. 1982. Vol. 15 (No. 29). P. 35—46.

История России в художественных сочинениях Екатерины II**

Аннотация. Исследование посвящено определению места российской истории в художественных произведениях Екатерины II. Автор выявляет в корпусе литературных произведений императрицы те тексты, в которых Екатерина II обращалась к сюжетам отечественной истории. В рамках работы делаются выводы об источниках, на основании которых выстраивалась историческая концепция Екатерины II; проанализированы сюжеты трех исторических пьес — «Из жизни Рюрика», «Начальное управление Олега», «Игорь»; определены наиболее востребованные объекты исторической памяти — герои и события истории России. Сделаны выводы об основных особенностях идеологических построений императрицы, трактовках образов наиболее значимых исторических деятелей, влиянии сочинений Екатерины II на конструирование исторических представлений о прошлом в российском обществе нового и новейшего времени.

Ключевые слова: историческая память, образы прошлого, Екатерина II, история России, художественная литература.

HISTORY OF RUSSIA IN THE FICTION BOOKS OF CATHERINE II

Abstract. The research is devoted to determining the place of Russian history in the fiction books of Empress Catherine II. The author identifies in the corpus of literary works of the Empress those texts in which Catherine II addressed the subjects of national history. The scholar draws conclusions about the sources on which the historical concept of Catherine II was built; analyzes the plots of three historical plays — “From the life of Rurik”, “The Initial management of Oleg”, “Igor”; identifies the most popular objects of historical memory — heroes and events in the history of Russia. Conclusions are drawn about the main features of the Empress’s ideological constructions, interpretations of images of the most significant historical figures, and the influence of Catherine II’s writings on the construction of historical representations of the past in the modern and contemporary history of Russian society.

Keywords: historical memory, images of the past, Catherine II, history of Russia, fiction.

На протяжении своего продолжительного правления Екатерина II придавала большое значение развитию в Российской империи различных сфер культурной жизни. Значительно возросло количество издаваемых

* Дмитрий Александрович Сосницкий — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия). e-mail: yranggan@mail.ru

Dmitry A. Sosnitsky — Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher of Institute of History, St Petersburg state University (Saint Petersburg, Russia).

** Статья подготовлена при поддержке Совета по грантам Президента РФ, проект «Конструирование коллективной памяти о прошлом в России второй половины XVIII века», проект № МК–1428.2020.6.

художественных произведений [см.: 5, с. 10—12]. Императрица способствовала развитию отечественной художественной словесности не только как государственный деятель, но и как писатель. Её перу принадлежат многочисленные комедийные и драматические художественные произведения. Задача данного исследования — выявление наиболее значимых сюжетов отечественной истории в литературном наследии императрицы и определение степени их влияния на конструирование исторических представлений о прошлом во второй половине XVIII в.

Писательская деятельность Екатерины неоднократно становилась объектом изучения филологов и историков. Как известно, сам факт авторства при жизни императрицы замалчивался. Это привело к тому, что лишь в середине XIX в. исследователи начали обращаться к изучению её литературного наследия [6, с. 200—211]. А.Ф. Смирдин издал три тома её сочинений [7]. Исследованию особенностей художественных произведений Екатерины посвящен ряд статей Ю.С. Семёновой. Рассмотрены особенности её комических опер [4], охарактеризован цикл «исторических представлений» [3]. Подробный анализ содержания комической оперы «Ахридеич» представлен в статье А.Е. Максимовой [2].

Всего перу Екатерины II принадлежит не менее 24 художественных произведений. Это комические оперы «Февей», «Горе-богатырь Косометович», «Новгородский богатырь Боеслаевич», «Храбрый и смелый витязь Ахридеич», «Федул с детьми»; исторические представления «Начальное управление Олега», «Из жизни Рюрика», «Игорь (незакончено)»; аллегорические сказки «Сказка о царевиче Хлоре», «Сказка о царевиче Февее»; комедии «О время!», «Именины госпожи Ворчалкиной», «Передняя знатного боярина», «Госпожа Вестникова с семьей», «Вопроситель (Невеста-невидимка)», «Расстроенная семья острожками и подозрениями», «Недоразумение», «Обманщик», «Обольщённый», «Шаман Сибирский», «Глупое пристрастие к пословицам», «Лысец и обольщённые», «Не может быть зла без добра», «Путешествие Промотаева», «Смутник», «Вот какво иметь корзину и бельё»; рассказ «Баба бредит, черт ли ей верит»; иносказательное зрелище в трёх действиях «Хлор-царевич или Роза без шипов, которая не колетса».

В большинстве своём тексты представляют собой преимущественно бытовые зарисовки, картины из русской жизни. Остановлюсь подробнее на тех сочинениях, сюжеты которых связаны с персонажами отечественной истории: «Из жизни Рюрика», «Начальное управление Олега», «Игорь». В комической опере «Новгородский богатырь Боеславич» действие происходит в древнем Новгороде, а само повествование насыщено полулегендарными персонажами. Из остальных произведений только в комедии «Обманщик» один раз упоминается Александр Македонский.

В 1786 г. издательством Императорской Академии наук было выпущено первое издание сочинения «Из жизни Рюрика». В заголовке значилось: «Подражание Шекспиру, историческое представление без сохранения театральны́х обыкно́венных правил». Черновик текста написал Екатериной и переписывался кабинет-секретарем императрицы А.В. Храповицким. В его дневнике за август 1786 г. значится: «Переписывал историческое представление, подр. Шекспиру: “Жизнь Рюрика”, только первый акт» [цит. по: 8, с. 253]. В дальнейшем он переписал и последующие акты. Исследователи отмечают, что многие сведения о происхождении Рюрика Екатерина почерпнула из источников, опиравшихся на сообщения Иоакимовской летописи, само существование которой многими специалистами ставится под сомнение [8, с. 253]. Многие имена предков Рюрика и других представителей варяжской знати взяты оттуда же — Буривой, Вандаг, Избор, Владимир, Столпосвят и др. Повествование открывается сценой призвания Гостомыслом старейшин славянских земель, в которой он поясняет, что хочет пригласить варяжского князя, т.к. «правление земель и дел медлится от того и разорение Великому Новуграду воспоследовать может; сами собой править не можете» [8, с. 221]. При этом, согласно сюжету, Рюрик, Синеус и Трувор — внуки Гостомысла. Помимо них, к числу реальных (или полуполюгендарных) героев отечественной истории принадлежат Вадим Храбрый, дочь Гостомысла Умила, Едвинда (Ефанда) Урманская, Аскольд, Олег и Рогволд. Остальные персонажи — Горлом, Радбрат, Людбрат и др., вероятнее всего вымышлены.

После смерти Гостомысла новгородские послы отправляются к варягам и просят их приехать в славянские земли править. Рюрик собирает совет, на котором он со своим отцом Людбратом, братьями Синеусом и Трувором и приближёнными Олегом и Рогволдом, обсуждают, стоит ли принимать приглашение. После недолгих прений Рюрик решает согласиться и отправляется в славянские земли. После прибытия в Ладугу он встречается с новгородским посадником Добрынином. Видимо, желая подчеркнуть значимость новгородцев, Екатерина выстраивает повествование таким образом, что Добрынин даёт Рюрику чёткую инструкцию по организации будущего правления: «Позволь, о государь, открыть пред тобою чистосердечно то, что ревностное усердие к тебе и к отчизне во мне вселило мысли: на Белоозеро пошли ты брата старшего, в Изборск же младшего; оба сии края для областей твоих важны; первое доставляет пропитание, другой к торгам на Западе и Полудни нужное» [8, с. 242]. Любопытен также сюжет, в котором Рюрик, распределяя территории между своими приближёнными, направляет Аскольда в Киев. Тот, как верный слуга, беспрекословно соглашается и добавляет: «Но буде усердие моё в порученном деле увенчается успехом, прошу дозволить мне идти ко Царюграду на Грек, кои набеги многие чинили на ки-

евские земли» [8, с. 243]. В этом отрывке ощущается влияние «греческого проекта» и стремление продемонстрировать то, насколько древними являются притязания России на Константинополь.

Ещё одно произведение «древнеславянского цикла» — «Начальное управление Олега», изданное в 1787 г. В предисловии внимательные читатели обращаются на то, что в основе сюжета лежат подлинные исторические события: «В сём Историческом представлении более есть Исторической истины, нежели выдумки... сие происшествие слово от слова почти взято из Истории Российской и других земель, где о том точно упоминается... в пятом действии ни мало не отступлено от Истории... равным образом и кончится сие Историческое представление, согласно с Историей» [8, с. 261—262]. Несмотря на обилие действующих лиц (более 30) к числу реальных исторических деятелей можно отнести только Рюрика, Аскольда, Олега, Игоря и Прекрасу (княгиню Ольгу). В тексте также упоминаются греческий император Леон (византийский император Лев VI) и императрица Зоя.

Повествование открывается сценой заложения Москвы князем Олегом. Очевидно, Екатерина относилась к этому известию как к историческому факту, хотя на конкретные источники в предисловии не ссылалась. Необходимо отметить, что в XVIII в. действительно была широко распространена легенда, согласно которой Москва основана Олегом: «Сказка, что Олег на пути своём в Киев построил Москву, есть новое изобретение, которым Г. Елагин напрасно укоряет митрополита Макария. Она находится в кратких исторических повестях (не смею назвать их летописями), сочинённых около времён Царя Алексея Михайловича» [1, с. 113]. Екатерина же вкладывает в уста князя следующую реплику: «Да именуется сей град Москва; для устройства же определяю в нём Начальником свойственника моего Радмира» [8, с. 267]. Следующий сюжет — встреча Олега и Игоря с Аскольдом в Киеве. Олег решает сместить Аскольда с княжения по причине жалоб киевлян на то, что Аскольд слишком подвержен влиянию христианства и забывает старый языческий обычай. Любопытным образом завуалировано приказание убить Аскольда: согласно сюжету, его берут под стражу и отправляют на другой берег Днепра, несмотря на сильную бурю. В дальнейшем его спасают угры и он уходит с ними. Приблизённый Олега так рассказывает ему об обстоятельствах: «Князь Аскольд со стражей пошёл в ладью, поплыли к Киеву; посреди реки усилившийся ветер столь сильно судну сопротивлялся, что опрокинул ладью. Дважды мы видели с берега Аскольда, плывущего между волнами, дважды он у нас пропал из глаз; многие суда кинулись спасти как его, так и стражу, но за сильным ветром едва успеют ли... Князь Аскольд, плывучи посреди волнения и бури, стремлением реки влечён был к тому месту, где на сих днях Угры переходили Днепр; стража их, оставленная на сём берегу, увидя,

что человек плывёт с опасностью, бросила к нему доски и канаты, за которые ухватясь, вытащен жив на берег» [8, с. 276—277].

Следующим сюжетом сочинения становится свадьба князя Игоря и Прекрасы—Ольги, организованная Олегом. Точная дата рождения последней по летописным источникам неизвестна и большинство современных историков сходятся на том, что родилась она в 920-е гг. Также не известно и то, была ли она знатного происхождения, т.к. на это нет указаний в источниках. Екатерина так описывает её происхождение: «У боярина дочь хороша, / Калачами была вскормлена / И сытой была вспоена» [8, с. 281]. Указание на знатное происхождение Ольги позволяет вновь предположить, что главным историческим источником при написании «Начального управления Олега» стала Иоакимовская летопись. Наконец, последний сюжет «исторического представления» — поход на Константинополь. Имеется ввиду, очевидно, поход 907 г., т.к. автор довольно подробно описывает условия заключённого мира (размер дани — по 12 гривен на каждого воина, беспошлинная торговля для русских купцов и т.д.). Договор приведён в Повести временных лет, однако неизвестно, откуда именно императрица взяла эти сведения.

Пьеса «Игорь» была начата в 1786 г., но так и осталось неоконченной. Её любопытная особенность — то, что по сути сочинение является вольным переложением очень известной комедии П. Кальдерона де ля Барка «El Escondido y la Tapada» (рус. «Закрытая плащом»). В «Игоре» воспроизводится легенда о смерти князя Олега от собственного коня: «Теперь могу сказать, что солгал мне ворожей, когда предвещал, что я умру от сего коня, понеже конь умре, а я жив» [9, с. 403]. Основная сюжетная линия пьесы связана с обнаружением в числе пленников князя представителей болгарской и угорской знати. Игорь с большим почтением относится к равным себе и даже организует свадьбу. Действие оканчивается намерением пойти собирать повторную дань с древлян. Екатерина неоднократно вспоминала об этом сочинении, о чем свидетельствуют записи Храповицкого. Как правило, императрица просила найти рукопись после просмотра постановки «Начального управления Олега».

Постараемся выделить несколько основных особенностей, характерных для всех исторических сочинений Екатерины. При описании личностей князей она преследовала главную цель — создание образа идеального правителя. Вот как, например, Игорь описывает чувства после освобождения рабов: «Не знаю, есть ли в том великодушие, но истинно признаться тебе? Я внутреннее чувствую удовольствие, ни с чем не сравненное, когда я могу облегчить несчастье чьё, либо кого обрадовать» [9, с. 419]. События правлений Рюрика, Олега и Игоря характеризуются так, чтобы у читателя (и зрителя) складывалось впечатление о князьях как абсолютных и непререкаемых авторитетах. Для усиления этого эффекта древнерусским правителям добавляется «вес» в между-

народных делах (например, сцена встречи Олега с византийским императором). Ещё одна особенность — свободное обращение с датами. Это объясняется тем, что в составлении «исторической» канвы своих произведений она опиралась на сочинения В.Н. Татищева, в частности на воспроизведённую им Иоакимовскую летопись. Так, в пьесах Олег прибывает в Киев с ужо взрослым Игорем, там же проходит его свадьба. Одновременно с этим изгоняется Аскольд. Сразу же после свадьбы Олег отправляется в поход на Константинополь. После его гибели Игорь собирается во второй поход по сбору дани с древлян. Наконец, важно отметить, что Екатерина, скорее всего намеренно, обращалась к самой древней части русской истории. Эта полуполюгендарная эпоха давала большие возможности интерпретации характеров исторических персонажей, о которых достоверно практически ничего не известно.

Подводя итог обзору, отмечу, что, хотя при жизни императрицы её художественные сочинения не издавались большими тиражами, их значение нельзя недооценивать. Тексты опосредованно оказали влияние на широкую публику через дворянскую элиту, представители которой и были первыми зрителями постановок. Через свои «исторические представления» императрица популяризировала распространённые в образованной среде мифы о раннем периоде русской истории и создавала исключительно положительные образы правителей. Героизация князей, идеализация образа сильной власти — главные задачи, которые ставила перед собой императрица.

Список литературы

1. *Карамзин Н.М.* История Государства Российского: в 12 т. Т. I. СПб.: Тип. Н. Греча, 1818. 220 с.
2. *Макимова А.Е.* «Ахридеич» — опера-сказка Эрнеста Ванжуры на либретто Екатерины II // *Opera musicologica*. 2012. № 4. С. 25—73.
3. *Семёнова Ю.С.* «Русское» и «европейское» в хорах исторического представления Екатерины II и начальное управление Олега // *Вестник КАЗГУКИ*. 2019. № 1. С. 93—99.
4. *Семёнова Ю.С.* Екатерина II как либреттист: жанровые особенности комических опер императрицы // *Вестник СПбГУ*. Сер. 15. 2012. Вып. 1. С. 255—263.
5. *Сиповский В.В.* Из истории русской литературы XVIII в. Опыт статистических наблюдений. I—II (с приложением трёх графических таблиц). СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1901. 46 с.
6. *Словарь русских светских писателей, соотечественников и чужестранцев, писавших в России / Сочинение митрополита Евгения*. Т. 1—2. М.: Москвитинин, 1845. Т. I: От А до К. 328 с.
7. *Сочинения императрицы Екатерины II*. Т. I—III. СПб.: в Типографии Императорской Академии наук, 1849—1850.
8. *Сочинения императрицы Екатерины II на основании подлинных рукописей и с объяснительными примечаниями академика А.Н. Пыпина*. Т. II: *Драматические сочинения*. СПб.: Изд. Императорской Академии наук, 1901. 550 с.
9. *Сочинения императрицы Екатерины II на основании подлинных рукописей и с объяснительными примечаниями академика А.Н. Пыпина*. Т. III: *Драматические сочинения*. СПб.: Изд. Императорской Академии наук, 1901. 458 с.

Становление русского театра в письмах А.П. Сумарокова Екатерине II и И.И. Шувалову

Аннотация. В статье анализируются письма А.П. Сумарокова, литератора и директора Московского театра, Екатерине II (тринадцать писем из тридцати одного, адресованного писателем императрице) и И.И. Шувалову (десять писем из двадцати одного) о театре. Рассматриваются цели создания этого вида искусства в России (исправление нравов), анализируются проблемы, стоящие перед нашим новорожденным театром (финансирование и сложности, связанные с «вольным» положением Московского театра; актёрский состав; план Московского театра; накладки, связанные с невыполнением иностранными театральными деятелями своих обязательств и с отсутствием своей площади в Петербурге; театральные привилегии; доктор для актёров; требование выделения четверти дохода в пользу Воспитательного дома; постановка пьес самого Сумарокова), выявляется роль императрицы, вельможи и писателя в его развитии.

Ключевые слова: А.П. Сумароков, «письмо царю», русская литература, русский театр, XVIII век, Екатерина II, И.И. Шувалов.

FORMATION OF THE RUSSIAN THEATER IN LETTERS BY A.P. SUMAROKOV TO CATHERINE II AND I.I. SHUVALOV

Abstract. The article analyzes the letters by A.P. Sumarokov, a writer and Director of the Moscow theater, to Catherine II (thirteen letters out of thirty-one addressed by the writer to the Empress) and I.I. Shuvalov (ten letters out of twenty-one) about the theater. The goals of creating this art form in Russia are considered (correction of morals), the problems facing our newborn theater are analyzed (financing and difficulties associated with the «free» position of the Moscow theater; the cast; the plan of the Moscow theater; lining associated with the failure of foreign theatre practitioners of their obligations and the lack of its area in St. Petersburg; theatrical privilege; doctor for the actors; requirement allocation quarter of the income in favor of the Educational house; staging the plays by Sumarokov), the role of the Empress, nobles and writer in its development.

Keywords: A.P. Sumarokov, «Letter to Tsar», Russian literature, Russian theatre, XVIII century. Catherine II, I.I. Shuvalov.

Один из ценнейших источников для изучения истории русского театра и его становления — письма А.П. Сумарокова, литератора и директора Московского театра, Екатерине II и её приближённому

* **Екатерина Владимировна Суровцева** — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник лаборатории Общей и компьютерной лексикологии и лексикографии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия). e-mail: surovceva-ekaterina@yandex.ru

Ekaterina V. Surovtseva — Candidate of Philological Sciences, Senior Researcher in the Laboratory of General and Computer Lexicology and Lexicography, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia).

И.И. Шувалову (публикацию писем см. в [5]). Императрице написано 31 письмо, из них о театре 13, Шувалову — 21 и 10 соответственно. Это самая частая тема в письмах обоим адресатам (краткую характеристику посланий писателя см. в [6]).

Главная цель театра — исправление нравов. Письмо Екатерине от 4 июня 1769 г. начинается фразой: «Знаю, что исправление нравов вашего подданного народа всегда присутственно». Видимо, это отсылка к мнению самой императрицы: «Театр есть школа народная; она должна быть непременно под моим надзором, я старший учитель в этой школе и за нравы народа мой ответ Богу» (подробнее о воззрениях Екатерины см.: [3, с. 98 и далее; с. 153—162]). Сумароков предлагал не менее афористическое высказывание: «Театр есть училище бродягам по жизни человеческой». В этом же послании он высказал желание служить театру и улучшать нравы сограждан — в том числе москвичей, которые заслужили строгое порицание литератора. Так, в письме от 26 марта 1772 г. он утверждает, что «здешние нравы великой поправки требуют», поэтому в первопрестольной театр — насущная необходимость. В послании от 7 мая 1772 г. он витиевато разъяснял, что беспокоит обременённую множеством государственных дел правительницу лишь потому, что стремится исправить московские нравы: здешние люди невежественные, порочные, не знающие морали, упрямые, им как никому нужен театр.

В письме от 24 июля 1769 г. Сумароков затронул, говоря современным языком, организационные вопросы, связанные с учреждением театра. Это требование одного из опекунов Воспитательного дома в Москве П.И. Вырубова о перечислении в пользу дома четвёртой части дохода, которое не может быть выполнено; затруднения при постановке пьес «Вышеслав» и «Лихоимец»; бегство в Петербург актёра Базилевича — а ведь с актёрами в Москве туго.

В обращениях от 28 января и 1 февраля 1770 г. — жалобы на неразбериху в театре (пьянство актрисы Е. Ивановой; недобросовестность антрепренёра Бельмонти, не соблюдающего контракт) и пространные сетования на самодурство графа П.С. Салтыкова. Хотелось бы привести реакцию Екатерины на них. Они поступили статс-секретарю императрицы Г.В. Козицкому с одной и той же почтой; в его бумагах сохранилось несколько записей на отдельных листках, связанных с представлением этих писем императрице. Прежде всего, пояснительная записочка самого Козицкого: «От Александра Петровича Сумарокова вчера по почте полученные»; на ней рукой Екатерины помета: «Сумароков без ума есть и будет» (цит. по примечаниям к письму в [5]). 15 февраля императрица отправила Сумарокову ответ: «Александр Петрович! Первое ваше письмо от 26 генваря (на самом деле от 28 января. — *Е.С.*) мне удивило, а

второе от 1 февраля ещё больше; оба, понимаю, содержат жалобу на Бельмонта, который, однако, следовал приказаниям графа П.С. Салтыкова. Фельдмаршал желал видит трагедию вашу; сие вам делает честь. Пристойно было в том удовольствоват первого на Москве начальника. Естли же граф Салтыков заблагорассудил приказат играт, то уже надлежало без отговорок исполнить его волю. Вы более других, чаю, знаете, сколь много почтения достойны заслуженные славою и сединой покрытые мужия и для того советую вам впред не входит в подобные споры, чрез что сохраните спокойство духа для сочинения, и мне всегда приятнее будет видит представлении страстей в ваши драммы, нежели читать их в писмах. Впрочем остаюсь к вам добросклонна» (цит. по примечаниям к письму в [5]). 25 февраля Сумароков послал императрице новое письмо — с оправданием и с очередным доносом на Салтыкова; письмо от 4 марта — повтор оправданий из последних трёх писем.

Сумароков взялся добросовестно составлять план Московского театра, о чём не менее прилежно сообщал императрице в письмах — от 19 и 30 апреля, 3 и 4 мая, 5 июля 1772 г. Тема привилегий, необходимых театру, звучит в письмах от 7 мая 1772 г. и 31 января 1773 г. Кроме того, литератора волнует перераспределение должностей (письмо от 7 мая 1772 г.) и непорядки, связанные с тем, что в конце 1772 г. театральная привилегия была выкуплена у наследников Бельмонти итальянцем Гроти и московским губернским прокурором князем П.В. Урусовым (письмо от 31 января 1773 г.). В послании Екатерине от 20 мая 1773 г. писатель спрашивает, может ли он новые «поднесённые в.в.» пьесы «без представления напечатать».

В ряде писем Сумароков жалуется не недостаток финансирования театра — подобные жалобы звучат в письмах Екатерине от 26 марта 1772 г., Шувалову от 5 января и 1 мая 1757 г., 7 января (в этом послании поднимается проблема выживания «вольного», основанного на самоокупаемости театра — по контрасту с придворным, существующим на дотации), 24 февраля (литератор сообщает: актёры вряд ли смогут разыграть представление, потому что нет возможности выправить им платье) и 20 мая 1758 г. (здесь говорится, что представления не только не окупились, но и принесли убыток — в первую очередь из-за дорогой восковой иллюминации).

Ещё одна насущная проблема — месторасположение театра (точнее, его отсутствие) — поднимается в письмах Шувалову от 29 апреля 1757 г. и 9 января 1758 г. (речь идёт о театре в Петербурге). В России в то время подвизалась французская труппа Ш. Сериньи и итальянская труппа Локателли, которые имели свои «территории», русская же труппа — нет. В ответ на первое обращение Сумарокова последовал указ 30 апреля 1757 г. о разрешении русской труппе

играть спектакли в оперном доме в те дни, «когда опер, французских комедий и интермедий представлено не будет». Литератору было предложено регулярно осведомляться, «когда паче чаяния не будет ли повеления представить италийские и французские театральные действия, кроме обыкновенных дней, т.е. вторников и пятниц». Очевидно, что подобный порядок регулярно вызывал разнообразные «накладки».

Внимание Сумарокова занимал и такой вопрос, как приглашение хорошего доктора для актёров (в письмах Шувалову от 27 июля и 5 августа 1758 г.).

По справедливому замечанию исследователя, эпистолярные послания Сумарокова автобиографичны: в них нет разделения жизненных фактов на «низкие» и «высокие» [1, с. 33], литератор пишет о театре и литературе — и о быте и деньгах зачастую в рамках одного и того же текста. Именно поэтому рассуждения о нуждах театра соседствуют в письмах Шувалову с жалобами на гофмаршала К.Е. Сиверса (от 7 января 1758 г. и 24 февраля 1758 г.). Много раз жаловался Сумароков на этого сановника и в других посланиях (от 19 мая 1758 г., 17 декабря 1760 г., 23 февраля и 12 марта 1761 г.) — по мнению литератора, это главный его недоброжелатель. «В неудовольствиях Сиверса с Сумароковым виноваты были, вероятно, обе стороны: Сиверс, как придворный и иностранец, мало интересовался русским театром и предоставлял заботы о нём своим подчинённым; а Сумароков, как человек в высшей степени непрактический, не умевший, как сам сознавался, вести и собственных своих экономических дел, конечно, не годился в директоры театра и должен был, странностями своими и заносчивостью, беспрестанно колотить глаза всякому начальнику. Удивительно ли, что приказные служители, которые разбирали ссоры Сумарокова с его копистами и брали с них взятки, успели внушить Сиверсу сомнение в его честности?» [2, с. 51].

Я.К. Грот полагал, что письма Сумарокова Шувалову знакомят с «состоянием первоначального русского театра» и показывают участие сановника в «этой отрасли русского образования» [2, с. 22]. То же относится и к письмам Екатерине II. По замечанию современного исследователя, «Письма Сумарокова рассказывают о его ожесточённой борьбе за утверждение русского театра, за создание условий для его успешного развития, за творческую свободу драматурга от вмешательства невежественных чиновников. Его письма — это и летопись деятельности театров Петербурга и Москвы, своеобразная литературно-театральная энциклопедия, сообщающая ценные сведения об актёрах, суфлёрах и “смотрителях” (зрителях), о практике обучения актёров и характере репетиций, о роли драматурга в подготовке спектакля» [4, с. 6].

Список литературы

1. *Бухаркин П.Е.* Письма М.В. Ломоносова и А.П. Сумарокова в истории русской литературы // Малые жанры в русской и советской литературе. Киров: КГПИ, 1986. С. 31—41.
2. *Грот Я.К.* Письма Ломоносова и Сумарокова к И.И. Шувалову. Материалы для истории русского образования // Записки Императорской Академии наук. Т. 1. Прил. № 1. СПб.: Академия наук, 1862. 52 с.
3. *Дризен Н.В.* Материалы для истории русского театра. М.: Издание А.А. Бахрушина, 1905. 311 с.
4. *Макогоненко Г.П.* Письма русских писателей XVIII в. и литературный процесс // Письма русских писателей XVIII в. Л.: Наука, 1980. С. 3—41.
5. Письма русских писателей XVIII в. / Публ. В.П. Степанова. Л.: Наука, 1980. 473 с.
6. *Суровцева Е.В.* К вопросу об изучении взаимоотношений писателей и властителей в России: на материале «писем царю» в творчестве А.П. Сумарокова (Постановка проблемы) // История России с древнейших времён до XXI в.: проблемы, дискуссии, новые взгляды. Сборник статей участников Международной научно-практической конференции молодых учёных (8—9 октября 2019 г.) / Отв. ред. Ю.А. Петров, В.Н. Круглов. М.: ИРИ РАН, 2019. С. 64—68.

Первое Кавказское наместничество 1785—1796 гг.: особенности учреждения и функционирования

Аннотация. В статье рассматриваются исторические события, связанные с учреждением первого Кавказского наместничества. Обращение к данной проблеме позволяет рассмотреть механизмы управления, с помощью которых на Кавказе проводилась политика, направленная на интеграцию региона в состав Российского государства. Показаны изменения в подходах к организации управленческого аппарата. Актуальность исследования обусловлена недостаточной изученностью в отечественной историографии региональных институтов управления.

Ключевые слова: Российское государство, Османская империя, Сефевидский Иран, Грузия, Крым, Кавказское наместничество, административное преобразование, уезд.

FIRST CAUCASUS VICEROYALTY (1795—1796): FEATURES OF ESTABLISHMENT AND FUNCTIONING

Abstract. The article examines the historical events associated with the establishment of the first Caucasian governorship. Addressing this problem allows us to consider the management mechanisms with the help of which the Russian policy was carried out in the Caucasus aimed at integrating the region into the Russian state. Changes in approaches to the organization of the management apparatus are shown. Particular attention is paid to the strengthening of the Russian military-political presence in the Caucasus region, as well as to the successes in domestic and foreign policy by the end of the 18th century. The relevance of the study is due to the insufficient study in the national historiography of regional management institutions — as the first Caucasian governorship.

Keywords: Russian state, Ottoman Empire, Safavid Iran, Georgia, Crimea, Caucasian governorship, administrative transformations, county.

Начиная с XIV—XV вв. Российское государство формируется как централизованное, со второй половины XVI в. оно присоединяет новые территории, государства и народы. На это уходило довольно много времени, иногда несколько столетий. Административное управление присоединёнными территориями отличалось от центральных губерний. Благодаря географическому положению Кавказ

* **Зулейха Жамботовна Глашева** — кандидат исторических наук, научный сотрудник Института гуманитарных исследований — филиала Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук (Нальчик, Россия).
e-mail: zu-20.80@list.ru

Zuleikha Zh. Glasheva — Candidate of Historical Sciences, Researcher, Institute for Humanitarian Research — a branch of the Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences (Nalchik, Russia).

находился в сфере интересов Османской и Российской империй и Сефевидского Ирана, которые на протяжении XVI—XVIII вв. соперничали за контроль в регионе. После ожесточённых войн Россия усилила позиции, сначала превратив Центральный Кавказ в протекторат, а затем интегрировав его в свой состав. Это позволило установить контроль над всей территорией Предкавказья.

Усиление российских позиций на ранних этапах никак не отражалось на внутренних основах общественного устройства горских народов. Интегрировать регион в систему государственного управления на начальном этапе было невозможно: во-первых, приходилось считаться с соперниками — Ираном и Турцией; во-вторых, из-за несогласованности интересов представителей различных социальных и этнических групп местного населения. Необходимость избежать открытого неприятия российской администрации требовала осторожности и последовательности действий. В связи с этим России было достаточно лояльности местных феодальных владетелей. Она выступала в роли сюзерена-охранителя, обязанного обеспечивать безопасность и целостность территориальных границ. Горские князья, в свою очередь, обязывались продвигать российские интересы в пределах своих территорий [2, с. 18], в частности обеспечивать безопасность транспортных путей, и не допускать присутствие и распространение влияния Ирана, Османской империи и Крымского ханства. Выполнения этих условий было достаточно для сохранения мирных отношений. Позиции России на Кавказе к середине XVIII в. были ещё недостаточно сильны, и империя была заинтересована в поддержании такого формата отношений.

Ситуация изменилась в последней четверти XVIII в. С присоединением полуострова Крымского, о-ва Тамана и всей Кубанской стороны после ликвидации Крымского ханства (1783) граница на Северо-Западном Кавказе стала проходить по р. Кубань [12, с. 897—898]. Вскоре был подписан договор о переходе Картли-Кахетинского царства под покровительство России [13, с. 1013—1017]. Царь Ираклий II признавал верховную власть империи и не должен был вступать без её ведома в сношения с соседними государствами. Российское правительство в свою очередь брало на себя обязательства по защите от внешних врагов, вводило на её территорию войска (два батальона пехоты). Оно также предоставляло Грузии полную автономию во внутренних делах. По предложению Ираклия началось строительство дороги через Кавказский хребет, Дарьяльское ущелье и Крестовый перевал в Тифлис. Военно-Грузинская дорога впоследствии стала главным связующим путем между Закавказьем и Центральным Кавказом. В 1784 г. для обеспечения безопасности пути от Моздока до ущелья построили крепость Владикавказ.

Необходимость создания специальных органов управления на кавказских территориях проявилась на ранних этапах становления административно-государственного аппарата. Базой для него явилось «Учреждение для управления губерний Всероссийской империи», введённое 7 ноября 1775 г. [8, с. 229—304]. Первым кавказским наместником стал П.С. Потёмкин, которому поручалось создание на территории степного Предкавказья таких же административных учреждений, которые функционировали в центральных губерниях России. 5 мая 1785 г. создано Кавказское наместничество [7, с. 388], управление которым строилось по губернскому принципу. В его состав вошли Кавказская и Астраханская обл. Первая включала шесть уездов — Екатериноградский, Кизлярский, Моздокский, Георгиевский, Александровский и Ставропольский. Вторая — четыре: Астраханский, Красноярский, Енотаевский и Черноярский [4, с. 3; 10, с. 388]. Уезды не имели четких территориальных границ. Их центрами стали русские крепости, получившие статус уездных городов, в пределах которых действовало общероссийское городское положение 21 апреля 1785 г. [5, с. 21—22].

Административная принадлежность горских народов к определённому уезду законодательно не оговаривались. Характерная черта внутреннего управления Кавказской обл. в этот период — объединение военной, гражданской и судебной властей в руках Кавказского наместника, который находился в непосредственном подчинении императрицы. Присвоенные полномочия делали его независимым от высших государственных институтов. Понимая важность новой административной единицы, Екатерина II именным указом от 9 мая 1785 г. «О устройстве Кавказской губернии и области Астраханской» [11, с. 388—392], преобразовывала Кавказскую обл. в губернию. Указ определял структуру этих административно-территориальных единиц. Первоначально центр наместничества располагался в Екатеринограде, а роль областного центра отводилась Астрахани. В первую очередь предпочтение только созданному городу отдавалось в связи с необходимостью сосредоточиться на новых рубежах. Екатериноград находился в непосредственной близости от горских народов.

Первое Кавказское наместничество по своей форме представляло особое учреждение на окраине империи, которое имело специфические отличия от управленческих институтов центральных губерний. Объединение Кавказа и Астраханской обл. в одно наместничество явилось на самом деле формальной мерой, которая не могла решить проблему создания и дальнейшего функционирования управленческого аппарата на такой обширной территории. Название «Кавказская область» было условным, т.к. она включала в основном степное Предкавказье. Однако, несмотря на то, что границы

области и уездов были очерчены приблизительно, начало политико-административному обустройству региона было положено.

В разные периоды истории России её правители пользовались преимуществами института наместничества для вовлечения новых территорий в сферу государственных интересов. Управление до середины XVI в. на вновь присоединенных территориях, уделов и княжествах осуществляли наместники и волостели, наделённые широкими полномочиями. Первоначально эта практика распространялась на внутренние земли, где наместник являлся главой местного управления. Обращение екатерининского правительства к этому институту не было случайным. Основная цель наместнического управления заключалась в приведении провинции в контакт с государством. Вмешательство во внутренние дела на начальном этапе не предполагалось.

В конце XVIII в. наблюдается тенденция подчинения гражданской формы управления военной, что связано со сложными внешнеполитическими условиями. На начальном этапе действовала политика «невмешательства» во внутренние дела местного горского населения. Это обуславливалось заинтересованностью правительства в «мирной» интеграции региона и переселении туда русского и казачьего населения из внутренних губерний. Вовлечение народов Центрального Кавказа в орбиту административного управления «внешних инородцев», населявших территорию за Азово-Моздокской линией и оказавшихся поэтому вне географических границ наместничества, связывалось на первых порах с тем, что горцы сами «найдут собственную свою выгоду в причислении под управление, установленное Россией» [11, с. 389]. Потемкин был сторонником гибкой политической линии в отношении местного населения [3, с. 1]. Со строительством Азово-Моздокской линии военное командование на Кавказе постоянно сталкивалось с набегами горцев «наездничеством» на русские поселения и крепости [13, с. 77].

В 1790-х гг. для российского правительства наступили тревожные времена, связанные с событиями в Польше и французской революцией, повлекшей за собой войны в Европе, а также усилением агрессивности Ирана, где к власти пришел шах Ага-Мухаммед-хан Каджар. Он открыто заявлял о желании покорить Кавказ. В этом ему активно оказывали финансовую и военную помощь турецкие власти. Для реализации своих агрессивных планов султан подталкивал персидского правителя к походу на Южный Кавказ.

Павел I сместил вектор внешней политики с Востока на Европу. В результате русские войска были выведены из Грузии, что резко осложнило её положение. Император вёл мирную переписку с новым правителем Ирана Фетх Али-шахом и турецким султаном Селимом

III, не собираясь активно действовать к югу от Кубани и Терека. В 1796 г. наместничества в России были упразднены. Согласно указу «О новом разделении государства на губернии» Кавказское наместничество переименовывалось в Астраханскую губ. [14, с. 299]. Общее военно-гражданское управление возлагалось на астраханского военного губернатора и командующего Кавказской линией. По указу 26 февраля 1797 г. в Коллегии иностранных дел появился департамент «для отправления дел, касающихся до азиатских народов... в подданстве российском состоящих» [15, с. 499—500].

Первые административные преобразования в регионе проводились чрезвычайно деликатно. Специальные инструкции, положения, распоряжения регламентировали особенности обращения представителей военной администрации с горскими народами. Они должны были добиваться «доверия и расположения» к себе. Правительство поощряло стремление местного населения селиться на равнинные земли, поближе к укрепленным российским поселениям, земли вокруг которых числились в казённом ведомстве. Административно-управленческая деятельность на новообретенных территориях стала выстраиваться по общероссийскому образцу. Осторожность правительства можно объяснить следующими причинами: во-первых, стратегическими соображениями, необходимостью твердой поддержки в борьбе с Османами и Сефевидами; во-вторых, причинами политического характера, заключающимися в создании условий для усиления российского влияния, что подразумевало распространение российского законодательства; в-третьих, причинами экономического характера [1, с. 25].

В целом, к концу XVIII в. административная политика империи на Кавказе основывалась на невмешательстве во внутренние дела и общественную жизнь местного населения. Правительство практически не предпринимало решительных действий в отношении местных народов. Руководство горцами сводилось главным образом к надзору ближайших «кордонных начальников» — приставов, комендантов укреплений, построенных в предгорьях и горах вдоль Грузинской военной дороги. Действия властей не выходили за рамки внешнего контроля и поощрения торгово-экономических связей с переселенцами из центральных губерний. Контроль над регионом осуществлялся военными властями, продолжалось строительство крепостей, укрепленных линий. Данная политическая линия способствовала «мирному» появлению и дальнейшему функционированию в регионе первых административных институтов. Именно в последней четверти XVIII в. оказалась заложена прочная основа государственно-административного управления всем Кавказом.

Список литературы

1. Административная интеграция народов Северо-Западного и Центрального Кавказа в состав Российской империи. Сб. документов и материалов / Сост. и авт. введ. ст. З.Ж. Глашева. Т. I. Нальчик: Принт-Центр, 2018. 492 с.
2. Административная практика Российской империи на Центральном Кавказе с конца XVIII в. до 1870 г. (на материале Осетии): сб. документов / Сост., вступ. ст., коммент. Е.И. Кобахидзе. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2012. 399 с.
3. *Бентковский И.* Первоначальное устройство административных учреждений Кавказской губернии // Ставропольские губернские ведомости. 1886. 27 сентября. С. 1.
4. *Бентковский И.В.* Краткий исторический очерк положения наших дел на Северном Кавказе до открытия в 1785 г. Кавказской губернии // Северный Кавказ. 1885. 14 мая. С. 1—3.
5. *Блиева З.М.* Система управления на Северном Кавказе в конце XVII — первой половине XIX в. Владикавказ: Изд-во СОГУ, 1992. 107 с.
6. *Глашева З.Ж.* Основные направления политики Российской империи на Кавказе в конце XVIII в. // Современные исследования социальных проблем. 2019. № 3. Т. 11. С. 216—230.
7. Кавказский вектор российской политики XVI—XVIII вв. Сб. документов / Сост. М.А. Волхонский, В.М. Муханов. Т. I. М.: Объединённая редакция МВД России, 2011. 680 с.
8. Полное собрание законов Российской империи (далее — ПСЗ РИ). Собр. I. 1775—1780. Т. XX. № 14392. СПб., 1830. С. 229—304.
9. ПСЗ РИ. Собр. I. 1775—1780. Т. XX. № 14607. СПб., 1830. С. 518—521.
10. ПСЗ РИ. Собр. I. 1784—1788. Т. XXII. № 16193. СПб., 1830. С. 388.
11. ПСЗ РИ. Собр. I. 1784—1788. Т. XXII. № 16194. СПб., 1830. С. 388—392.
12. ПСЗ РИ. Собр. I. с 1781 по 1783. Т. XXI. № 15708. СПб., 1830. С. 897—898.
13. ПСЗ РИ. Собр. I. с 1781 по 1783. Т. XXI. № 15835. СПб., 1830. С. 1013—1019.
14. ПСЗ РИ. Собр. I. С 6 ноября 1796 по 1798. Т. XXIV. № 17634. СПб., 1830. С. 229—230.
15. ПСЗ РИ. Собр. I. С 6 ноября 1796 по 1798. Т. XXIV. № 17844. СПб., 1830. С. 499—500.
16. Россия и Северный Кавказ: история и современность. М: Академический Проект, 2006. 463 с.

Поручительство у московских купцов иностранного происхождения как показатель межэтнических взаимоотношений в деловой среде (середина XVIII — середина XIX вв.)

Аннотация. Предметом данного исследования является изучение состава поручительства, который представляет отдельный аспект деловых взаимоотношений у иностранцев, состоявших в московском гильдейском купечестве в середине XVIII — середине XIX вв. Поручители — это несколько лиц из местного купечества, гарантирующие экономическую состоятельность, а также отсутствие «штрафов и подозрений» у вступающего в купеческую гильдию.

Ключевые слова: поручительство, московское гильдейское купечество, иностранцы, этноконфессиональные общины.

THE SURETY AMONG THE MOSCOW MERCHANTS OF FOREIGN ORIGIN AS AN INDICATOR OF TRANSNATIONAL COMMUNICATIONS IN THE BUSINESS ENVIRONMENT (THE MIDDLE OF XVIII—XIX CENTURIES)

Abstract. The author has researched a composition of the guarantees, represented a particular aspect of business relationship among the Moscow merchants of foreign origin in the middle of XVIII — the middle of XIX centuries. These guaranties had been chosen among the local merchants and they guaranteed an economic viability of newcomers of Moscow merchantry.

Keywords: surety, Moscow guild merchantry, foreigners, ethnoconfessional community.

Несмотря на утрату административного значения в связи с переносом столицы на берега Невы, Москва в XVIII—XIX вв. являлась важным торгово-промышленным центром и приток иностранцев в неё был стабилен. Однако политика меркантилизма, проводившаяся с середины XVII в., препятствовала их розничной торговле. Некоторые вели её тайно, из-за чего местные торговцы «терпели убытки». В 1743 г. Сенату удалось добиться компромисса с иностранным купечеством путём записи их в «мещанство» (всё посадское население,

* **Олег Викторович Ларюшкин** — кандидат исторических наук, научный сотрудник Центра истории русского феодализма Института российской истории РАН (Москва, Россия). e-mail: laryuschkin@yandex.ru

Oleg W. Laryuschkin — Candidate of Historical Sciences, Researcher in the Center of the Russian Feodalizm's History of the Institute of Russian History of the Russian Academy of Science (Moscow, Russia).

в т.ч. и торгующее) с разрешением розничной торговли [3, с. 854—857]. Юридически купечество оформилось как сословие в 1785 г. Законодательство XIX в. способствовало интеграции в него иностранцев. Каждый вступающий подтверждал отсутствие штрафов и заручался свидетельством нескольких купцов в своевременной уплате процентов с капиталов. Эти лица назывались поручителями. Если вступающий в купечество не мог произвести уплату податей, вся материальная ответственность возлагалась на них.

Сведения о поручителях содержатся в делах о вступлении в московское купечество, самые ранние из которых (за период с 1740-х по начало 1780-х гг.) хранятся в фонде Главного Магистрата в РГА-ДА [4], а начиная с 1780-х гг. — в ЦГА г. Москвы [10; 12]. Наиболее полный свод аналогичных записей представлен в «Деле о причислении в московское купечество иностранцев», за период с 1795 по 1831 гг. [14].

Изучение поручительства предполагает не только установление поручителей у купца, но и поиск лиц, за которых поручился данный купец. Цель исследования — выявление тенденций во взаимоотношениях как с местным купечеством, так и внутри этноконфессиональной общины по всем иностранцам и по отдельным национальным группам. В ходе работы изучены дела о причислении в купечество с 1744 по 1840 гг. Выбор хронологических рамок обусловлен тем, что первое известное дело о вступлении в московское купечество датируется 1744 г. (немец А. Кранфельт) [5], а после 1840 г. состав поручителей не фиксировался. За почти вековой период в городское купечество вступил 1 171 иностранец, из которых 155 имели временный статус («гости») и им поручительство не требовалось. Из оставшихся 1 016 купцов нам известны сведения о составе поручителей у 77% (768).

Самой многочисленной национальной общиной Москвы являлись немцы. В составе поручительства у 195 из 309 немцев (63%) фигурируют их соотечественники, у 192 — русские купцы. В 17% (53) поручителями были французы, в 14 случаях (по 4,5%) — итальянцы и англичане, у 13 — швейцарцы, у 8 — шведы, у 7 — голландцы, в 4 поручительствах фигурируют евреи и греки, по 2 — армяне и «венгерские уроженцы», по 1 — перс и датчанин. При изучении поручительств, в которых выступали русские, следует обращать внимание на их повторные упоминания у других иностранцев. 36 из 192 русских купцов, поручившихся за немцев, упоминаются в составе поручительства неоднократно. Они вели крупную торговлю с западноевропейскими фирмами, посредники которых вступали в купечество российских городов.

В ряде случаев у немцев состав поручительства был полностью французским, в основном представленный жителями погранично-

го с германскими землями г. Страсбурга, а также немцами из Австро-Венгрии, католиками по вероисповеданию. Данные поручительства свидетельствуют о связях с немецкой общиной евреев. Речь не об иудеях, которые в дореформенный период не могли покинуть черту оседлости, а о крещёных евреях (в т.ч. католиках и протестантах). В отдельных случаях у немцев была связь с восточными купцами, имеющими аналогичный предмет торговли. Торговец «дамскими головными уборами» из Мекленбурга К.-Ф. Эрих в 1826 г. был поручителем у торговца шальями перса С. Усейнова [14, л. 174]. Армянин И. Аракелов вместе с прусским уроженцем Я. Дюлонгом в начале XIX в. владели торговым домом [13].

Французы — следующая по численности национальная группа московского купечества. В.С. Ржеуцкий, наблюдает у них высокую степень ассоциативности, замкнутости и натянутость отношений с местным купечеством [6, с. 14; 7, с. 47]. Сведения о составе поручительства подтверждают это. У большинства поручителями были соотечественники — в 71% (или в 134 из 188 случаев). Доля русских и немцев примерно одинакова — 37% (70) и 39% (73) соответственно.

Итальянская купеческая община в Москве в историографии не изучена. Впрочем, она и не имела столь ярко выраженных признаков общины, как французская или немецкая. Но из числа итальянских купцов в начале XIX в. избирались гласные в шестигласную городскую думу от иностранцев (наравне с немцами, французами и греками) [11, л. 97—98]. В большинстве их поручительств — 59% (20 из 34) — упомянуты соотечественники. Русские купцы упоминаются в 53% (18 из 34). Единоверные с ними французы фигурировали лишь в 8 поручительствах, в то время как немцы почти в два раза больше — 14.

У швейцарцев соотечественники фигурируют в 7 из 22 записей о поручительстве. В 17 поручительствах выступают русские купцы.

Британское купечество пользовалось рядом льгот по сравнению с купцами других стран. Исследователи отмечают замкнутость семейно-родственных связей этой общины [1, с. 27]. У половины московских британцев (10 из 22) поручителями выступали соотечественники. Наблюдается их связь с немецкой общиной: у 11 поручители — немцы. Установлен факт активного взаимодействия с британцами остзейских немцев: оно выражалось во вступлении немцев в их общину для получения торговых льгот [1, с. 17]. Французы фигурируют в 4 поручительствах, голландцы — в 2.

Рассмотренные выше западноевропейцы имели признаки общины. У французов, немцев и британцев они выражены, что подтверждает преобладание поручительств, в которых фигурируют соотечественники. Итальянцы и швейцарцы имели слабо выраженные

признаки, поручительства со стороны соотечественников составляли меньше половины (45 и 32%).

Нам также известно о составе поручительств 11 голландцев, 5 шведов, 4 датчан, 2 венгров. Ни у одного из них среди поручителей не было соотечественников. Они примыкали к немецкой общине.

У большинства греческих купцов (56%, или 36 из 64) поручителями выступали соотечественники, что подтверждает наличие земляческих связей. Но связь с местным купечеством была ещё значительней. У 88% греков (56) поручители — русские купцы. Греки упомянуты также в поручительствах западноевропейцев, а также армян и грузин. Последние в XVIII—XIX вв. проживали сосредоточенно на Пресне. В 72% (23) дел о записи в купечество поручителями выступили соотечественники. Примерно таким же был удельный вес русских купцов. Сбыт шёлковой продукции и шалей способствовал взаимодействию с мусульманами, что также отразилось в составе поручительства. Мусульман в составе московского купечества представляли татары, персы и бухарцы. Всего нам известно о составе поручительств 28 мусульман. У 25 (90%) поручители — единоверцы. Русские фигурировали у 18 купцов. Впрочем, московские мусульмане не изолировались от христианского большинства, хотя и поддерживали в своей среде атмосферу традиционности и самобытности [8, с. 142].

Существование в Москве цыганской общины купцов-конеторговцев определяло однородность национального состава их поручительств [2, с. 121—127]. В 8 из 11 известных поручительств фигурировали цыгане, и в трёх — русские.

Исходя из данных о составе поручительства по национальным группам можно составить типологию. В первую группу включены поручительства, состоящие из русских купцов; во вторую — купцы русского и иностранного происхождения; в третью — иностранцы как соотечественников, так и представителей других национальностей; в четвертую — исключительно соотечественники.

У 195 (25%) среди поручителей только русские купцы. Но в 89 случаях (11,5%) русские неоднократно упоминались поручителями у вступавших иностранцев.

Удельный вес поручительств, в которых представлены русские купцы, варьировался по национальным группам. У итальянцев он составляет 20%, у немцев — среднестатистический (26% или 79 из 309), у французов — низкий (13% или 24 из 188). Большинство французов вступило в московское купечество с 1790-х гг. по 1812 г., т.е. в период наиболее острых взаимоотношений двух стран, и заручиться поддержкой у местного купечества им было сложнее, чем другим национальностям. У греков этот тип поручительства был выше нормы и составлял 39% (26 из 66). У армяно-григорианской

общины — 25% (8 из 32). Среди мусульман доля поручившихся русских невелика — 21% (6 из 28).

Наиболее распространённым был смешанный состав поручительства (русские и иностранцы) — в 268 (35%) случаях. В данную группу включено 37% немцев, половина от всех швейцарских и британских уроженцев, а также представителей армяно-григорианской общины. Удельный вес группы среди греков и мусульман примерно равен — по 42 и 43%. Низок удельный вес представителей смешанной группы поручительства у французов и итальянцев — 24 и 29% соответственно.

У 309 (40%) купцов состав поручительства полностью иностранный. В 146 (19%) случаях среди поручителей и поручаемых фигурировали представители других национальностей и конфессий. У 163 (21%) купцов зафиксирован однородный состав поручительства из соотечественников и единоверцев.

1-ю и 2-ю группы объединяет присутствие в составе поручительства купцов русского происхождения — 375 (48,6%) случаев. У 2-й, 3-й и 4-й групп в составе поручительства иностранцы — 577 (75%). У 442 (57%) среди поручителей встречаются соотечественники. Таким образом, среди купцов иностранного происхождения преобладала тенденция коммуникации внутри своей среды.

Список литературы

1. *Захаров В.Н.* Общины иностранных купцов в России в XVIII в. // Экономическая история: ежегодник. М., 2010.
2. *Ларюшкин О.В.* Московские купцы цыганского происхождения в конце XVIII — начале XIX вв. // Российская история. 2018. № 4.
3. Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Собрание 1 (ПСЗ-1). Т. XI. № 8757.
4. Российский государственный архив древних актов (далее — РГАДА). Ф. 291. Оп. 1.
5. РГАДА. Ф. 291. Оп. 1. Д. 930.
6. *Ржеуцкий В.С.* История французского землячества в России в XVIII — начале XIX в. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2003.
7. *Ржеуцкий В.С.* Французская колония в Москве в царствование Екатерины II // Россия и Франция XVIII—XX вв. Сб. ст. М., 2003.
8. *Хайретдинов Д.З.* Мусульманская община Москвы в XIV — начале XX в. Н. Новгород, 2002.
9. Центральный государственный архив г. Москвы (далее — ЦГА Москвы).
10. ЦГА Москвы. Ф. 2. Оп. 1—2.
11. ЦГА Москвы. Ф. 2. Оп. 2. Д. 66.
12. ЦГА Москвы. Ф. 32. Оп. 3, 4, 9, 11.
13. ЦГА Москвы. Ф. 32. Оп. 11. Д. 9489.
14. ЦГА Москвы. Ф. 397. Оп. 1. Д. 124.

Секция II
История России
XIX — начала XX в.

Из жизни рядовых обывателей Таврической губернии первой половины XIX в.: дело А.Н. Бегича

Аннотация. В статье на основе материалов доноса отставного комиссара флота реконструированы сюжеты повседневной жизни в Таврической губ. начала XIX в. Наиболее интересные сведения касаются особенностей функционирования административной системы и полицейских органов. Материалы дела облачают ряд высокопоставленных чиновников Тавриды. Проведенное по доносу следствие подтвердило справедливость части обвинений. Рассмотренное в статье дело является примером масштабного конфликта между бюрократией и землевладельцами региона.

Ключевые слова: Таврическая губерния, Таврида, А. Н. Бегич, А. М. Бороздин, микроистория.

FROM THE LIFE OF ORDINARY CITIZENS OF TAURIDA GOVERNORATE IN THE FIRST HALF OF THE XIX CENTURY: THE CASE OF A.N. BEGICH

Abstract. This article based on the materials of the denunciation of the retired Commissar of the fleet A. N. Begich. This made it possible to reconstruct the scenes of everyday life in the Taurida Governorate of the early XIX century. The most interesting information relates to the functioning of the administrative system and police agencies. The case files expose high-ranking officials of Taurida. The investigation conducted on the denunciation confirmed the validity of some of the charges. As a result, the «Commission for the eradication of abuses in the Taurida province (1816-1819)» was created. Moreover, some of the bureaucrats were forced to leave their posts. The most high-profile was the resignation of the Taurida civil Governor A. M. Borozdin. The case considered in the article is a particular example of a large-scale conflict that existed in the region between the local bureaucracy and landowners.

Keywords: Taurida Governorate, Taurida, A. N. Begich, A. M. Borozdin, micro-history.

Использование микроисторического подхода позволяет получить более целостное представление о той или иной эпохе. В случае с историей Крыма первой половины XIX в. данный метод даёт возможность лучше понять жизнь региона, а также разобраться с логи-

* Александр Сергеевич Кравчук – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Крымского инженерно-педагогического университета им. Февзи Якубова (Симферополь, Россия). e-mail: alexkravchuk7@gmail.com
Alexandr S. Kravchuk – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of History Department, Fevzi Yakubov Crimean Engineering and Pedagogical University (Simferopol, Russia).

кой принятия тех или иных решений. На сегодняшний день история полуострова в те годы исследована фрагментарно, наиболее изученные аспекты нашли отражение в двухтомной «Истории Крыма» [1]. При этом многие учёные продолжают оставаться в плену «крымского мифа» [7], идеализируя положение и перспективы развития региона. Это препятствует реконструкции реальной ситуации в крае.

На освоение Тавриды в царствование Екатерины II выделялись значительные средства. Императрица и Г.А. Потёмкин лично принимали активнейшее участие в местных делах. Многие решения оказались скоропалительными и непродуманными. После прихода к власти Павла I ситуация изменилась. Таврическая обл. перестала существовать как отдельная административная единица, финансирование края сократилось. В центре всё так же ясно осознавали необходимость интеграции Крыма, который являлся стратегически важной территорией. Одной из основных мер, направленных на его развитие, стало введение на полуострове порто-франко [8, с. 64—68], однако в силу внешнеполитических обстоятельств указ не получил практической реализации.

Последовательная политика освоения края началась лишь в годы царствования Александра I. Положение оставалось крайне тяжёлым, что сказывалось на жизни рядового населения. Об этом свидетельствуют многочисленные записки иностранных и отечественных путешественников, воспоминания администраторов. Например, второй таврический гражданский губернатор Д.Б. Мертваго (1803—1807) [2, с. 69—91] отмечал: «Не только воровство, грабительства, но смертные убийства оставались необнаруженными, не наказанными, и дела предавались суду Божию. Присутствующие гражданского и уголовного суда явно торговались с подсудимыми. Правосудие продавалось, как вещь в торговле обыкновенная» [5, с. 131]. Власти принимали меры по стабилизации ситуации — пытались оживить экономику, стимулировали колонизацию, но сложная внешнеполитическая обстановка и недостаток ресурсов препятствовали этому процессу. Одной из основных мер стало создание комиссий, которые были призваны решить многочисленные земельные тяжбы и установить согласие между представителями различных этнических и сословных групп, проживающих в Крыму.

В 1816 г. была учреждена Комиссия по искоренению злоупотреблений в Таврической губ. Её появление обусловил комплекс проблем, нерешённых в предшествующие годы. Одним из катализаторов послужил донос А.Н. Бегича. Данный документ обнаружен мной в Российском государственном историческом архиве. Дело носит название «По жалобе комиссара Бегича на притеснения и обиды губернского начальства, притеснения иностранцев и злоупо-

требления чиновников» [10]. Сведения из него в первую очередь интересны тем, что позволяют воссоздать картину жизни рядовых обывателей Крыма в начале XIX в. и реконструировать методы работы местной административной системы.

О личности Бегича почти ничего не известно. В архивных документах он фигурирует как отставной комиссар флота, т.е. чиновник, занимавшийся организацией снабжения. Есть сведения, что ещё в 1802 г. он подавал жалобу императору на местное чиновничество, которое, по его мнению, «притесняло иностранных купцов и наносило им различные обиды и оскорбления, из-за чего они перестали приезжать в Россию, а казна чрез то теряет ежегодно до 100 тыс. руб.» [10, л. 3 об.]. Дело передали на рассмотрение председателю работавшей тогда в Крыму Комиссии по разрешению земельных споров сенатору И.В. Лопухину. Чем закончилась проверка — неизвестно.

В июле 1815 г. на имя министра юстиции Д.П. Трошинского поступила новая жалоба Бегича. В этот раз автор проявил изобретательность, чем привлек внимание правящих кругов. Посылка была подписана «Антик»* и содержала «мундир флотский с завязанными веревкою назад рукавами и тут же положены две записки: первая чрез которую Бегич подразумевает, что “Антик” есть тот самый мундир, над коим таврический гражданский губернатор Бороздин сделал поругание; а другая с вложением книжки под названием “Жизнь и положение Каина”, которую уподобляет Бегич правам и законам в Таврической губернии употребляемым» [10, л. 1—2]. В этой же посылке содержались жалобы на имя императора Александра I и великого князя Николая Павловича.

В центре внимания доноса таврический гражданский губернатор А.М. Бороздин (1807—1816) [3]. Бегич обвинял его в том, что после жалобы на феодосийского земского исправника Д.П. Маценкова руководитель края не только не принял никаких мер, но и «разгневался за сие и довел деревню его до такого истощения, что жившие ней казенные поселяне разошлись» [10, л. 2об.]. Вследствие этого отставной комиссар флота лишился ежегодного дохода в 3 тыс. руб. Из доноса также следовало, что губернатор разорил дом Бегича в Симферополе и приказал доставить его в губернский город, где тот находился в городской тюрьме и был освобожден лишь по приказу херсонского военного губернатора А.Э. Ришелье. Дело имело громкий резонанс. Предварительное расследование поручили надворному советнику Дьяконову, в его ходе многие сведения из доноса Бегича подтвердились. Однако уже после создания Комиссии по искоренению злоупотреблений в Таврической губ. выяснилось, что Дьяконов

* Антик (устар.) — художественный памятник старины.

вступил в сговор с некоторыми представителями местной знати с целью дискредитации губернатора Бороздина. Впоследствии он был исключён из Комиссии [9, л. 1—2].

Донос Бегича и последовавшие следственные действия позволяют восстановить особенности работы системы правосудия в губернии. Согласно показаниям Маценкова, отставной комиссар флота при задержании 13 марта 1812 г. «употребил дерзость и вооружение против караула», за что был связан и в таком виде через два дня доставлен в Симферополь. При этом сопровождавший его в губернский город рассыльщик Абдураман не подтвердил факт сопротивления и заявил, что арестованный находился связанным три дня и в таком положении был вынужден идти в Симферополь [10, л. 204]. После чего по приказу таврического гражданского губернатора 11 апреля «был посажен на хлеб и воду на шесть недель в отделении при полиции имеющемся, где всегда одни только благородные люди под присмотром содержатся и по выдержанию положенного шестинедельного термина 25 апреля освобожден» [10, л. 72]. Затем с Бегича была взята «подписка» с обещанием вести себя «в правилах благопристойности, не писать к судебным местам и иметь уважение к чиновным лицам» [10, л. 72—72 об.].

После этого происшествия он попытался выехать за границу и обратился к Бороздину с просьбой выдать ему паспорт, однако документ так и не получил. В то же самое время феодосийский помещик Я. Сеид-Алейнов «по научению губернатора» завладел принадлежащей ему землёй и собрал на ней сено. Жалобы в присутственные места губернии результата не принесли. Надворный советник Дьяконов подтвердил справедливость слов доносчика: «В противность постановлению земского суда Ягъя Сеид-Алейнов дважды собрал накошенное на земле Бегича сено» [10, л. 204]. Следствие позволило установить и обоснованность претензий по поводу незаконного завладения местными властями домами, принадлежавшими Бегичу. Симферопольская квартирная комиссия сообщила, что доносчику в городе принадлежало два строения стоимостью 3 тыс. руб. Они были оставлены им в 1811 г. «без призрения» и «доведены до совершенного разорения». По решению губернских властей в 1813 г. один из домов был отремонтирован и передан для «помещения казачьего кордона» [10, л. 203]. Другой находился в разорённом состоянии и «требовал починки на 1 000 руб.» [10, л. 204].

Помимо руководителя губернии в доносе упоминались имена других чиновников, которые «чинили несправедливости и недостойны носимого ими звания». Большинство служащих, по мнению Бегича, были ранее исключены из штата других губерний за «проступки и дурное поведение», находились под судом и «велено ни к каким

должностям их не определять». Он считал, что навести порядок возможно только после отстранения от должности Бороздина, правителя губернской канцелярии З.И. Аверкиева, советника губернского правительства О.И. Бурачкова, губернского прокурора В.М. Михно, председателя платы уголовного и гражданского суда И.Д. Тодорова, губернского почтмейстера Хартулера и Маценкова. Последнего он обвинил в том, что тот «произведён в чины из казённых поселян и, будучи чрезвычайно алчен, разорил почти всех жителей Феодосийского уезда» [10, л. 3]. Справедливость обвинений Бегич предлагал проверить при помощи показаний жителей уезда и генерал-лейтенанта А.Я. Рудзевича.

В ходе работы Комиссии по искоренению злоупотреблений большинство обвинений в адрес местной бюрократии не подтвердилось. Значительная часть дел, фигурантами которых стали чиновники, не дошла до суда, решившись «миром». Самой громкой стала отставка 20 июля 1816 г. Бороздина, который обвинялся не только в многочисленных нарушениях, связанных с приобретением земли на полуострове, но и в растрате государственных средств при строительстве Александро-Невского собора в Симферополе. Понимая тяжесть своего положения, губернатор лично отправился в столицу для дачи показаний. В результате предпринятых действий ему удалось довести до сведения вышестоящих чиновников информацию о масштабном конфликте между местной бюрократией и землевладельцами. Впоследствии Бороздин был назначен в межевой департамент Сената [2, с. 104—105]. Ряд упомянутых Бегичем чиновников также покинули занимаемые ими посты; сохранили должности Михно и Тодоров. Несмотря на то, что местные бюрократы стали фигурантами многих дел, из упомянутых служащих никого под суд не отдали. Их отставки происходили «по-тихому», о переменах свидетельствует Месяцеслов за 1820 г. [6, с. 254—268].

Ещё одним серьёзным нарушением, о котором сообщил Бегич, было исчезновение части суммы пожертвований жителей губернии на борьбу с Наполеоном. Таврия не вошла в число административных единиц, из жителей которых должно было формироваться ополчение. При этом, несмотря на малочисленность населения, местным властям удалось собрать по одним данным более 200 тыс. руб. пожертвований [5, с. 141], по другим — более 750 тыс. [4, с. 48]. Значительные суммы пожертвовали жители Феодосии и прилегающего уезда [4, с. 46—47]. Согласно рапорту Бороздина, там собрали 51 тыс. руб., из этой суммы бесследно исчезли 7 415. Сбором средств и их доставкой в губернский город занимался Маценков [10, л. 155]. Следственные действия позволили установить, что он утаил часть суммы, которую и должен был вернуть в казну.

Дело Бегича — частный случай, который свидетельствует об общих тенденциях положения населения в Таврической губ. Вопреки устоявшемуся мнению, стабилизация в регионе наблюдалась не с начала, а со второй четверти XIX в. В нашем случае доносчик являлся образованным человеком, владеющим землёй и недвижимым имуществом. Несмотря на это, он оказался беззащитен перед произволом аппарата местного управления. Ему удалось отыскать правду лишь после обращения в вышестоящие инстанции. Можно предположить, что положение представителей менее защищенных сословий являлось ещё более уязвимым. В данном контексте эмиграция в начале XIX в. старожильского населения за пределы полуострова получает новое объяснение. Кроме того, сложившаяся ситуация способствовала и обострению земельных конфликтов.

Список литературы

1. История Крыма: в 2 т. / Отв. ред. А.В. Юрасов. Т. 2. М.: Кучковое поле, 2018. 792 с.
2. *Кравчук А.С.* Дела и дни: таврические губернаторы, 1802—1854 гг. Симферополь: Бизнес-Информ, 2019. 244 с.
3. *Кравчук А.С.* К биографии таврического гражданского губернатора А.М. Бороздина // Учёные записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Сер. Исторические науки. 2013. Т. 26. № 2. С. 45—66.
4. *Маркевич А.И.* К столетию Отечественной войны. Таврическая губерния в связи с эпохой 1806—1814 гг. Исторический очерк: по архивным материалам // Известия Таврической ученой архивной комиссии. 1913. № 49. С. 1—100.
5. *Мертваго Д.Б.* Записки, 1760—1824. СПб.: Русская симфония, 2006. 368 с.
6. Месяцеслов с росписью чиновных особ или общий штат Российской империи на лето от Рождества Христова 1820. СПб.: Имп. Академия наук, 1820.
7. *Орехов В.В.* В лабиринте крымского мифа. Симферополь—Н. Новгород: ООО «Растр», 2017. 579 с.
8. ПСЗ РИ-І. Т. 25: 1798—1799.
9. Российский государственный исторический архива (далее — РГИА). Ф. 1306. Оп. 1. Д. 11.
10. РГИА. Ф. 23. Оп. 1. Д. 32.

«В нашем месте... с честностью и благородством
умрём с голоду»: размышления о службе
провинциального чиновника 1820-х гг.
на страницах его дневника

Аннотация. В статье анализируется отношение к гражданской службе провинциального чиновника 1820-х гг. На страницах дневника А.И. Дружинина раскрываются, с одной стороны, особенности службы в северной губернии и атмосфера, царившая в местном управлении, с другой — размышления, переживания рядового служащего, позволяющие взглянуть на его внутренний мир, ценностные ориентиры и жизненные приоритеты. На основе сопоставления записей со сведениями, полученными из других источников сделано предположение о полноте и достоверности источника. *Ключевые слова:* гражданская служба, местное управление, земский суд, земский исправник, источники личного происхождения, дневник, А.И. Дружинин, Вологодская губерния.

“HERE... WITH ALL OUR FAIRNESS AND DIGNITY WE WILL DIE OF STARVATION”: DIARY OF A PROVINCIAL OFFICIAL ABOUT CIVIL SERVICE IN 1820^s

Abstract. The article attempts to provide an analysis on civil service of a provincial official in 1820s. Musings of A. Duzhinin, described in his diary, reflect worries of an ordinary official and allow to reveal his life values and priorities. The author concludes about reliability of his diary as a historical source, based on comparison between it and information from other materials.

Keywords: civil service, local management, local courts, local lawman, letters, memoirs, diaries, A. Duzhinin, Vologda province.

В исторической науке источники личного происхождения привлекают особое внимание. Интерес к ним обусловлен как появлением большого количества исследований в рамках истории повседневности, так и развитием новых подходов (историческая антропология, гендерная антропология и т.п.). За последние десятилетия в научный оборот введена целая масса ранее неизвестных мемуаров, дневников и коллекций писем, принадлежащих как видным историческим фигурам, так и «маленьким людям». Эти публикации не только позволяют

* **Олеся Анатольевна Плех** — кандидат исторических наук, научный сотрудник Центра «История России XIX — начала XX вв.» Института российской истории Российской академии наук (Москва, Россия). e-mail: plekh@mail.ru
Olesya A. Plekh — Candidate of Historical Sciences, Research in the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

выявить то, что не находило отражения в официальной документации, но и обогащают наши представления о повседневной жизни в ту или иную эпоху, предоставляют возможность увидеть события сквозь призму личного восприятия, уловить эмоции и переживания конкретного человека. В этом отношении весьма любопытны свидетельства, оставленные рядовыми провинциальными чиновниками. Для первой половины XIX в. такие материалы — большая редкость.

В Государственном архиве Вологодской обл. сохранился дневник чиновника Вологодской губ. А.И. Дружинина [5]. Несмотря на то, что этот источник был опубликован ещё в 2000 г. [8, с. 599—666], по сей день он используется лишь в региональных и краеведческих исследованиях. Между тем в нём запечатлены не только особенности службы в северной глубинке, но также размышления и переживания рядового чиновника, позволяющие увидеть его внутренний мир, ценностные ориентиры и жизненные приоритеты. Интерес обусловлен ещё и фиксацией событий, происходивших в тяжелые для системы местного управления 1820-е гг. Заметки Дружинина, занимавшего в тот период одну из ключевых должностей на уездном уровне, предоставляют возможность судить о восприятии статской службы самим чиновником. Об этом и пойдёт речь в настоящей статье.

Прежде чем обратиться непосредственно к источнику, отмечу его особенности. Архивное дело представляет собой сшитые тетради с датированными и недатированными записями, которые, помимо фиксации событий, включают черновики писем, стихи, отвлечённые размышления на разные темы и т.п. Очевидно, к моменту составления дела часть дневника оказалась утрачена, о чём свидетельствуют большие пробелы (в отдельных случаях также имели место перерывы в его ведении*). Кроме того, при оформлении дела не учитывалась хронологическая последовательность записей. Значительно затрудняют работу с источником почерк автора, множество исправлений и дополнений, наличие сокращений, а также выцветшие в некоторых местах чернила. Вероятно, по этой причине публикаторам не удалось избежать ошибок при прочтении рукописи, что привело к искажению смысла ряда записей, а в некоторых случаях — к отсутствию возможности уловить мысль автора. По этой причине исследование проводилось с опорой на непосредственно архивные материалы, а не на опубликованный текст.

Спорным представляется комментарий публикатора относительно того, что дневник ориентирован на читателя, т.е. создавался с

* Дневник заполнялся нерегулярно: записи делались не ежедневно, порой «заним числом», причем часто в одной записи представлены события, произошедшие в течение 2–3 и более дней (к примеру, «С 22 по 1-е число августа находился в городе безвыездно, проводя время почти одинаково» [5, л. 13 об.]).

учётом возможного обнародования в будущем. С одной стороны, действительно, видны «работа над стилем» и «редактирование» записей [8, с. 600], но, с другой, также видно, что правки вносились в момент написания текста и рукою автора. Очевидно, Дружинин думал над формулировками, подбирал слова и выражения, но это вовсе не означает, что он готовил дневник к публикации. На его страницах встречаются подробности такого рода, которые человек, ассоциировавший себя с «благородным» обществом, вряд ли захотел бы вынести на публику*. Если дневник создавался для себя, то это позволяет надеяться на высокую степень достоверности приводимых сведений, однако следует помнить и о том, что далеко не каждый человек честен даже в «разговоре» с самим собой.

Содержание источников личного происхождения отражает индивидуальность их создателей, и в ходе исследования важно учитывать особенности жизненного пути автора, прежде всего те, которые могли повлиять на его суждения. И в этом отношении большую роль сыграли сословное происхождение и образование. Согласно формулярному списку, Алексей Иванович Дружинин родился в 1797 г. в семье чиновника (коллежского секретаря) [6, л. 1 об. — 2], т.е. принадлежал к числу «обер-офицерских детей» (личных дворян). Не имея возможности похвастаться «благородными» корнями, он гордился образованием, которое получил в Императорском военно-сиротском доме**. По происхождению он был чужд высшим слоям общества, а по воспитанию явно выделялся из общей массы чиновничьей и разночинной среды. Но живя в эпоху, когда положение человека в обществе определяли не образование, а происхождение и имущественное состояние, ему, по всей видимости, приходилось сталкиваться с ситуациями, не позволявшими забыть, что он происходил из семьи бедного провинциального чиновника.

Амбиции и желание «выбиться в люди», добиться уважения, занять, как ему представлялось, соответствующее способностям и заслугам ме-

* В частности, Дружинин неоднократно описывал состояние здоровья. К примеру, в 1823 г. он отметил: «22 февраля находился всё время нездоров, чувствуя большое расслабление во всём теле и имея нечистоту на оном, чувствуя свербёж и пупырошки в разных частях» [5, л. 31], а запись от 6 августа 1831 г. гласит: «Попутру открылся понос, при существующей эпидемической болезни [имеется ввиду эпидемия холеры. — О.П.] довольно опасной, но более полагаю от геморроя» [5, л. 113]. Не менее примечательны откровенные размышления по поводу жёнитбы и сомнения в выборе невесты, которые сопровождаются не самыми лицеприятными характеристиками представителей будущей родни [5, л. 92, 106].

** В кадеты Императорского военно-сиротского дома предписывалось принимать «по достаточным доказательствам о дворянстве и неимуществе», но на практике здесь обучались дети как потомственных дворян, так и состоявших в действительной службе штаб- и обер-офицеров [10, с. 38]. В 1829 г. учебное заведение переквалифицировали и переименовали в Павловский кадетский корпус.

сто (а Дружинин относил себя к людям, одарённым умом от природы) наталкивались на отсутствие возможностей. Это порождало чувство несправедливости, неприязнь и в какой-то мере зависть к родовитым «бездельникам», пользовавшимся именем и состоянием предков. Накопившиеся обиды прослеживаются в одном из эмоциональных «диалогов» с вообразаемым собеседником: «Слабый и ничтожный член почтенного сословия, горящийся своими предками, коих заслуги подобно твоим также неизвестны, взгляни на трудолюбивого оратая, тобою в мыслях неизвестно отчего презираемого, принудь ленивый твой ум сравнить пользы, приносимые Отечеству тобою и оным. Слышу отзыв всех подобных тебе сибаритов: “мои предки”, “я дворянин”, “у меня дядюшка генерал”, “бабушка родня фельдмаршалу”... Имея 200 душ и более крестьян, доставшиеся по наследству от тётушки или бабушки, еще выходец, может быть, из страны чуждой в чине коллежского регистратора, а может и зуряд дворянин, желая прикрыть малые достоинства, хочешь блистать воспитанием и богатством? Но уметь хорошо одеться, сказать несколько красных словесов, заимствованных от других, уметь держать приятную мину лица своего — не есть еще образованность человеческая. Ежели мысли и деяния твои не обращены к благородным поступкам... Отечество не видит никаких заслуг твоих... то верь — не стоишь ты того почтенного старого пахаря... О гордый, жалкий человек!» [5, л. 37—38 об.].

Сам Дружинин поступил на службу прапорщиком 1 января 1812 г. (в возрасте 15-ти лет), получив назначение в Пермский пехотный полк. В ходе Отечественной войны 1812 г. участвовал в двух «действительных» сражениях: 30 июля при мызе Свольне, за что получил орден Св. Анны 4-й степ., а 5—6 августа — под Полоцком, где, «быв в стрелках, ранен в живот пулей с прострелением безымянной кости» (за отличие награждён орденом Св. Владимира 4-й степ. с бантом). В марте 1819 г., будучи уже в чине штабс-капитана, по собственному прошению «за ранами уволен от службы с мундиром и полным пенсионом» [6, л. 1 об. — 2]. На тот момент ему было всего 22 года. Согласно формулярному списку, «мужского пола душ» во владении не имел. Находясь в таком положении, он изъявил желание поступить на гражданскую службу. В августе 1820 г. по назначению Александровского комитета о раненых его направили в Вологодскую губ. на должность вельского земского исправника*,

* В краеведческой литературе можно встретить упоминания, что Дружинин поступил на должность вельского земского исправника в результате дворянских выборов [9]. Это мнение ошибочно, поскольку, во-первых, в уезде избирался не полный комплект дворянских должностей, а действовал усечённый вариант выборного представительства, при котором дворянами замещалась должность только одного из дворянских заседателей, во-вторых, в одном из черновиков писем, сохранившихся в личном фонде Дружинина, указано, что он получил назначение от Комитета [7, л. 12 об.].

а в марте 1824 г. перевели на такую же должность в Устюжский земский суд. Как он позже признавался, новое место службы не вызвало большого восторга: «Всевышнему промыслу угодно было почти против воли посвятить меня на службу в здешней губернии, и ещё более сверх чаяния случился перевод в Устюг» [7, л. 16].

Должность исправника в маленьком северном городке* воспринималась молодым офицером как неинтересная и бесперспективная, что хорошо отражают записи 1822—1823 гг.** В частности, в сентябре 1822 г. он жаловался: «Скука везде преследует, беспокойство насчёт интриг сослуживцев ещё более увеличивает оную, но упование на Бога и его промысел и мысль: “определен оным — назначенного нет возможности избегнуть”, — укрепляют в унынии и делают спокойным» [5, л. 30]. Летом 1823 г. «упаднические» настроения посещали чиновника всё чаще: «Особенная скука владела мною, мысль же, что лучшие лета своей жизни (с 26-ти лет) должен убить в отдалённом крае без удовольствия, без занятия, коим бы облагородствовать могло навыки душевные и телесные способности, без всякой пользы Отечеству, родным и престарелым родителям» [5, л. 3].

Дружинин не имел опыта гражданской службы, однако благодаря армейскому опыту ему, в отличие от большей части выходцев из «чиновничьих» семей, не потребовалось начинать карьерный путь с самых низов канцелярии, чтобы занять должность. Естественно, это вызывало зависть многих сослуживцев. Отметим, что должность земского исправника в системе местного управления была не последней. Он возглавлял земский суд, на который возлагалось административно-полицейское управление в уезде, включавшее полицейские функции, судебно-следственные и хозяйственно-распорядительные полномочия. Служащие этого учреждения разбирали маловажные правонарушения, расследовали преступления, приводили в исполнение приговоры по уголовным делам и решения по гражданским спорам, занимались розыском беглых крестьян, взыскивали подати и недоимки, контролировали несение дорожной повинности, наблюдали за торговыми операциями и проч. [подробнее см.: 1, с. 113—116]. Исполнение большей части обязанностей требовало выезда на место и непосредственного взаимодействия с населением, что, в свою очередь, предоставляло широкие возможности для «кормления». Неслучайно Дружинин отмечал, что «прежде учрежде-

* В 1819 г. население Вельска составляло 504 чел. [14, л. 320].

** Хотя самые ранние записи в дневнике относятся к маю 1819 г. (с момента приезда в родительский дом после отставки с военной службы), описание первых лет пребывания в Вологодской губ. отсутствует (эта часть дневника, по всей видимости, утрачена).

ния Комитета к покровительству раненых офицеров»* должности исправников «покупали» [5, л. 4 об.].

В первой четверти XIX в. при всей обширности полномочий земских судов законодательство предусматривало для них весьма скромный численный состав [13, с. 19—25], что обусловливало значительную нагрузку на служащих (объёмы делопроизводства из года в год неуклонно возрастали, а штаты оставались неизменными). Кроме того, как уже отмечалось выше, 1820-е гг. выдались особенно тяжелыми для системы местного управления, в первую очередь, с точки зрения материального обеспечения. Внешнеполитические события первых десятилетий привели к ослаблению экономики и ярко выраженным инфляционным процессам, в то время как жалованье провинциальных чиновников не менялось с момента принятия «Учреждения о губерниях». Так, 250 руб. ассигнациями, составлявшие годовой оклад земского исправника, по курсу 1775 г. равнялись 247 руб. 50 коп. серебром, в 1803 — 200 руб., а в 1824 г. — лишь 66 руб. 25 коп. [подсчитано по: 12, с. 238—240; 14, л. 357].

Дружинин много размышлял о своей должности, отмечая, что она «в сушестве значительная», но не обеспечивает «жизни исправляющего оную», не предоставляет «дохода к содержанию незарядного» [5, л. 4]. «Справедливо оноу дворянство пренебрегает, справедливо слово “исправник” во многих случаях служит критикою и соединено почти с бесчестными поступками. Правительство не может сего зла поправить, оно видит и молчит; слышит и чувство сие притупляется невозможностью поправления» [5, л. 4 об.—5]. Теми же, кто искал назначения в исправники, «руководствовала» лишь одна мысль: «Сделать себе состояние и хорошо отстать от должности, что называется у сих людей умом, ловкостью, проворством и знанием» [5, л. 4 об.]. По наблюдениям Дружинина, такие «дельцы» чувствовали себя на службе прекрасно, никто не решался «заметить» в них «дурных пороков». Впрочем, и остальными уездными служащими взятка не воспринималась как причина для порицания. В этой связи автор приводит «достойные слова и мысли секретаря земского суда»: «В нашем месте, т.е. должности, с честностию и благородством умрём с голоду» [5, л. 5 об.].

Другие канцелярские служители не озвучивали подобные «мудрости», но думали так же и «каждодневно» доказывали это действиями. Дружинин хотя и характеризовал секретаря как человека «неради-

* Александровский комитет о раненых был учрежден в соответствии с указом от 18 августа 1814 г. для «вспомоществования неимущим изувеченным генералам, штаб- и обер-офицерам» [16, с. 876]. В указе от 5 мая 1816 г. определялся перечень должностей, на занятия которых они могли претендовать. В него вошли земские исправники в губерниях, «где по неимению дворянства, замещаются должности сии определением от правительства» [19, с. 632—637].

вого, недалекого и весьма с понятием о чести ограниченного» [5, л. 5 об.], но в целом с ним соглашался и тоже брал взятки. Но при этом относил себя к людям высоконравственным и подробно злоупотребления не описывал, в тексте слово «взятка» заменял «выгодой» и при каждом упоминании о нечестных доходах всячески пытался себя оправдать. Главными аргументами выступали не крайняя нужда и недостаточное жалование (что было бы правдой), а благородные мотивы — возможность помочь «страждущим». В частности, он писал, что «благосостоянием» нужно «располагать не только для себя и на прихоти», но и «на дела утешительные в жизни, на дела добродетели», и задавался вопросом, который «заставит краснеть» каждого: «Как из жалования 250 руб. можно делать какое пожертвование страждущему человечеству, не имея притом никаких позволительных явных доходов?» [5, л. 4].

Итак, молодой офицер, вступив в должность земского исправника, оказался перед моральным выбором: брать взятки и обеспечить себе безбедное существование или сохранить честное имя, но терпеть лишения. И в этой ситуации он предпочел иметь «выгоды» от службы, что болезненно сказывалось на его самолюбии. Отсюда и стремление выделить себя на общем фоне взяточников, оправдать свои действия, причем не только перед самим собой и не только на страницах дневника. В частности, он упоминает инцидент, произошедший 20 июня 1823 г.: «Имел спор, похожий на брань, с протоиереем Осокиным. Завидные глаза поповские причиною оному были, коснулся прежде насчёт выгод моих от дороги, не зная, как выгоды сии неприятны. И во сто раз желал бы, их избавясь, иметь спокойствие» [5, л. 2].

Не менее показательной выглядит история с осмотром дорог. Как уже отмечалось, земский суд контролировал «исправление» дорог, а в Вельском уезде помимо казённых селений имелись и помещичьи земли. Соответственно, здесь повинность несли как государственные, так и частновладельческие крестьяне. Предводители дворянства, как избранные представители сословия, со своей стороны также пытались контролировать эту деятельность, в первую очередь с целью не допустить слишком больших издержек для помещичьих владений. Летом 1823 г. вельский предводитель дворянства Н.Н. Зубов инициировал осмотр дорог в уезде. Дружинин «беспрестанно ожидал» его прибытия, однако эта встреча оказалась малоприятной: 1 августа вместе со стряпчим «отправился в Верховажский посад, где останавливался предводитель... приехав по обеде, были у [н]его с приветствием. Принял довольно сухо и после давал знать, что значительны для [н]его издержки по прихоти некоторых, относя более на мой счёт» [5, л. 13 об.]. По всей видимости, и сам предводитель, и другие вельские помещики полагали, что «услуги» исправника слишком дорого обходятся их крестьянам. По впечатлениям Дружинина, в ходе осмотра и описания дорог Зубов демонстрировал

«большое пристрастие», а по окончании, перед отъездом в Вологду, объявил «своё словесно неудовольствие на меня стряпчему, который пере-сказал мне подробно его слова». Это привело автора дневника в ярость: как человек, имевший «до 20 тыс. доходу», может упрекать тех, кто живёт «от должности», ищет «случая соблостии свои выгоды» и кого «одна самая крайность заставляет служить»? «Поступок предосудительный, и особенно намёкивать довольно бессовестно и с большим пристрастием непростительно всякому, не только дворянину, обязанному служить из чести, имеющему в предмете одну награду» [5, л. 14 об. — 15].

К нашему герою постепенно приходило осознание, что взяточники даже в провинциальном «благородном» обществе презируемы и, встав на этот путь, добиться уважения не получится. Ещё больше пугала перспектива оказаться под судом, тем самым навсегда запятнав репутацию. Так, в июле 1823 г. в дневнике появляется следующая запись: «Известился... что приехал крестьянин Грязнухин из Петербурга. Сею новостью был очень поражён. Зная подлость сих людей и злобу*, вообразя, что, и весьма быть может, оный ездил туда для подачи просьбы. Из последствий увидим, что откроется. Сколько воображение делает нам неудовольствия! Вот сей случай начинает тревожить единственно от одного» [5, л. 6 об.]. Болезненно воспринимались и упреки начальства в ненадлежащем исполнении обязанностей: «Неприятность, полученная из губернского правления за неприсылку ведомости о кружечных деньгах, весьма меня тронула. Натяжка одного делает неприятности... Такова должность исправника — с одним худо, и всё идёт не своим ходом. Сие самое делает противным службу и отнимает охоту к исполнению» [5, л. 2 об. — 3].

Не получая удовлетворения от службы, Дружинин пытался разнообразить досуг. «Сельские танцы и хороводы с песнями» его не привлекали и он пристрастился к карточной игре («находился в городе безвыездно, проводя время почти одинаково: днём — в суде за разбирательством жалоб крестьян, а вечером — прогулкою, окончательно же — бостонною игрою и разговорами в дружеском кругу»; «находился в Вельске; то же занятие, та же скука и тот же бостон большую часть времени занимал» [5, л. 8, 13 об.]), за что себя, с одной стороны, упрекал, а с другой, — пытался оправдать: «Вечеру с другими многими... играли в бостон, и я проиграл, а вместе с тем здоровье более страдает, нежели карман, но собственно скука и незнание лучшего занятия в об-

* На страницах дневника крестьянский люд характеризуется как невежественный и глупый, что, с одной стороны, позволяло «иметь некоторые выгоды и возможность себя содержать» [5, л. 30], но, с другой, заметно осложняло работу полиции («собравшимся крестьянам объяснял насчёт дела, но глупость и непонятность, к тому же закоснелая грубость и упрямство много меня бесило, так что от крику и многого разговору осип горлом и заболела голова» [5, л. 107 об.]).

ществе заставляет убивать так худо время» [5, л. 7]; «играли в бостон и за оным просидели до 4-х часов утра... Такова-то страсть и неумение проводить лучше времени. Вижу, что худо, и, однако, делаю. Остался в проигрыше и довольно значительно» [5, л. 8]; «проиграл всё почти время, убив непохвальным образом время, лишась здоровья и наведши худую о себе славу — нетвердость характеру и мало стараясь о себе, незрелость рассудку» [5, л. 32 об.].

Временами он увлекался чтением*, и именно книги заставляли его задуматься о жизни: «Они-то и тревожат честолюбие... они-то и напоминают о бесполезном скучном провозждении времени, заставляют жалеть прошедшего, раскаиваться о легковерном поступке молодости насчёт ранней своей из службы военной отставки, заставляют решиться посвятить себя вторично сему поприщу с мыслями более основательными... Дай Бог, устроить дела свои лучшим образом... а там прощай, несносная должность, и с нею кляузы, крючкотворство, беспокойство с каждым рублём неправильного дохода, не основанного на верности и доставляемого единственно от снисхождения начальства, которому представляется сие в непростительную слабость, некоторым образом от вынуждения, и самое неисполнение обязанностей есть первый способ сего дохода» [5, л. 3 об.].

Будучи «встревожен неспособным своим положением», «не видя в будущности ничего, могущего льстить самолюбию», в 1825 г. Дружинин размышлял «о перемене службы», считая, что «человеку с чувствами облагородственными» не место в должности исправника: «Здесь только предстоит виды корыстолюбия и желание обогатиться — одна страсть, один предмет должен быть в сём случае. Другие страсти, другие мысли не должны касаться чувства человека, посвятившего сей должности. Даже самая исправность единственно зависит от оногo, и репутация, и рекомендации высшему начальству также руководимы» [5, л. 5]. Однако в этом же году его планы кардинально изменились, чему способствовало знакомство с семейством Михаила Матвеевича Булдакова — известного устюжского купца, с 1799 г. занимавшего пост первенствующего директора Российско-американской компании и сумевшего сколотить немалый капитал. Женой Булдакова являлась Евдокия Григорьевна, дочь именитого купца Г.И. Шелихова (заслуги которого хорошо освещены в литературе [см., напр.: 18]). В семье Булдакова, кроме сыновей, было четыре дочери, получившие воспитание в Петербургском училище ордена Св. Екатерины, предназначенном для детей потомственных дворян [11]. На тот момент все они были, как говорится, на выданье, и в 1826 г. одна из них — Надежда — стала его женой.

* Среди изданий Дружинин упоминал «Вестник Европы» и «Историю государства Российского» Н.М. Карамзина [5, л. 3, 6, 15 об.].

Казалось бы, для мелкого чиновника породниться с такой семьёй — редкая удача. Однако дневник содержит немало записей, свидетельствующих об ином видении ситуации. Семья Булдаковых предстаёт в них не в лучшем свете: «отец упрямого характера^{*}, родственные связи в Устюге самые неприятные, самое приданое может навлечь и уже отчасти навлекло неприятность, сестры испорченной нравственности, хотя и доброй души, брат, по слухам, также и к тому мот, родственники с матерней стороны по худой жизни с М.М. не могут быть расположены, как бы следовало» [5, л. 92]. Даже после помолвки тон рассуждений не изменился. Так, 19 декабря 1825 г. записано: «Печальная мысль беспокоила на счёт будущности относительно N. Судя по образу жизни всего семейства, не могу принудить себя верить, чтоб и она не была заражена нисколько общими пороками оного, не могу думать, чтоб непорочность, целомудрие было сохранено в той степени, как от благовоспитанной девицы требуется» [5, л. 94 об.], а 25 декабря добавлено: «Круг родства не по моему характеру: со стороны матери довольно знатен, со стороны отца довольно низок. Нет середины, нет круга по моему характеру, по моему образованию и понятиям. Любя и уважая N., раскаиваюсь даже, что решился составить партию, хотя уверен, что она мне ровная лично» [5, л. 96]. Не менее странно выглядят опасения жениха в обмане со стороны Булдакова, которому он отдал «без всякого законного вида» 7 тыс. руб. (по всей видимости, в качестве предсвадебного подарка): «Ежели не будет состоять начатое, то весьма легко могут пропасть деньги. Скрытность характера и несовершенно твёрдые правила честности [Булдакова. — *О.П.*] много меня в сём случае приводят в сумнение» [5, л. 94 об.].

Конечно, встречаются и ремарки относительно симпатий к будущей невесте, однако они теряются среди негативных эмоций и душевных терзаний по поводу правильности сделанного выбора. И на этом фоне совсем неискренне выглядят письма к Надежде с признаниями в любви [7, л. 1, 3—4 об.]. Но ещё более интересно письмо к родителям в ноябре 1825 г., где семья невесты охарактеризована совершенно иначе: Булдаков, «быв из небогатого купечества города Устюга, находился сначала у Шелихова, учредителя Американской компании, в услужении, потом женился на его дочери, сделался товарищем и, наконец, преемником в компании. Человек простой и добрый, только не имел случая в молодости

* В представлении Дружинина это человек «необразованный в молодости, из ничтожества дошедший до степени значительной в обществе» [5, л. 106]. Между тем успешная коммерческая деятельность Булдакова и его заслуги перед Отечеством отмечены многими правительственными наградами: в 1799 г. пожалована шпага, 1800 — звание коммерции советника, 1802 — чин коллежского ассессора (позднее — надворного советника), 1806 — орден Св. Владимира 4-й степени, 1816 — звание члена-корреспондента Академии наук [подробнее см.: 11].

сти образовать себя для занимаемого ныне места, за простоту и по занимаемому месту директора в компании, также и по значительному богатству в С.-Петербурге уважаем людьми лучшими, принят везде и значил прежде много, но ныне по болезни в дела компании вмешивается весьма мало. Состояние его в землях, в билетах, акциях компании простирается более миллиона, с одних земель получает ежегодно до 20 тыс. руб. дохода. Дом его в Устье стоит 260 тыс. руб. ... Из дочерей... все воспитаны в Смольном монастыре и имеют хорошие природные дарования... Скажу Вам об Надежде... скромна, почтительна к родителям, усердна к церкви, редкой сердечной доброты хозяйка, собою недурна и, что более, привержена ко мне, кажется, искренно» [7, л. 16 об. — 16 а об.]. И далее: «Описание богатства Михаила Матвеевича не с тем я сделал, чтоб меня оно льстило; я всегда уверен и держусь истины, что при сём случае счастье состоит не в золоте и не в знатности, а единственно в добром согласии семейственной жизни, а для того... душевные достоинства Надежды Михайловны понудили меня просить руки её» [7, л. 17].

Думаю, именно эти строки позволяют понять истинные мотивы нашего героя. Бедный чиновник вполне осознавал, какие перспективы перед ним откроет удачная женитьба с хорошим приданым (к слову, он озаботился этим вопросом: накануне свадьбы получил письменное свидетельство на обещанное «имение» [7, л. 9 об.]). Это же понимали и окружающие его люди. Но человек, так много размышлявший о благопристойном поведении и нравственных ценностях, не смог признаться ни себе, ни родителям, что вступает в брак из корыстных побуждений.

Между тем женитьба в корне изменила его жизнь и повлияла на отношение к службе. Когда «план был сделан» (так в дневнике названа помолвка), изменились и настроения. С одной стороны, он не отказался от идеи, что должность беспокойная, трудная, сопряжённая «с опасностью быть предану законному суждению, выгоды коей основаны на зыблемом основании, от малого противного ветра колеблемого до разрушения» [5, л. 101 об.] и «не согласна» с его правилами, но с другой — «когда дела идут своим добрым порядком», открывается и хорошая сторона: уважение в городе и уезде, «довольство состояния», «возможность сделать много доброго». Дружинин начинает задавать себе вопросы другого порядка: «где же хорошее бывает без неудовольствий?», «какая служба не имеет своих неприятностей?» [5, л. 102], и приходит к заключению, что везде и во всем «есть хорошее и купно с тем худое», а ему «надобно уметь пользоваться первым и избегать второго — тогда и будет, ежели не счастье, то, по крайней мере, верх лучшего человеку» [5, л. 102]. В последующем он пытался придерживаться именно этого правила. Отмечу,

что уже спустя полгода после свадьбы, летом 1826 г., «за усердное исполнение должностных обязанностей и поручений» его наградили бриллиантовым перстнем [2, л. 19 об. — 20] (для рядового чиновника такой подарок от правительства был большой редкостью; возможно, сказалось влияние тестя).

Мысли о «перемене службы» и карьере военного его больше не посещали, и в целом на страницах дневника он всё меньше и меньше внимания уделял общим рассуждениям, всё больше описывал события на службе и дела семейные, которые теперь занимали почти всё свободное время*. Изменился и значительно расширился круг общения. К примеру, он отметил, что Новый 1827 г. «встретили у градского главы 2-й гильдии купца Прокопия Федоровича Саблина — почти всё общество города, как чиновники, так и лучшее купечество вместе, — весьма весело. Пили шампанское, кричали “ура” и провели совершенно приятно» [5, л. 74—74 об.]. Удалось обзавестись дружескими связями не только в Устюге, но и со многими высокопоставленными чиновниками в Вологде [5, л. 16 об., 26 об. — 27, 73, 77 об., 78 об.]. Правда, в отношениях с губернатором Н.П. Брусиловым (как, впрочем, и с богатыми представителями потомственного дворянства) по-прежнему чувствовалась холодность. В особенности задел Дружинина случай во время «обозрения» губернии. В августе 1828 г. губернатор прибыл в Устюг. Дружинин, чтобы как положено поприветствовать важного гостя, встречал его в 15-ти верстах от города: «Увидя экипаж, вышел из повозки и ожидал

* В частности, 26 января 1827 г. Дружинин отмечает, что получил известие о прибытии в Тотемский уезд сенатора И.С. Горголи для расследования по жалобам удельных крестьян, и пишет, что главным доносчиком являлся крестьянин Камиловский (по другим источникам — Гамиловский), «который был сослан на поселение, откуда сбежал и просил Государя» [5, л. 75 об.]. Не менее любопытны и сведения о посещении губернии, также с ревизией, флигель-адъютантом Преображенского полка князем А.К. Ливеном в ноябре 1827 г. Известно, что причиной ревизии послужили доносы содержателей и ямщиков почтовых станций «о взимании с них почтовыми чиновниками и почтальонами денег» (лихоимство), принесенные подполковнику корпуса жандармов А.Ф. Дейеру. Последний, по всей видимости, доложил об этом своему начальству в столице, после чего в губернию был направлен Ливен с целью обследовать состояние почтовых станций [3, л. 1278—1302 об.]. Дружинин указал в дневнике, Ливен находился в Вологде с 17 ноября по 3 декабря, а к вечеру 5 декабря прибыл в Устюг. За время пребывания в городе князь побывал в рекрутском присутствии, «замечал все злоупотребления, принимал всякие просьбы, смотрел команду рекрут и инвалидов, прошлые о владельцах, велел составить записку и представить к [н]ему в Вологду», а сам «уехал в Яренск 12 числа, дорогою расспрашивал крестьян о злоупотребительных расходах» [5, л. 79—79 об.]. Полные материалы ревизий Горголи и Ливена по сей день не удалось обнаружить, и мы располагаем лишь разрозненными отрывочными сведениями [подробнее см.: 14, л. 212; 15, с. 89].

приближения. Когда же [губернатор. — *О.П.*] подъехал, то довольно сухо сказал: “Здравствуйте, А.И., поезжайте вперед”» [5, л. 98 об.]. По прибытии в город «о благополучном состоянии отрапортовал и отдал рапорт, который, приняв, [губернатор. — *О.П.*] ничего не говорил» [5, л. 98 об.] и большей частью общался с полицмейстером А.Н. Горновским. Затем сделал выговор по поводу отводов на большой дороге, отклонил приглашение «отобедать» и «в обращении был довольно сух». Этот инцидент заставил нашего героя вновь окунуться в философские размышления, задуматься о своих «слабостях» и «пороках». По всей видимости, такое отношение неслучайно, поскольку взятки Дружинин брать не перестал, хотя уже не испытывал в этом необходимости* и, судя по тексту дневника, душевные терзания по этому поводу его больше не мучили.

Тем не менее сенаторская ревизия А.М. Корнилова и В.Ф. Мертенса, состоявшаяся в 1830 г., вновь возродила в нём страх попасть под суд и подорвать репутацию. Сенаторам удалось обнаружить значительные злоупотребления по лесному управлению (многолетние и масштабные незаконные рубки казённых лесов и вывоз украденной древесины за границу). К сожалению, записей в дневнике за 1830 г. не сохранилось, однако 6 августа 1831 г. записано: «Узнал неприятные вести о следственной комиссии и положил непременно выйти в отставку до окончания дел оной» [5, л. 112 об.]. Речь о следствии, начавшемся в Устюге 15 июля 1831 г. по инициативе сенаторов для расследования дел по лесной части. Комиссия состояла из местных служащих и в итоге подтвердить наличие преступных действий не смогла (во многом «благодаря» случившемуся в 1833 г. пожару, частично уничтожившему архивы губернских учреждений)**, к ответственности никого не привлекли.

В январе 1832 г. Дружинин вновь «изливает душу» на страницах дневника, сожалея о «рождении прихотей», стремлении к богатству

* Женитьба заметно улучшила его материальное положение. Во владении жены находилось 1115 десятин земли с санными покосами в Устюгском, Никольском и Сольвычегодском уездах Вологодской губ. и еще 15 душ крестьян с дворовыми в Никольском уезде. Постепенно движимым имуществом обзаводился и сам Дружинин: если по формулярному списку за 1826 г. за ним собственности не числилось [17, л. 393 об. — 394], то к 1841 г. (к сожалению, более ранних формулярных списков обнаружить не удалось) за ним состояло в Зубцовском уезде Тверской губ. 25 душ крестьян с дворовыми (и 20 душ в Весеьгонском уезде Тверской губ. за родителями) [6, л. 1 об. — 2], а к 1844 г. прибавилось еще 112 душ в Вологодском и 39 душ в Никольском уездах Вологодской губ. [2, л. 19 об. — 20].

** Итоги расследования оказались неутешительными: с 1821 по 1831 г. вырублено около 1,5 млн деревьев, и каждая вторая рубка являлась несанкционированной [15, с. 92–93].

и славе, вспоминая о «доброй совести», «желании быть полезным ближнему и Отечеству» и необходимости обратиться к Всевышнему с просьбой «о подкреплении нас в минуту совращения с пути истинного» [5, л. 108—108 об.]. И далее бегло описывает события прошедшего года, который оказался для него «неприятен по разным отношениям».

Во-первых, много переживаний принесло учреждение «лесной комиссии о незаконном якобы действии начальства и чиновников, к оному прикосновенных, также и лесопромышленников» [5, л. 108 об.], хотя, очевидно, что у невинного человека это не должно вызывать беспокойства. Опасения оказались небеспочвенными: А.Х. Бенкендорфу поступил донос (предположительно от николевского лекаря И. Георгиевского*), что Дружинин получал от лесопромышленников большие взятки за продажу «казённого леса вместо своего». Расследование доверили чиновнику особых поручений при губернаторе А.П. Жеребчикову и ассессору казённой палаты В.П. Козакову. Следователи, как часто случалось в то время, ничего не открыли и суд оправдал Дружинина как не сознавшегося и неизобличённого (расследование и рассмотрение дела затянулось до 1838 г. [4, л. 580 а-580 б об.]), однако о нахождении под судом в дневнике нет ни строчки, зато есть упоминание о несправедливом и ложном доносе. Во-вторых, Дружинин сожалел о «неблаговолении» губернатора, причиной чему якобы служили «наветы других»: «В половине декабря был губернатор, много оказал холодности и всячески показывал своё ко мне недоброжелательство — у многих был с визитом, меня же не удостоил» [5, л. 109 об.]. И, наконец, год ознаменовался появлением холеры, «которая умножила по службе забот и заставила подвергать жизнь свою опасности» (среди устюгских чиновников были заболевшие и умершие) [5, л. 109].

Карьера нашего героя завершилась рано, но весьма благополучно**. В феврале 1833 г. он по собственному прошению был отставлен от службы, получив чин коллежского ассессора, а вместе с ним — заветное потомственное дворянство и место среди «благородного» общества***.

* В 1828 г. между ним и губернским предводителем А.Н. Левашовым произошёл конфликт, в результате которого лекаря отстранили от должности с подозрением во взяточничестве. Не найдя поддержки среди местного чиновничества и пытаясь оправдаться, Георгиевский начал писать в центр доносы, по всей видимости, обо всех злоупотреблениях, которые мог припомнить.

** Записи в дневнике заканчиваются 1832 г.

*** В 1836 г. он вновь вступил на гражданскую службу, но уже занимал почётные и выборные должности (1836 — почётный смотритель Сольвычегодского уездного училища, 1839 — почётный смотритель Устюгского уездного училища, 1840 — посредник по размежеванию в Вологодском уезде, 1844 г. — кандидат почётного попечителя Вологодской губернской гимназии) [2, л. 19 об. — 20].

В начале статьи высказано предположение, что дневник создавался «для себя», что позволяет надеяться на достоверность и репрезентативность источника. Однако исследование показало, что автор местами откровенен, местами лукавит, а в некоторых случаях вовсе имеет место лицемерие, недосказанность, ложь. Возможно, намерение опубликовать записи действительно имело место (или предполагалась такая вероятность), в противном случае Дружинин являет пример человека, неспособного быть честным даже с самим собой. При всём этом дневник отражает атмосферу, царившую в местном управлении. Считается, что провинциальное чиновничество «жило дружно». Но, как видно, дружно, да не совсем. Оно состояло из чётко разделённых между собой групп: классные чиновники отмежевывались от канцелярских служащих, «благородные» слои дистанцировались от тех, кто не имел прав потомственного дворянства, высшее губернское чиновничество также вело себя в неформальном общении избирательно, предпочитая богатых — бедным, родовитых — «низкородным». «Напитанный духом вольнодумства, служивший в гвардии и обращавшийся с людьми высшей образованности» автор дневника, пополнив ряды гражданского чиновничества, весьма болезненно воспринимал традиции местного управления. Однако, заняв не последнюю должность в уездных учреждениях и с первых дней ощутив материальную необеспеченность служащих, довольно быстро усвоил сложившиеся порядки, в т.ч. пристрастился ко взяточничеству, хотя на страницах дневника и пытался оправдать поведение, но, кажется, в первую очередь перед самим собой.

Список литературы

1. *Анучин Е.* Исторический обзор развития административно-полицейских учреждений в России с «Учреждения о губерниях» 1775 г. до последнего времени. СПб.: тип. Министерства внутренних дел, 1872. VI, IV, 238 с.
2. Государственный архив Вологодской области (далее — ГА ВО). Ф. 85. Оп. 1. Д. 7.
3. ГА ВО. Ф. 177. Оп. 1. Д. 142.
4. ГА ВО. Ф. 177. Оп. 1. Д. 157.
5. ГА ВО. Ф. 671. Оп. 1. Д. 46.
6. ГА ВО. Ф. 671. Оп. 1. Д. 100.
7. ГА ВО. Ф. 671. Оп. 1. Д. 195.
8. Дневник и записки А.И. Дружинина / Публ. Е.Р. Дружинина // Вологда: краеведческий альманах. Вып. 3. Вологда: Легия, 2000. С. 599—666.
9. *Дружинин Е.Р.* Дворяне Вологодской губ. на военной службе в последней трети XVIII — первой половине XIX вв.: биографические материалы // Вологда: историко-краеведческий альманах. Вып. 1. Вологда: Русь, 1994. С. 371—439.

10. Исторический очерк Павловского военного училища, Павловского кадетского корпуса и Императорского Военно-сиротского дома, 1798—1898 гг. / Гл. ред. А.Н. Петров. СПб.: тип. Министерства внутренних дел, 1898. 759, VIII, II с.
11. *Кудрин Н.М.* Устюгской земли Михаило Булдаков и другие. Великий Устюг: Великоустюгская городская типография, 1993. 48 с.
12. *Марней Л.П.* Д.А. Гурьев и финансовая политика России в начале XIX в. М.: Индрик, 2009. 272 с.
13. *Плех О.А.* Земская полиция в северных губерниях Российской империи в первой половине XIX в.: численность и состав // *Historia Provinciae — Журнал региональной истории.* 2019. Т. 3. № 1. С. 15—52.
14. *Плех О.А.* Местное управление в Вологодской губернии в первой половине XIX в. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2016. 400 л.
15. *Плех О.А.* Сенаторские ревизии в северных губерниях России в первой половине XIX в. // *Вопросы истории.* 2012. № 11. С. 82—96.
16. Приказ от 18 августа 1814 г. «О учреждении особого Комитета для вспомоществования неимущим изувеченным генералам, штаб- и обер-офицерам» // *Полное собрание законов Российской империи. Собр. I. Т. 32.* СПб.: Тип. II Отд. С.Е.И.В.К., 1830. С. 876.
17. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1349. Оп. 4. 1826. Д. 129.
18. *Ситников Л.А.* Григорий Шелихов. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1990. 412 с.
19. Указ от 5 мая 1816 г. «О замещении мест, показанных в приложенной у сего записке, ранеными офицерами» // *Полное собрание законов Российской империи. Собр. I. Т. 33.* СПб.: Тип. II Отд. С.Е.И.В.К., 1830. С. 632—637.

Прошения горожан как способ участия в программе перестройки частных домов Петергофа за казённый счёт 1826—1839 гг.

Аннотация. Статья посвящена немаловажному вопросу, связанному не только с историей Петергофа, но и с более весомыми темами — деятельностью Министерства императорского двора по управлению дворцовыми городами и историей дворцовых городов как административно-территориальных образований с особым статусом. Основываясь на материалах РГИА, автор обращается к исследованию проекта перестройки 58 ветхих домов жителей Петергофа за казённый счёт. Автор прослеживает судьбу ряда обращений, как удовлетворённых, так и отклонённых. Дополнительно анализируются проведенные в 1836—1837 гг. за счёт сэкономленных ранее средств работы по перестройке домов и вторая программа 1838—1839 гг.

Ключевые слова: Николай I, Министерство императорского двора, Петергоф, строительство, реновация, прошения.

PETITIONS FROM CITIZENS AS A WAY OF PARTICIPATION IN THE PROGRAMS OF RECONSTRUCTION OF PRIVATE HOUSES IN PETERHOF AT PUBLIC COST OF THE YEARS 1826—1839

Abstract. The article examines an important issue related not only to the history of Peterhof but also to more significant subjects as the activities of the Ministry of the Imperial Court for the management of the so-called «palace towns» and the history of «palace towns» as administrative-territorial entities with a special status. Having studied the materials of the Russian State Historical Archive, the author turns to the analysis of the project for rebuilding of 58 tumbledown houses of Peterhof residents at public expense approved by Alexander I and implemented under Nicholas I. The article notes that the plan for 1826—1835 could be changed. The author mentions that petitions were the way to get into the list for renovation and traces the course of several applications, both supported and declined. Additionally, the report analyses reconstruction of 1836—1837 carried out thanks to previously saved money and the second program of 1838—1839.

Keywords: Nicholas I, the Ministry of the Imperial Court, Peterhof, construction, renovation, petitions.

Изучение истории российских городов является одной из важных тем и имеет множество аспектов (социально-правовой, экономический, административный, бытовой), по каждому из которых суще-

* Андрей Александрович Ефимов — кандидат исторических наук, научный сотрудник Научно-исторического архива Санкт-Петербургского института истории РАН (Санкт-Петербург, Россия), e-mail: aaeefimov5@gmail.com

Andrei A. Yefimov - Candidate of Sciences in History, Research Fellow of the Scientific and Historical Archive, Saint Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences (Saint Petersburg, Russia).

ствует направление в отечественной историографии. Среди исследователей, вплотную занимавшихся этими вопросами применительно к имперскому периоду истории России, можно отметить Б.Н. Миронова, А.И. Куприянова, В.А. Нардову [4—6]. Особый статус среди населённых пунктов Российской империи в XIX — начале XX в. имели «дворцовые города», к числу которых относились Царское Село, Гатчина и Петергоф. Они находились вне общей системы государственного и местного управления, подчиняясь исключительно Министерству императорского двора, которое, в свою очередь, подчинялось напрямую государю. Именно их обособленность и неординарность положения, когда многие решения по административным вопросам принимались непосредственно монархом, делает изучение их истории особенно интересным. Однако основное внимание специалистов, занимающихся изучением истории Придворного ведомства, сосредоточено на вопросах организации центральных органов [7] или работы учреждений Министерства по бытовому обслуживанию членов царской фамилии [1, 3]. История же дворцовых городов, не касающаяся функционирования непосредственно императорских резиденций, остаётся в тени. Применительно к Петергофу исключением можно считать незавершённый многоотомный труд выдающегося краеведа В.А. Гущина «История Петергофа и его жителей» [2], однако и он затрагивает отмеченный вопрос лишь по касательной.

Имеющиеся архивные материалы позволяют установить, что программа обновления частных домов в Петергофе за счёт казны была утверждена осенью 1825 г., в последние месяцы правления Александра I. План предполагал строительство в течение последующих 10 лет 58 новых объектов, 30 из которых должны построить в 1826—1831 гг. При этом подавляющее большинство из клиентов являлись действующими или бывшими работниками учреждений Придворного ведомства или находившихся в его ведении предприятий [9, л. 56; 11, л. 25—28 об.]. Однако установить, по каким критериям и как именно формировался список, пока не удалось. Наиболее вероятное исхода из по имеющихся документов предположение заключается в том, что базовый перечень был составлен по распоряжению управляющего Петергофом Я.Я. Эйхена по итогам контрольного осмотра городских строений. Одновременно с утверждением плана и списка была определена сумма, которую необходимо выделить на каждый объект — 6 000 руб., а также подготовлена погодная роспись с указанием числа домов и запланированных ассигнований. Образцом для будущих домовладений предполагались обывательские дома Царского Села [9, л. 56—58 об.].

Некоторые из жителей Петергофа обращались с просьбой о выдаче им положенной суммы для самостоятельного производства

работ. Например, уже в 1826 г. такую петицию представил коллежский советник Базовский, писавший, что в течение нескольких лет самостоятельно по мере сил и возможностей вёл подготовку к перестройке собственного дома, сделав фундамент и заготовляя пиломатериалы. Главноуправляющий Дворцовыми правлениями Я.В. Захаржевский рекомендовал в случае одобрения этого запроса установить обязательство завершить работы в том же году и ассигновать установленную императором сумму в 6 000 руб. частями по мере продвижения работ «для большего удостоверения в том и обеспечения казны». Т.о. предполагалось исключить нецелевое расходование средств и стимулировать своевременное оперативное строительство [8, л. 11]. Кроме того, отдельные обыватели, вероятно, не желая ждать очереди и обладая ресурсами, возводили дома за свой счёт. В таком случае их владения выпадали из перечня назначенных к перестройке.

Многочисленные изменения числа ежегодно перестраиваемых зданий привели к возникновению коллизии с включением в программу ранее незапланированного объекта. 24 февраля 1831 г. Эйхен, предлагая к перестройке в текущем году дом помощника смотрителя титулярного советника Туфанова, посчитал, что назначенная на тот год квота уже выбрана, и запросил у Захаржевского разрешения провести работы в счёт ассигнований 1832 г. Последний, согласившись на дополнение перечня, отметил, что, поскольку из запланированных 30 домов построено или строилось только 29 и соответственно положенные на один объект 6 000 руб. доступны, откладывать выплату подрядчику на предстоящий год нет необходимости. В подтверждение главноуправляющий направил в Петергофское дворцовое правление ранее представленный ему «список обывателям Петергофа Большой и Малой Слобод, коим вместо ветхих построены новые дома на счёт казны начиная с 1826 по 1831 год» [11, л. 21—22, 25, 26].

Одним из способов попасть в «программу реновации» или сократить время ожидания перестройки была подача прошений в Петергофское дворцовое правление. Наиболее показательным в этом отношении, судя по выявленным документам, можно считать октябрь 1833 г., когда последовательно поступили четыре прошения. При этом первое из них, от фонтанного ученика В. Кадыкова, было передано с сопроводительным письмом управляющего фонтанной частью Петергофа генерал-майора С.М. Лихардова, в котором последний просил «об исходатайствовании... по бедному... состоянию и усердной службе постройки дома по примеру прочих». Столь явное благожелательное отношение непосредственного начальства просителя несомненно повлияло на управляющего правлением, который

подал Захаржевскому рапорт с предложением «в уважение долговременной усердной службы и многочисленного семейства» внести постройку дома Кадыкова в перечень на 1834 г. с финансированием из средств, предполагавшихся на дома мастеровых бумажной фабрики В. Рахонина и С. Морина, построивших таковые за свой счёт.

Три других просителя не имели поддержки высокопоставленных лиц и их обращения прошли весь процесс рассмотрения, включая непосредственный осмотр зданий Петергофским городским архитектором Дюсар де Невилем. В итоге два из них, столяра Ф. Фарафонтьева и токаря Н. Рыженькова, были включены в перечень и построены на будущий год, при этом состояние жилища второго являлось таким, что «в оном доме углы сопрели, крыша совершенно ветха, потолок внутри дома поддерживается печью и подставками». Реконструкцию третьего отложили по причине того, что «есть ещё дома, вошедшие в смету о постройке от казны в Петергофе обывательских домов, которые несравненно имеют более ветхости». Однако после вторичной подачи прошения уже в 1834 г. и нового освидетельствования дом всё же включили в число реконструируемых [15, л. 26—27 об., 29. 32, 33, 36—39 об., 41, 42; 16, л. 17—20 об.].

В отдельных случаях неудачные петиции получали неожиданную поддержку с самого верха. В 1833 г. столяр И. Журавлёв обратился с просьбой о включении своего дома, входившего в общий перечень, в план работ на текущий год. Местные власти указали, что «ему назначено в будущем 1834 году». Однако уже в конце марта после очередного осмотра города Николай I сделал замечание, «что по Малой улице в Петергофе много находится ветхого и безобразного строения», сообщив это наблюдение Захаржевскому. Последний, «озабочиваясь сделать угодное Его Величеству и усматривая к этому возможность», предложил Эйхену использовать сэкономленные при предшествующих работах средства и, помимо двух уже запланированных, обновить в текущем году по этой улице ещё два дома, одним из которых и оказалось владение Журавлёва [15, л. 1, 4—4 об.].

Некоторым просителям отказывали, указывая на то, что их дома вовсе не включены в опись зданий, которые могли быть перестроены за казённый счёт. Подобные ответы получило большинство обращений, впервые поданных в самом конце 1833 г. и в 1834 г., что может быть связано с приближавшимся окончанием действия плана по перестройке обывательских домов, намеченного на конец 1835 г. Такая судьба постигла петицию отставного гранильщика А. Коквина, которому в декабре 1833 г. предложили ждать «когда государю императору угодно будет повелеть вновь строить дома». При рассмотрении поданного в ноябре 1834 г. прошения отставного фонтанного ученика О. Сергеева руководство Петергофа просило архи-

тектора изучить возможность обойтись без перестройки. Последний признал, что, несмотря на ветхость, этот дом мог быть «поддержан починкой». Не удалось добиться желаемого и вдове мастерового Петергофской бумажной фабрики М. Заякиной, обратившейся напрямую к Захаржевскому. После уточнения об отсутствии её дома в общем перечне она в декабре 1834 г. получила рекомендацию обращаться «к тому начальству, в ведении коего состоял муж её на службе» [13, л. 54; 15, л. 30—37.].

Однако, если судить по имеющимся документам, программа перестройки обывательских домов продлилась на год дольше первоначально запланированного, захватив и 1836 г. При этом её «отголосок» проявился и в 1837 г. По сделанному 7 ноября 1836 г. распоряжению Николая I следовало, используя остатки ранее выделенных на этот проект средств, «выстроить домики в Ораниенбаумском форштате фонтанному ученику Семёнову и кровельному подмастерью Трунину, и в С. Петербургском форштате плотнику Петрову». Все три указанных объекта отмечались как остро нуждающиеся в реконструкции ещё в представленном 11 августа 1836 г. рапорте архитектора Песке, приложением к которому был список из 13 аварийных зданий. При этом дома Петрова и Семёнова попали в список после рассмотрения прошений, поданных их владельцами в феврале—марте 1836 г. в Петергофское Дворцовое правление и проведённого местными полицмейстером и архитектором освидетельствования [17, л. 1, 1 об., 4, 5, 14, 15а, 15а об.; 19, л. 3б, 3б об.].

«Программу реновации» перезапустили уже на следующий год. Однако на этот раз её объем и сроки оказались значительно скромнее. За 1838—1839 гг. в Петергофе в соответствии с распоряжением императора построили ещё 10 домов. Финансовые условия реализации этого проекта близки к установленным в 1826 г., а характеристики вновь возводимых зданий полностью соответствовали первоначальным [20, л. 1б, 2—4, 5б; 21, л. 2, 8—11]. При этом в список перестраиваемых зданий вошёл и дом Коковина, вынужденного по решению Петергофского правления ждать своей очереди с конца 1833 г. На этот раз его дом не только признали нуждающимся в перестройке, но и, после осмотра помощником архитектора Комарова и оценки как «угрожающий падением», перевели в число возводимых в 1838 г. [20, л. 13] Таким образом, местные власти всё же выполнили завуалированное обещание о постановке в очередь на реконструкцию.

Обозначенная как благотворительный проект для беднейших жителей Петергофа, работавших в структурах Придворного ведомства, программа казённого домостроения проводилась в жизнь чиновниками Министерства императорского двора с определённой гибкостью. Выбывавшие по тем или иным причинам обыватели за-

менялись другими, согласовывались внеплановые досрочные перестройки для особо ветхих зданий, сэкономленные по завершении основной программы 1826—1835 гг. средства использовались для проведения реконструкции сверх первоначального перечня. В дальнейшем на смену казённому домостроению пришла практика выдачи кредитов из особого ссудного капитала.

Список литературы

1. *Высочков Л.В.* Будни и праздники императорского двора. СПб.: Питер, 2012. 496 с.
2. *Гущин В.А.* История Петергофа и его жителей. СПб.: Нестор-История, 2001—2005. Кн. 1—3.
3. *Зимин И.В.* Повседневная жизнь российского императорского двора, вторая четверть XIX — начало XX в. Взрослый мир императорских резиденций. М.: Центрполиграф, 2010. 556 с.
4. *Куприянов А.И.* Русский город в первой половине XIX в.: общественный быт и культура горожан Западной Сибири. М.: АИРО-XX, 1995. 160 с.
5. *Миронов Б.Н.* Русский город в 1740—1860-е гг.: демографическое, социальное и экономическое развитие. Л.: Наука, 1990. 271 с.
6. *Нардова В.А.* Городское самоуправление в России во второй половине XIX — начале XX в.: власть и общество. СПб.: Лики России, 2014. 575 с.
7. *Несмеянова И.И.* Министерство императорского двора и уделов в истории российской государственности. Челябинск: Южно-Уральское книжное изд-во, 2009. 275 с.
8. Российский государственный исторический архив (далее — РГИА). Ф. 490. Оп. 3. Д. 362.
9. РГИА. Ф. 490. Оп. 3. Д. 390.
10. РГИА. Ф. 490. Оп. 3. Д. 401.
11. РГИА. Ф. 490. Оп. 3. Д. 430.
12. РГИА. Ф. 490. Оп. 3. Д. 471.
13. РГИА. Ф. 490. Оп. 3. Д. 476.
14. РГИА. Ф. 490. Оп. 3. Д. 481.
15. РГИА. Ф. 490. Оп. 3. Д. 521.
16. РГИА. Ф. 490. Оп. 3. Д. 528.
17. РГИА. Ф. 490. Оп. 3. Д. 631.
18. РГИА. Ф. 490. Оп. 3. Д. 659.
19. РГИА. Ф. 490. Оп. 3. Д. 705.
20. РГИА. Ф. 490. Оп. 3. Д. 756.
21. РГИА. Ф. 490. Оп. 3. Д. 820.

Организация воспитательного процесса в Императорском училище правоведения в 1835—1861 гг.

Аннотация. В статье анализируются основы воспитательной работы и степень участия в ней представителей администрации и воспитателей. Выявлены переломные моменты, оказавшие влияние на изменение подхода к воспитанию правоведов. Сделан вывод о существенном влиянии воспитателей на формирование личности правоведов.

Ключевые слова: Императорское училище правоведения, закрытое учебное заведение, принц П.Г. Ольденбургский, воспитательная работа, дело петрашевцев, В.В. Стасов, В.П. Мешерский.

ORGANIZATION OF THE EDUCATIONAL PROCESS AT THE IMPERIAL SCHOOL OF LAW IN 1835—1861

Abstract. The article deals with the organization of educational activities in the Imperial school of law in 1835—1861. A meaningful analysis of the basics of educational work was carried out, and the degree of participation of representatives of the administration and educators in the educational process was revealed. Tipping points that have influenced the change in the approach to the education of lawyers are revealed. The conclusion is made about the significant influence of educators on the formation of the personality of lawyers.

Keywords: Imperial school of law, closed educational institution, Prince P. G. Oldenburgsky, educational work, Petrashevsky Circle, V. V. Stasov, V. P. Meshchersky.

С первых лет существования Императорского училища правоведения организации воспитательной работы в нём уделялось большое внимание. Это обуславливалось закрытостью учебного заведения. В него поступали мальчики в возрасте 12—17 лет, которые в течение нескольких лет жили в его стенах. Формирование будущих юристов опиралось на религиозное воспитание и развитие у них верноподданнических чувств. Воспитательная работа нацеливалась на обеспечение внешнего порядка и превращение выпускников в благонадёжных чиновников. Порядки изменялись в зависимости от конкретных целей, выдвигаемых властью перед начальством учебного заведения. На формирование воспитательной системы училища в изучаемый период влияли со-

* **Мария Сергеевна Шишкина** – аспирант кафедры истории России Орловского государственного университета им. И.С. Тургенева (Орёл, Россия). e-mail: maschakutaf@mail.ru

Maria S. Shishkina – Post-graduate Student of the Department of Russian History, Oryol State University named after I. S. Turgenev (Orel, Russia).

бытия, происходившие в стране. Особенно на воспитательной работе отразились восстание петрашевцев и приход к власти Александра II.

В училище, как и в других учебных заведениях, существовала система поощрений и наказаний. Выпускники, имевшие наиболее высокие результаты, награждались серебряными и золотыми медалями, их фамилии позолоченными буквами записывались на мраморную доску. При переводе на следующий класс правоведам за успехи в обучении вручались книги и похвальные листы. В качестве наиболее распространённых мер наказаний использовались выговоры, снижение баллов за поведение, занесение имени провинившегося на чёрную доску, лишение права пользоваться домашним отпуском в выходные и праздники, заключение в карцер. Устные замечания воспитанникам могли делать все преподаватели и воспитатели, а более суровые наказания (занесение на чёрную доску и помещение в карцер) назначал только директор. Существовали и исключительные меры воздействия, характерные для закрытых школ — розги и отчисление. Для поддержки дисциплины в каждом классе назначался старший воспитанник, который должен был воздействовать на своих товарищей.

Ответственность за правоведам несли воспитатели. Устав училища содержал требования к кандидатам на эту должность: знание русского языка и как минимум одного иностранного, хорошая репутация. Для организации воспитательного процесса за каждым из семи классов закреплялся воспитатель, кроме того, назначались дежурные воспитатели. Классные воспитатели, как и директор, должны были проживать в училище. В их обязанности входил контроль за внешним видом воспитанников и их поведением. Им следовало постоянно находиться рядом с подопечными — как во время занятий, так и во внеучебное время. Руководство училища ожидало не только формального подхода к наблюдению за правоведами, но и личного примера в соблюдении моральных и корпоративных норм. В 1838 г. устав ввёл ежемесячные собрания воспитателей, инспектора классов и директора «для единообразия в деле воспитания молодых людей» [5, с. 1008]. По мнению директора С.А. Пошмана, «от дурных примеров, могущих иметь влияние на молодых людей, воспитанники совершенно ограничены» [15, л. 5].

В 1835—1848 гг. воспитательный процесс находился под тесным контролем его создателя и попечителя принца П.Г. Ольденбургского и первого директора Пошмана. Петр Георгиевич не только выделил личные средства на постройку училища и разработал план его деятельности, но и неоднократно присутствовал на экзаменах, а также любил посещать училище, запросто общаясь с воспитанниками. «Он считал училище чем-то своим, родным и близким себе: всё своё время, все заботы и помышления отдавал ему» [8, с. 304]. В мемуарах воспитанников сохранились разные оценки его роли как попечителя,

однако преобладают положительные отзывы. «Быть честным, быть верным слугою Царю и России, быть добрым и любить человека мы, правоведа, научились у нашего принца» [3, с. 89]. Питомцам заведения, находившимся вдали от родного дома, было важно чувствовать заботу со стороны окружающих: «Его высочество любил не сматривать наше обмундирование и постоянно заботился, чтобы не был тесен воротник, платье не давило грудь, не был туго перетянут запряжник и т.п.» [12, с. 6] Ольденбургский уделял внимание не только внешнему виду воспитанников, но и образовательному процессу: «За учением следил наш попечитель, всеми тогда чтимый и искренно любимый, добрый принц... часто приезжавший на лекции» [4, с. 10].

Следующим человеком в иерархии воспитательного процесса был директор. Согласно уставу, он проживал в учебном заведении, мог в любое время присутствовать на занятиях. Среди руководителей наиболее мягким отношением к воспитанникам отличался Пошман. Несмотря на то, что «он порол, потому что все тогда пороли, и иначе ему нельзя было поступать» [8, с. 324], по своей природе был человеком мягким, «внушал бессознательную честность» [2, с. 82], любил устраивать неформальные вечера с воспитанниками на квартире и покровительствовал развитию музыкальных традиций. «И дети, в особенности испытывали на себе благотворное влияние его душевной доброты и нравственной чистоты» [2, с. 82].

В течении первых 13 лет существования училища должность классных воспитателей занимало 11 чел. Только трое из них имели высшее образование (два окончили Дерптский университет и один — Московский). Ещё четверо до прихода в училище находились на военной службе. В среднем первые воспитатели находились в должности 6—10 лет. Дольше всех, в течение 14, прослужили П.В. Томсен и А.С. Андреев. Последний был единственным русским, остальные — выходцами из Германии и Франции. Многие из них имели опыт работы в различных мужских учебных заведениях, некоторые являлись преподавателями великокняжеских детей. Так, И.И. Берар обучал дочерей князя Михаила Павловича [6, л. 110], П.П. Гельмерсен преподавал юридические науки сыновьям Николая I.

Наиболее тёплые отношения правоведа испытывали к Е.И. Кайпшу и Андрееву. Первый в своей квартире устраивал по субботам вечера с угощениями, куда приглашал воспитанников. Андреева мальчики любили посещать во время его дежурств по классу. Их интересовали рассказы о кораблестроении, создании вечного двигателя и чтение свежих литературных публикаций. Стасов так вспоминал о названных: «Они от первого до последнего были люди прекрасные, никогда не притесняли и не давили нас» [8, с. 307].

Совсем иным отношением к воспитанникам отличался преемник Пошмана князь Н.С. Голицын. До перехода на должность директора в 1848 г. он преподавал в Императорской военной академии, смена места службы далась ему тяжело. Он не стремился к преодолению формальностей в общении с воспитанниками и практически не вмешивался в воспитательный процесс. Между тем уделять ей больше внимания требовало уже хотя бы то, что количество правоведов год от года увеличивалось (если в начале 1840-х гг. обучалось чуть более 200 чел., то к 1848 г. — уже более 300) [9, с. 89].

С 1849 г. воспитательный процесс приобрёл военизированный характер. Один из выпускников, В. Головинский, оказался причастен к делу петрашевцев. Ещё несколько были обвинены в симпатиях к падению монархии во Франции и составлении вольнодумных записок. До попечителя дошли сведения о намерении императора закрыть училище. Сомнение власти в благонадёжности правоведов заставило министра юстиции графа В.П. Панина лично посетить его здание и провести с учащимися воспитательную беседу. Итогом визита министра и изменения общего курса внутренней политики стала трансформация воспитания. Стремление спасти училище вынудило Ольденбургского пересмотреть отношение и перейти к более жёсткому контролю за деятельностью воспитанников, взяв за основу функционирование военно-учебных заведений [7, л. 2]. На преподавательские должности теперь могли назначаться только офицеры.

По распоряжению принца появилась должность инспектора воспитанников. Им мог стать офицер, имевший военное образование и обладавший безукоризненной нравственностью. В его обязанности входил надзор «за нравственным и физическим воспитанием, дисциплиной и выправкой» [14, л. 2]. Первым эту должность занял подполковник артиллерии А.И. Рутенберг. В военной службе он находился с 1827 г., успел проявить себя во время подавления восстания в Польше. В училище правоведения отвечал за дисциплину воспитанников. Совершенно незнакомый с принципами педагогики, он был сторонником активного применения телесных наказаний. По воспоминаниям Мещерского, любимыми его словами были: «Я вас вздеру» [3, с. 14]. Многие правоведы, испытавшие на себе розги, воспринимали инспектора как излишне придирчивого и несправедливого «секуна». Однако были и те, кто считал его порядочным человеком: Рутенберг крайне отрицательно относился к доносительству со стороны как воспитанников, так и воспитателей [12, с. 33]. В любом случае изменение порядков привело к отдалению правоведов от своих наставников. «С назначением офицеров стали предъявляться к воспитанникам строгие требования почти военной выправки и дисциплины, и прежние патриархальные, добродушные отношения воспитанников к воспита-

телям заменились отношениями скорее формальными и строевыми» [3, с. 6].

Военизации обстановки способствовал и новый директор А.П. Языков. Во время выступления декабристов, а затем при подавлении польского восстания он зарекомендовал себя как честный служака, искренне преданный правительству и готовый исполнить приказ любой ценой. Поэтому именно ему доверили важную миссию возвращения в училище духа верноподданности. К этой задаче он подошел с привычной для себя позиции: ввёл строевую подготовку, хождение в столовую «колонной по два», причем, как отмечали подопечные, «усиливал свою строгость после каждого отдельного случая неповиновения и строптивости». Малейшее отступление от правил сурово каралось: «За то, что мы ходили не в ногу в строю, нас ставили за чёрный стол во время обеда или завтрака» [3, с. 5—6].

Особое внимание стало уделяться борьбе с вредными привычками правovedов. «Курили в душник, в форточку, курили в классах, в спальнях, на лестницах, “в камерах свободных прений”»; курили не только отчаянные головы, но и многие из благонравных учеников» [1, с. 201]. Отныне за обнаружение запаха табака в комнате воспитанника весь его класс мог остаться без отпуска на несколько недель. Усилилось внимание к внешнему виду: неопрятность в одежде или причёске могла повлечь серьёзные взыскания. Воспитанники должны выказывать беспрекословное повиновение: «Никаких объяснений, никаких возражений, никаких опозданий начальство не допускало» [11, с. 161].

Не отличались отеческим отношением и некоторые воспитатели-офицеры. В 1849—1855 гг. из их числа в училище поступило 13 классных чел. С их приходом из гражданского состава осталось только 4 чел. Все они окончили военные учебные заведения, причем троё — Артиллерийское училище, т.е. имели серьёзную научную подготовку. Срок их службы был не очень долог, в среднем 3—7 лет. Во многом это было связано с тем, что в 1856 г. вновь разрешили назначать воспитателями гражданских лиц, а занятие офицерами таких должностей считал нежелательным сам Александр II. Несмотря на это, три офицера остались надолго: Е.Ф. Герцог прослужил 38 года, Э.Ф. Шульц — 22 года, В.М. Лермонтов — 37 лет.

После окончания «мрачного семилетия» и восшествия на престол Александра II, воспитательная система училища начала испытывать воздействие либеральных идей. Военная муштра и применение розог ушли в прошлое [10, с. 153]. Ольденбургский с воодушевлением воспринял перемены и назначил инспектором воспитанников в 1856 г. подполковника артиллерии И.С. Алопеуса. В отличие от Рутенберга он сначала был определён в качестве дежурного, а затем классного воспитателя и лишь спустя четыре года

повышен до инспектора, таким образом успев приобрести педагогический опыт. Кроме того, по своему характеру он выгодно отличался от большинства «фрунтовилов»: «...чуть ли не самый добрый и мягкий из воспитателей-офицеров» [1, с. 204]. Изменилось и поведение других сотрудников училища: «Языков стал мягче и менее взбалмошным, а за ним и наши воспитатели. Во всех отношениях начальства к нам явилось больше естественности, простоты и искренности» [3, с. 62]. Со второй половины 1850-х гг. в должности классных воспитателей побывало еще 8 чел., из них лишь двое остались в нём надолго (Ф.Ф. Фридрице — 11 лет, Э.Ф. Шнейдер — 26 лет). В воспоминаниях воспитанников этот период связан с повышением лояльности со стороны руководства и появлением нового духа, который «вывел из моды военные училищные парады, сокращал по возможности военную училищную формалистику» [13, с. 6].

За первые 25 лет существования Императорского училища правоведения в нём, как и в других закрытых учебных заведениях, сформировался особый подход к воспитательной политике как средству формирования преданности монархии. Она трансформировалась от мягкого милитаризма к жёсткому, а затем к либерализации. Директора и воспитатели строили работу исходя из общих настроений и желаний как попечителя, так и императора. Но ключевую роль в формировании личности будущих юристов играли не столько формальные правила, сколько конкретные люди, их реализующие. Мальчишки как лакмусовая бумага считывали отношения заботы и безразличия, любви и презрения. Одним из главных отличий системы училища правоведения от систем других закрытых учебных заведений стало личное участие в ней попечителя П.Г. Ольденбургского.

Список литературы

1. *Арсеньев К.К.* Воспоминания об училище правоведения // Русская старина. 1886. № 4. С. 199—220.
2. *Балин Н.П.* Петрашевцы и их время // Каторга и ссылка. 1930. № 1—2. С. 80—89.
3. *Мещерский В.П.* Мои воспоминания. Т. 1. СПб., 1897. 453 с.
4. *Михайлов А.В.* Из прошлого // Русская школа. 1900. № 1.
5. Полное собрание законов Российской империи (далее — ПСЗ РИ). Собр. 2-е. Т. 13. Ч. 1. № 11363.
6. Российский государственный исторический архив (далее — РГИА) Ф. 1348. Оп. 4. 1841. Д. 290.
7. РГИА. Ф. 759. Оп. 21. Д. 236.

8. *Стасов В.В.* Училище правоведения сорок лет тому назад // Избранные сочинения в 3 т. Живопись. Скульптура. Музыка. Т. 2. М.: Искусство, 1952. С. 299—390.
9. Статистические сведения о личном составе воспитанников и хозяйственной части Императорского Училища правоведения за 50 лет его существования. СПб.: Тип. Л. Знакова, 1886. 323 с.
10. *Сюзор Г.* Ко дню LXXV юбилея Императорского училища правоведения (исторический очерк). СПб.: Государственная типография, 1910. 514 с.
11. *Танеев В.И.* Детство. Юность. Мысли о будущем. М.: Изд-во АН СССР, 1959. 713 с.
12. *Тютчев И.А.* В Училище правоведения. СПб.: тип. В.С. Балашева, 1885. 48 с.
13. *Устимович П.А.* Общественное воспитание и образование в России. Записки об училище правоведения. СПб.: Тип. В. Демакова, 1869. 160 с.
14. Центральный исторический архив Санкт-Петербурга (далее — ЦГИА СПб). Ф. 355. Оп. 1. Д. 4030.
15. ЦГИА СПб. Ф. 355. Оп. 1. Д. 4132.

Александр Фёдорович Гильфердинг и Московский университет. Штрихи к биографии слависта**

Аннотация. Статья посвящена известному отечественному слависту, дипломату и общественному деятелю, славянофилу. На основе архивных материалов рассказывается о малоизвестных страницах его биографии, приводятся данные о поступлении Гильфердинга в университет, подробно разбирается история с защитой магистерской диссертации.

Ключевые слова: Московский университет, славистика, А.Ф. Гильфердинг, О.М. Бодянский, В.И. Григорович.

ALEXANDER F. HILFERDING AND THE IMPERIAL MOSCOW UNIVERSITY. DETAILS OF THE SLAVIST'S BIOGRAPHY

Abstract. Alexander F. Hilferding (1831—1872) was a famous Russian Slavist, statesman and public figure, Slavophile. His development as a scientist took place at the Imperial Moscow University, where from 1848 to 1852 he studied at the faculty of history and philology, and a year later defended his dissertation. The fate of Hilferding's grandfather and father, as well as his ward from Herzegovina Jovan Drech was connected with this University. The article is based on archival materials from the Central state archive of the city of Moscow and the Department of manuscripts of the Russian State Library. Documents shed light on little-known pages of the biography of the Slavist representing information about the enrollment of Hilferding to the University, a list of his classmates, and the history of the defense of his dissertation.

Keywords: Imperial Moscow University, Slavic studies, A.F. Hilferding, O.M. Bodyansky, V.I. Grigovich.

Александр Фёдорович Гильфердинг (1831—1872) — известный славист, дипломат, общественный деятель, славянофил. Исследователи неоднократно обращались к изучению его работ и биографии. Наибольшее внимание личности и работам Гильфердинга уделяла Л.П. Лаптева [см.: 7, с. 256—298]. Относительно недавно вышла объёмная монография исследователя из Липецка А.В. Черных [26], основанная на огромном массиве литературы. Анализируются многочисленные труды учёного по истории сербов, болгар, чехов, хорватов, поляков, балтийских славян, а также его деятельность по сбору этнографического материала на Русском Севере. Тем не менее в биографии слависта всё ещё остают-

* **Ксения Валерьевна Мельчакова** — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института славяноведения Российской академии наук (Москва, Россия), e-mail: kmelchakova@mail.ru

Ksenia V. Melchakova — Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

** Материал подготовлен в рамках работы над проектом РФФИ № 18-09-00346.

ся «белые пятна». В предлагаемом очерке речь пойдёт о его обучении в Московском университете и защите там магистерской диссертации. Эта тема частично освещена в историографии. В 2018 г. вышла статья, написанная на архивных материалах Москвы и Санкт-Петербурга [1]. Многие из использованных в ней документов известны и автору данного очерка. В случае их цитирования в сносках даны ссылки на архивы.

Источниковой базой исследования послужили документы из Центрального государственного архива г. Москвы (ЦГА Москвы) и Отдела рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ).

Семейство Гильфердингов обосновалось в России в начале XVIII в. Дедушка слависта Иван Фёдорович (1771—1836) обучался в Московском университете, в 1797—1824 гг. преподавал немецкий язык в университетском благородном пансионе (гимназии) [14, с. 204—205; 22, л. 2—4, 16—19 об.]. При этом же пансионе в 1815 г. со званием студента окончил курс обучения отец учёного Фёдор Иванович (1798—1864). До 1818 г. он слушал лекции в университете, затем уволился по собственному желанию и начал работу в Министерстве иностранных дел, дослужившись до поста директора департамента внутренних сношений [14, с. 206—207].

Александр Фёдорович, хоть «родом был не славянин» [20] душу и мысли отдал славянству. Одним из его первых учителей был педагог, славяновед И.И. Паплонский (1819—1885). Возможно, именно он способствовал пробуждению интереса Гильфердинга-младшего. В 15 лет молодой человек решил принять православную веру. В историографии принято считать, что на этот шаг его подвигло увлечение славистикой. Но возможно, что ещё одним фактором явилось разбирательство, в котором его семья доказывала принадлежность к дворянскому сословию [22]. Примерно в это же время по православному обряду начал крестить детей и дядя нашего героя Николай Иванович [22]. К моменту поступления в университет Александр Фёдорович владел древними и новыми языками, прекрасно знал латынь и древнегреческий. К этому времени из жизни ушла его мать будущего слависта Амалия Яковлевна (урожд. де-Витте). Фёдор Иванович служил в канцелярии наместника в Царстве Польском И.Ф. Паскевича. Он и сын жили в Варшаве.

Гильфердинг решил пойти по стопам деда и отца и в июле 1848 г. направил из Варшавы прошение о зачислении в Московский университет «по разряду общей словесности» философского факультета (историко-филологическое отделение стало самостоятельным факультетом позже, в 1850 г.) [23, л. 1]. Обучаться он планировал за свой счёт. Явиться в срок к вступительному экзамену ему не удалось из-за «простудной горячки» [23, л. 2—3]. Несмотря на неприятную заминку, он стал студентом и решил специализироваться на изучении славянской филологии.

В это время в университете работали такие именитые преподаватели как С.П. Шевырѐв [см.: 1] и О.М. Бодянский. В 1848 г. один семестр для студентов читал В.И. Григорович. Александр Фёдорович стал преданным поклонником этого учёного, восхищался его «Очерком истории путешествия по Европейской Турции» [5], после отъезда Григоровича в Казань поддерживал с ним дружескую переписку, посылал на суд свои труды [12, л. 55 об. — 57; 13, л. 1—4]. Григорович, в свою очередь, направлял Гильфердингу книги и учебные материалы, давал советы. Именно он познакомил Александра Фёдоровича с народными песнями, изданными В. Караджичем. По ним Гильфердинг изучал сербский язык.

На курсе вместе с Гильфердингом обучалось 27 студентов. В архивах не удалось обнаружить его переписки с кем-либо из однокурсников. Набор студентов 1848 г. оказался небогат на славяноведов. Курсом старше же учились такие известные слависты, как С.П. Микуцкий и П.А. Бессонов, а также историк, литературовед и издатель П.И. Бартенев [25, л. 4]. Гильфердингу случалось выступать посредником в их общении с Григоровичем [12, л. 57]. Контакты с ними он поддерживал и после окончания учёбы.

Учился Александр Фёдорович на отлично [1, с. 111—116], с блестящим окончил университет со степенью кандидата [24, л. 3] и переехал в Петербург, где поступил на службу в Азиатский департамент МИД, но не оставил научной деятельности. В 1853 г. в Санкт-Петербурге вышло его исследование «О сродстве языка славянского с санскритским». На основе этой работы он составил магистерскую диссертацию и отправился держать экзамен в родные пенаты. Материалы аттестационного дела хранятся в ЦГА Москвы [24]. Из них ясно, что работа вызвала много вопросов и споров. Помимо защиты диссертации Гильфердинг держал экзамены [1, с. 116—117]. В письменной части испытания он отвечал на три вопроса: 1. Характер чешской словесности XIV в., отдели её и важнейшие памятники законовещения (21 сентября 1853 г.); 2. Придыхательные в индоевропейских наречиях вообще и в славянских в особенности (23 сентября 1853 г.); 3. Состав и характер земель сербских в государственном отношении (25 сентября 1853 г.). За все ответы получил от Бодянского отметки «удовлетворительно» [24, л. 17—24 об.], который также составил отзыв на диссертацию [24, л. 11—16]. Из него мы узнаем главную претензию к соискателю — санскрита он не знал совершенно, хотя именно с ним и сравнивал славянские языки. Указывалось и на то, что в основе исследования Гильфердинга лежит неопубликованное сочинение некоего автора. Заканчивался отзыв следующим пожеланием: «Черпать из самого источника, а не из вторых, статья может, даже десятых рук» [24, л. 16].

Вероятнее всего под «десятыми руками» имелся в виду черновик книги А.С. Хомякова «Сравнение русских слов с санскритскими», ко-

торая увидела свет только в 1855 г. [21]. Об этом свидетельствует письмо Гильфердинга М.П. Погодину, написанное 24 октября 1860 г. по случаю кончины Хомякова [10, л. 24—31] и содержащее слова покойного по поводу труда: «Совершён он при всех возможных препятствиях и вдали от всех возможных пособий, частью в деревне, частью на почтовых станциях и на заводе между фабричных работ. Сравнил я сlishком тысячу слов санскритских с русскими, предпочитая вообще формы более развитые первообразным для яснейшего показания сродства этих двух языков, и удерживая только сходства самые разительные за исключением сомнительных или даже несомненных, но требующих в читателе большого знакомства с перерождением звуков» [10, л. 28 об.]. Учитывая это, претензии Бодянского к соискателю кажутся вполне обоснованными.

Несмотря на слабость работы и недовольство ряда преподавателей, Гильфердинга допустили к защите. Бодянский оставил в дневнике запись об этих событиях: «Как обещал, так и сделал: пропустил его на испытании и состязании, хотя и то и другое были очень слабы, и только в память прекрасных студенческих занятий его, сжалился над ним после долгого колебания, давши, однако, слово, никогда не делать подобного послабления никому. Конечно, через год нельзя было приготовиться ему к испытанию достойным образом; но в таком случае, кто же поторопил его? Не пропустить же значило бы, статья может, навсегда убить в нём охоту к занятиям славянщиной, к которой так мало у нас ещё охотников, даже между учащимися» [9, с. 96—97; 11, л. 18—19]. Магистерские диссертации на эту тему действительно были редким явлением в те годы. Защиту научного труда Гильфердинг провел великолепно. В дневнике профессор записал: «Защитение было блестящее, так что многие остались им, и мною, из профессоров недовольными, но зато дело выиграно и публика разъехалась совершенно уверенною в превосходстве защищавшегося перед всеми его возражателями» [9, с. 96—97; 11, л. 18—19].

В пользу того, что история с защитой Гильфердинга имела резонанс, говорит и несколько резкий ответ Александра Фёдоровича М.П. Погодину об этом событии: «Относительно того, что Вы изволите писать о моём диспуте, говорю чистосердечно, что ничего не понимаю, и могу только крайне удивиться словам Вашим. Совета никакого на этот счёт я ни от кого не принимал, хотя, естественно, у многих лиц расспрашивал о деле совершенно для меня новом и довольно конфузном. Кто меня сколько-нибудь знает, засвидетельствует, что, питая всегда должное уважение к наставникам и старшим, я не люблю однако же отдавать свой ум в чужую власть. Может быть это с моей стороны тщеславие, но я не сознаю, чтобы мой диспут был дурён. Я счёл бы его дурным, если бы или ударил лицом в грязь, или вёл себя непристойно. Ни того, ни другого не было, по моему сознанию и по отзы-

вам людей, суждение которых я наиболее ценю, и которые так ко мне близки, что не скрыли бы от меня правды» [10, л. 3 об.].

Не совсем ясно, о каком совете речь. Возможно, ответ на этот вопрос вновь кроется в дневнике Бодянского, в котором тот утверждает, что наставлял соискателя «рубить направо и налево», не щадя даже своего профессора [9, с. 96—97; 11, л. 18—19]. Как бы то ни было, 23 декабря 1853 г. Гильфердингу присвоили степень магистра славянской словесности [24, л. 26]. Он не подвёл *alma mater* и до конца дней занимался изучением истории, филологии и этнографии славян. Причём он не был кабинетным учёным: следуя заветам и советам Григоровича, много ездил по славянским землям, собирая материал для исследований. В 1854 г. совершил поездку по Северной Германии. В результате на свет появились его работы о балтийских славянах [3]. В 1856 г. состоялось путешествие по землям южных славян. А в 1857 г. он получил долгожданное назначение на должность консула в Сараево. Босния и Герцеговина в то время была настоящей *terra incognita* не только для русской науки и общества, но и для внешнеполитического ведомства. Край этот именовался «диким», несение службы в котором дипломаты порой воспринимали как наказание. Гильфердинг же сам напросился туда. Он занимал пост консула около года. За это время объездил все вверенные его вниманию области и составил сочинение «Босния, Герцеговина и Старая Сербия» [2], которое и по сей день остаётся одним из главных источников для изучения истории региона в XIX в.

Из Герцеговины Александр Фёдорович привёз в Россию юного и талантливого уроженца Мостара Йована Дреча [8, с. 271—273]. Воспитаннику Гильфердинга также довелось побывать в числе студентов Московского университета. Какое-то время молодой человек жил в доме у Гильфердингов, обучался в Санкт-Петербургской гимназии и университете. А в 1869 г. перевёлся на медицинский факультет Московского университета, где учился до 1872 г. Учёбу Дреч окончил, участие в деле национального освобождения подвигло его в спешке вернуться на родину. Однако полученные знания не пропали даром. Во время Герцеговинского восстания 1875—1878 гг. он заведовал черногорским госпиталем в Даниловграде [19, с. 480], а затем обосновался в Цетинье (Черногория) и открыл там аптеку [4].

Гильфердинг же из каждой поездки возвращался с богатой научной добычей. Летом 1872 г. он отправился в очередную экспедицию на Русский Север, где собирал былины и народные предания. Там он заболел тифом и скоропостижно скончался в Каргополе [16, с. 1]. По просьбе вдовы (с 1859 г. Гильфердинг состоял в браке с Варварой Францевной Ридель) тело слависта перевезли в Петербург [17, с. 467—468] и похоронили на кладбище Новодевичьего монастыря.

Когда-то пошедший на уступки Гильфердингу Бодянский не ошибся. Хотя питомцу Московского университета оказался отпущен всего 41 год жизни, он внёс существенный вклад в славистику. Четырехтомное собрание его сочинений по сей день представляет большой интерес для исследователей славян [18].

Список литературы

1. *Гаврилов И.Б., Калитин В.А.* А.Ф. Гильфердинг и С.П. Шевырёв: малоизвестные страницы из Истории Московского университета (по архивным материалам) // Христианское чтение. 2018. № 6. С. 108—129.
2. *Гильфердинг А.Ф.* Босния, Герцеговина и Старая Сербия. СПб.: В Тип. Императорской Академии наук, 1859. 694 с.
3. *Гильфердинг А.Ф.* История балтийских славян. Т. 1. М.: В Тип. В. Готье, 1855. 322 с.
4. *Голицын (Муравлин) Д.* У синя моря. Путевые очерки Черногории и Далматинского побережья. СПб.: Гос. тип., 1896. 163 с.
5. *Григорович В.И.* Очерк путешествия по Европейской Турции, Виктора Григоровича (С картою окрестностей охрид. и преспан. озер). Казань: тип. Императорского университета, 1848. 216 с.
6. Деятели революционного движения России: био-библиографический словарь. От предшественников декабристов до падения царизма. М., 1927—1934. Т. 2: Семидесятые годы. Вып. 3: М—Р / Сост. А.А. Шилов, М.Г. Карнаухова. М.: Изд-во Всесоюзного о-ва политических каторжан и ссыльно-поселенцев, 1931. 837—1384 стлб.
7. *Латтева Л.П.* История славяноведения в России в XIX в. М.: Индрик, 2005. 848 с.
8. *Мельчакова К.В.* Босния и Герцеговина в общественно-политической жизни России в 1856—1875 гг. М.: Индрик, 2019. 432 с.
9. *Бодянский О.М.* Дневник 1852—1857. М.: Русский мир, жизнь и мысль, 2006.
10. Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (далее — ОР РГБ). Ф. 231/II. Картон 8. Ед. хр. 2.
11. ОР РГБ. Ф. 36. П. VI. Д. 1.
12. ОР РГБ. Ф. 86. Картон 1. Ед. хр. 16.
13. ОР РГБ. Ф. 86. Картон 4. Ед. хр. 38.
14. Русский биографический словарь. Т. V. Герберский—Гогенлоэ. СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1916.
15. Русский биографический словарь. Т. X. Лябзина—Лященко. СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1914.
16. Санкт-Петербургские ведомости. 1872. № 195.
17. *Семевский М.И.* Александр Фёдорович Гильфердинг // Русская старина. 1872. Т. VI. № 10. С. 452—470.
18. Собрание сочинений А. Гильфердинга [в 4 т.]. СПб.: печатня В. Головина, 1868—1874.
19. *Тениш И.* Босна и Херцеговина у руским изворима (1856—1878). Сарајево: Веселин Маслеша, 1988. 586 с.
20. *Тютчев Ф.И.* Памяти А.Ф. Гильфердинга // Полное собрание сочинений Ф.И. Тютчева. СПб.: Издание Т-ва А.Ф. Маркс, 1913. С. 226.
21. *Хомяков А.* Сравнение русских слов с санскритскими. СПб.: тип. Акад. наук, 1855. 67 с.
22. Центральный государственный архив г. Москвы (далее — ЦГА Москвы). Ф. 4. Оп. 8. Д. 326.
23. ЦГА Москвы. Ф. 418. Оп. 17. Д. 134.
24. ЦГА Москвы. Ф. 418. Оп. 22. Д. 381.
25. ЦГА Москвы. Ф. 418. Оп. 268. Д. 8.
26. *Черных А.В.* Государственная, дипломатическая и общественно-политическая деятельность А.Ф. Гильфердинга (1831—1872). Липецк: Гравис, 2017. 399 с.

Введение «Городового положения» 1870 г. в Туркестанском генерал-губернаторстве: к 150-летию городской реформы Александра II

Аннотация. В статье рассматриваются основные положения городской реформы 1870 г. и её реализация на территории Туркестанского генерал-губернаторства с учётом административных потребностей и специфики края. Отмечается роль данной реформы в процессе преобразования системы управления региона и его интеграции в общеимперское пространство. Описаны процесс создания новых органов городского самоуправления в крае, некоторые недостатки реформы, характерные для всех российских городов и Туркестанского края в частности. Вместе с тем, устанавливается факт соответствия реформы общему курсу правительства по модернизации самоуправления в соответствии с реальными потребностями развития провинциальных городов во второй половине XIX в.

Ключевые слова: Российская империя, Туркестанское генерал-губернаторство, «Городовое положение» 1870 г., городская Дума и Управа, гласные.

INTRODUCTION of the «CITY REGULATIONS» of 1870 IN THE TURKESTAN GENERAL GOVERNMENT: TO THE 150TH ANNIVERSARY OF THE CITY REFORM OF ALEXANDER II

Abstract. The article considers the main provisions of the city reform of 1870 and its implementation on the territory of the Turkestan general-government in 1877, taking into account local administrative needs and the specifics of the region. The role of this reform in the process of transformation of the region's management system and its integration into the common Imperial space is noted. The author gives an idea of the process of creating new city self-government bodies in the region, draws attention to some shortcomings of the urban reform of 1870, which were characteristic of all Russian cities and the Turkestan region separately. In particular, the introduced electoral system, in practice, did not allow for equal representation of the local and foreign «european» population in Tashkent to have an elected head until 1905. At the same time, it is established that the reform corresponds to the General course of the government to modernize city self-government in accordance with the real needs of the development of provincial cities in the second half of the XIX century.

Keywords: Russian Empire, Turkestan general-government, «City regulations» of 1870, city Duma and Council, vowels.

* **Сабир Анарбоевна Юсупова** — аспирант кафедры истории России Государственного академического университета гуманитарных наук (Москва, Россия). e-mail: siusupova@gaugn.ru

Sabira A. Yusupova — Post-graduate Student of the Department of Russian History, State Academic University for the Humanities. Moscow, Russia.

Расширение территории России, а также увеличение численности населения её городов требовали создания эффективной системы управления, что нашло отражение в реформах городского самоуправления второй половины XIX в. [1, с. 11]. В этот же период в составе империи появилась новая административно-территориальная единица — Туркестанское генерал-губернаторство. Постепенная интеграция региона в общеимперское пространство изменяла тамошнюю городскую повседневность в сторону европейского уклада. В связи с этим представляет интерес изучение особенностей осуществления в нём городской реформы второй половины XIX в.

Начало городскому самоуправлению в России положил Пётр I. В конце XVII в. им были учреждены бурмистрские избы, позже заменённые на магистраты, а в 1727 г. переименованные в ратуши. Следующий, пожалуй, самый важный этап приходится на время царствования Екатерины II: «Грамотой на права и выгоды городам Российской империи» (1785) создавались городские Думы. Попытку упразднить городское самоуправление предпринял Павел I, но Александр I манифестом от 2 апреля 1801 г. торжественно подтвердил грамоту Екатерины II. Решительный шаг в реформировании системы предпринял Александр II, поручив подготовить проект реформы. Итогом 8-летней работы стало «Городовое положение», заменило сословно-бюрократические органы управления всесловными, которое император утвердил 16 июня 1870 г. Оно вводилось в 509 городах Российской империи, но этот процесс не был единовременным. К примеру, в городах Псковской губ. выборы в новые Думы затянулись до 1876 г. [11, с. 27].

Нужно отметить ряд исследований, проведённых на региональном материале и посвящённых изучению городского самоуправления Российской империи второй половины XIX — начала XX в. С другой стороны, ими охвачены ещё не все города. Одна из причин в том, что дореволюционная модель сегодня исследуется лишь в рамках современных границ России. Это оставляет за рамками истории отдельных регионов империи, в т.ч. Туркестана.

Среди современных учёных, освещающих данный вопрос, стоит выделить Т.В. Котюкову — крупного специалиста по истории Центральной Азии XIX—XX вв., которая неоднократно уделяла внимание становлению и развитию городского самоуправления в Туркестанском кр. [5, 6]. В рамках изучения системы управления регионом данную проблематику также рассматривали С.Н. Абашин, Р.Ю. Почакаев и М.Е. Шушкова, узбекские исследователи Р.Ю. Турсунова [19, 20] и Г.Р. Маликова [8, 9]. Последними с опорой на архивные документы Национального архива Республики Узбекистан рассмотрены значение и влияние реформы 1870 г. на местное насе-

ление. Большинство работ посвящены истории ташкентского городского самоуправления, и содержат скудную информацию о его развитии в других городах, например, Верном. Среди казахских исследователей деятельность тамошнего городского самоуправления в основном освещалась в истории города и его почётных жителей [1, 7, 12]. Всё это свидетельствует об отсутствии комплексного и сравнительного анализа органов самоуправления генерал-губернаторства.

«Городовое положение» введено в регионе в 1877 г., хотя законом этого не предусматривалось. В качестве первоначального опыта оно действовало только в двух городах — Ташкенте и Верном. Выбор объяснялся тем, что они являлись главными центрами административной и торговой деятельности края, а также в них насчитывалось наибольшее число «европейского» (прежде всего русского) населения. Причем Ташкент оказался единственным городом в Российской империи, где положение 1870 г. действовало до 1917 г.

Высоко оценил реформу 1870 г. тайный советник Ф.К. Гирс, который проводил сенаторскую ревизию края в 1882 г. и инспектировал в т.ч. органы самоуправления. Он отметил, что это «одно из важнейших законодательных мероприятий в Бозе почившего Государя Императора, главная цель которого заключалась в возможности дать городскому обществу самому принимать участие в ведении городского хозяйства и положить предел злоупотреблениям, существовавшим во время заведывания хозяйством администрацией» [3, с. 110 —111].

Введению положения в Туркестане поспособствовал генерал-адъютант К.П. фон Кауфман, который не только инициировал проведение реформы в регионе, но и лично принимал участие в составлении проекта изменений и дополнений к положению для Ташкента. На одном из первых заседаний городской Думы гласный М.Н. Колесников отметил, что, даровав городскому обществу самоуправление, Кауфман совершил преобразование, результат которого будет благодетелен для общественного устройства и городского хозяйства, и предложил поднести ему благодарственный адрес [16]. А гласные Верненской Думы на заседании 1878 г. предложили воздвигнуть в северо-западной части города храм, по возможности завершив строительство к 16 июня 1880 г. — дню десятилетия «Городового положения» [17].

Работа по вопросу организации городского управления общеимперского образца в крае велась вплоть до 1917 г. Распространение положения на остальные города региона оттягивали сомнения со стороны государственной власти и краевой администрации относительно предоставления такого права местному населению. А правила применения «Городового положения» к Ташкенту с изменениями и дополнениями были официально утверждены только в 1888 г.

В ведение городского общественного управления в целом входили дела по внешнему благоустройству города, здравоохранению, образованию, принятию мер предосторожности против пожаров и других бедствий и по обеспечению от причиняемых ими убытков, развитию местной торговли, промышленности и другие обязанности, возлагаемые законом на общественное управление. В Туркестане добавлялось также содержание ирригационных сооружений для снабжения водой жителей и орошения городских земель.

Структура городского самоуправления определялась ст. 15 положения и состояла из трёх учреждений: городские избирательные собрания, городская Дума и городская Управа [2].

Собрания действовали один раз в четыре года в период выборов гласных. Хотя новые органы городского самоуправления учреждались как всеобщие, избирательным правом пользовались далеко не все обыватели. Для этого необходимо было быть российским поданным 25 лет и старше, владеть недвижимым имуществом в черте города и не иметь задолженностей по сборам. Женщины не имели права голоса, но могли передать его по доверенности ближайшим родственникам. Круг таких лиц также оговаривался в положении. В выборах имели право принимать участие и учреждения, владеющие недвижимым имуществом, с которого взимался налог или уплачивались установленные сборы за право торговли и промыслов, через своих представителей. В Туркестане к таким учреждениям относились также мечети и медресе, вакуфы, с которых взимался сбор в пользу города [13].

Для введения положения в генерал-губернаторстве, где органы самоуправления не реформировались, а создавались, образовали специальные комиссии для подготовки к выборам. Они составляли списки, устанавливали даты и созывали городские избирательные собрания. В Ташкенте комиссию собрали 27 июня 1877 г. под председательством военного и гражданского губернаторов Сырдарьинской обл. в составе начальника города, двух делопроизводителей канцелярии генерал-губернатора, двух членов хозяйственного управления, двух туземцев и переводчика. В Верном — 17 августа под председательством помощника военного губернатора в составе судьи 1-го участка, начальника отделения областного правления, правителя канцелярии по кульдунским делами, двух чиновников особых поручений, младшего инженера, городничего и помощника начальника уезда.

Избирателей распределяли по трём разрядам в зависимости от суммы уплачиваемых ими сборов. При этом каждый разряд выбирал в Думу одинаковое количество гласных. Данное обстоятельство не позволяло реализовать равное представительство от каждого слоя

городского населения. В большинстве городов гласными выбирались представители наиболее состоятельной части домовладельцев, торгово-промышленного сословия, поскольку их личные качества, управленческий и предпринимательский опыт способствовали совершенствованию городского хозяйства.

Города генерал-губернаторства имели различный социальный состав, который формировался на основе коренного и пришлого «европейского» населения. Это приводило к введению дополнительных норм регулирования процесса выборов. Лицам нехристианского вероисповедания предоставлялась возможность избрать из своей среды одну треть состава гласных Думы. Остальные две трети должны были избираться из христиан, которые составляли незначительную часть городского населения [8, с. 23]. На первые выборы в Ташкенте явилось 12 471 избирателей (из них христиан 383); 1-й разряд составили 2 507 чел., 2-й — 4 379, 3-й — 5 585 [18]. На первое четырёхлетие (1877—1881) избрали 71 гласного, из них 14 офицеров, 40 купцов и 17 человек различных профессий (врач, инженер, священник, архитектор, нотариус и др.) [6, с. 207]. Представителей местного населения было лишь 20, среди них известные купцы и землевладельцы [4, с. 50].

Выборы производились закрытой подачей голосов, посредством баллотировки шарами (для каждого кандидата предназначался отдельный ящик). Шар белого цвета означал согласие с кандидатурой, за которого голосовал избиратель, чёрный, соответственно, несогласие. Избиратель опускал шар в отверстие сверху ящика, оставляя его либо в правой части (за кандидата), либо в левой (против). Затем он переходил к следующему ящику, и всё повторялось. Зачастую выбор, за кого положить шар, определялся по принципу: «знаком, чай пил у меня, на тамашу к себе звал, ну и достаточно, пусть его сидит в Думе» [18].

6 и 9 ноября 1877 г. прошли выборы гласных и головы Верненской городской Думы. Избрано 60 гласных (47 христиан и 13 мусульман) и кандидаты к ним (20 христиан и 3 не христиан) [14].

30 августа Ташкентская Дума была открыта генерал-губернатором, а 17 ноября последовало открытие Верненской. Совместные заседания представителей азиатской и русской части города призывались сблизить жителей через совместную деятельность, но на практике это удавалось не всегда. Так, в Ташкенте «туземцы не раз заявляли свои претензии на неправильность распределения расходов между двумя частями города», часто многие вопросы разрешались не в пользу азиатской части города (во многом по причине их меньшего представительства) [3, с. 113].

Постоянно действующим органом являлась Управа, на неё возлагались административные задачи. Возглавлял Думу и Упра-

ву городской голова, в чьих руках находилась распорядительная и исполнительная ветви власти. Он избирался из числа гласных, затем кандидатура утверждалась в Министерстве внутренних дел. В Ташкенте первое время на эту должность назначал и утверждал генерал-губернатор [13], а с 1889 г. — военный министр [6, с. 208]. Поэтому первым городским головой стал назначен начальником города, военный инженер генерал-майор Э.П. Пукалов, а первым избранным головой Верного после утверждения военным губернатором стал потомственный почетный гражданин города, архитектор П.М. Зенков.

Число членов Управы определялось Думой в количестве не менее двух (помимо председателя — городского головы). Для городов Туркестана дополнительно устанавливалось, что третья часть состава Управы должна состоять из представителей туземного населения, знающих русский язык [1, с. 11]. Согласно «Городовому положению» и правилам в 1877 г. Ташкентская Управа преступила к обязанностям в составе 6 членов: К.А. Максимовича, С. Батыршина, Ф.Д. Зуева, М.Р. Келлера, А.И. Розенфельда и муллы Ю. Тойчинбаева, а Верненская — в составе 2 членов: П.А. Затиньщикова и И.Д. Лугманова [15]. Для надзора за деятельностью Дум и Управ создавались губернские по городским делам присутствия под председательством губернатора. Такие органы учреждались в Ташкенте и Верном — Сырдарьинское и Семиреченское областное по городским делам присутствие под председательством военного губернатора.

Стоит отметить, что большими полномочиями наделялся генерал-губернатор Туркестанского кр. Помимо этого, в его введение перешла часть вопросов, которые в других губернских городах рассматривало Министерство внутренних дел («Городовое положение», ст. 12—13, 92, 113, 115, 122—124). Среди них: утверждение нового городского плана и внесение в него изменений, утверждение определений Думы об устройстве на участках сооружений, стесняющих проход или проезд, о займах, поручительствах или гарантиях от имени города в тех случаях, когда сумма обязательств превышает сумму доходов за два последних года.

Подводя итог, можно отметить, что введение «Городового положения» закрепило систему бессловных органов общественного управления и приобщило горожан к гражданской жизни. Однако закон имел существенные недостатки в части несовершенства избирательной системы, соединения в руках городского главы всей власти. Не предусматривались агитация или предвыборные кампании. Тем не менее распространение общегосударственного законодательства на территории Центральной Азии во второй половине XIX в. позволяет рассматривать Русский Туркестан как национальную окраину,

которую неуклонно стремились к органическому соединению в единое целое с другими частями империи.

Список литературы

1. *Букетов Н.А.* Верненские истории. Алматы: Елнұр, 2011. 240 с.
2. Высочайше утвержденное «Городовое положение» от 16 июня 1870 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. II. Т. XLV. Отд. 1-е. № 48498. СПб, 1874. С. 821—839.
3. *Гирс Ф.К.* Отчёт ревизирующего по Высочайшему Повелению Туркестанский край, тайного советника Гирса. СПб., 1882. 465 с.
4. *Кастельская З.Д.* Из истории Туркестанского края. М.: Наука, 1980. 120 с.
5. *Котюкова Т.В.* «То, что казалось полгода тому назад недостижимой мечтой, сегодня уже является недостаточно смелым». Доклад ташкентского городского головы Н.Г. Малицкого о реформе городского самоуправления в Туркестане. Апрель 1917 г. // Исторический архив. 2012. № 2. С. 99—114.
6. *Котюкова Т.В.* Окраина на особом положении... Туркестан в преддверии драмы // Между махаллём и горсоветом: выборное городское самоуправление в Туркестане. М.: Научно-политическая книга, 2016. С. 203—232.
7. *Лухтанов А.Г.* Город Верный и Семиреченская область. Энциклопедическое издание. Алматы: ТОО ЦДК «Глобус», 2011. 324 с.
8. *Маликова Г.Р.* История формирования и деятельности городских дум Туркестанского края / Хукукий тадқиқотлар журнали. Ташкент. 2017. № 2. С. 20—45.
9. *Маликова Г.Р.* Ташкентская городская дума: историко-правовой аспект // Избирательное право. Иркутск, 2018. № 2. С. 52—59.
10. *Нардова В.А.* Городское самоуправление в России в 60-х — начале 90-х годов XIX в. Л., 1984. 260 с.
11. *Никитина Н.П., Юсупова С.А.* Выборы гласных в Думы Псковской губернии по городovým положениям 1870 и 1892 гг.: сравнительный анализ // Молодежь в науке: новые аргументы. Сб. науч. раб. II-го Международного молодежного конкурса / Отв. ред. А.В. Горбенко. Липецк, 2015. С. 26—29.
12. *Проскурин В.Н.* Городская дума и её гласные. URL: <https://nomad.su/?a=15-201502030004> (дата обращения: 28.08.2020).
13. Туркестанские ведомости. 1877. 30 августа.
14. Туркестанские ведомости. 1877. 29 ноября.
15. Туркестанские ведомости. 1878. 14 февраля.
16. Туркестанские ведомости. 1878. 6 июня.
17. Туркестанские ведомости. 1878. 4 июля.
18. Кое-что о нашем городском самоуправлении // Туркестанские ведомости. 1887. 12 мая.
19. *Турсунова Р.Ю.* Выборы в Ташкентскую городскую Думу 1917 г.: возрастание национального самосознания коренного населения // Вестник ТашГУ. Ташкент: Университет, 1999. № 1. С. 47—52.
20. *Турсунова Р.Ю.* Городское самоуправление в Туркестане (1877—1918 гг.). Дис. ... канд. ист. наук. Ташкент, 2000.

К вопросу допуска иностранных корреспондентов на Русско-турецкую войну 1877—1878 гг. (Балканский театр военных действий)

Аннотация. Статья посвящена вопросу допуска и проблеме организации работы иностранных журналистов в действующей армии во время русско-турецкой войны 1877—1878 гг. на Балканском полуострове. Российские власти понимали, что пресса должна иметь возможность освещать события с военного театра, но в то же время осознавали опасность допуска иностранцев в армию. Впервые в российской истории в условиях военного времени были разработаны и утверждены правила допуска зарубежных журналистов.

Ключевые слова: Русско-турецкая война 1877-78, военные корреспонденты, М.А. Газенкамф, допуск на театр войны.

TO THE QUESTION OF FOREIGN CORRESPONDENTS' ACCESS TO RUSSO-TURKISH WAR 1877—1878 (THE BALKAN THEATER)

Abstract. The article is devoted to the issue of admission and the problem of organizing the work of foreign journalists who were in the army during the Russo-Turkish war of 1877—1878 on the Balkan Peninsula. The Russian authorities understood that the foreign press should be able to cover events from the military theater, but at the same time, they also realised the danger of allowing foreigners into the army. The issue was decided by the Grand Duke Nikolai Nikolaevich Sr., who entrusted Colonel M.A. Gazenkampf to work with journalists. Gazenkampf. For the first time in Russian history during wartime M.A. Gazenkampf developed and approved by the order for the troops the rules for admitting foreign journalists. Gasenkampf himself can be called the first military press secretary, and his meetings with correspondents are the first press conferences during wartime.

Keywords: Russo-Turkish War 1877—1878, war correspondents, M.A. Gazenkampf, access to the war theater.

Появление и развитие новых технологий в XIX в. дали толчок и развитию журналистики. Теперь издания могли отправлять корреспондентов в другие страны и получать оттуда свежие новости. Поэтому, когда в 1877 г. Российская империя объявила войну османской Пор-

* **Ангелина Васильевна Манахова** — кандидат филологических наук, сотрудник кафедры зарубежной журналистики и литературы факультета журналистики Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия). e-mail: Angelina-manakhova@yandex.ru

Angelina V. Manakhova — Candidate of Philological Sciences, Researcher, Foreign Journalism and Literature Department, Faculty of Journalism, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia).

те, газеты со всего мира изъявили желание направить журналистов для освещения событий.

Российское командование получило из зарубежных редакций многочисленные запросы с просьбой допустить их сотрудников на Балканский полуостров. Однако единого решения по этому поводу в штабе не было. Корреспондент «Биржевых ведомостей» Н.В. Максимов отмечал, что «сторонники допущения исходили с точки зрения политической: “мы так сильны, — говорили они, — и так прекрасно организованы сами по себе, что огласки нам бояться нечего”. Противники боялись иностранных корреспондентов, как людей, среди которых могут появиться шпионы» [2, с. 173]. Однако опыт предыдущих военных кампаний, в частности Крымской и франко-прусской, подсказывал, что представители прессы при правильной работе с ними могут оказаться полезны. Еще в 1876 г. в конфиденциальном письме министра внутренних дел А.Е. Тимашева военному министру Д.А. Милютину говорилось, что «благодаря железным дорогам и телеграфу успел утвердиться обычай получения пространных и быстрых известий с театра войны. При самом начале войны как русские, так и иностранные газеты будут наполнены обширными корреспонденциями... у коих в первых будут получаться корреспонденции большею частью бестактные и противоречивые, а в последних — враждебные для России» [3, л. 3].

В итоге главнокомандующий Николай Николаевич-старший признал «возможным дозволить корреспондентам некоторых газет и журналов, как русских, так и иностранных, сопровождать армию во время войны» [5, с. 248]. 19 апреля 1877 г. у великого князя состоялось совещание по этому вопросу. Присутствовали «военный министр, начальник штаба армии, начальник III отделения собственной Его Величества канцелярии, статс-секретарь Гамбургер, бывший посол наш в Константинополе г.-ад. Игнатъев и заведующий гражданскими делами при Его Императорском Высочестве д.с.с. князь Черкасский» [4, с. 36]. Назначенный ответственным за работу с корреспондентами полковник М.А. Газенкампф выступил с предложением допустить журналистов на Балканы: «Всеобщую потребность публики, нашей и иностранной, в постоянном получении свежих сведений с театра войны — нельзя не признать подлежащей удовлетворению» [1, с. 4]. Также он затронул вопрос предварительной цензуры, которую изначально великий князь и начальник штаба генерал-адъютант А.А. Непокойчицкий «предполагали ввести для всех корреспонденций вообще» [1, с. 7]. По его мнению, её не стоило вводить для зарубежных журналистов, как и требовать от иностранцев статей в положительном по отношению к России тоне. Всё это могло отвратить читателей от материалов, если бы те узнали о цензуре и подобных требованиях.

Николай Николаевич и Непокойчицкий согласились с предложениями Газенкампа. Уже 22 апреля появился приказ № 87 по войскам действующей армии о допуске журналистов, подписанный начштаба. Он устанавливал:

1. Допускать присутствие при войсках, если начальники отрядов по военным соображениям и по положению отряда признают возможным, — только таких корреспондентов, которые:
а) имеют особый наружный знак на левом рукаве — круглую бляху из листовой меди с выбитым на ней орлом, № и надписью «корреспондент» с печатью полевого комендантского управления армии; б) могут предъявить свой фотографический портрет, снабжённый письменным удостоверением личности за печатью полевого комендантского управления армии на обратной стороне;
2. Присутствие при войсках лиц, не имеющих при себе обоих этих знаков, не должно быть терпимо. Одному наружному знаку, без предъявления засвидетельствованного фотографического портрета, никакого удостоверяющего значения не придавать;
3. Всем вообще начальствующим лицам следить за корреспондентами. В случаях каких-либо подозрительных действий и сношений, а тем более в случае попыток перебраться на неприятельскую сторону, препровождать их в штаб армии с объяснением причин задержания;
4. Не стесняя свободы передвижения корреспондентов, требовать от них, чтобы они уведомляли о каждой перемене местопребывания, и доносить записками в штаб армии: кто, куда и когда отправился;
5. В беседах соблюдать осторожность и не сообщать никаких сведений о составе, численности, направлении и цели движения наших колонн и о расположении частей войск.

Данный приказ стал первым официальным документом, регламентировавшим порядок аккредитации российских и иностранных корреспондентов, и установил рамки их деятельности на время кампании.

Отдельно стоит отметить роль Газенкампа в становлении института аккредитации военкоров. Полковник выполнял обязанности пресс-секретаря: разработал правила доступа, занимался изучением запросов на аккредитацию, самостоятельно принимал решение по доступу, разработал отличительный знак корреспондентов, уделив внимание их безопасности и идентификации в армии. Во время кампании встречался с журналистами, проводил пресс-конференции, снабжал представителей прессы необходимой информацией, порой занимаясь даже подкупом.

Великий князь в телеграмме министру внутренних дел разрешил корреспондентам использовать почту и телеграф для бесплатной отправки писем в газеты [1, с. 9]. «Вся почта доставлялась в пределах Румынии — средствами румынского почтового управления, а в пределах Болгарии первое время — на обозных лошадях полевых почтовых учреждений, затем — по трактам, на коих была утроена почтовая гоньба на лошадях отдела почт и телеграфов, а позже по железным дорогам между Рушукком, Варною, Ямболом и Константинополем, Ямболом и Татар-Базарджиком и на пароходах по Дунаю между г.г. Силистрею, Рушукком, Систовым, Никополем, Лом-Паланкою и Виддином, а также по Черному морю между Одессою, С.-Стефано, Бургасом, Константинополем и впоследствии Варною; наконец, на почтовых лошадях гражданского почтового управления в Болгарии» [6, с. 290]. Однако возможностью бесплатной отправки телеграмм, разрешённой не только корреспондентам, но и персоналу Красного Креста, войсковым маркитантам, комиссионерам и т.д., пользовались и простые жители [6, с. 285]. Это создавало трудности в работе почты, и, как следствие, приводило к задержкам отправки корреспонденции.

Как и предлагал Газенкампф, цензура не вводилась. Однако зарубежные газеты и журналы изучались на предмет нарушения установленных правил допуска. Извещение о данном приказе поступило по телеграфу из Петербурга в Плоешти за подписью министра внутренних дел А.Е. Тимашева: «Доставлять без цензуры иностранные бандерольные газеты полковнику Газенкампфу» [3, л. 100]. Можно предположить, что речь шла и о своеобразном мониторинге материалов на интересующие командование темы.

Разумеется, на театр войны допустили не всех корреспондентов, объявивших о своём желании освещать боевые действия с места событий. В приказе № 82 говорилось о дозволении для «некоторых газет и журналов» [5, с. 248]. Так, отказ получили журналисты «Дейли Телеграф» и большинства венских газет, которые открыто поддерживали турецкую сторону. Однако любопытно, что в армию допустили представителя туркофильской «Стандард» Ф. Бойля. В своих материалах он называл турецкую армию и её успехи на фронте — «нашими». Стоит отметить, правда, что, увидев, как турки поступали с ранеными русскими солдатами, он несколько изменил взгляды [7, с. 5]. Но всё же позднее его выслали из армии — из-за разглашения местоположения русских. 14 сентября 1877 г. Газенкампф записал в дневнике: «Вчера государь получил из Лондона от графа Шувалова письмо с приложением номера газеты “The Standard”, в котором помечена корреспонденция Бойля из Порадима от 12 августа. Во-первых, он рассказывает расположение наших войск и укре-

плений, а во-вторых, с ехидным злорадством отзывается о нашей армии, говорит, что “прошли безвозвратно те времена, когда армия готова была умереть за царя: теперь в её среде — болезни, недостатки, неудовольствие и ропот. Как бы я смеялся, если б меня самого не трепала лихорадка!”» [1, с. 125].

На 16 мая 1877 г. при российском штабе на Балканах присутствовали 23 иностранных и российских корреспондента и художника [1, с. 28]. В сообщении от 22 июня Газенкамф привёл следующие цифры аккредитованных: 15 российских корреспондентов допущены в Главную ставку, ещё 46 представителей изданий России, Великобритании, США, Пруссии, Австро-Венгрии, Швеции, Франции и Италии — в армию [4, с. 172].

Установить точное количество работавших на Балканском театре иностранных корреспондентов сложно. Некоторые получали официальные разрешения, но не приезжали на место событий, предпочитая создавать материалы «с поля боя», находясь в Румынии. Кто-то приезжал в армию на несколько недель или даже дней. Сведения, которые приводят современники события и исследователи, разнятся и не всегда поддаются проверке. Однако именно воспоминания и официальные документы могут послужить основой для создания наиболее достоверного списка фронтовых корреспондентов.

Список литературы

1. *Газенкамф М.А.* Мой дневник. 1877—1878 гг. СПб: Изд-во В. Березовского, 1908. 625 с.
2. *Максимов Н.В.* Две войны 1876—1878 гг. Воспоминания и рассказы из событий последних войн. Ч. 2: Война в Болгарии. СПб: Изд-во И. Тузова, 1879. 598 с.
3. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА), Ф. 846. Оп. 16. Т. 2. Д. 7424.
4. Сборник материалов по русско-турецкой войне 1877—1878 гг. на Балканском полуострове. Вып. 2: Журнал военных действий, ведённый в Полевом Штабе / Сост. М.А. Газенкамф. СПб: Военная типография, 1898. 458 с.
5. Сборник материалов по русско-турецкой войне 1877—1878 гг. на Балканском полуострове. Вып. 28: Действия Нижне-Дунайского отряда с 21 мая по 1 августа 1877 г. СПб: Бережливость, 1900. 283 с.
6. Сборник материалов по Русско-турецкой войне 1877—1878 гг. на Балканском полуострове. Вып. 82: Отчёт по управлению военными сообщениями Действующей армии. СПб., 1910. 430 с.
7. The Standard. 1877. July 21.

Приграничная сухопутная дорожная сеть между Олонецкой губернией и Великим княжеством Финляндским в XIX — начале XX в.**

Аннотация. В статье рассматривается сухопутная система дорог, сложившаяся к началу XX в. в приграничных с Финляндией уездах Олонецкой губ. Основной причиной их строительства являлась необходимость административного и промышленного сообщения, однако они использовались местным населением в личных нуждах. Возникновение дорог, соединявших Российскую Карелию и Финляндию, способствовало установлению крепких экономических и семейных связей между жителями приграничных территорий.

Ключевые слова: дороги, карелы, Олонецкая губерния, Финляндия, торговля.

BORDER LAND ROAD NETWORK BETWEEN OLONETS PROVINCE AND THE GRAND DUCHY OF FINLAND IN THE XIX — EARLY XX CENTURY

Abstract. The article deals with the land system of roads that developed by the early part of the XX century in the counties of Olonets province bordering Finland. The main reason for the construction of wagon roads was the need for administrative and industrial communication, however, these roads were used by the local population for personal needs. The emergence of roads connecting Russian Karelia and Finland contributed to the establishment of strong economic and family ties between the residents of the border territories.

Keywords: roads, Karelians, Olonets province, Finland, trade.

Карелия — приграничная территория России, соседствующая с Финляндией. Схожесть природно-климатических факторов и этническое родство народов способствовали установлению в XIX в. между двумя регионами тесных социально-экономических контактов, проводником которых стала дорожная сеть.

* Галина Викторовна Рывкина — младший научный сотрудник Института языка, литературы и истории Карельского научного центра Российской академии наук» (Петрозаводск, Россия). e-mail: giv@illh.ru

Galina V. Ryvkina — Junior Researcher, Institute of Linguistics, Literature and History of Karelian Research Centre Karelian Research Centre Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk, Russia).

** Финансовое обеспечение исследований осуществлялось из средств федерального бюджета на выполнение государственного задания КарНЦ РАН (AAAA-A18-118030190092-2).

Тема приграничных дорог привлекала внимание российских и финляндских исследователей. В частности, М.А. Витухновская сравнила транспортную сеть российской и финляндской Карелии, сложившуюся в XVIII—XIX вв. [7, с. 72—77]. Т. Хямюнен рассмотрел дороги в пограничной зоне как условия для заключения браков между жителями Финляндии и Карелии [34]. Особое освещение в научной литературе получил вопрос железнодорожного сообщения между Санкт-Петербургом и Великим княжеством Финляндским [2], [9], [35]. Цель данной статьи — охарактеризовать сложившуюся в XIX в. систему сухопутных дорог, связывавших Олонецкую губ. с Финляндией, и проследить значение данных дорог для населения Карелии.

В 1801 г. Александр I провозгласил создание Олонецкой губ., в состав которой вошли территории Олонецкого, Петрозаводского, Повенецкого, Пудожского, Вытегорского, Лодейнопольского и Каргопольского уездов [16, с. 201]. Кемский уезд стал частью Архангельской губ. В результате русско-шведской войны 1808—1809 гг. в состав Российской империи на правах автономии вошла территория Финляндии [33]. До 1917 г. Финляндия и Карелия являлись соседними субъектами одного государства [33].

Способом административной связи между центром государства и периферией в России являлось почтовое сообщение — отправление почтовой корреспонденции по сухопутной дороге на специально предназначенном для этой цели экипаже. Почтовое сообщение в Олонецкой губ. открыто в 1707 г. [10, с. 34] в период промышленного освоения Карелии. В Финляндии почтовая служба зародилась в 1638 г [8, с. 94]. Почтовое сообщение между Олонецкой губ. и Великим Княжеством Финляндским открыли в 1844 г. — по дороге от г. Олонец к Сердоболу [24]. Указанная дорога проходила по северному берегу Ладожского оз., мимо крупных традиционных поселений карелов-ливвиков — Рыпушкалицы, Ильинский, Тулокса, Видлица, Салми, Импилахти. Авторы монографии «Дороги Карелии с древнейших времен до наших дней», пишут о том, что данная дорога существовала уже в XVII в., т.е. в период строительства Олонецкой крепости [10, с. 27]. Косвенным подтверждением этому может служить запись учителя П. Минорского, вероятно, об одном из столкновений карелов со шведами: «Сохранилась ещё одна легенда о нападении людей, приплывших на лодках [к Олонцу], которое было отражено силою. И [враги] принуждены были оставить свои суда и уйти по восточному берегу озера; с этого времени, говорят, положено было основание дороги в Сердоболь или в нынешнюю Финляндию» [22, с. 624].

По сообщению газеты «Олонецкие губернские ведомости» в 1862 г. была открыта новая дорога, соединившая гг. Петрозаводск

и Сердоболь [26, с. 5]. Она проходила мимо карельских поселений Пряжа и Сямозеро и связывала между собой Александровский и Суоярвский чугунолитейные заводы. По территории Финляндии от Суоярви до Сердоболя также пролегла хорошая тележная дорога. Помимо Александровского, крупными промышленными объектами Олонцевой губ. были Кончезерский и Валазминский заводы, которые связывал между собой тракт, построенный в 1856 г. [13, с. 7]. К нему от Суоярвского тракта вела дорога через дер. Онгамуксы Сямозерской вол. к дер. Вохтозеро Спасопреображенской вол. [11, с. 310]. Кроме того, Валазминский и Суоярвский заводы связывала тропа [1, с. 132].

До строительства Валазминского тракта (завод располагался в непосредственной близости от карельского сел. Поросозеро) для сообщения с Улеборгской губ. Финляндии использовался старый Каянский тракт. В период русско-шведской войны (1741—1743) он предназначался для поставки российским войскам боеприпасов с Кончезерского завода [10, с. 36]. Дорога проходила через Мунозеро до Святнаволока, а далее шла верховая тропа мимо Юостозеро, Поросозеро и Колвасозеро и до г. Кааяни [1, с. 134].

Во второй половине XIX в. по пути Каянского тракта Повенецкое земство перестроило две дороги. Одна из них вела до дер. Остречье, располагавшейся на уездном тракте из Повенца в Паданы [27, с. 320]. Вторая брала начало в сел. Юостозеро и через дер. Совдозеро Поросозерской вол. доходила до сел. Поросозеро [27, с. 320]. Этот приграничный промышленный центр имел распространённую сеть дорог, ведущих к другим карельским сёлам Повенецкого уезда: в Реболы и Паданы [27, с. 320]. Таким образом, бывший Каянский тракт служил средством сообщения южных и средних карелов с соседней Финляндией.

Ещё одна дорога оттуда в Карелию проходила параллельно границе: от с. Салми через дер. Орусъярви до сел. Колатсельга Туломозерской вол. [15, с. 434—436]. Несмотря на то, что в районе Туломозера располагались несколько железорудных месторождений и частный завод, принадлежавшие АО «Сталь», дорога не носила промышленного характера [17, с. 135]. Она служила для административного сообщения между поселениями Финляндии [17, с. 436]. Из Колатсельги в Туломозеро вела тропа, которую в 1913 г. Олонцевое земство перестроило в хорошую тележную дорогу [30, с. 28]. Из Туломозера по дорогам и тропам можно было попасть в селения карелов-ливвиков и людиков (Видлица, Веддозеро, Салменица).

В целом дорожная сеть приграничных районов Олонцевого кр. выполняла функцию административного сообщения и служила каналом связи между промышленными объектами. Для местного на-

селения она имела торговое значение. На ярмарки, проходившие на оз. Ваалам и в Сердоболе, карелы привозили текстиль, железную посуду, швейную фурнитуру [18, с. 20]. За границей реализовывали продукцию корзиночно-коробочного промысла крестьяне Видлицкой вол. [6, с. 9], а жители Неккульской и Рыпушкальской продавали в Финляндии баранки [17, с. 171]. Ценным товаром из Финляндии считались лошади [23, с. 731]. Современники отмечали их выносливость в работе, быстроту бега и умение пробираться по каменистым дорогам [23, с. 731; 25, с. 339]. Лошадей финской породы продавали на олонекских ярмарках (в Олонце и Александро-Свирском монастыре), на ярмарках в Сердоболе и Куопио, приграничных селениях Суоярви [21, с. 382—384].

Близость Финляндии повлияла на становление в Олонецком уезде экипажного ремесла. Считалось, что именно финны выучили этому олонекских карелов [5, с. 12]. Несмотря на то, что экипажи в Карелии производились на финский манер, местные мастера перенимали секреты ремесла и у русских мастеров. К примеру, известные за пределами губернии улванские мастера переняли его у крестьянина В.И. Осипова, который обучался в ремесленных мастерских Санкт-Петербурга [4, с. 12]. Однако привозимый из Финляндии на олонекские ярмарки колёсный транспорт был качественнее и дешевле производимого в губернии, тем самым создавая конкуренцию улванчанам [18, с. 20]. В Финляндии зато имели спрос олонекские сани [19, с. 32]. Также ценилась привозимая из Финляндии упряжь — она была мягче олонекской и не натирала лошадям бока [36, с. 420]. Вероятно, её популярность можно объяснить нераспространённостью шорного промысла в Олонецкой губ.

Жители приграничных волостей Олонецкой и Архангельской губ. занимались разносной торговлей (коробейничеством), одним из направлений которой выступала Финляндия. На протяжении XIX в. в таможенное законодательство вносились изменения, которые касались коробейников — в частности, рад запретов на основной товар из Финляндии: мех. В результате разносная торговля носила характер контрабанды, в этом случае коробейники не использовали описанные выше официальные дороги между Карелией и Финляндией, а пересекали границу по многочисленным тропам [3, с. 46].

Одной из значимых являлась тропа от Суоярвского завода к Валаминскому (который располагался около Поросозера). По ней православные финны и карелы, преимущественно проживавшие в Выборгской губ. Финляндии, отправлялись к Соловецкому монастырю [31, с. 55]. Добраться до него было настоящим испытанием: в силу наличия в Карелии множества водных препятствий приходилось менять пешую ходьбу на передвижение в лодке. Только к концу

XIX в. от Повенца до Сумского Посада построили тележную дорогу, что значительно упростило передвижение [32, с. 811].

Наличие дорожной сети способствовало распространению браков между жителями Олонецкой губ. и Финляндии [34, с. 121]. Карелка А.Н. Никифорова вспоминала, как на престольные праздники в Вохтозеро приходили и суоярвские финны, присматривали невест, сватали и увозили за границу [20, с. 250]. Инто Конрад Инха отмечал в Беломорской Карелии случаи, когда коробейники приводили себе из Финляндии жён [14, с. 32].

Помимо административной, торговой и брачно-семейной коммуникации, дороги исполняли роль фактора идеологической борьбы между Россией и Финляндией за влияние на олонечских и беломорских карелов. В 1906 г. появился «Союз беломорских карел», который при поддержке общественности и властей Финляндии проводил мероприятия духовно-материального характера: открывал школы, библиотеки, издавал газету, а также строил дорогу из Финляндии (г. Суомуссалми) в Архангельскую губ. (с. Вокनावолок) [16, с. 304]. В этой связи в 1907 г. на Петрозаводском уездном земском собрании отмечалось распространение финского влияния не только в Беломорской Карелии, но и в приграничных районах Олонецкой губ., особенно в Туломозерской вол. «Кроме перечисленных культурных мер финны отводят громадную роль экономическим мероприятиям: так, они устраивают дороги, улучшают пути сообщения с нашей Карелией. То же самое следует делать и нам, необходимо обратить внимание на самое широкое устройство дорог в карельских местностях для соединения их с центральными торгово-промышленными пунктами узда и губернии» [12, с. 111—112]. На протяжении следующих пяти лет в Петрозаводском и Олонечском уездах построили 15 дорог, треть из которых пролегли по приграничным волостям [28, с. 68—69; 29, с. 38—41].

Таким образом, на развитие дорожной сети в приграничных районах Олонецкой губ. влияли такие факторы, как необходимость административных и промышленных сообщений между соседними субъектами, а также политическая игра России и Финляндии за влияние на Карелию. Родство языков и близость культурных традиций карелов и финнов способствовали тому, что дороги использовались местным населением для установления торговых и брачно-семейных контактов. Формирование дорожной сети Карелии и влияние, которое оказывали дороги на бытовую жизнь населения, оказались неразделимыми процессами с синхронным действием.

Список литературы

1. *Анненков Е.С.* Топографическо-статистическое описание пограничной черты Петрозаводского и Повенецкого уездов с Финляндией // Олонецкий сборник: материалы для истории, географии, статистики и этнографии Олонецкого края. Вып. 2. Петрозаводск, 1886. С. 119—164.
2. *Баженов Ю.М., Каневская А.А., Сулейманов Р.В., Корепин О.Ю., Пустовит А.Л.* Россия — Финляндия: из истории железнодорожного сообщения. Первое столетие (1870-е — 1970 гг.) // Вестник транспорта. 2019. № 12. С. 34—41.
3. *Базегский Д.В.* Законодательство России и Финляндии о карельском корабейничестве в XIX — начале XX вв. // Вопросы истории Европейского Севера. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1993. С. 43—51.
4. *Благовещенский И.И., Гарязин А.Л.* Кустарная промышленность в Олонецкой губернии // Олонецкий губернский вестник (далее — ОГВ). 1895. № 94. С. 11—13.
5. *Благовещенский И.И., Гарязин А.Л.* Кустарная промышленность в Олонецкой губернии // ОГВ. 1895. № 95. С. 12.
6. *Благовещенский И.И., Гарязин А.Л.* Кустарная промышленность в Олонецкой губернии // ОГВ. 1895. № 96. С. 9—11.
7. *Витухновская М.А.* Российская Карелия и карелы в имперской политике России, 1905—1907. Хельсинки—СПб.: Норма, 2006. 348 с.
8. *Востров А.В.* Почтовая дорога Великого княжества Финляндского как фактор традиционного шведского влияния // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2019. № 21. С. 93—100.
9. *Востров А.В.* Финляндская железная дорога в 1870—1917 гг. как нереализованный фактор сближения двух столиц // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2016. № 17. С. 29—34.
10. Дороги Карелии: с древнейших времен до наших дней / Сост. О.А. Ширлин и др. СПб.: Лики России, 1999. 197 с.
11. Журналы Петрозаводского уездного Земского собрания и доклады Управы очередной и чрезвычайной сессий 1912 г. Петрозаводск, 1913. 524 с.
12. Журналы Петрозаводского уездного Земского собрания и доклады Управы чрезвычайных и очередной сессий 1907 г. Петрозаводск, 1908. 865 с.
13. Журналы Петрозаводского уездного Земского собрания очередной сессии 1876 г., чрезвычайного 1877 г. Петрозаводск, 1877. 84 с.
14. *Инха И.К.* В краю калевальских песен: тропой Лённрота по Беломорской Карелии, очерк о земле Беломорской Карелии / Пер. с фин. Р.П. Коломайнен. Петрозаводск: Периодика; Кухмо: Юминкеко, 2019. 461 с.
15. *Исакий.* Дневник катехизатора [о поездке в Кязняжи, Оружярви, Котласельгу, д. Хюрсюля, Палоярви] // ОЕВ. 1908. № 19. С. 434—439.
16. История Карелии с древнейших времен до наших дней / Науч. ред. Н.А. Кораблёв, В.Г. Макуров, Ю.А. Савватеев, М.И. Шумилов. Петрозаводск, 2001. 943 с.
17. *Кораблёв Н.А.* Предпринимательство в Карелии во второй половине XIX — начале XX в. Петрозаводск, 2011. 269 с.
18. *Кораблёв Н.А.* Традиционные кустарные промыслы и ремёсла Карелии, вторая половина XIX — начало XX в. Петрозаводск: ПетроПресс, 2009. 64 с.
19. Кустарные промыслы и ремесленные заработки крестьян Олонецкой губернии / Сост. Н.Г. Простнев, Н.Ф. Меледин. Петрозаводск, 1905. 331 с.

20. *Макаров Г.Н., Рягоев В.Д.* Образцы карельской речи. Говоры ливвиковского диалекта карельского языка. Л.: Наука, 1969. 283 с.
21. *М.Г.* Салменижская волость // ОГВ. 1866. № 22. С. 382—384.
22. *Минорский П.* Олонецкие карелы и Ильинский приход (Олонецкого уезда) // ОГВ. 1879. № 52. С. 624—625.
23. *Минорский П.* Олонецкие карелы и Ильинский приход (Олонецкого уезда) // ОГВ. 1879. № 61. С. 731—732.
24. Национальный архив Республики Карелия (НА РК). Ф. 3. Оп. 1. Д. 7. Л. 4.
25. Несколько охотничьих эпизодов в Корельской стороне Олонецкой губернии (Из времен давно прошедших) // ОГВ. 1888. № 37. С. 338—339.
26. Новая дорога из Финляндии в Петрозаводск // ОГВ. 1862. № 47. С. 5.
27. Олонецкая губернская земская управа. Отчёт Олонецкой губернской земской управы за 1900 г. Петрозаводск, 1901. 368 с.
28. Олонецкая губернская земская управа. Отчёт Олонецкой губернской земской управы за 1907 г. Петрозаводск, 1908. 406 с.
29. Олонецкая губернская земская управа. Отчёт Олонецкой губернской земской управы за 1911 г. Петрозаводск, 1912. 426 с.
30. Олонецкая губернская земская управа. Отчёт Олонецкой губернской земской управы за 1913 г. Петрозаводск, 1914. 558 с.
31. *Пашков А.М.* История Карелии с древнейших времён до 1917 г.: учебное пособие. Ч. 1. История Карелии с древнейших времён до конца XVII в.: учебное пособие. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2013. 74 с.
32. Работы по устройству Повенецко-Сумской дороги. // ОГВ. 1877. № 77. С. 881.
33. *Суни Л.В.* Великое княжество финляндское // Большая Российская энциклопедия. URL: https://bigenc.ru/domestic_history/text/3800020 (дата обращения: 15.09.2020).
34. *Хямюнен Т.* «Жениться — беда, не жениться — другая...» Брачные контакты восточных финнов и олонецких карел в 1734—1918 гг. // *Väestö ja perhe karjalassa*. Население Карелии и карельская семья. Joensuu yliopiston humanistinen tiedekunta, 2003. С. 116—125.
35. *Шутов И.Н., Михалёв М.В., Сперанский В.Д.* Из истории организации пассажирских перевозок между Россией и Финляндией по железным дорогам // Актуальные проблемы управления перевозочным процессом. Сб. науч. тр. Санкт-Петербург, 2009. С. 133—138.
36. *Virtaranta P.* *Luuydiläisiä tekstejä*. I. Helsinki, 1963. 453 s.

Помощь голодающим в России в конце XIX — начале XX вв.: основные направления эволюции правительственной политики

Аннотация. В статье анализируется развитие системы помощи голодающим в России в конце XIX — начале XX вв. Продовольственная помощь рассматривается в контексте происходившего в Европе в рассматриваемый период роста социальных расходов. В статье демонстрируется, что помощь голодающим приобрела многие признаки, присущие современным программам социальной поддержки.

Ключевые слова: Российская империя, голод, продовольственное дело.

FAMINE RELIEF IN RUSSIA IN THE LATE XIX — EARLY XX CENT.: THE MAIN CHANGES IN GOVERNMENT POLICY

Abstract. The article analyses the development of the famine relief programs in Russia in the late 19th — early 20th centuries. I examine the famine relief in the context of the rise of social spending all around Europe during the period under review. I demonstrate that the famine relief has acquired many of the features inherent in modern social transfer programs.

Keywords: Russian Empire, famine, food production.

Система помощи крестьянам, пострадавшим от неурожая, появилась в России в конце XVIII в. и окончательно сформировалась к 1866 г. Формально она состояла из трёх «уровней». В её основании лежали сельские запасные магазины (т.е. склады зерна) и особые денежные фонды — общественные продовольственные капиталы. Каждое сельское общество в пореформенную эпоху обязывалось содержать либо хлебный магазин, либо продовольственный капитал. В случае нехватки этих средств выдавалась ссуда из созданных в 1822 и 1834 гг. губернских продовольственных капиталов, находившихся до 1900 г. в ведении земств, а в неземских губерниях — комиссий народного продовольствия. Наконец, в случае нехватки губернских капиталов помощь оказывалась из созданного в 1866 г. общеимперского продовольственного капитала, состоявшего в распоряжении Министерства внутренних дел, которое ведало вопросами помощи голодающим [1, 33].

* **Евгений Владимирович Белокуров** — независимый исследователь (Санкт-Петербург, Россия). e-mail: allemand@bk.ru
Evgenii V. Belokurov — Independent Researcher (Saint Petersburg, Russia).

Законодательство основывалось на трёх главных принципах — узкой специализации, сословности и самодостаточности. Первый означал, что ресурсы продовольственных капиталов и запасных магазинов могут тратиться только на непосредственную помощь голодающим (питание и обсеменение полей) [2, с. 31, 33]. Второй гласил, что содержание сельских запасных магазинов и всех видов капиталов, от общественных до общеимперского, являлось повинностью лишь определённых сословий — в первую очередь крестьян и казаков. Прочие освобождались от неё, но при этом не могли и рассчитывать на помощь из сословных средств. Наконец, третий подразумевал, что помощь из всех источников оказывается только в ссуду [33]. Таким образом, продовольственное дело в идеале не требовало каких-либо дополнительных расходов из государственного бюджета. За принципом самодостаточности стоял не только казённый интерес, но и моральные соображения — убеждённость в том, что безвозмездная помощь «развращает» [5, с. 82].

Устройство продовольственного дела отражало модель, характерную для «просвещённого абсолютизма». Государство не брало на себя непосредственную ответственность за социальную поддержку, а лишь старалось рационально организовать жизнь «неразумных» подданных во имя общего блага (именно поэтому, например, содержание сельских запасных магазинов и носило характер повинности для крестьян). Программ перераспределения не существовало: любая помощь со стороны государства мыслилась как «милость» и, следовательно, исключение, оправданное лишь чрезвычайными обстоятельствами — стихийным бедствием или войной.

Однако в конце XIX в. эта модель уже едва ли была жизнеспособной. Именно в это время в Западной Европе появляются первые социальные программы, в конечном итоге приведшие к появлению во второй половине XX в. государств всеобщего благосостояния [34]. Эти процессы отразили растущее вмешательство государства в экономику. Я считаю, что именно в этом контексте продуктивно рассматривать эволюцию политики правительства России в области продовольственного дела (и не только). В конце XIX — начале XX вв. если не в законодательстве, то на практике произошёл полный или частичный отказ от всех трёх вышеописанных принципов. Система помощи голодающим радикально изменилась и начала напоминать скорее примитивную систему социального обеспечения, призванную защищать население не столько от неурожая, сколько от бедности и безработицы в целом.

Отправной точкой этого процесса стал голод 1891—1892 гг. Первым под давлением обстоятельств отбросили доселе строго соблюдавшийся принцип самодостаточности. С момента создания об-

щеимперского продовольственного капитала в 1866 г. и до 1891 г. система помощи, как и предполагалось законом, не требовала расходов со стороны государства. Достигалось это за счёт скромных размеров средств, выделявшихся для голодающих, и строгого взыскания долгов. Даже из общеимперского капитала в ссуды в 1868—1890 гг. ежегодно выдавалось не более 1 млн руб. Только один раз — в 1881 г. — общеимперский капитал оказался полностью исчерпан. Однако и тогда ассигнования из казны на его «подкрепление» составили сравнительно небольшую сумму 3,2 млн руб. (сам же капитал на начало 1880 г. достигал 7,4 млн) [31, с. 405].

Неурожай 1891 г. разрушил сложившийся порядок. Когда земства прислали первые расчёты требующейся помощи, стало очевидно, что капитала, составлявшего на 1 января 1891 г. 11,6 млн руб., не хватит. Уже 12 июля Министерству финансов пришлось выделить из бюджета дополнительно 3,5 млн, а 18 июля — ещё 5 млн. Размер этой ссуды, превосходя более чем в два раза ассигнования 1881 г., оказался беспрецедентным. Министр внутренних дел И.Н. Дурново «изъявил надежду, что за усилением продовольственного капитала на 8½ мил. руб. ... дальнейшее позаимствование в оный из средств казначейства не потребует» [22, л. 11—11 об.]. Однако обеспокоенные небывалым масштабом неурожая земства, руководствуясь понятной логикой просить «с запасом», присылали всё новые и новые требования о помощи с ещё большими цифрами. «Позаимствование» продолжалось. Всего общеимперскому капиталу за 1891—1892 гг. выделили 146,5 млн руб. [12, с. 151], что составило 6,5% от государственных расходов [подсчит. по: 35, с. 68].

Продовольственная кампания 1891—1892 гг. явилась серьёзным испытанием для государственных финансов. 1891 бюджетный год был завершён с дефицитом в 186,9 млн руб. (почти 17% от всех расходов) [подсчит. по: 35, с. 68]. Некоторые статьи расходов пришлось существенно урезать: например, в 1892 г. на 1/5 сократили средства на питание арестантов [9, с. 47—48]. Однако после голода объёмы продовольственной помощи возросли в ещё большей степени, а ассигнования из казны стали практически ежегодными (табл. 1). Всего за 1891—1912 гг. на помощь голодающим бюджет истратил более 0,6 млрд руб.*

Расходы казны на финансирование общеимперского капитала составляли примерно 30 млн руб. в год, а в кризисные периоды (1891—1892, 1905—1907, 1911—1912 гг.) доходили до 60—80 млн. По сравнению с общей суммой госрасходов, составлявших в 1900 г. 1889,2 млн, а в 1913 г. — 3382,9 млн. [30, с. 153], затраты на продовольственное дело не были слишком велики и уже не угрожали ста-

* Здесь и далее приводятся только номинальные суммы, без учёта инфляции.

Таблица 1

**Средства, израсходованные Государственным казначейством
на усиление общеимперского продовольственного капитала,
1891—1912 гг.**

Годы	Сумма, тыс. руб.
1891—1892	146 500
1897—1898	35 000
1900	700
1901	20 000
1902	18 620
1903	5 000
1904	1 500
1905—1906	71 153
1906—1907	169 657
1907—1908	23 954
1911—1912	126 556
Всего	618 640

Сост. по: [9, с. 151, 15, с. 47].

бильности бюджета, однако по сравнению с другими социальными расходами являлись довольно заметными. Например, расходы Министерства народного просвещения в 1900 г. составили 30,1 млн, а в 1913 г. — 143,1 млн (однако заметим, что за образование в дореволюционной России отвечало не только МНП). Столыпинская аграрная реформа, состоявшая из двух главнейших мероприятий: переселения крестьян за Урал, которое в 1907—1913 гг. потребовало 162 млн, и землеустроительных работ (расходы — 134,4 млн), стоила 296,4 млн [4, с. 71]. Однако на продовольственную помощь только в 1906—1912 гг. оказалось выделено 320 млн руб.*

Следует заметить, что помощь голодающим не исчерпывалась указанными выше суммами. По подсчетам А.С. Ермолова, общие расходы из всех источников, кроме сельских запасных магазинов, в период между 1891 и 1908 гг. составили 562,8 млн руб., в т.ч. из казны — 492,1 млн, или 87% (при этом расходы губернских и обще-

* Здесь я не рассматриваю причины увеличения расходов на продовольственную помощь после 1891 г. Отмечу лишь, что рост социальных расходов на фоне экономического роста и увеличения благосостояния — не исключение, а правило: статистика говорит, что перераспределение в пользу нуждающихся тем больше, чем богаче и эгалитарнее общество [34, с. 15—16].

ственных продовольственных капиталов учтены не полностью) [6, с. 17]. Если добавить цифру за 1909—1914 гг. (203,4 млн руб., в т.ч. 126,6 млн из казны — см. табл. 2), то общие расходы возрастут до 766,2 млн, а доля казны в этой сумме составит 82%. С учётом ссуд, выданных из запасных магазинов в 1891—1914 гг., стоимость всей помощи голодающим увеличится ещё значительно (точный подсчёт невозможен, поскольку неизвестен объём выданных из магазинов ссуд за некоторые годы, предшествующие 1906 г., а также состав зерна — разные хлеба отличались в стоимости).

Кроме того, иногда небольшие суммы на помощь голодающим (обычно на цели, не предусмотренные продовольственным уставом) выделялись государством в обход общеимперского продкапитала (в *табл. 2* они не учтены). Так, в 1899 г. 2,5 млн руб. ассигновано на закупку для пострадавших от неурожая крестьян лошадей (они раздавались не бесплатно, а в ссуду, хотя и на льготных условиях) [19]. В продовольственную кампанию 1911—1912 гг. в Сибири для поддержки маслоделия после неурожая зерновых и кормовых культур, Государственный банк организован льготный кредит, которым воспользовались более 120 тыс. домохозяев, получивших ссуд на 4,8 млн [15, с. 255—277]. С учётом вышеперечисленного общая цифра средств, израсходованных на помощь голодающим, из всех источников и на все виды помощи, вероятно, приближается к 1 млрд руб. (в ценах 1913 г.). К этому следует добавить сравнительно небольшие суммы, истраченные частными благотворителями*.

Несмотря на то, что по закону помощь выдавалась только в ссуду, на практике она стала в значительной мере безвозмездной. По моим подсчетам, из 619 млн руб. (в текущих ценах), израсходованных казной на дофинансирование продкапитала в 1891—1912 гг., должники возвратили лишь около 20%. Часть расходов (не более 25%) пришлась на виды помощи, не предполагавшие образования задолженности (общественные работы, продажа хлеба по сниженной цене, бесплатные столовые и т.д.), а оставшиеся долги либо оказались списаны правительством, либо превратились в безнадежную недоимку [подсчит. по: 10—18, 29, л. 160 об. — 161].

Таким образом, принцип самодостаточности к началу Первой мировой войны окончательно ушёл в прошлое. Общеимперский продовольственный капитал превратился в почти полностью фи-

* Например, по подсчётам А.С. Ермолова, частные денежные пожертвования в 1906—1907 гг. составили 2,4 млн руб., хотя он уточняет, что «эта сумма далеко не представляет общей цифры пожертвований» [5, с. 352—353]. В кампанию 1911—1912 гг. общий размер учтённых частных пожертвований составил 2,7 млн [15, с. vii].

Таблица 2

Источники средств помощи голодающим, 1906—1914 гг.

Продовольственная кампания	1	2	3	4	5	6
1906—1907	173,654	169,657	3,205	4,452	0,483	19,641
1907—1908	19,953	23,954	1,891	3,041	0,044	11,719
1908—1909	11,544	0	2,495	1,231	0,010	11,003
1909—1910	3,728	0	1,075	0,619	0,014	10,314
1910—1911	4,257	0	0,297	0,183	0,004	11,818
1911—1912	161,259	126,556	2,225	4,465	0,164	40,783
1912—1913	14,885	0	0,998	1,763	0,028	6,966
1913—1914	4,273	0	0,522	0,213	0,002	7,744
Всего	396,016	320,167	12,708*	15,967	0,749	119,988

1 — Расходы общеимперского капитала, *млн руб.*

2 — В т.ч. за счет ассигнований из казны, *млн руб.*

3 — Расходы губернских продовольственных капиталов, *млн руб.*

4 — Расходы общественных продовольственных капиталов, *млн руб.*

5 — Расходы частных продовольственных капиталов, *млн руб.*

6 — Расходы общественных натуральных запасов, *млн пуд.*

* Не учтено 7,4 млн, позаимствованных из губернских продкапиталов не пострадавших от неурожая губерний в кампанию 1911—1912 гг.

Сост. по: [10—18]

нанслируемый казной фонд. Это изменение повлекло за собой отказ и от других принципов. Поскольку помощь голодающим теперь оказывало государство из налогов, которые платило всё население страны, несправедливо было бы ограничивать круг получателей помощи только представителями крестьянского сословия. В начале XX в. число получателей помощи значительно увеличилось. Это произошло, в первую очередь, за счёт сельского населения, не принадлежавшего крестьянскому сословию, но по материальному положению ничем от последнего не отличавшегося. Временные правила 1900 г. распространили продовольственную повинность также на проживающих в деревне и занимающихся землепашеством мещан, посадских и цеховых [1]. В 50 губерниях Европейской России таковых насчитывалось около 4,1 млн чел. [2, с. 70]. Помощь оказывалась им и раньше, хотя и не всегда, поэтому распространение на них действия продовольственного закона являлось не только уступкой здравому смыслу, но и фиксацией практики [2, с. 67—68]. Этим же мотивировалось и назначение ссуд переселенцам, находившимся в процессе водворения, а также новосёлам, не производившим посевов (забо-

ту о последних осуществляло Главное управление землеустройства и земледелия, однако средств у него не хватало) [12, с. 150].

Другой важной категорией населения, не облагавшейся продовольственной повинностью, но получавшей помощь из продкапиталов, стали рабочие. Так, осенью 1902 г., во время промышленного кризиса, вызвавшего закрытие многих предприятий, помощь оказали рабочим Владимирской, Вятской, Пермской, Рязанской, Тамбовской губ. [21, л. 179 об. — 183]. В продовольственную кампанию 1906—1907 гг. ссуды получали рабочие Сынтульских заводов Рязанской губ. [20, с. 80]. Важным прецедентом стала государственная помощь рабочим уральских заводов. Горная промышленность региона к началу XX в. находилась в кризисе, рабочие закрывшихся заводов оставались без средств к существованию. Посему они, наравне с другими категориями населения, получали ссуды из продкапиталов. Кроме того, для них организовывались общественные работы. Речь в данном случае, правда, шла о сравнительно небольших суммах (порядка нескольких сотен тыс. руб.), однако и промышленных рабочих в России было намного меньше, чем крестьян. В 1909 г. в Вятской губ. закрылись Холуницкие заводы с населением 12,7 тыс. чел. и, согласно сообщению губернатора, на «содержание населения» к концу лета 1912 г. «под видом безвозвратных пособий, общественных работ, продовольственных ссуд, которые по безнадёжности получения являются теми же безвозвратными пособиями», оказалось израсходовано 350 тыс. руб. [28, л. 178]. Здесь мы видим общеимперский капитал в новом качестве — фонда помощи для безработных, причём, поскольку кризис уральской промышленности носил затяжной характер, помощь превращалась в постоянную.

В годы неурожаяев нужду испытывали даже отдельные члены привилегированных сословий — дворяне [23, л. 140 об.] и духовенство [32]*. В кампанию 1906—1907 гг. мусульманское духовенство, проживавшее в деревнях, получило на общих основаниях ссуд из общеимперского капитала на 50 тыс. руб. [20, с. 80, 83]. Выдачи разрешили и на следующую кампанию [25, л. 2]. Даже среди дворян оказалось немало тех, кто по образу жизни мало отличался от крестьян. Так, во время голода 1891—1892 гг. ходатайства об оказании помощи дворянам приходили в МВД из Нижегородской, Пензенской, Орловской, Самарской и Уфимской губ., однако все их отклонили — по закону нуждающиеся из дворянского сословия могли рассчитывать только на частную благотворительность [2, с. 68]. В дальнейшем, однако, в порядке исключения, начали предоставлять ссуды и им. В 1905 г. в Рязанской губ. мелкопоместным дворя-

* Православное духовенство Змеиногорского уезда.

нам, пострадавшим от неурожая и находившимся в одинаковых хозяйственно-бытовых условиях с крестьянами, ссуды выдавались на тех же условиях и в том же размере. В 1906 г. эта категория дворян получала помощь в Рязанской и Тульской губ., в 1910 г. — в Виленской [27, л. 170—172]. Во время кампании 1911—1912 гг. башкирским дворянам (мурзам) Белебеевского уезда Уфимской губ. отпустили продовольственные и семенные ссуды, правда, незначительного размера — суммарно около 7 тыс. пудов [15, с. 112].

Таким образом, сословный принцип медленно, но верно размывался. Авторы проекта нового продовольственного устава (1909) предполагали совершенно заменить его «классовым» (их выражение): продовольственная повинность и, соответственно, право на продовольственную помощь распространялись на всех обывателей, «занимающихся хлебопашеством на собственных или состоящих в их пользовании землях, не исключая и арендованных, в таком количестве, которое может быть обработано силами каждого домохозяйина и его семьи» [7, с. 14]. Хотя проект остался нереализованным, эта статья точно обозначила направление, в котором эволюционировала продовольственная система. Стирание межсословных различий способствовало интеграции российского общества.

Намного труднее происходил отказ от принципа узкой специализации. Для многих современников разделение собственно продовольственного дела (обеспечения продовольствием и посевным зерном) и «подсобных мероприятий» (всего остального, от обеспечения скота кормом до мелиорации) между разными ведомствами выглядело искусственным. Непонятным оно оставалось и для крестьян, поскольку, с точки зрения закона, чтобы получить продовольственную помощь, сперва следовало продать «излишнее» имущество, причем по низким ценам голодного года (а сама ссуда, наоборот, записывалась по высоким). Наиболее оптимальным вариантом являлась помощь (хотя бы в виде полноценного кредита), во-первых, независимо от имущественного положения просителя, а во-вторых, не только на продовольственные и семенные, но и на другие хозяйственные потребности. Но именно таких мер в продовольственном уставе не предусматривалось. Закон не содержал мер по поддержке (даже заимобразной) середняцкого крестьянского хозяйства, попавшего из-за неурожая в трудное положение и вынужденного распродавать скот и прочее имущество, подрывая тем самым своё благосостояние. Закономерно возникало недовольство этим порядком. Казанский губернатор писал: «Мне лично приходилось слышать от самих крестьян оторвавшиеся от сердца сетования, что продовольственный закон стоит на стороне отбросов крестьянства — на стороне лентяев и туенядцев» [8, с. 10].

Недостатки существующего порядка осознавали и авторы нового продовольственного устава, предлагавшие заменить продовольственные и семенные ссуды кредитом, который получатели могли тратить на любые цели по своему усмотрению. Устав так и не был утвержден — отмена натуральных ссуд показала слишком радикальной мерой. Однако с расширением объёма продпомощи средства стали выделяться и на цели, не предусмотренные уставом, — в первую очередь на поддержку крестьянского скотоводства. Она включала в себя два основных пункта: продажу кормов для скота по сниженной цене или в кредит и прямое снабжение нуждающихся крестьян лошадьми. Снабжение крестьянских хозяйств кормами для скота в случае неурожая входило в обязанность земств, однако последние обычно не имели на это средств и получали беспроцентные ссуды из общеимперского продкапитала: в 1901—1907 гг. — более 15 млн руб., в кампанию 1911—1912 гг. — 5,4 млн. Для неземских регионов заготовку производили Переселенческое управление и уполномоченные МВД. В 1911—1912 гг. на нее выделили ещё 3,8 млн. Кроме того, нуждающимся крестьянам на средства общеимперского капитала и частных пожертвований раздали безвозмездно или продали в рассрочку 16 тыс. лошадей [15, с. 227, 229, 240—246, 248].

У общеимперского капитала редко бывали свободные средства на подъём крестьянского земледелия, однако губернии нечернозёмной полосы, не страдавшие от регулярных засух, обычно содержали продзапасы в полном объёме. В 1902 г. земствам разрешили делать заимствования из губернских продкапиталов «на мероприятия по улучшению крестьянского хозяйства» тех губерний, где размер этих капиталов признан «достаточным» министрами внутренних дел и финансов и где «не предвидится надобности в употреблении этих капиталов по прямому их назначению». Мера эта, однако, оказалась временной и действовала до 1905 г. [3, с. 105—106]. Тем не менее, ею успели воспользоваться некоторые земства, как, например, ярославское, взявшее в ссуду сначала 245 тыс., а затем ещё 100 тыс. руб. на агрономическую помощь и поддержку кустарных промыслов сроком на 50 лет (всего губернский капитал составлял 403 тыс. руб.) [24, л. 9—9 об.]. Костромское земство заняло из губкапитала 100 тыс. руб. сроком на 30 лет на развитие сельского хозяйства: распространение минеральных удобрений и улучшенных семян, поощрение маслоделия и расширение земского кредита [25, л. 3]. Однако с переходом правительства во второй половине 1900-х гг. к политике максимальной экономии отпускаемых на продовольственное дело средств капиталы не пострадавших от неурожая губерний стали в первую очередь расходовать на нужды других регионов. Например, во время кампании 1911—1912 гг. у Волынской, Гродненской, Киев-

ской, Ковенской, Минской, Подольской, Полтавской, Рязанской, Тверской и Ярославской губ. позаимствовали 7,4 млн руб., что почти полностью истощило их [15, приложения, с. 87].

Итак, во многом случайное стечение обстоятельств — сильный неурожай 1891 г., совпавший с увеличением доходов казны и ростом оппозиционных настроений общественности, возложившей вину за голод на самодержавие, — запустило процессы трансформации сословной и финансово-самодостаточной продовольственной системы. Объёмы помощи существенно увеличились. Из эпизодической она превращалась в постоянную, из заимообразной — в, по сути, безвозмездную, из ограниченной по сословному признаку — в доступную для всех сословий, из предназначенной только для сохранения жизни голодающих — в направленную на поддержание крестьянского хозяйства в целом. Эти процессы к 1917 г. отнюдь не завершились и уместнее говорить только о тенденциях, обозначенных, впрочем, недвусмысленно. Я полагаю, что это говорит о постепенном переходе общеимперского продовольственного капитала в новое качество — общенационального фонда, предназначенного для борьбы с безработицей и бедностью. Вполне вероятно, что именно продовольственная система в перспективе могла стать одной из основ формирующегося российского социального государства.

Список литературы

1. 18855. — 12 июня [1900 г.]. Высочайше утверждённые Временные правила по обеспечению продовольственных потребностей сельских обывателей // Полное собрание законов Российской империи. Собр. III. Т. XX. Отд. I. С. 764—778.
2. Высочайше утвержденное, 12 июня 1900 г., мнение Государственного совета по проекту Временных правил по обеспечению продовольственных потребностей сельских обывателей // Сборник правил по обеспечению народного продовольствия. Вып. 1. СПб.: Типография Д.В. Чичинадзе, 1900. С. 47—215.
3. Высочайше утвержденное, 28 июня 1902 г., положение Комитета министров о предоставлении министра внутренних дел разрешать губернским земствам в подлежащих случаях временные позаимствования из средств местных губернских продовольственных капиталов на мероприятия по улучшению крестьянского хозяйства // Сборник правил по обеспечению народного продовольствия / Сост. Г.Г. Савич. Вып. 3. СПб.: Типография Д.В. Чичинадзе, 1903. С. 105—106.
4. *Дякин В.С.* Деньги для сельского хозяйства (Выбор пути экономического развития России. 1892—1914 гг.) // История СССР. 1991. № 3. С. 64—82.
5. *Ермолов А.С.* Наши неурожаи и продовольственный вопрос: в 2 т. Т. 1. СПб.: Типография В. Киршбаума, 1909.
6. *Ермолов А.С.* Наши неурожаи и продовольственный вопрос: в 2 т. Т. 2. СПб.: Типография В. Киршбаума, 1909.

7. Журнал Общего присутствия Совета по делам местного хозяйства № 1 от 9 ноября 1910 г. // Журналы Совета по делам местного хозяйства. 1910 г. Осенняя сессия. СПб.: [б.и.], 1911. С. 1—4 (разд. паг.).
8. Научно-справочная библиотека Российского государственного исторического архива. Всеподданнейший отчёт казанского губернатора за 1907 г.
9. Отчёт по Главному тюремному управлению за 1892 год. СПб., 1894.
10. Отчёт по продовольственной кампании 1906—1907 гг.: в 6 т. Т. 1. СПб.: Типография МВД, 1908.
11. Отчёт по продовольственной кампании 1907—1908 гг. СПб.: Типография МВД, 1909.
12. Отчёт по продовольственной кампании 1908—1909 гг. СПб.: Типография МВД, 1910.
13. Отчёт по продовольственной кампании 1909—1910 гг. СПб.: Типография МВД, 1911.
14. Отчёт по продовольственной кампании 1910—1911 гг. СПб.: Типография МВД, 1912.
15. Отчёт по продовольственной кампании 1911—1912 гг.: в 2-х т. Т. 1. СПб.: Типография МВД, 1913.
16. Отчёт по продовольственной кампании 1912—1913 гг. СПб.: Типография МВД, 1914.
17. Отчёт по продовольственной кампании 1913—1914 гг. СПб.: Типография МВД, 1914.
18. Отчёт по продовольственной кампании 1914—1915 гг. Пг.: Типография МВД, 1916.
19. Покупка степных лошадей для крестьянского населения, пострадавшего от неурожая 1898 г. местностей. СПб.: Хоз. деп. МВД, 1900.
20. Продовольственная кампания 1906—1907 гг.: по данным отчётных материалов Министерства внутренних дел: в 2-х т. Т. 1. СПб.: Типография МВД, 1908.
21. Российский государственный исторический архив (далее — РГИА). Ф. 22. Оп. 2. Д. 3001.
22. РГИА. Ф. 1287. Оп. 4. Д. 2076.
23. РГИА. Ф. 1287. Оп. 4. Д. 2430.
24. РГИА. Ф. 1291. Оп. 130. Д. 29.
25. РГИА. Ф. 1291. Оп. 130. Д. 52.
26. РГИА. Ф. 1291. Оп. 131. Д. 54.
27. РГИА. Ф. 1291. Оп. 131. Д. 551.
28. РГИА. Ф. 1291. Оп. 132. Д. 231.
29. РГИА. Ф. 1291. Оп. 132. Д. 203.
30. Россия 1913 год. Статистико-документальный справочник. СПб.: БЛИЦ, 1995.
31. Сведения о состоянии продовольственных средств в 1900 г. // Сборник правил по обеспечению народного продовольствия. Вып. 1. СПб.: Типография Д.В. Чичинадзе, 1900. С. 398—407.
32. Сибирская жизнь (Томск). 1901. 29 ноября.
33. Устав об обеспечении народного продовольствия // Свод законов Российской империи: в 5 кн. / Под ред. И.Д. Мордухай-Болтовского. Кн. 5. Т. 13. СПб.: Деятель, 1912. С. 1—80.
34. *Lindert P.* Growing public: social spending and economic growth since the Eighteenth century. Vol. 1. Cambridge: Cambridge University Press, 2004.
35. *Simms J.* The economic impact of the Russian famine of 1891—1892 // *The Slavonic and East European Review*. 1982. Vol. 60, № 1. P. 63—74.

Демографическое и санитарно-эпидемиологическое состояния Воронежской губернии в дискуссии дворянских гласных

Аннотация. В статье анализируется демографическое состояние Воронежской губернии в пореформенный период, дается общая оценка санитарно-эпидемиологического состояния губернии накануне и во время существования земских учреждений местного самоуправления. Акцентируется внимание на инициативах гласных дворянского происхождения в сфере создания и развития организаций народного здравоохранения, анализируется круг дискуссионных вопросов медицинского обеспечения. Представленные в работе данные позволяют составить представление об уровне народного здоровья в одной из самых густонаселенных губерний империи, оценить эффективность работы земских учреждений в данной сфере, а также отметить весомый вклад представителей отдельного сословия, очертив область приоритетов дворянских гласных в сфере народной медицины.

Ключевые слова: Воронежская губерния, земские учреждения, дворянство, эпидемии, народное здравоохранение, фельдшерские курсы, земские больницы.

DEMOGRAPHIC, SANITARY AND EPIDEMIOLOGICAL STATE OF THE VORONEZH PROVINCE IN THE INITIATIVES OF NOBLE-BORN MEMBERS OF ZEMSTVO INSTITUTIONS

Abstract. The demographic state of the Voronezh province in the post-reform period is analyzed in the article, there are also statistics on the birth rate, mortality, and population growth, the main causes of mortality, a general assessment of the sanitary and epidemiological state of the province on the eve and during the existence of zemstvo institutions of local self-government. There is increasing focus on initiatives of noble-born elected members in the scope of creation and development of public health organizations, the range of controversial issues of medical support is analyzed. The presented data represent the level of public health in one of the most densely populated provinces of the empire, evaluate the effective work of zemstvo institutions in this area, and also note the significant contribution of representatives of a particular class, outlining the area of priorities of noble-born elected members in the scope of traditional medicine.

Keywords: Voronezh province, zemstvo institutions, nobility, epidemics, public health, medical assistant courses, zemstvo hospitals.

* Елена Михайловна Чигирева — кандидат исторических наук, помощник руководителя Центра русского языка Воронежского государственного университета (Воронеж, Россия). e-mail: Tchigireva89@yandex.ru

Elena M. Chigireva — Candidate of Historical Sciences, Associate Director of Russian Language Centre, Voronezh State University (Voronezh, Russia).

Воронежская губ. в пореформенную эпоху относилась к регионам с наибольшей численностью и плотностью населения. Естественный прирост был более высоким, чем в прочих губерниях Европейской России. Его динамика хорошо прослеживается в течение нескольких лет: так, в 1859 г. насчитывалось 1 млн 858 тыс. 30 душ [2, с. 24], а в 1862 г. — уже 1 млн 946 тыс. 760 [19, с. 86]. В среднем, в губернии за год совершалось 22—24 тыс. браков, ежегодное же превышение рождаемости над смертностью составляло порядка 20 тыс. душ. Спустя полвека население губернии увеличилось практически вдвое и составило на 1 января 1914 г. 3 млн 630 тыс. 900 чел. [20, с. 18]. Отмечались случаи «замечательного долголетия»: например, в статистических отчётах за 1865—1866 гг. содержатся сведения о смерти крестьянина Попова в 115 лет, отставного рядового Заварзина от холеры в 110 лет, отставного солдата Плюхина в 106 лет, отмечались случаи доживания до 108 и 110 лет [18, с. 408].

Однако характерной чертой воспроизводства населения являлась также высокая детская смертность: в отчёте за 1866 г. зафиксировано всего 89.372 смерти, из которых 51.589 — дети до 5 лет. Спустя несколько десятилетий картина изменилась мало: так, согласно докладу Воронежской губернской земской управы о яслях-приютах, за 1898—1900 гг. дети до 15 лет составляли 73,7% от умерших, при этом смертность детей на первом году жизни доходила до 44%, в то время как среди всех умерших взрослые составили только 15,6%, а старики — 10,7% [11, с. 247]. Неоднократно отмечалось, что губерния по сравнению с соседями предстаёт в невыгодном свете, а также подчёркивалось, что в её «малорусских» уездах (Богучарский, Острогожский, Бирюченский, Валуйский) выживаемость грудных детей гораздо выше. Это объяснялось большей зажиточностью малорусского населения, сравнительной чистотой обстановки и постоянным присмотром матерей. В отчётах земских гласных на протяжении всего периода существования учреждений отмечались недостаток ухода за маленькими детьми и отсутствие даже примитивной гигиены. Высока также была женская смертность в возрастной группе 18—60 лет, что к началу XX в. привело к преобладанию в губернии мужского населения [16, с. 21]. Отмечу, что вплоть до 1870 г. акушерская помощь женщинам фактически не оказывалась. Неблагополучным являлось и эпидемиологическое состояние: паразитарные, венерические и, естественно, инфекционные заболевания — постоянные спутники крестьянского мира тех лет. Оспа, корь, скарлатина, коклюш, грипп, дифтерит, дизентерия, тиф, холера занимали первые строчки отчётов о распространении заболеваний.

Врачебно-санитарное дело в основном находилось в ведении Министерства внутренних дел: именно на нём лежали общий сани-

тарный надзор и заботы о предупреждении и пресечении эпидемий, наблюдение за деятельностью городских и земских управлений, которым вверялось попечение о врачебной помощи населению. Одной из острейших проблем развития последней выступало отсутствие необходимого количества более-менее квалифицированного персонала. Количество земских врачей росло медленно: в 1871 г. их было 41, в 1900 — 80, в 1905 — 86, к 1910 — 110 [1, с. 2030—2040]. Годовая зарплата врача в 1870-е гг. составляла примерно 1000 руб., в 1905 г. — примерно 1200 [23, с. 210]. Личности многих земских врачей, таких как А.И. Шингарев, Н.И. Тезяков, бывших также активными общественными деятелями, вызывали всеобщее уважение, однако их личные качества и заслуги не решали проблемы катастрофической нехватки кадров.

До отмены крепостного права и проведения великих реформ дворянство рассматривало медико-санитарную помощь крестьянам исключительно как частную благотворительность. Теперь же забота о народном здравии в представлении привилегированного сословия стала важнейшим элементом построения гражданского общества. В дискуссии 1867 г. гласные отмечали, что готовы ассигновать денежные средства на открытие фельдшерского училища [5, с. 4]. Первые фельдшерская и акушерская школы открылись в 1870 г., они по праву считаются результатом работы гласных Л.М. Стрижевского и И.И. Шидловского [15, с. 100]. По подсчётам многолетнего председателя губернской управы И.А. Лисаневича, на их содержание в год расходовалось 10 242 и 3374 руб. соответственно [6, с. 31].

Фельдшерские курсы давали примерно 15 выпускников в год, однако многие из них стремились покинуть губернию, что связывалось с низкими окладами, большим объёмом работы, общим крайне неблагоприятным состоянием из-за перенаселённости. По инициативе Н.А. Перрен-Синельникова управа решила не выдавать на руки документы об окончании курсов, считая, что земские стипендиаты должны отслужить не менее трёх лет за установленное жалование. Попытка юридического оформления такой нормы в рамках Устава курсов вызвала бурные прения и осуждение со стороны гласных Алисова, Урсула и самого Перрен-Синельникова, опасавшихся, что это оттолкнёт и так невеликое количество желающих обучаться и даже приведёт к ограничению полномочий земства по обвинению в самоуправстве. Жёсткую позицию «где учился, там и пригодился» занял А.В. Стрижевский, предложивший увеличить расходы на повторительные курсы на 1 500 руб., что вызвало новую волну дискуссий и споров о целесообразности подобного расходования средств, т.к. уровень подготовки был весьма слабым и многие гласные выступали за совершенное упразднение фельдшерских пунктов [9, с.

39]. Однако этого не произошло и к 1903 г. в губернии насчитывалось фельдшеров 347 обоёго пола на земской и городской службе, а к 1912 г. — 439 [22, с. 83].

Ещё одной темой дискуссии стали сами лечебные заведения, которые, по словам современников, представляли собой казематы, куда человека могли загнать лишь крайняя нужда и безысходность [14, с. 5]. Сырость, антисанитария, отсутствие необходимых инструментов и деления на инфекционные и неинфекционные отделения — первые впечатления земской комиссии после посещения нескольких больниц. По инициативе известного общественного деятеля и мецената А.Н. Сомова одним из первых шагов по исправлению положения стала закупка необходимых инструментов и пиявок, причем часть финансов внёс лично Сомов. Правда, существенных изменений состояние больниц не претерпело. После ревизии 1898 г. И.Т. Алисов сокрушённо докладывал собранию: «Русский простой человек боится поступать в больницы. И он прав. Наша больница является очагом заразы!» [8, с. 96].

Председатель губернской управы А.В. Стрижевский разработал документ о правах и обязанностях земского собрания по губернской земской больнице, согласно которому она содержалась на средства губернского земства, поэтому именно ему принадлежал контроль над больницей. Земство ведало её доходами и расходами, утверждало штат служащих, определяло размер платы за лечение, нанимало и увольняло врачей, принимало пожертвования и распоряжалось ими и пр. [8, с. 190]. Многие последующие решения в отношении главной народной больницы губернии вызвали вопросы. Например, о сокращении коек с 300 (на 1899 г.) до 200, а затем и вовсе до 134 [21, с. 47]. Отмечу, что к 1905 г. на территории губернии насчитывалось всего 107 больниц, из которых 74 являлись земскими. Отчёты фиксировали неравномерность их распределения по уездам и предпочтение местными земствами разъездной врачебной помощи. В земских больницах практически отсутствовали отделения для острозаразных больных, что часто приводило к отказу им в стационарном лечении.

Редкостное рвение и заинтересованность дворянские гласные проявили в вопросе строительства больницы для душевнобольных. Решение о её создании приняли ещё в 1890 г., однако конкретные шаги начались лишь с 1898 г., когда барону Будбергу, ежегодно поднимавшему эту тему, поручили поиски имения размером не менее 80 десятин для лечебницы и вверили составление смет грядущих расходов (примерно 200 тыс. руб.). Практически каждое заседание губернского собрания сопровождалось патетическими призывами перейти от слов к делу, но, как скептически отмечалось в обзоре народного здоровья за 1905 г., Орловская колония для душевнобольных

в память императора Александра II не окончена, несчастные больные пребывали в старом помещении, не удовлетворявшем элементарным требованиям психиатрии [21, с. 48].

Остройшей проблемой как для Воронежской, так и для многих других губерний являлись эпизоотии и эпидемии, уровень смертности при которых мог достигать 50%. Во многом вина в распространении смертельных заболеваний лежала на дремучем и скаредном крестьянстве. Так, например, эпидемия чумы в губерниях Центрального Черноземья в конце 1860-х гг. распространилась крайне быстро в силу того, что даже весьма зажиточные крестьяне сдирали шкуры с павшего скота, несмотря ни на какие санкции со стороны властей [17, с. 230]. По мнению председателя комиссии народных чтений И.Т. Алисова, распространение в народе знаний — одна из существенных мер борьбы с эпидемиями. Он настаивал на необходимости проведения регулярных чтений и бесед с крестьянством по вопросам дезинфекции и гигиены. Только к 1897 г. ему удалось добиться разрешения Министерства народного просвещения проводить народные чтения не только в губернских, но и в уездных городах. В том же году прошло более 2 000 чтений, на которых крестьянам читали просветительскую литературу, в т.ч. по анатомии и физиологии, гигиене и здоровом образе жизни [8, с. 62].

Однако непонимание крестьянством необходимости обращения к врачам, а не к бабкам, важности дезинфекции и гигиенических процедур зачастую сводили на нет даже профинансированные земством начинания. Так, в 1882 г. на очередном земском собрании прозвучал доклад земских врачей о безрезультативности расходования средств на борьбу с бушевавшей в губернии эпидемией дизентерии. По инициативе гласных Русанова, Черткова, Левченко и Лисаневича решили свести эти расходы до минимума и рассмотреть вопрос перенаправления остальных средств на открытие женских фельдшерских курсов [7, с. 51]. Вообще, следует отметить, что финансирование народного здравоохранения отличалось крайней нестабильностью: в 1884 г. на основании заключения ревизионной комиссии в составе дворянских гласных барона Будберга, Лутовинова, Черткова, Колюбакина, Тевяшова постановили сократить расходы на содержание больниц и штата служащих почти на 15 тыс. руб. [12, с. 14], а на чрезвычайном собрании 1884 г. после доклада нового состава ревизионной комиссии, в которую входили практически те же гласные, решили увеличить расход по больницам и благотворительным учреждениям до 106 тыс. руб., а также покрыть дефицит губернской земской больницы в 50 тыс.

Частые эпидемии (брюшного тифа и холеры в 1890 г., натуральной оспы и холеры в 1891—1892 гг., сыпного тифа, оспы и дизенте-

рии в 1893 г., сыпного и брюшного тифа в 1894 г. [3, л. 4—5]) стали настоящими вызовами для земской медицины. На одну только борьбу с холерой ассигновали 225 тыс. руб. [4, л. 36]. В 1896 г. на заседании чрезвычайного земского собрания дворянские гласные единодушно поддержали предложение устройства в Воронеже бактериологического института. Несмотря на огромные расходы, одобрили исследования болотной лихорадки [13, с. 161]. При губернской управе создали эпидемиологическое бюро, сыгравшее большую роль во время дифтерии 1895—1896 гг. В рамках расширения мер борьбы с эпидемиями В.Н. Томановский занимался организацией института уездных санитарных врачей. Отметим, что в начале XX в., во время малярии и дифтерии, земство ввиду стеснённости в средствах просило помощи у влиятельных земляков. Так, в 1903 г. граф Строганов и князь Васильчиков оплатили содержание нескольких больниц [10, с. 73].

Конечно же, проблемы низкого уровня гигиенической культуры, распространения смертельно опасных инфекционных заболеваний, усугублённые плотностью населения, не могли быть решены в течение нескольких лет и даже десятилетий, несмотря на все усилия и порывы земцев. В губернии ежегодно бушевали дифтерия, коклюш, тифы, гриппы, не хватало финансирования. Однако неуклонно увеличивалось число земских больниц и фельдшерских пунктов, ежегодно росла количество оспопрививаний (в среднем около 120 тыс. в год с постоянным возрастанием ревакцинаций [22, с. 82]), изыскивались способы поддержки медицинского персонала. К заслугам дворянских гласных относятся активная просветительская деятельность в рамках расширявших свою географию и частоту народных чтений, издание регулярного журнала «Врачебно-Санитарная Хроника Воронежской Губернии» (выходил в 1897—1918 гг.), привлечение видных жителей губернии к благотворительным акциям и дополнительных финансов. Таким образом, активная деятельность дворянства опровергает стереотип об узкословности взглядов и «крепостническом менталитете» помещиков Чернозёмного региона.

Список литературы

1. *Веселовский Б.Б.* Некоторые итоги земского дела за последние годы // Земское дело. 1910. № 24. С. 2030—2040.
2. Воронежская губерния. Список населённых мест по сведениям 1859 г. СПб.: Издание Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел, 1865. 157 с.
3. Государственный архив Воронежской области (далее — ГАВО). Ф. И-20. Оп. 1. Д. 2759.

4. ГА ВО. В. И-20. Оп. 1. Д. 3178.
5. Журналы Воронежского губернского земского собрания за 1867 г. Воронеж: Типография В.И. Исаева, 1868. 309 с.
6. Журналы Воронежского губернского земского собрания за 1879 г. Воронеж: Типография В.И. Исаева, 1880. 356 с.
7. Журналы Воронежского губернского земского собрания за 1881 г. Воронеж: Типография В.И. Исаева, 1882. 374 с.
8. Журналы Воронежского губернского земского собрания за 1898 г. Воронеж: Типография В.И. Исаева, 1899. 948 с.
9. Журналы Воронежского губернского земского собрания за 1900 г. Воронеж: Типография В.И. Исаева, 1901. 1016 с.
10. Журналы Воронежского губернского земского собрания за 1902 г. Воронеж: Типография В.И. Исаева, 1903. 815 с.
11. Журналы Воронежского губернского земского собрания за 1908 г. Воронеж: Типография товарищества «Н. Кравцов и Ко», 1909. 686 с.
12. Журналы чрезвычайного земского собрания за 1884 г. Воронеж: Типография В.И. Исаева, 1885. 56 с.
13. Журналы чрезвычайного земского собрания за 1896 г. Воронеж: Типография В.И. Исаева, 1896. 262 с.
14. *Корженевский С.Н.* Земская медицина в Тверской губернии. Тверь: Сан. отд. Твер. губ. управы, 1903. 23 с.
15. Краткий обзор десятилетней деятельности губернских и земских учреждений Воронежской губернии. Воронеж: Типография В.И. Исаева, 1876. 432 с.
16. *Мескина О.А.* История сельского населения Воронежской губернии 1863—1914 гг.: санитарно-демографический аспект. Дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2006. 25 с.
17. *Назарьев В.Н.* Современная жизнь: из воспоминаний мирового судьи // Вестник Европы. 1872. № 1, т. 2. С. 604—637.
18. О состоянии народонаселения в Воронежской губернии за 1866 г. / Памятная книжка Воронежской губернии за 1865—1866 гг. Воронеж: Типография Воронежского губернского правления, 1867. 481 с.
19. Памятная книжка Воронежской губернии на 1863—1864 гг. Издание Воронежского Губернского Статистического комитета. Воронеж: Типография Воронежского губернского правления, 1864. 239 с.
20. Россия. 1913 г. Статистико-документальный справочник. СПб.: Издательство «Русско-Балтийский информационный центр «БЛИЦ», 1995. 413 с.
21. Статистический обзор Воронежской губернии за 1903 г. / Памятная книжка Воронежской губернии на 1905 г. Воронеж: Типо-литография губернского правления, 1905. 494 с.
22. Статистический обзор Воронежской губернии на 1912 г. / Памятная книжка Воронежской губернии на 1914 г. Воронеж: Типо-литография губернского правления. 694 с.
23. *Чикалов А.И.* Земские врачи Центрально-Чернозёмных губерний во второй половине XIX — начале XX в.: служба и служение // Грамота. 2011. № 7. Ч. 1. С. 201—212.

Проблема материального обеспечения приходского духовенства Православной Российской Церкви второй половины XIX — начала XX в. в советской историографии

Аннотация. Материальное обеспечение приходского духовенства — одна из наиболее дискуссионных тем, связанных с социальной историей России второй половины XIX — начала XX в. Наличие противоречивых мнений во многом обусловлено тем, что долгое время в отечественной историографии проблема финансового положения клириков являлась идеологически ангажированной и специалисты не имели возможности приступить к её объективному изучению. В статье рассматриваются высказанные советскими историками оценки материального положения приходских священно- и церковнослужителей Православной Российской Церкви. Автор приходит к выводу, что советские историки стремились представить клириков в роли эксплуататоров, живущих за счёт простых прихожан, избегая всестороннего и объективного осмысления проблемы материального обеспечения духовенства.

Ключевые слова: Российская империя, Православная Российская Церковь, приходское духовенство, материальное обеспечение, советская историография.

MATERIAL SECURITY OF THE RUSSIAN ORTHODOX PARISH CLERGY IN SOVIET HISTORIOGRAPHY

Abstract. The material security of the parish clergy is one of the most discussed problems in modern historical science. Historians make various, sometimes mutually exclusive, assessments of the incomes of clergy. Historians discuss because for a long time in Soviet historiography the problem of financial support for clerics was ideologically engaged, and specialists were not able to begin an objective study of Russian Church history. The article considers the opinions of Soviet historians on the material security of the parish clergy of the Russian Orthodox Church in the second half of the XIX — early XX centuries. The author comes to the conclusion that Soviet historians biasedly studied the economic history of the Church.

Keywords: Russian Empire, Russian Orthodox Church, parish clergy, material security, Soviet historiography.

* **Сергей Анатольевич Иконников** — кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных дисциплин, гражданского и уголовного права Воронежского государственного аграрного университета им. императора Петра I (Воронеж, Россия). e-mail: ikonnikovsergey88@mail.ru

Sergey A. Ikonnikov — Candidate of Historical Sciences, Senior Lecturer, Department of humanitarian disciplines, civil and criminal law, Voronezh State Agrarian University named after Emperor Peter the Great (Voronezh, Russia)

Проблема материального обеспечения приходского духовенства Православной Российской Церкви второй половины XIX — начала XX в. в последние годы вызывает всё больший интерес исследователей. Специалисты, изучающие прошлое духовного сословия, обращают внимание на источники дохода, уровень благосостояния, условия жизни священно- и церковнослужителей. Тема материального положения клириков получила определенное освещение в работах Ю.И. Белоноговой [1], О.Д. Дашковской [5], С.А. Иконникова [8], Т.Г. Леонтьевой [10], А.В. Мангиловой [11], Б.Н. Миронова [12], А.Г. Фот [18] и др. Вместе с тем на взгляды некоторых современных историков и общественных деятелей всё ещё продолжают оказывать влияние выработанные в советские годы оценки роли Церкви в жизни предреволюционного российского общества, основанные на атеистических, идеологически мотивированных подходах к изучению истории религии. Необъективность и ангажированность привели к появлению ряда мифов и негативных оценок, которые и сегодня высказываются в адрес дореволюционного духовенства. В полной мере это касается вопросов, связанных с анализом уровня материального обеспечения клириков дореволюционной Церкви.

Освещение церковного прошлого в советские годы шло под строгим идеологическим контролем. По словам А.М. Сахарова, наука обращалась к изучению вопросов религии, поскольку задачи коммунистического воспитания требовали «совершенствования научной основы атеистической пропаганды» [16, с. 5]. Учёные разоблачали «клерикальные легенды» о выдающейся роли Церкви в становлении и развитии российской государственности, просветительской деятельности, преумножении культурного наследия народа. Соратник и помощник В.И. Ленина В.Д. Бонч-Бруевич так сформулировал отношение к Церкви: «Советские люди, творцы новой жизни, не покладая рук строят коммунистическое общество. Они творят новую жизнь в социалистическом государстве, руководствуясь марксистско-ленинской наукой, несоместимой и непримиримой ни с какой религиозной идеологией» [2, с. 60]. Естественно, в условиях господства «передовой» марксистско-ленинской концепции исторического развития проблема материального положения приходского духовенства не получила какого-либо серьёзного освещения. Однако определённые, хотя и тенденциозные оценки финансового положения Церкви и священнослужителей всё же делались.

Так, известный организатор антицерковных кампаний Б.П. Кандидов в 1932 г. при поддержке Центрального совета Союза воинствующих безбожников СССР опубликовал книгу, посвящённую изъятию ценностей у «попов» в 1921 г. [9]. Он утверждал, что оно имело

не только законодательные основания, но и моральное оправдание, т.к. Церковь на протяжении веков вместе с «эксплуаторскими классами» отбирала средства у «многих поколений трудового люда». Природа её имущественного права характеризовалась следующим образом: «Золото, серебро, всевозможные драгоценные камни в большом количестве лежали в десятках тысяч церквей. Они были собраны в продолжение многих сотен лет... Эти пожертвования представляли собой часть богатств, награбленных эксплуататорскими классами и их прислужниками. Значительная часть ценностей была приобретена церковью за счёт грабительских прибылей, полученных от эксплуатации всевозможных предприятий и земельных угодий. Видная доля составила из сумм, полученных от торговли “божественной благодатью”» [9, с. 11]. Эти тезисы стали характерной чертой советских работ, касавшихся церковной тематики.

Крупнейшим специалистом в области изучения истории Церкви считался Н.М. Никольский. Отличительная особенность его публикаций, естественно, заключалась в преданности идеологии, о значении которой сам он говорил следующее: «Марксистско-ленинскому учению я обязан всеми научными удачами и успехами» [13, с. 5]. Признанием его трудов стало избрание членом Академии наук Белорусской ССР в 1929 г. В 1938 г. он получил звание заслуженного деятеля науки БССР, а в 1946 г. избран членом-корреспондентом АН СССР [3, с. 5—17]. В советское время о его сочинениях отзывались как об отличавшихся «глубиной научного поиска, блестящей эрудицией, прекрасным стилем изложения» [13, с. 5].

В 1930 г. в свет вышла его знаменитая работа «История русской церкви», на долгие годы ставшая основополагающей, из которой специалисты и простые читатели черпали представления о развитии Православия в России. Труд переиздавался в 1931, 1983, 1985, 1988, 1990 гг., а также после распада СССР, в 2004 г. Экономической истории Церкви во второй половине XIX в. в нём посвящён отдельный параграф под названием «Паразитизм церковной экономики» [14, с. 465—474]. Сложно назвать анализ положения Церкви и приходского духовенства пореформенного периода глубоко научным. Автор повторил традиционный тезис о том, что доходы приходских клириков складывались путём эксплуатации верующих, а Церковь жила «высасыванием соков из народного организма». Доход приходских причтов с требоисполнений характеризовался как «непроизводительный налог на содержание паразитического общественного строя» [14, с. 468]. Вместе с тем в книге упоминалось и о проблемах материального обеспечения причтов. Государственное жалованье выплачивалось в незначительном объёме и не могло покрыть потребности приходского духовенства «хотя бы на 25%», пенсии кли-

рикам выплачивались в «мизерном размере», а духовенству приходилось наравне с крестьянами заниматься тяжёлым физическим трудом, собственноручно обрабатывая землю. Причты выражали недовольство положением, а дети священников («наиболее светлые головы») разочаровывались в быте и строе церковной жизни и уходили из сословия [14, с. 467—471].

К проблеме экономического развития Церкви обратился профессор В.И. Писарев в работе, посвящённой роли духовенства в утверждении крепостного права. Описанию их быта и «богатств» посвящено несколько параграфов. Снова подчёркнута эксплуататорская роль Церкви, её особое, привилегированное положение и несметные богатства. Стилистика подачи материала отличалась воинственностью: «Огромные земельные богатства и денежные капиталы, широкие права и привилегии, даровой крепостной труд, безграничная возможность эксплуатации его — всё это создавало предпосылки для праздной паразитической жизни духовенства, которое стремилось обставить свой домашний быт по образцу светских эксплуататоров» [15, с. 64].

Высказанные в названных работах мысли нашли развитие в сочинениях Е.Ф. Грекулова. Тот рассматривал Церковь как «мощного капиталиста», стяжавшего значительные земельные и денежные богатства. После того, как Екатерина II провела секуляризацию земель, духовенство «пыталось отыгратья на своей пастве, увеличивая свои специальные доходы». Однако изъятие недвижимого имущества не оказало значительного влияния на позиции «церковников», т.к. помещики и прочие «эксплуататоры» вновь стали одаривать их значительными пожертвованиями и новыми имениями [4, с. 1—39]. Содержащиеся в «работах» автора факты и данные часто не соответствуют действительности, откровенная ложь перемежается с клеветой и огульной критикой духовенства. Написанные в оскорбительно, пренебрежительном тоне, эти труды скорее являются антирелигиозными памфлетами, нежели научными сочинениями.

К церковной тематике обращались и в послевоенное время. Однако серьёзному анализу материального положения духовенства внимания по-прежнему не уделялось. В 1967 г. специалисты Института истории АН СССР выпустили очерки истории Церкви в России [19]. Издание отразило «достижения» в области изучения Православия. Однако ни по фактическому материалу, ни концептуально оно не предлагало ничего нового, представляя собой последовательное изложение давно известных событий в марксистско-ленинском ключе. В 1975 г. Институт научного атеизма Академии общественных наук при ЦК КПСС издал сборник, призванный осветить церковное прошлое страны от крещения Руси до 1917 г. [16]. Положе-

нию Церкви в пореформенный период в нём отведена отдельная (шестая) глава, в которой, впрочем, повторены утверждения об огромных богатствах монастырей и церквей, а также эксплуататорских порывах приходского духовенства. В научном плане и это издание не представило ничего интересного, т.к. содержала лишь отдельные отрывки ранее опубликованных работ.

В 1976 г. вышла в свет книга Л.И. Емелях, посвящённая крестьянскому движению против Церкви и духовенства [6]. Она стала обобщением многолетних исследований проблемы противостояния крестьян и духовенства накануне октября 1917 г. Работу отличает полемический характер. Автор вела дискуссию с западными учёными, а также представителями русской эмиграции, утверждавшими, что накануне революционных событий начала XX в. русские крестьяне хранили глубокую веру в Бога и были преданы Православию, а революция явилась результатом заговора небольшой группы противников самодержавной монархии. Вслед за предшественниками Емелях повторила «классические» тезисы о враждебной роли Церкви, её эксплуататорских намерениях и потребительском отношении к трудовому народу. В то же время при работе она привлекла архивные материалы, в т.ч. из фондов Святейшего Синода, попытавшись рассмотреть вопросы взаимодействия клириков и паствы путем анализа исторических источников. Отдельно рассмотрены конфликты между приходскими клириками и мирянами по поводу платы за требы.

Анализ материального положения приходского духовенства конца XIX — начала XX в. содержится в работе П.Н. Зырянова [7]. В параграфе «Кризисные явления в православной церкви накануне революции 1905—1907 гг.» он кратко охарактеризовал церковное землевладение, доходы сельских и городских причтов, преимущественно Петербургской епархии, причём сделал это так, что у читателя могло сложиться представление об очень высоком уровне жизни духовенства. Для примера приведены размеры годового дохода настоятеля Исаакиевского собора (3 300 руб.), протоиерея и третьего священника того же храма (3 200), настоятеля Казанского собора (5 700) и т.д. На этом основании делался вывод, что «по уровню доходов городское белое духовенство в целом примерно соответствовало буржуазной цензовой интеллигенции». Столь высокие доходы городских клириков, особенно в сравнении с жалованьем питерского рабочего (366 руб. в год по данным за 1904 г.), якобы выступали самым главным препятствием к «выполнению церкви её “посреднических” функций» [7, с. 33—34]. Конечно, несправедливо делать вывод о материальном положении городского духовенства, ориентируясь на столичных священнослужителей, многие из которых являлись преподавателями духовных академий, известными учёными и

проповедниками. Вместе с тем Зырянов отметил, что сельское духовенство по уровню обеспечения уступало городскому и находилось значительно ближе к своей пастве, а доходы церковнослужителей приближали их к «среднему крестьянству» [7, с. 36].

В 1989 г. авторский коллектив под руководством профессора А.И. Клибанова подготовил монографию «Русское православие: веки истории» [17]. Труд явился своеобразным подведением итогов усилий советской исторической науки. Несмотря на то, что анализу землевладения и хозяйственной деятельности Церкви в работе посвящена отдельная глава, материальному положению приходского духовенства не уделено значительного внимания, повторялись тезисы и факты, изложенные в работе Зырянова.

В целом советские учёные не уделяли серьёзного внимания глубокому и всестороннему изучению проблемы материального положения приходского духовенства. Материал, касавшийся церковной тематики, подавался в заведомо ангажированном и необъективном ключе. Священно- и церковнослужители рассматривались как богатые эксплуататоры, стремившиеся получить с прихожан как можно больше прибыли. На проблемы материального положения духовенства старались не указывать, всячески подчеркивая его зажиточность.

Список литературы

1. *Белоногова Ю.И.* Материальное обеспечение церквей в XIX — начале XX в. на примере храмов Волоколамского благочиния Московской епархии // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Сер. 2: История. История русской Православной Церкви. 2017. № 79. С. 46—54.
2. *Бонч-Бруевич В.Д.* Избранные атеистические произведения / [Сост. и авт. примеч. К. Б. Сурикова]. М.: Мысль, 1973. 343 с.
3. *Гордиенко Н.С.* Н.М. Никольский и его «История русской церкви» // Никольский Н.М. История русской церкви. М.: Политиздат, 1985. С. 5—17.
4. *Грекулов Е.Ф.* Нравы русского духовенства. 2-е изд., испр. М.: Атеист, 1929. 39 с.
5. *Дашковская О.Д.* Ярославская епархия в конце XVIII — начале XX вв.: проблемы экономического развития. Дис. ... канд. ист. наук. Ярославль, 2005. 287 с.
6. *Емелях Л.И.* Крестьяне и церковь накануне Октября. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1976. 182 с.
7. *Зырянов П.Н.* Православная церковь в борьбе с революцией 1905—1907 гг. М.: Наука, 1984. 224 с.
8. *Иконников С.А.* Пастыри Церкви. Служение и материальное обеспечение приходского духовенства центрально-чернозёмных губерний России (вторая половина XIX — начало XX в.). Воронеж: Издательско-полиграфический центр «Научная книга», 2019. 690 с.

9. *Кандидов Б.П.* Голод 1921 г. и церковь. М.; Л.: Огиз—Моск. рабочий, 1932. 94 с.
10. *Леонтьева Т.Г.* Вера и прогресс: православное сельское духовенство России во второй половине XIX — начале XX в. М.: Новый хронограф, 2002. 253 с.
11. *Мангилева А.В.* К вопросу о материальном положении приходского духовенства в период Великих Реформ // European Social Science Journal (Европейский журнал социальных наук). 2014. № 9. Т. 2. С. 229—234.
12. *Миронов Б.Н.* Жизненный уровень российского приходского православного духовенства в имперской России // Исторический журнал: научные исследования. 2015. № 1. С. 65—80.
13. *Никольский Н.М.* Избранные произведения по истории религии. М.: Мысль, 1974. 269 с.
14. *Никольский Н.М.* История русской церкви. Минск: Беларусь, 1990. 541 с.
15. *Писарев В.И.* Церковь и крепостное право в России. Пенза: Атеист, 1930. 108 с.
16. Религия и церковь в истории России (Советские историки о православной церкви в России). М.: Мысль, 1975. 255 с.
17. Русское православие: вехи истории. М.: Политиздат, 1989. 719 с.
18. *Фот А.Г.* Повседневная жизнь православного приходского духовенства Оренбургской епархии: 1859—1917 гг. Санкт-Петербург: ООО «Нестор-История», 2017. 272 с.
19. Церковь в истории России (IX в. — 1917 г.): критические очерки. М.: Наука, 1967. 336 с.

Теория «крейсерской войны» в 1890-е гг. в представлениях военно-морского профессионального сообщества (на основе публикаций в «Морском сборнике»)

Аннотация. На протяжении второй половины XIX в. одним из направлений российской военно-морской мысли традиционно являлась теория «крейсерской войны». Даже и в конце указанного столетия среди представителей военно-морского профессионального сообщества России существовали сторонники этой «доктрины». Они чутко следили за изменениями в военно-морской науке. Одно из доказательств этого — разбираемые ниже статьи, напечатанные в 1890-е гг. в «Морском сборнике».

Ключевые слова: крейсер и его качества, теория «крейсерской войны», морская блокада, морская торговля Англии и способы ее защиты.

THE THEORY OF “CRUISING WAR” IN THE 1890S ACCORDING TO THE VIEWS OF THE NAVAL PROFESSIONAL COMMUNITY (BASED ON PUBLICATIONS IN THE “MARINE COLLECTION”)

Abstract. During the second half of the 19th century, one of the trends of Russian naval thought was traditionally the theory of “cruising war”. Even at the end of this century, there were supporters of this “doctrine” among the representatives of the Russian naval professional community. They were keenly aware of changes in naval science. One of the proofs of this should be the articles discussed below, published in the 1890s in the “Marine collection”.

Keywords: cruiser and its qualities, theory of “cruising war”, sea blockade, sea trade of England and ways to protect it.

В 1890-е гг. в основном печатном органе Морского министерства Российской империи, журнале «Морской сборник», вышло значительное количество статей, посвящённых теории «крейсерской войны» — одного из основных направлений военно-морской мысли второй половины XIX в. По большей части они являлись переводами работ иностранных военно-морских специалистов. Столь большой концентрации публикаций, затрагивавших вопросы действия крейсеров против морской торговли потенциального противника,

* **Василий Анатольевич Болтрукевич** — кандидат исторических наук, научный сотрудник Центра военной истории России Института российской истории Российской академии наук (Москва, Россия). e-mail: tikuma@mail.ru
Vasily A. Boltrukevich — Candidate of Historical Sciences, the Center of Military history of The Institute of Russian History the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

до указанного периода в этом печатном органе не отмечалось. Однако столь большой интерес редакции вполне объясним: «В последнее время, в иностранной военно-морской литературе, всё более и более обращается внимание на разработку вопросов, касательно значения в ближайшем будущем “крейсерской войны” — вообще, а в особенности о сооружении морскими державами современных крейсеров разных типов» [11, с. 1]. Российское военно-морское общество должно было представлять себе, как в других морских державах шло развитие этой «доктрины».

Немаловажной причиной, дополнительно стимулировавшей интерес к вопросам «крейсерской войны», явилось то, что рассматриваемый нами период совпал с последним этапом формирования типа русского океанского крейсера, предназначенного для действий на коммуникациях противника. В связи с этим естественно желание найти в отечественной или зарубежной военно-морской мысли подтверждения или опровержения идей, заложенных в новые корабли крейсерского класса. Концентрации внимания на проблемах военно-морского дела способствовала и международная обстановка. Последнее десятилетие XIX в. выдалось богатым на различные конфликты. При всём разнообразии боевые эпизоды объединяло то, что они так или иначе оказались связаны с войной на море. Некоторые из них, например, Японо-китайская (1894—1895) или Испано-американская (1898—1899) войны, дали примеры практического использования флота в условиях нового витка гонки морских вооружений.

В связи с ограниченным объемом доклада, а также большим количеством проблем военно-морского дела, затрагиваемых в рассматриваемых статьях, ограничусь анализом только тех эпизодов, которые имеют непосредственное отношение к теории «крейсерской войны».

Одной из главных её составляющих, без которой теряли смысл все проекты нападения на морские коммуникации потенциального противника, являлись крейсера. Интересно отметить, что они, по мнению английского вице-адмирала Лонга, наряду с «судами линейными» и «судами прибрежных флотилий», составляли одну из трёх основных категорий боевых кораблей. Они требовались для действия независимо от эскадр для охраны или атаки морской торговли, а также участия в отдалённых экспедициях [9, с. 2].

Одна из основных проблем, обратившая на себя внимание авторов статей, — качества, которым должен соответствовать «настоящий» крейсер. Это прежде всего мореходность. Вице-адмирал германского флота Л. фон Хенк писал, что крейсерами могут называться только корабли, «представляющие полную гарантию своих

мореходных качеств не только в отношении плавучести, устойчивости и способности управляться, но и по отношению к тому, как они выдерживают всевозможные обстоятельства, обуславливаемые скоростью хода, ветром и погодой» [12, с. 149]. Аналогичного мнения придерживался вице-адмирал французского флота Ж.М.А. де Кавелье де Кювервилль, указывавший, что термин может относиться только «к судам открытого моря, морские качества которых должны быть наиболее совершенны». Это не просто технические характеристики, «но и вообще характер выказываемый судном на море, при всевозможных условиях хода и погоды» [2, с. 97].

Скорость — ещё одно качество, жизненно необходимое для любого военного корабля, особенно крейсера. Он должен быть способен догнать любой, даже самый быстроходный транспорт или, в случае необходимости, уйти от преследования неприятелем [2, с. 97]. Другое дело, что в вопросе конкретных цифр могло быть расхождение. Например, адмирал Лонг считал, что крейсер должен развивать не менее 20 узлов [9, с. 7]. Сейчас такие цифры могут показаться не столь значимыми, но в 1890-х гг. они впечатляли. Впрочем, звучали и противоположные, отчасти курьёзные мнения. Так, адмирал Кливленд считал, что увлечение скоростью военных кораблей навязывается Великобритании против её воли: «Другие государства строят чрезвычайно быстроходные крейсера, и тем заставляют Англию строить суда для борьбы с ними» [9, с. 12].

Ещё одно свойство крейсера — способность держаться в море продолжительное время. Необходимое условие для этого — возможность брать максимальное количество припасов, прежде всего жизненно необходимое топливо. Поэтому вопрос о том, сколько угля должен брать такой корабль, неминуемо становился решающим. Например, Лонг считал, что вполне достаточен запас угля на неделю или, другими словами, для перехода от «базиса к месту боя, для самого боя, и, наконец, для обратного 10-узлового хода» [9, с. 7]. В своих очередь, Кливленд считал, что запас угля в 500 т (как на новейших крейсерах типа «Астрея») недостаточен [9, с. 11]. Далее, вставала проблема пополнения топливных запасов. Так, например, согласно итальянскому военно-морскому журналу «Rivista Maritima», в середине 1890-х гг. на французском броненосце «Ришельё» (входил в состав Средиземноморской эскадры) «произведён... опыт погрузки угля в открытом море». В ходе него испытывалось особое приспособление, разработанное Темперлеем. Броненосец, имея у борта транспорт и идя со скоростью 6,5 узлов в течение трёх часов смог погрузить 100 т угля. Подобные результаты сочли удовлетворительными [10, с. 11]. С другой стороны, Кливленд, например, считал погрузку угля в открытом море невозможной [9, с. 11].

Один из способов повышения автономности заключался в увеличении размеров и водоизмещения корабля для повышения вместимости [1, с. 16]. Однако некоторые представители военно-морского профессионального сообщества выступали против этого, считая строительство таких крейсеров ошибкой. Один из них — известный военно-морской теоретик Ф.Г. Коломб, который утверждал: «Нет никакого основания строить такие суда; никакие соображения, ни теоретические, ни исторические, ни практические не могут [быть] приведены в пользу такой постройки» [6, с. 17; 9, с. 15]. Существовала и третья точка зрения: крейсера в силу тактических и экономических причин должны иметь средние размеры. Во-первых, это даст возможность строить их в значительном количестве. Во-вторых, позволит без увлечения гигантизмом достичь хорошей скорости, которую можно поддерживать вне зависимости от погоды [3, с. 116, 117]. Наконец, повысить автономность можно с помощью установки на крейсер парусного рангоута [5, с. 16]. Одним из сторонников этой идеи был сэр У.Г. Уайт, который считал, что «рангоут будет полезен для продолжительных океанских переходов, если не перейдут к постройке судов более значительных размеров, с большим запасом топлива» [9, с. 15]. С другой стороны, некоторые представители военно-морского сообщества отвергали паруса, считая, что их время давно прошло [9, с. 8, 13].

Следующий блок проблем вплотную связывался с «крейсерской войной» и её целесообразностью. Одним из тех, кто считал эту форму ведения войны на море допустимой, являлся мичман французского флота Жиффар, который писал: «*Промышленная война*», столь оспариваемая, но составляющая, тем не менее, кажется, в настоящее время единственное средство довести до соглашения столь грозную державу, как Англия, которая может считаться неуязвимой средствами большой войны... вопреки всем противоположенным теориям, как филантропическим, так и дипломатическим» [3, с. 124, 125]**. Одним из аргументов за использование крейсеров для прерывания морских коммуникационных линий, по мнению лейтенанта английского флота Кратчли, является то, что военно-морская история знает примеры «страшного вреда», который может нанести морской торговле «хотя и малое число крейсеров, но хорошо снабжённых и вооружённых по требованиям современной военно-морской техники». При этом наиболее поучительным примером «действий хорошо вооружённого судна против торговых судов» яв-

* Предполагаю, что понятие «промышленная война» является синонимичным термину «крейсерская война».

** Здесь и далее курсив принадлежит автору источника.

лялось «крейсерство американского приватира* *Alabama*, который имел полное парусное вооружение и мог долго оставаться в море, не имея надобности в пополнении запасов топлива». Из этого делался вывод: «При будущей войне, шансы успеха против английской морской торговли будут вероятнее на стороне неприятеля, который, кроме настоящих боевых крейсеров, может ещё воспользоваться вспомогательными крейсерами из числа хороших купеческих пароходов» [7, с. 117, 118].

Авторство значительной части анализируемых статей принадлежит представителям английских военно-морского сообщества. Как это ни парадоксально, они даже в конце XIX в. не могли выработать единую концепцию защиты своих коммуникаций [8, с. 25]. Одной из главных проблем, согласно командеру В. Каборну, являлся огромный размер английский морской торговли, громадные цифры импорта и экспорта, которые «должны весьма осязательно указать на то беспокойство, какое придётся испытывать каждому англичанину в случае войны с одной и тем более двумя морскими державами» [4, с. 51, 54]. Как результат активно обсуждались различные варианты нейтрализации возможных угроз. Интересный вариант предлагал Лафтон: несколько «больших броненосных крейсеров с прожеутками между ними, заполненными малыми крейсерами или лодками, вероятно, справятся со всяким неприятельским судном — военным ли крейсером или приватиrom, между тем как коммерческие суда будут либо проходить самостоятельно вдоль защищённой линии, либо будут сопровождаться от одного сторожевого судна до другого конвоем» [8, с. 36, 37]. Лонг считал, что охрану морской торговли можно поручить большим крейсерам, «размещённым по угольным станциям, при чём сообщение с этими последними должно поддерживаться при посредстве телеграфа и быстроходных почтовых пароходов» [9, с. 5, 6]. Аналогично и Кливленд утверждал, что лучшее средство охраны торговых путей — патрулирование вдоль них крейсеров, один из которых всегда должен находиться в узле торговых путей [5, с. 16].

Препятствие для реализации вышеприведённых способов создавала хроническая нехватка крейсеров, пригодных для обеспечения безопасности английских транспортов [7, с. 119]. Конечно, существовали можно было мобилизовать и вооружить быстроходные коммерческие пароходы из числа построенных по рекомендациям Адмиралтейства [12, с. 152]. Однако высказывались сомнения

* Приватир (англ. *privateer*) — коммерческое судно, вооружённое частным лицом (с разрешения верховной власти) и предназначенное для действий против торговли противника.

в пользу этой меры. Например, Кратчли писал, что надеяться на «своевременную поддержку со стороны импровизированных пароходов-крейсеров, числящихся в адмиралтейских списках, — едва ли возможно при нынешних условиях морской войны, т.к. потребуются много времени на предварительное вооружение, снабжение и изготовление таких пароходов для боевых действий» [7, с. 119]. Кроме того, согласно его расчётам, «существующего числа военных и вспомогательных крейсеров... едва достаточно для блокады неприятельских портов, для разведочной службы и для охраны подступов и входов в главные порты Великобритании. Охрана же водяной полосы, хотя бы в пределах 50 миль от берегов, представляется уже делом весьма трудным» [7, с. 119, 120].

Второй способ обеспечения безопасности морской торговли — блокада выходов из всех портов, где могли укрыться крейсера потенциального противника. Кливленд писал, что «*блокада есть самое верное средство обороны*», поскольку современные усовершенствования в военно-морском флоте способны только уменьшить влияние различных случайностей [5, с. 8]. Но этот вариант имел свои недостатки. Так, военно-морской теоретик Ф.Г. Коломб в письме к издателю газеты «Times» справедливо указывал, что «даже целая туча крейсеров, держась у входа в порт, не в состоянии помешать неприятельскому крейсеру выскочить из порта в море нетронутым, если он того пожелает» [6, с. 19, 20].

Существовал третий вариант, известный ещё со времён парусного флота: «Назначение к коммерческим парусным судам, отправлявшимся в совместное плавание, вооружённого конвоя» [8, с. 41]. Однако некоторые считали эту меру неправильной, неоправданно рискованной. Одним из таковых можно считать Коломба, по мнению которого «коммерческие суда, в случае хорошего их хода, подвергались бы гораздо меньшей опасности, совершая свой путь отдельно и полагаясь на бдительность своих собственных шкиперов, чем в совместном плавании и скучившись в большой флот» [8, с. 30].

По мысли Лафтона, причин негативной оценке использования системы конвоев несколько. Одна из них — успешные операции французских крейсеров против морской торговли Англии в XVIII в., самой известной из которых был захват эскадрой адмирала Ж.Г.Т. Ламотт-Пике «клада св. Евстафия». Однако главная ошибка — не применение самого конвоя, а отправка «большого и богатого флота» без уверенности в отсутствии сильного неприятеля. «Раз этой азбучной предосторожностью пренебрегли, случившиеся потери составляли только естественное следствие этого. Откуда следует, что если мы не будем господствовать на море — частью или вполне, то купеческим судам невозможно будет выходить в море без воен-

ных конвоиров» [8, с. 29, 30]. Имелось также мнение, что прежняя система конвоев, применявшаяся во времена парусного флота, в эпоху пара неприменима, поскольку задержки в сборе групп пароходов и разность их скоростей сделают совместное плавание затруднительным, совершенно несовместимым с современной быстротой перевозок грузов [5, с. 16]. С другой стороны, как считал фон Хенк, введение пара, наоборот, облегчало конвойную службу [11, с. 154].

Последней мерой являлось вооружение торговых судов: «В смысле самозащиты, не может быть никакого сравнения между двумя коммерческими пароходами, из которых один будет в военное время вооружён хотя бы одной современной пушкой, а другой будет без всяких средств для самозащиты. Этот последний неминуемо будет или захвачен или уничтожен вооружённым неприятелем». Однако и здесь существовали подводные камни. Так, Краччи указывал на обстоятельства против вооружения транспортов в мирное время: невыясненность права коммерческих судов иметь в мирное время вооружение хотя бы для самозащиты; лишний груз (артиллерия и боекомплект), который пароход должен носить постоянно; необходимость подготовки судовых офицеров и команды для обращения с орудиями. Первый из этих пунктов неоднократно обсуждался, но так и не получил окончательного разрешения; второй представлялся несущественным. Единственным серьёзным препятствием могла явиться стоимость «боевого снабжения» [7, с. 120, 121]. Со своей стороны, фон Хенк считал вооружение всех торговых пароходов нереальным, поскольку этому препятствовали технические сложности: «Современные орудия предъявляют слишком большие требования как в отношении устройства судна, так и в отношении умелости прислуги». Тем не менее, он видел возможным поставить на коммерческие суда по несколько скорострельных орудий [12, с. 154].

Из вышеизложенного видно, что в английском военно-морском сообществе активно шла разработка концепций защиты морской торговли, уязвимость которой для крейсеров потенциального противника осознавалась многими. Каждая из этих идей имела как свои недостатки, так и преимущества.

В свою очередь российские морские офицеры пристально следили за развитием военно-морской мысли в других морских державах и старались быть в курсе всех новинок в этой сфере. Можно предположить, что подборка статей, так или иначе связанных с тематикой «крейсерской войны», не случайна. Скорее всего она мотивировалась желанием сторонников этой концепции продемонстрировать руководству Морского министерства, что «доктрина» активно обсуждается в мире и имеет право на существование в России.

Список литературы

1. *Беляев А.Т.* Очерк военного судостроения в России в период от 1863 г. и до броненосного фрегата крейсера «Владимир Мономах». СПб.: тип. Мор. М-ва, 1885.
2. *Де Кавелле де Кювервиль Ж.М.А.* Положение вопроса о крейсера. Пер. с фр. // Морской сборник. 1893. № 6. С. 97—103.
3. *Жиффар.* Очерк по теории большой войны крейсера. Пер. с фр. лейтенанта Ведерникова 1-го // Морской сборник. 1893. № 7. С. 105—130.
4. [*Каборн В.*] По вопросам крейсерской войны. Пер. с англ. лейтенанта М. Бубнова // Морской сборник. 1896. № 12. С. 51—61.
5. *Кливленд.* О морской обороне Великобритании и её колоний. Пер. с англ. // Морской сборник. 1890. № 8. Морская хроника. С. 1—17.
6. *Коломб Ф.Г.* О гигантских крейсерах. Пер. с англ. // Морской сборник. 1893. № 5. Морская хроника. С. 16—22.
7. *Кратчли.* Об охране английской морской торговли. Пер. с англ. А. Варнека // Морской сборник. 1894. № 4. С. 117—130.
8. *Лафтон.* По вопросам крейсерской войны. Пер. с англ. капитана 2-го ранга [К.П.] Иессена // Морской сборник. 1895. № 3. С. 25—37.
9. *Лонг.* О современном положении крейсеров в случае войны. Пер. с англ. // Морской сборник. 1893. № 5. С. 1—16.
10. Опыт погрузки угля в море // Морской сборник. 1895. № 8. Морская хроника. С. 11.
11. По вопросам крейсерской войны. Пер. с англ. Д. // Морской сборник. 1896. № 11. С. 1—27.
12. *Хенк Л., фон.* Роль крейсеров в будущей морской войне. Пер. с нем. П.В. // Морской сборник. 1893. № 12. С. 145—155.
13. *Штенгер В.А.* По вопросам крейсерской войны. Военный флот и морская торговля // Морской сборник. 1895. № 4. С. 11—20.

Еврейская партийная пресса в Российской империи: особенности функционирования и идеологии

Аннотация. В статье рассмотрена история становления и развития в до-революционный период прессы еврейских политических партий, прежде всего Бунда, а также сионистских изданий. Утилитарный подход к прессе со стороны партийных функционеров predetermined нерегулярность и непродолжительность выхода изданий, которых в 1905—1907 гг. насчитывалось свыше ста. Из-за недостатка профессиональных публицистов возникали сложности в изложении идеологии. В партийных доктринах формулировались социальные и национальные интересы еврейства.

Ключевые слова: исторические источники, еврейская пресса, Первая русская революция, Бунд, социалистический сионизм, идиш, иврит, еврейский вопрос.

JEWISH PARTY PRESS IN THE RUSSIAN EMPIRE: FEATURES OF FUNCTIONING AND IDEOLOGY

Abstract. The article observes the history of the formation and development of the press of Jewish political parties, primarily the Bund, as well as Zionist publications in the pre-revolutionary period. The utilitarian approach of party functionaries to the press determined the irregularity and short duration of publications. Over a hundred of them came out during the revolution of 1905-1907. Due to the lack of professional publicists, difficulties arose in the presentation of party ideology. Party doctrines formulated the social and national interests of Jews.

Keywords: historical sources, Jewish press, First Russian Revolution, Bund, socialist Zionism, Yiddish; Hebrew, Jewish question.

Объектом исследования в данной статье избрана пресса еврейских партий. Как правило, каждая из них выпускала несколько печатных изданий, которым уделялось первоочередное внимание. Израильский историк И. Маор отмечал, что на IV Всероссийском съезде сионистов, состоявшемся в августе 1907 г. в Гааге, подробно рассматривались вопросы агитации и пропаганды на разных языках (идише, иврите, русском и польском) и вырабатывались приоритеты. В частности, официальным органом избрали журнал «Рассвет», кроме того, было принято решение выпускать ежедневную газету на

* **Илья Викторович Печенин** — кандидат исторических наук, главный библиотекарь отдела комплектования Российской государственной библиотеки (Москва, Россия). e-mail: pechenin81@mail.ru

Ilya V. Pechenin — Candidate in Historical Sciences, Chief Librarian, Acquisition Department, Russian State Library (Moscow, Russia).

идише [12, с. 247]. В одном из постановлений съезда каждому сионисту вменялось в обязанность выписывать партийную периодику [12, с. 248]. Аналогичные решения принимались на съездах других политических сил [8, с. 87, 95]. В частности перед Бундом стояли задачи диверсифицировать партийную прессу, чтобы каждое издание выполняло свои функции. По признанию Б. Левинсона-Бенского, «русский орган только роскошь для нас, его мы издаём для внешнего мира, для борьбы с интеллигентскими партиями... которые очевидно не имеют даже потребности обращаться к еврейским массам» [17, л. 1]. По воспоминаниям другого бундиста И. Неймана, «если “Арбейтер штиме” и “Дер Бунд” были первыми на еврейском языке журналами политически-публицистического характера в современном смысле этого слова, то “Идишер арбейтер” является первой попыткой создания на еврейском языке научного журнала. В этом его большое культурно-историческое значение» [15, л. 24].

История еврейской политической прессы в дореволюционной России охватывает длительный период. Хотя организации (Бунд и отдельные сионистские кружки) возникли в 1897 г., за год-два до этого начали выходить некоторые периодические издания. Например, в 1896 г. идеолог духовного сионизма Ахад-Гаам (А.Г. Гинзбург) основал журнал «Гашилоах» («Послание», иврит); в том же году один из виднейших идеологов Бунда В. Коссовский выпустил «Дер идишер арбейтер» («Еврейский рабочий», идиш). Оба эти издания выходили за границей. Политические идеи сионизма, социализма и автономизма появились не на пустом месте. Они витали в воздухе все последние десятилетия XIX в. Первая газета социалистического направления «Гаэмет» («Правда», иврит) издавалась эмигрантом А. Фриманом (Либерманом) в Вене ещё в 1877—1878 гг. Отпечатанные три номера направлялись в Россию. Поэтому нельзя сказать, что еврейская политическая пресса имела точку отсчёта.

Нельзя точно назвать и конечную её дату. Некоторые издания выходили и после октября 1917 г. Появлялись даже новые органы. Например, в 1918 г. в Киеве выходило сионистское издание «Аф дер вах» («На страже», идиш), в Минске же — орган Бунда «Дер найер векер» («Новый будильник», идиш) [9]. Второе рождение еврейская партийная пресса получила в межвоенной Польше [2]. Несмотря на некоторую размытость временных рамок, можно говорить о целостной истории этого феномена в конце XIX — начале XX вв., которая разделяется на этапы: значительный рост еврейской партийной прессы в 1897—1904 гг., кульминация в 1905—1907 гг. и устойчивое развитие в 1907—1914 гг., паралич в связи с цензурными ограничениями Первой мировой войны и, наконец, эпилог в 1917—1920-е гг., когда еврейские партии завершили существование в советской Рос-

сии. Это дало повод израильско-американскому учёному Б. Харшаву выделить три пика расцвета еврейских идеологий и структур: 1897, 1905—1907 и 1917—1922 гг. [20, с. 72].

Своё внимание я сконцентрирую на периоде 1905—1907 гг., когда еврейская пресса наиболее выпукло отражала идеологию, реагируя на различные актуальные события. В условиях ослабления цензурных ограничений и легализации партий стало возможным открыто выражать убеждения, оказывать влияние на потенциальных избирателей при выборах в Государственную Думу. Хотя многие еврейские партии (в т.ч. Бунд, Поалей-Цион, СЕРП) бойкотировали выборы в первую Думу, они принимали участие в работе второй и третьей.

В этот небольшой временной промежуток издавалось значительное количество изданий. Библиограф У.Г. Иваск особо выделил «сильный подъём в развитии» прессы в 1906 г., когда «число русско-еврейских периодических органов достигло небывалой ещё цифры — 17» [10, с. 5]. По самым скромным подсчётам, всего за 1905-1907 гг. вышло порядка 40 еврейских изданий на русском языке, более 80 на идише, а на иврите выпускалось 18 газет и журналов. Разумеется, не все их можно причислить к партийной прессе. Некоторые из них не были политическими органами, вроде варшавской газеты «Роман-цайтунг» [«Роман-газета», идиш] (1907—1908 гг.). Однако в целом для этого периода характерна чрезвычайная политизированность, что отражало настроения в еврейском обществе России. Журнал «Свобода и равенство» отмечал: «Еврейская жизнь бьёт ключом. Никогда ещё не наблюдалось на еврейской улице столько оживления, воодушевления, как в настоящее время. Политическое и национальное самосознание народа развилось за последние годы до такой степени, что русское еврейство стало прямо неузнаваемо» [11, с. 12]. Публицист петербургского журнала «Еврейский мир» удачно подметил, что «для обозначения всех вообще исповеданий еврейской улицы едва хватало букв алфавита: с.с., п.ц., с.е.р.п. и т.д., и т.д.» [7, с. 140]. Данные аббревиатуры представляли палитру еврейской политики: сионисты-социалисты, Поалей-Цион, Социалистическая еврейская рабочая партия. В то же время очевидец тех событий Г.Б. Слиозберг с изрядной долей скепсиса писал: «Политическая разногласица и многопартийность, которые подчеркивала в особенности еврейская пресса, были делом небольших кружков интеллигентов» [19, с. 253].

Партийные деятели подходили к прессе утилитарно, рассматривая её прежде всего как идеологический орган, средство агитации, отклик на текущие события. Главной целью было не издание прессы как таковой, а проведение своей политической линии, борьба с оппонентами. Коссовский писал: «“Вестник Бунда” не выйдет. “П.И.”

[“Последние известия”. — *И.П.*] его проглотили. Издавать два органа со статьями нет возможности. Все темы, по которым могли бы быть статьи в “В.Б.”, уже взяты для “П.И.”: одну статью о VII сионистском конгрессе, три статьи о Государственной Думе и “беглые заметки”, главным образом, о том же в № 261, три статьи по национальному вопросу... будет ещё, вероятно, статья о профессиональных союзах. Остаётся ещё о временном правительстве, но на эту тему мне вряд ли удастся написать статьи до шестого съезда... нужно прочесть хоть минимальную литературу по этому вопросу, а на это у меня сейчас нет времени. За вычетом этой статьи, да ещё предполагавшейся статьи о польском вопросе... ничего для “Вестника Бунда” не остаётся. При нашем положении может быть только одно из двух: или “П.И.” со статьями, или “В.Б.”, и то и другое выходить не может. По многим причинам предпочтительнее первое» [16, л. 19—20].

Именно таким подходом, очевидно, можно объяснить изначальную нерегулярность выхода бундовских изданий. Одно из важнейших — «Арбейтер штиме» — в 1897 г. старались выпускать ежемесячно, однако № 8 вышел уже в январе 1898 г., № 11 — спустя почти год, в дальнейшем случались перерывы в три месяца и даже полгода. Поэтому, по признанию Неймана, «по чисто техническим причинам нельзя было откликаться на события в момент их наибольшей яркости и остроты» [15, л. 9].

По-видимому, одна из главных проблем, с которой сталкивались партии при издании своей прессы, — нехватка квалифицированных авторов. И это несмотря на когорту еврейских поэтов, писателей и публицистов, творивших на разных языках. Нейман писал соратнику М. Винокуру в Женеву о выходе русскоязычного журнала «Наше слово», который, по его мнению, был «обеспечен достаточным количеством сотрудников. Беда в том, что все сотрудники — новички. Редакция должна состоять из пяти человек: Гейликман Марк, Медем, Маякпель, Володя Захаров-Киевский и Филипп. Все они (под вопросом только Маякпель) достаточно умеют писать и достаточно подготовлены для того, чтобы издавать еженедельный подобный журналчик. В конце концов, не святые горшки обжигают, и редакция какого-нибудь, скажем, “Восхода” обставлена не лучше в литературном (скорее в литераторском) отношении. Моё убеждение, что, если их не прикроют с первых же шагов и дадут возможность преодолеть ту массу технических трудностей, которые неизбежны в новом деле при руководстве новичков, — журнал наладится и завоеует себе место» [17, л. 1].

Несмотря на очевидную тенденциозность, ему пришлось признать, что «у Бунда... в первые годы его существования опытных и талантливых литераторов не было совсем. Дифференциация в сре-

де партийных работников тогда была ещё весьма незначительной, “литераторы” исполняли и организационную, и пропагандистскую, и подчас даже техническую работу. Интеллигенции в рядах партии было гораздо меньше, чем в других с.-д. организациях. И это не могло не отразиться и на характере прессы» [15, л. 24]. Это порождало разногласия и привело к серьёзным проблемам. Оказывалось невозможно выработать единое партийное мнение и чётко изложить его. По словам Левинсона-Бенского, «“Наша трибуна” после первых номеров стала вызывать у своих некоторое раздражение, теперешний орган не будет лучше; еврейская газета не существует, а со дня своего возникновения она влачит жалкое существование. Она бесспорно единственная в мире политическая газета, которая не имеет направления, или меняет его по настроению, которая не имеет редакционного мнения по самым жгучим вопросам. Будущий историк или даже современный политик не имеет возможности знать мнение руководящего органа Бунда по самым злободневным вопросам. Он знает мнение Владимира Коссовского, или П. Анмана, или К. Фрумина. С тех пор, как газета существует, не было ни одного редакционного сообщения с обязательным решением проводить именно такую-то точку зрения в официальных передовицах (это, разумеется, не значит закрыть рот противникам). У нас не орган партии, а орган двух её литераторов» [18, л. 1—2].

Разумеется, убеждённых «бундовских литераторов» имелось совсем немного. В среде и так немногочисленной еврейской интеллигенции наблюдалось «брожение умов». Приверженцы различных идеологий создавали собственные издания. Подобный плюрализм можно объяснить повышенной интенсивностью еврейской политической жизни и характерной особенностью национальной традиции, подчёркивавшей множественность мнений и неоднозначность решения той или иной проблемы.

Пожалуй, именно еврейская партийная периодика привлекает первоочередное внимание историков. Однако заметна идеологическая заданность исследований: учёные смотрят на объект исследования, исходя из собственных идейно-политических представлений. Сейчас, когда от рассматриваемых событий нас отделяет более ста лет, нужно отказаться от прежних, не оправдавшихся положений, переосмыслить значение социального и национального факторов в развитии российского еврейства. В этом отношении показательна статья израильского историка Э. Ледерхендлера [5] и ряд других, не менее интересных работ ещё 1970—1980-х гг. [3, 4, 6].

Социальная стратификация еврейства была весьма своеобразной, не укладывалась в абстрактную марксистскую схему. Эта специфика наложила отпечаток на политику Бунда в отношении

еврейского пролетариата [14]. На страницах партийной печати неоднократно затрагивался вопрос о нём, его характерных особенностях, составе и численности. Немногочисленность наёмных рабочих, занятых на крупных предприятиях, которых в черте оседлости было очень мало, диктовала необходимость расширения потенциальной социальной базы. Как отмечалось на страницах «Нашего слова», «в авангарде рабочей армии... стоят еврейские ремесленники. Их численность превышает абсолютно в 1,5 раза численность нееврейских ремесленников в черте, а отношение числа еврейских ремесленников к еврейскому населению черты в 15 раз больше того соотношения, которое существует между нееврейскими ремесленниками и нееврейским населением черты» [13, с. 13]. Очевидно, издание зависило численность этой социальной прослойки, применив некорректные сравнения при помощи несопоставимых и непропорциональных данных. Ведь еврейское население черты осёдлости, по данным переписи 1897 г., составляло 14,8% (4 874 тыс. чел.), среди которых ремесленников насчитывалось только 10,28% (500 986). Однако их количество действительно превышало численность ремесленников других национальностей Западного края, т.к. подавляющее большинство населения оставалось крестьянским.

Порой применение марксистской теории к еврейскому социуму приводило к абсурду, ведь речь шла не о массовом пролетариате, а о мелких ремесленных производствах, лишь называвшихся «фабриками», но в действительности использовавших труд буквально нескольких человек, зачастую тесно связанных с хозяевами. Это делало «классовую борьбу» практически невозможной и грозило лишь разорением. В то же время нельзя «уходить» от источника: мы исследуем реалии рубежа XIX—XX вв., когда люди мыслили именно классовыми и национальными категориями, на слуху у обывателей были идеологические клише, заданные прессой — единственным в то время средством массовой информации. Поэтому на первый план выходит проблема идентичности, понимаемой как отождествление себя с неким «воображаемым сообществом» [1], будь то нация, религиозная община, класс или социальная страта.

Обращение к еврейской партийной печати закономерно при изучении национально-религиозной и социально-политической идентичности российского еврейства. Отражение различных идентификационных моделей на её страницах нужно рассматривать как логическое завершение идейных исканий на рубеже XIX—XX вв., завершение процессов складывания новых идеологий и их воплощение в текстах, фразах и лозунгах. Модели еврейской идентичности становились ключевыми элементами политических доктрин.

Список литературы

1. *Anderson B.* Imagined communities: reflections on the origins and spread of nationalism. L.: Verso, 1991. 224 p.
2. *Brumberg A.* On reading the Bundist press // East European Jewish Affairs. 2003. № 1. P. 100—117.
3. *Brym R.J.* The Jewish intelligentsia and Russian Marxism. L.: Schocken books, 1978. VIII, 157 p.
4. *Frenkel J.* Prophecy and politics: Socialism, Nationalism and the Russian Jews, 1962—1917. Cambridge: Cambridge University Press, 1981. 686 p.
5. *Lederhendler E.* Classless: on the social status of Jews in Russia and East Europe in the late European century // Comparative Studies in Society and History. 2008. № 2. P. 509—534.
6. *Peled Y.* Class and ethnicity in the Pale: the political economy of Jewish workers' Nationalism in late Imperial Russia. N.Y.: St. Martin's Press, 1989. 171 p.
7. *Бикерман И.* Национализм и нация // Еврейский мир. 1910. № 2—3. С. 140—155.
8. *Бухбиндер Н.А.* История еврейского рабочего движения в России: по неизвестным архивным материалам. Л.: Академ. изд-во, 1925. 387 с.
9. Еврейская периодическая печать в 1917 и 1918 гг. Временник Российской книжной палаты. Вып. III (Составил по материалам Российской Книжной Палаты и другим источникам И.В. Яшунский; под ред. проф. С.А. Венгерова). Пг.: Тип. кооперативного т-ва «Вестник», 1920. 20 с.
10. *Ивак У.Г.* Еврейская периодическая печать в России // Материалы для истории еврейской журналистики. Вып. 1. Издания на русском языке. Таллинн: Генс, 1935. XV, 104 с.
11. *М.Л.* Еврейская партийная жизнь // Свобода и равенство. 1907. № 4. С. 12—13.
12. *Маор И.* Сионистское движение в России. Иерусалим: Библиотека Алия, 1977. 457 с.
13. *Марголин С.* Развитие еврейского ремесла // Наше слово. 1906. № 8. С. 10—13.
14. *Печенин И.В.* Еврейская партийная пресса в Российской империи: особенности понятия еврейской идентичности // Гуманитарный вестник МГТУ им. Н.Э.Баумана. 2015. Вып. II. URL: <http://hmbul.ru/catalog/hum/histarch/323.html> (дата обращения — 20.09.2020).
15. Российский государственный архив социально-политической истории (далее — РГАСПИ). Ф. 271. Оп. 1. Д. 211.
16. РГАСПИ. Ф. 271. Оп. 1. Д. 241.
17. РГАСПИ. Ф. 271. Оп. 1. Д. 286.
18. РГАСПИ. Ф. 271. Оп. 1. Д. 306.
19. *Слюозберг Г.Б.* Дела минувших дней. Записки русского еврея. Т. 3. Париж, 1934. 387 с.
20. *Харшав Б.* Язык в революционное время. М.: Текст, 2008. 476 с.

К вопросу об организации сыскной деятельности и агентурной работы служащими калужской полиции и жандармерии в начале XX в.

Аннотация. В статье с опорой на документальные материалы изучены эпизоды осуществления служащими сыскной полиции и жандармерии г. Калуги своих профессиональных обязанностей. Особое внимание уделено агентурной работе по выявлению революционных элементов в 1904—1906 гг. и взаимодействию жандармских чинов с сотрудниками общей полиции. Сделан вывод о том, что профессионализм провинциальных правоохранителей находился на достаточно высоком уровне.

Ключевые слова: жандарм, политический розыск, дневник Горелова, ежедневные служебные обязанности жандарма, агентурная работа, революционеры.

ON THE ORGANIZATION OF DETECTIVE AND AGENT WORK BY EMPLOYEES OF THE KALUGA POLICE AND GENDARMERIE IN THE EARLY TWENTIETH CENTURY

Abstract. Based on documentary materials extracted from the State archive, the article examines various episodes in which employees of the Kaluga detective police and gendarmerie perform their professional duties. Special attention is paid to the agent work of the Kaluga gendarmes to identify revolutionary elements in 1904—1906 and the interaction of gendarmes with the General police. The article concludes that the professionalism of the provincial gendarmes and the General police of Kaluga were at a fairly high level.

Keywords: gendarme, political research, Gorelov's diary, gendarme's daily official duties, agent work, revolutionists.

Волна революционного террора и высокий уровень общеуголовной преступности буквально потрясли устои Российской империи в начале XX в. На их страже в провинциальных городах стояли представители жандармерии и общей полиции России. Именно об их деятельности в губернском городе Калуге и пойдет речь в данной статье.

История России рубежа XIX—XX вв. во многом состояла из соперничества двух противоборствующих сторон — революционеров и жандармов. И если революционное движение в Калужской губ.

* Александр Евгеньевич Власов — аспирант кафедры истории Института истории и права Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского (Калуга, Россия). e-mail: alexvlasov90@yandex.ru

Alexander E. Vlasov — Post-graduate Student of the Department of History and Law, Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovsky (Kaluga, Russia).

достаточно обстоятельно отражено в трудах авторов советской эпохи [4, 6, 7], то деятельность губернского жандармского управления (далее — КГЖУ) практически не получила освещения. Изучение истории региональной политической полиции возможно на основе привлечения таких источников, как служебная переписка, донесения, записи её служащих. С этой точки зрения исследовательский интерес представляет служебный дневник унтер-офицера С.Е. Горелова — крестьянина Батищевской волости Мосальского уезда, возглавившего оперативную группу жандармов, созданную для принятия мер по предотвращению совершения государственных преступлений, который он вёл с февраля 1904 по апрель 1906 г.

Ценность данного источника — в многочисленных фактах, отразивших особенности и обстоятельства службы: умение вести слежку, особенно в вечернее и даже ночное время с указанием точных координат наблюдения; умение работать в команде; индивидуальную методику вербовки агентуры среди представителей различных сословий и разного рода занятий; место и время условленных встреч с агентами для получения от них информации о готовящемся выступлении рабочих, о местах хранения и изготовления бомб и других взрывчатых веществ; участие в обысках, арестах и вызовах свидетелей в процессе производства дознаний по политическим преступлениям; умение контактировать с чинами общей полиции (частными приставами, околоточными надзирателями, городовыми) для повышения эффективности борьбы с государственными преступниками; места и время условленных встреч с полицейскими для получения от них нужной информации и сообщения им дальнейших инструкций.

Из дневника следует, что началу слежки предшествовала работа с картотекой, содержащей данные политически неблагонадёжных лиц. По мнению руководства КГЖУ, особое внимание следовало обратить на находившуюся под особым надзором полиции некую Чистякову. Оперативной группе, состоявшей из унтер-офицеров Горелова, Григорьева и Матюшина, предстояло организовать слежку за её квартирой и в срок с 5 по 8 февраля 1904 г. отработать её связи, наведя подробные справки об личности и местожительстве контактировавших с ней людей. За всеми входившими и выходившими велось тщательное наблюдение вплоть до их местожительства. В утренние часы наводились справки о владельцах, а остальное время, иногда и глубоко за полночь, жандармы проводили в наблюдательной позиции возле поднадзорной квартиры. В результате Горелову и Григорьеву удалось установить лиц, принадлежавших противоправительственной организации, выявить среди них наиболее авторитетных [1, л. 2—4].

Для разоблачения революционеров необходима качественная агентурная работа. С целью её проведения Горелову и его товарищам пришлось вербовать агентуру буквально из всех слоёв общества. Среди них встречались купцы, сторожа технических училищ, служащие по управлению железной дороги и губернской земской управы, заведующие читальнями, священнослужители, псаломщики, извозчики, обыватели, на квартирах которых поселились неблагонадёжные лица [1, л. 5, 5 об., 12, 12 об., 15, 15 об., 19 об., 20]. Знание тонкостей агентурной работы проявилось у Горелова в выявлении их слабостей: крайней неосторожности, излишней болтливости даже в своём кругу и плохой конспирации. Именно в эти болевые точки оперативная группа и решила нанести упреждающий удар, и именно на это ориентировалась работа агентуры.

Приёмом сигналов занимался Горелов (как старший в группе), проверку поручал помощникам [1, л. 6]. Это занимало несколько дней, поскольку проверяемые нередко покидали Калугу, уезжая в другие города, а иногда и губернии. Проверка подтверждала ценность агентурных сигналов и коллеги Горелова не просто знали точное местонахождение проверяемых, но и обладали полным описанием их примет, а также сведениями об их связях и адресами их близких знакомых [1, л. 10 об, 11]. На службе у Горелова состояло немало агентов, завербованных им лично. На встречу с ними он приходил один, не ставя в известность даже коллег. В результате жандарм добыл важные улики, позволившие взять под стражу состоявшего под особым надзором полиции уполномоченного Смоленского комитета РСДРП по доставке прокламаций в Калугу. Утром 9 апреля 1904 г., после доклада руководству КГЖУ о результатах своей работы, Горелов отправился на Базарную площадь (ныне Театральная) для встречи с агентом. В числе прочего источник коснулся того, что на заводе Фомина работал слесарь из Смоленской губ. П.П. Крохалёв, открыто заявлявший товарищам, что состоит членом РСДРП и что его товарищи в Смоленске получили из-за границы красный флаг, с которым пройдут по улицам Калуги 1 мая. Более того, близкому родственнику агентурного источника Крохалёв показывал фотографии своих товарищей. Агент подозревал его и в привозе прокламаций, появлявшихся в Калуге два раза — в январе, или феврале 1903, а затем 8 апреля 1904 г. Агент посоветовал произвести у слесаря обыск, во время которого можно найти что-нибудь нелегальное, например, брошюры РСДРП.

Получив данные, Горелов немедленно приступил к разведке. Ему удалось попасть в квартиру слесаря на Знаменской ул. и обнаружить там газету «Искра» и 8 нелегальных брошюр. Улики он передал в распоряжение адъютанту КГЖУ штабс-ротмистру К.Л. Ильину, ко-

торый возбудил дознание против слесаря. Вечером 10 апреля Крохалёва был арестован, а в его квартире произведён обыск. Следующие три дня, по указанию адъютанта Горелов занимался вызовом свидетелей по делу [1, л. 16—17об].

Не менее серьёзные сведения Горелов получил от «своего человека» из рабочей среды, сообщившего о разговоре двух неизвестных об изготовлении бомб на заводе Фомина. По словам агента, сын хозяина, студент Саратовского Политехнического училища С. Фомин совместно с учащимися старших классов Калужского реального училища занимались изготовлением бомб, а местом их испытания служил городской бор [1, л. 20 об].

О немалом вкладе служащих общей полиции в дело борьбы с поднявшими голову революционерами говорят и встречи жандарма с некоторыми представителями органов правопорядка. Первый контакт зарегистрирован Гореловым 10 марта 1904 г. В этот день, встретившись с околоточным надзирателем 1-й полицейской части С.С. Масловским, он узнал, что в пансион-приюте, где помещаются гимназисты Калужской мужской гимназии тот взял с полки вешалки прокламацию. На вопрос, подозревает ли он кого-то, Масловский ответил, что имеет сведения от своего брата — гимназиста 4-го класса, что прокламации имеются у многих учеников и что особенно он подозревает некоего Емельянова. По всей вероятности, об этом человеке и шла речь, когда через 15 марта Горелов и Масловский встретились вторично и в разговоре околоточный заявил о повторном случае приноса прокламаций неким учеником [1, л. 8, 10].

Третий по счёту контакт с полицейскими Горелов зафиксировал почти месяц спустя. 8 апреля он проходил с наблюдательной целью по Никитской ул., с которой перешёл на Облуповскую и Почтовую, где у него планировалась встреча с приставом 1-й полицейской части Н.Н. Протасовым. По словам пристава, накануне ночью на съёмной площади городской снял печатную прокламацию Московского комитета. В конце разговора Протасов попросил о повторной встрече в тот же день около часа дня. Горелов согласился. Придя на встречу, он узнал, что утром сняты ещё две прокламации комитета (к сожалению, в дневнике не указано, какой именно партии: эсеров или социал-демократов). Однако, по словам пристава, листовки по содержанию идентичны разбросанным на 1 февраля в период начала войны с Японией [1, л. 14, 14 об].

Последний контакт унтер-офицера с сотрудниками полиции зафиксирован 3 апреля 1906 г. В тот день вечером он встретился у здания городского театра с приставом 2-й полицейской части А.М. Лавровым, от которого узнал, что в пустопорожней пильне в слесарном отделении, по предварительным данным, изготавливают бомбу.

В связи с этим Лавров принял решение организовать там постоянный полицейский пост. Помощь в поиске предполагаемого тайника оказал Писарев, занимавший пост неподалёку. Он и обнаружил свёрток с бомбой. Обо всём вышеизложенном Горелов подробно доложил своему начальству [1, л. 21].

Таким образом, за два с небольшим года жандарму при содействии сослуживцев удалось выявить ряд неблагонадёжных лиц из разных слоёв общества, установить их местожительство, род занятий. Горелов и его коллеги установили систематические контакты с правоохранительными структурами, получая информацию обо всех проявлениях неповиновения закону и порядку. Усердие сотрудников не осталось незамеченным. Горелову пожаловали чин вахмистра, а околоточного надзирателя Д.И. Бессонова, активно помогавшего ему в работе, перевели в жандармское управление по письменной части [2, л. 37].

По закону от 6 июля 1908 г. в составе городского полицейского управления образовано особое штатное сыскное отделение для предупреждения преступлений общеуголовного характера и производства розысков [3, л. 5]. Его начальником по настоянию полицмейстера Е.И. Трояновского стал опытный сыщик, бывший пристав 2-й полицейской части В.В. Данишевский. Штат сыска состоял из трёх надзирателей и четырёх городских. При приёме на работу им выдавались «билеты» за подписью полицмейстера и начальника отделения, боевое оружие (автоматический пистолет системы «Маузер») [3, л. 26]. В директиве, подписанной Данишевским 9 августа 1908 г., содержатся распоряжения для служащих отделения и указания их обязанностей: выявление лиц, занимающихся скупкой заведомо краденых денежных и иных средств, их местожительства и мест сбыта краденого; ликвидация воровских притонов — сборных пунктов для профессиональных преступных организаций; выявление лиц, занимающихся тайной продажей спиртных напитков; профилактика преступности посредством ночных обходов города; активное привлечение к полицейской работе собак [5, с. 15—17]. Служебный день начинался в 8 часов утра и заканчивался в 10 часов вечера. Полицейские надзиратели по очереди дежурили в канцелярии отделения. Там постоянно находился дежурный надзиратель, в обязанности которого входило принимать заявления граждан, пострадавших от посягательств преступников на их имущество и жизнь, подробно записывая их в книгу. После этого он делал распоряжение по существу, докладывая по телефону начальнику сыска. В отделении все должны были ходить в штатском, а на обыски являться в присвоенной им форме [5, с. 25—28].

В одно из дежурств надзиратель К. Шитиков при исполнении служебных обязанностей сумел с риском для жизни в одиночку за-

держат находившегося в розыске известного вора-гастролёра. Поздно вечером 2 ноября 1914 г., возвращаясь домой с дежурства, он стал свидетелем ограбления часового магазина Хазанова на Кутузовской ул. Преступники сломали два замка, разбили стекло в окне, из которого забрали товар на сумму 70 руб. 25 коп., и уже собирались проникнуть в магазин. Увидев стража порядка, они попытались скрыться, но тот настиг и схватил одного из злоумышленников. Двое других бросились на выручку к сообщнику и попытались убить Шитикова. Завязалась отчаянная борьба, в ходе которой, выбрав удачный момент, сыщик вытащил табельное оружие и выстрелил. Испугавшись, бандиты бросились бежать. Быстро придя в себя, полицейский продолжил преследование, стреляя в след без явного желания открыть огонь на поражение. Одного из налётчиков удалось задержать, по факту ограбления и покушения на жизнь полицейского возбудили дознание, в ходе которого установили личность преступника. Им оказался гастролёр-рецидивист мещанин Янкель Иссерс. В числе улик, найденных оперативниками при обыске его квартиры, оказался подложный паспорт на другое имя, дававший возможность заматать следы и долгое время оставаться безнаказанным. Нити для поиска сообщников сыщики нащупали из показаний арестованного. Весьма скоро был задержан второй из них, третьему, к сожалению, удалось ускользнуть [3, л. 65 об].

Из вышеизложенного следует, что профессионализм провинциальных жандармов находился на высоком уровне. То же самое нужно сказать о службе работников полицейского управления и сыскного отделения Калуги.

Список литературы

1. Государственный архив Калужской области (далее — ГА КО). Ф. 784. Оп. 1. Д. 211.
2. ГА КО. Ф. 784. Оп. 1. Д. 348.
3. ГА КО. Ф. 1161. Оп. 1. Д. 64.
4. Очерки истории Калужской организации КПСС / Под общ. ред. А.Ф. Сладкова. Тула: Приокск. кн. изд-во, 1967. 410 с.
5. Подвиг человеколюбия / Сост. В.Н. Фридгельм. Калуга: Изд-во «Фридгельм», 2005. 152 с.
6. Революционные события 1905—1907 гг. в Калужской губернии / Под общ. ред. В.М. Косачёва. Калуга: Газ. «Знамя», 1956. 112 с.
7. *Романова Т.В.* В борьбе за рабочее дело. Тула: Приокск. кн. изд-во, 1983. 159 с.

Сравнительный анализ положений о полевом управлении войск в военное время 1890 и 1914 гг.

Аннотация. В статье проводится сравнительный анализ двух «положений» с целью выявления изменений в структуре управления войск после Русско-Японской войны. На значительном архивном материале автор рассматривает основные положения и ступени военной иерархии, наглядно показывая изменения, что были внесены после проработок ошибок прошлого.

Ключевые слова: Первая Мировая Война, армия, структура управления, Верховный главнокомандующий, главнокомандующий армиями фронта, командующий армией, командующий корпусом.

A COMPARATIVE ANALYSIS OF THE PROVISIONS ON THE FIELD CONTROL OF THE TROOPS IN THE WAR TIME 1890 AND 1914

Abstract. The article provides a comparative analysis of the two “provisions” in order to identify changes in the structure of command and control of troops after the Russo-Japanese War. Based on significant archival material, the author examines the main provisions and stages of the military hierarchy, clearly showing the changes that were made after the study of the mistakes of the past.

Keywords: World War I, army, management structure, Supreme Commander-in-Chief, commander-in-chief of the armies of the front, army commander, corps commander.

Армия представляет собой сложную систему, которую не может существовать без инструкций, указаний, документов, регулирующих её жизнеспособность и деятельность. Одним из главных документов конца XIX — начала XX вв., которые содержали указания и разъясняли тонкости армейского и командного функционала, являлось «Положение о полевом управлении войск в военное время», принятое в 1868 г. [2]. В нём максимально подробно расписано устройство армии, права и обязанности военачальников. Кроме того, этот документ регламентировал устройство армии в период военных действий, причём в первую очередь касался того, что происходило «в поле», непосредственно в воинских частях. Это не были оторванные

* Александр Константинович Мордовин-Залесский — аспирант центра «История России XIX — начала XX вв.» Института российской истории Российской академии наук (Москва, Россия). e-mail: sz156@yandex.ru

Alexander K. Mordovin-Zalesky — Post-graduate of the Center for History Russia of the 19th — early 20th centuries, Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

от жизни рассуждения об идеальном устройстве армии, но конкретный документ с конкретными указаниями.

Однако в период русско-турецкой войны 1877—1878 гг. выяснилось, что не все его разделы составлены корректно. Например, непригодность показала организация тыла — эта часть нуждалась в срочной и полномасштабной переделке, что и было сделано — новое Положение о полевом управлении войск в военное время утвердил Александр III 26 февраля 1890 г. [8] Впоследствии этот документ подвергся ещё одной редакции, и к началу Первой мировой войны действовала версия, утверждённая Николаем II в 1914 г. [7] Она кардинально отличается от предыдущей в части структуры и управления армией. Прежде всего, в ней появилось новое войсковое подразделение — фронт. Помимо этого, расширились полномочия командующих армиями и появился пост Верховного Главнокомандующего, который возглавлял все войска на всех театрах военных действий.

Все пункты данного положения составлялись с учетом недостатков и промахов, выявленных последней войной. Структура высшего командного состава на начало 1914 г. выглядела следующим образом: главнокомандующий армиями фронта, командующий армией и командующий корпусом. Все они обладали обширными правами по выполнению и ведению боевых действий на своём участке. Есть также предположение, что Николай II планировал стать Верховным Главнокомандующим с самого начала войны, именно поэтому изменения делались с тем, чтобы обеспечить более удобное управление войсками именно для этого поста. В частности это касалось введения постов командующих фронтами, обеспечивающих точное и стабильное исполнение приказаний Верховного на разных участках линии фронта.

В новом «Положении» Верховный Главнокомандующий забирал себе функции главнокомандующего армиями из устава 1890 г. Кроме того, он становился высшим начальником всех сухопутных и морских вооружённых сил, задействованных в боевых действиях. «Он облачается чрезвычайною властью и повеления его исполняются на театре военных действий всеми без изъятия правительственными местами и общественными управлениями, а равно должностными лицами всех ведомств и всем населением, как Высочайшая повеления» [7, ст. 17, с. 4]. Именно перед Императором отчитывался и нес ответственность за свои действия Верховный Главнокомандующий, в частности не мог «вступать в переговоры о мире без особого посему повеления Государя Императора» [7, ст. 26, с. 5]. Если же Император сам решал занять пост Верховного, то мог лично управлять вооружёнными силами, опираясь на донесения нижестоящих инстанций.

В новом «Положении» подробно и досконально прописывались все полномочия Верховного Главнокомандующего. Прежде всего, он, «руководствуясь преподанными ему Высочайшими указаниями, распоряжается военными действиями по своему непосредственному усмотрению. Он направляет усилия всех подчиненных ему сухопутных и морских вооружённых сил к достижению общей цели всеми способами, какие признает нужными» [7, ст. 22, с. 4]. Кроме того, он определял отношение войск к местному населению и правительственным учреждениям, когда они находились на территории союзных государств. В подобных решениях он руководствовался сведениями, полученными от Министра иностранных дел, который во время мобилизации предоставлял все важные договоры с иностранными державами. В прежних версиях «Положения» руководителю войск таких прав не давалось, т.к. они всегда оставались за Императором [7, ст. 23, с. 4]. Ещё одним отличием явилось изменение текста прав Верховного, командующего армиями фронта, командующих армиями и командующих корпусами. В уставе 1914 г. написано: «...сверх прав, присвоенных...», тем самым показывалось, что каждый уровень военной иерархии обладал теми же правами, что и предыдущая ступень, а также особыми правами. Это наглядно демонстрирует взаимосвязь всех звеньев руководства армии, а также показывает чёткую структуру управления войсками.

Верховный главнокомандующий обладал также личными особыми правами: изменять состав подчинённых ему войсковых соединений и флотов; образовывать новые войсковые соединения, военные округа, генерал-губернаторства, а равно расформировывать существующие; устанавливать взаимоотношения начальников высших войсковых соединений и командующих флотами; избирать и назначать ко временному исправлению должностей главнокомандующих армиями фронтов, командующих отдельными армиями, командующих флотами, командиров отдельных корпусов, начальника своего Штаба, а также начальников управления этого штаба. Обо всех этих действиях он отчитывался Государю Императору [7, ст. 28, с. 5].

Так же подробно оказались разработаны деятельность и полномочия «Ставки». В её составе предполагалось пять управлений: генерал-квартирмейстера, дежурного генерала, начальника военных сообщений, коменданта и военно-морское. При начальнике штаба состояли штаб-офицер для поручений, адъютант и чиновник для ведения переписки по дипломатической части с союзными правительствами, Министерством иностранных дел, российскими посольствами и миссиями за границей. Управление генерал-квартирмейстера разрабатывало оперативно-стратегические планы ведения военных действий, доводило распоряжения Верховного Главно-

командующего до высших войсковых соединений, согласовывало их совместные действия, ведало сбором и обработкой сведений о противнике, районах боевых действий, обеспечением войск. Генерал-квартирмейстер выступал ближайшим помощником начальника штаба при разработке всех операций. Всего же штат управления включал двух генералов, девятирех штаб-офицеров, трёх обер-офицеров и чиновника. Управление дежурного генерала ведало всеми вопросами укомплектования действующей армии, контролировало снабжение войск всеми видами довольствия, взаимодействуя при этом с главными управлениями Военного министерства. На это управление замыкались также казначейская часть, типография и комендатура главной квартиры. Штат управления включал одного генерала, трёх штаб-офицеров и четырёх чиновников. Управление начальника военных сообщений осуществляло общее руководство эксплуатацией и использованием путей сообщения и транспортных средств на театре военных действий. Таким образом фактически Ставка Верховного Главнокомандующего взяла на себя функции Штаба Главнокомандующего армией по «Положению» 1890 г.

Сухопутные войска сводились в высшие войсковые объединения — армии, в состав каждой из которых входили несколько корпусов, кавалерийские дивизии и различные подразделения других родов войск, в т.ч. дивизионы тяжёлой артиллерии. Для решения стратегических задач на определённом направлении несколько армий могли объединяться в формирования более высокого уровня, образуя фронт. Во главе фронтов и армий стояли главнокомандующие армиями фронтов и командующие армиями со своими штабами, которые утверждались Императором ещё в мирное время.

Начальник армии фронта, если сравнивать два «Положения», являлся заменой Главнокомандующего армиями. Только в 1890 г. ещё не существовало понятия «фронт», а главнокомандующий управлял и руководил всеми армиями на определённом участке военных действий. В документе 1914 г. данная ступень управления заменялась на Главнокомандующего армиями фронта, который имел те же функции, что и Главнокомандующий армиями: «Главнокомандующий армиями фронта есть начальник армий, крепостей и флота, предназначенного для совместных действий с армиями данного фронта» [7, ст. 90, с. 13]. В новом уставе отдельно указывалось, что они подчиняются непосредственно Верховному Главнокомандующему, но могут действовать по своему усмотрению, руководясь только указаниями непосредственного начальника: «Главнокомандующий армиями фронта, руководствуясь указаниями Верховного Главнокомандующего, направляет усилия подчинённых ему армий и флота к достижению поставленной цели, всеми способами, кои он признает

нужным» [7, ст. 94, с. 13]. Подобные статьи характерны именно для данного «Положения», благодаря им проясняется структура управления вооружёнными силами в период Первой Мировой.

Структура управления фронтом включала подчинённые непосредственно самому главнокомандующему штаб армий и аппарат главного начальника снабжения. При главнокомандующем состояли: генерал-майор и полковник для поручений, а также два адъютанта, при начальнике штаба армии фронта — адъютант. Штаб фронта состоял из генерал-квартирмейстера и дежурного генерала. Первый ведал тремя отделениями штаба (оперативное, разведывательное и военно-цензорное), второй заведовал инспекторским и общим отделениями. Все данные отделения, в общем случае, выполняли те же задачи, что и соответствующие управления штаба Верховного Главнокомандующего, однако имели более конкретные функции и были более приближены к войскам и театру действий данного фронта.

Главному начальнику снабжений армий фронта подчинялись начальники военных сообщений, артиллерийского снабжения, санитарной и ветеринарной частей, интендант, главный казначей, главный полевой контролёр со своими службами, а также главный уполномоченный общества Красного креста. Основной задачей этих управлений являлся контроль за полным и своевременным обеспечением войск всеми видами довольствия. Исполнительные функции возлагались на военно-окружные управления районов, находившихся в ведении главнокомандующего армиями фронта. При канцелярии начальника, подчинённой его помощнику состояли делопроизводители, а по Положению 1914 г. вводилась также должность юрисконсульта. Управление главного священника армий фронта состояло из служителей православной, римско-католической и протестантской церквей и магометанского муллы.

Функции командующих армиями и командиров корпусов остались прежними в обоих «положениях». На них возлагалась ответственность за снабжение армии. На командиров корпусов возлагались более точные указания: «При неуспешности мер, принятых Интендантом Армии для обеспечения продовольствия Корпуса, а равно и в тех случаях, когда продовольствие Корпуса возложено на попечение Корпусного Управления, Командир Корпуса принимает все зависящие от него меры, лишь бы обеспечить означенное продовольствие. Он лично отвечает, если вследствие бездействия предоставленной ему власти Корпус будет терпеть недостатков в продовольствии, но в тоже время они при всех мероприятиях по хозяйственной части, постоянно должен иметь ввиду интересы казны» [8, ст. 765, с. 113]. Одной из главных задач командующего корпусом

являлось сохранение складов и магазинов неприятельской армии, захваченных в ходе войны, а также вообще военной добычи, дыбы использовать их для нужды армии.

Подводя итог сравнительному анализу двух «Положений» можно сказать, что произошла перемена в управлении войск, которая обеспечивала действительное функционирование в рамках войны нового типа. Сравнительная «Положения», можно увидеть кардинальные различия, а стало быть, эволюцию структуры командования армией. Новая система оказалась более продуманной и эффективной, что проявилось в ходе Первой Мировой войны. Следовательно, изменения в уставе армии были необходимы, а нововведения — логичны и уместны.

Список литературы

1. *Бродкин И.А.* Военная элита российского общества: теория и методология исследования // Вестник Военного университета. 2007. № 1. С. 34—42.
2. Военное министерство. Положение о полевом управлении войск в военное время. СПб.: Воен. тип., 1868. 300 с.
3. *Жербовский С.С.* Высший командный состав русской армии весной 1917 г. // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2007. Сер. 2, вып. 2. С. 196—2001.
4. *Залесский А.К.* Высший командный состав русской армии накануне Первой мировой войны // Накануне Великой войны: Россия и мир. Сб. докладов и ст. М.: РИСИ, 2014.
5. *Зайончковский П.А.* Самодержавие и русская армия на рубеже XIX—XX столетий. 1881—1903. М.: «Мысль», 1973. 349 с.
6. *Зайончковский П.А.* Офицерский корпус русской армии перед Первой мировой войной // Вопросы истории. 1981. № 4. С. 21—29.
7. Положение о полевом управлении войск в военное время (Приказ по военному ведомству 1914 г.). СПб.: Воен. тип., 1920. 300 с.
8. Положение о полевом управлении войск в военное время (Приказ по военному ведомству 1890 г. № 62). СПб.: Воен. тип., 1913. 325 с.
9. Свод военных постановлений 1869 г. [Ч. 2] Комплектование войск и управлений, заведений и учреждений военного ведомства. СПб.: Государственная типография, 1907.
10. *Черниловский А.А.* Первая Мировая война в сознании военной элиты России. Дис. ... кан. ист. наук. М., 2005.

Секция III
**Отечественная
история XX в.**

Формирование и деятельность органов власти Временного правительства на Северном Кавказе в 1917 г.

Аннотация. Статья посвящена органам власти Временного правительства на Северном Кавказе в 1917 г. Анализируются причины их относительной слабости и быстрого краха. Уничтожив дореволюционную «вертикаль власти» в регионе, Временное правительство не смогло найти ей эффективную замену. Сформированные из деятелей либерального движения губернские, областные и уездные комиссариаты не обладали должным авторитетом, не получали действенной поддержки из столицы и не имели реальной силы. В условиях обострения социальных и межэтнических противоречий они оказались бессильны предотвратить назревавшую катастрофу.

Ключевые слова: Россия, Северный Кавказ, Российская революция, Временное правительство, губернские/областные комиссариаты, казачество, Союз объединенных горцев, Советы рабочих и солдатских депутатов.

FORMATION AND ACTIVITY OF THE PROVISIONAL GOVERNMENT AUTHORITIES IN THE NORTH CAUCASUS IN 1917

Abstract. The article concerns to the authorities of the Provisional government that existed in the North Caucasus in 1917. The author analyzes the reasons for their relative weakness and rapid collapse. Having destroyed the pre-revolutionary “vertical of power” in the region, the Provisional government could not find an effective replacement for it. The provincial, regional, and county commissariats formed from the liberal movement did not have the proper authority, did not receive effective support from the capital, and had no real power. In the face of growing social and inter-ethnic conflicts, they were powerless to prevent the impending catastrophe. Starting in the summer of 1917, power was gradually transferred to other socio-political organizations, and after the collapse of the Central government, its regional institutions very quickly lost the last remnants of their powers.

Keywords: Russia, North Caucasus, Russian revolution, Provisional government, provincial / regional commissariats, Cossacks, Union of United mountaineers, Soviets of workers and soldiers deputies.

События 1917 г. оказали колоссальное влияние на историю России и до сих пор нуждаются в осмыслении. Своеобразием отличался ход революционного процесса на окраинах Российской империи, в частности на Северном Кавказе — одном из самых полиэтничных и мно-

* **Сергей Александрович Орешин** — кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела Кавказа Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая Российской Академии наук (Москва, Россия). e-mail: Orechin12345@yandex.ru
Sergey A. Oreshin — Candidate of Historical Sciences, Researcher of the Caucasus Department, Miklukho-Maclay Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

гоконфессиональных регионов страны. Императорское правительство смогло выстроить относительно устойчивую «вертикаль власти», позволившую сохранить стабильность в период Первой Мировой войны, когда Северный Кавказ оказался тыловым районом Кавказской армии. Однако пришедшее после падения монархии к власти Временное правительство приступило к преобразованиям в системе административного и политического управления в центре и на местах, что в конечном итоге обернулось острейшим социально-политическим кризисом и потерей управления. Безусловно, в дореволюционный период в регионе накопилось много нерешённых проблем (экономических, социальных, политических, межэтнических), однако события 1917 г. стали тем катализатором, который привёл к началу вооружённого противостояния между различными политическими, сословными, этническими и конфессиональными группами.

В отечественной историографии деятельности органов власти Временного правительства на Северном Кавказе не уделялось должного внимания, поэтому представляется важным обратиться к данной проблеме в рамках настоящей статьи. Необходимо проследить, как они формировались, что лежало в основе их деятельности, проанализировать взаимоотношения правительственных институтов с многочисленными общественно-политическими организациями, возникавшими в регионе после падения монархии. Следует также понять, почему им не удалось консолидировать общество и стабилизировать обстановку, ответить на вопрос, что послужило причиной их слабости, постепенной утраты реальной власти и, в конечном итоге, полного краха к началу 1918 г.

Уже первые шаги Временного правительства носили отпечаток поспешности и свидетельствовали о том, что новая власть слабо разбиралась в специфике северокавказского региона. 6 марта появилось распоряжение об отстранении от должности всех губернаторов и передаче их полномочий председателям губернских земских управ. Однако на Северном Кавказе земство существовало лишь в Ставропольской губ. Становилось непонятно, кто в таком случае должен принять на себя власть в других губерниях и областях. 9 марта было принято решение об упразднении Кавказского наместничества и создании в Тифлисе Особого Закавказского комитета из числа членов Государственной думы, под юрисдикцию которого передавались все территории, составлявшие Закавказье (в том числе Дагестанская обл.) [6, с. 86—87]. Однако в его состав не вошел ни один из представителей Северного Кавказа. В итоге власть ОЗАКОМа не распространилась на территории к северу от Главного Кавказского хребта.

В этот же день последовало решение о создании института правительственных комиссаров, которые направлялись в каждый ре-

гион и являлись представителями центральной власти. Им передавались функции и полномочия губернаторов, в том числе надзор за деятельностью местных правительственных учреждений и законностью действий органов местного самоуправления. В уездах, округах и участках вся полнота власти от земских, окружных и участковых начальников передавалась местным комиссарам. Они получили право издавать обязательные к исполнению постановления, направленные на «ограждение общественного благополучия, порядка и безопасности», в их подчинение передавалась народная милиция [8, 107—108]. Как правило, на этот пост назначались депутаты Госдумы. Комиссаром Черноморской губ. стал кадет Н.Н. Николаев; Кубанской обл. — кадет К.Л. Бардидж; Терской обл. — владикавказский уездный воинский начальник полковник И. Михайлов. В Дагестанской обл. оказалось сразу два комиссара: утвержденный Временным правительством депутат Госдумы М.-М. Далгат и назначенный ОЗАКОМом депутат III Госдумы И. Гайдаров.

Комиссары действовали в принципиально иной обстановке, чем царские губернаторы. Северный Кавказ, как и другие регионы, столкнулся с резким ростом политизации общества. Уже в первые дни после получения известия об отречении императора явочным возникли общественно-политические организации, претендующие на власть — гражданские исполнительные комитеты, комитеты общественной безопасности (в них преобладали представители либерально настроенной общественности), советы рабочих и солдатских депутатов (создаваемые активистами социалистических партий). Разворачивался и процесс этнической мобилизации, который представлял собой приобретение этнической общностью той или иной политической направленности под влиянием элит, стремившихся актуализировать символы, хранимые в исторической памяти — например, прошлые обиды (реальные или мнимые), нанесённые в Российской империи, из чего вытекало требование расширения гражданских прав [5, с. 17, 21, 30]. Мобилизация, охватившая главным образом горские и кочевые народы края, а также кубанское и терское казачество, повлекла за собой рост национализма. Практическим воплощением данных идей стало возникновение Войсковой Рады на Кубани и Войскового Круга на Тереке, а также образование в начале мая Союза объединённых горцев Северного Кавказа и Дагестана. Эти организации сразу же заявили о намерении принимать участие в определении политического будущего региона.

Губернским и областным комиссарам пришлось учитывать эти процессы и налаживать взаимодействие с данными организациями. Очень скоро выяснилось, что правительственные органы не имели в распоряжении надёжных военных сил. Старую полицию упразд-

нили, формировавшаяся милиция не могла полностью заменить её. Что касается воинских частей, то они стремительно политизировались, утрачивали дисциплину и боеспособность и превращались в фактор дестабилизации. Таким образом, позиции органов власти не являлись особенно прочными. Кроме того, надо учитывать, что далеко не все комиссары имели опыт управления и необходимую квалификацию. Некоторые из них оказались совершенно не готовы к занятию высоких должностей.

Так, председатель Ставропольской губернской земской управы А.И. Кухтин, неожиданно для себя вставший во главе губернии, спустя несколько дней заявил о сложении полномочий [2, л. 163]. 12 марта управа по согласованию с самопровозглашённым Комитетом общественной безопасности, располагавшим реальной властью в губернии, назначила комиссаром общественного деятеля, депутата Госдумы от Ставропольской губ. трудовика Д.Д. Старлычанова. 26 марта Временное правительство предприняло попытку снять его с должности, однако за него вступился КОБ [8, с. 121]. Правительству пришлось утвердить Старлычанова, однако он, в свою очередь, должен был все решения согласовывать с КОБ.

Попытка черноморского комиссара ограничить деятельность общественных организаций привела к политическому кризису в губернии во второй половине мая. В Новороссийске начались массовые митинги, сопровождавшиеся захватом административных зданий. 24 мая I съезд гражданских комитетов и советов Черноморья заявил о «непризнании вообще назначаемого правительством комиссара» [4, л. 181]. Центр не решился на силовое вмешательство и предпочёл отозвать кадета Николаева, заменив его эсером Н.С. Долгополовым, который обещал учитывать мнение «демократической общественности» при принятии всех важных решений. В качестве совещательного органа при губкомиссариате начал функционировать Исполнительный комитет общественных организаций [7, с. 21].

На Кубани вся полнота власти перешла к Войсковой Раде и Войсковому правительству, а на местах — к казачьим органам самоуправления. Областной комиссар, сам будучи казаком, не оказал им какого-либо противодействия и солидаризовался с казачьими автономистами. В Дагестане вся реальная власть оказалась в руках Дагестанского областного исполкома, созданного местными национал-демократами и социалистами. Все попытки комиссаров ограничить его полномочия не увенчались успехом, их распоряжения, не устраивавшие местных политиков, попросту игнорировались или отменялись. Наконец, в конце августа I Дагестанский областной съезд, несмотря на то, что право назначать и отстранять комиссаров имело только Временное правительство, сместил Далга-

та и Гайдарова с поста областных комиссаров и избрал известного северокавказского общественного и политического деятеля Б. Шаханова [3, с. 172]. В Терской обл. реальные полномочия сосредоточились в руках войскового правительства (в казачьих отделах) и ЦК Союза объединенных горцев (в горских округах), а комиссар без их согласия не мог провести в жизнь ни одного решения.

Летом обстановка обострилась. Связано это было, прежде всего, с отказом Временного правительства от проведения коренных реформ до созыва Учредительного собрания. Это вызывало недовольство политизированного населения и привело к росту крестьянских и рабочих выступлений, а также межэтническим конфликтам. Региональные органы власти оказались заложниками ситуации. Не получая никаких указаний из Петрограда, они не начинали преобразований и призывали жителей терпеливо ждать открытия Собрания. Это приводило к тому, что комиссары резко теряли популярность и утрачивали контроль над ситуацией. Они не могли оказать большого влияния на развитие событий и остановить нарастание анархии, т.к. милиция была организована далеко не везде, а там, где всё-таки существовала, была малочисленной и плохо вооружённой. Что же касается воинских частей, то они все больше подпадали под влияние радикальной большевистской пропаганды, выступали за прекращение войны и демобилизацию и отказывались принимать участие в пресечении беспорядков.

К осени в Дагестанской, Терской и Кубанской обл. комиссариаты утратили власть. Еще 12 октября кубанский облкомиссар К.Л. Бардиж сложил полномочия и передал их войсковому атаману полковнику А.П. Филимонову [9, с. 464]. 6 ноября во Владикавказе состоялось чрезвычайное совместное заседание Войскового правительства Терского казачьего войска и ЦК Союза объединённых горцев, принявшее постановление о переходе к ним высшей правительственной власти [3, с. 246]. Комиссариат, уже давно лишённый влияния, прекратил существование. 12 января 1918 г. на III Дагестанском областном съезде формально ушёл в отставку комиссар Шаханов, представлявший уже не существующее Временное правительство.

Все попытки черноморского комиссариата помешать укреплению влияния советов не увенчались успехом и только обнаружили слабость региональной власти. Вооружённое восстание победило сначала в Туапсе, а 1 декабря II губернский съезд советов рабочих и солдатских депутатов провозгласил советскую власть по всему Черноморью и принял решение об отстранении губкомиссара от власти. Его полномочия передавались губернскому ЦИК Советов рабочих и солдатских депутатов [7, с. 60]. Выполняя решения съезда, отряды

красной гвардии совместно с революционно настроенными солдатами заняли правительственные учреждения. Не имея возможностей для организации отпора, комиссар Долгополов вынужден был сложить полномочия. В отставку ушли и все члены губкомиссариата.

По схожему сценарию развивалась ситуация в Ставропольской губ. Нерешённый аграрный вопрос, ухудшение продовольственного снабжения городов, нарастание кризисных явлений в народном хозяйстве вели к стремительному падению популярности комиссара и поддерживавших его политических сил. В декабре на местах начали брать власть советы. В итоге последовало решение о созыве общегубернского народного совещания, призванного принять решение о будущем Ставрополя и создать постоянно действующие органы региональной власти. 8 декабря комиссар Старлычанов возглавил комиссию по созыву совещания, в которую вошли также выборные от губернской земской управы, городской думы, совета крестьянских, рабочих и солдатских депутатов и представители всех политических партий [1, с. 77]. 31 декабря совещание, среди делегатов которого преобладали сторонники левосоциалистических партий, приняло резолюцию о переходе всей полноты власти в руки советов. 9 января 1918 г. Старлычанов сложил полномочия, а комиссариат был распущен.

Какие можно сделать выводы? Временное правительство попыталось создать на Северном Кавказе работающую администрацию, однако не преуспело. Правительственные комиссариаты работали в условиях радикализации общественно-политической ситуации, не обладая необходимыми организационными, финансовыми, людскими ресурсами, практически не имели надёжной и многочисленной военной силы. Им не удалось консолидировать общество, выдвинуть привлекательную программу. Действия центрального правительства, отложившего решение ключевых проблем до созыва Учредительного собрания, обрекли региональные органы власти на пассивность.

Поглощённый своими проблемами, центр вообще практически не уделял внимания региону, оставляя без последствий многочисленные тревожные обращения губернских и областных комиссаров. Вынужденные с первых дней своего создания сосуществовать с многочисленными политическими организациями, комиссариаты постепенно утрачивали власть. После падения Временного правительства их существование лишилось смысла, т.к. они представляли уже несуществующую власть и не обладали ни возможностями, ни авторитетом для того, чтобы объединить Северный Кавказ. К началу 1918 г. они без сопротивления уступили власть либо Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов (Ставропольская и Чер-

номорская губ.), либо несоветским региональным правительствам (Кубанская, Терская и Дагестанская обл.).

Список литературы

1. *Головенченко Ф.* 1917 год в Ставропольской губернии. Ставрополь: Изд. Исполкома Окркома В.К.П.(б) и Юбилейной Комиссии, 1927. 102 с.
2. Государственный архив Ставропольского края (ГА СК). Ф. Р-1867. Оп. 1. Д. 1.
3. *Музаев Т.М.* Союз горцев: русская революция и народы Северного Кавказа, 1917 — март 1918 г. М.: Патрия, 2007. 518 с.
4. Новороссийский филиал Государственного архива Краснодарского края (НФ ГАКК). Ф. 2. Оп. 1. Д. 19.
5. *Паин Э.А.* Между империей и нацией: модернистский проект и его традиционалистская альтернатива в национальной политике России. М.: Новое изд-во; Фонд Либер. миссия, 2004. 246 с.
6. Победа Советской власти в Закавказье. Тбилиси: Мецниереба, 1971. 682 с.
7. *Сенцов А.А.* Рождение Кубано-Черноморской республики (1917—1918 гг.). Из истории становления советской государственности. Краснодар: Кн. изд-во, 1984. 175 с.
8. *Трусова Е.М.* Возникновение и эволюция органов управления и самоуправления на Юге России в феврале—октябре 1917 г. (Дон, Кубань, Ставрополье). Дис. ... д-ра ист. наук. М., 2000. 395 с.
9. *Филлимонов А.П.* Кубанцы (1917—1918 гг.) // Белое Дело. Т. 2. Берлин, 1927. С. 62—107.

Представительство большевиков и левых эсеров на губернских Съездах Советов в первой половине 1918 г.

Аннотация. В статье проведён анализ партийного представительства большевиков и левых социалистов-революционеров на губернских съездах советов. На основе множества источников и литературы установлена партийность 22 губернских съездов советов, состоявшихся в январе—июле 1918 г. и сделан вывод, что политический ландшафт большинства губерний Европейской части России в период существования союза большевиков и левых эсеров имел двухпартийный характер.

Ключевые слова: левые эсеры, большевики, советы, двухпартийность, революция, российские губернии.

DEPUTIES OF BOLSHEVIKS AND LEFT SRs AT THE PROVINCIAL CONGRESS OF SOVIETS IN THE FIRST HALF OF 1918

Abstract. The article analyzes the party representation of the Bolsheviks and the Left socialist-revolutionaries at provincial congresses of Soviets. The author, based on a variety of sources and literature, establishes the party membership of 22 provincial congresses of Soviets held in January — July 1918 and concludes that the political landscape of most provinces of the European part of Russia during the existence of the union of the Bolsheviks and Left SRs had a dual-party character.

Keywords: The Left Socialist-revolutionaries, the Bolsheviks, Soviets; dual-party system, revolution, Russian provinces.

Проблема представительства партий большевиков и левых социалистов-революционеров в местных органах власти являлась одной из важнейших в советской историографии, что привело к её достаточно подробному рассмотрению в исследованиях 1960—1980-х гг. Однако советские авторы так и не представили полные данные по этому вопросу на губернском уровне в период существования упомянутого политического союза. Подробное исследование вопроса началось в 1960-е гг., когда в свет вышли работы К.В. Гусева [2, 3] и Х.А. Ерицяна [4], которые смогли подсчитать партийность некоторых уездных органов власти и губернских советов весной 1918 г.

* **Илья Анатольевич Концевой** — кандидат исторических наук, специалист 1-й категории Государственного архива Российской Федерации (Москва, Россия). e-mail: ilkontsevov@gmail.com

Илья А. Концевой — Candidate of Historical Sciences, Specialist of the 1st Category of the State Archive of Russian Federation (Moscow, Russia).

Впоследствии исследования в данной области продолжили Е.Г. Гимпельсон [1], Н.К. Кононов [6], Н.П. Марченкова [7], Т.В. Осипова [8], П.Н. Соболев [12], О.Ф. Сокольников [13]. Им удалось на основании архивных документов и материалов периодической печати установить партийность губернских съездов и исполкомов отдельных губерний Европейской России. Введённые в научный оборот сведения позволили оценить, насколько значительным было представительство двух советских партий на региональном уровне. Тем не менее общей картины процентного соотношения членов РКП(б) и ПЛСР(и) представлено не было. Так, подсчёты Соболева охватили только несколько губерний, Кононов и Марченкова подсчитали представительство РКП(б) и левых эсеров на отдельных съездах Центрального промышленного и Центрально-Черноземного районов России. Всё это не позволяет получить представление о поддержке населением политических сил в 1918 г.

В постсоветский период исследователи сконцентрировались на переосмыслении событий 1917—1918 гг., что позволило ввести в научный оборот новые документы. Однако полного подсчёта числа делегатов губернских съездов не проведено. Некоторые авторы лишь использовали цифры, заимствованные из монографий, созданных в советский период. Так, Т.В. Осипова изучила отношения власти и крестьянства в период Гражданской войны, показав сокращение поддержки большевистской партии среди населения после начала политики продовольственной диктатуры [9]. Она отметила увеличение популярности левоэсеровской партии в крестьянской среде, что могло привести к её преобладанию в политической жизни. Большое значение имеет кандидатская диссертация А.А. Смирновой, которая впервые точно подсчитала партийный состав губернских и уездных исполкомов Северной области и изучила взаимоотношения между большевиками и левоэсерами на севере и северо-западе [11]. Определённых успехов в изучении проблематики добился А.И. Юрьев, который смог на основе архивных документов установить партийность некоторых губернских съездов и изучил взаимоотношения в советах Центрального промышленного района [15].

Таким образом, проблема определения партийного состава губернских съездов советов поднималась в работах множества авторов, однако полной картины так и не создано. В рамках данной статьи делается попытка комплексно рассмотреть этот сюжет и установить соотношение между представителями большевиков и левых эсеров как в отдельных губерниях, так и в целом по Европейской части России.

После взятия власти в Петрограде начался процесс установления советской власти в регионах, который протекал неравномерно. В не-

которых губерниях Центральной России власть к советам перешла в первые недели после Октябрьского вооружённого восстания, тогда как в отдельных губерниях севера России этот процесс растянулся на несколько месяцев. В ходе этого процесса многие представители эсеров и меньшевиков, находившихся у руководства советов при Временном правительстве, оказались отстранены от власти. В ряде случаев, если местные съезды выступали против установления советской власти, большевики и их союзники инициировали расколы съездов и образование самостоятельных съездов, на которых присутствовали исключительно сторонники советской власти. Данные съезды инициировали созыв новых съездов или же образовывали пробольшевистские исполкомы. В некоторых регионах России приходилось образовывать ревкомы или военно-революционные комитеты и разгонять советы, у руководства которых стояли эсеры или меньшевики [5, с. 29—30]. На губернских съездах представители умеренных социалистов часто покидали заседания в знак протеста против взятия власти большевиками, что фактически означало отказ от участия в управлении губерниями. Отход от власти умеренных социалистов и целенаправленная фильтрация партийного состава советов привели к преобладанию в региональных органах власти леворадикальных течений.

Важным фактором обеспечения преобладания большевиков в советах и их исполкомах стало слияние Советов рабочих и солдатских депутатов с Советами крестьянских депутатов, начавшееся в конце 1917 г. Зачастую это приводило к тому, что делегаты от рабочего населения преобладали над делегатами от крестьянства, что также было выгодно большевикам, чьей социальной базой являлись рабочие. Объединение советов подразумевало проведение объединённых губернских Съездов Советов, на которых были представлены делегаты от рабочих, крестьян и армии. Эти события — точка отсчета, которая позволяет нам проанализировать представительство советских партий на губернском уровне.

Количественные данные марта 1918 г. свидетельствуют о значительной популярности леворадикальной коалиции среди населения. Особенно значительное представительство имела РКП(б). Из 1600 членов губсоветов большевиками являлись 1065 (66,5%), левыми эсерами — 310 (19,3%), беспартийными — 87 (5,4%), представителями иных социалистических партий (эсеры, меньшевики, максималисты, анархисты) — 138 (8,6%) [4, с. 190]. Умеренные социалисты в отдельных регионах ещё входили в губсоветы, их представители даже избирались в исполкомы. Однако по мере укрепления левозерновской партии крестьянское население либо переориентировалось на поддержку ПЛСР(и) как единственной альтернативной полити-

ческой силы, либо стало избирать в исполкомы беспартийных делегатов.

В конце 1917 — начале 1918 г. на объединённых губернских съездах позиции большевиков и левых эсеров являлись довольно прочными. Так, на I съезде Калужской губ., состоявшемся в январе 1918 г., большевиками были 353 делегата (71%), левыми эсерами — 53 (11%), а остальные 94 (18%) — беспартийными. На II Владимирском губернском съезде советов, прошедшем в марте 1918 г., 123 делегата представляли РКП(б), 32 являлись левыми эсерами, а 37 — беспартийными. В губерниях Центрально-Черноземного района представительство левых эсеров было более значительным. На I съезде советов Курской губ. 241 делегат (49%) представлял партию большевиков, тогда как левых эсеров — 164 (34%). Среди делегатов I Тамбовского губернского съезда было 54% представителей РКП(б) и 34% членов левоэсеровской партии [7, с. 242]. Большой процент поддержки ПЛСР(и) в данных губерниях объясняется преобладанием крестьянского населения, традиционно поддерживавшего эсеров, а также слабостью местных большевиков, партиейки которых во многих уездах только создавались.

К июлю 1918 г. объединённые губсъезды состоялись в большинстве губерний Центральной России, что позволяет установить партийное представительство РКП(б) и ПЛСР(и) на момент разрыва их политического союза. Стоит отметить, что в ряде губерний весной—летом прошло несколько съездов, поэтому в рамках данного исследования изучался партийный состав последнего по счёту съезда перед роковым для альянса 6 июля 1918 г. На основании анализа данных 22 объединённых губернских съездов можно сделать вывод, что изучаемые партии имели подавляющее большинство. Из 6597 делегатов РКП(б) представляли 3005, ПЛСР(и) — 1821, беспартийными были 1561, к другим партиям принадлежали 210. Это позволяет говорить о складывании советской двухпартийности в регионах, тогда как в центральных органах эта форма разделения власти установилась ещё в конце 1917 г.

Наиболее крупные левоэсеровские фракции, превышавшие 30% от общего числа делегатов, были сформированы на съездах пяти губерний (Архангельская, Костромская, Орловская, Пермская и Рязанская). Абсолютным большинством делегатов ПЛСР(и) располагала только на Пермском съезде, самые малочисленные же фракции имела на Калужском, Владимирском, Тверском и Ярославском.

Для определения представительства партий в отдельных географических районах России важны подсчёты соотношения большевистских и левоэсеровских фракций в Центральном промышленном районе, губерниях Северной области и на территории Централь-

Таблица 1

**Состав объединённых губернских съездов советов
в январе—июле 1918 г.**

Название губернии	Партийная принадлежность							
	РКП(б)	В %	ПЛСР(и)	В %	Беспартийные	В %	Другие партии	В %
Архангельская	111	46,4	88	36,8	28	11,7	12	5
Астраханская	101	20,8	95	19,6	270	55,7	19	3,9
Владимирская	123	67,2	32	17,5	27	14,8	1	
Воронежская	320	68,5	130	27,8			18	3,9
Вятская	119	41	87	30	67	23,1	17	5,9
Калужская	353	70,6	53	10,6	94	18,8		
Костромская	83	35,2	89	37,7	64	27,1		
Курская	183	64,4	70	24,6	30	10,6	1	
Нижегородская	64	70,3	19	20,9			8	8,8
Новгородская	126	45,8	60	21,8	81	29,5	8	2,9
Олонечкая	62	32,8	47	24,9	80	42,3		
Орловская	147	43,2	134	39,4	47	13,8	12	3,5
Пензенская	168	51,1	145	44,1	16	4,9		
Пермская	211	34,8	307	50,6	89	14,7		
Петроградская	99	42,1	56	23,8	80	34		
Псковская	103	37,7	56	20,5	86	31,5	28	10,3
Рязанская	113	45,6	105	42,3	30	12,1		
Тамбовская	54	62,1	25	28,7			8	9,2
Тверская	112	21,2	79	15	309	58,5	28	1,9
Тульская	174	53,9	69	21,4	74	22,9	6	16,7
Череповецкая	78	30,2	54	20,9	83	32,2	43	0,8
Ярославская	101	78,3	21	16,3	6	4,7	1	3,2
Всего делегатов	3005	45,6	1821	27,6	1561	23,7	210	

Составлено по: *Кононов Н.К.* Борьба коммунистической партии против левых эсеров за крестьянство в первый год советской власти (по материалам Центрально-Черноземных губерний): дис. ... канд. ист. наук. М., 1968; *Марченкова Н.П.* Тактика блока большевиков с левыми эсерами в период подготовки, победы и развития Октябрьской социалистической революции (на опыте Московской областной партийной организации): дис. ... канд. ист. наук. М., 1977; *Смирнова А.А.* Партия левых социалистов-революционеров (эсеров) в октябре 1917—1918 гг. (на материалах Северной области): дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1993; *Тихомиров Н.В.* Партия социалистов-революционеров в 1917—1918 гг. (на материалах губерний Верхней Волги): дис. ... канд. ист. наук. Ярославль, 2001; Сапон В.П. Выход левых эсеров из правящей коалиции в 1918 г. (нижегородский вариант) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия «Международные отношения. Политология. Регионоведение». Вып. 2. 2006; *Садырина Е.С.* Октябрь в Вятской губернии. Киров, 1957; Переписка Секретариата ЦК РКП(б) с местными партийными организациями: сборник документов. Март—июль 1918 г. М., 1967; *Морозов В.Ф.* Пензенская большевистская организация в борьбе за развитие социалистической революции и упрочение советской власти в губернии. Пенза, 1959; *Шуилов М.И.* Октябрьская революция на Севере России. Петрозаводск, 1973; Правда. 1918. № 67; Правда. 1918. № 94; Известия Тверского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. 1918. № 48.

но-Черноземного района. В восьми губерниях ЦПР РКП(б) имела 50,1% делегатов, тогда как левые эсеры — 20,9%, а беспартийные — 27%. В четырёх губерниях ЦЧР фракции РКП(б) суммарно составляли 59,7%. Эсеры также имели значительную популярность среди населения, их фракции насчитывали 30,4% делегатов. Беспартийные были представлены малочисленными группами.

Наименьшее представительство большевики имели в губерниях севера и северо-запада Центральной России, которые входили в состав Северной области — объединения советов, возникшего в начале 1918 г. Их представляли только 39,4% делегатов, 29,8% являлись беспартийными, левые эсеры имели 24,6% делегатов, а прочие социалистические партии — 6,2%. Такой расклад может объясняться меньшей долей рабочего населения в области (без учёта Петрограда), а также бóльшей активностью крестьянства, традиционно поддерживавшего эсеров. Высокая доля беспартийных делегатов может объясняться попаданием на съезды представителей крестьянства, симпатизировавших эсерам, но открыто не подчёркивавших партийной принадлежности. Так, в Псковской и Череповецкой губ. эсеры имели достаточно крупные фракции. Однако их локальное присутствие на отдельных съездах советов лишь незначительно влияло на двухпартийный характер представительства.

Итак, можно утверждать, что на региональном уровне, как и на уровне высших органов власти, летом 1918 г. сформировалась двухпартийность, которая выражалась в разделении власти между представителями РКП(б) и ПЛСР(и). Взаимодействие на местном уровне приводило к необходимости принятия компромиссных решений, что позволяло левым эсерам оказывать влияние на управление губерниями. Ликвидация двухпартийности после событий 6—7 июля ознаменовала собой начало эволюции советской политической системы в сторону однопартийной диктатуры.

Список литературы

1. *Гимпельсон Е.Г.* Из истории образования однопартийной системы в СССР // Вопросы истории. 1965. № 11. С. 16—30.
2. *Гусев К.В.* Крах партии левых эсеров. М.: Соцэкгиз, 1963. 259 с.
3. *Гусев К.В., Ерицын Х.А.* От соглашательства к контрреволюции (Очерки истории политического банкротства и гибели партии социалистов-революционеров). М.: Мысль, 1968. 447 с.
4. *Ерицын Х.А.* Советы крестьянских депутатов в Октябрьской революции. М.: Соцэкгиз, 1960. 191 с.
5. *Ильин Ю.А.* Советская власть и крестьянство (октябрь 1917 — март 1919 гг.). Иваново: ИвГУ, 1998. 193 с.

6. *Кононов Н.К.* Борьба коммунистической партии против левых эсеров за крестьянство в первый год советской власти (по материалам Центрально-Черноземных губерний). Дис. ... канд. ист. наук. М., 1968. 279 с.
7. *Марченкова Н.П.* Тактика блока большевиков с левыми эсерами в период подготовки, победы и развития Октябрьской социалистической революции (на опыте Московской областной партийной организации). Дис. ... канд. ист. наук. М., 1977. 252 с.
8. *Осипова Т.В.* Изменение партийного состава Советов в 1918 г. (по материалам Московской области) // *Борьба за победу и укрепление советской власти в 1917—1918 гг.* М.: Наука, 1966. С. 155—199.
9. *Осипова Т.В.* Российское крестьянство в революции и Гражданской войне. М.: Стрелец, 2001. 397 с.
10. *Сапон В.П.* Выход левых эсеров из правящей коалиции в 1918 г. (нижегородский вариант) // *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия «Международные отношения. Политология. Регионоведение».* Вып. 2. 2006. С. 202—205.
11. *Смирнова А.А.* Партия левых социалистов-революционеров (эсеров) в октябре 1917—1918 гг. (на материалах Северной области). Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1993. 284 с.
12. *Соболев П.Н.* Упрочение союза рабочих и крестьян в первый год пролетарской революции. М.: Наука, 1977. 320 с.
13. *Сокольников О.Ф.* Большевики Северной области в борьбе за политическое руководство Советами в 1918 г. // *Борьба коммунистической партии за защиту социалистической революции и построение социализма в СССР.* Вып. 4. Л.: Ленинградский педагогический институт им. А.И. Герцена, 1976. С. 25—56.
14. *Тихомиров Н.В.* Партия социалистов-революционеров в 1917—1918 гг. (на материалах губерний Верхней Волги). Дис. ... канд. ист. наук. Ярославль, 2001. 231 с.
15. *Юрьев А.И.* *Эсеры* на историческом переломе (1917—1918). М.: Кучково поле, 2011. 333 с.

Православное духовенство Тамбовской губернии в первые годы Советской власти

Аннотация. В статье рассмотрено положение Тамбовской епархии Русской православной церкви в годы установления Советской власти. Анализируются отношения новой власти и церкви, реакция последней на принятие декретов «О земле» и «Об отделении церкви от государства и школы от церкви». Приводятся причины участия сельских священников в антисоветских выступлениях, анализируется религиозный фактор крестьянских восстаний в Тамбовской губ. в 1918—1919 гг., методы их подавления. Рассматриваются судьбы священнослужителей и репрессии против них. Статья основана на архивных источниках и публицистических изданиях того времени.

Ключевые слова: религия, революция, православие, восстание, конфликт, духовенство.

ORTHODOX CLERGY OF TAMBOV PROVINCE IN THE FIRST YEARS OF SOVIET POWER

Abstract. The relevance of the study is due to the need for an ideologically unbiased scientific understanding of the problem posed in the light of the recent century of the October Revolution and the beginning of the Civil War. The article examines the position of the Tambov diocese of the Russian Orthodox Church during the years of the establishment of Soviet power. The article analyzes the relationship between the new government and the church, the reaction of the church to the adoption of the decrees “On the land” and “On the separation of church from state and school from church”. The reasons for the participation of rural priests in anti-Soviet uprisings are given, the religious factor of peasant uprisings in the Tambov province in 1918—1919, methods of suppressing them are analyzed. The fate of clergymen and repressions against them are considered. The article is based on archival sources, publicistic publications and documents.

Key words: religion, the revolution, orthodoxy; insurrection, conflict, clergy.

20 января 1918 г. СНК РСФСР принял декрет «Об отделении церкви от государства и школы от церкви», определивший отношения новой власти и православного духовенства. Основными положениями явились не только установление свободы вероисповедания и подчинение церковных и религиозных сообществ общим положениям о част-

* **Владимир Ильич Подлеснов** — аспирант кафедры истории и философии Тамбовского государственного технического университета (Тамбов, Россия). e-mail: wpsc1990@gmail.com

Vladimir I. Podlesnov — Post-graduate Student of the Department of History and Philosophy, Tambov State Technical University (Tambov, Russia).

ных обществах и союзах, но и лишение церкви права собственности и прав юридического лица и отмена преподавания религиозных вероучений в образовательных учреждениях [18]. Этот и принятые ранее декреты («О земле», национализировавший монастырские и церковные земли «со всем их живым и мёртвым инвентарем, усадебными постройками и всеми принадлежностями»), и «О гражданском браке и ведении книг актов состояния», передавший ведение актов гражданского состояния гражданским учреждениям) нанесли сильнейший удар по положению Русской православной церкви.

За два дня до окончательного принятия декрета Патриарх Тихон выпустил Послание с анафемой безбожникам, в котором призывал всех верных чад Церкви встать на её защиту. Заканчивалось Послание призывом к священникам «не медля ни одного часа в вашем духовном делании, с пламенной ревностию зовите чад ваших на защиту попираемых ныне прав Церкви православной, немедленно устройте духовные союзы, зовите не нуждою, а доброю волею становиться в ряды духовных борцов, которые силе внешней противопоставят силу своего святого воодушевления» [21, с. 74—76]. И духовенство откликнулось на этот призыв. 28 января послание Патриарха читалось во всех храмах Тамбова, его оттиски, напечатанные в епархиальной типографии по распоряжению протоиерея Хильтова, раздавались верующим [20, с. 6]. В Казанском монастыре епископ Зиновий обратился к народу с призывом: «Пришёл час выступить на решительную борьбу с врагом креста Христова» [22, с. 2]. Реакция власти на подобные призывы оказалась самой жесткой. Так, крестьянка с. Грачёво Усманского уезда А. Порядина, раздававшая полученные в Тамбове оттиски послания, была признана виновной в «намеренном распространении клеветнических воззваний» и заключена в тюрьму [19, с.11]. Казанский монастырь, несмотря на прошение монахов, в октябре того же года был закрыт по причине «контрреволюционных выступлений и укрывательства агентов против Советской власти», в принадлежавшем ему Пантелеимоновском скиту обосновалась коммуна им. Карла Маркса № 1 [6, с. 11].

Но единодушие в рядах верующих проявлялось далеко не всегда. В ряде случаев священнослужители писали друг на друга доносы, сводя старые счёты при помощи новой власти. Так, послушники Сансарского монастыря Темниковского уезда подали заявление следующего содержания: «Имеем честь заявить Совету, что нашего монастыря игумен Александр, будучи неизменным монархистом, настоящее народное правление в лице Советов называет хулиганским, а представителей его комиссаров Пономарёва, Председателя Совета Лебедева называет негодьями, мошенниками, разбойниками, нечестными людьми, преступниками, беззаконниками, захватчика-

ми власти. Вообще, по его мнению, весь Совет заслуживает самого строгого наказания. Ждет с нетерпением возвращения на престол Николая II, в крайнем случае, правления кадетского или же Вильгельма, при посредстве которого будет уничтожено настоящее Советское правление, в чём внушает игумен Александр своим друзьям и знакомым» [14, с. 2]. Данное заявление принесли в Темниковский Совет послушник К. Козлов и красноармеец Г. Афонин. Игумен был задержан в отдельной келье и после 22 марта 1918 г. «убран из монастыря» [14, с. 31]. Дальнейшая судьба его неизвестна. По доносу дьякона своей церкви привлекли к суду священника с. Саблино Сотницкой волости Шацкого уезда Н.С. Смирнова. В вину ему вменялось то, что он поминал во время богослужений за упокой Николая II и членов его семьи, а также «говорил об идущих от Советской власти распоряжениях “идут из грязной помойной ямы”, “свиного корыта”». По мнению жителей села, дьякон написал донос по причине личной неприязни. Ввиду преклонности лет обвиняемого и отсутствия последствий агитации дело было прекращено [15, с. 3—18].

В сельской местности проведение в жизнь декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» оказалось, наряду с нерешённостью земельного вопроса и деятельностью продвольственных отрядов, в числе причин выступлений против новой власти. Имели место случаи, когда сельские священники объединяли вокруг себя недовольных. Так, 19 августа, в праздник Преображения Господня, вспыхнуло крестьянское восстание в с. Алгасово Моршанского уезда. Жители разогнали отправленный комиссариатом по охране уезда продотряд в составе 12 чел., захватили пулемёт вместе с тремя пулемётчиками. В ответ, по свидетельству командовавшего подавлением восстания ответственного агента губпродкома А.В. Акименкова, «был отправлен карательный отряд: от местного Совета человек 30 и из Московского отряда человек 80, плюс к тому же председатель Моршанской чрезвычайной комиссии, 2 члена и агент связи т. Степанов и я сам лично поехал с отрядом. По приезде в Алгасово, не доезжая до села версты за полторы, в селе Рыбном поставили трехдюймовое орудие и четыре пулемёта, взяли под обстрел село Алгасово, пустили из трёхдюймового 4 снаряда перелётом и несколько пулемётных выстрелов, потом въехали в Алгасово, собрали сход, арестовали одного попа, несмотря на возмущение толпы, и ещё несколько лиц, замешанных в этом. Сейчас идёт следствие; пулемётчик и шофёр тяжело ранены и лежат в больнице с воскресенья 18 августа. Завтра ликвидируем всё. Попа, наверное, расстреляем» [12, с. 37].

«Ликвидировать всё» не получилось. Уже в октябре сразу в нескольких сёлах Моршанского уезда начались крестьянские выступ-

пления, были убиты председатель Отыяского комитета бедноты Д.И. Игумнов и председатель Моршанского уезда РКП(б) В.П. Лотиков. К 7 ноября восстание распространилось на весь уезд, высланные из Калуги и Моршанска отряды оказались разбиты под станцией Фитингоф, насчитывающие несколько тысяч человек отряды повстанцев разбирали железнодорожные пути и захватывали станции [5, с. 218].

Недовольство сельского населения вызывали реализация положений об изъятии метрических книг и учёте церковных ценностей. Так, священник с. Ново-Ракитино Лебединского уезда Алешковский, получив предписание в трёхдневный срок представить метрические книги в нотариальный отдел, созвал верующих на сход и заставил их вынести решение — книги ни в коем случае не отдавать [2, с. 163]. В с. Хомутовка Спасского уезда протоиерей П. Кедрин организовал сопротивление пытавшейся провести учёт церковного имущества комиссии по отделению церкви от государства [17, с. 14]. «Для выяснения дела» ЧК направил отряд, который встретили вооружённым восстанием, 5 чел. Из его состава погибли. Восстание было подавлено, аресту подверглось множество жителей села, из которых 40 приговорили к расстрелу. Поскольку ЧК не имела права действовать самостоятельно, запросили разрешение на самостоятельные действия, каковое получили. 10 чел. были расстреляны публично, остальные — ночью за городом [1, с. 19].

Аналогичные события произошли 14—16 ноября в с. Нижняя Матрёнка и Пластинка Усманского уезда. В Нижней Матрёнке во время доклада об отделении церкви от государства толпа убила руководителя комбеда, ещё один его член комбеда был избит, ему выкололи глаза [11, с. 105]. В Пластинке в тот же день комиссия попыталась изъять метрические книги. По свидетельству инструктора информационно-инструкторского подотдела Усианского уездного отдела управления А. Галкина, «в волость пришёл избитый член Пластинского комбеда и заявил, что он хотел исполнить распоряжение Усманского уездного совдепа об отобрании метрических книг у церкви и когда пришёл с попом в караулку, и поп пошёл в церковь за книгами, неизвестно кто ударил в набат, собралась толпа и с криком “вы пришли грабить церковь” кинулась на нас и избивала. Я, Галкин, сего же числа 14 ноября послал телефонограмму в Усманский отдел управления и на следующий день решил уладить это дело без уездной силы силами волостного Совета, но когда с начальником милиции 2-го участка поехал в Пластинка и арестовали виновников драки, отослав их с конвоирами... их освободила собравшаяся толпа и после агитационных слов арестованных толпа разогнала Совет волости. Мною, Галкиным, была послана телефонограмма в чрезвычай-

чайную комиссию по борьбе с контрреволюцией с требованием при-слать отряд для подавления восстания кулаков. 16 ноября восстание было подавлено, и я по распоряжению через телефон был оставлен заведующим отделом управления в Нижне-Матрёнской волости до водворения полного спокойствия, где и узнал, что восстание было случайное, религиозного духа, но им воспользовались и приспособи-лись к нему кулаки Нижне-Матрёнской волости и контрреволюци-онной агитацией взбудоражили несознательных. Виновные этого восстания часть расстреляны, а часть скрылась, по слухам, в стан бе-логвардейцев» [9, с. 71].

К середине ноября восстание распространилось на Богослов-скую, Покровско-Марфинскую, Грачёвскую, Лавровскую, Соснов-скую, Карианскую волости Тамбовского уезда, Тютчевскую волость Козловского уезда, Шацкий уезд [13, с. 61]. Происходили волнения на религиозной почве и в с. Пашково Усманского уезда [8, с. 4]. В качестве вспомогательных мер президиум ЧК «принять меры к снятию языков колоколов тех сёл, которые бунтовали» [7, с. 104]. По свидетельствам чекистов, высказанным ими на I губернской конфере-нции ЧК 5 декабря 1918 г., «некоторые сёла брались приступом, и в большинстве случаев выдавали кулаков. Организаторы мятежа были офицеры и попы. Расследование показало, что восстания были вызваны агитацией попов, прочих “чёрных воронов”». В докладе по Шацкому уезду говорилось, что «в некоторых волостях приходилось открывать огонь, потом расстреливать кулаков и агитаторов, по 40—50 расстрелянных. Всего во время беспорядков расстреляно человек 500. Теперь вылавливаем зачинщиков. По допросам арестованных и по документам убитых установлены руководители — бывшие офи-церы и попы. Всего расстреляно 6 попов» [4, с. 36—37]. Среди них — о. Ф. Островский (с. Юрино), о. П. Кудрявцев (с. Чернояр), а также священник с. Агламазово [8, с. 4].

Свидетельства о карательных акциях против священнослужите-лей содержались в рапортах священников епископу Зиновию. Так, в с. Перкино Моршанского уезда 4 ноября расстреляны как восстав-шие против советской власти диакон Г. Шеметов и псаломщик Д. Корнилов. 3 ноября расстрелян весь наличный причт с. Бондари: священник А. Доброхотов, священник А. Дмитриевский, диакон В. Челнавский и псаломщик-диакон И. Колчев. В октябре—ноябре расстреляны священники с. Дмитриевка Моршанского уезда В. Ми-лютин, священник церкви с. Вышенки Т. Рудковский, при аресте убит священник с. Осиновки П. Космодемьянский [1, с. 21]. Рас-стрелян по обвинению в контрреволюционной деятельности свя-щенник Покровской церкви с. Борки Моршанского уезда Д. Петро-павловский [8, с. 18].

К началу зимы восстания в основном подавили. Исключение составили отдельные сёла Моршанского уезда, а также Рудовская и Чернавская волости Кирсановского уезда, крестьянские выступления в которых вызывались мобилизацией скота (в первом случае) и изъятием метрических книг (во втором) [10, с. 3]. Прикомандированный 15 ноября в Тамбовскую губ. член ВЦИК Ж.А. Миллер отмечал, что «повстанческое движение носило организованный характер со штабом во главе. У этого штаба имелась связь во многих волостях с местными попами и эсерами» [3, с. 30—39], однако никакого документального подтверждения этому до настоящего времени не обнаружено. Лидеры отдельных выступлений не состояли в единой организации, а большинство волнений происходили стихийно, что серьёзно отличало данные события от Антоновского восстания.

7 марта 1919 г. вспыхнул антисоветский мятеж в с. Туголуково Борисоглебского уезда. Собравшихся для переизбрания волсовета жителей спровоцировали слова милиционера А. Комбарова, что «съезд открыл мощи Питирима, а там оказался картон». В результате крестьянами избили его, подстрекателем избиения он назвал дьякона Туголуковской церкви Н.Н. Лентионова. Участвовавших в избиении задержали, но на следующий день сын одного из задержанных «побежал в церковь, где и начал бить в набат, отчего собралось 2000 человек к сборной избе, после чего вся эта тёмная и несознательная масса двинулась к зданию Совдепа и требовала освобождения арестованных, а иначе они всё разнесут. Начальник милиции, видя враждебное настроение народа, а вернее, беспорядочной толпы и чувствуя своё малосилье, освободил задержанных после резких угроз и криков, после чего толпа разошлась» [17, с. 3—14].

Таким образом, антисоветские выступления во многом провоцировало отношение советской власти к Русской Православной Церкви. Причиной служило не только осуществление декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви», но и то, каким образом оно проводилось. Как отметил инструктор ВЧК А.П. Смирнов в докладе о злоупотреблениях должностных лиц в Тамбовской губ., характеризую вышеупомянутые беспорядки в с. Пластинки: «Я пришёл в ужас от хаотического ведения дел. Мои убеждения, если бы пояснили гражданам всё подробно, никакого восстания не было бы» [23, с. 2].

Список литературы

1. Алленов А.Н. Власть и Церковь. Тамбовская епархия в 1917—1924 гг. Тамбов: Издательство «Юлис», 2005. 288 с.
2. Государственный архив Российской Федерации (далее — ГА РФ). Ф. 353. Оп. 4. Д. 383.
3. ГА РФ. Ф. Р-1235. Оп. 93. Д. 530.
4. Государственный архив социально-политической истории Тамбовской области (ГАСПИ ТО). Ф. 840. Оп. 1. Д. 34.
5. Государственный архив Тамбовской области (далее — ГА ТО). Р-1. Оп. 1. Д. 31.
6. ГА ТО. Ф. В.Р-6. Оп. 1. Д. 42.
7. ГА ТО. Ф. Р-20. Оп. 1. Д. 80.
8. ГА ТО. Ф. 181. Оп. 145. Д. 42.
9. ГА ТО. Ф. Р-394. Оп. 1. Д. 48.
10. ГА ТО. Ф. Р-400. Оп. 1. Д. 50.
11. ГА ТО. Ф. Р-1236. Оп. 1. Д. 94.
12. ГА ТО. Ф. Р-1236. Оп. 1. Д. 497.
13. ГА ТО. Ф. Р-1832. Оп. 1. Д. 226.
14. ГА ТО. Ф. Р-5201. Оп. 2. Д. 100.
15. ГА ТО. Ф. Р-5201. Оп. 2. Д. 182.
16. ГА ТО. Ф. Р-5201. Оп. 2. Д. 232.
17. ГА ТО. Ф. Р-5201. Оп. 2. Д. 618.
18. Декреты Советской власти [Электронный ресурс] / URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/DEKRET/> (дата обращения: 17.08.2020).
19. Известия Тамбовского губернского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. 1918. 31 марта.
20. Известия Тамбовского губернского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. 1918. 6 апреля.
21. Послание Святейшаго Тихона, Патриарха всея России // Богословский Вестник. 1918. № 1. С. 74—76.
22. Братские речи (Тамбов). 1918. 30 января.
23. Центральный архив Федеральной службы безопасности РФ (ЦА ФСБ РФ). Ф. 1. Оп. 3. Д. 47.

Военнопленные Польско-советской войны 1919—1921 гг.: сравнительный анализ

Аннотация. В исследовании на базе архивных материалов и опубликованных источников рассматривается положение военнопленных польско-советской войны в лагерях, располагавшихся на территории Польши и Советской России. Сравниваются численность военнопленных, условия их содержания, агитационная работа среди них, привлечение к физическому труду. Первые данные о пленных у двух сторон конфликта появились весной 1919 г. В польский плен попало в 20 раз больше солдат, чем в советский. В Польше была использована уже созданная сеть лагерей в то время, как в Советской России (особенно её центральной части) систему лагерей создавали с нуля.

Ключевые слова: польско-советская война, военнопленные, условия содержания, трудовое использование, агитационная работа, смертность.

PRISONERS OF WAR OF THE POLISH-SOVIET WAR OF 1919—1921: COMPARATIVE ANALYSIS

Abstract. The study, based on archival materials and published sources, examines the situation of prisoners of war of the Polish-Soviet war in camps located on the territory of Poland and Soviet Russia. This problem remains one of the most debatable issues in modern historiography. There are also no comparative studies on the topic that could reveal similarities and differences in the stay of prisoners of war in countries. The number of prisoners of war, their conditions of detention, propaganda work among prisoners of war, and physical labor are compared. The first data on prisoners from the two sides of the conflict appeared in the spring of 1919. In the Polish captivity got 20 times more soldiers than in the Soviet one. The difference is that in Poland the already established network of camps was used, while in Soviet Russia (especially in its Central part) the system of camps was created from scratch.

Keywords: Polish-Soviet war, prisoners of war, conditions of detention, labor use, propaganda work, mortality.

Проблема военнопленных польско-советской войны остаётся одной из самых дискуссионных в современной историографии. За последнее десятилетие по данной теме издано немало работ как в Польше, так и в России [36, 29]. Особое место занимают совместные публикации [26, 35, 39, 37]. При этом в указанных и других исследованиях

* **Иван Игоревич Родионов** — аспирант кафедры истории России Смоленского государственного университета (Смоленск, Россия). e-mail: vanro.rodionov@yandex.ru

Ivan I. Rodionov — Post-graduate Student, Russian History Department, Smolensk State University (Smolensk, Russia).

основное внимание уделяется трагическим судьбам красноармейцев в польском плену [23]. Однако не менее важным является, с моей точки зрения, исследование положения польских военнопленных в лагерях Советской России.

Первым среди российских специалистов этим сюжетом стал заниматься И.И. Костюшко [24]. Затем исследовались тема польских военнопленных в Сибири [33, 34; 30—32], а также механизмы взаимодействия различных советских ведомств по связанным с ними вопросам [25], деятельность отдельных концентрационных лагерей для них [2, 3, 28 и др.]. История концлагерей, в которых находились поляки, затрагиваются в трудах смоленских исследователей. В сфере научных интересов А.Ф. Гавриленкова — история Рославльского концентрационного лагеря [4—8]. М.Д. Хейсин и Н.В. Нестеров рассматривают смоленские губернские концлагеря в рамках пенитенциарной системы [38]. Ведётся работа в рамках исследовательского проекта «Польские военнопленные в лагерях Центральной России, 1919—1922 гг.» [21, 22].

Архивные источники, касающиеся организации и функционирования концлагерей и лагерей военнопленных, хранятся в региональных и федеральных архивах, в частности: в областных архивах (в Брянске: Государственный архив Брянской области (ГА БО), в Орле: Государственный архив Орловской области (ГА ОО), в Калуге: Государственный архив Калужской области (ГА КО), в Смоленске: Государственный архив Смоленской области (ГА СО), Государственный архив новейшей истории Смоленской области (ГАНИ СО); архивный отдел Рославльского района), в федеральных: Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). В областных архивах хранятся фонды концентрационных лагерей (в ГАСО — фонд Р-136 «Смоленский концентрационный лагерь»; ГАБО — фонд Р-2376 «Брянский губернский концлагерь»; в Рославле: фонд № 338 «Рославльский концентрационный лагерь»; ГАОО — фонд Р-1716 «Орловский концлагерь»; ГАКО — фонд Р-967 «Концентрационный лагерь Калужского губернского управления местами заключения»), содержащие источники по лагерям военнопленных. В них содержатся нормативные документы, переписка с ГУПРОм, доклады о деятельности подразделов принудительных работ, отчёты о работе лагерей и т.д. В ГАРФе (ф. 393, оп. 89 «Главное управление принудительных работ») дублируются отчёты с мест и хранится переписка с губернскими ведомствами.

Первые документы, относящиеся к попавшим в плен польским солдатам, датируются весной 1919 г. Данные демонстрируют низкий приток военнопленных в начале года. К концу года он увеличился в 10 раз (ноябрь 1919 г.), затем снова наблюдается спад. Всего на За-

падном фронте за период с февраля по декабрь 1919 г. было пленено 1 431 чел. По данным Костюшко, всего за 1919 г. было пленено около 1 500—2 000 поляков [35, с. 4].

Что касается пленных красноармейцев, то, по подсчётам Г.Ф. Матвеева, в плен попало: в 1919 г. — не менее 29 293, в 1920 г. — 177 584 чел. Первые документы по ним датируются весной 1919 г. [29, с. 58]. Их отсылали в сборные пункты при штабах дивизии (с 11 июля 1919 г. на пленного заводили карточку), затем направляли на распределительные станции (действовали вне фронта в зоне действия этапов). За них сначала отвечали фронтовые части, а затем командование этапов. При каждой станции состоял офицер, отвечавший за распределение пленных. 30 июля 1920 г. началась ускоренная эвакуация пленных из прифронтовой зоны.

Сравнивая данные, видим, что в польский плен попало в 20 раз больше солдат, чем в советский. Поэтому польская сторона сразу переправляла пленных на распределительные станции, а оттуда в лагерь. В Советской России в начале 1919 г. не были подобной инфраструктуры и поэтому сначала пленных содержали при армиях. И только с середины 1919 г. стали появляться концлагеря, в которые позже стали направлять польских военнопленных. В Польше система создавалась более централизованной (пленные находились в ведении военного министерства и Верховного командования армии), в то время как в Советской России она была децентрализована, т.к. состояла из не соподчинённых ведомств. Только с сентября 1920 г. польских военнопленных передали в ведение одного ведомства (ГУПР).

Первые концентрационные лагеря были созданы в Москве и Петрограде после выхода 15 апреля 1919 г. постановления ВЦИК об организации лагерей принудительных работ (концлагерей). По состоянию на 25 июня в пределах Москвы функционировало четыре лагеря: Ново-Песковский распределитель, Покровский, Андроньевский, Кожуховский распределительный пункт № 13 [9, л.]. Часть военнопленных содержалась в Кожуховском лагере, который объединял в себе сборно-распределительный, эвакуационный, питательный пункты и лагерь [9, л. 8—9, 24—24 об.].

В Брянской, Орловской, Смоленской, Калужской губ. в 1920—1921 гг. существовало несколько лагерей для польских военнопленных. В Смоленской — три лагеря (Смоленский — образован 1 августа 1919 г., закрыт 23 октября 1922 г.; Рославльский — организован 15 сентября 1920 г. в Минске [1]. В Рославле просуществовал с октября 1920 по 20 января 1921 г.; лагерь военнопленных — в 1919 г. в подчинении Смоленского губпленбежа [20], 19 ноября 1920 г. передан в ведение Смоленского подотдела принудительных работ [18, л.

100—101 об.], функционировал до 5 июня 1921 г. [13, л. 5]). В Брянской — два (в Брянске — создан в августе 1919 г., закрыт в начале 1923 г.; в Бежице — работал до лета 1921 г.). В Орловской — два (в феврале 1920 г. создан концлагерь № 1, 20 июня организован лагерь № 2, который проработал до 1 мая 1921 г.). В Калужской — один (лагерь начал функционировать 24 июля 1919 г.) [11, л. 40]. Пленных поляков присылали партиями по 500—600 чел. Сначала их размещали в губернском концлагере, а затем оттуда часть переводили в отдельный лагерь. Средняя численность пленных в лагерях варьировалась в пределах 100—200 чел.

Помещения для лагерей в губерниях не были типизированы. К весне 1920 г. Смоленский концлагерь занимал три двухэтажных корпуса [38, с. 278], военнопленные располагались в отдельных корпусах. Рославльский лагерь представлял из себя двухэтажный корпус [6, с. 32]. Лагерь не был изолирован от внешнего мира, так как в его дворе размещались службы советских учреждений [8, с. 193]. Брянский располагался в трёхэтажном каменном корпусе бывшей тюрьмы. Бежицкий находился при Брянском государственном заводе и занимал четыре барака [27, с. 118]. В Орловской губ. первый концлагерь был организован в центральном рабочем доме [14, л. 90]. В лагере имелось три кирпичных двухэтажных здания. Лагерь для польских военнопленных в Орле сначала размещался в бывшем пункте пленных Первой мировой войны [10, л. 41—41 об.]. В конце ноября 1920 г. лагерь перевели в помещение бывшего дворянского пансиона [10, л. 166 об.]. В Калуге концлагерь сначала размещался в доме бывшего Союза учителей, расположенном на окраине города. Оно состояло из двух этажей, в нём имелось 11 комнат. Три комнаты использовали под канцелярию лагеря, околоток и караульные помещения, а остальные — под камеры [12, л. 40]. 7 мая 1920 г. лагерь перевели в помещение бывшего Лаврентьевского монастыря, который располагался в двух верстах от Калуги [12, л. 439].

Стационарные лагеря для военнопленных впервые созданы австро-венгерской и германской армиями во время Первой Мировой войны [29, с. 77]. С февраля 1919 г. пленных размещали в лагерях Малой Польши, но по мере увеличения числа пленных было решено восстановить бывшие немецкие лагеря, находившиеся на территории бывшего Царства Польского и польских земель в составе Германии. Помимо стационарных лагерей в разное время действовали более мелкие заведения для пленных. 19 августа 1919 г. министерство военных дел определило назначение и нумерацию лагерей, а также рабочих отрядов, а в конце ноября — начале декабря 1920 г. потребовало нового целевого назначения уже существующих лагерей и открытия новых. Лагеря ликвидировались по мере выезда пленных

красноармейцев на родину. Деятельность стационарных лагерей регулировала инструкция I (организационного) департамента МВД от 17 мая 1919 г. [29, с. 80]. Согласно инструкции, во главе лагеря стоял начальник с правами командира полка. В его распоряжении были рота охраны и надзирательное подразделение. Распоряжением МВД от 11 июля 1919 г. уточнялся порядок учёта пленных, установленный 17 мая [29, с. 82]. 21 июня 1920 г. вышла инструкция, в которой отмечалось, что существующие лагеря имели смешанный характер [29, с. 79]. В Польше большую часть лагерей ликвидировали в течение 1921 г. (с 10 августа по 7 сентября), отдельные проработали до 1923—1924 гг. В Советской России лагеря закрыли весной—летом 1921 г.

Рассмотрим численность польских военнопленных в лагерях. Оно колебалось от 50 (Калуга) до 8 000 (Красноярск). В большей части лагерей численность пленных превышала 300 чел. (37%), затем шли лагеря с численностью 200—300 чел. (26,3%), далее — с численностью 50—100 или меньше 50 (13%), меньше всего было лагерей с численностью 100—200 чел. (10,5%). В целом местные власти придерживались приказов ГУПР о концентрации пленных в лагерях по 200—300 чел. Это позволяло следить за ними, а также обеспечивать условия для жизни.

В Польше в 1919 г. контингент лагерей делили на три группы: «большевистские», украинские, интернированные. К концу года в 50% лагерей не было представителей первой. В оставшихся процент пленных красноармейцев колебался в пределах 30—40% от общего количества и лишь в одном (№ 4 в Пикулице) составлял 68,3%. Всего их насчитывалось 1000—2800 чел. Процент украинских пленных колебался в пределах 60—70%. Интернированные составляли 20—30% [26, с. 96—97]. Общая численность контингентов насчитывала 2000—3800 чел. и лишь в одном лагере (№ 1 Стшалково) их было около 10,5 тыс. (на 9 марта 1920 г.) [26, с. 176]. В 1920 г. число пленных красноармейцев находилось в пределах 3000—5000 чел. и лишь в Стшалково — 16 700 (на 25 ноября 1920 г.). В отчётных документах указывали только количество пленных в лагере и исключали число пленных красноармейцев на работах. Лагерная система оказалась перегружена из-за притока пленных красноармейцев.

В конце 1919 — середине 1920 г. проблемы советских лагерей для польских военнопленных заключались в необустроенности помещений, необеспеченности одеждой и обувью, дезорганизации санитарно-гигиенического обслуживания. Меры к улучшению стали приниматься ГУПР после сообщения Польским отделом ПУР информации о состоянии с сентября 1920 г. Условия быта и жизни стабилизировались под конец года. Положение пленных зависело от следующих факторов: экономической и жилищной ситуации в гу-

бернии, лояльности местных учреждений (губкварткома, губпродкома и т.д.), администрации лагерей.

Картину условий жизни в польских лагерях обрисовал начальник санитарного департамента министерства военных дел Польши З. Гордыньский в докладной записке от 2 декабря 1919 г. Он оценил положение пленных красноармейцев как тяжёлое из-за нехватки продовольствия, одежды, обуви, белья, необустроенности помещений, переполненности лагерей, присылки здоровых пленных вместе с больными, невозможности массовой изоляции, недостатков в организации и оборудовании лазаретов и лагерных госпиталей. Главная причина этого — «неповоротливость и безразличие, пренебрежение и невыполнение своих прямых обязанностей» [26, с. 108]. Военный министр К. Соснковский в своем приказе от 6 декабря 1920 г. констатировал то, что распоряжения и приказы ведомства по вопросам правильного обращения с пленными сталкивались «с неумением и непониманием соответствующих исполнительных органов» [26, с. 430].

Средний процент умерших польских военнопленных от общего количества содержавшихся в лагерях — 5%. В лагерях процент умерших колебался от 3 до 7%. В целом, согласно спискам, по Центральной России умерло 466 военнопленных. Эта цифра не противоречит указанной Костюшко, но пока в неё не включены данные по Северу, Уралу, Сибири, а также Украине и Белоруссии. Численность умерших красноармейцев не поддается точному учёту, т.к. не обнаружены материалы Центрального бюро [29, с. 103]. Матвеев предполагает, что могло умереть от 25 до 28 тыс. чел. (18%) [29, с. 104].

Среди пленных красноармейцев в Польше не велось никакой культурно-просветительской работы (за исключением агитаторов антисоветских формирований) [29, с. 89—90]. Пропагандистская работа отмечалась в инструкции министерства военных дел от 3 сентября 1920 г. [29, с. 87]. Её предполагалось вести среди следующих категорий пленных: В — польской национальности (работа «по национальному просвещению»); С — среди украинцев с Правобережной Украины (агитация к вступлению в армию Петлюры); D — русских (выходцы из Псковской, Витебской, Минской, Смоленской губ. могли стать объектом эмиссаров генерала С. Балаховича, а среди русских из других регионов работу должен был вести Русский политический комитет Б. Савинкова). 21 сентября 1920 г. военное министерство запретило вести агитационную работу среди пленных во фронтовых заведениях и ограничило её стационарными лагерями в Тухоля, Вадовице, Стшалково, Пикулице [29, с. 90]. Таким образом, в Советской России в военнопленных видели возможных союзников, в то время как в Польше — лишь ресурс для пополнения анти-

советских формирований. Также можно утверждать, что политработа не способствовала массовому превращению польских пленных в сторонников советской власти из-за присущей им инертности.

Военнопленных «мобилизовали» на работы в регионах. 7 сентября 1920 г. межведомственная комиссия постановила прировнять заработную плату поляков к оплате трудармейцев. Основная информация об использовании их труда содержится в циркуляре НКВД и ГУПР «О нормах оплаты труда и о порядке учинения расчёта с военнопленными и заключенными» [18, л. 80—80 об.]. Военнопленные работали в Смоленской губ.: в мастерских лагеря; при железнодорожных станциях; по специальности вне лагеря; на предприятиях губернии [16, л. 55, 93, 128; 19, л. 91—91 об.]; при советских учреждениях [16, л. 31, 89, 111, 142, 144; 19, л. 104, 136-136 об., 149, 223.]. В Брянской губ. большая часть пленных работала на ударном заводе [10, л. 8]. В Орловской губ. на 8 декабря 1920 г. часть пленных была занята в канцелярии лагеря, в приготовлении пищи и уборке. Также пленные работали в губтыле, при хуторах, сушильном заводе [15, л. 73 об.].

Тяжелые условия жизни в стационарных лагерях в Польше являлись значительным стимулом к добровольной записи в рабочие отряды (дружины, роты). Инструкция для лагерей военнопленных I департамента министерства военных дел от 17 мая 1919 г. разрешала использовать военнопленных на работах в военном ведомстве при условии, что эти работы не были связаны с боевыми действиями. Вопрос о формировании рабочих команд и железнодорожных рот, занятых на работах вдали от лагеря, передавался в ведение военного министерства [29, с. 115]. Оно же имело право выделять военнопленных для работы у частных предпринимателей или землевладельцев. Если место работы располагалось недалеко, и пленные возвращались в лагерь, то вопрос об их использовании могло решать командование генерального округа.

В августе 1919 г. ведомство издало приказ об организации рабочих команд. Такие отряды могли формироваться только в стационарных лагерях. Штатный состав определялся в 300 чел., а железнодорожной роты — 250. Детально отдельные вопросы использования пленных на работах прописаны в инструкции министерства военных дел от 21 июня 1920 г. Согласно ей рабочие команды должны были замещать гражданских на работах, которые требовали большого количества рук — железнодорожное строительство, выгрузка продуктов и др. [29, с. 115—116].

Количество рабочих команд, в которых были заняты пленные красноармейцы, не было постоянным. В конце 1919 г. их было не менее 20. В ноябре 1920 г. количество возросло до 78, а железно-

дорожных рот — до 7. На рубеже 1920—1921 гг. их совокупное количество достигло 114. Всего в рабочих отрядах в ноябре — начале декабря 1920 г. состояло около 25 тыс. пленных. Их также прикомандировывали поодиночке к различным военным, государственным и даже частным учреждениям в полосе ответственности Верховного командования (например, военные госпитали, канцелярии и т.д.). В начале декабря 1920 г. в распоряжении Ставки Верховного командования находилось от 3 до 5 тыс. пленных [29, с 118—119].

В РСФСР из-за мобилизации населения на фронты Гражданской войны и общей нехватки рабочих рук труд польских военнопленных был востребован. Их «мобилизацией» частично закрывался дефицит рабочей силы в регионах. Труд оплачивался по нормальным расценкам, в снабжении их приравнивали к красноармейцам и т.д. В Польше в пленных красноармейцах видели трудовой ресурс. В 1919 г. при дивизиях использовали «дикие» трудовые отряды из них. Ещё одно отличие — деление пленных на категории по здоровью для определения их на работу. Сходство в том, что пленные по большей части использовались на неквалифицированной работе (железнодорожное строительство, погрузка и разгрузка и т.п.). Польша изначально организовывала пленных в трудовые отряды/дружины, в то время как в советской России идею рабочей организации пленных стали развивать с августа 1920 г.

Таким образом, первые данные о пленных у сторон конфликта появились весной 1919 г. В польский плен попало в 20 раз больше солдат, чем в советский. Обе стороны заложили основы систем по делам пленных. В то же время, в Польше система создавалась более централизованной. В РСФСР в военнопленных видели возможных союзников, в то время как в Польше в пленных красноармейцах видели лишь ресурс для пополнения солдат в антисоветских формированиях.

Список литературы

1. Архивное отделение Рославльского района. Ф. 2873/388. Оп. 1. Д. 1.
2. *Белова И.Б.* Концентрационные лагеря принудительных работ в Советской России: 1919—1923 гг. URL: www.gramota.net/materials/3/2013/12-1/5.html (Дата обращения 14.09.2020 г.)
3. *Володин С.Ф.* Тульские концентрационные лагеря принудительных работ в период военного коммунизма. URL: <https://cyberleninka.ru> (Дата обращения: 14.09.2020 г.)
4. *Гавриленков А.Ф.* Рославльский концентрационный лагерь принудительных работ (1920—1921) // Край Смоленский. 2000. № 5—6. С. 64—69.
5. *Гавриленков А.Ф.* Рославльский концентрационный лагерь принудительных работ (1920—1921) // Вопросы истории. 2001. № 8. С. 170—172.

6. *Гавриленков А.Ф.* Страницы истории Рославля первых лет Советской власти. 1918—1922 гг. Смоленск, 2005. 76 с.
7. *Гавриленков А.Ф.* Рославльский концентрационный лагерь принудительных работ (1920—1921 гг.): история создания и структура // Край Смоленский. 2015. № 10. С. 46—50.
8. *Гавриленков А.Ф.* Система концентрационных лагерей в Смоленской губернии в период советско-польской войны 1920—1921 гг. // Studia internationalia: материалы IV международной научной конференции «Западный регион России в международных отношениях. X—XX вв.» (1—3 июля 2015 г.). Брянск: РИО БГУ, 2015. С. 191—195.
9. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 393. Оп. 89. Д. 156.
10. Государственный архив Брянской области (ГА БО). Ф. Р-2376. Оп. 1. Д. 8.
11. Государственный архив Калужской области (далее — ГА КО). Р-967. Оп. 2. Д. 173.
12. ГА КО. Р-967. Оп. 2. Д. 173.
13. Государственный архив новейшей истории Смоленской области (ГАНИ СО). Ф. Р-3. Оп. 1. Д. 1167.
14. Государственный архив Орловской области (далее — ГА ОО). Ф. Р-1716. Оп. 1. Д. 1.
15. ГА ОО. Ф. Р-1716. Оп. 1. Д. 20.
16. ГА ОО. Ф. Р-1716. Оп. 1. Д. 35.
17. Государственный архив Смоленской области (далее — ГА СО). Ф. Р-136. Оп. 1. Д. 30.
18. ГА СО. Ф. Р-136. Оп. 1. Д. 59.
19. ГА СО. Ф. Р-136. Оп. 1. Д. 83.
20. ГА СО. Ф. Р-183. Оп. 1. Д. 47.
21. *Кодин Е.В., Родионов И.И.* Польские военнопленные в Рославльском и Смоленском концентрационных лагерях в 1920—1922 гг. // Известия Смоленского государственного университета. 2018. № 2. С. 341—358.
22. *Кодин Е.В., Родионов И.И.* Социальный портрет польских военнопленных, содержавшихся в лагерях Смоленской губернии (1920—1921 гг.) // Известия Смоленского государственного университета. 2019. № 3. С. 377—395.
23. *Корнилова О.В.* Красноармейцы в польском плену (1919—1922): основные направления современной российской и польской историографии // Известия Смоленского государственного университета. 2019. № 4. С. 355—373.
24. *Костюшко И.И.* К вопросу о польских пленниках 1920 г. // Славяноведение. 2000. № 3. С. 42—63.
25. *Костюшко И.И.* Польское бюро ЦК РКП(б). 1920—1921 гг. М.: Ин-т славяноведения РАН, 2005. 144 с.
26. Красноармейцы в польском плену в 1919—1922 гг. Сборник документов и материалов. М.: СПб.: Летний сад, 2004. 912 с.
27. *Крашенинников В.В.* Брянский концентрационный лагерь в 1920—1922 гг. // Страницы истории города Брянска: материалы историко-краеведческой конференции. Брянск, 1997. С. 113—120.
28. *Лышкова И.* Смоленский концентрационный лагерь // Край Смоленский. 2006. № 8. С. 48—53.
29. *Матвеев Г.Ф., Матвеева В.С.* Польский плен. Военнослужащие Красной армии в плену у поляков в 1919—1921 гг. М., 2011. 173 с.

30. *Оплаканская Р.В.* Деятельность представительства Смешанной комиссии в Сибири по репатриации польских военнопленных в 1921 г. // Томский журнал ЛИНГ и АНТР. 2015. № 3. С. 120—127.
31. *Оплаканская Р.В.* Положение польских военнопленных в Сибири в начале 1920-х гг. // Вестник Томского государственного университета. 2014. С. 116—119.
32. *Оплаканская Р.В.* Трудная дорога домой. О репатриации военнопленных 5-й польской стрелковой дивизии на юге Сибири в 1921 г. // *Euro Orientalis*. 2015. № 6. С. 59—72.
33. *Островский Л.К.* Польские военные в Сибири (1904—1920 гг.) // Вестник Томского государственного университета. 2008. №. С. 88—92.
34. *Островский Л.К.* Советская власть и польское население Западной Сибири (первая половина 1920-х гг.) // Гуманитарные науки в Сибири. 2011. № 4. С. 56—59.
35. Польские военнопленные в РСФСР, БССР и УССР (1919—1922 гг.): документы и материалы / Публ. И.И. Костюшко. М., 2004. 404 с.
36. *Симонова Т.М.* Советская Россия (СССР) и Польша. Военнопленные Красной армии в польских лагерях (1919—1924 гг.). М., 2008. 113 с.
37. Советские военнопленные в Польше 1920—1921 гг.: сборник сообщений Секции военнопленных и интернированных Штаба Министерства военных дел. Торунь, 2013.
38. *Хейсин М.Д., Нестеров Н.В.* Привкус горечи: смоленские тюрьмы (1917—1929). Смоленск: Свиток, 2016. С. 274—295.
39. *Polscy jeńcy wojenni w niewoli sowieckiej w latach 1919—1922: Materiały archiwalne.* Warszawa: Naczelna Dyrekcja Archiwów Państwowych, 2009. 654 p.

Формирование и изменение тактики Коммунистического Интернационала в 1919—1922 гг.

Аннотация. Статья посвящена эволюции тактики III Интернационала на страницах главного периодического издания Коминтерна — «Коммунистического Интернационала» (авторами которых выступали его лидеры и ведущие теоретики) в 1919—1922 гг.** Политическая линия Коминтерна в изучаемый период достаточно часто претерпевала серьезные перемены, однако журнал как исторический источник практически не изучается современными историками. Сделан вывод, что характер публикаций идеологов отражал курс организации на протяжении первых четырёх лет её деятельности.

Ключевые слова: ИККИ, мировая революция, «21 условие», стабилизация капитализма, НЭП, единый рабочий фронт.

FORMATION AND CHANGE OF TACTICS OF THE COMMUNIST INTERNATIONAL IN 1919—1922

Abstract. The article is devoted to the evolution of the tactics of the Third International, based on publications in the main periodical of the Comintern “Communist International” (the authors of which were its leaders and leading theorists) in 1919—1922. The political line of the Comintern during the period under study quite often underwent serious changes, but the journal “Communist International” as a historical source was practically not studied by modern historians. It is concluded that the nature of the publications of the ideologists of the Comintern reflected the course taken by the organization during the first four years of its activity.

Keywords: Executive Committee of the Communist International, world revolution, “21 conditions”, stabilization of capitalism, NEP, united workers’ front.

Историческая актуальность изучения деятельности Коминтерна заключается в необходимости дать всестороннюю и объективную оценку деятельности этой революционной организации, созданной в СССР, неразрывно идейно-политически, организационно и материально связанной с РКП(б)—ВКП(б) и оказывавшей значительное влияние на

* **Илья Алексеевич Суздальцев** — соискатель учёной степени кандидата исторических наук кафедры новейшей истории России Московского государственного областного университета; учитель истории школы № 1381 (Москва, Россия). e-mail: ialoko90@mail.ru

Илья А. Suzdaltsev — Applicant for the Degree of Candidate of Historical Sciences of the Department of Contemporary History of Russia, Moscow State Regional University; History Teacher at School № 1381 (Moscow, Russia).

** В статье также используется № 25 «Коммунистического Интернационала» за 1923 г., поскольку статьи из него посвящены событиям 1922 г.

международную обстановку. Современная историография по сравнению с советской характеризуется абсолютной сменой акцентов: поднимаются вопросы целесообразности создания организации, отрицается наличие революционной ситуации в мире в первые годы её существования, под особо критическим вниманием личность Сталина (вплоть до обвинения его виновником чуть ли не всех провалов политики Коминтерна) [3; 4; 5; 19; 30; 31; 38; 39; 40; 41; 43]. В то же время расширяется область изучения и проблематика истории III Интернационала; использование новых архивных данных делает работы более достоверными. Также и в западной историографии появляются работы, которые, в отличие от исследований периода холодной войны, являются гораздо более объективными, в них проводится анализ различных видов документов (изданных как в России, так и за рубежом), даются новые трактовки взаимоотношений III Интернационала с зарубежными секциями, его роли в осуществлении программных целей [28; 29].

Источниковая база современных исследований достаточно широка: стенографические отчёты конгрессов и пленумов, их резолюции и постановления, решения ЦК, Политбюро и Оргбюро ЦК РКП(б), направленные на организацию деятельности III Интернационала; политические сочинения; источники личного происхождения. Однако картина представляется неполной без изучения такого источника, как главное печатное издание Коминтерна — журнал «Коммунистический Интернационал». Он практически не используется исследователями, тогда как значительное количество статей, напечатанных в нём, уникальны ввиду того, что в других исторических источниках они не воспроизводились.

На учредительном конгрессе Коминтерна ключевым стал вопрос о вооружённых восстаниях в странах Западной Европы, что должно было в дальнейшем способствовать расширению революционного движения. В обращении Исполкома (далее ИККИ) «К трудящимся всего мира» прозвучало: «Не пройдёт и года, как вся Европа будет советской» [18, с. 25]. Председатель ИККИ Г.Е. Зиновьев также писал, что в ближайший год «вся Европа будет коммунистической» [14, с. 42]. Схожая риторика была свойственна и иностранным делегатам: «Волна коммунистической революции зародилась на Востоке и неудержимо рвётся на Запад» [6, с. 60]; «Северный ветер из России скоро очистит политический горизонт Западной Европы от болотных испарений социал-патриотов» [33, с. 61]. Члены партии большевиков Д.З. Мануильский и И.Ф. Арманд (псевдоним — Е. Блонина) считали, что наиболее близкая к революции ситуация весной 1919 г. сложилась во Франции: «Французская революция не за горами» [27, с. 214]; «Франция сейчас уже накануне революции — это можно сказать с уверенностью» [1, с. 338].

Зиновьев высказывался весьма оптимистично даже после свержения советских правительств в Венгрии и Баварии, заявляя, что «победа коммунизма неизбежна, как неизбежно после ночи наступает утро» [15, с. 791]. Однако вскоре тактика Коминтерна начала менять геополитическое направление: первоначально сосредоточив внимание на развитых западноевропейских странах, летом—осенью 1919 г. лидеры РКП(б) с подачи Л.Д. Троцкого [7, с. 174] стали всё больше рассматривать как плацдарм осуществления мировой революции страны Востока. Зиновьев так высказывался о данном регионе: «Уже эта наша первая революция разбудила сотни и сотни миллионов людей на Востоке» [15, с. 792]. Отныне допускалось, что революция может возникнуть в странах с разным уровнем развития капиталистических отношений, что существенно расширило географический охват предполагаемых сфер влияния. Большевики считали, что капиталистический строй, находящийся в кризисе, может быть свергнут «в любой отдельно взятой стране, если в ней существовала “революционная ситуация”» [29, с. 181].

С 22 ноября по 3 декабря 1919 г. в Москве работал II Всероссийский съезд мусульманских коммунистических организаций народов Востока. Делегаты выражали надежду, что «под руководством Исполнительного Комитета III Интернационала коммунистам Востока удастся революционизировать Восток» [34, с. 1114]. В.И. Ленин отмечал, что «освобождение народов Востока является теперь вполне практически осуществимым с точки зрения не только перспектив международной революции, но и с точки зрения непосредственного военного опыта, проделанного в Азии» [22, с. 321]. К концу 1920 г. «восточный» вопрос отражался на страницах газеты всё более значительно: публиковались материалы об экономическом и политическом положении в Китае, Японии, Корее. Зиновьев в статье «Чем был Коммунистический Интернационал до сих пор и чем он должен стать теперь» подчёркивал, что «события на Востоке имеют гигантское значение. Недалеко время, когда весь Восток загорится революционным полымем» [17, с. 2006]. Член Туркбюро ЦК РКП(б) Г.И. Сафаров писал, что на Востоке необходимо «сбросить являющуюся первоисточником всякого угнетения власть иностранных завоевателей-капиталистов и своих собственных деспотов-тиранов и взять власть со всеми её функциями в свои руки» [37, с. 3139].

В 1920 г. в статьях «Коммунистического Интернационала» уже не указывались конкретные сроки мировой революции: «Рабочая власть в Польше будет крепка только тогда, когда польские рабочие и крестьяне сами добьются победы, сами свергнут господство польских капиталистов и помещиков» [12, с. 1397]; «Германская революция начинает идти вверх по восходящей линии» [42, с. 1446]; «пройдёт немного времени и Балканский полуостров станет Советским полуостровом»

[42, с. 1447]; «крах капиталистических правительств неминуем» [25, с. 1459]; «фактически Англия переживает сейчас такой же критический момент, какой переживала Россия накануне февральской революции» [36, с. 1779]; [в Италии] «нарастание недовольства масс, негодование за ту разрушительную войну, за тот подлый обман, в который их вовлекла всемирная буржуазия» [32, с. 2573].

«21 условие» приёма в Коминтерн Зиновьев объяснял в статье «Второй конгресс Коммунистического Интернационала и его задачи» необходимостью отсечь от организации социал-демократов, для чего «нужно поставить надёжную стражу у ворот» [9, с. 1730]. В отношении партий, не готовых полностью принимать «условия», изначально занималась компромиссная позиция: «По отношению к организациям, ещё не освободившимся от “левых” стремлений, мы будем настойчиво и систематически вести воспитательную работу» [10, с. 2586]. Независимой социал-демократической партии Германии Зиновьев предлагал: «Без вас — если вы не хотите! С вами — если вы хотите! Против вас, если вы вступите с нами в борьбу!» [20, с. 2595] Однако вскоре риторика коренным образом изменилась: «Социалист, который сегодня не стоит вполне искренно на стороне III Интернационала, завтра будет выступать за II Интернационал» [13, с. 2683]. С Зиновьевым был солидарен и Ленин: «Господа Дитманы, Каутские, Криспины — в Германии, Лонге и Ко — во Франции и т.п. ... не понимают диктатуры, неспособны понять и осуществлять её» [23, с. 2702].

Изучив отчёты заседаний Исполкома, печатавшиеся в газете, можно сделать вывод, что к концу 1920 г. лидеры III Интернационала стали считать «в высшей степени вредными всякие уступки и компромиссы по отношению к “объединенцам”» [8, с. 3358]. Ленин в «Тезисах об основных задачах Второго конгресса Коммунистического Интернационала» подчёркивал, что «в громадном большинстве капиталистических стран не закончена подготовка пролетариата к осуществлению им своей диктатуры». Поэтому, хотя лозунг мировой революции не снят с повестки дня, новая задача зарубежных секций — более тщательная организационная подготовка: «Все примыкающие к III-му Интернационалу партии должны во что бы то ни стало провести в жизнь лозунг: “теснее связь с массами”, — понимая под массами всю совокупность трудящихся и эксплуатируемых капиталом». В связи с этим предписывались следующие действия: поддержка стачечного движения; нелегальная работа в армии, флоте, полиции; основание легальных органов печати [24, с. 1973, 1977—1978].

I расширенный пленум ИККИ, состоявшийся 21 февраля — 4 марта 1922 г., принял резолюцию о едином рабочем фронте. Вскоре после этого в «Коммунистическом Интернационале» стали публиковаться статьи, в которых лидеры организации обосновывали необходимость

проведения этой тактики. Зиновьев констатировал, что «изменившаяся обстановка выдвигает в настоящее время... некоторые новые задачи. Старый Либкнехт любил говорить о том, что революционеру иногда необходимо “в 24 часа” менять свою тактику» [16, с. 4781]. Однако единый фронт применялся не повсеместно, а в соответствии с установками большевиков: в 1922 г. Зиновьев уточнял, что организовать единый фронт с меньшевиками не представляется возможным по причине организации последними «стачек против Советской России» [11, с. 5151].

По итогам конференции трёх Интернационалов и Франкфуртской конференции по поводу оккупации Францией Рурского бассейна (1922) руководство II и II ½ Интернационалов начали обвинять в бездеятельности и предательстве [26, с. 6781—6808], в том, что они «заняты саботажем первых шагов в братаниях французского и германского пролетариата» [35, с. 6719]. II расширенный пленум ИККИ отметил, что «сопротивление лидеров социал-демократии должно побудить коммунистов ещё настойчивее бороться за единство рабочего класса» [21, с. 173]. Укрепление единого фронта на базе коммунистических организаций должно было постепенно ослаблять позиции «реформистов», как писал член ИККИ С.А. Лозовский: «Мы сделали ещё один шаг по пути создания единого фронта. Мы внесли внутрь реформистских рабочих организаций наши идеи, наша платформа начинает завоевывать эти массы» [26, с. 6808].

Освещался в газете и переход к новой экономической политике. Экономист Е.С. Варга констатировал её необходимость: «Политически потому, что бывшие деревенские бедняки превратились в крестьян-середняков и требовали соответственной экономической политики. Экономически изменение было необходимо потому, что посевная площадь и сбор урожая беспрестанно уменьшались. Государство при всём желании не могло снабдить крестьянина нужными средствами производства, фабрикатами для потребления, потому что крупная промышленность парализована» [2, с. 4598].

Таким образом, в журнале «Коммунистический Интернационал» в период проведения I—IV всемирных конгрессов отражались все основные события, касающиеся политической линии титульной организации: ориентация на западноевропейские страны как цель установления коммунистических правительств, эволюция «восточного вопроса», необходимость «21 условия» и критика тех, кто полностью или частично выразил несогласие с ними, тактика единого рабочего фронта, вопросы международной и внутренней экономической ситуации и т.д. Чаще всего авторами подобных статей выступали лидеры РКП(б), составлявшие основной костяк теоретиков Коминтерна и в соответствии с политической конъюнктурой объяснявшие правильность и необходимость того или иного политического решения.

Список литературы

1. *Блонина Е.* Перспективы революции во Франции // Коммунистический Интернационал. 1919. № 3. С. 333—338.
2. *Варга Е.С.* Поворот в экономической политике Советской России // Коммунистический Интернационал. 1921. № 18. С. 4585—4602.
3. *Ватлин А.Ю.* Второй конгресс Коминтерна: точка отсчёта истории мирового коммунизма. М.: Политическая энциклопедия, 2018. 176 с.
4. *Ватлин А.Ю.* Коминтерн: идеи, решения, судьбы. М.: РОССПЭН, 2009. 376 с.
5. *Войтиков С.С.* «Необходимо теперь же создать генеральный штаб III Коммунистического Интернационала...» // Военно-исторический архив. 2015. № 12. С. 120—144.
6. *Грубер К.* Последний этап // Коммунистический Интернационал. 1919. № 1. С. 59—60.
7. *Емельянова Е.Н.* Политика Советской России по отношению к странам Среднего Востока в начале 20-х гг. XX века // Научный диалог. 2016. № 7. С. 171—185.
8. Заседание Исполкома Коминтерна (3 ноября) // Коммунистический Интернационал. 1920. № 15. С. 3355—3362.
9. *Зиновьев Г.Е.* Второй конгресс Коммунистического Интернационала и его задачи // Коммунистический Интернационал. 1920. № 11. С. 1725—1750.
10. *Зиновьев Г.Е.* Два пути // Коммунистический Интернационал. 1920. № 13. С. 2581—2586.
11. *Зиновьев Г.Е.* Ещё о тактике единого фронта // Коммунистический Интернационал. 1922. № 20. С. 5149—5154.
12. *Зиновьев Г.Е.* К рабочим всех стран // Коммунистический Интернационал. 1920. № 9. С. 1393—1398.
13. *Зиновьев Г.Е.* О съезде в Галле // Коммунистический Интернационал. 1920. № 14. С. 2681—2684.
14. *Зиновьев Г.Е.* Перспективы пролетарской революции // Коммунистический Интернационал. 1919. № 1. С. 37—44.
15. *Зиновьев Г.Е.* Русская революция и международный пролетариат // Коммунистический Интернационал. 1919. № 6. С. 781—792.
16. *Зиновьев Г.Е.* Старые цели — новые пути // Коммунистический Интернационал. 1921. № 19. С. 4781—4804.
17. *Зиновьев Г.Е.* Чем был Коммунистический Интернационал до сих пор и чем он должен стать теперь // Коммунистический Интернационал. 1920. № 12. С. 1993—2008.
18. Исполнительный Комитет Коммунистического Интернационала. Да здравствует Первое Мая! К трудящимся всего мира // Коммунистический Интернационал. 1919. № 1. С. 21—28.
19. *Киселёв К.В.* К вопросу о логике развития организационной структуры мировой партии (Коминтерн и судьба мирового коммунизма) // Научный ежегодник ИФиП УрО РАН. 2003. № 4. С. 227—267.
20. *Кобецкий М.В.* Первый месяц работы // Коммунистический Интернационал. 1920. № 13. С. 2593—2598.
21. Коммунистический Интернационал. Краткий исторический очерк. М.: Издательство политической литературы, 1969. 600 с.

22. *Ленин В.И.* Доклад на II Всероссийском съезде мусульманских коммунистических организаций народов Востока // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 39. М.: Политиздат, 1970. 654 с.
23. *Ленин В.И.* К истории вопроса о диктатуре // Коммунистический Интернационал. 1920. № 14. С. 2685—2702.
24. *Ленин В.И.* Тезисы об основных задачах Второго конгресса Коммунистического Интернационала // Коммунистический Интернационал. 1920. № 12. С. 1969—1982.
25. *Ленин В.И.* Третий коммунистический Интернационал // Коммунистический Интернационал. 1920. № 10. С. 1453—1460.
26. *Лозовский С.А.* К Франкфуртской конференции // Коммунистический Интернационал. 1923. № 25. С. 6781—6808.
27. *Мануильский Д.З.* Современное положение во Франции // Коммунистический Интернационал. 1919. № 2. С. 205—214.
28. *Макдермотт К., Агню Дж.* Коминтерн. История международного коммунизма от Ленина до Сталина. М.: АИРО-XX, 2000. 223 с.
29. *Маккензи К.* Коминтерн и мировая революция. 1919—1943. М.: Центрполиграф, 2008. 352 с.
30. *Мухамеджанов М.М.* Коминтерн и внутрипартийная борьба в РКП(б)—ВКП(б) // Мухамеджанов М.М. Избранные статьи. М.: Издательство Московского гуманитарного университета, 2006. 211 с.
31. *Пантелеев М.М.* Агенты Коминтерна. М.: Эксмо, 2005. 350 с.
32. Письмо из Италии // Коммунистический Интернационал. 1920. № 13. С. 2573—2578.
33. *Платтен Ф.* Третий Интернационал // Коммунистический Интернационал. 1919. № 1. С. 61—62.
34. Привет III Интернационалу // Коммунистический Интернационал. 1919. № 7—8. С. 1114.
35. *Радек К.Б.* Рур и Гамбург // Коммунистический Интернационал. 1923. № 25. С. 6715—6722.
36. Революционные перспективы в Англии // Коммунистический Интернационал. 1920. № 11. 1779—1802.
37. *Сафаров Г.И.* Восток и революция // Коммунистический Интернационал. 1920. № 15. С. 3127—3140.
38. *Суздальцев И.А.* Об особенностях перенесения вопроса о внутрипартийной дискуссии в РКП(б) в Коминтерн в 1924 г. // Вестник Московского государственного областного университета. Сер. История и политические науки. 2017. № 5. С. 154—162.
39. *Суздальцев И.А.* Понятие «русская делегация» в Коммунистическом Интернационале в период I—IV всемирных конгрессов // Преподавание истории в школе. 2019. № 2. С. 69—72.
40. *Суздальцев И.А.* Проблема «Запад—Восток» в политике Коминтерна в 1919—1920 гг. // История и историческая память: межвуз. сб. науч. тр. Вып. 20. Саратов: Саратов. гос. ун-т, 2020. С. 50—59.
41. *Суздальцев И.А.* Роль РКП(б) в формировании организационной структуры Коминтерна // Вестник Московского государственного областного университета. Сер. История и политические науки. 2018. № 3. С. 123—130.
42. Трудящимся всего мира // Коммунистический Интернационал. 1920. № 10. С. 1445—1450.
43. *Фирсов Ф.И.* Коминтерн: погоня за призраком. Переосмысление. М.: АИРО-XXI, 2019. 672 с.

Вузовская молодёжь во внутрипартийной дискуссии РКП(б) 1923—1924 гг.

Аннотация. В статье рассматривается роль студенческой молодёжи во внутрипартийной дискуссии РКП (б) в 1923—1924 гг. На основе различных источников и литературы исследуется ход дискуссии, устанавливается отношение Троцкого и его сторонников к студенческой молодёжи, степень её вовлеченности в дискуссию и поддержки ею оппозиции. Также рассматриваются попытки объяснения противниками оппозиции популярности идей Троцкого и методы, при помощи которых предполагалось обеспечить поддержку позициям большинства ЦК. Затронута проблема вузовских чисток, в ходе которых была исключена значительная часть оппозиционно настроенной молодёжи.

Ключевые слова: внутрипартийная дискуссия, молодёжь, оппозиция, троцкизм, внутрипартийная борьба.

UNIVERSITY YOUTH IN POLITICAL PARTY DISCUSSION OF THE RCP(B) 1923—1924

Abstract. The article raises the problem of the role of students in the internal party discussion of the RCP (b) in 1923—1924. On the basis of various sources and literature explores the discussions that set the attitude of Trotsky and his supporters to students, involvement of students in discussion and the degree of its support of the opposition. The article also discusses attempts by opponents of the opposition to explain the popularity of Trotsky's ideas among University youth, as well as methods by which it was supposed to restore the loyalty of students to the positions of the majority of the Central Committee. The article deals with the problem of University purges, during which a significant part of oppositional youth was excluded from universities. The study of the above aspects allows us to draw a conclusion about the role of students in the discussion as a whole.

Keywords: internal party discussion, youth, opposition, Trotskyism, internal party struggle.

История внутрипартийной борьбы в 1920-е гг. достаточно сложна, однако перспективна для изучения, т.к. охватывает множество различных аспектов, многие из которых до сих пор остаются малоизученными. Один из таких аспектов — роль вузовской учащейся молодежи во внутрипартийной дискуссии 1923—1924 гг., которая раз-

* **Екатерина Михайловна Якушкина** — студентка 1-го курса магистратуры Российского государственного гуманитарного университета (Москва, Россия). e-mail: katrin.katrin0708@yandex.ru

Ekaterina M. Yakushkina — Magister Student of Russian State University for the Humanities, Russian State University for the Humanities (Moscow, Russia).

вернулась в рамках борьбы за власть в РКП(б) между сторонниками Л.Д. Троцкого и так называемой «тройки» Л.Б. Каменев — Г.Е. Зиновьев — И.В. Сталин. В советский период вышло немало работ по истории комсомола, в которых так или иначе затрагивалось участие молодежи в данной дискуссии. Они носили однобокий и идеологизированный характер, к тому же учащейся молодежи там практически не уделялось внимания. С конца 1980-х гг. наблюдается всплеск интереса к данной теме, но исследователи делают акцент на противостоянии Троцкого и «тройки» в целом. Молодёжи, особенно вузовской, по-прежнему уделяется мало внимания. Поэтому можно сказать, что данная тема обладает научной актуальностью и новизной.

Целью статьи является определение значимости и степени участия вузовской молодежи во внутривнутрипартийной дискуссии 1923—1924 гг. В ходе исследования данной темы привлечены различные опубликованные и архивные источники, научная литература по теме.

Началом внутривнутрипартийной дискуссии считается 8 октября 1923 г., когда Троцкий написал письмо членам ЦК РКП(б) с критикой экономической политики, а также обвинениями Политбюро в нарушении внутривнутрипартийной демократии. 15 октября позицию Троцкого поддержали еще 46 членов ЦК, которые составили обращение, получившее название «Заявление 46-ти». Несмотря на то, что в данных документах проблемы, связанные с молодёжью, не затрагивались, именно среди неё они получили наибольшее распространение. На пленуме 14 января 1924 г. сообщалось, что эти письма уже широко гуляют по всем организациям, не только в Москве, но и в регионах, звучит недовольство тем, что «аппаратчики» скрывают эти документы. Подчёркивалось, что наиболее широко эти письма распространены в ВУЗах и армейской среде [6].

Молодёжная политика стала предметом внутривнутрипартийной дискуссии в декабре 1923 г., после публикации в «Правде» цикла статей Троцкого «Новый курс». Вузовская же молодёжь вообще стала чуть ли не центром дискуссии, ведь она, согласно автору, занимала особое место в решении проблемы взаимоотношения поколений в партии, в осуществлении преемственности, именно на нее делалась основная ставка. Троцкий считал, что учащаяся молодёжь особенно остро реагирует на основную проблему партии — бюрократизацию. Причиной этого является то, что она отражает все социальные прослойки и впитывает все её настроения. Она же немедленно придаёт этим настроениям активную форму. Это и делает учащуюся молодёжь «барометром партии». Впрочем, отмечалось, что она далеко не во всех проявлениях отражает здоровые явления и тенденции. Поэтому ей надо отводить в первую очередь симптоматическое зна-

чение. Как итог своей мысли, Троцкий писал, что учащаяся молодежь — «наша проверка и наша смена, и завтрашний день за нею» [12, с. 15, 17]. Он видел её основным резервом партии, откуда и надо черпать будущие кадры.

Ставка Троцкого изначально казалась выигрышной. Именно в вузовской среде поддержка его идей была наиболее значительна. В столице из 72 партийных ячеек ВУЗов за оппозицию проголосовало 40, за линию ЦК РКП(б) — 32. В Петрограде из 29 вузов оппозиция получила поддержку в шести [13, с. 119]. Ситуацию в ВУЗах описывало письмо в редакцию «Правды»: среди учащихся партийцев проявилась «болезнь левизны», молодёжь отрывается от линии партии, становясь на сторону оппозиции. Во время собраний не дают высказаться докладчику, представляющему ЦК, не противопоставив ему оппозиционера, во время прений особо активно защищаются тезисы оппозиции [5, от 6 янв. 1924].

О ситуации в МГУ можно узнать из воспоминаний А.И. Микояна. Вот как он описывал ситуацию в ноябре 1923 г.: «С утра до позднего вечера, с небольшим перерывом, там происходили очень шумные и бурные, иногда беспорядочные выступления. Сидел я в последних рядах, намерения выступать у меня не было: хотелось побольше послушать и разобраться, о чём идёт спор и как воспринимает студенческая аудитория все эти горячие высказывания. Стронников линии ЦК среди выступавших было очень мало, и большинство выступало не на высоком уровне. Нападки же на линию партии были весьма резки. Я был удручён атмосферой... С защитой линии партии хорошо выступил только Ярославский, хотя его прерывали всякими недружелюбными репликами. Он говорил, что большинство рабочих собраний, коммунистов выступают против оппозиции, за ЦК. В вузовских же ячейках, пользуясь политической неподготовленностью части молодежи, оппозиция демагогическими способами добивается успеха. Ораторы от оппозиции, возражая, говорили, что рабочие-де голосуют за ЦК в страхе, что если они будут голосовать против ЦК, то их уволят с работы. Но революционному студенчеству нечего бояться голосовать за оппозицию» [3, с. 256].

В отличие от московских студентов, которые зачастую публиковали статьи в поддержку оппозиции и Троцкого в газете «Правда», студенты в «колыбели революции» крайне редко использовали периодическую печать. «Петроградская правда» встала полностью на сторону ЦК. Дискуссия не получила распространения в прочих газетах и журналах города [8, с. 150]. В конце ноября 1923 г. прошла губернская отчётно-выборная конференция, на которой был провозглашён лозунг сохранения единства партии. 29 ноября на общем собрании, проходившем в Горном институте, один из студентов за-

дал вопрос, по какой причине бюро коллектива не провело дискуссию о партстроительстве и задачах партии. В этот же день в Институте народного хозяйства обсуждался доклад Зиновьева о задачах партии. Несмотря на то, что в ходе собрания прозвучали некоторые критические мнения, они не носили массового характера [8, с. 150].

В Петрограде оппозиция носила во многом персонализированный характер, т.е. была направлена в большей степени на защиту непосредственно личности Троцкого. Так, к примеру, вопрос о нём стал центральным в ходе собрания Петроградского университета. Студент Горбачёв, открывший прения, выразил недовольство употреблением в негативном ключе термина «троцкизм», несмотря на согласие с сутью самого доклада. Другой оратор, Куразов, принял сторону оппозиции и сказал, что вопрос надо ставить, как ставил его т. Троцкий [8, с. 151]. Тем не менее, в ВУЗе за линию ЦК проголосовало в два раза больше человек. В институте медицинских знаний большинство выступающих имело оппозиционный настрой. В итоге с перевесом в 38 голосов приняли резолюцию «против письма собрания петроградских активных работников, направленного против т. Троцкого». Оппозиционеры, как правило, использовали авторитет лидера как «подпорку» своей аргументации. Характерна формулировка резолюции, предложенной на дискуссионном собрании в Эстонском педагогическом институте: «Поддержать новый курс при исполнении его так, как тов. Троцкий в своей статье указывал». По мнению А.В. Резника, несмотря на то, что оппозиция 1923 г. не была «троцкистской», в определённом смысле «троцкизм» был частью оппозиции [8, с. 152].

Безусловно, от внимания членов ЦК РКП(б) не ушли популярность и поддержка идей Троцкого. Объяснить это пытались разными причинами: тем, что, по мнению молодёжи, он был главным, если не единственным, организатором Октябрьской революции и победы в Гражданской войне, его блестящими речами на съездах РКСМ с революционно отточенными фразами [11, с. 4]. В письме «Ко всему коммунистическому активу РКСМ» рассматривались причины популярности оппозиционных идей именно в ВУЗовской среде. Подчёркивалось, что учащиеся зачастую находились в тяжёлом материальном положении и это толкало их к занижению хозяйственных успехов государства и неверной оценке ситуации. Также отмечалось, что у учащейся молодёжи имеется преувеличенное представление о роли интеллигенции, которое возникло из-за отрыва теории от практической работы. Вследствие этого именно у учащейся молодёжи наиболее вероятен отрыв от своего класса, именно поэтому в их среде спекулируют противопоставлением «старой» и «новой гвар-

дии», именно на её базе происходят попытки создания фракционных группировок [11, с. 10—11].

Своеобразное объяснение распространению идей оппозиции в ВУЗах нашли на пленуме РКП(б) 14 января 1924 г.: вузовская молодёжь в принципе является неблагонадежной, т.к. в ВУЗы посылали в основном тех, кому не могли найти применение на местах, т.е. по остаточному принципу [6]. В постановлении «О работе среди молодёжи» было сказано, что явления дилетантства, скептицизма, идеологических уклонов можно объяснить, во-первых, тяжёлым материальным положением учащихся, а во-вторых, серьёзным недостатком квалифицированных коммунистических сил на идеологических постах, из-за чего молодёжь не получает идейной поддержки, ответов на свои всё более усложняющиеся вопросы и, таким образом, с лёгкостью сворачивает на неправильный путь [4, с. 129—130]. Несмотря на вышесказанное, в ЦК вовсе не считали ВУЗы потерянной территорией. Звучало мнение, что данные явления среди учащейся молодёжи временные, что обязательно наступит перелом. Первый его признак — статьи-ответы на «новый курс» Троцкого. Пролетарское студенчество тем и отличается от студенчества интеллигентского, что сумеет при помощи партии и комсомольской организации нащупать верный путь [11, с. 32].

Каким же образом предполагалось «забрать» студентов от оппозиции? В ходе и после дискуссии в документах и постановлениях, посвящённых воспитанию молодого поколения, особое внимание начинает уделяться борьбе со всякого рода уклонами. В постановлении «О работе среди молодёжи», изданном в мае 1924 г., говорилось, что необходимо наладить систематическое изучение истории партии. При этом особое внимание должно уделяться освещению борьбы с оппортунизмом, на которой партия выросла и окрепла. Также признавалась несостоятельной точка зрения «нейтральности» по вопросу борьбы с уклонами в РКП(б). Уклоны и фракционные группировки должны быть решительным образом осуждены [4, с. 122]. Значительное внимание уделялось теоретическому воспитанию молодёжи, прививанию ему основ ленинизма. В постановлении «Об итогах дискуссии и мелкобуржуазном уклоне в партии» подчёркивалось, что в случае недостатка материальных средств партия должна предпочесть иметь меньшее количество учащихся, но при этом улучшить их материальное положение и усилить качество работы [2, с. 158].

«Благонадежность» студенческой молодёжи в ходе дискуссии оказалась поставлена под вопрос. Нельзя точно установить, было это совпадением или нет, но в конце весны 1924 г. в ВУЗах прошла достаточно крупная чистка. Официальная причина была указана так: «Учитывая экономическую обстановку, сообразуясь с потребно-

стями хозяйственного развития и наличными средствами, приходится высказаться за сокращение и сети вузов, и количества учащихся с одновременным улучшением и материальной, и учебной стороны дела» [4, с. 128]. Более подробно вопрос обсуждался на заседании Политбюро 24 апреля 1924 г. На нем решили сократить количество учащихся не меньше чем на 30 тыс. чел. Основным критерием должна была стать академическая успеваемость. При этом для пролетарских студентов должны были делаться поблажки и льготы, по отношению же к интеллигенции и выходцам из буржуазии — проводиться особенно жёстко. Важным также является заявление, что при проверке студентов непролетарского происхождения необходимо проявить бережное отношение к студентам старших курсов и исключать их при условии успешного прохождения курса лишь в случаях злостного отношения к советской власти [7]. Таким образом, очевидно, что чистка использовалась в том числе как предлог для отстранения от учебы «неблагонадежных» элементов, в ходе дискуссии встававших на сторону оппозиции.

Статистические данные позволяют представить масштаб чисток. Так, например, с факультета общественных наук МГУ было исключено 38,5% студентов, из кооперативного института — около 40% [9, с. 16]. Нарком просвещения А.И. Луначарский впоследствии сообщил, что из ВУЗов было вычищено до 30 тыс. студентов [10, № 11]. Чистку проводили особые комиссии, составленные общепартийными организациями соответствующих районов Москвы [1, № 2]. Документально подтверждено участие органов ГПУ в борьбе с инакомыслящими. В ВУЗах активизировалось доноительство [9, с. 16]. В печати появлялись сомнения насчёт того, не превращается ли чистка в расправу с оппозиционерами. Председатель ЦКК А.А. Сольц, возглавивший чистку, выступил с заявлением, в котором решительно отверг такую возможность [5, от 9 апр. 1924]. Тем не менее, наличие этого элемента несомненно.

Таким образом, ясно, что между обеими сторонами внутривнутрипартийной дискуссии развернулась борьба за поддержку среди молодого поколения. Троцкий предпочёл сделать ставку на учащуюся, вузовскую молодёжь. Она была оправдана, именно в студенческой среде он и его идеи имели значительную поддержку. Странники «тройки» пытались объяснить популярность оппозиционных идей в первую очередь материально-экономическими причинами, однако наиболее вероятным представляется вариант именно личной популярности Троцкого. Есть достаточно свидетельств, что молодёжь больше привлекала именно личность Троцкого, подача его идей, прошлые заслуги. При этом молодёжь стала не только предметом дискуссии, но и активным её участником, своеобразным «центром».

Тем не менее, несмотря на это, победителями вышли сторонники «тройки» — во многом за счёт комсомола: организации, практически полностью подчинённой ЦК РКП(б), а следовательно, в решениях опиравшейся на позиции большинства. К концу 1924 г. оппозиционные настроения среди студенчества были подавлены. В заключение стоит отметить, что более глубокое исследование активности студентов 1920-х гг. только предстоит, оно может стать сюжетом для работ как по теме внутрипартийной борьбы, так и посвященных молодёжи тех лет.

Список литературы

1. Большевик. М., 1924.
2. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК. М., 1983—1990. Т. 16. 270 с.
3. Микоян А. Так было. Размышления о минувшем. М.: Вагриус, 1999. 687 с.
4. Наследникам революции: документы партии о комсомоле и молодёжи. М., 1969. 591 с.
5. Правда. 1923—1924 гг.
6. Российский государственный архив социально-политической истории (далее — РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 2. Д. 107.
7. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 434.
8. Резник А.В. К истории троцкистской оппозиции низов // Власть. 2014. № 5. С. 149—152.
9. Самофалов Н.М. Политическая дискуссия в РКП(б) 1923/24 гг. и партийная молодёжь: последствия и уроки. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1992. 21 с.
10. Социалистический вестник. 1924.
11. Троцкизм и молодёжь: сборник материалов. Л.: Прибой, 1924. 48 с.
12. Троцкий Л.Д. Новый курс. М., 1924. 120 с.
13. Шмелёв А.Н. Борьба РКП(б) против троцкизма за студенческую молодёжь (1923—1924 гг.) // Борьба ленинской партии против оппортунизма. Л., 1980.

Профессиональные заболевания лиц свободных профессий. Эпизод дискуссии о списке профессиональных болезней и социальном страховании в середине 1920-х гг.

Аннотация. В статье описывается дискуссия о распространении на лиц свободных и творческих профессий пенсионного обеспечения как инвалидов труда. В середине 1920-х гг. происходила трансформация системы социального страхования и обеспечения, создавались новые формы пенсионирования. Однако проблема острого дефицита финансовых средств резко ограничивала возможности расширения социального обеспечения на все категории трудящихся. Дебаты вокруг распространения законодательства об инвалидах труда на лиц свободных и творческих профессий демонстрируют механизмы классовой борьбы, которые существовали в период НЭПа. **Ключевые слова:** профессиональная гигиена, профессиональные заболевания, СССР, социальное страхование, свободные профессии.

OCCUPATIONAL DISEASES OF PEOPLE IN LIBERAL AND CREATIVE PROFESSIONS. A DISCUSSION ABOUT THE LIST OF OCCUPATIONAL DISEASES AND SOCIAL INSURANCE IN THE MID 1920S

Abstract: The article describes a discussion about the extension of disability pension to liberal and creative professions. There was a transformation in the social insurance and security system in the USSR in the mid-1920s. New forms of pension provision were created under the NEP conditions. However, the lack of financial resources sharply limited the possibilities of extending social security to all categories of workers. The debate around the extension of disability legislation to liberal and creative professions clearly demonstrates the mechanisms of the class struggle that existed during the NEP period.

Keywords: occupational hygiene, occupational diseases, the USSR, social insurance, liberal and creative professions.

В советском законодательстве понятие «профессиональное заболевание» впервые появилось в «Положении о социальном обеспечении трудящихся», принятом Советом народных комиссаров РСФСР 31 октября 1918 г. В ст. 15 перечислялись основания для выплаты

* Всеволод Николаевич Сергеев — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Научно-исследовательского института медицины труда имени академика Н.Ф. Измерова (Москва, Россия). e-mail: sergeew.w@irioh.ru
Vsevolod N. Sergeev — Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Izmerov Research Institute of Occupational Health (Moscow, Russia).

пенсии по частичной или полной утрате трудоспособности: «болезнь, увечье, старость, *профессиональное заболевание* и т.п.». Отдельно подчёркивалось, что пособия выдавались независимо от причин, мешающих полноценно трудиться. В условиях Гражданской войны и милитаризации всех отраслей производства для правительства советской России было важнее выяснить степень трудоспособности. Именно поэтому причины нетрудоспособности перечислялись просто через запятую, а взаимосвязь размера пенсии с пригодностью к труду прописывалась детально. «Положение» и ряд уточняющих нормативно-правовых актов «преобразовали страховую систему в систему государственного социального обеспечения, установив отпуск средств на социальное обеспечение из бюджета и освободив от взносов советские предприятия и государственные учреждения» [6, с. 353]. Эта трансформация отразилась на термине «профессиональное заболевание» — он остался нераскрытым, т.к. законодательно не был установлен единый список таких заболеваний и отравлений.

Переход от военного коммунизма к новой экономической политике оказал заметное влияние на сферу социальной защиты и охраны труда. Отказ от милитаризации труда и частичное возрождение рыночных отношений привели к постепенному возрождению практик социального страхования. Переход к новой системе начался с 15 ноября 1921 г., когда вышло постановление СНК «О социальном страховании лиц, занятых наёмным трудом» [7]. Однако данный акт сохранил преемственность с законодательством предыдущего периода, т.к. в нём осталась норма о выплате компенсации наёмным работникам «на все случаи временной и постоянной утраты трудоспособности... а также на случай смерти». Декретом «О социальном обеспечении инвалидов» от 8 декабря 1921 г. [5] Совнарком уточнил порядок выплаты компенсации за потерю трудоспособности, при этом различий в причинах инвалидности («увечье, профессиональное заболевание или иные причины (старческая дряхлость и пр.)»), как и прежде, не существовало. Соответственно, не появился список профзаболеваний и отравлений, который бы отделил их от других болезней. Новый Кодекс законов о труде, принятый в конце 1922 г., закрепил основы системы социального страхования, не изменив порядок выплат компенсаций за утерю трудоспособности.

Развитие системы соцстраха потребовало изменений в законодательстве о социальном обеспечении инвалидов, однако трансформация шла выборочно, создавая новые «белые пятна». Постановление наркомата труда СССР от 3 января 1924 г. «О нормах обеспечения инвалидов труда, стойкая нетрудоспособность которых произошла от трудового увечья, а также членов семей рабочих и служащих, умерших от увечий» [4, с. 1462—1463] подрывало единство катего-

рии «инвалид труда», оставляя часть людей с постоянной нетрудоспособностью за пределами дополнительного соцобеспечения. Параллельно с этим шёл процесс создания системы обязательной регистрации случаев профзаболеваний и отравлений. 1 марта того же года вышло совместное постановление наркомтруда СССР и наркомата здравоохранения РСФСР «Об обязательном извещении о профессиональных отравлениях и заболеваниях» [4, с. 974—975], в котором содержалось перечисление профессиональной патологии. Появление первого официально утверждённого списка профзаболеваний легализовало их существование и делало возможным расширение социального законодательства.

Разработка нормативно-правового акта о пенсиях в связи с профессиональными заболеваниями и отравлениями была поручена в марте 1924 г. коллективу подотдела профессиональной гигиены отдела охраны труда (ООТ) наркомтруда, т.к. его сотрудники имели опыт разработки постановления об обязательной регистрации профпатологии. Создание нового документа шло по «горячим следам» предыдущих дискуссий и не заняло много времени (четыре месяца, или 5 общих заседаний подотдела и 17 совещаний с отраслевыми профсоюзами). Ещё одним отличием в процедуре подготовки акта оказалось разделение обсуждения на две линии: врачебную (сотрудники и консультанты подотдела + эксперты) и профсоюзную (врачи подотдела совместно с представителем ЦК отраслевого союза). Эти ветки дискуссии были неравнозначны из-за того, что представителей профессиональных объединений привлекли в самом конце, на стадии проработки отдельных составляющих списка профпатологии.

За весенние месяцы 1924 г. состоялось обсуждение концепции нового нормативно-правового акта и предварительного списка профзаболеваний, дающих право на пенсию по инвалидности. В основу работы лёг принцип выделения специфических болезней («где совершенно ясно можно показать, что заболевание произошло именно благодаря работе в данной профессии») [3, л. 19]. Такой подход автоматически отсекал от пенсий большое количество пролетариев, чья нетрудоспособность наступила вследствие сочетания вредных условий труда и быта. Кроме того, прописывались ещё два способа ограничить распространение пенсионирования. Во-первых, связь заболеваний с конкретными профессиями. Например, глухота была профессиональной патологией для молотобойцев, а катаракта — для литейщиков. Развитие катаракты у молотобойца не считалось поводом для пенсионного обеспечения как инвалида труда. Во-вторых, устанавливались темпоральные ограничения: минимальный срок

работы в данной специальности, максимальный промежуток времени после прекращения работы.

Обсуждение списка заболеваний с профсоюзами прошло с 2 по 12 июня в формате отраслевых заседаний. На каждом таком собрании присутствовали по одному-двум представителям ЦК отраслевого союза (врач или специалист по охране труда) и столько же врачей из подотдела профгигиены. Представительство союзов было практически полным, не высказали мнение только ЦК швейников, транспортников и народного питания, но их отсутствие компенсировали посланники смежных объединений. За редким исключением на каждом совещании поднимались проблемы только одной отрасли. Встречи в таком формате приводили к определённом параллелизму в работе, но сепарация профсоюзников препятствовала выработке консолидированной позиции со стороны союзов.

Предложения профсоюзов можно разделить на три группы: допполнения перечня профессиональной патологии, расширение реестра профессий и поправки к тексту нормативно-правового акта. Перечисление в таком порядке отражает накал борьбы. Больше всего дискуссий шло относительно профзаболеваний, меньше всего обсуждений вызывали сам текст документа и поправки к нему. Наиболее дискуссионными стали предложения ряда непроизводственных профсоюзов (работников искусств, просвещения, медицинских и санитарных, совработников), шедшие вразрез с концепцией отдела охраны труда НКТ. Само приглашение к обсуждению этих союзов заметно расширяло пространство возможного применения законодательства об инвалидах труда. Данный тип обеспечения потенциально мог быть расширен на педрботников (школьных учителей, педагогов для глухонемых и т.д.), медицинский и ветеринарный персонал, работников искусств творческих (актёров, музыкантов, работников балета и проч.) и технических (фотолаборантов, монтажниц и т.д.), а также специалистов по работе с текстами (стенографистов, писарей и т.д.).

Профделегаты выступали за расширение перечня и вносили предложения, которые либо развивали его по аналогии, либо расширяли за счёт принципиально иных болезней. В заболевания по подобию представители рабис и рабпрос, как и многие другие профсоюзники, предлагали включить «хронический суставный ревматизм» у фотолаборантов и учителей. Стоит отметить, что для педагогов приводилась аргументация, которая показалась сомнительной даже позитивно настроенным врачам подотдела профгигиены («Ревматизм у школьных учителей, работающих в очень холодных и нетопленых помещениях» [2, л. 4]). Запрос на включение в список ревматизма поднимался регулярно. В числе первых его поставила А.С. Шафра-

нова на заседании подотдела от 28 марта [1, л. 73]. Ревматизм оказался абсолютным лидером, за его включение высказались 10 из 20 опрошенных ЦК. Однако все попытки заканчивались провалом, т.к. не удавалось доказать взаимосвязь данной болезни с какой-то конкретной деятельностью. Во-вторых, профессиональные заболевания глаза (катаракта), по мнению Рабис, нужно было дополнить сильным ослаблением остроты зрения и его полной потерей (слепотой) как «последствие работы монтажниц, фотолаборантов, тонких вышивальщиц, гравёров, ретушёров» [2, л. 2]. Этот вопрос вызвал меньше дискуссий. Протокол зафиксировал поддержку со стороны Шафрановой и умеренную позицию Ц.Д. Пика, который практически всегда выражал генеральную линию отдела охраны труда. «Пик находит необходимым предоставить должные материалы. Кроме того, необходимо поставить вообще вопрос о профессиональной потере зрения» [2, л. 3]. В этот раз потеря зрения не стала профессиональным заболеванием, но уже при следующих корректировках списка оказалась добавлена в него.

Вторая группа предложений тоже была неоднородна по своему составу. Во-первых, Рабис выступил за включение сердечно-сосудистых заболеваний у работников искусств. Интересно, что с аналогичными идеями выступал Союз пишевиков для пивоваров, табачников и чаеразвесчиков. Здесь аргументация также оказалась слабо («сердечные заболевания как следствие тяжёлой физической работы» [2, л. 3]) и шла вразрез с изначальной концепцией списка, что нашло отражение в консолидированной позиции врачей из НКТ: Шафранова и Пик выступили против. Во-вторых, представители Рабис и Рабпрос параллельно предложили добавить в список «тяжёлую неврастению» для педагогов и «работников творческого труда». Эта идея получила поддержку: «Для актёров эта болезнь более свойственна... т.к. основа их работы лежит на эмоциональных переживаниях» [2, л. 3]. В свою очередь генеральная линия отдела охраны труда была сформулирована Пиком, которому предложению показалось «практически неосуществимым и тактически неправильным» [2, л. 3]. В-третьих, Медсантруд выдвинул ряд новаций, которые находились на стыке профессиональных заболеваний и травматизма («Тяжёлый психоз, вызванный профессиональными травмами психического характера»; «Стойкие осложнения и последствия остроинфекционных заболеваний (тифы, дизентерия, оспа, скарлатина)»; «Осложнения механических травм профессионального происхождения: а) сепсис, флегмоны и пр., б) ложные суставы, анкилозы и т.п.» [2, л. 17]). Логика добавления заключалась в том, что работа медиков и ветеринаров постоянно сопровождалась опасностью для здоровья. Особенно это было характерно для рубежа 1910—1920-х

г., когда произошло резкое ухудшение эпидемической обстановки. В-четвёртых, несколько особняком стояло предложение Медсантруда о включении в список «тяжелых поражения тканей (неизлечимые распространенные дерматиты, язвы, злокачественные опухоли и атрофические поражения)» у «персонала рентгеновских и радиотерапевтических кабинетов» [2, л. 17]. Данная инициатива лучше укладывалась в логику составления списка, т.к. присутствовала прямая связь с работой и не имелось связи с условиями быта, при этом круг возможных пенсионеров не был велик. Из всей второй группы предложений только «тяжелое поражение тканей» попало в Список профзаболеваний в редакции 1925 г. — именно благодаря сочетанию всех указанных признаков. Выходя за хронологические рамки, необходимо отметить, что остальные рекомендации Медсантруда оказались учтены в следующих редакциях списка.

Разногласия в среде врачей-сотрудников ООТ НКТ проистекали из рода их деятельности. До середины 1920-х гг. они активно занимались научно-исследовательской работой по вопросам профгигиены и профзаболеваний, потому что в стране отсутствовали экспертные центры по данным проблемам. Коллективу отдела приходилось самостоятельно проводить научные изыскания и создавать на их основе нормативно-правовые акты. Например, Шафранова изучала труд педагогов [8] и работников искусств, что делало её знатоком этой области, а также превращало в своеобразного «лоббиста». Включение того или иного заболевания в список могло оказать помощь в развитии карьеры того или иного сотрудника отдела.

Предложения профсоюзов о расширении списка профессий, на которые распространялось пенсионирование, сотрудники Подотдела профгигиены встретили с интересом и открытостью. В этом вопросе у представителей союзов было больше знаний, они лучше разбирались в номенклатуре профессий и специальностей. С заметной легкостью проходили предложения союза совработников о распространения «профессионального спазма и профессиональных судорог конечностей» на стенографисток, машинистов, писарей и аналогичных работников. Было логично распространить «писчий спазм» собственно на писцов, а не только на работников полиграфической промышленности. С этим заболеванием связан и успех лоббирования пенсионного обеспечения работников искусств. По рекомендации их союза с одобрением врачей-сотрудников НКТ в итоговой версии списка «профессиональный спазм и профессиональная судорога конечностей» стали заболеванием работников балета.

Однако имелись и заметные провалы. «Нистагм» так и не стал профпатологией у фотолаборантов, а «глухота» — у музыкантов духовых и ударных инструментов в оркестрах и педагогов глухонемых.

Путь «нистагма» в список профзаболеваний оказался сложен: ещё на стадии обсуждения в Подотделе профгигиены состоялся большая дискуссия, которая закончилась компромиссом в виде добавления этой патологии только для горнорабочих. В случае с музыкантами и глухотой вопрос находился за пределами медицинской сферы и касался практики социального страхования музыкантов.

Обсуждение [3, л. 17—22] постановления о пенсии для инвалидов труда на заседании Союзного совета социального страхования (19 февраля 1925 г.) проливало свет на причины, побудившие ООТ НКТ сделать узкий список профессиональных заболеваний. Помимо стремления уравнивать две категории инвалидов труда ставилась и более глобальная цель: социальное обеспечение инвалидов труда с профпатологией ставило бы СССР в один ряд с Великобританией, Германией и другими европейскими державами. Но, в то же время, нельзя было допустить значительного роста затрат на пенсии. Нужно было пройти между Сциллой экономии бюджетов соцстраха и Харибдой защиты интересов рабочего класса, что в итоге и получилось. Постановление Союзного совета социального страхования от 19 февраля 1925 г. [4, с. 1463—1467] оставило за пределами пенсионного обеспечения по инвалидности большое число советских тружеников, но стало первым шагом по введению новой формы соцзащиты.

Список литературы

1. Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. Р-5515. Оп. 4. Д. 8.
2. ГАРФ. Ф. Р-5515. Оп. 4. Д. 292.
3. ГАРФ. Ф. Р-7062. Оп. 1. Д. 142.
4. *Данилова Е.Н.* Действующее законодательство о труде Союза ССР и союзных республик. Т. 2. М.: Вопросы труда, 1927.
5. Декрет СНК РСФСР от 08.12.1921 г. «О социальном обеспечении инвалидов» // Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. 1921. № 79, ст. 672.
6. *Морозов А.В.* Эволюция социального страхования в России в первой трети XX в. // Вестник Казанского технологического университета. 2006. № 1. С. 351—355.
7. Постановление СНК РСФСР от 15.11. 1921 г. «О социальном страховании лиц, занятых наемным трудом» // Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. 1921. № 76. ст. 627.
8. *Шафранова А.С.* Из опыта изучения труда работников просвещения: педагогов глухонемых. М, 1925. 192 с.

Социально-политический аспект теорий художников новейшего искусства (1917–1927 гг.)

Аннотация: На материалах как опубликованных, так и вводящихся в научный оборот рукописей, дневников, заметок и пр. исследованы теоретические взгляды художников революционного поколения. Такие художники и крупные теоретики искусства, как К. Малевич и П. Филонов, обращались к идее равенства, значению идеологии и искусства в условиях нового социалистического государства. Во взглядах молодых художников, получивших высшее художественное образование уже в системе государственных мастерских, прослеживается как тенденция сохранения идеалистических оснований, так и трансформация ввиду сужения политического поля.

Ключевые слова: К. Малевич, П. Филонов, С. Никритин, супрематизм, социализм, художественное сообщество.

SOCIO-POLITICAL ASPECT IN THE THEORIES OF THE CONTEMPORARY ARTISTS (1917–1927)

Abstract. This article deals with the theoretical views of the «revolutionary generation» of artists. The research is based on both unpublished and published personal materials — manuscripts, diaries, notes, etc. Such artists and famous art theorists as Kazimir Malevich and Pavel Filonov considered the idea of equality, the importance of ideology, the place of art in the government system and the possibility of their implementation in the new socialist state. Those young artists, who got their higher art education in the Svomas/Vkhutemas, continued to keep to idealistic basics of philosophy, and in the same time they transformed socio-political aspect in their theories.

Keywords: K. Malevich, P. Filonov, S. Nikritin, suprematism, socialism, artistic community.

Одна из ключевых характеристик новейшего искусства первой трети XX в. — достаточно массовое и серьёзное осмысление художниками теории искусства (чётко прослеживающееся по письменным источникам). Более того, искусство становилось одним из важных элементов преобразования всей общественной системы. К 1917 г. наиболее теоретически проработанными направлениями являлись супрематизм К. Малевича и аналитическое искусство П. Филонова.

Малевич выразил свою целостную философскую систему в работе «Супрематизм. Мир как беспредметность, или вечный по-

* **Юлия Сергеевна Филина** — младший научный сотрудник Центра изучения истории территории и населения России Института российской истории Российской академии наук (Москва, Россия). e-mail: juliaphilinaiai@icloud.com
Julia S. Philina — Junior Researcher, Institute of Russian History the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

кой» (1922). Он не был сторонником большевиков, разгром ими штаб-квартиры Московской федерации анархистских групп (в ночь с 11 на 12 апреля 1918 г.) убедил его в крушении демократических надежд и том, что «огромнейший сапог стал крепко на личность, сделал её ступенью своих шагов» [3, с. 272]. Искусство было для Малевича высшей и ценностью, и силой. Теория супрематизма выстраивалась им постепенно, на протяжении 1910-х — начала 1920-х гг. В дореволюционный период он чаще обращался к божественным категориям, после 1917 г. изменилась риторика, но ядром философии остался идеализм, противостоявший материалистическому социализму. Художник возвышал ощущение над формой, выводя из этого, что истинное постижение не может основываться на материальных, «формальных» качествах [2, с. 238]. Большинство современных исследователей приходят к выводу, что философия Малевича базируется на идеях В.С. Соловьёва.

С точки зрения превосходства идеи над материалом, беспредметности над предметом автор супрематизма критиковал основные положения марксистской теории. По его мнению, технический прогресс и экономическая политика, опирающиеся на предметное существование, не способны реализовать Идею [2, с. 258]. Например, идею равенства. Проблема равенства как одна из наиболее социально-значимых занимает должное место в теоретических трудах Малевича: «Социализм стремится к равенству, правда, его равенство чисто практическое харчевое предметное. Возможно, что он понят ложно, но, может быть, идея о равенстве выражается в практическом харчевом равенстве» [2, с. 324]. Далее он приравнивает социализм как конструкт к богу: «Как перед Богом, так и перед Социализмом все равны и нет для них различия, но для этого нужно исполнять все приказания того и другого и заслужить усердием» [2, с. 336].

Физическое равенство, развиваемое марксизмом, не может быть равенством пролетариата, т.к. основано на принципе трудового предметного равновесия, который тождественен не человеческой природе, а животному началу и возвеличиванию прогресса. Пролетариат как целостный человеческий организм должен разделять принципы беспредметного равенства [2, с. 272]. Проблема социалистической теории заключается в отсутствии познавательного инструментария [2, с. 297—298].

Супрематизм является беспредметной сущностью искусства, однако постижение через него беспредметности приведет к нематериальным достижениям и в общественной жизни. Малевич не сбрасывал со счетов социалистическую теорию, однако, значительно её раскритиковав, пришел к выводу, что искусство в его супрематическом воплощении должно уравновешивать социализм, стоять на-

равне с государством: «Социалистический сдвиг — сдвиг веса одной части организма; Искусству нужно сделать другой сдвиг веса, в области Искусства, ибо оно архитектура единого тела. Таким образом создалась новая группировка художников, но таковые художники никогда не будут участвовать в весе самого Искусства. И я полагаю, что последнее присоединение художников к Социалистам есть ошибка; так, перед Социалистами стоит один вес, а перед Искусством другой, — два разных средства и разный вес. Ошибка обнаружится тогда, когда Социалистам, и Социалистам крайним, удастся преодолеть экономически-материальный и политический вес, тогда обнаружится во всей силе харчевая техника, формы которой будут возникать не из беспредметного состояния Искусства, а по нужде и необходимости. Таким образом, художники на три четверти от целого будут в зависимости от Социалистической нужды, потеряют своё оформляющее начало нового сдвига веса» [2, с. 383—384].

П. Филонов, создатель теории аналитического искусства, воспринимал советское государство иначе. Большую часть жизни он провёл и проработал в Петрограде. Его творческая концепция формировалась в дореволюционный период, однако работу над изобразительным искусством прервала Первая мировая война — в 1916 г. его отправили на фронт. Вернулся он к мирной жизни и работе только после прихода к власти большевиков. Вероятно, это, а также надежда на прогрессивное развитие общества, которое будет разворачиваться на глазах художника, на долгое время сделала Филонова сторонником новой власти. По воспоминаниям учеников, себя он считал беспартийным (ввиду нехватки времени и исключительной занятости живописью) большевиком [1, с. 125]. При этом, в отличие от многих художников новейшего искусства, он и его ученики испытывали давление со стороны репрессивных органов. Осознание жесткости политической системы пришло лишь в 1938 г., после того, как один из его учеников, подвергшись допросу и обыску со стороны НКВД, покончил жизнь самоубийством. Несмотря на это, Филонов всё равно завешал картины государству.

Теоретические работы художник считал наиболее важным результатом своего труда, важнее даже, чем картины. Во время Великой Отечественной войны он сказал сестре: «Если пропадут картины, будет ужасно, но ещё хуже будет, если пропадут рукописи» [8, л. 86]. Для него идея равенства воплощалась в построении новых принципов работы и строжайшей дисциплине — основных элементах для постижения новейшего искусства. Талант и врождённый дар в системе художника не существовали. Ученица Т.Н. Глебова вспоминала, что в мастерской Филонова приходилось работать по 12 часов без перерыва на обед [1, с. 112], а серьёзная болезнь или смерть

близкого человека не считались уважительной причиной для пропуска занятий [1, с. 118].

Молодые художники, представители новейших течений в искусстве, такие как С.Б. Никритин или С.А. Лучишкин, вышли в самостоятельную творческую жизнь тогда, когда единственным источником высшего художественного образования, заказов на работу и дохода стало Советское государство. Они уже фактически не представляли себе жизнь художника в условиях «свободного рынка».

18 мая 1919 г. Никритин записал в дневнике: «Смысл живописи в том, что она приводит сознание человека в состояние высшей напряжённости, раскрывает его для принятия Воли. Смысл живописи как приёма искусства в том, что она вызывает к действию Волю об организации динамических сил (видимых) мира, чем выполняет задачу Рождения Круговой Радости» [5, л. 62]. Большое влияние на работу художника оказала идеалистическая философия А.А. Богданова. Значение живописи он видел через неё в непосредственном влиянии на изменение действительности.

Никритин характеризовал положение художественных сил, их взаимодействие с властью так: «Это — современная русская живопись. Она представляет арену ожесточенной борьбы, с выкристаллизовавшимися в ней тремя этапами: первым от десятых годов до октябрьской революции, вторым от октября до новой экономической политики, и третий, связанный с последней. В первом своем этапе борьба за культуру живописи, за самостоятельность последней в ряду других искусств, в ряду жизни... Октябрьская революция широкой волной захватила русского художника в свою орбиту. Вчера сосредоточенный в себе — сегодня глядел он раскрытыми глазами на весь мир... Борьба наблюдается огромная, она идёт не на жизнь, а на смерть, ибо вопрос о победе — это вопрос о существовании не только идеологическом, но и экономическом. Это борьба за влияние и связь с государственной властью, за школы, театры, направляющие художественную жизнь страны» [4, л. 2—7].

Введение новой экономической политики стало эмоциональным испытанием для некоторых художников, причислявших себя к революционному поколению. Студенты высших художественных училищ находились в тяжёлых условиях, а на улицах столицы видели безбедный образ жизни нэпманов. Искусство, которое они «создавали» и почитали высшим смыслом существования, предназначалось для нового общества, ради которого они, в конечном счете, и трудились. НЭП же, по их мнению, возвращал прежние общественные формы. Никритин считал, что послереволюционное искусство только начало формироваться: «Образ новой жизни и нового человека, во имя которого все мы работаем, может быть осуществлён

только тогда, когда мы сумеем внедрить его в самые глубины, в самую толщу народных масс... когда вместе с этим этот образ охватит верхи народов, их передовые интеллектуальные отряды, когда, наконец и в первую очередь, экономический и политический строй государства будет вырастать, как оптимум человеко-материальной социологии. Это последнее уже сегодня РКП строит. Я не вижу вокруг людей (в науке, в искусстве, в философии), которые со всею остротой ставили бы именно так проблему своей творческой деятельности» [4, л. 23—24]. Дальнейшее развитие новейшего искусства могло происходить только в условиях, когда оно в своей высшей точке стало бы понятно всем слоям населения.

Искусство для Никритина — орудие идеологии: «Идеология — это обобщённое мирознание, а задача современной идеологии — ввинтить слушателя, зрителя, читателя в понимание диалектики, т.е. хода развития этого сегодня и мирового связанного процесса. Искусство — идеология, раскрываемая через образное представление. Искусство — идеология, постигаемая через образное восприятие. Искусство — идеология, постигаемая как новое ощущение сегодня в перспективе, как мироощущение» [7, л. 4 об.].

Сохранилось описание пьесы Проекционного театра, поставленной, вероятно, во второй половине 1920-х гг.: «В настоящее время заканчивается работа над постановкой пьесы А. Иркутова “Разоружение”, премьера которой намечена на конец апреля. Тема пьесы — сатирическое представление Лиги Наций, пацифистских разговоров о разоружении и действительных милитаристических намерений капиталистических стран. Параллельно с этим показано использование западными правителями белогвардейской эмигрантщины для всевозможных козней против Советского Союза. В противовес всему этому демонстрируется стойкость и готовность постоять за себя трудящихся СССР и солидарность с ними трудящихся всего мира» [9, л. 1]. «Тёмные силы, узнав о предполагаемом приезде советского полпреда в крупную империалистическую державу, направляют наёмных убийц для совершения убийства полпреда. Желяя придать делу характер личной мести, за деньги покупают бывшего генерала, ныне служащего лакеем в белоэмигрантском ресторане, который и должен совершить убийство. Убийство должно быть на вокзале в момент выхода полпреда из вагона. Но люди, которым поручено убийство, беспомощны даже в совершении подлости, покушение не удаётся. В контрразведку приводят двух “бывших людей” из царской России. Их снабжают оружием и деньгами и дают чемодан с адской машиной. Они должны отвезти её в СССР, где ею будет взорван крупный советский завод. Чемодан переходит из рук в руки, группируя вокруг себя антисоветские элементы. Трусость и ничтожество

этих бывших людей не дают им завершить дело, взрыв вовремя предотвращён, совершается “величайший в мире акт”, запрещающий войну и провозглашающий новую эру для человечества» [9, л. 1]. Данный пример демонстрирует крайнюю политизированность и идеологизированность спектакля. Однако не стоит полагать, что подобная постановка осуществлялась исключительно под нажимом партийных органов или советской власти. Она демонстрирует характерную для молодых художников веру в «советский проект» и анти-милитаристские настроения.

Переосмыслился художественным сообществом и такой важный агитационный элемент как образ вождя. Для молодых художников он имел особое значение. Закрепление положительного образа В.И. Ленина в пропаганде (которую художники отчасти сами создавали), смерть вождя и соответствующий ритуал похорон демонстрировали молодому поколению художественного сообщества практику взаимоотношений с политическим строем социалистического государства.

Никритин рассуждал о феномене вождизма: «Что такое вождь? Вождь это тот человек, который ведёт за собой массы, воля которого столь замечательна в своём лике и столь сильна, что она покоряет тысячи тысяч других волей, сливает их с собою, воплощаясь в них, распадаясь в них многократно, соединяя все их в себе. Вождю отдаются, ему покоряются, за него умирают. Так было... враг — мир, в котором мёртвые души, в котором генералы и солдаты, а не творческое бытие каждого человека» [6, л. 9—9 об.]. Социалистическому вождю приписывались качества самой революции: массовость и потребность в жертвенности.

Таким образом, вопросы политической теории в 1917—1927 гг. были отчасти включены в повестку сообщества художников, поскольку постреволюционный период являлся высшей точкой причастности различных слоёв населения к политическим процессам, если рассматривать причастность не только как прямое воздействие на правительственные решения, но, в первую очередь, как осознание важности, эмоциональной вовлечённости и желания принимать участие в данных процессах. Старшие представители сообщества художников отличаются представлением о вариативности власти и политической системы. У молодого же поколения политическая теория скорее концентрировалась на большевистском советском проекте. Это отнюдь не значило, что художники видели данный проект как окончательно сформированный, но именно в его рамках должно было развиваться новое искусство. Эти художники считали, что в противостоянии новаторских и академических течений именно они должны одержать победу, ведь только новое искусство отвечает

социальным и политическим запросам постреволюционной современности. Искусство для них выступало в качестве неотъемлемой силы общественного развития.

Список литературы

1. *Глебова Т.Н.* Воспоминания о Павле Николаевиче Филонове // Панорама искусств. Вып. 11. М., 1988. С. 108—127.
2. *Малевич К.С.* Чёрный квадрат. О себе. М.: ЭКСМО, 2015. 445 с.
3. *Малевич К.С.* Чёрный квадрат. СПб.: Азбука, 2001. 574 с.
4. Российский государственный архив литературы и искусства (далее — РГАЛИ). Ф. 2717. Оп. 1. Д. 13.
5. РГАЛИ. Ф. 2717. Оп. 1. Д. 7.
6. Третьяковская галерея. Отдел рукописей. Ф. 141. Д. 51.
7. Третьяковская галерея. Отдел рукописей. Ф. 141. Д. 88.
8. Третьяковская галерея. Отдел рукописей. Ф. 151. Д. 1.
9. Третьяковская галерея. Отдел рукописей. Ф. 181. Д. 28.
10. Третьяковская галерея. Отдел рукописей. Ф. 181. Д. 29.

Жизнеобеспечение воспитанника детского дома Карелии в 1918 г. — первой половине 1930-х гг.**

Аннотация. В статье рассматривается вопрос снабжения воспитанников детских домов Карелии необходимыми для жизни ресурсами: продовольствием, обмундированием, медико-санитарным обслуживанием. Изучены не только утвержденные Наркомпросом РСФСР нормативы обеспечения «государственного ребёнка», но и реальное снабжение детских учреждений. Анализ данных параметров позволил увидеть, как в действительности формировалось обеспечение детей в государственном учреждении, какие проблемы приходилось решать самостоятельно сотрудникам детских домов.

Ключевые слова: охрана детства, детский дом, жизнеобеспечение, детское питание, обмундирование, Карелия.

SUSTENANCE OF A KARELIAN ORPHAN IN 1918 — THE FIRST HALF OF THE 1930S

Abstract. The article deals with the issue of providing children from orphanages in Karelia with the necessary resources for life that consist of the following: provision of food, uniforms, and health care. When writing the article, we used materials and documents from the State archive of the Russian Federation and the National archive of the Republic of Karelia, which allowed us to see not only the standards approved by the Narkompros of the RSFSR (People's Commissariat of education of the Russian Soviet Federative Socialist Republic) for providing care for the state child, but also the actual supply of children's institutions with food rations, clothing, shoes, and medical care provided at local level. The analysis of these parameters allowed us to see how the support of a child in a state institution was actually formed in 1918 — the first half of the 1930s, and what problems the employees of orphanages had to solve independently.

Keywords: child protection, orphanage, sustenance, baby food, clothing, Karelia.

В начале 1920-х гг. советское государство ставило перед собой главную задачу в социальной сфере — заботу о ребёнке. Самые незащищённые должны были стали находиться на полном государственном обеспечении. К данной категории относились, прежде всего, де-

* **Александра Вячеславовна Чебаковская** — младший научный сотрудник Института языка, литературы и истории Карельского научного центра Российской академии наук (Петрозаводск, Россия). e-mail: chebakovskaja@yandex.ru
Aleksandra V. Chebakovskaya — Junior Researcher, Institute of Linguistics, Literature and History of Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk, Russia).

** Финансовое обеспечение исследования осуществлялось из средств федерального бюджета на выполнение государственного задания КарНЦ РАН (AAAA-A18-118030190093-9).

ти-сироты, дети из семей, попавших в нужду, беспризорные. Именно они становились воспитанниками детских учреждений интернатного типа, в которых получали питание, одежду, обувь, предметы личной гигиены, книги и проч. Всё это было подчинено нормативам, которые устанавливались центральными государственными органами.

Жизнеобеспечение «государственного ребёнка» слагалось из продовольствия, обмундирования и медико-санитарного обслуживания. Характеристика данных составляющих позволит показать, как формировалось обеспечение ребенка. Анализ нормативов и отчётов детских учреждений даст возможность проследить, существовал ли разрыв между утверждённым и реальным снабжением. Остановимся на анализе каждого параметра, уделив особое внимание продовольственному вопросу.

Первые исследования на эту тему появились ещё в 1920—1930-х гг., когда врачи, используя зарубежные наработки и собственный опыт, старались, например, определить принципы правильного питания для детей. Они показывали отличие детского питания от взрослого, выделяли ценные продукты, описывая важность каждого, обосновывали нормы, суточные продовольственные пайки и меню для разных возрастов. Однако, как отмечали сами врачи, в организации детского питания их «голос, к сожалению, имел лишь совещательный характер» [4, с. 1].

В мае 1919 г. в целях улучшения детского питания и облегчения материального положения трудящихся был издан декрет СНК РСФСР «О бесплатном питании», по которому все продукты питания выдавались детям в возрасте до 14 лет за счёт государства [11, л. 79]. В 1920 г. появилось «Положение о детском питании», зафиксировавшее новый возраст детей, которые могли претендовать на бесплатное питание. Со стороны наркомата продовольствия обеспечение осуществлялось для лиц до 16 лет, со стороны наркомата просвещения бесплатное дополнительное питание устанавливалось для детей до 17 лет, обучающихся в дошкольных и школьных учреждениях, домах-коммунах, школах-клубах, колониях и т. д. [2, л. 30]. В 1921 г. Комиссия по улучшению жизни детей при ВЦИК (Деткомиссия), будучи главным органом в ведении всех вопросов обеспечения детей и их интересов, наметила основную задачу своей деятельности — «спасение детей». В этой задаче главную роль играл вопрос продовольственного снабжения [23, с. 153].

В начале 1920-х гг. не существовало единых общегосударственных норм продовольственного пайка. Для каждой губернии в зависимости от местных условий действовали свои суточные нормы [23, с. 154]. В некоторых местностях нормы питания детей дифференцировали по возрасту, а в редких случаях и по состоянию здоровья. Так, в Москве и Московской губ. пайки делились на три категории:

для детей от 3 до 8 лет, от 8 до 16 лет, а также для «дефективных» детей и детей, находящихся на санаторном лечении [21, с. 215].

В 1920 г. отдел охраны здоровья Наркомпроса разослал на места таблицы для детучреждений: «Суточная норма питания», «Замена одних продуктов другими по их питательной (калорийной) ценности» [8, л. 8]. Для воспитанника детского учреждения дошкольного возраста (3—8 лет) суточная калорийность продуктов по нормативам составляла 1860 ккал, для школьного возраста (8—15 лет) — 2277 ккал [8, л. 8]. Эти нормы отличались от нормативов по «Положению о детском питании». Доктора выделяли большее число наименований пищевого пайка, понижали нормы и калории в количественном отношении, что связывалось с научным обоснованием каждого продукта в рационе детей. Совпадали лишь объёмы потребления сливочного масла и яиц. Количество хлеба и мяса (или рыбы) в составленных врачами рекомендательных нормах питания было меньше в 2—3 раза, что объяснялось их восполнением другими продуктами. Однако фактический суточный паек не соответствовал норме полностью, что было связано, в частности, и с большим числом детей-сирот [23, с. 156]. Для того чтобы обеспечить всех детдомовцев продуктами питания, приходилось дробить пайки, которые и так являлись недостаточными. Эти пайки удовлетворяли едва ли 50% воспитанников детских учреждений [22, с. 43].

Перечень продуктов питания детей, находящихся на попечении государства в Карелии, в целом не отличался от других губерний страны, однако выработанные центром нормативы не совпадали с установленными здесь нормами. В 1923 г. в Карелии внесли изменения в нормы детского пайка, а именно в объёмы потребления мяса, крупы и молока. В месяц воспитаннику детдома полагалось уже 4,5 кг (10 фунтов) мяса, 6,8 кг (15 фунтов) крупы и одна бутылка молока в день [15, л. 312]. Это означало, что в сутки ребёнок должен был получать ко всем обозначенным в 1920 г. продуктам 150 гр. мяса и 220 гр. крупы.

Отчеты детских учреждений Карелии позволяют увидеть другую сторону исследуемого вопроса, а именно понять, насколько реальная ситуация соответствовала установленным нормам. В ходе анализа отчётов обнаружен следующий диапазон колебаний: количество выдаваемого хлеба варьировалось в Карелии в течение 1920-х гг. и составляло 340—453 гр. (0,75—1 фунт). Например, воспитанники Девятинского детского дома в 1919 г. получали $\frac{3}{4}$ фунта хлеба в день, что составляло примерно 340 гр. [7, л. 3].

В нормативах и рекомендациях врачей определялись обязательные продукты для воспитанника детского дома, но обнаружить их в рационе ребёнка было затруднительно. Это подтверждали осмотры инспекторами Наркомпроса АКССР детских домов и отчёты заведующих: «Молоко не выдаётся, масла скоромного нет, постное масло переносится плохо,

ибо все дети рахитики» [13, л. 47]. На фоне недостаточного и неправильного питания появлялись болезни: малокровие, хронические расстройства пищеварения, истощение, «чесотка и также от малого молочного питания — чахотка» [9, л. 19]. Недостаток овощей приводил к появлению цинги. Отсутствие нормированного питания в Карелии объяснялось недопоставками продовольствия и невозможностью его организации [7, л. 25]. Питание детей могло быть однообразным в течение недели из-за частой нехватки на местном рынке отдельных продуктов. Например, воспитанники Шальского детдома питались одной рыбой, молока и жиров практически не получали [6, л. 10]. Работники детских учреждений не могли решить данный вопрос — им самим зачастую приходилось питаться из «общего котла» с детьми [5, л. 36].

Во второй половине 1920-х гг. ситуация с питанием в Карелии немного изменилась за счёт развития при детских учреждениях подсобных хозяйств, состоявших в основном из огородного участка и домашнего скота [23, с. 158]. Огород являлся жизненной необходимостью, хотя и в этом вопросе возникали трудности. В первой половине 1930-х гг. суточные нормы продпайка в детдомах Наркомпроса скорректировали [3, л. 19]. По сравнению с разработанной в 1920 г. суточной нормой питания увеличилось количество хлеба, сахара и молока, понижены объёмы потребления муки, мяса, крупы, яиц, масла, в рацион включена рыба.

В начале исследуемого периода перед детскими домами стоял ещё один острый вопрос — обмундирование воспитанников. В его состав входили верхняя одежда, обувь, нижнее бельё, верхние костюмы (платья), головной убор, чулки и др. В 1921 г. сотрудники Деткомиссии, фиксируя степень обеспеченности детских учреждений, обращали внимание на следующие элементы обмундирования: верхняя одежда, обувь, носильное бельё. Единично отмечались сведения о тёплой верхней одежде, кожаной обуви, летней обуви, головных уборах. Крайняя неравномерность и неоднородность поступающих с мест данных объяснялась отсутствием единого принципа классификации статистического материала по разным губерниям [21, с. 350]. Нормативы, разработанные Наркомпросом, требовали полного обеспечения, однако картина выглядела иначе. Обеспеченность одеждой по стране в целом составляла от 25 до 75%, обувью — от 0 до 75%, носильной одеждой — от 47 до 50% [21, с. 350—363].

В Карелии общие данные об обеспеченности обмундированием не фиксировались, однако определённые выводы можно сделать на основе отчётов детских домов, Наркомпроса АКССР и Деткомиссии при КарЦИК. В местной смете о содержании детского дома в 1920 г. отмечалось, что в обеспечение ребёнка входили одежда, обувь и бельё из расчёта по две смены белья и платья, одно пальто, шапка, сапоги и одеяло [1, л. 3 об]. Полный набор белья, одежды и обуви в детучреждении

встречался редко: его элементов обычно не хватало, обмундирование требовало ремонта или полностью отсутствовало, особенно большие трудности возникали в зимнее время года. Ощущался острый недостаток в одеялах, постельном белье, матрасах, подушках. У ребят Ладвинского детдома совершенно отсутствовала верхняя одежда, что заставило их целыми днями сидеть в «четырёх стенах» [16, л. 25]. В ходе осмотра в 1921 г. Пудожского детдома обнаружилось отсутствие у детей верхней одежды, недостаточное количество обуви, которая к тому же требовала ремонта [5, л. 6 об]. В отчете о работе отдела социального воспитания АКССР за 1924—1925 гг. зафиксировано, что в общем воспитанники экипированы в детских домах сносно, в интернатах — плохо.

Иногда снабжение одеждой и обувью старались решить собственными силами. Для этого использовали швейные и сапожные мастерские детдомов. Так, в 1920 г. детдомам Петрозаводска оказывало помощь Единое потребительское общество, отпустившее мануфактуру для белья и одежды. В результате воспитанники учреждений имели по три смены носильного и постельного белья, а также по два платья [7, л. 46]. Само белье и платья шились в мастерских детдомов, в работе которых принимали участия старшие воспитанницы.

Материалы обследований детских учреждений и доклады местных уполномоченных свидетельствовали, что детдома снабжались по остаточному принципу. Зачастую в них присылали заведомо негодные вещи: изношенную обувь, ветхую одежду, рваное бельё [21, с. 247]. Вещи быстро изнашивались также из-за неправильных условий хранения или откровенной небрежности.

В первой половине 1930-х гг. в некоторых учреждениях отмечалось улучшение материальной части. Так, во 2-м Повенецком детдоме в 1932 г. дело обстояло хорошо, не хватало лишь кожаной обуви, что объяснялось её отсутствием на рынке, а валяной обувью детдом был снабжен на 100% [18, л. 2 об]. Производства детской обуви как отдельной самостоятельной отрасли на тот момент не было, её делали из остатков от производства взрослой обуви, что соответствующим образом сказывалось как на качестве, так и на количестве [21, с. 247].

Вопрос обеспечения воспитанников детских домов обмундированием оставался острым, решение его было возможным только при условии увеличения финансирования данной статьи расходов. Урегулирование вопроса на местном уровне через самостоятельное производство одежды и обуви в мастерских учреждений не могло охватить весь необходимый объём обеспечения, что объяснялось отсутствием необходимого сырья, инструментов и работников.

В состав жизнеобеспечения воспитанников детдомов входило и медико-санитарное обслуживание, которое включало санитарно-гигиенические условия в учреждении, наличие предметов личной гигиены и обслед-

дование детей врачами. Крайне редко в губерниях имелся специальный медперсонал, обеспечивавший полный контроль за здоровьем детей. В целом, детдома были обеспечены медико-санитарными средствами на 10% или вовсе их не имели. Такая же ситуация наблюдалась и в Карелии, где врачи ссылались на отсутствие оплаты труда и очень редко посещали детучреждения [14, л. 6]. Как правило, постоянные наблюдения не велись, отсутствовали медикаменты и изоляторы. Например, в 1921 г. врач посещал Пудожский детдом один раз в две недели и отмечал, что в санитарном отношении «злом для детдома являлись клопы» [5, л. 1 об].

Санитарное состояние детских домов в Карелии оценивалось инспекторами Деткомиссии при КарЦИК как неудовлетворительное из-за скверных гигиенических условий [7, л. 22]. Плохое питание приводило к постоянным болезням, некоторые из которых не было возможности предотвратить из-за отсутствия мыла, масла для лекарств, аптек [9, л. 19]. На каждого ребёнка полагалось выдавать $\frac{1}{2}$ фунта мыла в месяц, но и эту скудную норму удавалось получить далеко не всегда [21, л. 247]. Оказывалось дефицитом не только мыло, но иногда и вода, поэтому в некоторых домах детям приходилось умываться на озере или во дворе учреждения [20, л. 59].

Работники учреждений старались поддерживать чистоту, но иногда это не удавалось из-за перегруженности помещения детьми. Последним, впрочем, прививались гигиенические навыки. Например, как следовало из отчёта руководителя Макачевского детдома, дети постепенно привыкли «к опрятности без всяких понуканий руководителей», следили за чистотой лица, рук, тела и одежды [10, л. 4]. Часто в учреждениях отсутствовали изоляторы для больных детей. Например, в 1926 г. было выявлено, что Кемский детдом совершенно непригоден для их содержания: «нет специальной комнаты для занятий и игр, нет изолятора», «кубатура воздуха мала» [12, л. 1], поэтому больные дети находились в общей спальне со здоровыми детьми. Так, больная воспитанница в течение двух суток находилась в общей спальне, имея температуру тела выше 39 градусов [17, л. 99 об]. В 1926 г. доклад по отчётам детдомов Карелии отмечал отсутствие правильного меднадзора, прикреплённых врачей, редкий и нерегулярный общий осмотр детей [12, л. 179].

Лишь в первой половине 1930-х гг. ситуацию удалось поменять: врачи прикреплялись к детским домам, стали постоянно посещать учреждения, следили за больными детьми и своевременно оказывали медицинскую помощь, выделялись средства на покупку аптек. В 1933 г. обследование 1-го детдома Петрозаводска показало, что обслуживание достаточное, санитарное состояние учреждения — удовлетворительное [19, л. 36]. Постепенное привитие санитарно-гигиенических норм способствовало улучшению внутреннего положения детского учреждения, уменьшало количество заболеваний.

Таким образом, в 1918 — первой половине 1930-х гг. жизнеобеспечение воспитанника детдома определялось нормативами, устанавливаемыми из центра. Анализ архивных материалов дал возможность проследить, как формировалось обеспечение ребенка. Сравнение нормативов и реального снабжения питанием, одеждой, обувью и др. показало, что нормы крайне редко исполнялись на местах. Это было связано с множеством проблем: недостаток финансирования, неудовлетворительная материальная база учреждения, отсутствие необходимого сырья, плохая транспортировка, нехватка медицинских кадров и др. Полного разрешения данные проблемы в изучаемый период не получили, однако наблюдалось определённое улучшение положения.

Список литературы

1. Государственный архив Российской Федерации (далее — ГА РФ). Ф. А. 2306. Оп. 13. Д. 80.
2. ГА РФ. Ф. А. 2306. Оп. 14. Д. 6.
3. ГА РФ. Ф. Р. 5207. Оп. 3 Д. 19.
4. *Дьяков Н.Н.* Питание детей и голодные отёки у них. Пермь: тип. Пермполиграфтреста, 1928. 9 с.
5. Национальный архив Республики Карелия (далее — НА РК). Ф. Р. 2. Оп. 1. Д. 901.
6. НА РК. Ф. Р. 2. Оп. 1. Д. 940.
7. НА РК. Ф. Р. 2. Оп. 1. Д. 469.
8. НА РК. Ф. Р. 2. Оп. 1. Д. 479.
9. НА РК. Ф. Р. 2. Оп. 1. Д. 689.
10. НА РК. Ф. Р. 2. Оп. 1. Д. 900.
11. НА РК. Ф. Р. 446. Оп. 1. Д. 61.
12. НА РК. Ф. Р. 630. Оп. 1. Д. 197.
13. НА РК. Ф. Р. 630. Оп. 1. Д. 43.
14. НА РК. Ф. Р. 630. Оп. 1. Д. 52.
15. НА РК. Ф. Р. 630. Оп. 1. Д. 57.
16. НА РК. Ф. Р. 726. Оп. 1. Д. 17.
17. НА РК. Ф. Р. 726. Оп. 1. Д. 18.
18. НА РК. Ф. Р. 726. Оп. 2. Д. 2.
19. НА РК. Ф. Р. 726. Оп. 2. Д. 5.
20. НА РК. Ф. Р. 726. Оп. 2. Д. 9.
21. *Смирнова Т.М.* Дети страны Советов: от государственной политики к реалиям повседневной жизни. 1917—1949 гг. М., СПб.: Институт российской истории РАН; Центр гуманитарных инициатив, 2015. 384 с.
22. *Соловьёва Т.А.* Повседневная жизнь воспитанников детских домов советского провинциального города в 1920—1930-е гг. // Известия Саратовского университета. Сер. История. Международные отношения. 2013. Т. 13. Вып. 2. С. 42—45.
23. *Чебаковская А.В.* Продовольственное обеспечение воспитанников детских домов в 1920-х — первой половине 1930-х гг. (по материалам Карелии) // Вестник Удмуртского университета. Сер. История и филология. 2020. Т. 30. Вып. 1. С. 153—164.

Северный рабфак в Ленинграде (1925—1930 гг.): межведомственные дискуссии об образовательном проекте для коренных малочисленных народов Севера

Аннотация. В статье исследуется один из научно-педагогических экспериментов 1920-х гг. — Северный рабфак в Ленинграде, созданный для обучения студентов из числа коренных малочисленных народов Севера. На материалах делопроизводства, выявленных в фондах ГА РФ и ЦГА СПб, охарактеризованы трудности, созданные подчинённостью рабфака одновременно Комитету Севера при Президиуме ВЦИК, стремившемуся подготовить в его рамках кадры для работы на Севере, и правлениям ленинградских вузов, не готовых учитывать его специфику. Сделан вывод о необходимости существования образовательного проекта в форме отдельного учебного заведения, что и было реализовано с преобразованием его в 1930 г. в самостоятельный Институт народов Севера.

Ключевые слова: коренные малочисленные народы Севера, Северный рабфак, Институт народов Севера, образование, Ленинград.

THE NORTHERN RABFAK IN LENINGRAD (1925—1930): EDUCATIONAL PROJECT FOR THE INDIGENOUS SMALL PEOPLES OF THE NORTH IN THE INTERDEPARTMENTAL DISCUSSION

Abstract. The article examines one of the scientific and pedagogical experiments of the 1920s — the Northern rabfac in Leningrad. It was created to train students from among the indigenous peoples of the North. The rabfac originally existed at the Leningrad state University and the Leningrad Oriental Institute. Basing on the documentation identified in the funds GA RF and TSGA SPb the author describes the difficulties dictated by the affiliation of the Northern rabfac at the same time with the Committee of the North, whose goal was to train cadre for work in the North, and with Leningrad Oriental Institute which was not ready to consider its specific character. The article concludes that there was a need for an independent existence of the project in the form of a separate educational institution, which was implemented with its transformation in 1930 into a special Institute of the peoples of the North.

Keywords: indigenous small-numbered peoples of the North, the Northern rabfac, the Institute of the Peoples of the North, education, Leningrad.

* Варвара Олеговна Неруш — студентка Центра междисциплинарных гуманитарных исследований исторического факультета Российского государственного гуманитарного университета (Москва, Россия). e-mail: var990716@mail.ru
Varvara O. Nerush — Student of the Center for Interdisciplinary Research in Humanities of Faculty of History, Russian State University for the Humanities (Moscow, Russia).

Северный рабфак, позднее переименованный в Северный факультет, был создан в Ленинграде в 1925 г. для обучения представителей коренных малочисленных народов Севера. Результаты его работы имели особое значение для успеха национальной политики на Севере: выпускники должны были вернуться на родину по месту распределения для хозяйственной, кооперативной и идеологической работы среди соплеменников [4, л. 152]. По этой причине Комитет Севера при президиуме ВЦИК, в ведении которого в 1920-е гг. находилась реализация национальной политики в районах Дальнего Востока и Сибири, был так внимателен к учебному процессу в стенах факультета. Для достижения поставленной цели последний, с точки зрения деятелей Комитета, должен выстраиваться с учётом особенностей восприятия действительности и образовательного уровня самих северных студентов, а также специфики их будущего трудоустройства.

До выделения в самостоятельный Институт народов Севера в 1930 г. Севфак находился в составе, и, следовательно, административном подчинении вузов, к которым принадлежал. В 1925/26 учебном году факультет функционировал при Ленинградском государственном университете (ЛГУ), а с 1926/27 по 1929/30 уч. гг. — при Ленинградском университете живых восточных языков (ЛИЖВЯ), в 1927 г. переименованном в Ленинградский Восточный институт (ЛВИ). Период ведомственной подчиненности Севфака ЛГУ был слишком кратковременным, чтобы охарактеризовать отношения правления университета с представителями Комитета Севера. Однако подчинённое положение Севфака по отношению к правлению ЛИЖВЯ—ЛВИ существенно сказалось на организации учебного процесса — руководство института не всегда учитывало специфику факультета и стремилось реализовывать на нём стандартные образовательные практики, тогда как КомСевера настаивал на необходимости особого подхода к этому вопросу.

Представление о ходе дискуссий, периодически возникавших между руководствами КомСевера и правлением института при решении спорных вопросов организационного и педагогического характера, а также о противоречиях в понимании целей и принципов функционирования факультета даёт учебно-организационная делопроизводственная документация Севфака: план воспитательной и политпросветработы, доклады о ходе политпросветработы, материалы к дискуссиям о Севфаке и заметки о нём [4], материалы переписки [4; 5], протоколы комиссий по обследованию факультета [5], докладные записки [9].

Севфак был переведен из ЛГУ в ЛИЖВЯ—ЛВИ с осени 1926 г. по ходатайству КомСевера и по согласованию с правлением института. Представляется, что перевод произошёл в целях «развития северного

цикла обучения» [4, л. 152] с увеличением финансирования и инфраструктурной поддержки относительно нахождения при университете. Доказавший жизнеспособность Севфак был включен в состав специальных учебных заведений при ЦИК Союза СССР [3, с. 53].

С этой точки зрения взаимодействие между ЛИЖВЯ—ЛВИ и Комитетом сразу после реорганизации выстраивалось вполне логично: правление института должно было заняться решением вопросов быта и организацией учебного процесса, а КомСевера — сосредоточиться на решении задач, связанных с подготовкой студентов к реализации национальной политики и их адаптацией к среде Ленинграда. Так, начатый летом ремонт отведённого Северному отделению здания в Детском селе вёлся под наблюдением командированного правлением ЛИЖВЯ—ЛВИ Н.Г. Таланова [3, с. 53], тогда как развёрстку увеличившихся студенческих мест разрабатывал и согласовывал с Учёным комитетом ЦИК СССР КомСевера [3, с. 54]. Однако уже в самом начале учебного года в октябре 1926 г. выдачей пособий приехавшим на учёбу студентам, как и в период их обучения при ЛГУ, пришлось заниматься КомСевера. Необходимость в этом вызывалась тем, что общежития ещё не были готовы и стипендии институтом не выдавались. Кроме того, скоро стало понятно, что и вопрос о проживании и обучение севфаковцев в Детском селе, удобном благодаря возможности уделять больше внимания их адаптации к новым условиям жизни [3, с. 56—57], придётся пересмотреть. Дело в том, что необходимость добираться туда и обратно стоило преподавателям и студентам института больших неудобств и дороговизны. Поэтому, несмотря на возражение представителей Комитета, был поставлен и решён положительно вопрос о переводе отделения в Ленинград [4, л. 152], вследствие чего адаптация студентов, плохо приспособленных к жизни в городской среде, усложнилась.

Таким образом, уже с самого начала взаимодействия между Комитетом и институтом проявилась разница в понимании места факультета в системе приоритетов: если для первого он был одним из основных проектов по подготовке кадров для работы на Севере, то для второго — только одной из структурных единиц, требующей к себе необоснованно большого внимания. Тем не менее, ведомствам пришлось совместно решать многочисленные действительно сложные и нестандартные проблемы, имевшие место на факультете.

Наиболее очевидной из них была проблема адаптации. Ставилась под сомнение эффективность обучения, при котором «студент сравнительно надолго (на 4—5 лет) вырывается из родной ему обстановки, отрывается от среды, отвыкает от местных условий жизни и быта» и деклассируется [9, л. 1]. Тем более что студенты болезненно воспринимали резкие перемены в жизни и тратили больше сил на адаптацию, чем на учёбу.

Другой важной проблемой стало лингвистическое разнообразие: прибывшие из разных местностей Сибири и Дальнего Востока студенты говорили на разных языках, принадлежащих часто к разным языковым группам. Причём количество носителей каждого было неравномерно, к тому же не все они владели русским в достаточном для полноценного общения объёме. Для решения этой проблемы один из профессоров ЛИЖВЯ-ЛВИ М.П. Каменщиков в письме помощнику ректора по Севфаку А.Е. Смыку даже высказал предложение устраивать туземные школы для каждой национальности по отдельности, поскольку с педагогической точки зрения это целесообразней. Вряд ли это было возможно, учитывая как языковое многообразие Севфака, так и отсутствие специалистов по этим в большинстве своём ещё малоизученным языкам. Преподаватели, найти которых в Ленинграде 1920—1930-х гг. представлялось отдельной сложностью, также не знали родных языков своих студентов. Оставались нерешёнными и проблемы недостатка учебных пособий, приспособленных к нуждам северных студентов. «Написать же такие учебники... в Ленинграде или в Москве, находясь далеко от местных условий жизни и быта», и учесть все нюансы было почти невозможно [9, л. 1]. Поэтому буквари и учебники для туземных школ и Севфака писались преподавателями-этнографами и исследователями Севера в свободное время [4, л. 187об] или в ходе экспедиций на Север, часто в тяжёлых условиях [6, с. 132].

Дополнительную проблему создавала разнородность возрастного состава обучавшихся, особенно в первые годы существования факультета. В это время набор ещё не был налажен и, чтобы компенсировать недостаток абитуриентов, в Ленинград часто отправляли слушателей, не подходивших по возрасту. Так, на Севфак попадали и мальчики 12—14 лет, которых «на родине учить было негде», и представители молодёжи, и «совсем взрослые» студенты [2, с. 134]. Это создавало дополнительные проблемы с дисциплиной, т.к., например, среди студентов в 1928/29 уч. г. числились «40 человек до 17 лет», к которым в силу обстоятельств невозможно было в полной мере применять подходящий их возрасту подход, и с ними обращались так же, как со взрослыми слушателями [4, л. 143об].

Проблемы дисциплинарного характера оказались столь многочисленными и трудноразрешимыми, что в 1928 г. прозвучало предложение о прекращении деятельности Севфака. Так, стремление КомСевера принять особые меры по смягчению условий обучения приводило, по выражению профессора Каменщикова, к тому, что северная молодёжь в Ленинграде изнеживалась, отвыкала от трудовой дисциплины и приобретала вредные привычки [4, л. 2]. Студенты демонстрировали нежелание обслуживать себя, «убирать комна-

ты и топить печи в общежитии» [4, л. 3об]. Начало первого семестра 1928/29 уч. г. характеризовалось массовой недисциплинированностью, поскольку преподаватели «очень много уговаривали вместо того, чтобы нажать, где требуется». Конец семестра также стал сложным для руководства — например, зафиксировано сразу 12 случаев пьянства после стипендии [4, л. 141—142].

Вообще же под понятие недисциплинированности попадали проступки разного характера: несвоевременное вставание и позднее возвращение в общежитие, пропуск учебных занятий, невыполнение заданий преподавателей, грубость по отношению к ним, отказ от дежурства по комнате. И более серьезные — так, в первом полугодии 1928/29 уч. г. произошло 9 случаев драк и ругани между отдельными студентами, 16 случаев пьянства, 7 — хулиганства, 6 — воровства денег. Всего за этот период зафиксировано 106 случаев недисциплинированности и невоздержанности. Происходили и курьёзы — например, студент младшего подготовительного курса Вауль, впоследствии исключённый, однажды запустил чернильницей в соседа по комнате, а Алагулов «учинил скандал швейцару в 12 ночи за то, что ему не выдали пальто после кино проводить девушек» [4, л. 141—142].

Для повышения уровня дисциплины принимались меры различного характера. Так, например, было принято решение о создании штата воспитателей. Практиковались вызов нарушающего дисциплину к руководству факультетом, проведение бесед, прекращение отпуска в город. Крайней мерой было исключение из ЛИЖВЯ—ЛВИ, решение о котором принималось с участием студентов. Правда, сначала у последнего явления обнаружилась и обратная сторона — студенты считали свои постановления об исключении товарищей обязательными для администрации [4, л. 141—142]. Тем не менее, учитывая особое восприятие учащимися действительности, вызванное различием культур, эффективность этих мер не имела длительного характера. Проблема дисциплины на Севфаке оставалась одной из самых трудноразрешимых.

Многочисленными были отчисления студентов, сведения о чём старались не афишировать. Так, список подлежащих исключению в 1929 г. (с делопроизводственной пометкой «секретно») показывает большое число отчислений по состоянию здоровья. Из-за многочисленных болезней — различных видов туберкулеза и анемии, язв, бронхита, — выбыли 20 чел., из-за академической неуспеваемости — 8, по социальному положению — 4 [4, л. 22]. Получалось, что ряды и без того немногочисленных слушателей, с таким трудом прибывших в Ленинград, теряли в процессе обучения большую часть уже наполовину подготовленных специалистов. В то же время были примеры недостаточно обоснованных исключений, например, обрусевшего

юкагира Ф. Маголина за то, что его знания были «выше, чем необходимо» [5, л. 24]. Этот студент вёл активную деятельность, зимой по два часа в неделю занимался с отстающими, будучи секретарём палеоазиатской секции в Северном кружке редактировал её материалы, посланные впоследствии на VI пленум КомСевера. Тем не менее, в документах указано, что он не проявил себя «с общественной стороны». Получивший справку об отчислении «по распоряжению заведующего Севфаком» от заместителя по политической работе Е.Т. Потапова Магонин написал В.Г. Богоразу с просьбой восстановить его на факультете, утверждая, что на самом деле исключён «на почве личных счётов с тт. Лозовским и Потаповым» (представителями правления ЛИЖВЯ—ЛВИ) после случая, когда во время дежурства он «не пропустил без билетов на вечер знакомых т. Лозовского». По выражению Маголина, упомянутые нисколько не заинтересованы «в поднятии хозяйства и культурного уровня северных народностей» [4, л. 31—32].

Этот случай показателен для понимания того, что конфликт между правлением института и КомСевера оставался неразрешённым и с годами только углублялся. Многие работники ЛИЖВЯ—ЛВИ считали в принципе невыполнимой задачу «выпустить кадр таких работников, которые не будут оторваны» от хозяйственной обстановки туземца, «не отучат от обычной его трудовой промысловой деятельности, а в значительной мере облегчат туземцу тяжёлую ежедневную борьбу с суровыми условиями северной природы» [9, л. 3]. Тем не менее взаимодействие всё же осуществлялось, хотя вопрос о его эффективности представляется дискуссионным. Решение множества спорных вопросов требовало не только переписки и отчётной документации, но и создания специальных комиссий по обследованию дел, учреждавшихся первоначально отдельно как правлением ЛИЖВЯ—ЛВИ, так и КомСевера [4, л. 152об]. На совещаниях этих комиссий рассматривались проблемы Севфака, в неспособности к решению которых стороны обвиняли друг друга. К поднимаемым темам относились, с одной стороны, неопределённость задач факультета и отсутствие достаточных причин для обоснования необходимости в особом отношении к нему, с другой стороны — недостаточная тщательность в выработке программ, а также неспособность института должным образом организовать учебный процесс и проследить за дисциплиной [5, л. 27].

Одним из наиболее острых стал вопрос о частой смене руководства Севфака. Например, в результате работы комиссии по обследованию дел глава факультета «Касаткин был заменён Смык-Катаевым» (хотя последний «не веровал в построение Севфака» [4, л. 187]). Это назначение не было согласовано с КомСевера. Вскоре А.Е. Смык-Катаев получил назначение на Восток и временно деканом Севфака стал уже Кошкин, бывший, с точки зрения КомСе-

вера, хорошим руководителем, поскольку действовал в интересах факультета, в том числе «день за днём отбивал у Правления ЛВИ средства и ряд необходимейших постановлений для Севфака», что было не характерно для его предшественников. Однако по прошествии полугода, во время пребывания в Москве, он «внезапно был заменён т. Лозовским», бывшим секретарём ячейки ЛВИ, «абсолютно не знакомым с Севером». На вопрос КомСевера о причинах решения Лозовский отвечал, что, во-первых, «Кошкин был назначен временно и должно было произойти или утверждение его или замена», а во-вторых, «райком не утвердил Кошкина за невыдержанную коммунистическую линию» [4, л. 152об]. Такое пренебрежение поддержанием стабильности на факультете и мнением КомСевера не могло не вызвать у членов последнего недовольства.

Вследствие недостаточной организованности учебного процесса факультет всё чаще характеризовался сторонними наблюдателями как учебное заведение, которое «даёт знания книжные, мало связанные с жизнью туземца, и отрыв получается колоссальный от своих родных мест» [9, л. 3об]. В ответ на это обвинение правление ЛИЖВЯ—ЛВИ поставило под удар авторитет Богораза, — одного из виднейших этнографов своего времени, принимавшего активное участие в развитии Севфака. Дело в том, что, ввиду важности с точки зрения национальной политики, в периодике Севфак преимущественно преподносился как воплощение большого революционного дела просвещения отсталых народностей Севера, возрождения народов отсталых окраин царской России [6, с. 127—128] и подготовки их национальной интеллигенции, «кузница» северных кадров [1, с. 275]. Важную роль в конструировании такого позитивного образа сыграл, несомненно, Богораз. В статьях и монографиях он представлял как деятельность самого факультета, так и работу на Севере в целом в наиболее выгодном свете, выступал на совещаниях и в составе комиссий, отстаивая интересы Севфака, делая тем самым «громкое, ничем не заменимое дело в отношении усиления авторитета» [4, л. 187] факультета и северного дела вообще.

Это «увлечение» Севфаком и стремление к продолжению его деятельности в институте представили «грубо меценатским» [4, л. 4], из-за чего давление на этнографа, и без того имевшее место, возросло и даже оказалось под вопросом присвоение ему учёного звания профессора. Так, Смык даже предлагал вообще «изъять» Богораза из Севфака [4, л. 187]. На многочисленных собраниях учёного «обвиняли в том, что он превратил институт в научную лабораторию; пытался расколоть студентов и захватить личную власть; пропагандировал... сентиментальный подход к народностям Севера». Обвиняли и в том, что он выступал за «сохранение их самобытности и ограж-

дение их от влияния (якобы вредного) хозяйственного строительства и разработки естественных богатств на Севере» [8, с. 223]. Как видим, несогласованность действий ЛИЖВЯ—ЛВИ и КомСевера отразалась и на карьере сотрудников этих организаций.

Ещё одним поводом для разногласий стала последовавшая сразу за смещением Кошкина критика членами правления ЛИЖВЯ—ЛВИ выпускаемого Севфаком с санкции КомСевера сборника «Тайга и тундра». Утверждалось, что в его текстах «выявлен якобы неправильный взгляд на политику Соввласти» и что «статьи могут содействовать травливанию одной части населения [Севера] на другую» [4, л. 152об].

Однако, несмотря на убеждённость представителей ЛИЖВЯ—ЛВИ в нецелесообразности существования Севфака, на его устройство тратились «колоссальные суммы денег», поэтому к реализации проекта нельзя было подходить бездумно. Если туземная школа расходовала в год на содержание студента 350—450 руб., то факультет — до 1 300 руб. Получалось, что «Северный Факультет дублирует школы-интернаты со значительными минусами». Возникал вопрос, «кому... и для чего необходимо плохое дублирование с расходованием денежных сумм в 3—4 раза больше, чем туземные школы». Кроме того, отмечалось, что в туземных школах программа усваивается легче, поскольку студенты изучают её в обстановке, близкой к привычной [4, л. 3—5]. По этой причине предлагалось изменить процедуру отбора и «строить Севфак по более повышенной схеме», используя «туземные школы для подготовки требуемого контингента учащихся» [9, л. 5]. Таким образом, под давлением сомнений в успехе проекта и реальной угрозы его упразднения возникла острая необходимость более содержательного диалога между двумя ответственными инстанциями.

Однако робких попыток решения наиболее важных проблем оказывалось недостаточно для принципиального улучшения положения дел. Так, например, для урегулирования финансового вопроса, поднятого по ходатайству правления ЛИЖВЯ, было принято решение о том, чтобы смета на Севфак в 1927/28 уч. г. не рассматривалась отдельно от общей сметы института. Несмотря на то, что расходы должны были повыситься ввиду расширения цифр приёма и организации мастерских, правление ЛВИ настояло на сохранении за ним права определять суммы, причитающиеся факультету по отдельным параграфам, самостоятельно [4, л. 187], взяв таким образом ответственность на себя. Тем не менее, учитывая, что, например, основным препятствием для ведения политпросветработы в 1928/29 уч. г. стало недостаточное финансирование [4, л. 141], нельзя считать, что эта проблема оказалась решена успешно.

В то же время, проведение на Севфаке внеучебной работы оказалось чрезвычайно продуктивным. Одной из главных причин, на мой взгляд, стало расширение возможностей влияния на эту сторону жизни

факультета представителей КомСевера — профессиональных этнографов, лучше знакомых с особенностями северных студентов и заинтересованных в успехе реализации этого необычного образовательного проекта в целом. В свою очередь правление ЛИЖВЯ—ЛВИ ограничило участие представителей Комитета в урегулировании других вопросов, требующих знаний о специфике Севера, и ему по большей части не удалось повлиять на улучшение других сторон жизни факультета.

Таким образом, стало окончательно ясно, что руководство Севфака оказалось не готово к успешному решению его многочисленных нетипичных проблем. Для этого требовались пересмотр подходов к реализации образовательного процесса с учётом особенностей северных студентов, а также сотрудничество между ответственными сторонами, придерживавшимися практически противоположных мнений по поводу задач проекта и подходов к его воплощению. Однако поскольку значимость образовательного проекта была очень высока, последовало решение о продолжении его работы в условиях большей административной самостоятельности. Севфак был не ликвидирован, а преобразован в новое учебное заведение — Институт народов Севера [8, с. 257].

Список литературы

1. *Алексеева Л.В.* Подготовка национальной интеллигенции в институте народов Севера в 30-е гг. XX в. (на примере национальных округов севера Западной Сибири) // *Культура и интеллигенция меняющихся регионов России: XX век. Интеллектуальные диалоги: XXI век. Россия—Сибирь—Казахстан: материалы VI всерос. науч. и науч.-практ. конф. с международным значением (Омск, 3—5 сентября 2006 г.). Ч. 2.* Омск: Международн. ин-т стратегич. проектов, 2006. С. 275—280.
2. *Богораз(-Тан) В.Г.* Воскресшее племя. М.: Государственное издательство «Художественная литература», 1935. 285 с.
3. *Богораз В.Г.* Северный рабфак // *Северная Азия.* 1927. № 2. С. 52—63.
4. Государственный архив Российской Федерации (далее — ГА РФ). Ф. Р-3977. Оп. 1. Д. 340. 245 л.
5. ГА РФ. Ф. Р-3977. Оп. 1. Д. 474. 124 л.
6. *Омельчук А.К.* Институт народов Севера // *Дальний Восток.* 1981. № 2. С. 128—132.
7. *Сидорчук И.В.* Основные проблемы реализации государственной стратегии подготовки кадров для северных окраин СССР в 1920-х гг. (на примере Северного факультета Ленинградского восточного института им. А.С. Енукидзе) // *Гуманитарный вектор.* 2018. № 6. С. 22—28.
8. *Слёзкин Ю.* Арктические зеркала: Россия и малые народы Севера. / Авторизованный пер. с англ. О. Леонтьевой. М.: Новое литературное обозрение, 2008. 512 с.
9. Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф. 7222. Оп. 9. Д. 17. 24 л.

Проблемы добровольной и принудительной миграции в России (на примере российских корейцев). 1920—1930-е гг.

Аннотация. Проблема миграции применительно к российским корейцам рассматривается в хронологических рамках 1920-х — 1930-х гг. Цель статьи — обобщение изучения самой проблемы переселений как социального явления. Обращено особое внимание на определение причин возникновения разного рода миграций, выявлены количественные характеристики самого процесса как в масштабе страны, так и по ее регионам. В связи с этим определены территории расселения новых анклавов корейцев, обосновавшихся главным образом на территории Дальнего Востока (добровольный вид миграции).

Ключевые слова: миграция, российские корейцы, СССР, добровольное переселение, принудительное переселение.

PROBLEMS OF VOLUNTARY AND FORCED MIGRATION IN RUSSIA (ON THE EXAMPLE OF RUSSIAN KOREANS). 1920S—1930S

Abstract. With regard to Russian Koreans, the problem is considered in the chronological framework of the 1920s — 1930s. The purpose of this article is to summarize the process of studying the very problem of resettlement as a social phenomenon. Particular attention is paid to determining the causes of various types of migrations, and quantitative characteristics of the process itself are revealed both on a national scale and in its regions. In this connection, the territories for the settlement of new enclaves of Koreans, who settled mainly in the territory of the Far East (voluntary type of migration), were determined.

Keyword: migration, Russian Koreans, USSR, voluntary resettlement, forced resettlement.

Миграция этнических меньшинств в России осложняется международными отношениями и разного характера этническими проблемами. Комплексное исследование причин добровольных, добровольно-принудительных и принудительных переселений корейцев на территории СССР позволит дополнить общую историю проживания корейцев в России, проследить трансформации в жизни общества, адаптационные и интеграционные процессы, проблему идентичности российских граждан корейской этнической общно-

* Чжин Сил — аспирантка центра «Историческая наука России» Института российской истории Российской академии наук (Москва, Россия). e-mail: jinsilci@naver.com
Sil Jin — Post-graduate Student of the Center for Historical Science of Russia Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

сти. Предметом исследования избраны *добровольная* и *принудительная* миграция советских корейцев в 1920—1930-е гг.

Цель исследования сводится к изучению самой проблемы переселений, выявлению причин разного рода миграций, их количественных характеристик, появлению анклавов корейцев в районах Дальнего Востока, а затем в регионах России, далее на Запад, в т.ч. за «меридианом Волга». Важно выяснение возможности их адаптации и интеграции в социум мест расселения, в сферу экономики, принятие статуса «гражданин Российского государства».

Представленная статья содержит краткий историографический обзор и классификацию видов миграции. На основе результатов предыдущих исследований, выявленных архивных документах и материалах планируется рассмотреть основные причины переселений корейцев в обозначенный период, вскрыть сущность миграционных процессов, показать участие переселенцев в освоении регионов страны.

Вопрос изучения проблемы миграции в российской и корейской историографии

К настоящему времени по проблеме российских корейцев уже существует историографическая традиция. Труды историков дают достаточно полную картину жизни и быта корейцев после их иммиграции на Дальний Восток. Однако в досоветский период феномен российских корейцев как отдельной этнической общности не сложился и в исторических трудах не рассматривался [1, с. 10].

Историографический обзор по данной проблематике показал, что российскими и южнокорейскими исследователями уделялось внимание главным образом переселению корейцев по политическим мотивам. Большой вклад в развитие российского корееведения внёс Б.Д. Пак [2]. Им написаны научные труды по истории российских корейцев: «Корейцы в Российской империи (1993—1994)», «Корейцы в Советской России (1917 — конец 30-х годов)». Однако в его трудах не освещается добровольное переселение корейцев внутри Союза ССР.

По нашему мнению, переселение корейцев по территории России до августа 1937 г. происходило по экономическим причинам, преобладал добровольный фактор. В этом контексте в настоящее время комплексного исследования не проводилось. Частично этому вопросу посвящены работы Сим Хон Ёнга [3]. Ж.Г. Сон [4] впервые провела связь между добровольными и принудительными переселениями корейцев как отдельными социальными явлениями внутри

страны. Более подробное изучение трудовой миграции корейцев остаётся вне поля зрения российских учёных.

Наиболее глубокий анализ в российских исследованиях провёл Н.Ф. Бугай. Его научные работы посвящены принудительным переселениям народов СССР. Им также частично рассмотрен вопрос добровольного переселения корейцев внутри страны. Автор сообщает о ранее неизвестном историческом факте — принудительном переселении корейцев в Астраханский округ Сталинградской обл. [5] Им раскрыты роль и место этнического меньшинства в системе межэтнических отношений, его взаимодействие с представителями других народов. Представлена совокупность мер, связанных с принудительным переселением корейцев частично в 1920-е, а также в конце 1930-х гг.

О том, что корейцы в 1920—1930-е гг. проживали фактически по всей территории СССР, неизвестно южнокорейскому сообществу. Интерес к истории русскоязычных корейцев в настоящее время возрастает, являются актуальными проблемы адаптации и трансформации этнического сознания, гражданской идентичности.

Классификация видов миграции. Их содержательная часть

Миграцию российских корейцев можно разделить на добровольную и принудительную в зависимости от государственной политики, социально-экономического положения в стране, позиции по этим вопросам со стороны правительства. Далее будут охарактеризованы три периода исследования проблемы и освещены основные события, сыгравшие ту или иную роль в миграционных процессах российских корейцев.

Корейцы в Российской империи (1864—1917 гг.). Миграция корейцев в Россию началась в 1860-е гг., задолго до установления официальных отношений между двумя странами. Корейцы, в основном выходцы из провинций Севера, проживали в Приморском крае. Основой для этого послужило официальное разрешение Российского императора (1864), появившееся за 20 лет до подписания Торгового договора между Россией и Кореей (1884).

Численность корейцев-переселенцев постепенно увеличивалась в связи с трудным экономическим положением. Российское правительство проявляло к ним непосредственный интерес. Их переселение корейцев, несомненно, было полезным — в первую очередь для экономического развития региона. В нём постоянно ощущалась нехватка рабочих ресурсов, что объяснялось нежеланием представите-

лей русского и других народов России переселяться туда по причине неосвоенности края, отдалённости от центральных регионов страны.

До 1914 г. для представителей корейской и китайской этнических общностей существовали ограничения в проживании и трудовой деятельности в Европейской части России. Начало Первой мировой войны привело к огромному дефициту рабочей силы и соответственно частичной отмене данного ограничения. Для корейцев, проживавших на Дальнем Востоке, также появилась возможность уехать на заработки. Места назначения — Мурманская железная дорога, строительство аэропорта и взлётной полосы, Уральский лесозавод и Донецкие угольные шахты. Добычей угля занимались 3 000 корейцев, призванных в качестве рабочих. Они не смогли вернуться на Дальний Восток из-за Гражданской войны и продолжали добычу угля до 1922 года [6, с. 228—231]. В 1916 г. была открыта Транссибирская магистраль, продвижение корейцев активизировалось. Только в Екатеринбурге работали на заводах 2 500 корейских рабочих.

Всего в России в 1917 г. насчитывалось 100 тыс. корейцев. Только в Приморской обл. их проживали 81 825 чел. (в т.ч. 32 841 русско-подданных), которые составляли 30% населения области. Кроме того, в годы Гражданской войны в Европейской части России находилось до 7 тыс. [7, с. 130—131], в Западной Сибири — около 5 тыс. корейцев. Они трудились в 18 городах Европейской России: Москва, Петроград, Бахмут, Харьков, Таганрог, Екатеринославль, Александровск, Екатеринодар, Ростов-на-Дону, Новочеркасск, Пятигорск, Армавир, Киев, Астрахань, Царицын, Саратов, Уфа, Оренбург. Также небольшие группы были заняты на производстве в Ташкенте, Баку, Кургане, Челябинске, Тюмени, Екатеринбурге, Вятке, Вологде, Ярославле, Архангельске и других промышленных центрах [8, с. 364—366].

Миграция корейцев на территории Союза ССР (1917—1926). После октября 1917 г. география расселения корейцев заметно расширилась. Активно участвуя в борьбе за революционные лозунги, твердо веря в помощь новой власти, корейцы-революционеры принимали участие в установлении советской власти не только на территории Дальнего Востока. По данным общественной организации «Союз корейцев», в 1925 г. в городах страны было создано 25 корейских союзов. Их деятельность заключалась в налаживании широкой культурно-просветительской работы и активном вовлечении в сферу экономики. Корейцы работали на угольных шахтах Мурманска, Донецка, рудодобывающих предприятиях Красноярска, Тюмени, Казани, во всех крупных промышленных центрах СССР.

После окончания Гражданской войны начались стихийные массовые переселения. Для регулирования этих потоков в 1924 г. был

создан Всесоюзный переселенческий комитет при ЦИК СССР (ВПК) [9, с. 371]. Одновременно существовал переселенческий отдел при Главном управлении лагерей НКВД СССР (ГУЛАГ), на который возлагалась задача заселения и создания сельскохозяйственной базы в районах строительства Байкало-Амурской железнодорожной магистрали, а также других главных стройках Союза. 10 июня 1936 г. постановлением правительства ВПК был передан в ведение НКВД. В связи с этим был образован переселенческий отдел, просуществовавший до 1939 г., когда он был преобразован в Главное переселенческое управление, просуществовавшее до 1953 г.

Главной задачей пятилетнего плана переселенческих мероприятий (1928/29 — 1932/33) определялась переброска населения на Дальний Восток, Казахстан и Сибирь. На эти районы планировалось израсходовать 85,5% государственных кредитов, предназначенных для этих целей [10, л. 9 об.]. Однако из-за раскулачивания, коллективизации и последовавшего массового голода вносились коррективы. Началась «передвижка» населения в районы Поволжья, Азово-Черноморского края, Сибири, Дальнего Востока, Бурят-Монгольской и Якутской АССР [11].

ВПК осуществил огромную работу по обоснованию цели и задач переселенческой политики. Фактически оказалась исследована вся территория СССР, определены мало- и густонаселённые регионы, их географическое и политическое положение, наличие свободных земель и необходимость их использования, районы выхода переселенцев и районы вселения, порядок финансирования переселенческих мероприятий [12, л. 2—67] и др. В первую очередь ВПК поручалось в ближайшие годы заселить малонаселенные районы Дальнего Востока, Средней Азии, Сибири, Карелии. В многонаселенных городах Центральной России были организованы пункты по вербовке граждан для переселения. В СМИ велась активная пропаганда, распространялись агитационные листовки и другие материалы.

Принудительное переселение (1937—1938). Переселенческая политика Советского правительства была направлена не только на заселение многоземельных районов с целью их освоения, но и на «зачистку» приграничных территорий от инациональностей, в первую очередь тех, которые не имели своей государственности. Существовали опасения, что в условиях войны они могут оказаться «неблагонадежными». На советском Дальнем Востоке до сентября 1937 г. корейцы занимали третье место после русских и украинцев в численности населения. Самыми плотно заселенными районами оставались Приморская обл. — 80 150 чел., Уссурийская — 66 100 и Хабаровская — 30 500 [13, л. 16]. Места плотного расселения оставались анклавами корейской культуры.

Заключение

Как упоминалось ранее, большинство исследований по корейской тематике были посвящены начальному этапу эмиграции корейцев из Кореи в Россию, экономическим, культурным и образовательным аспектам по истории корейцев на Дальнем Востоке. Комплексного исследования добровольного, добровольно-принудительного и принудительного переселения пока не проводилось. Оно позволит дополнить общую историю проживания корейцев в России, проследить трансформации в жизни их сообщества, адаптационные, интеграционные процессы и проблему идентичности российских граждан корейской общности.

Для этого исследования требуется провести всесторонний сбор данных, тщательный анализ материала, общих и тематических исследований по регионам, корреляцию с политическими и экономическими условиями. Потребуется разработка и развитие систематического плана исследований, внедрение более систематизированной методологии, соответствующей требованиям исторической науки.

Список литературы

1. *Каменских М.С.* Корейцы в Пермском крае: очерки истории и этнографии. Пермь, 2014. 192 с.
2. *Пак Б. Д.* Корейцы в Российской империи. Иркутск, 1994. 236 с.
3. *Сим Хон Ёнг.* Российская национальная политика и принудительное переселение. Сёнин, 2017. 400 с.
4. *Сон Ж.Г.* Советские (Российские) корейцы — от добровольной до принудительной миграции (1920—1938) // Межкультурные взаимодействия в условиях глобализации: опыт России и Кореи / Отв. ред. Р.К. Тангалычева, И.А. Корзун. СПб.: Скифия-принт, 2012.
5. *Бугай Н.Ф.* Социальная натурализация и этническая мобилизация (Опыт корейцев России). М., 1998.
6. *Ким Хо Джун.* Кореец Евразии. 150 лет больной истории диаспоры. 2013.
7. *Пак Б.Д., Бугай Н.Ф.* 140 лет в России. Очерк истории российских корейцев. М.: ИВ РАН, 2004.
8. *Гоженский Ив.* Участие корейской эмиграции в революционном движении на Дальнем Востоке // Революция на Дальнем Востоке. Вып. I. М.; Пг., 1923.
9. Собрание узаконений и распоряжений рабочих и крестьянского правительства. 1925. № 49.
10. Российский государственный архив экономики (далее — РГАЭ). Ф. 5675. Оп. 1. Д. 7.
11. РГАЭ. Ф. 5675. Оп. 1. Д. 2, 3, 4.
12. РГАЭ. Ф. 5675. Оп. 1. Д. 165.
13. Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 33879. Оп. 1. Д. 115.

Периодическая печать как источник о жизни эмиграции «первой волны» (на материалах газет «Возрождение» и «Последние новости»)

Аннотация. В середине 1920-х гг. в Париже выходили русскоязычные газеты и журналы, которые стали формой связи эмиграции в разных странах. Статья посвящена анализу двух изданий: правой газеты «Возрождение» (1925—1940) и умеренно левой «Последние новости» (1920—1940). Данные издания выходили на протяжении почти всего периода существования эмиграции «первой волны», что делает их наиболее информативными источниками по данной проблеме и выделяет из общего массива эмигрантской периодики. В изданиях сообщалось о событиях в СССР и мире, а также о бытовой и социально-политической жизни русских эмигрантов. Эти газеты являются репрезентативным источником по истории повседневной жизни эмиграции не только во Франции, но и в других странах.

Ключевые слова: русская эмиграция «первой волны», периодическая печать, газета, «Возрождение», «Последние новости».

PERIODICAL PRESS AS A SOURCE ABOUT THE LIFE OF EMIGRATION'S "FIRST WAVE" (BASED ON PUBLICATIONS OF THE NEWSPAPERS "VOZROZHDENIE" AND "LATEST NEWS")

Abstract. In the late 1920s, Russian-language Newspapers and magazines began to appear in the capital of Russian emigration, Paris, which became a form of communication of emigration. The article is devoted to the analysis of two newspapers: the right-wing "Vozrojdenie" (1925—1940) and the moderately left-wing one — "Posledniye Novosti" (1920—1940). These newspapers were published throughout almost the entire period of the existence of the "first wave" emigration, which makes them the most informative sources on this issue. The publications reported on events in the USSR and the world, as well as on the everyday and socio-political life of the Russian emigrants of the "first wave". "Vozrojdenie" and "Posledniye Novosti" are an informative source about the everyday life of the Russian emigration of the "first wave" not only in France, but also in other countries where emigrants of the "first wave" settled.

Keywords: Russian emigration of the "first wave" periodical press, newspaper, "Vozrozhdenie", "Latest News".

Формой связи русской эмиграции «первой волны», расселившейся по всему земному шару, стала печать. Для русского человека было

* Вероника Борисовна Романова — магистрант II курса исторического факультета Самарского национального исследовательского университета им. академика С.П. Королева (Самара, Россия). e-mail: roveronicka@yandex.ru

Veronika B. Romanova — master of the second year of the Faculty of History, Samara National Research University named after academician S.P. Korolev (Samara, Russia).

совершенно естественно и привычно получать новостную информацию из прессы. Это было принято в России, эмигранты не оставили привычку и в изгнании. Самые распространённые формы такого рода изданий — газета и журнал [15, с. 61]. Подлинным центром эмигрантской журналистики оказалась Франция, где оказалось немало журналистов, а также огромное количество русских эмигрантов — потенциальных читателей этих изданий. Всего в межвоенный период существовало 56 русских периодических журналов и альманахов и 26 газет [2, с. 146]. Причём их рост был очень динамичен: если в 1920 г. насчитывалось 10 журналов, то к 1928 г. — уже 52 [9, с. 34]. В 1922 г. аудитория русской периодики насчитывала около 70 тыс. чел., к 1930 г. — 175 тыс., 1937 г. — 110 тыс. [8, с. 118].

В СССР проблема эмиграции была неактуальна. Если она и изучалась, то лишь в рамках революционного движения: создавался образ эмиграции как антисоветской контрреволюционной силы. Соответственно, такая узкая тема, как её периодическая печать, не затрагивалась вовсе. Лишь в конце 1990-х гг. начали появляться исследования на эту тему [9; 14], а в XXI в. исследование культуры и, в том числе, периодики эмиграции «первой волны» переживает взлёт [2]. Общий историкокультурный анализ русскоязычной эмигрантской периодики проводился в исторической литературе [4; 8], однако недостаточно раскрыта её роль в изучении повседневной жизни русских эмигрантов [7].

Взгляды умеренно правой части эмиграции отражала ежедневная газета «Возрождение» (1925—1940). Её основали П.Б. Струве (редактор в первые годы) и нефтепромышленник А.О. Гукасов, финансировавший ее. Проект газеты «патриотического» направления явился частью политического плана великого князя Николая Николаевича и генерала А.П. Кутепова, направленного на сплочение эмигрантов для активной борьбы с большевистским режимом [7, с. 77]. Неслучайно в этой связи и название газеты. В первом номере Струве писал: «Необходимо освободить родину от коммунистического ига. Но кроме задачи освобождения, в своей трагической трудности потрясающе простой, есть другая задача, столь же бесспорная и ещё более трудная в своей волнующей и смущающей дух сложности. К творческому возрождению национального духа и национального бытия зовёт властный и властительный голос истории» [17, с. 1].

«Возрождение» отвергало любую возможность компромисса с большевиками. Струве считал, что «политическая эволюция советской власти полицейски невозможна», уступки, которые они порой допускают, преследуют цель самосохранения большевизма [4]. Газета следила за происходившим в СССР и делала акцент на слабых местах советского строя, чтобы показать читателям его недол-

говечность. Так, в номере от 9 мая 1928 г. сообщалось о волнениях рабочих [10, с. 1]. Немало внимания уделялось политической и общественной жизни эмиграции. Публиковались заметки о жизни русской колонии во Франции: сообщалось о строительстве церкви в Биянкуре [11, с. 3], в одном из номеров представлен очерк рабочего парижского завода А. Гнутова [18, с. 5]. Возможность обеспечить прекрасный литературный отдел издания высокими гонорарами позволяла редакции привлекать к сотрудничеству известных писателей, поэтов, критиков. Например, в первых номерах можно прочитать отрывки из дневника И.А. Бунина за 1919 г. [1, с. 2].

Возрождение России газета поддерживала не только словом. По инициативе Струве был организован Зарубежный съезд. В номере за 4 апреля 1926 г. опубликована его программа [6, с. 1], далее печатались развёрнутые отчёты о заседаниях, а в номере за 12 апреля помещён полный список делегатов [12, с. 2—3]. Резюме о результатах съезда в номере от 13 апреля говорило, что съезд выполнил задачу, но «все, кто ждал... каких-то чудес, несомненно будут разочарованы тем, что никакого “органа”, никакого “правительства” создано не было» [5, с. 1].

Однако довольно быстро между издателями обнаружили разногласия. Гукасов и его сторонники отражали настроения Российского торгово-промышленного и финансового союза, неофициальным органом которого и являлось «Возрождение». Их не устраивали политическая линия Струве. На посту редактора его сменил Ю.Ф. Семёнов, после чего «Возрождение» превратилось в издание промонархическое, явно правого направления. Активно пропагандировались идеи Русского общевоинского союза (РОВС), нацеленного на самую активную борьбу с советской властью. Гукасов ежемесячно ассигновал РОВС 8 тыс. франков, а его руководители генералы А.П. Кутепов и Е.К. Миллер со страниц газеты обещали организовать крупные выступления в СССР. Открыто приветствовались победы на выборах в Италии Муссолини, в Германии — Гитлера, выступление Франко в Испании и др.

При главном редакторе Струве «Возрождение» имело большой успех, отражая основные запросы эмиграции. Однако с изменением «политической физиономии» издания его авторитет среди эмигрантов, отличавшихся умеренными взглядами, постепенно падал. Число читателей уменьшалось, что заставило редакцию в 1936 г. перейти на еженедельный выпуск газеты. Пришлось уделять событиям во Франции и мире внимание в большей мере, чем предполагалось ранее. Только возможность платить литераторам хорошие гонорары за публикацию их произведений помогала сводить концы с конца-

ми. «Возрождение» перестало выходить одновременно с немецким вторжением во Францию.

Газетой левого крыла эмиграции стала газета «Последние новости» (1920—1940). Её редактировал лидер кадетов П.Н. Милюков, который определял политическое направление газеты и характер её содержания. Производственной стороной дела занимался его помощник А.А. Поляков: «Выдающийся русский журналист... Мастер своего дела, он был фактически редактором “Последних новостей”, если уж говорить правду, потому что Милюков следил больше за политической линией газеты... был капитаном судна, но руль всегда был в твёрдых руках А.А. Полякова» [4].

Во многом, популярность газеты объясняется тем, что, несмотря на общую леволиберальную позицию, в ней печатались «одновременно и социалисты, и генерал А.И. Деникин, конечно, поскольку взгляды их совпадали с точкой зрения П.Н. Милюкова. В военных кругах П.Н. Милюкова ненавидели за его “новую тактику”, но газету читали от доски до доски» [16, с. 153]. Такая «тактика» позволяла иметь широкий и постоянный круг читателей даже среди оппонентов. Во многом это получилось благодаря тому, что газете удалось быстро добиться относительной финансовой независимости, чтобы избирать материал на своё усмотрение, не завися от политических предпочтений заказчика. Уже в начале 1930-х гг. тираж «Последних новостей» составлял более 30 тыс. экземпляров, а порой доходил до 35 тыс. [4].

По моему мнению, популярность издания объясняется тем, что она выражала политическую позицию большинства эмиграции — умеренно-либеральную позицию. «Последние новости» не так негативно относились к информации, поступавшей из СССР, замечая иногда и положительные моменты: международную позицию и отношение к войне, реформы в системе образования, различные мероприятия социального плана и т. д. [14, с. 108]. Позиция условной «золотой середины» обеспечила газете прочное и стабильное положение и помогла продержаться достаточно продолжительное по меркам эмигрантской прессы время, сделав её наиболее успешным предприятием такого рода.

«Последние новости» также публиковали информацию о разных сторонах жизни русской колонии. На первых страницах печатались важные мировые новости и новости, касавшиеся жизни эмиграции. Существовала рубрика «Вопросы и ответы», дававшая конкретные рекомендации и действенные советы по проблемам трудоустройства, адаптации и натурализации для беженцев из России. Различные нормативные документы, труднодоступные и по большей части отсутствовавшие на русском языке, излагались чётко и в доступной

для понимания форме. В «подвале» помещались публицистические материалы, критические эссе или художественная проза, причем возможность высказаться давалась авторам, придерживавшимся различных художественных и политических взглядов. Каждый четверг выходила литературная страница, публикация на которой была престижна (не говоря уже о солидном гонораре). Здесь блистали имена И.А. Бунина, М.А. Алданова, А.М. Ремизова, Тэффи, Б.Ю. Поплавского и др. Газета стала летописью художественной, литературной, музыкальной, театральной жизни русского зарубежья, а также и советской России. 10 июля 1927 г. появилось эмоциональное обращение «Писателям мира» — анонимное письмо из Москвы, в котором приводились факты, характеризующие советское государство как тюрьму для свободного слова. Письмо призывало европейскую интеллигенцию поднять голос в защиту русского писателя. Печатались также и детективы, как правило в переводе с английского [14, с. 109].

Газета «Последние новости» закончила существование 14 июня 1940 г., за несколько часов до прихода немцев в Париж. Некоторое время сотрудники газеты жили надеждой на её возрождение. Но Милоков откровенно заявил, что в новых условиях она существовать не сможет.

При анализе двух вышеуказанных газет нетрудно заметить, что они писали об одних и тех же событиях, отличалась лишь трактовка. Если Зарубежный съезд в «Возрождении» получил сугубо положительную интерпретацию, то «Последние новости» отозвались скептически. В номере от 8 апреля 1926 г. находим заметку об участниках съезда, озаглавленную «Живые мертвецы»: «Как бы не восхвалял себя зарубежный съезд отпрысками царской короны, к власти людям, собравшимся в “Мажестик”, возврата нет. В залах “Мажестик” сидят только тени прошлого, ушедшего навсегда в историю режима» [3, с. 2]. Статья в номере от 12 апреля 1926 г. озаглавлена «Похороны зарубежного съезда» [13, с. 1].

Периодические печатные издания «первой волны» эмиграции являются репрезентативным источником, позволяя по статьям и заметкам воссоздать картину бытовой и социально-политической жизни русской колонии во Франции и других странах «русского рассеяния»: бытовые условия жизни эмигрантов, отношение эмиграции к событиям в мире и в СССР. Данные издания выходили на протяжении почти всего периода существования эмиграции «первой волны», что делает их наиболее информативными источниками по данной проблеме и выделяет их из общего массива эмигрантской периодики.

Список литературы

1. *Бунин И.А.* Окаянные дни // Возрождение. 1925. № 1.
2. *Ефременко В.В.* Деятельность научных и культурных учреждений российской эмиграции во Франции. 1917—1939 гг. Дис. ... канд. ист. наук. М. 2008. 284 с.
3. Живые мертвецы // Последние новости. 1926. № 1842.
4. *Жирков Г.В.* Журналистика Русского Зарубежья XIX—XX вв. СПб., 2003.
5. За неделю // Возрождение. 1926. № 315.
6. Зарубежный съезд // Возрождение. 1926. № 306.
7. *Кутаренкова Т.С.* П.Б. Струве — редактор газеты «Возрождение» // Вестник РГГУ. 2011. № 6. С. 76—85.
8. *Кутаренкова Т.С.* Русская периодическая печать во Франции в 1920-х гг.: типология и проблемы развития // Вестник РГГУ. 2012. № 13. С. 117—129.
9. *Назаров М.В.* Миссия русской эмиграции. М.: Родник, 1994. 416 с.
10. Недовольство рабочих растёт // Возрождение. 1928. № 1072.
11. Новая Церковь в Биянкуре // Возрождение. 1930. № 1884.
12. Общий список делегатов зарубежного съезда // Возрождение. 1926. № 314.
13. Похороны зарубежного съезда // Последние новости. 1926. № 1846.
14. *Раев М.* Россия за рубежом. История культуры русской эмиграции 1919—1939 / Пер. с англ. А. Ратобильской. М.: Прогресс-академия, 1994. 296 с.
15. *Руденцова Ю.И.* Социальная адаптация российской эмиграции в Франции (1920—1930-е гг.). Дис. ... канд. ист. наук. М., 2000. 209 с.
16. *Седых А.* Далёкие, близкие. Нью-Йорк: Новое русское слово, 1979. 281 с.
17. *Струве П.Б.* Освобождение и возрождение // Возрождение. 1925. № 1.
18. Трудовой день в Париже // Возрождение. 1926. № 307.

Подготовка среднего и младшего командного состава РККА в 1920—1930-е гг.

Аннотация. В статье рассматривается процесс культурно-образовательной подготовки командиров младшего и среднего звена РККА в период с конца 1920-х гг. до начала Великой Отечественной войны. Исследуются основные действия военного руководства в решении проблемы подготовки квалифицированных командных кадров, анализируется общий культурно-образовательный уровень курсантов и выпускников, а также оценивается влияние репрессий второй половины 1930-х гг. на подготовку офицерского состава. Советскому военному руководству так и не удалось до конца решить проблемы низкого уровня подготовки командного состава, что сыграло свою роль в поражении РККА на первом этапе Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: офицер, курсант, подготовка военных кадров, Великая Отечественная война, репрессии.

TRAINING OF MIDDLE AND JUNIOR COMMANDERS OF THE RED ARMY IN THE 1920—1930S

Abstract. The article deals with the process of cultural and educational training of Junior and middle-level commanders of the red army in the period from the end of 1920 to the beginning of the great Patriotic war. The text of the study examines the activities of the Soviet military leadership in the field of officer training during this period. The article examines the main actions of the military leadership in solving the problem of training qualified command personnel, analyzes the General cultural and educational level of cadets and graduates, and assesses the impact of repression in the second half of the 1930s. for officer training. As a result of the study, it can be concluded that the Soviet military leadership did not fully solve the problems of the low level of training of the command staff, which played a role in the defeat of the red army at the first stage of the great Patriotic war.

Keywords: officer, cadet, training of military personnel, Great Patriotic war, repression.

Великая Отечественная война явилась трагическим испытанием для нашей страны. Вплоть до сегодняшнего времени проблемы, связанные с её историей, находятся в центре общественного внимания. Введение в научный оборот рассекреченных документов вносит коррективы в восприятие событий тех лет. Однако, несмотря на ак-

* **Адель Марсович Ситдиков** — магистрант кафедры отечественной истории Российского университета дружбы народов (Москва, Россия). e-mail: adelsitdikov@mail.ru
Adel M. Sitdikov — Master's Student of the Department of National History, Peoples friendship University of Russia (Moscow, Russia).

тивное изучение, Великая Отечественная по-прежнему сохраняет в себе много нераскрытых проблем, требующих внимательного рассмотрения с применением новых научных подходов и непредвзятости оценки событий прошлого.

Одним из таких не до конца изученных вопросов остаётся подготовка среднего и младшего командного состава в военно-учебных заведениях в предвоенный период. В состав командиров этих звеньев входили офицеры, возглавлявшие соединения на уровне полка и ниже. В основном это майоры, капитаны и старшие лейтенанты. Они являлись связующим звеном между высшим командованием и рядовыми солдатами, от уровня их квалификации напрямую зависела эффективность действий соединений в оперативных условиях.

В СССР 1920-х гг. подготовка командных кадров среднего и младшего звена была организована на базе военно-учебных заведений (артиллерийских, автобронетанковых и пехотных), число которых увеличилось по сравнению с дореволюционным периодом с 50 до 70 [10, с. 56]. Однако проблема заключалась в отсутствии в них достаточного числа курсантов. Практика показывала, что молодежь в армию идти не хотела, предпочитая относительно высокую заработную плату рабочего низкому курсантскому жалованию [11, с. 146]. Ответом военного руководства стало принуждение к службе. В 1927—1931 гг. были мобилизованы 8 500 чел. [11, с. 147]. Закономерным явлением в связи с этим стало распространение «отчисленческих настроений», продиктованных нежеланием обучаться и становиться офицерами РККА.

Руководство оказалось вынуждено искать другие способы выполнения военных учебных заведений, что привело к организации с февраля 1931 г. специальных наборов для подготовки офицеров младшего и среднего звена, основанных теперь уже на принципе добровольности. Привлекательность поступлению придавала повышенная стипендия, а основную роль в заполнении военных школ стали играть местные партийные организации наиболее развитых промышленных районов страны [14, с. 78]. Мобилизации подлежали молодые люди в возрасте до 26 лет, имевшие предварительную военную подготовку и образование не ниже 5—7 классов. Срок обучения для курсантов специального набора определялся в 1,5—2 года вместо 3 лет [14, с. 77].

По итогам первого набора в военные школы в масштабах всего СССР поступило около 7 тыс. чел., из которых в лётные школы по партийной мобилизации 1931 г. прибыло 2 230 чел., в сухопутные 3670, в том числе 870 — в пехотные, 2 800 — в бронетанковые, артиллерийские и др. [14, с. 77]. В 1932 г. решением ЦК ВКП(б) был проведён новый специальный набор, на этот раз в количестве

10 тыс. чел. Из них из Москвы было направлено 2 095 чел., Ленинграда — 2 012, Украины — 2 127, Урала — 450. При этом стоит отметить, что среди курсантов наблюдался низкий уровень грамотности и общеобразовательной подготовки в целом. В 1931 г. из курсантов «специального набора» лишь половина имела среднее образование и свыше четверти — неполное среднее [14, с. 77]. Показательны данные об итогах боевой подготовки военно-учебных заведений РККА за 1931/1932 учебный год: всего было выпущено 15 315 командиров, при этом без какого-либо образования среди них было 21,4% [7, л. 3]. В следующем году картина даже ухудшилась. Из поступивших в 1932 г. курсантов уже лишь 25,3% имели образование не выше среднего, а 52,3% — неполное среднее. Среди последних примерно 35% закончили 7 классов средней школы, в то время как около 60% — только 4—6 классов [6, л.98].

Для преодоления проблемы низкого образовательного уровня абитуриентов в 1932 г. началась организация предварительной подготовки кандидатов в специальных полковых школах, где молодежь, принятая в военные школы через военкоматы, проходила обучение в течение года. Однако такой метод подготовки оказался неэффективным. К тому же время пребывания в них вело к удлинению сроков обучения, поэтому в 1935 г. полковые школы были отменены [15, с. 375—380]. Вместо них открылись пункты для допризывников, не имевших школьного образования. Здесь работали более квалифицированные (по сравнению с полковыми школами) преподаватели. Особое внимание обращалось на качество обучения, дисциплину и стопроцентную посещаемость [2, с. 100—109]. Создавались также подготовительные курсы при рабочих клубах и военных школах. Занятия в них проводились три раза в неделю по три часа. В зависимости от уровня грамотности обучавшихся они имели продолжительность 6—8 мес. и включали углублённое изучение таких дисциплин, как русский язык, математика, география, природоведение. Важное место в учебном процессе занимала политграмота, изучению которой отводилось значительное количество часов [15, с. 378]. Так армия пыталась ликвидировать пробелы в подготовке курсантов.

Менялась и ситуация с условиями поступления в военно-учебные заведения. До 1933 г. 95% курсантов принималось только по рекомендациям из частей. Вступительные испытания не предполагались, важны были представления от командиров. Будущий курсант должен был уметь бегло читать, выполнять четыре основных арифметических действия. С 1933 г. требования повысились: теперь кандидат должен был владеть знаниями в объёме 5—6 классов. С 1936 г. стали принимать абитуриентов без учёта рекомендаций. Возрастной

порог составлял 17 лет. От кандидата требовалась подготовка уже не ниже 7 классов. Для тех же, кто заканчивал среднее или высшее образовательное учреждение, вступительных экзаменов не предусматривалось [4, л. 7].

Недостаточно высокая базовая подготовка курсантов сказывалась на уровне усвоения специальных военных дисциплин, которые, в свою очередь, преподавались далеко не на должном профессиональном уровне. Доказательством служат материалы проверок военно-учебных заведений, которые во второй половине 1930-х гг. проводились на регулярной основе. Так, отчёт по итогам проверки Киевского пехотного училища в 1937 г. свидетельствует о неумении курсантов организовывать взаимодействие, использовать местность и работать с картой, отдавать приказы. Подготовка по теории стрельбы и по изучению матчасти оценивалась как слабая. На том же уровне находилась общеобразовательная подготовка, при этом в каждом отделении наблюдалось 4—7 отстающих [5, л. 4—5]. В Москве дела также обстояли не лучшим образом. В приказе корпусу ВУЗ от 24 января 1938 г. выпуск лейтенантов 1937 г. характеризовался следующим образом: не отработан командный язык, лидерские качества, нет твёрдых знаний карты и топографии [5, л. 56—57]. В Ленинградском пехотном училище отмечались неудовлетворительная дисциплина, одиночная подготовка [5, л. 140—141]. Примечательны отчёты по итогам проверки в войсках Западного и Прибалтийского военных округов весной 1941 г., которым в начальный период войны, как известно, пришлось принять на себя первый удар противника. Так, инспекция войск ЗапВО выявила следующие проблемы: не уделено внимание действиям низших подразделений, а также личным действиям; плохая организация наступательного боя, разведки, отсутствие связи артиллерии с пехотными частями, отрыв от них танков, неудовлетворительные действия самолётов и инженерных частей [3, л. 45—50].

Таким образом, в подготовке командного состава имелись серьёзные проблемы. Репрессии 1937—1938 гг. ещё более усугубили ситуацию: по подсчётам исследователей, на уровне среднего и младшего командного звена в период 1936—1940 гг. было репрессировано 20 668 чел. [13, л. 57]. В марте 1938 г. Л.З. Мехлис докладывал Сталину об отсутствии командующих ВВС в Московском, Харьковском, Северо-Кавказском, Уральском и Сибирском военных округах. В Киевском округе не доставало двух командиров авиабригад, шести командиров эскадрилий, 22 командиров авиаотрядов, 114 командиров звеньев и кораблей [12, с. 309]. При этом анализ биографий жертв репрессий показывает, что истребили большое количество опытных командиров с боевым стажем, образованием и множеством

наград. Таким образом, советское руководство поставило себя перед проблемой восполнения понесённых потерь в командном составе не только в количественном, но и в качественном отношении.

Для ликвидации возникшего дефицита решили прибегнуть к ускоренно-облегчённому принципу обучения. Например, был введен новый порядок приёма в военно-учебные заведения. Вступительные экзамены в них переносились с октября на август. Молодёжь получила возможность поступать туда сразу после окончания общеобразовательной школы, а не ждать экзаменов более полугода. Набор стал осуществляться не только военкоматами и воинскими частями, но и непосредственно военными школами [15, с. 381]. В 1938 г. время обучения в училищах сократилось на полгода — до двух лет. Возрастной предел для поступающих устанавливался в 17—23 года вместо 18—22 лет, для военнослужащих — до 24 вместо 25 [15, с. 381]. Молодёжь с образованием 10 классов и студенты принимались во все училища без экзаменов и приобретали ряд льгот по его окончании (право после двух лет службы в войсках поступать в военные академии без конкурсных экзаменов, на основании оценок, полученных на выпускных экзаменах; право поступать на 2-й курс инженерных факультетов военных академий) [15, с. 381].

Показателен приказ начальника одного из московских военных училищ от 1 февраля 1938 г., который предписывал не проводить вступительных и выпускных испытаний по общеобразовательным дисциплинам, а также исключить общеобразовательные дисциплины из учебных планов [5, л. 15]. Он отражал степень спешки в процессе подготовки и выпуска новоиспечённых командных кадров, характерную для ВУЗ в предвоенные годы. Также армейское руководство перешло к политике сокращения периода обучения. Приказ наркомата обороны о проведении очередных выпусков курсантов из сухопутных военных училищ от 22 февраля 1941 г. предписывал обеспечить полное прохождение программ обучения в ускоренные сроки, а также указывал на необходимость переноса осеннего выпуска с 1 октября на 1 июля 1941 г. [9, с. 241—242].

При этом нельзя сказать, что количественный дефицит командных кадров был удовлетворён к началу войны. Так, на 1 января 1938 г. некомплект составил 100 тыс. чел (34% штатной численности Вооружённых сил), а на 1 мая 1940 г. — 21% [8, с. 185]. На 1 января 1941 г. он превысил 36 000 чел. [8, с. 186]. Репрессии против комсостава при одновременном его количественном увеличении в 1938—1941 гг. закономерно привели к тому, что многие представители младшего комсостава, не получив достаточного опыта, назначались на руководящие должности, не соответствовавшие их знаниям и выслуге. Так, только в 1940—1941 гг. впервые получили должности

82% командующих военными округами, 53% командующих армиями, 68,7% командиров корпусов, 71,8% командиров дивизии. На освоение новых должностей у них оставалось менее года [8, с. 186]. Происходило сокращение времени на прохождение курсов. В конце 1930-х гг. курсанты в 1,5—2 раза быстрее назначались на должности, чем в середине десятилетия [3, л. 17—18].

Устранить последствия репрессий, а значит стабилизировать ситуацию с командными кадрами в армии не удалось. К началу войны уровень их военной подготовки оставался низким. В сухопутных войсках только 4,3% офицеров имели высшее образование, окончившие военные училища командиры составляли 36,5%, 15,9% командиров, занимавших офицерские должности, не имели никакого военного образования, причем 77,7% служили в РККА менее пяти лет. Боевой опыт к началу войны имели только 18,5% офицеров [8, с. 187]. Среднее звено командного состава представляли 1 833 офицера. Из них 85,7% находились в возрасте с 36 до 45 лет. 49,8% состояли на службе более 20 лет. 98,8% имели специальное военное образование. Младшее звено составляло 8 425 чел., 93,6% из которых находились в возрасте от 26 до 35 лет. 81,7% служили от 10 до 20 лет. При этом 99,9% офицеров имели специальное военное образование [1, с. 17].

В последние мирные месяцы 1941 г. прошли досрочные выпуски офицеров из военных училищ. Приказом наркома обороны от 22 февраля 1941 г. вместо 1 октября выпуски были назначены: весенний — на 1 мая, осенний — на 1 июля. Приказом от 14 мая выпуск курсантов второго курса военных училищ переносился на 15 июня вместо 1 июля и производился без экзаменов по отметкам с немедленной отправкой курсантов к месту назначения. Укомплектование военных училищ предписывалось завершить к 15 июля вместо 1 сентября [8, с. 187]. Примечателен документ, направленный начальнику штаба 169-й стрелковой дивизии, в котором приведён список имевших среднее и высшее образование [16, л.2]. Всего в нём 10 фамилий, из них трое закончили 10 классов среднеобразовательной школы, трое имели высшее гражданское образование, один — среднее техническое, один являлся слушателем юридических курсов и только один получил высшее военное образование [16, л. 2]. Как следует из документа, на всю дивизию имелось только десять человек со средним или высшим образованием.

Таким образом, количественные и качественные последствия репрессий к 1941 г. полностью ликвидировать не удалось. С одной стороны, была расширена сеть военно-учебных заведений. Однако к началу войны так и не были полностью решены вопросы образовательной подготовки офицеров. В условиях ускоренного форми-

рования личного состава РККА требования, как к базовой, так и к специальной подготовке зачастую занижались. Сокращение офицерского корпуса после репрессий руководство пыталось купировать ускоренной подготовкой и продвижением кандидатов по служебной лестнице, что, в свою очередь, нанесло ущерб качеству. Следствием этого явилось комплектование армии командным составом, не вполне готовым к грамотному и профессиональному решению сложных задач, что сыграло роковую роль в поражении РККА на первом этапе Великой Отечественной войны.

Список литературы

1. Военные кадры Советского государства в Великой Отечественной войне 1941—1945: справочно-статистические материалы. М.: Военное издательство министерства обороны СССР, 1963.
2. Командный и начальствующий состав Красной Армии в 1940—1941 гг. М.: Кучково поле, 2005.
3. Российский государственный военный архив (далее — РГВА). Ф. 62. Оп. 3. Д. 216.
4. РГВА. Ф. 62. Оп. 3. Д. 53.
5. РГВА. Ф. 62. Оп. 3. Д. 55.
6. РГВА. Ф. 25172. Оп. 2. Д. 2.
7. РГВА. Ф. 62. Оп. 3. Д. 20.
8. *Ростов Н.Д.* Командные кадры Красной армии накануне Великой Отечественной войны // Вестник Алтайского государственного технического университета им. И.И. Ползунова. 2015. № 3.
9. Русский архив: Великая Отечественная. Т. 13 (2-1). Приказы народного комиссара обороны СССР. 1937 — 22 июня 1941 г. М.: ТЕРРА, 1994.
10. *Самусь В.Н., Савик С.А.* Подготовка офицерских кадров для Красной Армии в годы гражданской войны и в межвоенный период (январь 1918 г. — июнь 1941 г.) // Идеологические аспекты военной безопасности. 2011. № 1.
11. *Смирнов А.А.* Принудительное комплектование Красной Армии командным и начальствующим составом в 1920-е — 1930-е гг. // Пространство и время. 2014. № 4.
12. *Сувениров С.* Трагедия РККА 1937—1938. М.: ТЕРРА, 1998.
13. *Уколов А.Т., Ивкин В.И.* О масштабах репрессий в Красной армии в предвоенные годы // Военно-исторический журнал. 1993. № 1.
14. *Шумов Д.К.* К вопросу обеспечения средних военно-учебных заведений курсантским составом (1929 — июнь 1941 гг.) // Армия и общество. 2013. № 5.
15. *Шумов Д.К.* Развитие системы военно-учебных заведений РККА в период 1929—1937 гг. // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. 2012. № 2.
16. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО РФ). Ф. 11247. Оп. 1. Д. 4.

**«Так работать не годится, так работать нельзя»:
проблемы организации и планирования
мобилизации гражданской промышленности СССР
по материалам писем К.Е. Ворошилову,
В.М. Молотову и Л.М. Кагановичу**

Аннотация. В статье на основе писем представителям высшего руководства СССР раскрываются основные проблемы организации и планирования мобилизации гражданской промышленности СССР. Вычлняются сходные тезисы этих писем и даётся оценка репрезентативности их содержания.

Ключевые слова: мобилизация, советская промышленность, наркомат, НКТП, НКМ, НКВД, мобпланирование, мобработа, мобзапасы.

“IT IS NOT THE WAY ONE SHOULD WORK, YOU COULD NOT DO YOUR JOB JUST LIKE THAT”: PROBLEMS OF MANAGING AND PLANNING THE MOBILIZATION OF CIVIL INDUSTRY IN THE USSR (ON THE MATERIALS OF LETTERS TO K.E. VOROSHILOV, V.M. MOLOTOV AND L.M. KAGANOVICH IN THE LATE 1930S).

Abstract. Based on the letters of K.E. Voroshilov, V.M. Molotov, and L.M. Kaganovich, the article reveals the main problems of organizing and planning the mobilization of civil industry in the USSR. The author identifies similar theses of these letters and assesses the representativeness of their content.

Keywords: mobilization of Soviet industry, the Commissariat, NKTP, NKM, NKVD, moblerone, muzrabort, mobipay.

Мобилизация (франц. mobilization, от лат. mobilis — подвижный) это комплекс мероприятий, предпринимаемых руководством страны для сосредоточения всех видов ресурсов, войск и средств для достижения целей войны [8]. Важнейшей составляющей мобилизации является перевод промышленности на военные рельсы в кратчайшие сроки, в связи с чем особое значение приобретает выработка мобилизационного плана.

Мобилизационное планирование гражданской промышленности СССР в период с 1918 по 1941 гг. до сих пор является сравнительной

* **Сергей Петрович Ким** — кандидат исторических наук, научный сотрудник Центра военной истории России Института российской истории Российской академии наук (Москва, Россия). e-mail: sergeypkim@gmail.com

Sergey P. Kim — Candidate of Historical Sciences, Researcher in the Military History Department, Institute of the Russian History of Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

новой для исследования темой в отечественной науке, хотя частично она рассматривалась Л. Самуэльсоном [10], А.К. Соколовым [12], Н.С. Симоновым [11], И.В. Быстровой [1] и др., более детально — М.Ю. Мухиным [9], О.Н. Кеном [6] и А.А. Мелией [7]. Преимущественно эта тема освещалась при исследовании становления и развития военно-промышленного комплекса и строительства РККА. Подготовка гражданского сектора к войне изучена в недостаточной степени. Представляется, что, будучи достаточно обширной темой, она охватывает целый ряд слабоизученных вопросов.

К ним можно отнести следующие: создание, комплектование и деятельность мобилизационных органов; формирование стратегических резервов и запасов; выработка мобпланов и их реализация на общегосударственном и локальном уровне. Последний оставался одним из самых болезненных: громоздкие планы, составлявшиеся для каждого наркомата, требовали месяцев для выработки и согласования, из-за чего к моменту завершения работы над ними утрачивали актуальность в силу как внешнеполитических обстоятельств, так и из-за изменения структуры гражданской экономики. В период с 1918 по 1941 г. неоднократно пересматривались основополагающие принципы развития мобпланирования, менялись органы, руководившие всей работой в этом направлении в гражданском секторе экономики. Не лучше складывалось положение в республиканских, краевых, областных моборганах. В связи с чем в 1938—1939 г. в адрес наркома обороны СССР К.Е. Ворошилова и председателя СНК СССР В.М. Молотова поступило несколько писем от руководителей и сотрудников моборганов, общим рефреном которых становится критика организации работы на всех уровнях, в особенности на всесоюзном. Они сразу же пересылались в Комитет обороны при СНК, созданный в апреле 1937 г. для осуществления руководства всеми мероприятиями, связанными с обороной страны.

Хотя в 1937—1938 гг. происходила реорганизация системы моборганов с целью повышения эффективности в подготовке гражданской промышленности на случай войны, материалы этих писем представляют «срез» того, как на деле осуществлялась работа на местах — причем не только в этот, но и более ранний период. Определение общих элементов критики, оценка того, насколько репрезентативно, согласно другим архивным материалам, эти письма отражали положение дел, и является задачей данной статьи.

Одним из первых, в начале 1938 г., соображения прислал К.Е. Ворошилову руководитель спецотдела наркомата пищевой промышленности РСФСР А. Бунин, с 1930 по 1936 г. работавший заместителем начальника моботдела НКПП СССР. Он отметил, что вся мобработка «в настоящее время идет самотёком и постановка её не отвечает тре-

бованиям текущего момента» [2, л. 49]. В 1928—1933 гг. ей «уделялось как-то больше внимания»: ведомства отчитывались перед правительством, в наркомате обороны собирались совещания, создавались специальные курсы для работников, выпускались специальные пособия («мобсборники») и специальные издания по вопросам войсковой мобилизации), гражданские структуры чаще привлекались к «опытным» (тестовым) мобилизациям, при которых некоторым предприятиям ставилась задача наладить выпуск продукции военного назначения в определённых количествах. При этом все мероприятия разрабатывались не Госпланом, а каждым ведомством в отдельности на основе различных требований РККА или гражданских наркоматов, Госплан же их «в лучшем случае только штамповал» [2, л. 49].

Всё это привело к тому, что моборганы на местах оказались вынуждены сами составлять планы: регламентирующие документы отсутствовали, а руководители организаций, внутри которых создавались моботделы, оборонной работе уделяли недостаточно внимания, отодвигая её на «второй план». Отсутствие единой системы — каждое ведомство выстраивало структуру моборганов и их штаты по своему усмотрению — только усугубляло ситуацию. Наконец, в довершение ко всему непростое обстояло дело с кадрами: партийно-советские организации почти всегда набирали в свои ряды мобработников, при этом сами они старались уходить на оперативную работу (вероятно, в органы НКВД), на которой, кроме жалования, они могли получить больше материальных выгод — премий, наград и т.д. [2, л. 50]. Для преодоления недостатков Бунин предложил создать центр по руководству всей мобилизационно-оборонной работой в гражданских наркоматах, разработать общее положение о ней, регламентировавшее основные задачи, права, обязанности, штаты и структуру ответственных органов, единые сроки корректировки мобпланов.

Реакции на письмо, насколько позволяют судить материалы Комитета обороны, не последовало, хотя высказанную им критику можно отнести не только к плохой работе НКПП. Действительно, в конце 1937 г. Комитет, проведя анализ работы Госплана и ведомственных ему учреждений, заключил, что необходима реорганизация системы управления органов, ответственных за мобилизацию гражданского сектора. В конце 1937 г. расформирован отдел обороны Госплана, 21 февраля 1938 г. упразднены сектора обороны при госпланах союзных республик. Их функции передавались моборганам при территориальных «главках» — управлениях, курировавших работу предприятий. Ликвидация одних органов и учреждение других, а также необходимость в короткие сроки обеспечить моботделы сотрудниками оказались в числе главных причин того хаоса, о котором говорилось в послании.

Хаотичное состояние в области мобработки на уровне заводов и предприятий отмечал в письме В.М. Молотову от 10 декабря 1938 г. заместитель начальника завода дорожного машиностроения «Дормашина» (г. Рыбинск) Судаков. Он также отмечал, что за последние два года ситуация «пошла на самотёк». Связывал он это, однако, не с плохой работой мотобделов госпланов, а с тем, что был ликвидирован наркомат тяжёлой промышленности (НКТП) — в 1937 г. из него выделили наркоматы оборонной промышленности и машиностроения. В связи с этим оказались расформированы мобилизационно-плановые сектора НКТП. Если раньше (в 1932—1936 гг.) наркомат присылал точные указания в соответствии с мобпланами, вследствие чего дирекция завода точно знала, как осуществлять производство в военное время (откуда поступает рабочая сила, недостающее и излишнее оборудование, какие недостающие цеха необходимо возвести, кто поставляет материалы и металл, инструменты, топливо), то теперь никаких директив завод от наркоммаша не получал [4, л. 3 об, 4.]. Новые мобпланы, которые должны стать основой для дальнейших распоряжений, разрабатывались целый год, «а воз и ныне там».

«Так работать не годится, так работать нельзя», — отмечал автор письма. «В первые дни объявления войны в промышленности может произойти полнейший хаос». Вся работа спецотделов сосредоточилась на выполнении текущих заказов для обеспечения РККА техникой и оборудованием, а мобилизационная работа «стояла в стороне, без всякого внимания». Выход виделся Судакову в разделении спецотделов на две группы: одна занималась бы исключительно мобилизацией, а другая только бы наблюдала и оформляла текущие военные заказы, причём «так должно быть и в Наркоматах».

Предложения Судакова оказались проигнорированы, поскольку являлись следствием неверного понимания целей и задач моборганов. В союзных наркоматах они занимались исключительно мобработой. Причина, по которой «Дормашина» не получала руководящих документов, крылась в том, что в декабре 1938 г. наркоматы промышленности, получив заявки от оборонных ведомств на технику и оборудование, ещё не завершили расчёт и распределение задания для изготовления продукции, необходимой для их производства и не представили указаний относительно кооперации между своими предприятиями. Причиной отсутствия указаний могло также являться и то, что вследствие раздела НКТП возникла путаница, связанная с переподчинением некоторых предприятий новым наркоматам. Возникла и неразбериха с иерархией моборганов, усугублённая нехваткой квалифицированных кадров, способных быстро вникнуть в курс дел.

Другая крупная проблема — создание запасов сырья и материалов для обеспечения предприятий на первые месяцы войны — поднималась в письме члена ВКП(б), работника мобилизационного отдела Сталинградского машинно-тракторного завода (СТЗ) Н.Д. Бочкарёва, посланном на имя Л.М. Кагановича 18 апреля 1939 г. Он описал недочёты в организации накопления материальных ресурсов (мобилизационных запасов) на случай войны. Прежде всего критике подверглась деятельность территориального управления госрезервов в Ростове-на-Дону — регионального подразделения Управления государственных резервов (УГР) при СНК СССР. Основной задачей ведомства являлось накопление, хранение и обновление стратегических запасов по продовольствию, сырью, продукции. В 1937 г. по всей стране было создано 19 региональных подразделений УГР.

Ростовское подразделение, со слов Бочкарёва, не справлялось с задачами «в силу оторванности его от завода и незнания условий работы по мобзапасам на месте», что порождало неразбериху, излишнюю переписку, «непроизводительную трату времени» [5, л. 99]. Правда, доказательств автор письма не привёл, ограничившись фразой «всё вышеизложенное я смогу подтвердить, если потребуется, целым рядом фактов и документов». В то же время он поспешил экстраполировать суждения, хотя оговорился, что ему «очень трудно делать выводы о работе других заводов в Теруправлениях Госрезервов».

Отсутствие чётких и ясных инструкций и указаний являлась вторым серьёзным недостатком, который выделил Бочкарёв. Тем самым подтверждались упущения в работе, выделенные ещё Буниным и Судаковым. Мобзадания — конкретных производственных задач от наркомата с разбивкой по месяцам сроком на один год ведения возможной войны — завод не получил ни в 1937 г., ни в 1938 г., ни в 1939 г., следовательно, не удалось сформировать заявки на необходимые материалы. Более того, наркоматы не определили список предприятий-поставщиков, которые после истощения запасов должны были поставлять сырьё, и соответственно, чертежи и технические условия с ними согласованы не были.

Инструкции по формированию мобзапасов, по мнению автора письма, устарели или не содержали принципиальных и важных положений, с которыми приходилось сталкиваться в практической работе. Например, в инструкции по «освежению» (обновлению) запасов не указывалось, как и когда именно производить замену бракованных деталей, устаревших материалов, необходимо ли вносить в резерв 2% поступившего металлического сырья, не использованного при производстве танков, которые должен был выпускать СТЗ в случае войны. В августе 1938 г. на складе завода выявили 7 т устаревшей

стали, которая в последующие месяцы так и не была заменена. При этом ни дирекцию, ни начальника спецотдела «это... совсем не беспокоит» [5, л. 101].

Следующим недостатком Бочкарев указал отношение со стороны директора завода, который не проводил совещания, не проверял работу постоянной технической комиссии по освоению и накоплению запасов, реализации материальных фондов и денежных лимитов, заложенных для их пополнения. Зачастую даже то сырьё, которое выделялось УГР и должно было храниться на складах, СТЗ в полной мере не получал и наполняемость фондов составляла от 14,4% до 81,3%. Такое положение повторялось из года в год и «соответствующая дисциплина в этом вопросе отсутствовала» [5, л. 104].

В качестве решения описанных проблем Бочкарёв предложил передать функции региональных подразделений УГР самим моборганам заводов с тем, чтобы они сами реализовывали матфонды и денежные лимиты; контролировали правильность и своевременность их пополнения, обновления, хранения. Наконец, они сами должны были разрабатывать инструкции и положения, которые определяли бы права и обязанности комиссий по использованию и накоплению материалов, порядок и сроки хранения, разбронирования и возврата (запасы считались неприкосновенными, их использование на текущие нужды запрещалось), а также порядок взаимодействия между предприятиями-поставщиками и заводами-получателями. Бочкарёв заключал: «Так или иначе вопрос мобилизационных запасов, мне кажется, требует коренной организационной перестройки и решительного улучшения этого важнейшего мероприятия в деле мобилизационной готовности и укреплении оборонной мощи нашей социалистической родины» [5, л. 109].

Письмо не затерялось в ворохе делопроизводственной переписки. Начальник 4-го сектора военно-промышленной комиссии Комитета обороны Н.А. Извеков, отвечавший за проработку вопросов обеспечения РККА техникой и вооружением в условиях войны, рассмотрев его, заключил, что роль УГР как контрольного органа охарактеризована верно, хотя выводы и предложения неверны [5, л. 94]. К тому моменту, как письмо поступило в Комитет, уже велась разработка проекта положения о мобилизационных запасах, призванного устранить организационные проблемы, о которых упоминал Бочкарёв. С другой стороны, обращение явилось очередным доказательством того, что УГР не выполняло своих функций и являлось, по сути, единственным виновником плачевного положения и дало дополнительные аргументы в пользу того, что из управления следовало изъять все функции по выделению матфондов для мобзапасов. Дискуссия о функциях и полномочиях УГР продолжалась весь

1938 г. и завершилась к середине 1939 г. с принятием нового «Положения о мобилизационных запасах на предприятиях промышленности, транспорта связи и др.». «Учитывая, что поднятые в письме т. Бочкарёва вопросы уже получили практическое отражение, считаю необходимым приобщить к делу для сведения», — резюмировал Извеков [5, л. 95].

Безусловно, неверно судить о состоянии всей мобработки только по одному СТЗ, пусть и являвшемуся одним из самых крупных и передовых в 1930-е гг. Тем не менее недочёты, о которых писали Бочкарёв, Судаков и Бунин, отражали проблемы в подготовке гражданской промышленности к войне. Описанная Бочкарёвым проблема снабжения сырьём и материалами была характерна не только для его завода, но и для немалой части гражданских предприятий, которые во время войны должны были производить военную технику. Кооперация предприятий в случае войны являлась одним из самых непроработанных вопросов в формировании мобпланов.

Отклик членов правительства вызвало письмо начальника производственно-планового отдела треста «Главречпром» П.И. Иванова от 23 сентября 1938 г., имевшее заголовок «Состояние мобилизационной работы в промышленности». Оно не имело адресата, поступило в Свердловский райком ВКП(б), а затем в Комитет обороны, его содержание вскоре было доведено до Молотова. Иванов работал в спецотделах машиностроительных «главков» и имел возможность ознакомиться с действовавшим мобилизационным планом «МП-3». Он критически отозвался о его содержании, согласно которому производство вагонов и паровозов во время войны сокращалось, не предусматривался ремонт речных судов, дизель-генераторов для электростанций, а некоторые уникальные заводы планировалось использовать вопреки их специализации. Предусмотренное расширение предприятий не обеспечивалось оборудованием, поскольку ответственный за производство станков получал задачу по производству бронеавтомобилей и ремонт артиллерии. Мобилизационные задания, полученные заводами, не учитывали их профиль, и их размещение, т.е. постановка задач на военный период, осуществлялось по принципу «лишь бы разместить, куда-нибудь». Всё это убеждало, что план в корне неверен, а ставка только на наращивание производства вооружения и техники ошибочна. Даже опыт прошедших войн показал, что узкоспециализированные заводы не должны прекращать работу и переключаться на несвойственные им задачи, и «то, что сейчас сознательно дезорганизуется, жизнь заставит налаживать вновь в условиях войн ценою больших потерь» [4, л. 12].

Обратил внимание автор письма и на проблему обеспечения предприятий рабочей силой. Учитывая, что во время войны в ос-

новном будет использоваться малоквалифицированный труд, необходимо наладить систему обучения, которая позволит в кратчайшие сроки подготовить рабочих, способных производить военную продукцию, требующую иных знаний, нежели гражданская. При этом Иванов подчеркнул, что привлечение большого количества людей, не знакомых с производством, вызовет массовый брак. А некоторые заводы при этом не смогут организовать подготовку рабочих по специальностям, необходимым для выполнения мобзадания — квалифицированные кадры, способные обучить необходимым умениям, не могут обеспечить их работой по специальности, поскольку в мирное время выпускается гражданская продукция.

Наконец, Иванов отметил те же недостатки, что и предшественники: отсутствие органа, координирующего мобработку наркоматов, единых инструкций и положений. «Отношение к мобилизационной, чрезвычайно серьёзной и благодарной работе, было всегда пренебрежительное... такое отношение и бесконтрольность позволили врагам народа свить в моборганах свои гнёзда и долгое время безнаказанно направлять её по желаемому курсу» [4, л. 15].

Письмо вызвало живой интерес секретаря Комитета обороны комкора Г.Д. Базилевича: он предложил вызвать Иванова в Москву для беседы, предварительно проверив его «по линии НКВД». А если окажется, что он «не болтун, не разгильдяй и не вредитель», перевести на работу в Комитет обороны [4, л. 37]. Молотов дал Н.И. Ежову указание проверить Иванова на «политическую благонадежность», поскольку его знания касательно мобилизационной работы не только наркомата путей сообщения (НКПС), но и других ведомств, вызвали подозрения. Выяснилось, что автор письма был принят на работу бывшим начальником «Главречпрома» В.Т. Садченко — «врагом народа», не предпринимал мер по борьбе с «вредителями», да ещё и вёл подробные записи со сведениями из секретного дело-производства треста, за что получил строгий выговор. Несмотря на столь нелестную для тогдашнего времени характеристику, Иванова всё же вызвали в Москву, однако ничего нового, помимо сказанного в письме, судя по всему, он сообщить не смог. Поднятые им проблемы в целом уже были известны Военно-промышленной комиссии, которая к тому времени, как письмо было получено в Москве, завершала работу над мобпланом «МП-10» (1938). План остался незавершённым, его наработки легли в основу нового сводного плана «МП-1», рассчитанного на 1939 г. Тем не менее замечания Иванова учли в работе Военно-промышленной комиссии и секретариата Комитета обороны.

Мобилизационная подготовка касалась не только работы предприятий в условиях военного времени, вопросов кадров, ресурсов

и материалов. Одной из тем, который, как показывают материалы Комитета обороны, практически не обсуждался на уровне наркоматов и СНК, стало снабжение продовольствием гражданского населения во время войны. Однако он поднимался 16 февраля 1938 г. на закрытом совещании в Харьковском горсовете при обсуждении вопроса, насколько реальные мобпланы. Его содержание известно из письма заведующего городским торговделом Б.С. Фильчихиса, посланного 21 февраля 1938 г. в Комитет обороны на имя К.Е. Ворошилова. Автор поднял вопрос, почему в плане на случай войны не предусмотрена системная продажа продовольствия и хлеба населению. В качестве обоснования важности поднятой им темы он привёл опыт Франко-прусской (1870—1871 гг.) и Первой мировой войн: планомерное и налаженное снабжение армии и населения сыграло огромную роль в победе. Анализ этих войн показывает, что необходимо заранее выработать систему распределения продуктов питания во избежание спекуляции и искусственного дефицита [3, л. 53].

Предложение встретили достаточно прохладно. Военный комиссар Харькова Шульгин высказался так: «Мы, мол, обладаем такими запасами, что, если даже будем воевать десятки лет, то у нас не будет недостатка в продовольствии, пускай, мол, планируют и вводят систему распределения, продовольствия и хлеба у себя фашистские агрессоры, а для нас это лишнее, и что на случай войны никаких изменений в существующей ныне продаже продовольствия и хлеба не нужно, и что т. Фильчихис недопонимает положения» [3, л. 53]. Реплику Шульгина автор назвал «пустым бахвальством зазнавшегося чиновника» (одно из выражений Сталина), отметив при этом, что такая позиция «вольно или невольно играет на руку врагам». Письмо переходило из инстанции в инстанцию почти месяц, пока не попало в Генеральный штаб РККА, откуда 16 марта ушло к секретарю Комитета обороны Г.Д. Базилевичу. Оно, насколько позволяют судить архивные материалы, не инициировало дискуссии среди членов правительства. Вопрос со снабжением населения тыла предстояло решать уже в Великую Отечественную войну.

Таким образом, письма, поступившие в Комитет обороны от действовавших или бывших мобработников, достаточно репрезентативно и выпукло, на конкретных примерах, отражали ключевые проблемы в области мобилизации невоенного сектора промышленности. Несмотря на то, что их содержание не стало большим открытием для правительства, для Комитета обороны они явились дополнительным источником сведений о положении на региональном уровне, как дополнение к деятельности проверяющих комиссий.

Список литературы

1. *Быстрова И.В.* Советский военно-промышленный комплекс: проблемы становления и развития (1930—1980-е годы). М., 2006. 704 с.
2. Государственный архив Российской Федерации (далее — ГА РФ). Ф. Р-8418. Оп. 22. Д. 52.
3. ГА РФ. Ф. Р-8418. Оп. 22. Д. 152.
4. ГА РФ. Ф. Р-8418. Оп. 22. Д. 444.
5. ГА РФ. Ф. Р-8418. Оп. 27. Д. 216.
6. *Кен О.Н.* Мобилизационное планирование в контексте внутренней политики и международного положения СССР (1927—1935 гг.). Дис. ... д-ра ист. наук. М., 2004. 588 с.
7. *Мелия А.А.* Мобилизационная подготовка народного хозяйства СССР. М., 2004. 350 с.
8. Мобилизация // Большая российская энциклопедия [сайт]. URL: https://bigenc.ru/military_science/text/2221189 (дата обращения: 10.10.2020).
9. *Мухин М.Ю.* О создании системы органов мобилизационной подготовки промышленности в Советской России и СССР в 1921—1927 г. // Оборона России. 2017. № 6. С. 64—71.
10. *Самуэльсон Л.* Красный колосс: становление военно-промышленного комплекса СССР. 1921—1941. М., 2001. 296 с.
11. *Симонов Н.С.* Военно-промышленный комплекс СССР в 1920—1950-е гг.: темпы экономического роста, структура, организация производства и управление. М., 1996. 336 с.
12. *Соколов А.К.* От военпрома к ВПК: советская военная промышленность. 1917 — июнь 1941 гг. М., 2012. 527 с.

Организационная структура и функции «украинской вспомогательной полиции» в г. Сталино (Донецке) в период нацистской оккупации

Аннотация. В статье разбирается проблема украинского военного коллаборационизма в Донбассе, в частности рассматриваются вопросы организации и функционирования местных вспомогательных охранных подразделений в Сталино (Донецке) в 1941—1943 гг. На основе данных донецких региональных архивов и других источников исследуются мероприятия германской военной администрации «Сталинского генерального округа» по вербовке и применению формирований городской полиции, подчиненных полевой комендатуре. Также автор изучает причастность украинского националистического движения и его местных приверженцев к коллаборационистской деятельности вспомогательной полиции.

Ключевые слова: Донбасс, Сталино, нацизм, оккупация, полиция, украинский национализм, коллаборационизм.

ORGANIZATION STRUCTURE AND FUNCTIONS OF THE “UKRAINIAN AUXILIARY POLICE” IN THE CITY OF STALINO (DONETSK) DURING THE NAZIS’ OCCUPATION

Abstract. The article deals with the problem of Ukrainian military collaboration in Donbass area particularly there are viewed questions of organization and functioning of the local auxiliary guarding detachments in the city of Stalino (Donetsk) in 1941—1943. On the base of data of the Donetsk regional archives and the other sources there are studied measures of the German war administration of the “Stalino General District” on recruiting and employing the municipal police formations subordinated to the field commandant’s office. Also an author examines participation of the Ukrainian nationalistic movement and its local supporters to collaboration activities of the auxiliary police. As follows from the obvious historical facts the police detachments on German active service had been used by occupants for carrying out numerous tasks such as guarding, vehicle inspection, fining, punitive actions etc. At the same time German rules provided hard control over the police employees and periodically might repress them for some criminal acts. During the occupation in Stalino city the Ukrainian police battalions were employed repeatedly in mass murders of the civilians and Soviet prisoners-of-war therefore victims of terror numbered tens thousands human beings.

Keywords: Donbass, Stalino, Nazism, occupation, police, Ukrainian nationalism, collaboration.

* **Алексей Сергеевич Мартынов** — независимый исследователь (Донецк, Донецкая народная республика), e-mail: project2070@mail.ru
Aleksey S. Martynov — Independent Researcher (Donetsk, Donetsk People’s Republic).

В настоящем исследовании предпринята попытка реконструировать малоизвестный эпизод региональной истории Великой Отечественной войны в Донском бассейне, связанный с административными и репрессивными практиками нацистских оккупантов, а также с феноменом украинского военного коллаборационизма. А именно — основные формы коллаборационизма в форме «украинской вспомогательной полиции» («шутцполиции») г. Сталино в период оккупации 1941—1943 гг. Исследование проведено на материалах Государственного архива Донецкой народной республики (ГА ДНР) и данных украинской националистической историографии, относящихся к проблеме военного коллаборационизма на Востоке СССР. Используются работы Л. Шанковского [26], А. Болянского [4], В. Сергийчука [19], И. Дерейко [8], А. Добровольского [5], В.Н. Никольского [14], Д.Н. Титаренко [23; 24], В.М. Краснопёрова [12; 22] и И.С. Тарнавского [22]. Их существенными недостатками являются националистическая ангажированность авторов, а также фактическое замалчивание соучастия вспомогательной полиции Донбасса в репрессиях нацистских оккупантов. Важным источником о преступлениях гитлеровцев и их пособников в Донбассе служит сборник архивных документов «Насилие над гражданским населением Украины» (2018), подготовленный в Институте истории Украины в Киеве [13].

Формирование вспомогательного охранного персонала на службе германской военной администрации в Сталинской обл. началось уже в первые недели оккупации в октябре 1941 г., однако окончательное структурирование состоялось в ноябре—декабре. В это же время в Донбасс транзитом через Днепропетровскую и Запорожскую обл. стали прибывать эмиссары «походных групп» ОУН, прикрепленные в качестве переводчиков и обслуживающего персонала к германским частям. Тогда и начали создаваться «украинская милиция» в Мариуполе и «украинская полиция» в Сталино. При этом возникла конкуренция между украинскими и русскими коллаборационистами за преобладание во вспомогательных учреждениях. В течение всего периода оккупации многие формально «украинские» части были наполовину или почти полностью укомплектованы русскими полициями и отношения к ОУН не имели. Например, в полиции Ларинской районной управы Юзовки в 1943 г. из 49 полицейских было 23 украинца и 26 русских [22, с. 67—68]. По приказу Гимmlера в ноябре 1941 г. на оккупированных территориях создавались вспомогательная полиция, охранные батальоны, фабричная и пожарная охрана; в 1942 г. комплектование коллаборационистских военизированных подразделений продолжилось [4, с. 125—126].

Подробные сведения об организации германских спецслужб и связанных с ними охранных и карательных подразделений содержатся в докладной записке руководителя 4-го отдела УНКГБ Сталинской обл. Антишина за январь 1944 г. [13, с. 377—398]. В «Германальном округе Сталино» гитлеровцы создали разветвлённую структуру разведывательных и контрразведывательных органов, курировавших местные полицейские и охранные части из русских и украинских коллаборационистов: тайная полевая полиция (ГФП), служба безопасности (СД), полевая жандармерия, главная полевая комендатура и военная комендатура. Все эти органы координировали работу вспомогательных частей, называвшихся «украинскими». Основной из них являлась «украинская вспомогательная полиция», созданная осенью 1941 г. и в октябре 1942 г. реорганизованная в «шутцполицию» («полицию порядка»). В ней служило около 1 300 чел., она выполняла самые разнообразные задачи — от массовых арестов и политических репрессий по приказу СД до осуществления паспортного контроля, борьбы с уголовными преступлениями, охраны концлагерей и т.д. [13, с. 384—388].

Как следует из документов УНКВД, небольшая часть изменников ещё в начале оккупации вступили в «добровольческую дружину» и местную полицию, организовали городскую управу и пособничали нацистам [6, л. 139]. В книге эмигранта Л. Шанковского о деятельности подполья ОУН на Востоке утверждается, что оно имело «большое влияние» на местную вспомогательную администрацию и полицию, несмотря на то, что в них входили в основном русские [26, с. 174]. В 1941 г. «Южная походная группа ОУН», направленная в восточные области УССР, организовала «службу безпеки» (СБ) для борьбы с «большевистской агентурой» и приступила к формированию «народной милиции». Однако немцы реорганизовали эту милицию в «шутцманшафт», оставив от бывшей «народной милиции» сине-жёлтые повязки и набрав в состав преступный элемент [26, с. 32, 45]. В ноябре—декабре 1941 г. начальником вспомогательной полиции Сталино служил украинский националист Москаленко, в январе 1942 г. его сменил Шильников, тесно связанный с заместителем начальника СД Графом. Заместителем Шильникова был украинский националист Пышнюк, старшим инспектором уголовного отдела — националист Златоустов, после преобразования вспомогательной полиции в «шутцполицию» её украинским комендантом стал Бабенко [13, с. 388—389]. Таким образом, украинские националисты изначально входили в руководящий состав вспомогательной полиции Сталино.

Функции коллаборационистов, работавших в «шутцполиции», а также германских структурах СД, тайной полевой полиции и жандармерии, были широкими и разнообразными — от охранников и

карателей до переводчиков, автоинспекторов и пожарников. Условный «силовой блок» разделялся на дополнительные «профильные» блоки (криминальная полиция, дорожная охрана и т.д.). Уже с конца 1941 г. городская полиция начала контролировать нарушения установленного германскими властями комендантского часа [9]. В ноябре было организовано «управление пожарной охраны», которое также можно отнести к числу силовых структур городской управы [15]. При полиции работала автоинспекция, которая осуществляла надзор за гаражами, выдачей удостоверений водителям, и регистрацией автомашин, которых на июль 1942 г. насчитывалось около 400 единиц [1]. В декабре 1942 г. управа ужесточила надзор за транспортными средствами и их регистрацией, в связи с чем полиции было поручено проверять все автомашины и мотоциклы, а также штрафовать водителей на 500 руб. [18]. Также действовала «украинская дорожная служба», которая занималась расчисткой и ремонтом дорог протяженностью до 350 км; в 1942 г. эта служба была реорганизована в «областное дорожное управление» [25]. Вспомогательная полиция взыскивала с гражданского населения многочисленные денежные штрафы (в среднем по несколько сотен руб.) за нарушения оккупационных порядков, отказ от трудовой повинности, отсутствие регистрации, торговую спекуляцию, несоблюдение санитарных норм и т.д. [12, с. 198—201]. В ряде случаев она расследовала уголовные преступления — кражи и убийства. Так, в апреле 1942 г. «Донецкий вестник» сообщил, что «благодаря энергичной работе украинской вспомогательной полиции г. Сталино» были арестованы четверо грабителей, убивших местную жительницу З.Ф. Чеботарёву, за что все были приговорены к смертной казни [10]. Такие инциденты позволяли германским властям демонстрировать населению видимость соблюдения в городе правопорядка.

Отдельным подвидом «шутцполиции» являлась полиция, охранявшая лагерь военнопленных и следившая за их содержанием. В архивах сохранилась достаточно большая коллекция документов Юзовского лагеря [7]. Начальники лагерной полиции разрешали некоторым категориям военнопленных проживать в городе и перемещаться по нему под подписку о невыезде [7, л. 2—25]. Личный состав набирался из «добровольцев», в т.ч. военнопленных, подчинялся германской военной комендатуре и СД. Во время оккупации в Сталино находилось четыре концлагеря, в каждом из которых размещалось несколько тыс. чел., включая «политических» [13, с. 391]. В лагере военнопленных царили голод и издевательства, каждый день умирало до 70 чел., многих расстреливали и даже закапывали живьём; зимой люди погибали тысячами [13, с. 346—347]. В августе 1942 г. была организована школа «шутцманов» для обучения вспо-

могательных охранных команд, в них набирались украинцы-добровольцы из военнопленных [8, с. 40]. Контакты заключённых с местными жителями строго пресекались, о чём свидетельствует инцидент в апреле 1943 г., когда пять жительниц города приговорили к трём годам принудительных работ и лишения свободы за то, что они укрыли бежавших военнопленных, которых арестовала полиция [17]. Очевидно, что пленные, отпускавшиеся из концлагеря под подписку, рассматривались как потенциальные коллаборационисты, готовые служить оккупантам ради выживания.

Штатная полиция дополнительно усиливалась охранными батальонами «шутцманшафт», набиравшимися из числа украинских и «восточных» коллаборационистов. Так, в мае 1942 г. из Киевской обл. в распоряжение начальника СС и полиции переведены два таких батальона (137-й и 158-й), разместившиеся в Сталино и Макеевке [8, с. 34]. В октябре 1942 г. полицию Сталино разделили на «вспомогательную уголовную службу» при СД и «шутцполицию» («службу порядка»), состоявшую из 11 участков. При формальных украинских комендантах ею руководили немцы, полицаи были заново приведены к присяге оккупантам [13, с. 391—393]. По состоянию на 1 ноября 1942 г. в Сталино находились охранные батальоны № 157—165, из числа их участников в охранной полиции служило 432 немца и 3 000 украинцев, в жандармерии — 563 немца и 7 200 украинцев [4, с. 135]. Видимо, эти данные относятся как к «шутцполиции» Сталино, так и к полевой жандармерии «Генерального округа». В декабре 1942 г., согласно документам подполья ОУН, в «шутцполицию» планировалось набрать ещё 1 000 чел. [14, с.152].

Зимой 1943 г., во время отступления германских войск на Юге России после поражения под Сталинградом, началось массовое разложение местных коллаборационистских формирований на Дону и в Донбассе. В феврале 1943 г. военные комендатуры и местная полиция отступили из Сталино и возвратились в город только в марте [24, с. 28—30]. Согласно отчётам ОУН за май 1943 г., бандеровцы продолжали вести в Сталино массовую националистическую агитацию путём распространения листовок и «самостийной» литературы [19, с. 230—233]. В это же время в окрестностях Сталино прошли массовые аресты людей по подозрению в укрытии оружия и партизанской деятельности, местная полиция вместе с патрулями донских казаков и узбеков проверяла прохожих без документов [19, с. 232]. Вспомогательная полиция разложилась и прекратила существование в первых числах сентября 1943 г. в ходе окончательного отступления германских войск из Донбасса.

Социальный состав полиции был неоднороден — от маргинальных и уголовных элементов до политических активистов. В пери-

од оккупации восточных областей УССР многие шли на службу во вспомогательную полицию ради материальной выгоды, карьеры, освобождения от трудовой повинности, а также из националистической мотивации и антисоветских настроений [2, с. 23—25]. В 1942 г. полицейских, шофёров и автослесарей набирали через биржу труда, размещающая объявления в газете «Донецкий вестник». Сообщалось, что желающие в возрасте от 18 до 45 лет будут обеспечены воинским пайком, продуктовыми карточками и зарплатой 2,5 руб. в час [3]. Некоторые полицейские даже поощрялись ознакомительными поездками в Германию. Так, начальник северного отдела городской «шутц-полиции» Сталино И. Головач в 1943 г. в качестве экскурсанта поехал в Вену и даже написал в газете о впечатлениях: «Вот такая жизнь предстоит и нам. Её мы можем построить только под руководством германской национал-социалистической партии. За такую жизнь можно и умереть» [11]. Это заявление в некоторой мере отражает социальную психологию полицейских: поступив на службу оккупантам и соучаствуя в их преступлениях, они пытались обеспечить выживание, достаток и карьеру, вершиной которой было путешествие в «Новую Европу» (куда их земляков принудительно депортировали в качестве «остарбайтеров»).

В то же время военная администрация «Генерального округа Сталино» жёстко контролировала коллаборационистов (прежде всего актива ОУН), пресекала их самостоятельность и политическую активность, а также обеспечивала строгое подчинение полиции германским спецслужбам (несмотря на формальную подотчётность полиции городской управе). В ряде случаев гитлеровцы даже наказывали полицейских за злоупотребления. Например, в январе 1943 г. полицейские вспомогательной полиции при станции Сталино Дмитриев, Трояновский и Демьяненко были осуждены на 5 лет лишения свободы и принудительную работу за ограбление женщины из поезда и отъём велосипеда у старика [16]. В марте 1943 г. штандарткомандатура Сталино сообщила о казни служащего вспомогательной полиции Н. Ярошенко за угрозы оружием, нанесение телесных повреждений и пьянство [20]. В апреле «Донецкий вестник» напечатал заметку о казни полицейских А. Бегостаева, А. Агапова и Г. Кортикова за грабёж двух квартир [17].

Сами полицейские активно участвовали в карательных акциях против подпольщиков, партизан и других враждебных оккупантам элементов. В 1942 г. в «Донецком вестнике» даже заявлялось, что «благодаря бдительности германских органов безопасности и украинской милиции» партизаны подавляются, а отличившиеся в борьбе с ними крестьяне будут наделяться земельной собственностью [21]. В марте—апреле 1942 г. городской управой по приказу германских властей

были организованы массовые репрессии евреев: начальники полиции и бургомистры районов согнали их в гетто и ограбили квартиры, около 3 тыс. чел. уничтожили путём расстрелов или отравления в газовых автомашинах [2, с. 19; 23, с. 121—124]. Арестами занимался в том числе начальник 1-го участка полиции Сталино Бабенко [23, с. 122—124]. При участии служивших в германских карательных органах за период оккупации в Сталино было истреблено до 100 тыс. чел., из них около 25 тыс. было сброшено в шахту 4—4 бис в 2 км от города на глубину 360 м; в лагере военнопленных было обнаружено 25 тыс. трупов бойцов и командиров Красной армии; также истреблено всё еврейское население в количестве до 15 тыс. чел. [13, с. 375].

Украинские полицейские формирования стали значимым силовым инструментом германской военной администрации и содействовали оккупантам в удержании контроля над регионом. В Юзовке—Сталино сформировался своеобразный центр коллаборационизма, в котором сосредотачивались управляющие органы германских спецслужб и основной резерв охранно-полицейских подразделений, созданных при участии украинских националистов и других антисоветских элементов. Гитлеровцы организовали вполне дееспособный силовой аппарат, готовый исполнять самые разнообразные задачи, вплоть до репрессивно-карательных акций. Структура «украинской вспомогательной полиции» претерпела определённую эволюцию, превратившись в многопрофильный силовой блок, подкреплённый «щуцманшафт»—батальонами. Этот организационно-кадровый комплекс стал дополнительным фактором гуманитарной катастрофы, постигшей Донбасс вследствие преступной политики нацистского режима.

Список литературы

1. Автотранспортное хозяйство города // Донецкий вестник. 1942. 2 июля.
2. *Айкель М.* Способствуя проведению Холокоста: органы местного управления в оккупированной немцами центральной и восточной Украине (1941—1944) // *Голокост і сучасність* (Київ). 2009. № 1. С. 9—26.
3. Биржа труда г. Сталино // Донецкий вестник. 1942. 27 августа.
4. *Боляновський А.* Українські військові формування в збройних силах Німеччини (1939—1945). Львів: Львівський національний університет ім. Івана Франка, 2003. 686 с.
5. *Добровольський О.* ОУН на Донеччині (збірник документів та матеріалів). Т. I. Коломия: Коломийська друкарня ім. Шухевича, 2014. 352 с.
6. Государственный архив Донецкой народной республики (далее — ГА ДНР). Ф. 5000. Оп. 1. Д. 20. 211 л.
7. ГА ДНР. Ф. Р-1576. Оп. 1. Д. 7.

8. *Дерейко І.* Місцеві формування німецької армії та поліції у Райхскомісаріаті «Україна» (1941—1944 роки). К.: Інститут історії України НАН України, 2012. 174 с.
9. Извещение // Донецкий вестник. 1941. 21 декабря.
10. Извещение германской службы безопасности // Донецкий вестник. 1942. 12 апреля.
11. Красивейший город Европы // Донецкий вестник. 1943. 11 августа.
12. *Краснопьоров В.М.* Політика штрафів окупаційної влади в Донбасі та роль допоміжної поліції в процесі її здійснення (1941—1943) // Історичні і політологічні дослідження. Видання Донецького національного університету. 2013. № 2. С. 195—203.
13. Насильство над цивільним населенням України. Документи спецслужб. 1941—1944 / *В. Васильєв, Н. Кашеварова, О. Лисенко, М. Панова, Р. Подкур.* К.: Інститут історії України НАН України, 2018. 752 с.
14. *Нікольський В.М.* Підпілля ОУН(б) у Донбасі. К.: Інститут історії України НАН України, 2001. 177 с.
15. Организуется пожарная охрана // Донецкий вестник. 1941. 27 ноября.
16. Осуждения // Донецкий вестник. 1943. 31 января.
17. Приговоры // Донецкий вестник. 1943. 21 апреля.
18. Приказ № 32 Юзовской городской управы // Донецкий вестник. 1942. 4 января.
19. *Сергійчук В.* Український здвиг. Наддніпрянина. 1941—1955. К.: «Українська видавнича спілка», 2005. 836 с.
20. Смертний приговор // Донецкий вестник. 1943. 21 марта.
21. Существуют ли партизаны вообще? // Донецкий вестник. 1942. 8 марта.
22. *Тарнавський І.С., Краснопьоров В.М.* Створення та функціонування допоміжної поліції в Донбасі за часів нацистської окупації (1941—1943 рр.) // Нові сторінки історії Донбасу. 36. ст. Кн. 21. Донецьк: Донецький національний університет, 2012. С. 63—80.
23. *Титаренко Д.* Гетто в Юзівці (Сталіно): свідчать документи // Голокост і сучасність (Київ). 2007. № 1. С. 119—125.
24. *Титаренко Д.М.* Донбас навесні 1943 р.: німецькі документи свідчать // Нові сторінки історії Донбасу. 36. ст. Кн. 12. Донецьк: Донецький національний університет, 2006. С. 25—38.
25. Хорошая дорога — могучий фактор победы // Донецкий вестник. 1942. 25 июня.
26. *Шанковський Л.* Похідні групи ОУН. Причинки до історії похідних груп ОУН на центральних і східних землях України в 1941—1943 рр. Мюнхен: «Український самостійник», 1958. 371 с.

Взаимодействие русских эмигрантов и советских граждан во французском движении Сопротивления (1942—1945 гг.)

Аннотация. Статья посвящена примерам взаимодействия русских эмигрантов и советских граждан в составе французского движения Сопротивления в годы Второй мировой войны. Жители СССР начали прибывать во Францию в 1942 г. в статусе заключенных. Разными путями они вступали в контакт с русскими эмигрантами, которые помогали им бежать из плена и вступать в партизанские отряды. Нередко такие контакты перерастали в широкое взаимодействие между соотечественниками, они образовывали партизанские соединения, активно помогавшие союзникам в освобождении Франции от оккупантов.

Ключевые слова: Вторая мировая война, движение Сопротивление во Франции, русские эмигранты во Франции, советские граждане во Франции, Восточные войска вермахта, коллаборационизм.

INTERACTION OF RUSSIAN EMIGRANTS AND SOVIET CITIZENS IN THE FRENCH RESISTANCE MOVEMENT (1942—1945)

Abstract. The article is devoted to examples of interaction between Russian emigrants and Soviet citizens as part of the French Resistance movement during the Second World War. Beginning in 1942, Soviet citizens began to arrive in France as prisoners. In various ways, they came into contact with Russian emigrants living in France after the Civil War in Russia. Among the emigrants were members of the French Resistance who helped Soviet citizens escape from captivity and join partisan detachments. Often, such contacts grew into broad interaction between compatriots. Together, Russian émigrés and Soviet citizens formed whole partisan formations that actively helped the Allies in liberating France from the invaders.

Keywords: The Second World War, resistance in France, Russian emigrants in France, Soviet citizens in France, Eastern troops of the Wehrmacht, collaboration.

Первые советские граждане начали прибывать во Францию с начала лета 1942 г. В большинстве своём это были гражданские лица, угнанные немцами для работы на различных тяжёлых производствах. С конца 1942 г. вместе с ними начали прибывать военнопленные красноармейцы, которые содержались в концентрационных лагерях. Первоначально советских граждан использовали как вспомо-

* **Степан Владимирович Решетников** — аспирант Центра военной истории Института российской истории Российской академии наук (Москва, Россия). e-mail: reshehistorien@gmail.com

Stepan V. Reshetnikov — Post-graduate Student of the Center for Military History of the Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

гательную рабочую силу, но вскоре они стали одним из основных источников для немецкой строительной организации «ТОДТ» при постройке укреплений Атлантического вала на побережье Франции. На протяжении всего этого времени угнанные искали способы побега. Некоторым из них это удавалось, но после приходилось прятаться в лесах или на фермах. Незнание языка не позволяло укрываться долго и чаще всего безавших ловили.

В октябре 1942 г. группа пленных (М. Слободинский, А. Черкасов и А. Крылов) создала первый подпольный комитет — «Группу советских патриотов» в лагере Бомон-ан-Артуа (Па-де-Кале). Позже к ним примкнул В. Порик, получивший впоследствии звание Героя Советского Союза. Комитет создал отлаженную сеть в северных и восточных районах Франции и позже превратился в отдельную структуру в виде Центрального комитета советских военнопленных (ЦК СП), который был сформирован в декабре 1943 г. при помощи Французской компартии.

ЦК СП начал активно сотрудничать с Союзом русских патриотов (СРП) — организацией французского движения Сопротивления, состоявшей из русских эмигрантов, придерживавшихся левых взглядов. Он был создан в октябре 1943 г., когда один из лидеров русских эмигрантов-сопротивленцев Г. Шибанов (Андре, Жорж) стал регулярно контактировать с Б. Матлиным — уполномоченным Национального фронта (подпольной коалиции левых политических партий). 3 октября на парижской квартире Шибанова состоялась инициированная ФКП встреча, на которой среди прочих присутствовали: А. Кочетков, П. Пелехин, Ф. Сафронов и И. Михневич. Было принято название организации — Союз русских патриотов. Он должен был действовать как русская секция МОИ (с фр. «Наемный труд эмиграции», организация, объединявшая рабочих-иностранцев с начала 1920-х гг.) под первоначальным руководством Михневича (Тарасыч) [11, с. 445]. Общее руководство и координацию его действий вёл Матлин. Сами ветераны Союза после войны отмечали, что, несмотря на подчинение французскому руководству, СРП «всюду вёл русскую линию». Деятельность СРП более всего отражала настроения просоветского крыла русской эмиграции. Участники союза рассматривали себя как единицу «Красной армии», сражавшуюся в тылу врага и полностью лояльную политическому строю СССР [1, л. 2].

Шибанову от МОИ было поручено организовывать лагерные комитеты среди советских военнопленных, осуществлять их побег, а также создавать партизанские отряды. Кочеткову предстояло наладить агитационную работу против солдат Восточных батальонов вермахта — советских коллаборационистов, передислоцированных во Францию для обороны. Участники СРП также начали издавать

печатный орган — газету «Русский патриот», а затем — «Советский патриот» для советских граждан (после создания ЦК СП газета стала его печатным органом). Деятельность СРП была организована по трём отделам: эмигрантскому (агитработа с эмигрантами), партизанскому (привлечение новых членов и подготовка акций) и по работе над разложением «добровольческих частей» (для борьбы с Восточными батальонами).

Деятельность СРП началась в октябре 1943 г., когда один из членов правления Союза объехал северный район Франции и завязал первые связи с лагерями военнопленных. В некоторых были созданы комитеты, через которые велась пропаганда и организационная работа. В следующем месяце наладилась работа в районах Нанси и Дижона [1, л. 2—3]. Союз действовал в направлении помощи бежавшим из неволи, но основной его задачей было содействие организации новых побегов, чтобы из формировать партизанские отряды.

СРП активно взаимодействовал с ЦК СП, который организовал более 20 подпольных комитетов. Они руководили борьбой против лагерной администрации и организовывали побег. Советским военнопленным нередко помогали также отдельные эмигранты, например, знаменитый писатель Г. Газданов со своей женой Фаиной — вместе они редактировали подпольную газету, издававшуюся для бежавших военнопленных [7, с. 232—233].

Сотрудничество ЦК СП и СРП взаимовыгодным. ЦК помогал эмигрантам распространять литературу, а Союз давал переводчиков, роль которых всегда выходила за пределы обычных обязанностей. Низовыми органами Союза — «тройками», который формировались из членов Союза, имевших боевой опыт, — велась регулярная рискованная работа, заключающаяся в переправке бывших военнопленных в партизанские отряды. Тройки вели пропаганду, добывали разного рода сведения, необходимые Спротивлению, собирали вещи и продовольствие, представляли убежище сбежавшим из плена и создавали новые группы [1, л. 3]. В СРП строго соблюдалась централизация. Только члены организации со специальным заданием имели доступ к центру напрямую.

С помощью «троек» многим советским военнопленным удалось, пройти сквозь целые департаменты Франции без бумаг и денег; в одном Париже в мае 1944 г. находилось до 150 бежавших пленных. Особую роль в снабжения и продовольствии по поручению СРП играл эмигрант Л. Савинков [4, с. 609]. Большой трудностью оказалась работа по организации убежища для бежавших. Один из руководителей Союза Н. Качва упоминает случай, когда глава одной из групп Н. Сотников должен был лично заниматься устройством двух беглецов, «чтобы не подрывать авторитета организации». Гестапо

активно противодействовало сопротивленцам из СРП, вербуя некоторых советских военнопленных. Так Сотников был арестован в квартире нелегалов после появления такого агента [1, л. 12].

Отдел по работе с Восточными батальонами вступал в контакт с эмигрантами, сочувствовавшими Сопротивлению и работавшими по преимуществу в Бретани и на побережье Ла-Манша. Уже через них СРП устанавливал связь с солдатами из «остбатов». Зная язык, психологию, бытовые и культурные особенности их чинов, русские эмигранты с риском для жизни методически вели «обработку», распространяли антинацистские газеты и листовки, получали важные разведывательные сведения [2, с. 28]. Сами инструкторы СРП в этой схеме работы выступали посредниками между уже распропагандированными солдатами и локальными организациями французского Сопротивления.

Деятельность СРП нельзя назвать в полной мере успешной. Гестапо начало активно использовать приём «доброволец»—провокатор: такой агент завязывал отношения с местными жителями русского происхождения, которые затем сводили его с подпольной «тройкой». Во время встречи провокатора с подпольщиками происходил арест [2, с. 28]. С помощью такого приёма в марте 1944 г. Гестапо организовало успешную операцию против СРП, в ходе которой оказались разгромлены редакция «Русского патриота» и Шербурская секция Союза [10]. После этого провала организация погрузилась в кризис, а руководство Национального фронта стало недоверчиво относиться к руководству СРП [1, л. 3]. Всего за первую половину 1944 г. СРП пережил шесть провалов [2, с. 28].

Некоторые русские эмигранты, не связанные с французским Сопротивлением, самостоятельно шли на контакт с советскими гражданами. Такие встречи нередко кончались печально для эмигрантов, которые не имели опыта строго законспирированной работы. Так, Е. Новиков и его 20-летний сын Юрий, а также его приятель О. Жидков после первой же встречи с военнопленными из СССР были арестованы и вывезены в Германию; Ю. Новиков умер в лагере от истощения [4, с. 609].

Одним из первых, кто начал вести работу с Восточными батальонами, стал И. Кривошеин. В его задачу также входило установление связи между «власовцами» и французскими организациями (что отличалось от целей деятельности СРП). В отчёте о работе он писал, что связь устанавливалась почти «стихийно», через русских эмигрантов на местах, зачастую служивших в немецких организациях. Кривошеин подчеркивал, что Восточные батальоны «не окажут союзникам серьёзного сопротивления и почти во всех случаях сдадутся им при первой же возможности» [3, с. 46].

Другие русские эмигранты действовали более успешно. Так, эмигрант А. Покотилов работал офицером связи при штабе советского партизанского отряда «Максим Горький», а его жена держала магазин, который был местом встречи; эмигрант И. Басе организовал в департаменте Верхней Луары советский батальон (352-й батальон ФТП), куда входили татары, армяне и грузины; в советском отряде, оперировавшем в департаменте Дордонь под командованием капитана Хетаурова, состояла эмигрантка Т. Волконская, которая вела активную пропаганду среди советских военнопленных и в один день привела в отряд 85 «власовцев», дезертировавших из немецких рядов [6, с. 615]. Советским военнопленным, бежавшим из плена, помогала также Мать Мария (Скобцова), известный участник Сопrotивления В. Оболенская и Лионский отдел СРП.

Другой эмигрантской организацией, вступившей в контакт с советскими гражданами во Франции ещё в 1942 г., была Дурданская группа А. Угримова и В. Шешелева. Началось всё с того, что Угримов обнаружил появление бывших советских граждан в Дурдане (предместье Парижа). В ходе общения он убедился в антинацистских настроениях солдат. Он рассказал об этом своему приятелю Шашелеву, который убедил симпатизировавших ему советских солдат оставаться у немцев и собирать разведывательную информацию, а после, в назначенный день, присоединиться к Сопrotивлению. За годы войны в Дурданской группе состояло около 20 белоэмигрантов, еще около 20 советских граждан перешло из «остбатов» накануне освобождения французской столицы. Дурданская группа стала значимой группой Сопrotивления в своём регионе. Она вела опасную подпольную деятельность по продовольственной помощи нуждающимся антифашистам и эмигрантам, обеспечению беглецов из немецких лагерей документами, антинацистской пропаганде среди советских коллаборационистов, спасению и сокрытию англо-американских лётчиков, сбитых над Францией, получению военных грузов с союзных самолетов [5, с. 260—291].

Практически без внимания отечественной историографии остаётся деятельность русской эмигрантки Н. Уваровой и её французского мужа, начальника военно-морского комиссариата в Париже П. Дуайяра.

В конце 1943 г. семья Дуайяр, жившая в пригороде Бреста, узнала о дислокации поблизости 633-го Восточного батальона. П. Дуайяр попросил свою жену Наталью, которая к тому моменту уже плохо помнила русский язык, стать посредником в переговорах между солдатами и французскими партизанами. В течение последующих месяцев советские солдаты посещали дом семьи и начали доверительно относиться к ним. В момент высадки союзников солдаты согласились

присоединиться к Сопротивлению. Им были розданы специальные трёхцветные нарукавные опознавательные повязки. В ходе освобождения союзниками бретонского полуострова в августе 1944 г. 164 человека из упомянутого 633-го Восточного батальона, успешно присоединилась к французским партизанам. Они вошли в состав крупнейшего местного 1036-го батальона войск ФФИ (Французские внутренние силы) Плувальмезо.

Первой военной операцией советских партизан стал совместный с американскими войсками захват немецкой радиолокационной станции в Сен-Пабе. Вскоре после этой операции русские партизаны пришли на помощь сопротивленцам, которые вели тяжёлые оборонительные бои против контратакующих немцев у пос. Трезьена и взяли в плен 60 солдат и офицеров противника. 30 августа 1-я и 3-я рота батальона Плувальмезо, усиленные ротой советского партизанского отряда, успешно освободили французскую деревушку Керлоуарн, 3 сентября, при поддержке американской роты, местечко Иллиен. Действия отряда высоко оценили американское и французское командование. Он стал ударной силой всего батальона Плувальмезо.

22 ноября 1945 г. за активную деятельность в Сопротивлении Н. Уварова была награждена боевым крестом и получила звание кавалера ордена Почётного легиона [13].

Похожий эпизод произошел в этом же регионе в середине августа 1944 г., когда русский эмигрант Р. Лукьянов, живший в коммуне Порник, случайно вошел в контакт с солдатами 752-го Восточного артиллерийского батальона. Лукьянов узнал о антинемецких настроениях личного состава. После столкновения солдат с немецким начальством он смог убедить командира батальона майора Потеряйко перейти на сторону французских партизан. В итоге около 300 солдат капитулировали перед силами Сопротивления в окрестностях Нанта. Свидетель этой капитуляции капитан Сопротивления Пайен назвал её «важнейшей операцией, проведённой силами ФФИ в Нижней Луаре» [12].

Очередным ярким эпизодом взаимодействия советских военнопленных и русских эмигрантов является участие в борьбе с немецкими войсками на о. Олерон, расположенном на северо-западном побережье Бискайского залива. В апреле 1944 г. там произошла случайная встреча двух эмигрантов, В. Сосинского и В. Андреева, с советскими солдатами остбатов, которые находились в составе местного гарнизона. 2 ноября, не выдержав для себя мучительного бездействия, без согласования с Сосинским двое солдат, вынужденные бойки в качестве доказательства своих действий, решили вплавь добраться до материка, однако не справились с течением и утонули.

Через несколько недель после гибели товарищей другие солдаты решили действовать. Н. Серышев смастерил специальный долго тлеющий и не дымящийся бикфордов шнур и в рассчитанное время взорвал главный военный арсенал гарнизона острова. Было уничтожено 2 млн патронов, 5 000 ручных гранат и большое количество снарядов и другого снаряжения. Проведённое немцами расследование не обнаружало прямых виновников, но отношение к солдатам стало более подозрительным [8, Ms 1350/736].

11 января 1945 г. немецкое командование на острове объявило о высылке на материк части его населения, что объяснялось нехваткой продовольствия и неудачной борьбой с Соппротивлением. Немцы понимали, что на острове существует некий подпольный отряд, но не знали, из кого он состоит. Немцы подозревали, что основу составляют не коренные жители Олерона, а приезжие — именно они составили большинство высланных. Среди них оказался Сосинский вместе с семьёй. Андреева арестовали вместе с 400 другими французами [8, Ms 1350/724]. В середине марта 1945 г. глава местных войск сопротивления капитан Леклерк вызвал уже бывшего на материке Сосинского в штаб. Тот смог убедить французов, чтобы при штурме острова бывших советских солдат воспринимали как союзников.

В ночь с 30 апреля на 1 мая силы Соппротивления высадились на остров и к 14:30 захватили местную коммуну Сен-Пьер и взяли в плен командира немецкого гарнизона. После этого, под угрозой бомбардировок оставшихся немецких позиций на острове американской авиацией, оккупанты капитулировали. На батарее «Мамут», находившейся в южной части острова рядом с коммуной Ла Континьер, подошедшие французские войска удивило отсутствие сопротивления со стороны немцев. Все орудия на батарее были приведены в негодность, не действовал ни один пулемёт. Среди множества раненых и убитых немцев обнаружили тела В. Антоненко и Е. Краснопёрова. Оказалось, что русские солдаты пожертвовали собой ради успеха действий французов. Они сумели захватить автоматы и гранаты, но погибли в бою, расстреляв половину немецкой батареи [9]. После освобождения острова их тела были захоронены с воинскими почестями на кладбище в Сен-Пьер. На церемонии установления мемориальных плит в июле 1945 г. присутствовали представители английской, американской и советской армий.

С окончанием войны только 14 бывших советских солдат решили вернуться на родину. Другая часть отказалась от репатриации. Предположительно они записались добровольцами на службу во французский Иностраннный легион.

Подводя итог, отмечу, что русские эмигранты, рискуя своей жизнью, связывались с советскими гражданами на территории Фран-

ции, в том числе и с солдатами из состава Восточных войск вермахта. Они выступали посредниками между ними и Сопротивлением, осуществляли транзит и спасение военнопленных, участвовали в агитации к переходу и последующей капитуляции воинских подразделений из советских граждан на сторону Сопротивления, формировали из «остбатов» партизанские соединения, которые принимали участие в освобождении Франции вместе с французскими и американскими войсками. Взаимодействие и совместная борьба советских граждан и русских эмигрантов сыграла важную роль в приближении победы союзных сил над нацистской Германией.

Список литературы

1. Архив Дома русского зарубежья им. А. И. Солженицына (Архив ДРЗ). Ф. 25. Оп. 1.
2. *Борисов Н.В.* «Пароль — Франция! Девиз — Советский Союз!» // Отчизна. 1990. № 3.
3. *Кривошеин И.А.* Отчёт о резистанской работе // Вестник Русского Сопротивления. Париж, 1946.
4. *Кривошеин И.А.* Русские участники Сопротивления // Мать Мария (Скобцова). Святая наших дней / Сост. К.И. Кривошеина. Москва: Эксмо, 2015.
5. *Кривошеин И.А.* Так нам велело сердце // Против общего врага: советские люди во Французском движении Сопротивления. М., 1972.
6. Мать Мария (Скобцова). Святая наших дней / Сост. К.И. Кривошеина. Москва: Эксмо, 2015.
7. *Орлова О.М.* Гайто-Газданов. М., 2003.
8. Русский архив Университета г. Лидс (Великобритания). Ms 1350/736.
9. *Сосинский В.Б.* Герой Олерона // Советская Белоруссия. 1964.
10. *Шибанов Г.В.* Это было во Франции. Т&В Медиа, 2017. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://gsru.t-n-v.com/произведения/1966> (дата обращения: 25.10.2018).
11. *Шибанов Г.В.* Красное знамя на улице Гренель // О чём не говорилось в сводках. М., 1962.
12. *Gautier M.* L'affaire des otages de Pornic du 26 août 1944 Auteur de Poche de Saint-Nazaire. Geste éditions, 2017.
13. La compagnie russe des FFI de Brest. Battalion de Ploudalmezeau. Архив историка Мишеля Готье (Michel Gautier).

Конструирование подвига (Герой Советского Союза Василий Александрович Ершов)

Аннотация: В статье анализируются свидетельства о боестолкновении группы советских пехотинцев с превосходящими силами противника в ходе Крымской наступательной операции (апрель 1944 г.). В ходе завершившейся недавно работы с архивом «Комиссии Минца» выявлено свидетельство единственного выжившего участника боя, которое резко противоречит бытующим до сих пор официальным описаниям боестолкновения. Сопоставление всех рассказов о событии и выявление обстоятельств их создания позволяют восстановить ход формирования мифа об отдельно взятом подвиге в ходе Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Крымская наступательная операция 1944 г., патриотическая пропаганда,

CONSTRUCTING THE HEROIC ACT (A CASE OF THE HERO OF THE SOVIET UNION VASILY ALEXANDROVICH ERSHOV)

Abstract. The article analyzes the memory of a clash of a group of Soviet infantrymen with superior enemy forces during the Crimean Offensive (April 1944). In the course of recently completed work with the archives of the “Mints Commission”, the evidence of the only surviving participant in the battle has been revealed, which sharply contradicts the official descriptions of the clash that are still prevailing. Comparison of all the stories about the event and the identification of the circumstances of their creation make it possible to restore the course of the formation of the myth about a particular feat during the Great Patriotic War.

Keywords: Great Patriotic War, Crimean Offensive 1944, patriotic propaganda,

На протяжении 2017—2020 гг. группа сотрудников Института российской истории РАН вела исследовательскую работу в рамках гранта РГНФ «Освобождение Крыма от нацистской оккупации в 1944 г.: свидетельства участников и очевидцев», итогом которой стало издание сборника документов [6]. Источниковой основой исследования явился архив Комиссии по истории Великой Отечественной войны АН СССР, действовавшей в 1941—1946 гг. под руководством академика И.И. Минца**, «главной задачей» которой «было собрать доку-

* Владимир Николаевич Круглов — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра социальной истории России Института российской истории Российской академии наук (Москва, Россия).
e-mail: vladimirkruglov2007@yandex.ru

Vladimir N. Kruglov — Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher in the Center of Social History of Russia, Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

** Отсюда просторечное название этой структуры — «Комиссия Минца».

менты и свидетельства о войне непосредственно по следам боевых действий» [6, с. 11]. В ходе её работы опрашивались военнослужащие самых разных рангов, особое внимание уделялось тем, кто за боевые подвиги получил звание Героя Советского Союза. Одним из них стал выходец из Тверской (в то время Калининская) обл., пулемётчик 91-й отдельной мотоциклетной батальона 19-го танкового корпуса 4-го Украинского фронта Василий Александрович Ершов.

Запись интервью с ним состоялась в мае 1946 г. Его стенограмма [6, с. 456—458] занимает чуть более одной страницы машинописного текста, однако является одним из самых интересных материалов Комиссии. Интерес она вызывает в связи с тем, что боевой подвиг Ершова увековечен, но его общеизвестная версия противоречит свидетельству самого бойца. В этой связи она представляет собой интересный пример конструирования мифа о подвиге, который к реальному подвигу имеет весьма приблизительное отношение. Причём процесс конструирования отнюдь не прерван, что делает данную историю заслуживающей пристального внимания.

В стенограмме Ершов описал боевой эпизод, по итогам которого его удостоили высшей награды СССР. Хотя не только его одного: «Я и мои семь товарищей» были представлены к званию Героя Советского Союза. И из восьми человек уцелел только я один. Остальные товарищи погибли у меня на глазах. Меня подобрала санитары другой части, а в своей части меня считали погибшим». Бой имел место в ходе Крымской наступательной операции (апрель—май 1944 г.), при освобождении с. Ашага-Джамин Сакского района. Ершов вспоминал о нём так: «9 мая 1944 г., когда шли в наступление на Перекоп^{**}, нас девять человек — трое пулемётчиков и шесть автоматчиков — посадили десантом на американский танк “Валентайн”. Я был первым номером пулемётного расчёта. Танк под огнём немцев пошёл в лоб обороны противника, в то время как остальные должны были наступать с флангов. У нас было задание: подавить огневые точки противника.

Наш танк шёл с горы, а навстречу двигался немецкий танк “Тигр”. Я соскочил с танка и плашмя, маскируясь кустарником, подполз к “Тигру”, бросил сразу целую связку гранат и подбил танк. Танк сразу остановился, я вскочил на него, открыл люки и из нагана перебил весь экипаж. А дальше следовал со своим танком и из пулемёта уничтожил две огневые точки немцев. Немцы открыли ураганный пулемётный огонь, я залёг со своим пулемётом и в это время был ранен

* На самом деле восемь: гвардии сержанты Н.И. Поддубный (командир группы) и М.М. Абдулманапов, гвардии рядовые П.В. Велигин, И.Т. Тимошенко, М.А. Задорожный, Г.Н. Захарченко, П.А. Иванов, А.Ф. Симоненко.

** Так в тексте.

осколком снаряда в челюсть и в левую руку. Будучи ранен, я заметил, что ко мне подползает немец, я только протянул руку к винтовке, он выстрелил и ранил меня в локтевой сустав правой руки. Рука перестала мне подчиняться, я взял раненой левой рукой наган и пристрелил гитлеровца. Часов через восемь меня в бессознательном состоянии подобрали санитары. Когда я был уже ранен, все мои товарищи один за другим погибли на моих глазах. Когда я лежал в фронтовом госпитале, в части узнали о том, что я жив, и ко мне приезжал командир взвода с подарками, но я был в очень тяжёлом состоянии и ко мне никого не пропускали. В апреле 1945 года я выписался из госпиталя».

На первый взгляд рядовой эпизод Великой Отечественной. Однако он оказался выделен из массы других — 16 мая 1944 г. указом президиума Верховного совета СССР ему (и другим участникам боевой группы — посмертно) «за образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками и проявленные при этом героизм и отвагу» присвоили звание Героев Советского Союза. Основанием для такого решения послужило представление, подписанное командиром 91-го отдельного мотоциклетного батальона (в котором служил Ершов) майора Григорьева и командира 19-го Перекопского танкового корпуса полковника И.А. Поцелуева, поданное 28 апреля и поддержанное Военным советом Украинского фронта 13 мая 1944 г. Его текст гласит: «13 апреля 1944 г., действуя в разведке на фланге полосы наступления корпуса десантом на танке, при подходе к селу Ашага-Джали*... внезапно с окраины села танк был обстрелян вражеской артиллерией. Прямым попаданием снаряда был перебит ствол орудия, и танк был обезоружен. Быстро спешившись для отражения нападения противника, рядовой Ершов в составе группы десантников (9 разведчиков) попал под одновременный огонь артиллерии из окраины села и ружейно-пулемётный огонь с высот на подступах к селу. Разведчики оказались в окружении, приняли бой с превосходящим противником (батальоном румын), который продолжался около 2-х часов. Когда боеприпасы были израсходованы, на предложение приблизившегося румынского капитана сдаться в плен разведчики ответили: «Красноармейцы никогда и никому не сдаются».

Разведчики дружно пошли в рукопашную схватку с атакующим превосходящим противником, мастерски отбиваясь лопатами, прикладами. После 20-минутного рукопашного боя разведчики были схвачены. В бою и рукопашной схватке были убиты 13 солдат, один офицер и ранены 9 солдат румын. На допросе румынского капитана рядовой Ершов ни слова не сказал врагу, даже не сказал своей фамилии. По приказанию обнаглевшего румынского капитана трусливые румыны начали

* Так в тексте.

творить дикую расправу. Били прикладами, кололи штыками, перебили руки-ноги, ломали рёбра, выбили челюсть, но рядовой Ершов никаких сведений врагу не дал. Раздетых разведчиков, истекающих кровью, избивая, провели по улице села и расстреляли в овраге за селом.

Живые свидетели героической гибели разведчиков друзей Ершова запечатали их бессмертный подвиг актом. После ухода румын из села местные жители среди расстрелянных разведчиков обнаружили бойца, подающего признаки жизни, искалеченного до неузнаваемости. Это был Ершов. Местная девушка Люба Гапкова с подругой перенесла Ершова к себе, где и сохранила его в течение суток, пока не прошла последняя отходящая колонна противника. В тяжёлом состоянии Ершов был сдан в гражданскую больницу. На теле Ершова обнаружены 10 огнестрельных ран, переломлены обе руки, нога, 7 штыковых уколов. Рядовой Ершов своим подвигом стяжал себе бессмертную славу русского богатыря. Во имя родины он не щадил своей жизни. Он презирал и бил врага до потери сознания. Подвиг Ершова воодушевляет весь личный состав части на быстрейшее изгнание и истребление врага» [12].

Т.о., даже ранние, созданные «по горячим следам» документы и свидетельства содержат неточности, которые отнюдь не сводятся к деталям. Сразу стоит отметить, что, без сомнения, на памяти Ершова сказались тяжелейшие ранения, из-за которых он год провёл в госпитале. Именно этим объясняется то, что он назвал неверную дату (9 мая вместо 13 апреля, как было в действительности) и место (Перекоп вместо Ашага-Джамина) боя, путался в количестве сослуживцев. Вряд ли также простой боец достаточно чётко представлял себе разницу между немецкими и румынскими частями — для него все они являлись общим врагом, «фашистами».

Другие разночтения, однако, не столь просты. Стенограмма и представления на звание дают разное описание боевой задачи: лобовая атака с целью подавления огневых точек противника и разведка соответственно. Ничего Ершов не сообщил ни о пленении, ни о пытках, более того, дважды сказал о гибели сослуживцев на его глазах, из чего можно заключить, что они погибли в ходе боя. Сам же он потерял сознание от ран и был подобран — но не местными жителями, а санитарями другой части, и не спустя сутки, а «часов через 8». Положение отягчает отсутствие тех, через чьи рассказы можно было бы перепроверить сообщаемое. О «живых свидетелях», которые, согласно представлению, «запечатали бессмертный подвиг актом», ничего не сообщено — даже о том, кем они были. Нет и самого акта.

Как представляется, ближе к истине, несмотря на путаницу с датировкой, географией боя и национальной принадлежностью противника, всё же воспоминания Ершова. Помимо того, что в них больше правдоподобия, к этой мысли приводит стилистика, в которой написа-

но представление на звание Героя: напыщенная и лозунговая, в духе не столько официального документа, сколько газетной передовицы, предназначенная не для информирования о подвиге, а для задач агитации и пропаганды. Здесь — все черты идеологически выдержанной подачи материала: доблестные советские бойцы, наносящие огромные потери трусливому врагу, «красноармейцы никогда не сдаются», стойкость перед жестокими пытками, единение армии и народа через спасение местными жителями чудом выжившего бойца... Отдельно привлекает внимание фраза про «бессмертную славу русского богатыря», отразившая актуальные идеологические веяния второго этапа войны. По сути это не столько описание боестолкновения и обстоятельств, при которых отличился представляемый к награде, сколько беллетризованное сочинение по мотивам (на что указывает исключительная степень детализации повествования, вызывающая вопросы об источниках информации) с вполне прозрачной целью: «Подвиг Ершова воодушевляет весь личный состав части на быстрейшее изгнание и истребление врага»*.

Как бы то ни было, именно это донесение спустя годы явилось основой для увековечения подвига Ершова. В конце 1950-х гг. начали выходить публикации о нём — сначала в газетах Калининской и Крымской обл., затем и в московских изданиях (вырезки из них подшиты в дело героя, хранящееся в Научном архиве ИРИ РАН). Они содержали все вехи из описания 1944 г. — вплоть до повторявшейся из раза в раз ошибки в крымско-татарском названии села («Ашага-Джали»). Однако появились и нововведения — в первую очередь усиленный идеологический мотив, поданный через детализацию происходившего. Так, материал 1959 г. сообщал: «На допросе никто из солдат не произнёс ни слова, даже фамилий и имён своих не назвали герои. Фашисты учинили над ними дикую расправу. Через несколько минут жители села услышали со стороны оврага пение “Интернационала” и сухие звуки пальбы» [3]. «Уточнялись» и спасители бойца. До 1960 г. включительно личности не конкретизировались — говорилось либо о «жителях деревни» [8], либо и вовсе: «кто-то» [3]. Затем имена всё же вписали: Л. Гапкова, отмеченная ещё донесением 1944 г., осталась, а вот её безымянную подругу заменила «фельдшер Ольга Григорьевна Собко, мать известного украинского писателя» [10]**. Появились и сведения о том, что из-за боя с советским

* К слову, на момент подачи документа ещё, очевидно, не было уверенности в том, выживет ли боец. Причём чаша весов, надо полагать, склонялась в определённую сторону и от резолюции Поцелуева веет холодком: «Достоин посмертного присвоения звания Герой Советского Союза». В этой связи и формулировка из указа о награждении — об образцовом выполнении боевого задания — приобретает иной, не слишком вдохновляющий смысл.

** Вариация: «фельдшерница, мать известного советского писателя, Ольга Григорьевна Собко» [6].

десантом «гитлеровцы... не смогли осуществить злодейского замысла — взорвать школу с согнанными туда мирными, жителями» [4].

Кто же «конструировал подвиг»? Значительная часть заметок и статей тех лет принадлежит перу или основывается на сведениях, сообщённых генерал-майором запаса И.А. Долговым. Великую Отечественную он прошёл на штабных должностях, участвовал в Курской битве, форсировании Днепра, Гомельско-Речицкой и Восточно-Прусской операциях. В 1950 г. стал начальником Свердловского, а в 1954 г. — Калининского Суворовского военного училища. По выходе на пенсию в 1957 г. остался жить в Калининне, стал членом комитета содействия при областном военном комиссариате и решил заняться сбором данных об уроженцах области — Героях Советского Союза (к которым относился и Ершов). По итогам работы в 1961 г. он выпустил книгу «Золотые звезды калининцев», расширенный (двухтомный) вариант которой вышел в Москве в 1969 г., а 3-е переработанное издание — в 1983—1984 г.

В материале о Ершове из этой книги генерал писал: «Возможно, так и жил бы скромный Герой безвестным в своей дальней деревне, на севере области, если б в стране не началась большая военно-патриотическая работа по сборанию материалов о войне и её героях под всенародным лозунгом “Никто не забыт, ничто не забыто”. В 1958 году, просматривая в архиве награжденные листы на Героев Советского Союза, я впервые узнал о Василии Александровиче Ершове и его подвиге. О своей находке написал в газету “Красная звезда”. Прочитав заметку, в поиск включились крымские журналисты и работники военкомата Сакского района в Крыму» [4]. Долгов активно занялся «написанием подвига», в публикациях появились на удивление подробные описания боя, обстоятельств пленения, пыток и расстрела бойцов, спасения одного из них. Опытный штабист и «воспитатель молодёжи» также хорошо чувствовал «политический момент». С конца 1940-х гг. между Советским Союзом и большинством стран Восточной Европы установились «особые отношения», так что неприглядную роль в годы войны боевых соединений румын, венгров, финнов и др. народов, затем «вставших на путь социалистического строительства» или добрососедских отношений с СССР, всячески затушёвывали. Как результат врагом в общественном сознании остались исключительно немцы (несмотря на существование ГДР). И неудивительно, что именно они — под эвфемизмом «фашистов» и, реже, «гитлеровцев» — заменили в повествованиях о судьбе Ершова румын: «Рус, сдавайс! — Красноармейцы в плен не сдаются!» [4].

Надо, впрочем, отметить, что Долгов не только писал. Он активно пропагандировал подвиг бойца, стал инициатором возведения в окрестностях крымского села обелиска с именами погибших. Само село переименовали: ещё в 1948 г. оно получило название Горьковское, а теперь

«жители постановили» назвать его Геройским. Кроме того, улица Девяти героев появилась в районном центре, г. Саки, в Симферополе в честь подвига воздвигли памятник, а в родном посёлке Ершова — Сандово Калининской обл. — его именем назвали улицу. Наконец, в 1965 г. Долгов организовал его поездку в село и встречу с жителями [4, 10].

Итак, на рубеже 1950—1960-х гг. сложился канон описания изучаемого подвига. Изначально беллетризованный, в дальнейшем он, к сожалению, трансформировался лишь в сторону большей мифологизации. Правда, происходило это уже на региональном уровне. В 1972 г. вышел сборник очерков «Герои боёв за Крым», автором-составителем которого выступил Герой Советского Союза генерал-майор А.А. Казарян. На заключительном этапе войны он командовал дивизией, которая участвовала в Белорусской, Гумбиннен-Гольдапской и Восточно-Прусской операциях. По выходе в запас в 1957 г. жил в Симферополе, был, среди прочего, председателем научно-методического совета по пропаганде военных знаний и военно-патриотического воспитания Крымской областной организации «Знание»; начальником областного штаба комсомольцев и молодёжи «По местам славы советского народа», «проводил огромную общественную работу по военно-патриотическому воспитанию населения» [2].

В его книге о подвиге Ершова и его сослуживцев написано следующее: «12 апреля 1944 года разведывательная группа под командой гвардии сержанта Н.И. Поддубного десантом бороздила на танке степные дороги... Завязался жестокий бой с вражеским батальоном. Враг пробовал было атаковать разведчиков, но всякий раз атака подавлялась. Однако положение десантников усложнялось. Один из вражеских снарядов вывел из строя пушку и заклинил башню танка... Когда боеприпасы у разведчиков вышли, фашисты, окружив их теперь уже плотным кольцом, кричали: “Рус, сдавайся!” Один из окружённых ответил за всех: “Красноармейцы в плен не сдаются!” Это было сигналом к рукопашной схватке, последней в их жизни. Разведчики бросились на врагов, били прикладами, лопатками. Даже раненые не поднимали рук, а продолжали драться.

Безоружные советские воины уничтожили ещё 13 солдат и одного офицера, прежде чем были схвачены. На допросе они держались мужественно. На вопрос фашистского капитана — “Вы коммунисты?” — за всех ответил И.Т. Тимошенко: “Иных у нас в Красной Армии нет!” Ни одного слова не проронили разведчики из того, что составляло военную тайну. Сначала их допрашивали всех вместе, затем по одному. Ввели В.А. Ершова, он не отвечал ни на один вопрос. Удар за ударом сыпались на советского воина, но он молчал. А когда терял сознание, выволакивали на улицу, отливали водой и снова вели на допрос. Их пытали весь день и всю ночь. Почти у

всех были перебиты руки и ноги, выбиты челюсти, поломаны ребра, исколоты штыками груди и лица. Под утро полумёртвых, истекающих кровью десантников втащили в сарай, чтобы на рассвете расстрелять. 13 апреля 1944 года, на заре, подхватив пленных под руки, фашисты поволокли их через всё село к оврагу, к месту казни. Туда же согнали жителей села. Советские воины лежали. Но нет! Солдаты Советской Армии не так должны встретить смерти! Надо подняться, надо стоя встретить свой конец! И тогда друзья, помогая друг другу, пошатываясь, выпрямились, встали. Они стояли молча, страшные в своём скорбном величии, с гордо поднятыми головами. Такими они и остались в памяти тех, кто видел их в последнюю минуту, — непокорёнными, стойкими.

Вечером жители села пришли к месту казни, чтобы похоронить советских воинов. Один из девяти подал признаки жизни. Это и был В.А. Ершов. Его перенесли, в ближнюю хату, позвали фельдшера, перевязали раны. Изувеченный разведчик был совсем плох: терял сознание, бредил. И хотя фашисты ещё занимали село, женщины перенесли воина в другой дом. Через несколько дней село было освобождено. В.А. Ершова перевезли в районную больницу. Потом разведчик больше года пролежал в госпитале» [1].

В данном случае налицо смешение данных из представления к награде Героя 1944 г., сочинений Долгова и авторских «доработок». Так, событие вопреки действительности оказалось перенесено на день ранее — 12 апреля. Это позволило удлинить время боя, продолжительность допросов захваченных в плен бойцов десанта, сроки освобождения села, изменился даже рельеф (степь вместо холмистой местности, которую отметил и Ершов). Значительно усилились драматизм и патетичность описания, а также идеологическая составляющая («Вы коммунисты? — Иных у нас в Красной Армии нет!»). В результате пострадала правдоподобность («безоружные бойцы уничтожили 13 солдат и одного офицера», «советские воины стоя встретили свой конец» и т.п.). Впрочем, видимо, задача максимально точного описания и не ставилась, будучи отсечена потребностями «военно-патриотического воспитания населения» в условиях усиления начиная с середины 1960-х гг. ретроспективной военной пропаганды, складывания культа «Великой Победы». Последний не предполагал «окопной правды» — акцент делался на героических подвигах и мученических жертвах во славу СССР, КПСС и мира во всём мире. Описания действий бойцов РККА в этих условиях неизбежно превращались в своеобразные жития святых.

Эта традиция сохранилась, пережила неблагоприятные для советской мифологии 1990-е гг. и в полную силу заявила о себе в 2010-е гг. Характерна в этой связи статья в «Крымской правде», приуроченная

к открытию отреставрированного мемориала героям боя 1944 г. в с. Геройском. В описании событий она наследует текстам Долгова и Казаряна, комбинируя данные из них и используя стилистику, «схожую до степени смешения», но попутно вписывает в миф о подвиге немало новых страниц, касающихся предыстории и последствий. «Выясняется», что бойцы представляли собой не десант, а разведывательную группу; случайно встретившиеся подростки (русский и татарский) указали им на село, где готовилась массовая казнь жителей, и они решили его освободить. «Историки подсчитали, что на каждого из героев приходилось около 30 фашистов». В ходе боя «обессиленных, израненных героев всё-таки схватили. Допросы, пытки. Даже связанные и избитые разведчики сопротивлялись. Рванулся Иван Тимошенко, ударил головой гитлеровского офицера, тут же несколько пуль пронзили воина. Однако никто не стал предателем. 13 апреля пленных поволокли на расстрел. Измученные разведчики нашли силы подняться в последний раз. А гитлеровский переводчик ещё уговаривал Магомета Абдулманапова: “Они же русские, а ты мусульманин...” Гвардии младший сержант ответил: “Они — мои братья. Мы — дети одной матери Родины!” Дальше была автоматная очередь». Описание всё так же создаёт впечатление длительности происходившего: «Сохранились воспоминания тех, кто 13 апреля 1944-го обнаружил красноармейца, выхаживал, прятал от отступавших фашистов... Оберегали не только его, но и местных жителей, которым за укрывательство грозила смертная казнь». Сам Ершов якобы «ничего кроме боя не помнил... в сознание пришёл только на четвёртый день после расстрела, а потому ни о своих спасителях, ни о судьбе товарищей сразу не знал» [9].

Материал интересен не только собственно историей героя. Впервые упомянуты другие действующие лица из числа местных жителей, помимо уже известных Гапковой и Собко — всего около десятка. Особый акцент сделан на «братском единении» при спасении бойца русских, украинцев и крымских татар (даже тогдашнее название села теперь пишут правильно), политически важный и внутри- и внешне-политически (как противоязв националистическим настроениям) и в год появления материала (2014), и по сей день. Кроме того зазвучала тема ислама. Из числа нововведений это, пожалуй, самое характерное. В советское время упоминание вероисповедания бойцов, вообще религии было невозможно по идеологическим причинам. Сейчас же эта сторона всячески подчёркивается в рамках концепции «России как многонациональной и многоконфессиональной страны, объединённой патриотизмом, сплочённостью и общими нравственными идеалами» [5]. Существует и её региональная вариация: «В Республике Крым исторически сложилась многонациональная и многоконфессиональная общность народов» [11, с. 211]. Как следствие,

политический момент требует внесения в нарратив соответствующих элементов вне зависимости от уместности и правдоподобности.

Впрочем, рассуждая о публикациях подобного рода, ставить вопрос о правдоподобности, источниках информации и т.п., видимо, бессмысленно. Описание боестолкновения изначально оказалось мифологизировано — благо обстоятельство его (и прежде всего практически полное отсутствие свидетелей) предоставляли широкие возможности для творчества работников идеологических органов. По мере отдаления от события и за невозможностью его проверки приходилось пользоваться их информацией, дополняя необходимые подробности в соответствующем времени и потребностям духе. Для самого села это событие стало важнейшей составляющей местной идентичности, поэтому недостатка в «подтверждающих свидетельствах» со стороны его жителей тоже не имелось. В результате сложилась достаточно широко распространенная легенда (например, именно в таком виде она присутствует на странице Ершова на сайте «Герои страны», вообще в сети Интернет), которая уже живёт своей жизнью, по сути не нуждаясь в подтверждениях и доказательствах. Собственно, в данном материале и не ставилась задача её опровержения — лишь показ процесса её складывания и укоренения, интересный и сам по себе, и как демонстрация механизмов и плодов работы агитационно-пропагандистской машины.

Список литературы

1. Герои боёв за Крым. Очерки / Авт.-сост. А.А. Казарян. Симферополь: Таврия, 1972. 287 с.
2. Григорян В. Андраник Казарян — герой боёв за освобождение Крыма и Украины. URL: <https://nashasreda.ru/andranik-kazaryan-geroj-boyov-za-osvobozhdenie-kruma-i-ukrainy/> (Дата обращения — 13.11.2020).
3. Долгов И. Герои войны — бойцы семилетки // Калининская правда. 1959. 9 мая.
4. Долгов И.А. Золотые звезды калининцев. 3-е изд. Кн. 2. М., 1984. URL: <https://www.history.tver.ru/sr/Hero2/EVA.htm> (Дата обращения — 13.11.2020).
5. Замахина Т. Путин поздравил граждан России с Днем народного единства // Российская газета. 2020. 4 ноября.
6. «Здесь кровью полит каждый метр...» Рассказы участников освобождения Крыма. 1943—1944 гг.: сб. документов / Отв. ред. С.В. Журавлёв. М.; СПб.: Нестор-история, 2020. 592 с.
7. Кавская Н. Путь героев // Известия. 1962. 3 февраля.
8. Маркуша А. За героев! // Литературная газета. 1960. 5 января.
9. Пупкова Н. Девять героев Ашаг-Джамина // Крымская правда. 2014. 24 июня. URL: <https://c-pravda.ru/news/2014-06-24/devyat-geroev-ashag-dzhamina>
10. Село Геройское чествует героя // Крымская правда. 1965. 16 июля.
11. Сикач К.Ю., Швец А.Б. Картографирование этнического пространства Крыма // Геополитика и экогеодинамика регионов. Т. 5. Вып. 3. 2019.
12. Центральный архив Министерства обороны РФ (ЦА МО РФ). Ф. 33. Оп. 793756. Ед. хр. 15. Л. 496—497. URL: <http://podvignaroda.ru/?#id=150010170&tab=navDetailDocument> (Дата обращения — 13.11.2020).

Проблемы послевоенной реинтеграции в воспоминаниях бывших военнопленных СССР (по материалам фонда С.С. Смирнова в РГАЛИ)

Аннотация. В данной статье отражены проблемы возвращения и адаптации бывших военнопленных к жизни в послевоенном советском обществе. На основе архивных материалов проведён анализ как бытовых (вопросы жилья, трудоустройства, здравоохранения), так и психологических затруднений, с которыми они сталкивались. В частности, разобраны предпосылки формирования негативного отношения государства и общества к военнопленным. Особенное внимание уделено трудностям психологического характера. В качестве источников использованы в хранящиеся РГАЛИ письма бывших военнопленных из фонда писателя С.С. Смирнова, внесшего существенный вклад в увековечивание памяти героев Великой Отечественной войны и реабилитацию бывших военнопленных в глазах общественности.

Ключевые слова: военнопленные, репатриация, послевоенное общество, проблемы адаптации, послевоенный период.

PROBLEMS OF POST-WAR REINTEGRATION IN THE MEMOIRS OF FORMER WAR PRISONERS IN THE USSR (BASED ON THE MATERIALS OF THE S. SMIRNOV'S FONDS IN RGALI)

Abstract. This article reflects the problems of returning and adapting former soviet war-prisoners to life in the post-war society of the USSR. On the basis of archival materials, an analysis is given of both domestic (housing, employment, health) and psychological difficulties faced by former prisoners of war during their reintegration into Soviet society. In particular, the article examines the prerequisites for the formation of a negative attitude of the state and society to prisoners of war. Special attention is paid to the psychological difficulties faced by the repatriates. The sources used are letters from former prisoners of war from the Foundation of the writer S. S. Smirnov in RGALI, who made a significant contribution to the perpetuation of the memory of the heroes of the great Patriotic war and the rehabilitation of former prisoners of war in the eyes of the public.

Keywords: prisoners of war, repatriation, post-war society, problems of adaptation, post-war period.

11 февраля 1945 г. в ходе Ялтинской конференции союзные государства пришли к соглашениям по делам военнопленных и гражданских лиц этих стран в целях обеспечения быстрой их репатриации [19, с. 282]. С советской стороны организацией возвращения военно-

* Анна Александровна Дерюгина — студентка факультета архивоведения и документоведения Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета (Москва, Россия). e-mail: anka.derugina@yandex.ru
Anna A. Deriugina — Student of the Faculty of Documentation and Archiving, Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities (Moscow, Russia).

пленных занималось Управление по делам репатриации. Оно было создано 4 октября 1944 г. и занималось розыском, учётом, распределением и транспортировкой граждан, оказавшихся в годы войны против собственной воли на вражеской территории. Для их приёма в пограничных областях создавались пункты проверки и фильтрации, на которых решалась дальнейшая судьба возвращающихся.

Официальная позиция советского государства по отношению к военнопленным была выражена в интервью уполномоченного по делам репатриации Ф.И. Голикова корреспонденту ТАСС в ноябре 1944 г. Освобожденных узников должны были принять как «сынов Родины». При этом даже лица, совершившие противоречащие интересам Советского Союза действия, при честном выполнении своего долга по возвращении не должны были привлекаться к ответственности [6, с. 6]. Советское правительство обещало принять все меры к тому, чтобы осуществить «горячее желание» граждан вернуться в родную страну [6, с. 3].

На деле отношение советской власти к военнопленным было неоднозначным. В науке вопрос о негативной государственной политике в отношении пленных впервые поднят на рубеже 1980—1990-х гг. группой исследователей, изучивших материалы ряда федеральных архивов, юридические документы [3, с. 124]. Некоторые исследователи видят причины отрицательного отношения к ним в личных представлениях Сталина о воинском долге и чести [1, с. 9]. Другие находят корни этой проблемы в общей государственной политике 1920—1930-х гг. Негативное отношение к плену нашло отражение в законе «Об измене Родине» 1934 г. и Уголовном кодексе РСФСР [2, с. 21]. Однако стоит отметить, что отнюдь не ко всем бывшим военнопленным после возвращения на Родину применялась «высшая мера социальной защиты с конфискацией имущества», заложенная Уголовным кодексом [17, с. 3]. Существует также стереотип, что в советское время проблема плена замалчивалась. Однако обращение к советской историографии опровергает это представление. Замалчивание было невозможно как в связи с военнопленными-героями (как, например, Д.М. Карбышев, которому звание Героя Советского Союза было присвоено ещё в 1946 г.), так и из-за значительного количества репатриантов.

Члены Политбюро в силу нескольких факторов сочли неоправданным применение к репатриантам массовых репрессий. Прежде всего, согласно советской пропаганде первых послевоенных лет, побывавшие в «фашистской неволе» считались безвинными жертвами. Сама по себе мысль о том, что Советский Союз забыл о плененных, называлась «чудовишной ложью». Опасение же, что военнопленные по возвращении подвергнутся репрессиям, и вовсе считалось «нелепостью» [6, с. 5]. К тому же для восстановления страны требовались рабочие руки, в связи с чем массовые репрессии были экономически нецелесообразны [7, с. 759].

Вероятно, отказаться от взгляда на плен, как на предательство, позволило чрезмерное увеличение числа военнопленных [1, с. 10]. Тем не менее, они не могли не вызывать подозрения у властей, как лица, на годы вышедшие из-под советского социокультурного и идеологического влияния. Правда, несмотря на то, что военнопленные действительно подвергались интенсивному идеологическому воздействию со стороны нацистской пропаганды, результат его был незначительным. Советских граждан беспокоили вопросы их судьбы в случае возвращения в СССР. Предполагали, что проблемы могут возникнуть при расследовании периода пребывания за границей, обстоятельств пленения. Принимая во внимание негативное и подозрительное отношение правящих кругов ко всему иностранному, репатрианты опасались возможного отказа в возвращении. Однако эти страхи оказались напрасны. В условиях огромных людских потерь Советский Союз был заинтересован в возвращении военнопленных и интернированных граждан [5, с. 104].

В ходе кампании по массовой репатриации, в основном осуществлённой к февралю 1946 г., в страну вернулось более 5 млн чел., т.е. большая часть бывших военнопленных и остарбайтеров как из зоны оккупации союзников, так и из советской. Отказались вернуться 451 тыс. чел. [7, с. 761]. Это соотношение ещё раз подчёркивает, что большая часть бывших военнопленных стремилась на Родину. Такая позиция соответствует официальной версии добровольного возвращения из «фашистской неволи».

Фактами добровольного возвращения действительно невозможно пренебрегать в виду их массовости. Однако открытие в 1990-е гг. новых источников позволило коснуться темы принудительной репатриации и работы проверочно-фильтрационных лагерей. Невозможно не принять во внимание тот факт, что после освобождения из плена и проверки многие советские военнослужащие попадали уже в советские лагеря [20, с. 6]. Так, из выявленных к октябрю 1945 г. 1 624 365 бывших военнопленных сразу к месту жительства было направлено лишь 5,7% репатриантов, в Красную армию — 76%, а в органы НКВД — 18,3% [4, с. 216].

Стоит отметить, что проверка органами НКВД и СМЕРШ ожидала репатрируемых вне зависимости от отношения властей и желания самих граждан. В её ходе военнопленные могли сталкиваться с неодобрительным отношением со стороны официальных лиц. Разумеется, это не могло не отражаться на настроениях. Сами по себе отсутствие ясного гражданского статуса и неопределённость дальнейшей судьбы рождали вопросы и сомнения. Проблемы отнюдь не исчерпывались получением разрешения следовать к прежнему месту жительства или в другую местность. Как и возвращавшиеся на Родину фронтовики, репатрианты сталкивались с целым комплексом бытовых трудностей.

В первую очередь при возвращении бывших военнопленных ждала близкая в большей или меньшей степени для всего послевоенного общества проблема — восстановление или поиск жилья. После концентрационных лагерей бывшие узники надеялись на возвращение к хотя бы минимальному уровню жизненных удобств. Однако послевоенная обстановка не всегда позволяла быстро решить жилищные вопросы, и невозможность получить приличную жилплощадь порождала чувство обиды. При этом часть военнопленных была готова «довольствоваться малым». Так, например, описал в письме писателю С.С. Смирнову жилищные условия П.Г. Рожков: «Я получаю сейчас 45 руб. пенсии, живу в настоящее время на площади жены и её матери в старом полуразрушенном доме, ни уборной, ни воды, всё за 100 метров от дома... Хотя бы сейчас по-человечески пожить, довольно намучился по тюрьмам и лагерям» [13, с. 78—79].

Неспособность решить жилищные вопросы дополнялась проблемами при устройстве на работу. Неизбежно приходилось заполнять анкету, один из вопросов которой касался пребывания в плену. Стоит отметить, что вопрос исчез из анкет лишь в 1992 г. [8, с. 164]. Заполнение этой строки влекло за собой подозрение, затруднявшее получение должности. «Почему так пренебрежительно относятся к анкетным данным, где имеется пункт “был в плену”, как только заполнен этот пункт, сразу — отказ», — жаловался В.И. Шаронов [16, с. 29]. При этом устройство на работу не гарантировало ещё достаточного уровня заработной платы. Поэтому в воспоминаниях часто встречаются случаи, когда получаемых денег едва хватало на пропитание. При этом нельзя отрицать, что были и положительные примеры, когда репатриантам удавалось устроиться на хорошую работу, не сталкиваясь с подозрением или пренебрежением со стороны коллег.

Устройство на работу могло быть дополнительно затруднено физическим состоянием. Из плена люди возвращались чаще всего с увечьями, заболеваниями. Согласно общему правилу, им необходимо было пройти проверку ВТЭК, чтобы установить инвалидность. Достаточно противоречив вопрос справедливости оценок этих комиссий. В воспоминаниях встречаются случаи, когда бывшего военнопленного признавали инвалидом, не связанным с военными действиями, т.е. инвалидом труда. Это не только сокращало размер выплат, но и больно било по самолюбию. «До 1957 г. я считался как инвалид войны, а потом меня сняли и поставили общее заболевание как инвалид труда... Сейчас я инвалид 2 группы. Но мне обидно, что я потерял на фронте здоровье и страдаю уже 20 лет, а меня признают как инвалид труда», — так описал чувства от решения врачебно-трудовой комиссии один из корреспондентов [10, с. 3].

Кроме всего прочего, инвалиды войны чувствовали себя незащищенно забытыми. Особенно тяжело воспринимались случаи,

когда человек попадал в плен, будучи тяжело раненым и лишённым возможности сопротивляться. Такие люди не могли совершить героический побег или дать отпор врагу. Тем не менее, по собственным словам, они старались проявлять себя достойно и уже сам факт выживания должен был вызывать уважение. «Инвалиды тоже жили жизнью патриотов, как могли отстаивали честь русского воина, не падали духом. Всё это конечно нельзя сравнить с массовыми побегами и борьбой в партизанских отрядах, но тем не менее инвалиды в плену тоже были солдатами Малой войны!», — писал В.Ф. Баранов [9, с. 23]. Однако возвращавшихся на Родину калеками воспринимали как подавленных, беспомощных инвалидов.

Вообще отношение общества болезненно воспринималось не только инвалидами, но и остальными бывшими военнопленными. Им приходилось сталкиваться с неодобрением, оскорблениями, причем порой унижительными. Ярко выразил эту сторону послевоенной жизни М.П. Паршин: «До войны ты, говорят, был человеком, а сейчас тебе три буквы цена» [12, с. 64].

Недоброжелательное, чёрствое отношение со стороны администрации при решении вопросов трудоустройства, жилья, лечения или восстановления в партии усугубляло чувство неустроенности, приумножало душевные переживания. «Даже после проверки, когда устанавливалась полная невиновность, то и тогда нам не было доверия, очень часто безнаказанно оскорбляли, называя “изменниками Родины”. А для человека нет ничего более унижительного, чем недоверие. Всё это мне пришлось пережить: оскорбление, недоверие и незаслуженные обиды», — делился бывший узник Бухенвальда Д.А. Саверченко [14, с. 2]. Само упоминание о пребывании в плену в позднесталинский период заставляло отворачиваться от человека даже друзей. Некоторых это заставляло жить как можно тише, незаметнее, скрывать прошлое. Постоянное столкновение с предубеждением вызывало обострённую нервную реакцию. Буквально выброшенные из нормального течения жизни, бывшие военнопленные начинали испытывать чувство вины за то, что им удалось остаться в живых. Они «стыдливо вбирают голову в плечи, когда их поносят позорными словами, как изменник, предатель, фашист», будучи при этом виноватыми «лишь тем, что только остались живы, что смерть пощадила их, когда они не боялись ее и шли к ней навстречу», — писал Ф. Бантухин [9, с. 69].

В силу того, что участие в войне, а в особенности увиденное и пережитое в плену, оставляло след на психике, переход к мирной жизни для вчерашних бойцов чаще всего соседствовал с посттравматическими стрессовыми расстройствами [18, с. 83]. Некоторые, не справляясь с переживаниями, сходили с ума и попадали в психоневрологические кли-

ники. Пережитое не выветривалось из памяти, постоянно возвращаясь в воспоминаниях и снах. «Обо всём можно рассказывать очень подробно. В памяти всё сохранилось. “Пустяков” до подробности могу нарисовать, и горку, где жгли тела узников и расстреливали патриотов. Но всё нет времени. Заел быт, работа и житейская суета. Да и хотелось забыть об этом аде. Но теперь я понял — это никогда не забудется», — писал Г.Н. Колесников более чем десять лет спустя после освобождения из лагеря [11, с. 51]. Расшатанность нервной системы часто вела к довольно болезненному восприятию жизненных условий. Это могло вызывать обостренное чувство обиды, приводить к попыткам самоубийства.

Объединённые общей трагической судьбой бывшие военнопленные не могли не тянуться друг к другу. Общение в первые послевоенные годы часто оказывалось затруднено пристальным вниманием со стороны органов госбезопасности, по крайней мере представлением о слежке. Узники немецкого плена старались не навлекать на себя или товарищей подозрения, однако всё же пытались искать адреса, вступать в переписку, посещать места заключения. Подобное общение выступало своеобразным компенсационным механизмом при невозможности или затруднённости интеграции в послевоенное общество.

В массовом сознании бывшие военнопленные не были частью общности фронтовиков, что заставляло их испытывать чувство недооценённости. В среде бывших военнопленных встречалась идея выделения особого статуса узников фашистских концлагерей, чтобы празднование Победы отметило «не только тех, кто сражался на фронтах, а и тех, кто боролся в тылу врага, и тех, кто уже был приговорен к смерти, а боролся за победу, за жизнь» [15, с. 30]. Несмотря на то, что многие пленные (даже из числа награждённых в послевоенный период правительственными наградами) не считали себя героями, для них, тем не менее, важно было быть признанными частью «поколения Победы». По прошествии времени они сталкивались с вопросами собственных детей о военном прошлом, что вызывало чувство стыда за нереализованность военного опыта. Для скорейшей адаптации к мирным условиям многие военнопленные стремились как можно быстрее включиться в трудовую деятельность, проявляли себя как трудолюбивые граждане. Важным для них являлось получение различных благодарностей на работе, одобрения — это означало признание возвращения в общественную жизнь. Тем не менее, даже при условии удачной реинтеграции плен воспринимался как чёрное пятно на биографии, факт пребывания в неволе становился «дамокловым мечом», преследовавшим узника всю жизнь. «Докуда же будет тяготеть над человеком позор пленения, хотя и сделанного путём удушения хлором! Как будто он не бил фашистов, не защищал Севастополь, не был ранен!», — риторически восклицал А.С. Виноградов через 22 года после окончания войны [13, с. 78].

Таким образом, бывшие военнопленные сталкивались на Родине с рядом внешних бытовых и внутренних психологических проблем. Эти проблемы вызывались сочетанием комплекса факторов: неоднозначностью государственной политики, общими обстоятельствами послевоенной разрухи, изменениями в психике вследствие травматического опыта, социальными условиями и др.

Список литературы

1. *Арзамаскин Ю.Н.* Тайны советской репатриации. М.: Вече, 2015. 690 с.
2. *Галицкий В.П.* Проблема военнопленных и отношение к ней Советского государства // Советское государство и право. 1990. № 4. С. 124—130.
3. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р-9526. Оп. 1. Д. 301. Л. 216.
4. *Земсков В.Н.* «Возвращенцы» и «невозвращенцы» (о судьбе советских перемещённых лиц в 1944—1956 гг.) // Известия Самарского научного центра РАН. 2013. № 1. С. 103—112.
5. Интервью уполномоченного совнаркома СССР по делам репатриации советских граждан из Германии и оккупированных ею стран генерал-полковника Ф.И. Голикова // Репатриация советских граждан. М., 1945. С. 3—8.
6. *Кулагина В.Ю.* Создание и основные направления деятельности органов репатриации в СССР в годы Второй мировой войны // Известия ПГУ им. В.Г. Белинского. 2012. № 27. С. 759—763.
7. *Миц М.М.* Ветераны Отечественной войны (сводный реферат) // История России. Серия аналитических обзоров и сборников. 2015. № 1. С. 157—168.
8. Российский государственный архив литературы и искусства (далее — РГАЛИ). Ф. 2528. Оп. 6. Д. 415. Л. 69—89.
9. РГАЛИ. Ф. 2528. Оп. 6. Д. 417. Л. 1—3.
10. РГАЛИ. Ф. 2528. Оп. 6. Д. 422. Л. 51—53.
11. РГАЛИ. Ф. 2528. Оп. 6. Д. 428. Л. 56—64.
12. РГАЛИ. Ф. 2528. Оп. 6. Д. 431. Л. 78—79.
13. РГАЛИ. Ф. 2528. Оп. 6. Д. 432. Л. 1—8.
14. РГАЛИ. Ф. 2528. Оп. 6. Д. 434. Л. 30—33.
15. РГАЛИ. Ф. 2528. Оп. 6. Д. 437. Л. 1—30.
16. *Семиряга М.И.* Проблемы публикации исторических источников по истории Великой Отечественной войны (1941—1945) // Проблемы публикации документов по истории России: материалы Всероссийской научно-практической конференции научных и архивных работников. Москва, 1—2 июня 1999 г. М., 2001. С. 325—331.
17. *Сенявская Е.С.* Психология войны в XX в.: исторический опыт России. М.: РОССПЭН, 1999. 383 с.
18. Советские пленные Второй мировой войны: по архивным материалам Нижегородской области. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Н. Новгород, 2004. 28 с.
19. Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.: сб. документов. Т. 4. М.: Издательство политической литературы, 1979. 325 с.
20. *Шевченко В.В.* Деятельность лагерей специального назначения НКВД СССР в 1941—1946 гг. Автореферат дис. ... канд. ист. наук. Волгоград, 2010. 22 с.

Теория нации в советском обществоведении второй половины 1940-х — начала 50-х гг.

Аннотация. Статья посвящена анализу репрезентации теории нации в послевоенном советском обществоведении. Особое внимание уделяется дискуссиям о «социалистических нациях» и «русской буржуазной нации», прошедшим в начале 1950-х гг. Демонстрируется идеологический контекст дискуссий, выявляется инструменталистская функция теории нации. Делается вывод, что в «сталинской» теории наций существовало множество концептуальных и фактографических «пустот», которые заполнялись историками и этнологами.

Ключевые слова: «сталинская» теория нации, «социалистическая нация», «русская буржуазная нация», марризм.

THEORY OF THE NATION IN SOVIET SOCIAL SCIENCE IN THE SECOND HALF OF THE 1940s — EARLY 1950s

Abstract. The article analyzes the representation of the theory of the nation in Soviet social science in the second half of the 1940s and early 50s. Special attention is paid to the discussions about “socialist Nations” and “Russian bourgeois nation” that took place in the early 1950s. Demonstrated the ideological context of the discussions and reveals the instrumentalist function of the nation theory. It is concluded that in the Stalin’s theory of Nations there were many conceptual and factual “voids” that were filled by historians and ethnologists.

Keywords: Stalin’s theory of the nation, “socialist nation”, “Russian bourgeois nation”, marrism.

Теория нации в марксизме формально играла подчинённую роль, поскольку основой развития общества традиционно считались «базисные» социально-экономические отношения. Тем не менее большевики уделяли немало внимания «национальному вопросу» — и до революции, и тем более после. Национальные проблемы и национализм рассматривались лидерами партии как «камуфляж» социально-экономических конфликтов, поэтому борьба с ними неизбежно приобретала классовый оттенок [13, с. 90—91]. В этой ситуации акцент всегда делался на социально-экономических проблемах, преодоление которых, как считалось, позволит решить и «национальный вопрос». Однако, столкнувшись с многочисленными проблемами в

* **Виталий Витальевич Тихонов** — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра «Историческая наука России» Института российской истории Российской академии наук (Москва, Россия). e-mail: tihonovvitaliy@list.ru
Vitaliy V. Tikhonov — Doctor of Historical Sciences, Leading researcher in the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

этой сфере, советская власть вынуждена была уделить особое внимание их изучению.

В общественном сознании 1930—1940-х гг. господствовало определение нации, данное в знаменитой работе И.В. Сталина «Национальный вопрос и социал-демократия» (1913). Давно отмечено, что ряд положений он позаимствовал из сочинений «австромарксистов» (О. Бауэра, К. Реннера) и К. Каутского [20, с. 13; 11, с. 117]. Существует также мнение, согласно которому в написании текста самое деятельное участие принимал В.И. Ленин [20, с. 11; 17]. В нём давалось следующее определение: «Нация это исторически сложившаяся устойчивая общность людей, объединённых общностью языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры... Только наличие всех признаков, взятых вместе, даёт нам нацию» [11, с. 117; 19, с. 296]. Предложение Сталина оказалось очень «удобным» из-за своей непроработанности и расплывчатости: «В вопросах теории национальных процессов большевики исходили прежде всего из политической целесообразности, активно используя при этом расплывчатость признаков нации в определении Сталина» [16, с. 11].

Несмотря на наличие «сталинской теории», нельзя сказать, что советские учёные полностью отказались от разработки национальной проблематики, в том числе и в теоретической части. Большое влияние на определение наций и их истории в СССР имело «яфетическое языкознание» — «Новое учение о языке», разработанное Н.Я. Марром ещё в дореволюционное время [11, с. 53]. С конца 1920-х гг. оно стало не только поощряться, но и навязываться репрессивными методами.

Основные положения этой теории следующие. Во-первых, утверждалось, что все языки возникли независимо друг от друга, но развиваются по единым законам путём смешения и скрещивания. Во-вторых, отрицалась роль миграций в этнокультурном развитии. В-третьих, постулировалась классовая (а не этническая) сущность языка, который рассматривался как надстроечное явление, меняющееся при революционном изменении базиса. В-четвертых, развитие идёт не в направлении выделения новых языков, а наоборот, к формированию единого. Это позволяло предположить, что новый мировой язык появится в недалёком будущем и, естественно, это будет язык коммунистического общества [22].

Марризм из-за его расплывчатости можно было использовать в различных идеологических контекстах. Тем сложнее объяснить причину его разгрома в 1950 г. До сих пор исчерпывающего ответа на этот вопрос, как кажется, не появилось. Исследователи сходятся в том, что учение, с присущими ему интернационализмом, нацио-

нальным нигилизмом и классовостью, уже не отвечало новой советской патриотической идеологии [5, с. 464]. В нём слишком акцентировалась классовая сущность языка. Подчёркивалось, что язык различных социальных классов кардинально различается. В послевоенное время наметился курс на построение «общенародного» государства, лозунги классовой борьбы во внутренней политике звучали всё глуше. На первый план выдвигались идеи, призванные консолидировать граждан: «В системе официальной пропаганды язык постепенно превращался из средства борьбы за мировую революцию, торжество социализма и коммунизма в одну из важнейших составляющих понятия “нация”» [8, с. 95].

Возможно, определённую роль играли и внешнеполитические факторы. Победа коммунистической партии в Китае превратила эту страну в важнейшего союзника СССР. В марровской теории китайский язык представлял собой низшую стадию развития. Существуют свидетельства, что китайские студенты, приезжавшие в Советский Союз для получения образования, отказывались из-за этого изучать советское языковедение [9, с. 296]. В ряду причин обязательно называется и субъективный фактор в лице Сталина. «Вождь» любил периодически подтверждать свой статус главного теоретика. Поэтому во многом появление его статей против марризма носило спонтанный характер и обуславливалось личными амбициями [11, с. 177].

Дискуссия по вопросам языкознания началась со статьи грузинского лингвиста А. Чикобава, опубликованной 9 мая 1950 г. в «Правде». В ней критиковались основные положения учения Марра. Газета объявила открытую дискуссию. Большинство пришедших статьи высказались в поддержку марризма [11, с. 219]. Но 20 июня, неожиданно для участников разгоревшейся дискуссии, «Правда» опубликовала статью Сталина «Относительно марксизма в языкознании». Основные идеи её были следующими. Во-первых, отрицалось, что язык является надстройкой над базисом и, следовательно, должен радикально трансформироваться с изменением социально-экономического строя. Во-вторых, если язык не часть надстройки, значит его нельзя считать классовым явлением. Сталин подчеркнул, что для государства, вне зависимости от господствующего строя, требуется единый национальный язык. Он утверждал, что язык является наследием истории многих поколений. Таким образом, постулировались типичные для позднесталинской идеологии идеи преемственности и единства, а не революционного разрушения и преобразования [18, с. 119].

Новая теоретико-идеологическая ситуация привела к активному началу исследований образования наций. Разумеется, в основном они сводились к комментированию и фактическому обоснованию

положений, выдвинутых Сталиным. В то же время идеологическая система встала перед новыми вызовами, обусловленными послевоенными реалиями и статусом сверхдержавы. Теперь перед идеологами и теоретиками стояла задача сформулировать понятные рецепты перехода к социализму для многомиллионного населения стран, оказавшихся в социалистическом лагере или могущих в нём оказаться. Одной из проблем и стал «национальный вопрос». Особенное значение он приобретал в условиях кризиса и распада колониальной системы. В этой ситуации актуализировалась формула необходимости единения пролетарского и национально-освободительного движения. В определённом смысле можно говорить, что возродилась идея Советского Союза как многонациональной федерации, открытой для вступления в неё других государств. Помимо этого, советское равноправие наций и федерализм должны были противопоставляться капиталистической эксплуатации и национальному угнетению.

Очередная идеологическая мобилизация, пришедшаяся на послевоенное время и плотно вписанная в реалии наступившей холодной войны, отличалась ярко выраженными национальными мотивами. Одновременно усилилась начавшаяся ещё до войны реабилитация русскости (правда, помещённой в контекст построения социалистического общества). Теперь упоминания русского народа как «первого среди равных» строителей коммунизма стало обязательным.

В этом контексте и следует рассматривать дискуссию о социалистической нации, развернувшуюся в начале 1950-х гг. Требовалась выработка основных положений и «идеологического функционала» этой концепции.

Интересно, что данная задача во многом оказалась поручена историкам. Причины этого кроются в том, что в обществоведении нации рассматривались как историческое явление. Однако его представители оказались в порочном круге бесконечного цитирования Ленина и Сталина, а вся аналитическая часть зачастую сводилась к количеству эпитетов «гениальный» [3]. Между тем, как это случилось и ранее, в новой догме существовало множество теоретических пустот, требовавших заполнения и предполагавших определенную дискуссионность.

Пожалуй, главным теоретиком социалистической нации стал М.П. Ким. 24 декабря 1951 г. на заседании Ученого совета Института истории АН СССР он сделал доклад «К вопросу о формировании социалистической нации в СССР», выдержанный в рамках традиционной для марксистского подхода установки о доминировании базиса по отношению к «надстроечным явлениям». Оратор напря-

мую выводил особенности социалистической нации из социально-экономического строя. Он утверждал, что буржуазные нации развиваются стихийно и могут появляться ещё до победы буржуазного строя, в то время как социалистические возникают только после победы социализма. В последнем случае национальное строительство происходит не стихийно, а планомерно. Естественно, планомерность возможна только под руководством партии [7, л. 26]. При этом подчёркивалась и хронологическая разница в развитии наций: если буржуазные появляются в течение столетий, то социалистическая складывается в течение полутора—двух десятилетий [7, л. 29]. Очевидно, этот пассаж должен был обосновать быстроту построения социализма в СССР (согласно идеологии) и форсированное построение нового общества в странах социалистического лагеря. Важной новацией стал тезис о двух типах пути к социалистической нации. Так, одни становились таковыми, уже будучи полноценными буржуазными нациями, другие — на основе народов и народностей, которые до революции ещё не сложились в нации.

Последний тезис вызвал споры. Так, в программной статье А.К. Азизяна утверждалось, что советская власть не создавала нации, а они появились в результате объективного развития и уже к революции их вполне можно рассматривать в качестве буржуазных [4]. Впрочем, схожего с Кимом взгляда придерживался И. Цамерян [21]. Сам историк не стал отказываться от своего тезиса и повторил его в статье [12].

К дискуссии о «социалистической нации» тесно примыкала и дискуссия о «русской буржуазной нации». Взаимосвязь их очевидна. Именно русский народ (особенно пролетариат) считался лидером народов в их переходе к социализму. В этой связи такие вопросы, как определение времени появления «русской буржуазной нации», её классовый состав, взаимодействие с другими народами империи превращались в определение готовности России к переходу к социализму и построению социалистических наций.

Проблема интенсивно разрабатывалась в Институте истории, где даже были созданы специальные сектора по изучению формирования буржуазных и социалистических наций. 15 февраля 1952 г. Н.М. Дружинин прочитал доклад «Формирование русской буржуазной нации». Он связал её появление с развитием капиталистического уклада и отнёс начало процесса к середине XVIII в., а завершение — к 1880-м гг. Особенностью генезиса «русской буржуазной нации» стало то, что главной движущей силой её формирования стала не буржуазия, а крестьянство. Большое внимание докладчик уделил русской культуре, «прогрессивные черты» которой облегчили переход к пролетарской культуре. «Отставая от Зап[адной] Евр[опы]

пы] в экономическом отношении, русская буржуазная нация своей демократической культурой оказала благотворное влияние на передовые слои западноевропейского общества. Ещё большее значение имела русская культура для духовного и политического подъёма более отсталых народов» [14, л. 20]. При обсуждении доклада основные возражения вызвало время формирования «буржуазной нации». Ряд историков (Н.В. Устюгов, М.В. Нечкина) считали, что её развитие следует начинать с середины XVII в., когда в России начал формироваться капиталистический уклад.

Развитием теории «русской буржуазной нации» стала идея Нечкиной о «двух культурах». Вероятно, первый доклад на эту тему и его обсуждение состоялись в Институте истории 7 июля 1952 г. Накануне заседания автор представила тезисы, которые предварялись двумя цитатами. Первая принадлежала В.И. Ленину: «В каждой национальной культуре есть, хотя бы неразвитые, элементы демократической и социалистической культуры, ибо в каждой нации есть трудящаяся и эксплуатируемая масса, условия жизни которой неизбежно порождают идеологию демократическую и социалистическую. Но в каждой нации есть также культура буржуазная, а в большинстве ещё черносотенная и клерикальная, — притом не в виде только элементов, а в виде господствующей культуры» (Критические заметки по национальному вопросу (1913). Вторая была взята из ультра-актуального на тот момент сочинения Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» (1950): «Ленин признавал наличие двух культур при капитализме, буржуазной и пролетарской... Лозунг национальной культуры при капитализме есть националистический лозунг. Всё это верно, и Ленин здесь абсолютно прав» [6, л. 97]. Таким образом, архитектура эпиграфов была выстроена так, чтобы второе высказывание легитимировало первое. Цитата из Ленина не являлась автоматически верной, желательным было её актуальность подтвердить сталинским словом.

После такой нехитрой уловки Нечкина уже могла говорить о существовании полноценного «ленинско-сталинского учения» о «двух культурах» — передовой и реакционной. По её мнению, их борьба началась уже с Радищева. Она развернулась в рамках становления и развития «русской буржуазной нации». Докладчица утверждала, что до 1870-х гг. нельзя говорить о единой русской культуре, а нужно выделять культуру эксплуататорских классов и передовую (демократическую и социалистическую) культуру. Появление последней в пореформенной России явилось предпосылкой формирования социалистической нации [6, л. 98—103]. Замечу, что фактически здесь акцент смешался с экономических факторов на культурные.

На обсуждении доклада Дружинин осторожно согласился с рядом положений, но возразил против тезиса о появлении социалистиче-

ской культуры в пореформенное время [6, л. 2 об]. Несмотря на критику, Нечкина повторила свои тезисы в статье, опубликованной в «Литературной газете» [15]. Выделение «двух культур» позволяло обосновать концепцию «блага», прописанную в её же статье «К вопросу о формуле “наименьшего зла”». Получалось, что присоединение народов к России не столько вводило в ареал реакционной культуры, сколько давало возможность приобщиться к прогрессивной культуре — демократической, а в перспективе и социалистической.

Фактически концепция Нечкиной позволяла теоретически обосновать реабилитацию части дореволюционной истории и культуры. Получалось, что их творило две «нации», одна из которых являлась предшественницей советской. Но историки не приняли этот взгляд. 22 февраля 1953 г. С.С. Дмитриев записал: «Вчера в Институте истории прорабатывали Нечкину за её вздорную статью в “Лит. Газете” “Народ и культура”. Выступали 7 человек (Дружинин, Козьмин, Полевой, Гефтер и др.), все с критикой» [10, с. 142; 1, с. 374, 668-669]. Сохранилось письмо Гефтера Нечкиной с возражениями против её теории [2, с. 396—397].

Смерть Сталина затормозила дискуссию. К началу 1950-х гг. советская теория этноса и наций парадоксальным образом оставалась запутанной — как терминологически, так и концептуально. Тексты «вождя» сложно было назвать вершиной этнологической науки, часто он избегал точных определений, подменяя их перечислением признаков, но спорить с ними не мог никто. Тем не менее в ряде случаев возникали «теоретические пустоты», которые могли заполнить историки и этнографы, и некоторые из них предпринимали активные попытки в этом направлении.

Список литературы

1. «...И мучилась, и работала невероятно»: дневники М.В. Нечкиной. М.: РГГУ, 2013. 822 с.
2. «История в человеке» — академик М.В. Нечкина: документальная монография. М.: Новый хронограф, 2011. 1067 с.
3. *Азизян А.* Развитие товарищем Сталиным марксистско-ленинской теории по национальному вопросу // *Большевик*. 1950. № 3. С. 21—36.
4. *Азизян А.К. И.В. Сталин о возникновении и развитии социалистических наций в СССР* // *Вопросы истории*. 1952. № 9. С. 33—34.
5. *Алпатов В.М.* Марр, марризм и сталинизм // *Подвладная наука? Наука и советская власть*. М.: Голос, 2010. С. 441—467.
6. АРАН. Ф. 1604. Оп. 1. Ед. хр. 137.
7. АРАН. Ф. 1577. Оп. 2. Ед. хр. 282.
8. *Басовская Е.Н.* Советская пресса — за «чистоту языка». 60 лет борьбы. М.: РГГУ, 2011. 328 с.

9. *Вдовин А.И.* Русские в XX в. Трагедии и триумфы великого народа. М.: Вече, 2013. 621 с.
10. Из дневников Сергея Сергеевича Дмитриева // Отечественная история. 1999. № 5. С. 142—169.
11. *Илизаров Б.С.* Почётный академик Сталин и академик Марр. М.: Вече, 2012. 432 с.
12. *Ким М.П.* К вопросу о формировании социалистических наций // Вопросы истории. 1953. № 1. С. 16—39.
13. *Мартин Т.* Империя положительной деятельности: Советский Союз как высшая форма империализма // Государство наций: империя и национальное строительство в эпоху Ленина и Сталина. М.: РОССПЭН, 2011. С. 88—116.
14. Научный архив Института российской истории РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 808.
15. *Нечкина М.* Народ и культура. К вопросу о двух культурах в русской национальной культуре в эпоху поднимающегося капитализма // Литературная газета. 1952. 22 ноября.
16. *Никитин Д.Н.* Журнал «Революция и национальности». Теория и практика национального строительства в СССР (1930—1937 гг.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1997.
17. *Сokolовский С.* «Итальянские корни» советской теории этноса (URL: <https://postnauka.ru/longreads/8877>)
18. *Сталин И.В.* Сочинения. Т. 16. М.: Писатель, 1997.
19. *Сталин И.В.* Сочинения. Т. 2. М.: Политиздат, 1946.
20. *Филиппов Р.В.* «Советская теория этноса»: историографический очерк. М.: Институт Африки РАН, 2010. 214 с.
21. *Цамерян И.* Великая эпоха формирования и развития социалистических наций в СССР // Вопросы истории. 1950. № 11. С. 17—42.
22. *Шнирельман В.А.* Злоключения одной науки: этногенетические исследования и сталинская национальная политика // Этнографическое обозрение. 1993. № 3. С. 42—66.

Развитие института личной охраны руководителей СССР в 1945—1982 гг.

Аннотация. В статье на основе воспоминаний руководителей и сотрудников органов государственной охраны СССР предпринята попытка реконструкции организации и деятельности подразделений государственной охраны по обеспечению безопасности первых лиц Советского Союза. Авторы приходят к выводу, что в указанный период были приняты серьёзные меры, направленные на качественное улучшение системы безопасности руководителей СССР. Они выразились в совершенствовании организационной структуры подразделений государственной охраны, увеличении числа сотрудников выездной охраны, организации профессиональной подготовки сотрудников. Ведущим фактором развития института личной охраны являлось увеличение количества и продолжительности поездок — главным образом зарубежных. Однако неоднократно повторявшиеся инциденты, создававшие опасность для жизни и здоровья охраняемых лиц, не позволяют говорить о том, что созданная в послевоенный период система охраны была высокоэффективной.

Ключевые слова: Народный комиссариат государственной безопасности СССР, Министерство государственной безопасности СССР, Комитет государственной безопасности СССР, 9-е Управление, государственная охрана, личная охрана, террористический акт.

DEVELOPMENT OF THE INSTITUTE OF PERSONAL SECURITY OF LEADERS IN THE USSR IN 1945—1982

Abstract. This article presents an attempt to reconstruct the organization and activities of state security units to ensure the security of top officials of the Soviet Union in 1945—1982. The work is based on the memoirs of the heads and employees of the state security bodies of the USSR. The authors conclude that during this period, serious measures were taken to improve the quality of the security system of the leaders of the USSR. They were expressed in improving the organizational structure of state security units, increasing the number of field security personnel, and organizing professional training of employees. The leading factor in the development of the Institute of personal protection was the increase in the number and duration of trips, mainly foreign ones. Even emphasized democratic behavior of the Soviet leaders does not lead to a significant weakening of their protection. However, repeated incidents that created a real

* **Алексей Николаевич Гребенкин** — доктор исторических наук, доцент, сотрудник Академии Федеральной службы охраны Российской Федерации (Орёл, Россия). e-mail: angrebyonkin@mail.ru

Alexey N. Grebenkin — Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Academy of the Federal Security Guard Service of the Russian Federation (Oryol, Russia).

Алексей Владимирович Левда — сотрудник Академии Федеральной службы охраны Российской Федерации (Орёл, Россия).

Alexey V. Levda — Academy of the Federal Security Guard Service of the Russian Federation (Oryol, Russia).

danger to the life and health of protected persons do not allow us to say that the security system created in the post-war period was highly effective.

Keywords: People's Commissariat of State Security of the USSR, Ministry of State Security of the USSR, State Security Committee of the USSR, 9th Directorate, state security, personal security, terrorist act.

Комплексная научная характеристика эволюции института личной охраны руководителей СССР в 1945—1982 г. — необходимое условие полноценного анализа современного состояния и перспектив развития Службы безопасности Президента РФ. Именно в этот период темп жизни первых лиц Советского Союза вплотную приблизился к темпу жизни главы России, технические возможности осуществления охранных мероприятий различного уровня претерпели кардинальные изменения, а угрозы совершения террористических актов в отношении первых лиц приобрели реальные очертания. Поэтому модификация организационных схем и методики охраны генсеков может рассматриваться как предпосылка становления СБП ФСО России, изучение которой имеет большое практическое значение в контексте дальнейшего совершенствования системы обеспечения безопасности главы нашей страны.

Между тем институт личной охраны руководителей СССР в рассматриваемый период остаётся в отечественной историографии белым пятном. Главная причина — недоступность для исследователей подавляющего большинства служебных документов, которые относятся к числу секретных и совершенно секретных. И если процесс становления и совершенствования охраны первых лиц РСФСР и СССР в довоенный период охарактеризован достаточно подробно [1, 2], а научный анализ системы обеспечения безопасности И.В. Сталина в 1939—1945 г. дан в недавнем исследовании [8], то развитию личной охраны лидеров СССР в послевоенный период уделено лишь несколько страниц в общих работах по истории органов государственной охраны [10, 14]. Настоящая работа призвана отчасти восполнить этот пробел.

Существенный изъян источниковой базы несколько компенсируется обращением к воспоминаниям сотрудников охраны. Здесь следует сделать замечание: характеристика охраны руководителей СССР «доперестроечной» эпохи в них дана относительно нейтрально, без резких эмоциональных оценок. Этого, к сожалению, нельзя сказать о воспоминаниях, относящихся к периодам руководства М.С. Горбачёва [3, 7, 12] и Б.Н. Ельцина [11]: мемуаристы пишут о том, что было связано с их личной охраной, крайне субъективно, испытывая к этим политикам далеко не лучшие чувства.

Обратимся к предмету нашего исследования. С 1943 г. охрану руководителей советского государства осуществляли 6-е и другие

управление Наркомата государственной безопасности СССР (НКГБ СССР), а также милиция и воинские формирования. Так, в поездке Сталина в Потсдам в июле 1945 г. было задействовано большое количество личного состава разных ведомств. Спецпоезд Сталина охраняло 90 офицеров, перед ним следовал контрольный состав с 40 оперативными сотрудниками 6-го управления, а сзади — поезд с 70 бойцами войск НКВД СССР. На станциях, расположенных на пути следования, выставлялись наряды милиции, в охране железнодорожных путей было задействовано 17 140 бойцов НКВД. Кроме того, «на каждые 3—5 километров пути... приходилось по оперативнику, который отвечал за агентурно-оперативные мероприятия в пятикилометровой зоне дороги» [6, с. 55]. Наконец, безопасность зоны пути следования поезда, в которой не должно было находиться ни одного потенциального террориста, обеспечивало 4-е управление НКВД.

После войны институт государственной охраны претерпел серьёзные организационные изменения. В соответствии с приказом Министерства государственной безопасности СССР от 15 апреля 1946 г. на базе 6-го управления создавались два управления охраны. Управление № 1, которое возглавлял генерал-майор А.К. Кузнецов, осуществляло личную охрану Сталина и, таким образом, может быть сопоставлено со Службой безопасности Президента РФ Федеральной службы охраны РФ. Управление № 2 во главе с генерал-лейтенантом Н.С. Власиком (в мае 1946 г. его сменил генерал-майор Д.Н. Шадрин) занималось обеспечением безопасности других руководителей СССР. Однако уже 25 декабря оба управления, а также управление коменданта Московского Кремля были объединены в Главное управление охраны (ГУО) МГБ СССР во главе с Власиком. В его рамках охраной Сталина занималось 1-е управление, которое в 1946—1948 гг. возглавлял генерал-майор С.Ф. Кузьмичёв, а в 1949—1952 гг. — полковник А.М. Раков.

В 1947—1952 гг. ГУО обеспечило охрану и безопасность большого количества массовых мероприятий (парадов и демонстраций на Красной площади, физкультурных и авиационных праздников и т.п.). В обеспечении безопасности у Мавзолея В.И. Ленина во время торжественных мероприятий на Красной площади большую роль играл Полк специального назначения [13, с. 71]. Напряжения сил потребовали празднование 800-летия Москвы (сентябрь 1947 г.) и 70-летнего юбилея Сталина (декабрь 1949 г.), а также частые поездки Сталина на отдых на южных курортах. По свидетельству Власика, при следовании к месту проведения отпуска и на отдыхе он вёл себя достаточно демократично. В августе 1947 г. Сталин ехал из Москвы до Харькова на автомобиле, делая остановки в г. Щекино Тульской обл., Орле и Курске, и лишь в Харькове сел на поезд, шедший

в Симферополь. Во время остановок он прогуливался по улицам и общался с местными жителями, для которых встреча с ним стала полной неожиданностью, а в Курске отдыхал на квартире у одного из сотрудников МГБ. Находясь в Сочи, много гулял и активно общался с отдыхающими. На Кавказ до войны он ездить опасался, но теперь всё себя так же просто: например, в августе 1951 г., встречаясь с земляками в грузинском г. Хашури, «беседовал со стариками, покатал ребятишек в машине, имел тёплый разговор с полковником артсклада и пригласил его за свой стол» [4, с. 157]. Генсек требовал, чтобы при нем не находилось много сотрудников охраны, поэтому его обычно сопровождали Власик, секретарь А.Н. Поскребышев и 2—3 офицера. Когда на оз. Рица для Сталина была построена дача, он распорядился снять ворота, закрывавшие проезд к ней, чтобы отдыхающие могли заходить на территорию и гулять вокруг озера. К сотрудникам охраны, по воспоминаниям личного охранника А.Т. Рыбина, «хозяин» относился с теплотой и вниманием: по его личному распоряжению тем, кто нёс службу на постах, повысили зарплату и выдали второй комплект обмундирования [5, с. 97].

В то же время, послевоенные репрессии не обошли стороной и руководство охраны. 29 апреля 1952 г. Власик был отстранён от работы и откомандирован в распоряжение МВД СССР, а 15 декабря арестован. Обязанности начальника ГУО стал исполнять (по совместительству) министр госбезопасности С.Д. Игнатьев. 23 мая 1952 г. ГУО было реорганизовано в управление охраны МГБ, а управления № 1 и № 2 преобразованы в отделы управления, куратором которого являлся Игнатьев. Фактическое руководство охраной высших должностных лиц осуществляли заместитель министра генерал-лейтенант В.С. Рясной и заместители начальника УО полковник Н.П. Новик и подполковник П.Н. Максименко. 1-й отдел УО, занимавшийся личной охраной Сталина и других руководителей СССР, возглавлял М.С. Мартынов.

14 марта 1953 г. для обеспечения охраны руководящих кадров государства в составе объединённого МВД было создано 9-е управление, начальником которого стал ставленник Берии Кузьмичёв. В июне его сменил заведующий отделом Московского обкома партии К.Ф. Лунёв, но уже через месяц ему на смену пришёл 1-й секретарь Пролетарского райкома КПСС Москвы В.И. Устинов. Личную охрану Н.С. Хрущёва и других советских лидеров обеспечивал 1-й отдел во главе с полковником госбезопасности Н.С. Захаровым, ранее занимавшим должность начальника УМВД по Кемеровской обл. и имевшим, по собственному признанию, самые общие представления о работе строго засекреченного управления [9, с. 57—58]. Его заместителем стал полковник Д.Н. Васильев, в течение многих лет

охранявший Сталина. 13 марта 1954 г. указом президиума Верховного совета СССР был образован Комитет государственной безопасности при Совете министров СССР. Задачи организации и осуществления охраны руководителей страны возложили на 9-е управление КГБ. Его последовательно возглавляли генерал-майор В.И. Устинов (1954—1957), генерал-лейтенант Н.С. Захаров (1958—1961), генерал-майор В.Я. Чекалов (1961—1967), генерал-лейтенант С.Н. Антонов (1968—1974), генерал-лейтенант Ю.В. Сторожев (1974—1983) и генерал-лейтенант Ю.С. Плеханов (1983—1991).

Таким образом, в первое послевоенное десятилетие государственная охрана претерпела не только организационные, но и кадровые изменения — причем далеко не всегда к лучшему.

Изначально 9-е Управление включало в себя шесть номерных отделов, хозяйственный отдел и отдел кадров. 1-й отдел состоял из отделений личной охраны первых лиц государства. Захаров вспоминал, что в составе отделения охраны были начальник, его заместители и комендант, который нес ответственность за работу вспомогательного персонала и поддержание порядка на охраняемом объекте, «каждое отделение насчитывало от 20 до 25 человек, а когда была т.н. выездная охрана, отделение увеличивалось на 18—20 человек, так как в хвостовой машине всегда находились пять офицеров, дежуривших сутки через двое» [9, с. 64—65]. Ключевую роль играли начальник и его заместители («прикреплённые»), которые, сменяя друг друга, находились при охраняемом и отвечали за организацию деятельности рядовых сотрудников охраны.

Одно из отделений (исначально 16-е, с 1957 г. — 25-е, с 1959 г. — 1-е, с 1960 г. — 18-е) представляло собой оперативный резерв, в задачи которого входило обеспечение безопасности советского руководства во время поездок. Как отмечал «прикреплённый» Л.И. Брежнев и начальник охраны М.С. Горбачёва В.Т. Медведев, «18-е отделение... считалось “цветом” нашего 9-го управления. Именно там готовились сотрудники личной охраны, в простонародье — телохранители, там формировались команды для сопровождения руководителей партии и правительства по стране и за рубежом» [12, с. 22—23]. 2-й номер был закреплён за отделением службы и специальной проверки, которое в 1959 г. реорганизовали в отдел службы и боевой подготовки. 5-й отдел состоял из трёх отделений: 1-е занималось охраной Московского Кремля и Красной площади, 2-е — трасс проезда, 3-е — городских мест жительства охраняемых лиц. Кроме того, в состав управления входили четыре комендатуры (в Большом Кремлёвском дворце, Мавзолее Ленина, Сочи и Ялте).

В 1950-е гг. резко возросло количество международных конференций и встреч на высшем уровне. Конференции в Берлине и Же-

неве (1954), визиты советского руководства в Югославию (1955), Великобританию, Китай, Индонезию, Монголию (1957), США (1959, 1960) потребовали огромного напряжения сил охраны. Хрущёв, в отличие от Сталина, часто отправлялся в продолжительные заграничные поездки. Как отмечал впоследствии заместитель начальника отдела службы и боевой подготовки 9-го управления КГБ СССР В.Н. Величко, «визит в США 1959 г. длился почти полмесяца (15—27 сентября), во Францию (23 марта — 3 апреля) — 10 дней. Пребывание на ежегодной 15-й Генеральной Ассамблее ООН затянулось больше чем на месяц» [3, с. 169]. Начальнику 9-го управления Захарову пришлось выстраивать систему охраны первого секретаря ЦК КПСС в заграничных поездках практически с нуля. При этом Хрущёв почти не интересовался вопросами охраны. Уже упоминавшийся Величко, ссылаясь на слова Захарова, писал, что «при подготовке первого визита в США в сентябре 1959 г. он не пожелал знакомиться с планом мероприятий по обеспечению своей безопасности» [3, с. 172]. Между тем этот план, разработанный исключительно профессионально, предусматривал все возможные варианты нештатных ситуаций. Например, регламентировались действия в случае вынужденной посадки самолета (в Атлантическом океане для подстраховки дежурили восемь рыболовных судов, которые должны были при необходимости прийти на помощь). Разумеется, самолеты, пилоты и личный состав очень хорошо подготовились к поездке. Сотрудники не только упражнялись в стрельбе и боевых искусствах, но и прошли интенсивный курс всестороннего знакомства с США. Руководители КГБ, 9-го управления и 1-го отдела отправились туда заблаговременно, чтобы просчитать, как разработанные планы будут реализовываться на месте, и наладить взаимодействие с американскими спецслужбами, охранными структурами, полицией и воинскими формированиями. Ряд сотрудников 1-го отдела и представителей посольства, а также часть обслуживающего персонала также вылетели в США до прибытия туда Хрущёва, чтобы подготовиться к его прибытию как с точки зрения протокола и безопасности, так и в сугубо бытовом отношении. В дальнейшем такая схема стала привычной.

Многочисленные меры предосторожности, однако, не смогли предотвратить несколько инцидентов, когда главу государства от возможной гибели могла спасти лишь самоотверженность личного состава охраны. Так, в сентябре 1961 г., при прибытии Хрущёва в Вену для встречи с президентом США Дж.Ф. Кеннеди, в первого секретаря, выходявшего из вагона, кто-то бросил пакет. Сотрудник охраны М.П. Солдатов, бросившись к свертку, накрыл его собой. В пакете, к счастью, оказалась не бомба, а частное письмо с прось-

бой. Поэтому Хрущёв неоднократно давал высокую оценку работы людей, отвечавших за его безопасность.

Расширение круга задач и их усложнение заставили принять меры по совершенствованию подготовки сотрудников. Медведев, пришедший на службу в 9-е управление в 1962 г., вспоминал: «Занимались рукопашным боем, стреляли из пистолета в тире, выезжали на стрельбище и за город, там уже вели огонь из автоматов, кроме того, бегали кроссы, плавали, сдавали разнообразные зачеты по лёгкой атлетике, зимой ходили на лыжах» [12, с. 22]. Большое внимание уделялось развитию навыков оказания первой медицинской помощи. Кроме того, телохранители должны были уметь прикрыть охраняемое лицо огнем, вывести его из сектора обстрела.

Начальником личной охраны Брежнева являлся А.Я. Рябенко, который работал с ним в качестве личного шофёра с 1938 г. У него было три заместителя, дежуривших при генсеке поочередно. Одним из них с 1973 г. был Медведев, в качестве «прикреплённого» вошедший в круг самых близких к нему людей. С главой государства его связывали не только служебные, но и неформальные отношения: «Я вошёл в эту семью как свой. Вплоть до того, что собирал и складывал Леониду Ильичу в чемодан все вещи, когда мы отправлялись в командировку... Я и теперь считаю, что личная охрана потому и называется личной, что это во многом семейные отношения» [12, с. 26]. Членам Политбюро ЦК КПСС полагались начальник личной охраны и два заместителя, кандидатам в члены — два охранника, секретаря ЦК КПСС — один.

Вторая половина 1960-х — 1980-е гг. были временем напряжённой работы всех подразделений госохраны. Наиболее трудоёмкими и ответственными задачами, по мнению заместителя начальника 9-го управления в 1975-1989 гг. М.С. Докучаева, являлись «задачи по обеспечению безопасности советских руководителей во время их поездок по стране и за рубеж, участия в крупных общественных мероприятиях» [7, с. 42]. Брежнев даже в преклонном возрасте совершал примерно 50 заграничных визитов в год. Поездки и полёты не были безопасными: однажды во время визита в Гвинею и Гану его самолет был обстрелян французскими истребителями и лишь мастерство пилота, министра гражданской авиации СССР Б.П. Бугаева, позволило сохранить Генеральному секретарю жизнь. В Гамбурге борт Брежнева едва не столкнулся с неожиданно, в нарушение действовавших правил приземлившимся самолётом транспортной авиации США. Катастрофу предотвратил командир экипажа А.Г. Майоров [3, с. 177]. Неоднократно фиксировались сигналы о готовящихся покушениях (в июне 1977 г. во время визита в Париж и в мае 1978 г., когда он находился в Вестфалии).

Однако настоящая попытка покушения на Брежнева произошла не за рубежом, а в Кремле. 21 января 1969 г. младший лейтенант В.И. Ильин, служивший в 61-м геодезическом отряде в г. Ломоносов Ленинградской обл., дезертировал, похитив из оружейной комнаты «два пистолета ПМ с четырьмя магазинами, снаряжёнными 32-м боевыми патронами» [14, с. 305]. Прибыв в Москву, он навестил своего дядю — бывшего сотрудника милиции, и украл у него милицмейскую шинель с погонами и фуражку. Благодаря форме Ильин на следующий день, 22 января, без пропуска сумел пройти в Кремль, где встал в милицмейское оцепление у Боровицких ворот, по случайности оказавшись между двумя взводами, сотрудники которых не знали друг друга. Он вёл себя достаточно раскованно, «сам активно занимался наведением порядка у Боровицких ворот и этим сбил с толку сотрудников госбезопасности» [12, с. 35]. При этом никто не обратил внимания, что незнакомый сержант как-то странно держит руки (Ильин прятал пистолеты в рукавах). Состав кортежа не был засекречен: напротив, по радио во всеулышание объявили, что космонавты едут в первой машине, а во второй находится Генеральный секретарь ЦК КПСС. При проезде в Кремль автомобилей, которые у ворот притормаживали, террорист открыл огонь из обоих пистолетов по второму лимузину, полагая, что в нём находился Брежнев. На самом деле, поскольку из-за задержки генсека его машина оказалась в кортеже пятой по счёту, а машина с космонавтами следовала второй, Ильин целился в летчика-космонавта СССР генерал-майора Г.Т. Берегового, который был похож на Брежнева. Выстрелами был убит водитель лимузина И.Е. Жарков и ранен мотоциклист группы эскорта В.А. Зацепилов, который сумел перекрыть сектор обстрела. Рискуя жизнью, лейтенант И.И. Боков и младший лейтенант М.Н. Ягодкин задержали Ильина.

Этот террористический акт, с одной стороны, продемонстрировал мужество и самоотверженность сотрудников 9-го управления, с другой же показал, насколько уязвима система обеспечения безопасности первых лиц. После покушения выездную охрану Брежнева существенно усилили. Теперь она состояла из 10 чел. (три смены по трое плюс один подменный). В каждую смену включался «прикреплённый» — заместитель начальника личной охраны.

Таким образом, личная охрана советских лидеров в 1945—1982 гг. претерпела серьёзные изменения. Постоянно совершенствовалась её организационная структура, росло число сотрудников выездной охраны, улучшалась их профессиональная подготовка. Главным фактором, повлиявшим на развитие института, стало увеличение количества и продолжительности поездок — главным образом зарубежных. Даже подчеркнуто демократичное поведение советских ли-

дерев не приводило к ослаблению их охраны. Однако неоднократно повторявшиеся инциденты, создававшие опасность для жизни и здоровья охраняемых лиц, не позволяют говорить о том, что созданная в послевоенный период система охраны отличалась высокой эффективностью. Многие ещё предстояло сделать.

Преимники Брежнева — Ю.В. Андропов и К.У. Черненко — не успели внести каких-либо корректив в организацию государственной охраны. Серьезные изменения, в результате которых 9-е управление и работавшие совместно с ним подразделения стали постепенно превращаться в мощную структуру, способную оказывать эффективное противодействие попыткам посягнуть на жизнь и здоровье главы государства, произошли уже при М.С. Горбачёве.

Список литературы

1. *Бухарин Р.Р.* Личная охрана председателя Совета народных комиссаров РСФСР (СССР) В.И. Ленина // История государства и права. 2011. № 17. С. 35—39.
2. *Бухарин Р.Р.* О некоторых проблемах историографии охраны Московского Кремля в период с 1918 по 1941 г. // Власть. 2012. № 3. С. 177—181.
3. *Величко В.* От Лубянки до Кремля. Нетуристические поездки по миру. М.: Аква-Терм, 2013. 624 с.
4. *Власик Н.* «Он вникнул буквально во всё...» (Из дневников начальника личной охраны Сталина) // Наш современник. 2005. № 10. С. 149—158.
5. *Власик Н.С., Рыбин А.Т., Чадаев Я.Е.* Рядом со Сталиным. На службе у вождя. М.: Алгоритм, 2018. 240 с.
6. «Горничных представить к наградам» // Коммерсантъ—Власть. 2000. 18 июля. С. 52—55.
7. *Докучаев М.С.* Я охранял Брежнева и Горбачёва. Откровения генерала КГБ. М.: Алгоритм, 2016. 256 с.
8. *Жиляев В.И.* Деятельность подразделений государственной охраны СССР в 1939—1945 гг. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2012. 200 с.
9. *Захаров Н.С.* От ГУЛАГа до Кремля. Как работала охрана НКВД—КГБ. М.: Алгоритм, 2017. 224 с.
10. История органов государственной охраны и подразделений специальной связи: учебное пособие / Под ред. В.Д. Тарасова. Голицыно: ГПИ ФСБ России, 2010. 287 с.
11. *Коржаков А.В.* Борис Ельцин: от рассвета до заката 2.0. М.: Эксмо, 2018. 384 с.
12. *Медведев В.* Человек за спиной. М.: Русслит, 1994. 314 с.
13. *Морихин В.Е., Трошин А.А.* Президентский полк: история и современность. М.: Кучково Поле, 2006. 219 с.
14. Энциклопедия Федеральной службы охраны РФ. Т. 1. История органов государственной охраны и специальной связи России / Под общ. ред. Е.А. Мурова. М.: Кучково Поле, 2011. 480 с.

Отцовство как нормативная категория в советском законодательстве 1940—1960-х гг.**

Аннотация. В статье рассматривается изменение нормативной модели отцовства в советском законодательстве 1940—1960-х гг. Предпринята попытка проанализировать как действующее в ту эпоху брачно-семейное право, так и материалы обсуждения нового Кодекса (1968) и нереализованные проекты кодексов. По итогам анализа делается вывод, что новая нормативная категория отцовства отказывалась от примата юридического, и являлась эклектичной моделью, включавшей в себя черты биологического, нормативного и социального отцовства.

Ключевые слова: советская семья, брачно-семейный Кодекс 1969 г., советское отцовство.

FATHERHOOD AS A LEGAL CONCEPT IN SOVIET LAW DURING 1940—1960

Abstract. The article examines changes in the normative paternity model law 1940—1960s. Article tried to analyze postwar Family Law as well as projects of new Family Code 1969. In summarizing the research, the new normative model of soviet fatherhood was an eclectic model included both biological and social features.

Keywords: Soviet family, Family Code 1969, Soviet paternity.

Весной 1968 г. на заседаниях Консультативной группы Президиума Верховного совета СССР обсуждался проект нового Кодекса о браке и семье РСФСР. Решения группы не носили обязательного характера, являясь своего рода советами и замечаниями для будущего союзного Кодекса. Стенограммы заседаний свидетельствуют о том, что при его создании ориентировались на интересы детей, а, с точки зрения законодателей, благополучный советский ребёнок должен расти и воспитываться в семье, где есть и мать, и отец. Камнем преткновения явился вопрос о нормативной категории отцовства. Правильно ли вписывать имя отца в метрику, если ребёнок совершеннолетний? Можно ли признавать отцами несовершеннолетних?

* **Екатерина Андреевна Воронова** — аспирантка Института российской истории Российской академии наук, младший научный сотрудник Центра социальной истории ИРИ РАН (Москва, Россия). e-mail: kathy-voronova@yandex.ru
Ekaterina A. Voronova — Post-graduate Student of the Social History Departure, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

** При поддержке гранта №19-39-90050 Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ): Конкурс на лучшие проекты фундаментальных научных исследований, выполняемые молодыми учеными, обучающимися в аспирантуре («Аспиранты»)

Имеет ли право мать-одиночка оставлять графу «отец» в метрике незаполненной? Эти споры — лишь верхушка айсберга тех обсуждений, которые велись как среди юристов, так и на страницах газет и журналов.

Брачно-семейное законодательство 1930—1940-х гг. обозначило консервативный поворот в вопросах семьи и детей. После Указа от 8 июля 1944 г. [12] отцовство превратилось в очень узкую нормативную категорию. Мужчина мог стать отцом, лишь предварительно заключив брак с матерью будущего ребёнка. Отцовства вне зарегистрированного брака с точки зрения советской системы не существовало. В то же время, материнство являлось не нормативной, а биологической категорией — родившая женщина по умолчанию признавалась матерью. Однако брачные и семейные реалии 1950—1960-х гг. оказались значительно разнообразнее законодательных норм. Последние не удовлетворяли интересы многих граждан. Матери, не состоявшие в браке, были недовольны отсутствием возможности взыскать алименты с фактических отцов, или, как минимум, вписать имя отца в метрику. Мужчины, соответственно, не могли признать отцовство, если ребёнок родился вне брака или до его заключения. Также отцов не устраивал размер алиментов, назначавшихся после развода без права обжаловать их в суде.

Указ 1944 г. воспринимался как временная, вынужденная мера, принятая в условиях послевоенного гендерного дисбаланса[8], и уже в конце десятилетия началась работа над проектом нового брачного кодекса, который, по мысли его составителей, должен был ликвидировать, как минимум, неравенство детей в метриках. Но прошло ещё 20 лет, прежде чем дискриминационная норма оказалась отменена. Проекты Кодекса 1950-х и 1960-х гг., а также окончательный вариант текста позволяют судить не только о правовых нормах, касающихся отцовства, но и о том, какие представления об отцовстве господствовали в юридической и законотворческой среде.

В центре внимания данного исследования — репрезентация советского «семейного мужчины» в юридических документах, её как меняющиеся, так и постоянные характеристики. На протяжении 1920—1960-х гг. нормативная концепция отцовства менялась с брачно-семейным законодательством. Эволюцию юридических норм я прослеживаю через контекстуальный анализ нормативных актов на предмет выявления ключевых слов «отец» и «отцовство». Эти вопросы исследовались на материалах проектов брачно-семейного Кодекса 1950-х гг., хранящихся в фонде Комиссии законодательных предположений Верховного совета СССР (ГА РФ), стенограммах обсуждений Кодекса в консультативных юридических группах и сессиях Верховного совета СССР. Также использованы замечания

и предложения по проекту кодексов о браке и семье РСФСР, поступавшие от членов постоянных комиссий. Эти источники рассмотрены в рамках компаративного анализа с известными источниками: Кодексом о браке и семье 1926 г., Указом от 8 июля 1944 г., Кодексом о браке и семье 1969 г., и т.д.

Генезис нормативной категории отцовства

Отцовство в традиционном обществе объединяло биологическое родительство и социальную функцию (отец нес репутационную ответственность за детей перед обществом). Эти роли юридически закрепились за конкретным мужчиной. Отцовство (как и материнство) вне официального (церковного) брака считалось маргинальным явлением, дети, рождённые вне брака, назывались «бастардами», их статус и положение в обществе, как правило, были стигматизированы, а происхождение считалось «низким» [6]. Раннее советское семейное законодательство задумывалось как разрыв с традиционными нормами и создавалось под влиянием и утопических идей того времени, и марксистских представлений о браке и семье [13, p. 3]. Согласно законодательству 1920-х гг. родители в равной степени несли ответственность за ребёнка, алименты понимались как «деньги на содержание детей», которые, в зависимости от ситуации, выплачивались матерью или отцом: «Неплатёж алиментов... и вообще оставление родителями несовершеннолетних детей без надлежащей поддержки — карается принудительными работами или лишением свободы до шести месяцев или штрафом до 500 руб.» [9]. Однако правоприменение было таково, что дети оставались с матерью, а мужчина осуществлял материальную поддержку [14, p. 112].

В Семейном кодексе 1926 г. прописывалось право незамужних женщин устанавливать отцовство в суде и привлекать к ответственности мужчину, являющегося отцом ребенка: «31. Если суд признает, что отцом ребёнка является лицо, указанное в заявлении... он выносит об этом постановление и налагает на отца обязанность участвовать» [9]. Деторождение являлось сферой ответственности женщины, которая могла обратиться в суд за установлением отцовства (но могла и не обращаться). Что касается мужчин, они имели право оспорить отцовство, но для этого было необходимо доказать, что они не причастны к рождению ребёнка.

В 1930-е гг. семья превратилась в инструмент государственного контроля над сексуальностью людей и средство решения экономических и социальных проблем [14, p. 105]. В преамбуле к печально известному постановлению ЦИК и СНК от 27 июня 1936 г. «О запрещении аборт» [10] указано: «Установление минимума сумм,

подлежащих уплате отцом ребёнка на его содержание при раздельном жительстве супругов, с одной стороны, и запрещение аборт — с другой, вместе с усилением наказания за злостный неплатёж присуждённым судом средств на содержание детей и внесением некоторых изменений в законодательство о разводах, в целях борьбы с легкомысленным отношением к семье и семейным обязанностям». Алименты превратились в атрибут отцовства. В этом же документе прояснялось, с кем из родителей остаётся ребёнок, а кто платит алименты: «30. Если мать-колхозница, получающая алименты, работает с ответчиком в одном колхозе, обязать правление колхоза непосредственно при исчислении трудодней записывать соответствующую часть выработанных трудодней отца (в зависимости от наличия детей) на счёт матери». Прежде лишь подразумевавшееся распределение материнских и отцовских обязанностей теперь прописывалось нормативно.

Указ от 8 июля 1944 г. «Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства, об установлении почётного звания “Мать-героиня” и учреждении ордена “Материнская слава” и медали “Медаль материнства”» [12], с одной стороны, гарантировал выплаты и социальную поддержку незамужним матерям, а с другой лишал женщин права устанавливать отцовство в суде, вписывать имя отца в метрику и претендовать на алименты [15, pp. 41—42]. Таким образом, законодательно закреплялся разрыв между фактическим (биологическим и социальным) и юридическим отцовством. В то же время фиксировался нормативный разрыв между материнством и отцовством: биологическое материнство порождало социальное материнство, отцовство биологическое же исчезло из правоприменительной практики, оставляя лишь отцовство юридическое. Указ поставил точку в вопросах того, как должна выглядеть советская семья, и что выходит за рамки этих норм. Так, аборт выполнялся только по медицинским показаниям, процедура разводов усложнялась, а бездетные (или малодетные) граждане облагались налогом. Советские женщина и мужчина, в идеале, воспитывали детей, рождённых в официальном браке, их право на контроль деторождения и возможность развода были максимально затруднены.

В фонде Комиссии законодательных предположений Верховного совета СССР (ГА РФ, ф. 7523) находятся три проекта семейного кодекса, с комментариями и дополнениями. Один из самых ранних проектов «Основ о браке и семье» напечатан в типографии Верховного совета в июле 1949 г. в виде брошюры. Работу над ним вела специальная комиссия, образованная 17 декабря 1948 г. постановлением Совета министров СССР. Возглавил её министр юстиции

К.П. Горшенин [5, л. 2—3]. В проекте помимо стандартного пункта, что отчество ребенка присваивается по имени отца, давалось пояснение (п. 36—38): «36. В записи о рождении ребёнка, родившегося от лиц, состоящих между собой в браке, указываются оба родителя. В записи о рождении ребёнка, рождённого от лица, с которым мать не состоит в браке, указывается только мать ребенка. 37. В случае вступления матери в брак с лицом, от которого она ранее родила ребёнка и которое признает себя отцом ребёнка, запись о рождении ребёнка дополняется указанием на отцовство названного лица. 38. Иски об установлении отцовства не допускаются» [11].

Право на признание отцовства для мужчин, не состоящих в официальном браке с матерью ребёнка, впервые появляется в проекте семейно-брачного кодекса 1950 г. Норма закона в нём формулировалась следующим образом: «34. В записи о рождении ребёнка, родившегося от лиц, состоящих между собой в браке, указываются оба родителя. В записи о рождении ребёнка, рождённого от лица, с которым мать не состоит в браке, указывается только мать. В этом случае отец указывается в записи лишь по его собственной просьбе и при условии согласия на это матери» [5]. Как можно заметить, предпринимались робкие попытки добавить в строгое нормативное определение отцовства связь с отцовством фактическим (при условии добровольного согласия мужчины). Однако данные проекты не получили одобрения ни при жизни Сталина, ни в первые годы «оттепели».

Добиться установления отцовства в суде было невозможно, однако в законе присутствовала лазейка в виде статьи из Кодекса 1926 г. «Об опекунстве». Если человек являлся фактическим опекуном ребёнка на протяжении определённого количества времени, то впоследствии должен был выплачивать ему алименты. Многие судьи и юристы успешно использовали эту статью для взыскания алиментов с фактических отцов. Такая правоприменительная практика свидетельствовала, что семейные законы не обеспечивают и не удовлетворяют запросы общества. Нормативное обсуждение брачно-семейных норм возобновляется с 1960-х гг. в рамках дискуссии о новом Кодексе.

Обсуждение брачно-семейного Кодекса 1969 г.

Кодекс создавался в Юридической комиссии при Совете министров СССР. После того, как проект одобрил Совмин (14 ноября 1968 г.), его направили в президиум Верховного совета РСФСР, который, в свою очередь, разослал его всем советам министров автономных республик, краевым и областным исполкомам. Одновременно создавалась комиссия в составе 22 чел. для рассмотрения предложений и

замечаний. Доработка происходила в консультативной группе по рассмотрению Кодекса о браке и семье РСФСР. Из стенограмм заседаний можно узнать, что Кодекс создавался как образцовый [4, с. 24].

По итогам первоначальных обсуждений право устанавливать отцовство в суде и право вписывать имя отца в метрику при добровольном согласии мужчины, было поддержано и зафиксировано в проекте. Когда же текст с замечаниями дошёл до консультативной группы, им оставалось обсудить ряд спорных нюансов, которые, впрочем, также оказались связаны с правовой концептуализацией отцовства.

Идеология нового семейного Кодекса была сформулирована «в интересах детей»: каждый пункт и каждое предложение проверялись, принимались или отвергались исходя из детоцентризма, что отражает характерные для 1950—1960-х гг. перераспределение ответственности за подрастающее поколение с государственного и общественного воспитания на институт семьи [6]. В этой новой концепции отцы занимали важное место — по мысли законодателей, благополучие детей напрямую зависело от наличия в семье отца, или, как минимум, наличия его имени в метрике. Поэтому кодекс предполагал широкие возможности установления отцовства как добровольно, так и в суде: «*Тадевосян*. Большинство приходим к выводу, что надо оставить так, как в статье 16 основ — неограниченное право установления отцовства. *Пергамент*. В буржуазных странах, где допускается отцовство даже более широко, чем у нас, права детей при установлении отцовства не равны, они наследуют в меньшем размере и т.д. А мы своей статьёй прямо говорим, что у нас нет никакой дискриминации детей» [1, с. 136]. Более того, теперь про черк на месте имени отца в метрике был недопустим, некоторые законотворцы даже предлагали запретить матерям-одиночкам оставлять графу незаполненной. Так, в Удмуртской АССР считали: «Ст. 59 проекта кодекса сохраняет за матерью ребёнка право при регистрации рождения не указывать отца ребёнка. Поскольку указание на отсутствие отца в ряде случаев будет морально травмировать ребёнка, такая норма нецелесообразна» [1, с. 184].

Право устанавливать отцовство в суде теперь получала не только мать, но и совершеннолетний ребёнок: «*Пергамент*. Иногда мать, будучи обижена, оскорблена, не желает устанавливать отцовство, хотя отец и не отказывается от своего ребёнка. Почему же ребёнка лишать возможности это установить? Я бы хотела обратить внимание, что интимные обстоятельства доказывать наш закон не разрешит. Что ребёнок должен доказать? Что мать вела общее хозяйство с отцом, отец воспитывал или содержал его, и, наконец, у него могут быть письма от отца» [2, с. 133]. Даже после смерти мужчину могли признать отцом: «Третье замечание по ч. 3 ст. 8. Вы хорошо знаете о

том, можно или нет устанавливать отцовство, если ребёнок родился 1 окт. 1968, а отец умер после этого числа. У меня лично никакого сомнения не вызывает, что дата смерти отца никакого значения иметь не может. Отец не ограничивает в его праве признать ребёнка в любое время, когда он пожелает. Если он не успел почему-либо обратиться в суд — по мысли законодателей праве выполнить волю умершего. Поэтому... момент смерти отца не имеет значения» [1].

Стенограммы и дискуссии обсуждения проекта Кодекса показывают, что законотворцы были практически единодушны в стремлении «вернуть отцов в семьи». Однако среди юристов и депутатов не было консенсуса в отношении того, где проходит грань между понятием «ребёнок» и «отец», если, например, ребёнок рождается у несовершеннолетних родителей. Так, вопросом, вызвавшим наибольшее количество разногласий, стало снижение брачного возраста (многие резко выступали против регистрации мужчин отцами до 18 лет). «Рыбакова. Возникает большое сомнение в отношении записи отца ребёнка до достижения им совершеннолетия... а тут недееспособный идет в загс и говорит, что он — отец. Он может вступать в какие-то правоотношения только с согласия своего опекуна или попечителя. Вряд ли несовершеннолетний может записать себя отцом ребёнка. *Пергамент*. Случилось так, что у двух несовершеннолетних родился ребёнок. Относительно возможности записи матери не возникает ни у кого никаких сомнений, потому что этот факт, который влечёт предельные правоотношения. А в отношении отца? Признание им факта отцовства не делает его дееспособным по гражданскому законодательству» [3, с. 357]. Предлагалось снизить брачный возраст лишь для женщин, но не для мужчин. Противники снижения брачного возраста для мужчин аргументировали это тем, что у молодых и несовершеннолетних отцов нет необходимого социального капитала — подчёркивалось, что они не смогут обеспечивать семью, принимать решения, обладать должным статусом и т.д. Из Куйбышевского облсовета писали: «Статья 15... Последний абзац статьи после слов “но не более чем на два года” дополнить словами “на один год и только для женщин”. Мы считаем, что такое значительное снижение брачного возраста для мужчин хотя бы и в исключительных случаях не будет способствовать укреплению советской семьи. 16-летний возраст является только началом созревания юношей и в этом возрасте как девушки, так и юноши не имеют деловой квалификации и жизненного опыта. Как показала практика, вступившие в зарегистрированный брак в возрасте моложе 18 лет не создадут прочной семьи» [1, с. 58]. Таким образом, понятие «отцовство» определялось многими как некий социальный капитал, накопленный мужчиной, а не как реализованное деторождение.

Итогом многолетних дискуссий на разных уровнях стал Кодекс о браке и семье РСФСР 1969 г. В нём нашли отражение изменения нормы, которые обсуждались и в предложениях граждан, и в кругу специалистов. Прежде всего, решили вопрос о метриках: факт отцовства (что фиксировала соответствующая запись в свидетельстве о рождении) устанавливался отныне не только по добровольному желанию мужчины, но и по решению суда: «Если родители не состоят в браке между собой, запись о матери ребёнка производится по заявлению матери, а запись об отце ребёнка — по совместному заявлению отца и матери ребёнка, либо отец записывается согласно решению суда» [7]. Для установления отцовства в суде требовалось доказать наличие длительных отношений мужчины с матерью ребёнка, ведение общего быта, письма, свидетели должны были подтвердить, что эти люди вели совместное хозяйство и т.д. Иными словами, требовались свидетельства фактического брака, который не был зарегистрирован в ЗАГСе. С другой стороны, отсутствовали механизмы привлечения к родительской ответственности мужчин, которые состояли в недолгих отношениях с женщиной или если эти отношения не оставили после себя убедительных свидетельств (например, если были тайными).

На протяжении десятилетий концепция отцовства менялась: Указ от 8 июля 1944 г. утвердил нормативную как единственно признаваемую законом, но в 1960-е гг. она была признана неактуальной. В 1950—1960-х гг. сформулирована принципиально новая концепция — социальная. Теперь обязательства мужчины по отношению к своим детям вытекали не из факта брака с их матерью, а из фактического отцовства. Впрочем, большим влиянием пользовалась и концепция биологическая. Идея того, что несовершеннолетний отец может зарегистрировать брак с матерью ребёнка, базировалась не на социальном капитале, а на факте биологического отцовства. В конечном счете, эта поправка и вошла в Кодекс 1969 г., закрепив тем самым в нормативных моделях «матерь» и «отец» примат биологического, тем самым сокращая существовавший ранее разрыв. Однако концепция отцовства в законодательстве не стала полностью биологической — так, женщина не могла вписать имя биологического отца ребёнка без его согласия. Биологическая и социальная концепции противостояли друг другу и одновременно сосуществовали в сознании юристов и тех, кто принимал участие в разработке и утверждении нового семейного кодекса. Итогом стало принятие компромиссной эклектической модели.

Список литературы

1. Государственный архив Российской Федерации (далее — ГА РФ). Ф. 385 Оп. 26. Д. 331.
2. ГА РФ. Ф. 385. Оп. 26. Д. 333.
3. ГА РФ. Ф. 385. Оп. 26. Д. 334.
4. ГА РФ. Ф. 7523. Оп. 41. Д. 32.
5. ГА РФ. Ф. 7523. Оп. 45. Д. 267.
6. *Денисова Л.Н.* Политическая спираль семейного законодательства // Денисова Л.Н. Судьба русской крестьянки в XX веке: брак, семья, быт. М.: РОССПЭН, 2007. С. 19—51.
7. Закон об утверждении кодекса о браке и семье РСФСР // Ведомости Верховного совета РСФСР. 1969 №32.
8. Население России в XX веке: исторические очерки / Отв. ред. Ю.А. Поляков. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2000—2005. Т. 2.
9. Постановление ВЦИК от 19 ноября 1926 г. «О введении в действие кодекса законов о браке, семье и опеке». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=44825#04508484194193392> (Дата обращения 01.09.2020).
10. Постановление ЦИК СССР и СНК СССР от 27 июня 1936 г. «О запрещении аборт, увеличении материальной помощи роженицам, установлении государственной помощи многодетным, расширении сети родильных домов, детских яслей и детских садов, усилении уголовного наказания за неплатеж алиментов и о некоторых изменениях в законодательстве о разводах». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=4068#01404560319847512> (Дата обращения: 01.09.2020).
11. Проект основ законодательства «О браке и семье». М., 1949. 30 с.
12. Указ Президиума Верховного совета СССР от 8 июля 1944 г. «Об увеличении государственной помощи беременным женщинам и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства, об установлении высшей степени отличия — звания “Мать-героиня” и учреждении ордена “Материнская слава” и медали “Медаль материнства”». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=507#04863223381935209> (Дата обращения 01.09.2020).
13. *Goldman W.* Women, the State and Revolution: Soviet family policy and social life, 1917—1936. Cambridge University Press, 1993. 351 p.
14. *Hoffmann D.* Stalinist Values: the cultural norms of Soviet modernity 1917—1941. Cornell University Press, 2003. 264 p.
15. *Nakachi M.* Khrushchev and the 1944 Soviet family law: politics, reproduction, and language // East European Politics and Societies. 2006. P. 40—68.

«Здесь, в Москве, вас охраняет могучий дух равенства и дружбы»: репрезентация фестивалей молодежи и студентов в Москве на страницах журнала «Крокодил»

Аннотация. В статье даётся ответ на вопрос, каким образом советская карикатура реагировала на проведение всемирных фестивалей молодежи и студентов в СССР в 1957 и 1985 г. Автор предлагает рассматривать карикатуру как инструмент идеологической и пропагандистской работы. Этот подход позволяет сформировать объективное представление о карикатуре как выразителе реалий общественной жизни. Если в 1957 г. карикатура обращала внимание на интернациональный характер праздника, то в 1985 г. подчёркивала значимость Москвы как места проведения фестиваля, а также особую роль «общечеловеческих ценностей». Идеологическая заданность публикаций негативно сказывается на информационном потенциале источников, что необходимо учитывать при их использовании.

Ключевые слова: журнал «Крокодил», Фестиваль молодежи и студентов, Москва, советская идеология, советская пропаганда, карикатура, шарж.

“HERE IN MOSCOW, YOU ARE PROTECTED BY THE POWERFUL SPIRIT OF EQUALITY AND FRIENDSHIP”: REPRESENTATION OF FESTIVALS OF YOUTH AND STUDENTS IN MOSCOW ON THE PAGES OF THE JOURNAL “KROKODIL”

Abstract. The article represents how the Soviet caricature reacted to the World Festivals of Youth and Students in the USSR in 1957 and 1985. The author suggests considering cartoons as an ideological instrument. By this way it’s possible to form an objective view of the caricature as an expression of the public life reality. For example, if in 1957 the caricature drew attention to the international character of the festival, then in 1985 it emphasized the importance of Moscow as a place for the festival and the special role of “universal values”. The ideological predestination of publications negatively affects the information potential of sources, which must be taken into account when using them. This makes this journal extremely valuable for studying the political history of the country.

Keywords: Crocodile magazine, festival of youth and students, Moscow, Soviet ideology, Soviet propaganda, caricature, cartoon.

Столица — гордость любого государства. Москва в этом плане не исключение. Ее многовековая история, а также более развитая по срав-

* **Руслан Юнадиевич Червяков** — студент 2-го курса магистратуры исторического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова (Москва, Россия). e-mail: tcherviakov.ruslan@yandex.ru

Ruslan Y. Chervyakov — Graduate Student of Historical Department, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia).

нению с остальной страной инфраструктура (в широком понимании) всегда делала её привлекательным местом для проведения крупных международных мероприятий. В советское время столица дважды — в 1957 и 1985 гг. — становилась местом проведения Всемирного фестиваля молодежи и студентов. Город принял несколько десятков тысяч иностранных гостей: в первом случае — 34 тыс. (рекорд фестиваля за всю историю его проведения) и 26 тыс. — во втором. Ввиду того что фестивали имели большое идеологическое значение, интересно посмотреть на них с точки зрения пропаганды. Какие смыслы транслировались простым советским людям? Как понимался фестиваль и какими средствами это понимание доносилось?

Проведение фестивалей молодежи и студентов — характерное явление послевоенного времени. Активное распространение пацифистских и левых идей в молодёжной среде сделало возможным формирование движения борцов за мир. Организаторами фестивалей выступали Всемирная федерация демократической молодёжи и Международный союз студентов [26, с. 32]. Первый прошёл в 1947 г. в Праге, затем проводился с периодичностью раз в два года, после 1959 г. периодичность сбилась. Вопросы организации и проведения фестивалей хорошо раскрыты в историографии [2, 9, 14]. Однако проблема репрезентации их визуальных образов в советской периодике требует отдельного уточнения. Особый исследовательский интерес вызывают иллюстрированные издания, ориентированные на массового читателя. Газеты и журналы выступали важнейшим источником информации — многомиллионные тиражи позволяли охватить всех граждан Советского Союза. Правда, с развитием радио и телевидения газета потеряла монополию на формирование облика внешнего мира, поэтому тезис о решающем значении газеты в формировании образа внешнего мира, справедливый для межвоенного периода [6, с. 38], теряет актуальность в последующие годы.

Особое место в истории советской журналистики занимает журнал «Крокодил». Он возник в 1922 г., сопровождал Советский Союз на протяжении всего его существования и даже пережил его (издавался до 2000 г.). Даже в условиях партийной монополии на печать журнал пользовался особым расположением властей, а примерно с конца 1920-х — начала 1930-х гг. остался единственным сатирическим изданием в стране. Тираж издания красноречиво свидетельствует о положении «Крокодила» в номенклатуре советской печати: с 300 тыс. в 1951 г. он вырос 1,4 млн в 1960 г., 5,1 млн в 1970 г., 5,8 млн в 1980 г. Таким образом, по востребованности журнал мог конкурировать с такими газетами, как «Правда» и «Известия».

Как говорили сами «крокодилы», сатира — «оружие смеха» — разила внутренних и внешних врагов, а также крепила критику и

самокритику. Журнал стал местом бичевания тунеядцев, очковтирателей и бюрократов, а также разоблачения происков мирового империализма. Но находилось в нём место и другому искусству. Противоположность едкой карикатуре — добрый шарж, который не высмеивает, но обыгрывает какие-то особенности изображаемого объекта. Художник-карикатурист Б. Ефимов объяснял феномен карикатуры следующим образом: «Во-первых, она высмеивает и разоблачает все плохое, безнравственное, уродливое. Это карикатура сатирическая: она является оружием в политической борьбе. А есть карикатура и юмористическая, развлекательная, её цель — позабавить, доставить удовольствие. При этом, однако, в карикатуре сатирической, разящей неизбежно присутствует элемент юмора, а в юмористическом рисунке мы всегда найдем некую сатирическую колочку» [7].

Таким образом, карикатура являлась художественным воплощением партийных установок, выступала своеобразным средством коммуникации власти и общества. Она потеряла чисто развлекательную (аполитичную) функцию и превратилась в важнейший инструмент визуальной пропаганды. Красочность, понятность и злободневность делали её неотъемлемой частью повседневной жизни советского человека. Вместе с тем карикатура являлась таким же догматичным атрибутом идеологии, как и разнообразные пропагандистские издания. В связи с этими своими особенностями карикатура является важным источником для изучения истории советского общества и государства. Её рассмотрение вне идеологического контекста принципиально невозможно.

Итак, какими глазами смотрела советская карикатура на главный праздник молодежи?

«Молчание» Москвы, или праздник молодежи

Проведение VI фестиваля молодежи и студентов 1957 г. стало одним из знаковых событий эпохи «оттепели». Советские люди впервые получили возможность столь открытого общения с иностранцами. Программа мероприятия предусматривала проведение молодёжных конференций и симпозиумов, на которых обсуждались актуальные проблемы международной жизни, в частности вопросы борьбы за мир и права молодёжи. приглашение нескольких тысяч иностранцев в столицу СССР стало свидетельством определённой либерализация политического курса [26, с. 32]. Советская идеология вообще пережила ряд трансформаций, связанных, однако, не с попыткой связать идеологические установки с реалиями общественно-политического развития, а с попыткой сформировать модель власти, пригодную для

поддержания стабильности правящего класса. С точки зрения оформления привлекательного идеологического фасада выбор был сделан в пользу пролетарского интернационализма, который сменив утвердившийся было на рубеже 1940—1950-х гг. советский патриотизм. Свидетельством тому — «фестивальный» выпуск журнала «Крокодил», вышедший в июле 1957 г.

Открывает его рисунок Ю.Н. Фёдорова (рис. 1), изображающий скромно стоящих с опущенными взглядами юношу и девушку, держащих в руках воздушные шары. На голове у молодого человека — мексиканская шляпа сомбреро, на шее лихо повязана косынка, он одет

в клетчатую рубашку, жилет и простые белые брюки, на ногах ковбойские сапоги. Девушка (видимо, советская) одета в простую желтую майку и плиссированную синюю юбку. Однако нарочитая скромность не обманет читателя — их шарики слились в поцелуе. Таким образом, рисунок посвящен интернациональной дружбе, шире — любви людей разной национальности.

Передовица определяет направленность номера. Атмосфера молодости и всеобщего праздника свободы становится лейтмотивом фестиваля: «И вот звенит радостными голосами, поёт, танцует молодёжная, нарядная, вся в цветах Москва. Все площади, улицы, театры, клубы, стадионы, бассейны — всё отдано юношам и девушкам... все они — наши сыновья и дочери: и эти вот молодые французы, и хорошо знакомые китайцы — и мы улыбаемся, когда видим, как молодой негр танцует с юной американкой. Танцуйте, милые, не бойтесь! Здесь, в Москве, вас охраняет могучий дух равенства и дружбы... И попробуйте убедить хоть одного честного человека в том, что в США демократия, а в СССР железный занавес!» [15]. Для поддержания имиджа интернационального журнала «Крокодил» публикует рисунок французского художника Л. Мительберга (рис. 2), на котором изображены мальчики трёх рас — европеоидной, негроидной и монголоидной, — сердца которых просвечены на рентгене. Они разные, но их сердца бьются в унисон.

Но есть ли место на этом празднике самой столице? Парадоксально, но её практически нет. Авторы о ней постоянно упоминают



Рис. 1 [24].

Таким образом, редакция «Крокодила» в словосочетании «Фестиваль молодёжи и студентов в Москве», делает ударение на «молодёжи», а не на «в Москве». Большое внимание уделено народам Африки, что объясняется, с одной стороны, процессом деколонизации, а с другой, их диковинностью для советского человека [1, 11]. Номер являет собой торжество идеи пролетарского интернационализма, которая навязывалась официальной пропагандой в конце 1950-х — начале 1960-х гг. [17].

Праздник столицы и молодёжи

Отставка Н.С. Хрущёва в октябре 1964 г. привела к свёртыванию концепции мировой революции. Революционное содержание эпохи ещё декларировалось, но параллельно с ним восстанавливалась в правах идея борьбы за мир. Она приобрела особую актуальность в начале 1970-х гг., когда Советский Союз достиг ядерного паритета с США. В Отчётном докладе ЦК XXIV съезду КПСС была сформулирована «Программа мира», суть которой сводилась к следующему: «Мы исходим из того, что улучшение отношений между СССР и США возможно. Наша принципиальная линия в отношении капиталистических стран, в т.ч. США, состоит в том, чтобы последовательно и полно осуществлять на практике принципы мирного сосуществования, развивать взаимовыгодные связи, а с теми государствами, которые готовы к этому, сотрудничать на поприще укрепления мира, придавая максимально устойчивый характер взаимоотношениям с ними» [19, с. 52]. Приверженность этому сохранялась до провозглашения политики «нового мышления» в 1985 г.

На XII Всемирный фестиваль молодежи и студентов «Крокодил» отреагировал совершенно иначе, сделав упор на праздник Москвы. Праздничную обложку украшает рисунок Л.Х. Насырова (рис. 4): пёстрая толпа встречает мальчика, на груди которого написано «Мир». Сзади виднеются достопримечательности столицы — Кремль, Останкинская телебашня, Главное здание МГУ.

На первом развороте помещена большая, занимающая две трети газетной площади панорама города, на которой отмечены ключевые места проведения фестиваля. Заметно помолодевший и приосанившийся Крокодил приглашает прогуляться по ним символ фестиваля Катюшу — маленькую девушку в сарафане и кокошнике (рис. 5). И хотя в самом углу виден враг (журналист Паск-Вильсон, клеветущий на организаторов), он не привлекает особого внимания и больше похож на мультипликационного персонажа. Крокодил и Катюша проходят следующие объекты: «Лужники», гостиницу «Космос», смотровую площадку на Ленинских горах, ВДНХ (упоминается



Рис. 4 [16].

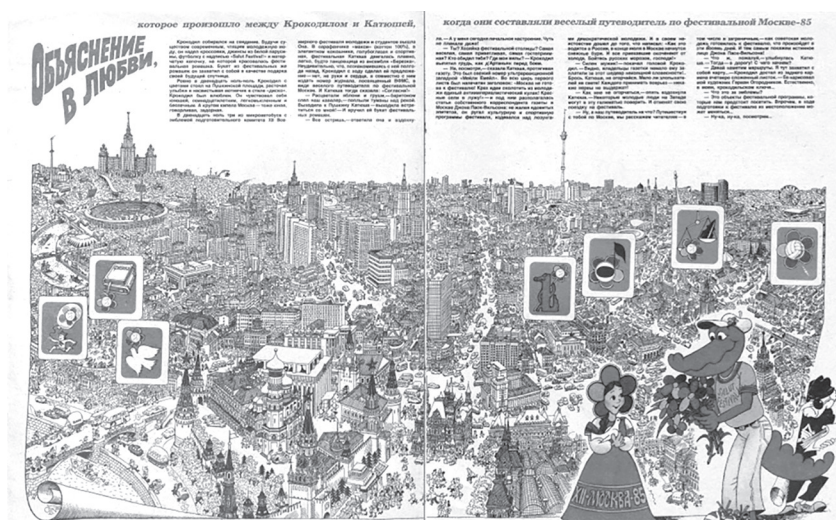


Рис. 5 [18].

фонтан «Дружба народов»), парк «Сокольники», Московский дворец пионеров и, конечно, редакцию журнала «Крокодил».

По сравнению с отражением событий 1957 г. изменения налицо. Интернациональность не столько акцентируется, сколько затушёвы-

вается. Так, например, на рисунке, изображающем «Фестивальную милю» в Сокольниках, все человечки нарисованы одинаково: с белой кожей и темными волосами [24]. Подчеркивается значимость места проведения, уклон делается в сторону общечеловеческого.

Лейтмотив номера — «Борьба за мир». На первом плане рисунка Насырова мальчика приветствует орденосный ветеран, говорящий: «А я с ним встречался в 1945-м в Берлине!» [16]. Далее помещены три рисунка, посвящённых антивоенной тематике: на первом белая рука подбрасывает монетку, на аверсе которой написано слово «War» (анг. «война»), над мизансценой витает вопрос «Homo sapiens?» (лат. «Человек разумный?») [21]; на другом рисунке американская ракета, словно игла, пришивает к США ФРГ, Италию и Англию [12]; на третьем рисунке ребёнок смотрит на игрушку, которая превращается в атомную бомбу, над картиной крупная красная надпись «Нет!» [3].

Журнал «Крокодил» — оригинальный источник по изучению советской пропаганды. На его страницах фестиваль 1957 г. представлен торжеством принципа пролетарского интернационализма, тогда как в 1985 г. на первый план вышло пацифистское, общечеловеческое начало фестиваля.

Список литературы

1. *Баженов А.В.* Без слов // Крокодил. 1957. № 21. С. 15.
2. *Бодров О.В., Закиров А.В., Шарифжанов И.И.* «За антиимпериалистическую солидарность, мир и дружбу!»: этапы и особенности развития всемирных фестивалей молодёжи и студентов (1947—2017 гг.) // История (Электронный научно-образовательный журнал). 2019. № 12. С. 5.
3. *Будько А.* Нет! // Крокодил. 1985. № 21. С. 5.
4. *Вайсборд М., Дымской Я.* ФЭК (фестивальная энциклопедия «Крокодила») // Крокодил. 1957. № 21. С. 5.
5. Где-то в Сокольниках // Крокодил. 1957. № 21. С. 4.
6. *Голубев А.В.* «Подлинный лик заграницы»: образ внешнего мира в советской политической карикатуре. 1922—1941 гг. М., 2018. 282 с.
7. *Ефимов Б.Е.* Десять десятилетий о том, что видел, пережил, запомнил. М.: Вагриус, 2000.
8. Закон СССР от 12 марта 1951 года «О защите мира» [Электронный ресурс]. URL: https://ru.wikisource.org/wiki/Закон_СССР_от_12.03.1951_О_защите_мира. (Дата обращения — 15.05.20.)
9. *Зеверт Д.* Советский карнавал: от политического шествия до «праздника для народа» // Вестник РГГУ. Сер. Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение. 2016. № 4. С. 118—125.
10. *Каневский А.М.* Солнце над Лужниками // Крокодил. № 21. 1957. С. 6.
11. *Кузьмин С.А.* Любитель поговорить // Крокодил. 1957. № 21. С. 14.
12. *Мазур Н.* Американский кафтан // Крокодил. 1985. № 21. С. 4.
13. *Мительберг Л.* Сердца трёх // Крокодил. 1957. № 21. С. 3.

14. *Можсаева Л.А.* Всемирные фестивали молодёжи и студентов как фактор общественной дипломатии в борьбе за укрепление мира // Вестник РГГУ. 2015. № 13. С. 145—159.
15. Молодым везде у нас дорога // Крокодил. 1957. № 21. С. 2.
16. *Насыров Л.Х.* Без названия // Крокодил. 1985. № 21. С. 1, 16.
17. О причинах и контексте подробнее см.: *Аксютин Ю.В.* Хрущёвская «оттепель» и общественные настроения в СССР в 1953—1964 гг. М., 2010. 622 с.; *Фокин А.А.* «Коммунизм не за горами». Образы будущего у власти и населения СССР на рубеже 1950—1960-х гг. М., 2017. 223 с.
18. Объяснение в любви // Крокодил. 1985. № 21. С. 2—3.
19. Отчётный доклад Центрального комитета КПСС XXIV съезду Коммунистической партии Советского Союза // XXIV съезд КПСС. Стенографический отчёт. 30 марта — 9 апреля 1971 г. М., 1971. С. 26—132.
20. *Ротов К.П.* Встреча старых друзей // Крокодил. 1957. № 21. С. 8—9.
21. *Спесивцев В.* Homo sapiens? // Крокодил. 1985. № 21. С. 4 22. Три четверти газетной полосы занимает «прогулка по городу»: Крокодил. 1957. № 21. С. 7.
23. *Фань Ц.* Вторая весна в Москве // Крокодил. 1957. № 21. С. 11.
24. *Фёдоров Ю.Н.* Без названия // Крокодил. 1957. № 21. С. 1.
25. «Фестивальная миля» в Сокольниках // Крокодил. 1985. № 21. С. 10—11.
26. *Хорошева А.В.* «Песню дружбы запеваёт молодёжь». Фестиваль молодёжи и студентов 1957 г. в Москве // Живая история. 2016. № 3. С. 32—37.

Михаил Горбачёв и Продовольственная программа

Аннотация. В начале 1980-х гг. М.С. Горбачёв поставил вопрос о необходимости разработки программы, которая освободила бы Советский Союз от импорта зерна, и Л.И. Брежнев принял его предложение. Началась разработка Продовольственной программы, в которой сельское хозяйство и связанные с ним отрасли планировались как единый производственный и финансовый сектор, затем под предлогом исполнения программы преподлагалось развернуть реформы административных органов на всех уровнях. Его старания не имели успеха. Отрасли, обслуживавшие сельское хозяйство, остались отдельными производственными и финансовыми секторами, и новообразованные объединения и комиссии оказались бессильны. В условиях усложнения производственного процесса эффективное сотрудничество между различными производственными секторами могло быть обеспечено только с помощью совершенной рыночной системы.

Ключевые слова: сельское хозяйство СССР, М.С. Горбачёв, Продовольственная программа.

MIKHAIL GORBACHEV AND THE FOOD PROGRAM

Abstract. In the beginning of 1980s Gorbachev raised the problem of preparing a program to free the Soviet Union from the necessity of importing grain, and Brezhnev accepted his suggestion. Gorbachev's intention was to work out the Food Program, in which agriculture and related sectors would be planned as a united production and finance sector, and then use the administering of the program as a pretext to reform administrative institutions at all levels. His contest ended in failure. Agriculture-related enterprises and organizations remained under the authority of their own hierarchical superiors, and newly formed councils and commissions could do little about it. As the production process became more complex, effective collaboration among various production sectors could be enabled only via a well-established market system.

Keywords: agriculture of the USSR, M. S. Gorbachev, the Food Program.

As a result of the Kosygin reform, agriculture-related sectors were evaluated mainly by profits, but at the same time the whole economy was still administratively controlled. In such conditions agriculture-related industries actively took advantage of their monopoly positions to pursue profits at the expense of farms. They created artificial shortages and used that as an excuse to lobby planners for massive investments. Because of those shortages, in 1981 Soviet agriculture had no more than 65% of the required combines,

* Чжуан Шици — кандидат исторических наук, старший преподаватель Института регионального исследования Пекинского университета (Пекин, Китай). e-mail: shandongxutao@gmail.com

Shiqi Zhuang — Ph.D. in History, Postdoctor, Institute of Area Studies, Peking University (Peking, China).

65% of beet harvesters, and 43% of commercial fertilizer spreaders. The ratio of drawn equipment to tractors was put at 1,4 to 1 as compared to a required minimum of 3 to 1 [8, c. 1]. Apart from machinery, farms could not obtain enough key spare parts, motor gasoline, diesel fuel, mineral fertilizers and herbicides, which inevitably resulted in smaller harvests. Because of the shortage of transportation and freezing equipment up to 1/3 of the food products was wasted before processing [12, c. 2].

Lobbied by agriculture-related sectors, central planners set high price on agricultural machinery, repair services and building materials, as well as forced farms to purchase as much machinery and build as many installations as possible. Since it was impossible for farms to control their own production costs, they took a *laissez-faire* attitude to finances. Departmentalism of agriculture-related sectors and mismanagement of agricultural resources caused a large number of farms to fall into losses. Unwilling to carry out comprehensive reforms, the Soviet leadership repeatedly raised subsidies to farms in the form of differentiated price increases, lower interest rates on loans and periodic write-offs of loans. Gradually, farms got used to counting on loans to cover expenses, knowing that loans could be relieved or postponed by the government.

In 1976 agro-industrial integration was set as a national strategy. At the XXV Congress of the CPSU L. Brezhnev stated that the Party and government should vigorously promote agro-industrial integration, because it could significantly reduce costs, decrease labor intensity and increase production rate [2, c. 6]. According to resolution adopted by the Congress, agro-industrial integration became one of the most important tasks of the next five-year plan [9, c. 5]. At the same time Brezhnev was very aware that the biggest obstacle towards such integration was departmentalism of agriculture-related sectors. He pointed out: “We often encounter departmental fragmentation and miscalculations in planning, which result in significant losses. Apparently, the time has come to improve — and seriously improve — collaboration between agriculture and sectors connected with it, to ensure a unified, state-wide approach to the development of the entire agro-industrial complex” [2, c. 6].

M. Gorbachev, the first secretary of the Stavropol Krai party committee, stated that agriculture and related sectors should be unified into one production and finance sector. In order to implement it reforms of administrative institutions and management principles at all levels were required. He also used such euphemistic expressions as “thoughtful plans,” “rational prices,” and “stable supply” to call on central planners to help farms, but at the same time insisted that it must adhere to principles of centralism and strict discipline [7, c. 187, 188, 204, 205]. He mentioned neither the contract system nor household sideline production, not even considering the market economy system. In all, it can be seen that, different from many scholars’ description, at that time Gorbachev was far from a rebel of the Soviet system.

Although conservative enough due to strong influence of agriculture-related sectors, Gorbachev's proposal could not be fully adopted. The Soviet leadership only recommended farms and agriculture-related enterprises in each raion (district) to form agro-industrial associations, without the necessary follow-through [10, c. 81]. Although unhappy about this result, Gorbachev, who in November 1978 replaced F. Kulakov as the Central Committee Secretary in charge of agriculture, could not do more and had to wait for another chance.

Farms' financial problems continued to worsen. During the 10th five-year plan period (1976—1980) 50,8% of collective farms and 57,1% of state farms operated at a loss. In 1975 loans accounted for 50% of collective farms' capital and 64,3% of state farms' capital, and in 1981 they rose to 86% and 94% accordingly. In 1980 farms' loans amounted to 131,4 billion rub., including 42,4 billion rub. of deferred loans, while in the 10th five-year plan period all farms' total income was only 23 billion rub. [11, л. 66, 85]. Considering farms' inability to pay off loans, the Soviet leadership had no choice but to write off part of loans (as before).

A chance soon came for Gorbachev again. On 7 January 1980 Brezhnev called several colleagues, including him, to inform about the latest developments after the invasion of Afghanistan. Gorbachev seized the chance to tell the General Secretary of the alarming grain shortage: in 1979 because of the bad weather the grain purchase plan was far from fulfilled, at the same time sanctions imposed by the West deprived the USSR of the opportunity to get about 17 million tons of grain. Seeing that Brezhnev was deeply disturbed and depressed, Gorbachev raised the problem of preparing a program to free the Soviet Union from the necessity of importing grain [5, c. 191, 192]. Brezhnev accepted his suggestion. At the Central Committee plenum in October 1980 Brezhnev announced the project to the whole country: "The Politburo recently adopted a decision to prepare for the Food Program. What is meant is a program whose aim is to combine all matters in the development of agriculture and the branches of industry, procurement, storing, transportation and processing which serve it, including matters in the development of the food industry and retail trade of food products... The thrust of this new program is to create in the USSR an integrated agro-industrial complex to coordinate the planning, financing and management of the agricultural sector, those industries serving it, and the downstream production and marketing facilities" [4, c. 2].

Brezhnev's speech reflected Gorbachev's intention, which was to work out the Food Program, in which agriculture and related sectors would be planned as a united production and finance sector, and then use the administering of the program as a pretext to reform administrative institutions and management principles at all levels. In the drafting process Gorbachev mobilized a group of famous economists from Moscow and Novosibirsk, especially Tatiana Zaslavskaya.

What happened in the next few months seemed to be beneficial to Gorbachev. At the XXVI Congress of the CPSU Brezhnev highly praised the Communist Party of Bulgaria, which in 1970s unified agriculture and related sectors into one production and finance sector as well as merged related management institutions into one powerful organ at all levels. In his speech Bulgaria's reform was regarded as a model for further study and wider use by the CPSU [3, c. 2]. Engaged in shaping the Food Program, the Soviet press carried a barrage of editorials, interviews and reports, many of which were in Gorbachev's favor. For example, P. Alekseev, editor-in-chief of "Izvestiya" paper, argued that the Ministry of Food Supply should be established and given all necessary rights to provide effective management of this most important sector of the national economy [1, c. 25].

Disturbed by Gorbachev, representatives of agriculture-related sectors immediately fought back. They spread rumours that he merged agriculture and related sectors for himself to grab half of the country's economy. Some even said that Gorbachev dressed up his far-reaching ambition of becoming the Chairman of the Council of Ministers of the USSR as a pursuit of the public good. Under pressure, Brezhnev no longer mentioned the financial unity of agriculture and related sectors. N. Tikhonov, the then-current Chairman of the Council of Ministers of the USSR, told Gorbachev: "Let us remove right away the issue of the State Agro-Industrial Committee. I don't mind them being in raions, but not at the centre. Otherwise we would have a second government, wouldn't we?" Although the changes he sought were undermined, at that time Gorbachev felt helpless to do anything about it, recognizing that he was not in a position to overcome opposition. When Zaslavskaya once again proposed replacing the multitude of existing ministries and committees with a single organ, Gorbachev asked: "Do you think if I wrote that in the draft program, I would still be sitting in this office?" The answer, he believed, was no [5, c. 207].

The contest ended in failure of Gorbachev. In May 1982 the Central Committee approved the Food Program and six related resolutions, according to which each raion and oblast' must unify all farms and related enterprises on its territory into an agro-industrial association and form a council composed of representatives of farms, enterprises, as well as the local administration. The Council of Ministers of each Union Republic and the Soviet Union was required to form an agro-industrial commission composed of the highest-ranking members of the ministries engaged in the production, planning and marketing of food. Nevertheless, these institutional reforms proved ineffective, since agriculture and related branches remained to be independent planning and finance sectors, and there was still neither normal price system nor free purchase. Farms and agriculture-related enterprises remained under the authority of their own hierarchical superiors who passed down plans, finance and supplies independently as before. Newly formed councils and commissions could do little about it.

Gorbachev knew that institutional reforms produced very little effect. In February 1983 he published an article in which he stated: “Some employees of central and local economic bodies still hold departmental positions. They try in every way to preserve the old order in which they are not responsible for the output of agricultural products... The Sel’khoztekhnik rebuilds its work too slowly. It continues to proceed from their own departmental interests rather than from farms’ need. It seldom looks for ways to reduce the cost of services and improve their quality” [6, с. 3].

In early 1980s Gorbachev’s vision in both economic and political problems remained narrow and conservative. He simply attempted to unify agriculture and related sectors into one production and finance sector, leaving a lot of fundamental problems out of consideration. He did not mention that agriculture-related sectors’ departmentalism was an effect rather than a cause. The real cause was the planned economy system, in which although producers were supposed to obtain profits, too many factors were administratively controlled. As the production process became more complex, effective collaboration among various production sectors could be enabled only via a well-established market system. Only when purchase and sale are free and prices are based on production costs, is it possible to promote producers to seek profits in the normal way. The multi-decade closed social environment and intensive propaganda of Communist ideas almost succeeded in convincing a generation of Soviet elite that market economy was evil. When faced with economic problems, Gorbachev did in a way still resembling the political economy of socialism discourses of the Brezhnev area. Because of his own limitations, all his efforts were doomed to be fruitless.

Список литературы

1. *Алексеев П.Ф.* Продовольственное дело — забота общая // Коммунист. 1982. № 2.
2. *Брежнев Л.И.* Отчёт ЦК КПСС и очередные задачи партии в области внутренней и внешней политики // Правда. 1976. 25 февраля.
3. *Брежнев Л.И.* Отчёт ЦК КПСС и очередные задачи партии в области внутренней и внешней политики // Правда. 1981. 24 февраля.
4. *Брежнев Л.И.* Речь на пленуме ЦК КПСС 21 октября 1980 г. // Правда. 1980. 22 октября.
5. *Горбачёв М.С.* Жизнь и реформы. Т. 1. М.: Новость, 1995. 600 с.
6. *Горбачёв М.С.* Работать слаженно, с большей отдачей // Правда. 1983. 10 февраля.
7. *Горбачёв М.С.* Собрание сочинений. Т. 1. М.: Весь мир, 2008. 624 с.
8. Зовёт пример лучших // Правда. 1982. 14 мая.
9. Основные направления развития народного хозяйства СССР на 1976—1980 гг. // Правда. 1976. 7 марта.
10. Положение о производственном объединении в сельском хозяйстве // Собрание постановлений правительства СССР. 1979. № 3. Ст. 15.
11. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 7486. Оп. 52. Д. 3915.
12. *Тереженко В.* В едином комплексе — проблемы и суждения // Правда. 1981. 2 сентября.

Закон СССР о государственном предприятии: сложности и противоречия перехода на хозрасчётную основу

Аннотация. В статье анализируется реализация закона СССР «О государственном предприятии (объединении)» (1987), создавшего правовые условия для перевода предприятий на хозрасчётную основу. Изучение данного вопроса имеет важное научное значение при анализе факторов распада советской командно-административной системы.

Ключевые слова: закон, государственное предприятие, хозяйственный расчёт и самофинансирование, народное хозяйство.

LAW OF THE USSR ON STATE ENTERPRISE: DIFFICULTIES AND CONTRADICTIONS OF TRANSITION TO SELF-FINANCING BASIS

Abstract. The article discusses adopted in summer 1987 USSR Law on the State Enterprise (Association), which granted to these enterprises self-supporting independence. Study of this issue is of great scientific value in terms of the analysis of factors of collapse of the Soviet administrative-command system.

Keywords: law, state enterprise, self-supporting basis and self-financing, national economy.

Одним из основных документов, одобренных июньским пленумом ЦК КПСС 1987 г., стал проект закона «О государственном предприятии (объединении)», принятый вскоре Верховным советом СССР [1]. Вполне отвечавший начатым преобразованиям, он предусматривал перевод предприятий на хозрасчёт и самофинансирование и усиливал влияние трудовых коллективов на принятие экономических решений, тем самым ослабляя контроль органов государственной власти над хозяйственными процессами. Вместе с тем анализ реализации данного закона позволяет сделать вывод о существенных противоречиях и сложностях внедрения нового хозяйственного механизма. С одной стороны, произошли позитивные сдвиги в динамике производительности труда, повысилась активность трудовых коллективов в условиях самоуправления. На предприятиях промышленности, перешедших в 1988 г. на новые условия хозяй-

* **Роман Геннадиевич Кирсанов** — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра новейшей истории России и политологии Института российской истории Российской академии наук (Москва, Россия). e-mail: romankirsanov@yandex.ru

Roman G. Kirsanov — Candidate of Historical Sciences, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Senior researcher (Moscow, Russia).

ствования, производительность труда выросла на 5,7% против 3,6% на непереверённых, а прирост прибыли составил более 12% [2, л. 81]. С другой стороны, на внедрение новых методов хозяйствования оказывал замедляющее воздействие ряд негативных факторов: деформированная структура экономики, недостаточное внимание к достижениям научно-технического прогресса, игнорирование проблемы удовлетворения платёжеспособного спроса, дисбалансы материальных и стоимостных пропорций в народном хозяйстве, низкая финансовая дисциплина и убыточность многих предприятий. Кроме того, отсутствие рыночных связей (невозможность самостоятельно выбирать деловых партнёров, закупать сырьё и реализовывать продукцию) создавало предпосылки для сохранения диктата производителя, выразившегося в завышении цен и нежелании заниматься обновлением и повышением качества производимой продукции.

Поскольку закон был принят во время реализации 12-й пятилетки, это не могло не отразиться на формировании системы госзаказа, контрольных цифр, экономических лимитов и нормативов на 1988—1990 гг. В этой связи предприятия получали право заниматься самостоятельной экономической деятельностью только после выполнения обязательного государственного заказа. Нередки были случаи, когда министерства, пользуясь этой законодательной нормой, устанавливали госзаказ практически на весь объём производства.

Возможные формы хозяйственного расчёта поименованы в ст. 3 рассматриваемого закона: 1) основанная на нормативном распределении прибыли, при которой фонд заработной платы формировался по нормативу к чистой продукции или другим измерителям продукции, и 2) основанная на нормативном распределении дохода, при которой фонд оплаты труда определялся как доход, уменьшенный на сумму материальных затрат, платежей в бюджет и отчислений в специальные фонды. Иначе говоря, в первом случае (нормативный хозрасчёт) зарплата была гарантирована несмотря ни на что, а во втором случае (остаточный хозрасчёт) её надо было заработать.

В первые год-полтора реализации закона большинство предприятий были переведены на первую форму хозрасчёта. Согласно закону предприятие определяло для себя форму хозрасчёта по согласованию с профильным ведомством, однако на деле, как правило, это было единоличное решение вышестоящего государственного органа. Избрать самостоятельно вторую форму, которая теснее связывала конечные результаты работы не только с увеличением объёмов производства, но и с экономией материальных и трудовых ресурсов, предприятия фактически не могли. По данным Госкомстата СССР, в условиях второй формы хозрасчёта работало только около

1 000 предприятий, из них, в частности, в машиностроении — порядка 200, в лёгкой промышленности — 82 и примерно 200 строительных организаций [2, л. 103]. Исключительное использование самой слабой формы негативно отражалось на общих результатах хозяйственной деятельности.

Цены остались регулируемые. Ст. 17 закона гласила, что предприятие может продавать продукцию по ценам, устанавливаемым «по договорённости с потребителем или самостоятельно», но далее следовало уточнение: «Предприятия обязаны руководствоваться централизованно установленными ценами (тарифами) на продукцию (работы, услуги), а также ценами (тарифами), утверждёнными министерствами и ведомствами». За нарушение «дисциплины цен» и «получение необоснованной прибыли» могли быть наложены штрафные санкции «в размере незаконно полученной прибыли».

В то же время закон позволял предприятиям устанавливать договорные цены на новую или впервые осваиваемую продукцию производственно-технического назначения сроком на два года, на новые непроизводственные товары широкого потребления, а также на продукцию, изготавливаемую по разовым или индивидуальным заказам. Как показала практика, предприятия стали использовать это право для завышения цен на новую или модернизированную продукцию, которая во многих случаях по технико-экономическим показателям и потребительским свойствам незначительно или вообще не отличалась от ранее выпускавшейся. К примеру, производительность нового трелевочного трактора ТТ—4М, к выпуску которого приступило ПО «АТЗ», выросла на 13% при оставшихся без изменения важных показателях удельного расхода горючего и срока службы, а договорная цена повысилась на 41% [2, л. 130, 131].

Значительное количество предприятий, воспользовавшись предоставленным законом правом самостоятельно разрабатывать планы экономического и социального развития, стали принимать заниженные плановые обязательства по основным показателям. Особенно характерно это оказалось для машиностроительного комплекса, где объём продукции был запланирован ниже исходных данных на 820 млн руб., а прибыль — на 1,7 млрд. Вместе с тем ряд предприятий, изначально принимая заниженные планы, в конечном итоге существенно их перевыполняли. За 1988 г. превышение фактической прибыли против плановой составило 5,4 млрд [2, л. 121].

Стремление руководства предприятий переходить на «облегчённые» планы сохранялось и в последующие годы, чему в немалой степени способствовала действовавшая система материального стимулирования 100%-ного выполнения договорных обязательств и санкций за их нарушения. Согласно официальным данным, по со-

стоянию на 1 января 1989 г. планы предприятий 21 промышленного министерства по объёму продукции были приняты ниже контрольных значений на 3,7 млрд руб., в т.ч. на 2,5 млрд по машиностроительному комплексу [2, л. 103]. В конечном итоге Совмин СССР отменил норму об увеличении фонда материального поощрения за выполнение договорных обязательств.

В ст. 19 закона декларировалось, что «внешнеэкономическая деятельность предприятия является важной составной частью» его работы. Соответственно, предприятия наделялись правом установления внешнеэкономических связей, в т.ч. создания совместных предприятий и свободной продажи части продукции на внешнем рынке. Однако для многих эта норма осталась недействующей: большинство производимой продукции, а в иных случаях всю её, государство включало в госзаказ и тем самым выводило из свободной продажи, лишая предприятия свободы самофинансирования.

Все эти факторы сковывали хозяйственную самостоятельность предприятий, понижали стимулы к увеличению рентабельности производства и позволяли государству пользоваться прежними административными методами. В конце 1988 г. Всесоюзный научно-исследовательский институт советского законодательства обследовал 51 предприятие и производственное объединение основных отраслей промышленности и строительства, расположенных во всех экономико-географических зонах страны. Отвечая на вопрос, изменились ли результаты работы предприятий после перехода на хозрасчет, 30% руководителей ответили, что существенно улучшились, 42% заявили, что улучшились, но незначительно, 14% — что остались без изменения, 14% — ухудшились. Ответы на вопрос «Повысилась ли с переходом на полный хозрасчёт самостоятельность предприятий?» распределились следующим образом: существенно (8,8%); незначительно (73,5%), не изменилась (17,7%) [2, л. 3].

Выяснилось и отношение директоров предприятий к третьей форме хозрасчёта — арендному подряду, не предусмотренному законом. Более 80% опрошенных считали, что предприятию необходимо предоставить право по своему усмотрению использовать эту форму, построенную не на основе отчислений доли с прибыли, а на основе зафиксированных в твёрдой сумме платежей за фонды в бюджет, устанавливавшихся на несколько лет, когда весь оставшийся доход поступал в распоряжение коллектива. В этом отношении показателен опыт коллектива подмосковного Бутовского комбината строительных материалов, взявшего свои производственные фонды по договору с главком в аренду на 8 лет. На каждый год без каких-либо нормативов определялась точная сумма отчислений от валового дохода. Уже за первые три месяца работы на таких условиях комбинат

выпустил продукции на 41% больше, производительность труда выросла почти на 40%, а прибыль — в 4,3 раза [2, л. 3, 4].

Согласно ст. 9 закона вышестоящий орган не имел права доводить до предприятия контрольные цифры, экономические нормы и лимиты сверх перечня, утверждённого Совмином СССР. Однако на вопрос «Всегда ли соблюдается эта норма?» распределение ответов руководителей выглядело таким образом: да — 6,1%, нет — 93,9%. На вопрос «Всегда ли исходные данные для планирования строго увязаны между собой?» были получены такие ответы: да — 14,7%, нет — 85,3%. Чаще всего руководство предприятий указывало на нестыковки между материально-техническими ресурсами и производственными мощностями, с одной стороны, и производственными программами — с другой, между натуральными показателями и планами прибыли, объемом производства и номенклатурой продукции и т.д.

В обобщённом виде позиция хозяйственников звучала так: «План утверждён без расчёта и учёта ассортимента, обычным увеличением темпа роста производительности», «нарушение ассортимента», «волюнтаризм», «задания по товарной продукции и по платным услугам установлены без учета реальных возможностей». Довольно категорично написал в анкете директор завода микроавтобусов РАФ В.Д. Боссерт: «Наша (государственная) порочная практика планирования от достигнутого продолжает наказывать более сознательные, инициативные коллективы, “выкладывающиеся” ради перестройки» [2, л. 20, 21]. Даже если делать поправку на «экономический эгоизм» некоторых руководителей, общая тенденция к ущемлению интересов предприятия просматривалась по данным опроса достаточно отчётливо.

Сбалансированность планов нарушалась даже при обеспечении выполнения государственных заказов. Например, в 1988 г. по предприятиям ПО «Прикарпатлес» под госзаказ было недопоставлено 100 тыс. куб/м сырья [3, л. 171]. При этом норма, обьязавшая министерства, изготовителей и потребителей решать вопросы, связанные с бесперебойным снабжением потребителей по указанным формам материально-технического обеспечения, совместно с Госснабом СССР, не гарантировала защиту прав и интересов производителей. Так, на ПО «Южуралмаш» заказы потребителей на поставку запчастей к оборудованию превышали его производственный план на 200%. Отказ орловского завода увеличить поставки радиоламп для черновицкого ПО «Бытрадиотехника» лишил последнее возможности обеспечивать ремонт техники у населения, объём которого каждый год увеличивался [3, л. 170]. Таким образом, подавляющему большинству предприятий выдавались несогласованные между со-

бой исходные данные для планирования и несбалансированные госзаказы, однако возражения трудовых коллективов за редким исключением оставлялись вышестоящими органами без внимания.

Неоднозначной была ситуация с оплатой труда. Ст. 2 гласила, что «достижения и потери в работе предприятия непосредственно сказываются на уровне хозяйственного дохода коллектива, благополучия каждого работника». Однако на деле трудящиеся столь тесной связи между личным трудовым вкладом и ростом своего благополучия не усматривали. Совместным постановлением ЦК КПСС, Совмина СССР и ВЦСПС от 17 сентября 1986 г. вводились новые тарифные ставки и должностные оклады работников производственных отраслей. При этом на вопрос «Способствуют ли новые условия оплаты труда увеличению личного трудового вклада в результаты работы предприятия?» большинство директоров и работников отделов труда и заработной платы ответили отрицательно либо избрали нейтральную формулировку («трудно ответить»).

Сложившееся положение можно объяснить несколькими причинами. Во-первых, для большинства предприятий вышестоящие органы устанавливали низкие (порядка 0,3—0,4%) нормативы соотношения роста заработной платы по сравнению с 1% роста производительности труда. Руководителям был задан вопрос: «Есть мнение, что полностью распределить заработанные средства между работниками мешает произвольно устанавливаемый норматив между приростом средней заработной платы и приростом производительности труда. Существует ли эта проблема на Вашем предприятии?» Утвердительно на него ответили 85% опрошенных.

Во-вторых, положению закона о том, что зарплата рабочих и служащих максимальным размером не ограничивается, прямо противоречили предельные размеры выплат, входивших в её состав. К примеру, предельный размер надбавок и доплат у рабочих не мог превышать 24% тарифной ставки, а у специалистов и служащих — 50% должностного оклада. Размер премий, выплачивавшихся из фонда зарплаты, не мог превышать 40% сдельного заработка рабочих и коллективов бригад в расчёте на месяц. Жёстко ограничивались размеры премий руководящих работников предприятий: за достижение основных результатов хозяйственной деятельности полагалось 0,75 должностного оклада в расчёте на месяц и по специальным системам премирования — 2,6 месячного оклада в год.

Ст. 11 закона определяла, что деятельность предприятия в области научно-технического прогресса должна быть подчинена постоянному повышению технического уровня и организации производства, совершенствованию технологических процессов, выпуску продукции высшего качества, конкурентоспособности на мировом

рынке*. Среди причин, сдерживавших выход продукции на мировой уровень, были в первую очередь низкое качество сырьевых материалов, комплектующих изделий, устаревшее оборудование и технология производства [4]. На решение этой проблемы влияли и низкие нормативы распределения прибыли в фонд развития производства, науки и техники на фоне роста цен на новое оборудование. Сказывалось также отсутствие возможности прямых связей с зарубежными фирмами, низкая квалификация работников и отсталая культура производства, слабая экономическая заинтересованность в повышении качества продукции, отсутствие или слабость экспериментальной базы производства, устаревшие решения, заложенные в стандартах и другой нормативно-технической документации.

Проблема замены устаревшего оборудования упиралась в несовершенство снабжения по заказам предприятий — оборудование поступало не то, которое было заказано, а то, которое имелось в данный момент в снабженческих организациях. Заместитель директора Павлодарского тракторного завода характеризовал ситуацию с заменой как довольно сложную. Производственное оборудование устарело: износ активной части основных фондов (рабочих машин и оборудования) превышал 70%. При тогдашних требованиях Госкомцена к уровню рентабельности для тракторов не более 12% и нормативов распределения прибыли понадобилось бы не менее 50 лет для того, чтобы заменить хотя бы то, что уже износилось. Примерно такое же положение наблюдалось на Московской хлопчатобумажной фабрике. Стоимость её основных фондов составляла 40 млн руб., а фонд развития производства не превышал 1 млн, и получалось, что если полагаться только на этот фонд, то сроки обновления оборудования растянутся на 40 лет [2, л. 32]. Многие расчёты показывали, что имевшиеся ресурсы не позволят радикально перевооружить все предприятия в течение 12-й пятилетки. К тому же сами планы технического и технологического обновления представляли собой набор слабо увязанных мероприятий. Немалый ущерб наносило осуществление реконструкции по устаревшим проектам и уравнительное распределение министерствами прогрессивного оборудования.

Продолжало оставаться неблагоприятным состояние платёжной дисциплины [5, л. 50]. К примеру, так до конца и не реализовалось решение о введении календарной очередности платежей для предприятий и организаций, которая как экономический инструмент обязывала хозяйствующие субъекты обеспечивать свою деятель-

* Как писал в это время Н.П. Шмелёв, советская промышленность отвергала до 80% новых апробированных технических решений и изобретений [6, с. 8].

ность за счёт заработанных средств. Помимо обхода календарной очередности для выплаты заработной платы использовалось неоправданное предоставление банками кредитов.

Закон о госпредприятии не привел к революции в экономике. Но она министерствам и прочим хозяйственным органам и не требовалась. Их целью, как всегда, было выполнить пятилетний план. Именно его задания косвенно закладывались в хозрасчёт — под видом многочисленных нормативов. Ситуация усугублялась тем, что в скором времени оказался взят курс на индивидуальные нормативы. Аргументировалось это просто: условия работы у всех предприятий разные, поэтому нужны дифференцированные подходы. А в действительности смысл состоял в том, чтобы отобрать ресурсы у более успешных предприятий («флагманов») и перераспределить их среди убыточных*. Зато в среднем по отрасли план будет выполнен. Всё-таки даже при полном хозрасчёте за средние итоги отвечали ведомства, а не конечные производители. Выходило, что индивидуальные нормативы ставили предприятие в полную зависимость от благожелательности начальников. Если директор завода оказывался угоден министерству, то он и добивался льготных нормативов.

Кроме того, как уже говорилось, индивидуальные нормативы и контрольные показатели практически полностью совпадали с госзаказом, которым охватывалось подавляющее число производителей. Таким образом, административно составленный план под видом госзаказа остался альфой и омегой хозяйственной перестройки.

Список литературы

1. Ведомости Верховного совета СССР. 1987. № 26. Ст. 385.
2. Государственный архив Российской Федерации (далее — ГА РФ). Ф. 5446. Оп. 150. Д. 1. Л. 32.
3. ГА РФ. Ф. 5446 Оп. 163 Д. 140 4. Известия. 1989. 1 октября.
5. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 2324. Оп. 32. Д. 4008. Л. 50.
6. *Шмелёв Н.П.* В поисках здравого смысла. Двадцать лет российских экономических реформ. М., 2006.

* К 1988 г. общая сумма просроченной задолженности достигла почти 40 млрд руб., а доля убыточных предприятий только в промышленности составляла 13%.

Развитие кооперативного движения в Советском Союзе в период перестройки (1985—1991 гг.) на примере Смоленского региона

Аннотация. Статья рассматривает процесс возникновения и развития кооперации в годы перестройки на примере Смоленской обл. Показаны рост и разнообразие кооперативов в регионе, приведшие к возникновению новых форм предпринимательства и легализации частной собственности. Для исследования привлечены материалы периодической печати, ранее не введённые в научный оборот.

Ключевые слова: видеосалоны, кооперативы, кооператоры, предпринимательство.

THE DEVELOPMENT OF THE COOPERATIVE MOVEMENT IN THE SOVIET UNION DURING THE PERESTROIKA PERIOD (1985—1991) ON THE EXAMPLE OF THE SMOLENSK REGION

Abstract. The article examines the process of the emergence and development of cooperation during the Years of Perestroika on the example of the Smolensk region. The growth and diversity of cooperatives in the region has been shown, leading to the emergence of new forms of entrepreneurship and the legalization of private property in the country. The research involves materials from periodicals that were not previously introduced into scientific circulation.

Keywords: video salons, cooperatives, cooperators, entrepreneurship.

Современному малому и среднему предпринимательству предшествовало кооперативное движение конца 1980-х — начала 1990-х гг. Это не первая форма предпринимательства в СССР, ей предшествовали «цеховики», «индивидуалы» обувщики и швейники, «шабашники», народные промыслы и т.д. В конце 1980-х гг. стимулировалось техническое творчество молодежи (ТТМ). Создавались хозрасчётные молодежные группы, в т.ч. по разработке компьютер-

* **Екатерина Кирилловна Аксёнова** — студентка 4-го курса Смоленского филиала Саратовской государственной юридической академии (Смоленск, Россия). e-mail: nata.dragonfly@yandex.ru

Ekaterina K. Aksenova — Student of the Smolensk Branch of the Saratov State Law Academy (Smolensk, Russia).

Александр Михайлович Иванов — кандидат исторических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Смоленского филиала Саратовской государственной юридической академии (Смоленск, Россия). e-mail: Aleks-I-82@yandex.ru

Alexander M. Ivanov — Candidate of Historical Sciences, the Senior Lecturer of Faculty of Humanitarian, Economic and Informational-legal Disciplines, Smolensk Branch of the Saratov State Law Academy (Smolensk, Russia).

ных программ и внедрению новых технологий в производство, поэтому первые кооперативы были производственно-техническими.

Принятие «Закона о кооперации» (1988) полностью легализовало предпринимательство [16, с. 263]. Тогда же появилось подавляющее большинство кооперативов в Смоленской обл. — каждый третий КООП (77) приступил к работе в 4-м квартале того года. За год кооператоры произвели продукции и оказали услуг на сумму 17 млн 736 тыс. руб., из них в 4-м квартале — на 9,1 млн (51%). Но доля работ и услуг, оказываемых населению, ежеквартально снижалась. Так, например, в 1-м квартале 1988 г. жители оплатили 63% выручки от реализации, а в 4-м — лишь 30% [17, с. 44]. Большинство зарегистрированных кооперативов существовали только на бумаге. 50% кооперативов организована в сфере строительства, около 15% ориентировались на технические цели, 10% — на торговлю, в которой не играли значительной роли [16, с. 263].

В Смоленске на 1988 г. было зарегистрировано 132 кооперативов, из них действовало 69 с общей численностью занятых около 6 тыс. чел. Сферы их деятельности оказались разнообразными — производство товаров народного потребления (обувь, спортивные, швейные, трикотажные изделия, бижутерия и т.д.), ремонт квартир, автомашин, телерадиоаппаратуры, вычислительной техники, оформление интерьеров квартир, сантехнические работы, услуги траурных обрядов и бальзамирование, уборка автобусов, фотоработы, выращивание цветов, посреднические услуги, доставка лекарств, продуктов, билетов на дом, гостиничные услуги и многие другие. Наибольшее распространение получили кооперативы по бытовому обслуживанию (19), производству товаров (13), торгово-закупочные (10), общепита (7) [17, с. 44—45].

В апреле 1988 г. председатель кооператива «Люкс» С.М. Мазманыч обратился к администрации обувной фабрики с предложением открыть магазин «Мода» по торговле женской обувью. Кооперативу выделили бытовые комнаты в общежитии, практически не использовавшиеся в девятиэтажном здании. Председатель кооператива привлек армянских мастеров. За пять месяцев работы кооператив разработал и постепенно внедрил в производство 25 моделей новой обуви. В мае 1988 г. поступила первая партия, за пять месяцев магазин показал активную работу. Высокие осенние сапоги стоили 140 руб., укороченные — 100, туфли на низком каблучке — 40, модельные туфли — 65. Несмотря на стоимость, обувь разбирали, появлялись новые модели [1, с. 7].

Руководитель детского клуба им. 50-летия ВЛКСМ В.А. Купцова обратилась в администрацию школы № 17 с предложением организовать детский кооператив — школьный цех. Идею поддержали,

школа заключила договор с «Детским миром», чтобы реализовывать готовую продукцию. В первый раз выручка составила — 320 руб., затем 700, 50% от общей стоимости шло ребятам, а остальное школе. Те, кто особо старался и шил много хороших игрушек, получали по 30—40 руб. в месяц — например, в декабре 1988 г. такую сумму получили Саша и Леша Новиковы [13, с. 8].

15 сентября исполком Краснинского райсовета принял решение открыть кооператив с названием «Молодость». Как писала районная газета «Ленинец», «это название полностью соответствовало молодости самих кооператоров и отражало основное направление работы — организацию отдыха молодёжи. Это была первая ласточка такой формы работы в нашем районе» [9, с. 2]. Основателями кооперативного движения в Красном выступили рабочий филиала ПО «Искра» А. Бурилкин, работник торговли В. Петиков и студентка пединститута И. Усова. Был заключен договор с дирекцией районной киносети на аренду зала кинотеатра «Дружба», разработан план работы и проведения совместных мероприятий, подписанный первым секретарём райкома ВЛКСМ С. Пронем и председателем «Молодости» Бурилкиным. Кооператив исправно перечислял 3% налога на прибыль в райфинотдел, 3% от кассового сбора райкому комсомола и 3% от прибыли кинодирекции за аренду помещения. Всего прошло три вечера отдыха. Накануне четвертого в Красный приехал главный инженер областного управления кинофикации Н.Е. Новиков и запретил директору киносети т. Амельченкову пускать кооператоров на порог. Официальная причина внезапного отказа — нарушение техники пожарной безопасности и санитарных норм [10, с. 7]. Кооператорам пришлось перебраться в красный уголок районного узла связи и ограничиться видеосеансами. Чтобы пресечь успех импровизированной видеоточки, в районе вспомнили о письме Госкино РСФСР от 20 ноября 1987 г., которое категорического запрета видео не содержало, но имело соответствующие рекомендации, исходя из которых, как объяснил зам. председателя райисполкома А.П. Шестернёв, «мы были вынуждены закрыть видеосалон». Параллельно райфинотдел обратился в комиссию по индивидуальной трудовой деятельности с настоятельной просьбой ликвидировать «Молодость». Но не лишённый юридического статуса кооператив продолжал деятельность в глубинке [10, с. 7].

В 1990 г. заведующий отделом рабочей молодежи обкома комсомола В. Князев в интервью газете «Смена» на вопрос, какие хозрасчётные предприятия и подразделения работают при обкоме, отвечал: «В настоящее время работало четыре хозрасчётных формирования: коммерческий центр “Ювента” занимался проблемами молодёжной моды, изготавливал перспективную одежду и галантерею. В 1989 г.

им было выпущено продукции и оказано услуг на сумму в 189 тыс. руб. Штаб ВУКС «Социально-экономической перестройки села» был создан в декабре 1989 г. Цель его создания — строительство на селе, общественный призыв молодежи. Предприятие «Лидер-Юхт» занималось оценкой и подготовкой руководящих кадров, по сути, являлась школой менеджеров. «Русь» — его целью стало привлечение на Смоленщину книг молодых авторов. Хозрасчётной деятельностью также занимался областной штаб студенческих отрядов и трудовых объединений». В 1989 г. от этих организаций в бюджет поступило 2 тыс. руб. В них работало 123 чел., в т.ч. в КМО содействия АПК — 89 чел. Зарплата — от 190 руб. в центре экологического воспитания до 650 в КМО [12, с. 5].

Первые шаги делал кооператив «Энергия», созданный комитетом комсомола Смоленского филиала Московского энергетического института при участии студентов педагогического и медицинского вузов. Кооператив предлагал более полутора десятков услуг: ремонт телеаппаратуры, выполнение фоторабот, заказы на вязание и т.д. На ул. Коммунистической открылся Дом молодёжи. Ещё до окончания реставрационных работ в нём начали действовать лаборатории Центра информатики, которые предлагали заниматься компьютерными играми, приобрести знания по программированию, более 100 чел. могли заниматься в СЦИ [11, с. 2].

По данным на 1 января 1989 г. самыми популярными названиями кооперативов были: «Строитель» (8), «Стоматолог» (7 + кооператив «Дантист»). Популярностью пользовались географические названия: «Кубань», «Днепр», «Молдова», «Сапшо», «Остер», «Гжать», южные колориты: «Юг», «Кавказ», «Восточные блюда», «Лаваш». Встречались названия от лирических до загадочных («Берёзка», «Мечта», «Шарм», «Сапфир», «Элегант», «Амфитон», «Алина») и не совсем обычных («Агрокс», «Мастак», «Вторма») до прозаических («Комплект», «Новатор», «Зверовод», «Металлист», «Турист», «Почин», «Труд», «Водопроводчик», «Печник») и вовсе печальных («Траурные обряды»). Спектр услуг самый широкий — от «Тенниса» до «Здоровья», от «Солнышка» до «Улыбки», от «Бальзамирования трупов» и «Захоронения мертвых» до «Музыкального сопровождения похорон» [4, с. 10].

За 9 месяцев 1988 г. КООП Смоленской области произвело товаров и услуг на 4,5 млн руб. — 0,5% от общего объёма. За первое полугодие 1988 г. кооперативами произведено продукции и оказано услуг на 2300 тыс. руб., из них фактически реализовано населению 1700 тыс. — 0,5% объёма товаров промышленности и услуг специализированных предприятий. В итоге каждому жителю города и области кооперативами оказано услуг на 5 руб. 56 коп. [17, с. 5].

Среднемесячная зарплата работников кооперативов (включая совместителей) за весь 1988 г. составила 180 руб., а за 4-ый квартал 1988 г. — 421 руб. Между тем за 9 месяцев 1988 г. кооператоры перечислили в банки наличными деньгами 678 тыс. руб., банки же выдали на зарплату, приобретение материалов и на другие цели 4,2 млн, что заметно ухудшило состояние денежного обращения в области. Наибольшую выручку получил кооператив «Бутон» (от реализации цветов) — 1,7 млн руб. Самая высокая зарплата в 4-м квартале у членов КООП «Заря» (467 руб.), «Спутник» (527), «Рассвет» (630), «Люкс» (644), «Коммунальник» (884), «Энтузиаст» (967), «Стимул» (1099). Почти каждый третий кооператив (74) работал в Смоленске. По данным 9 месяцев 1988 г. 15% их сотрудников составляли пенсионеры, домохозяйки и студенты [6, с. 10].

15 февраля 1989 г. в Смоленске состоялась учредительная конференция областной ассоциации кооператоров, на ней присутствовало 105 кооперативов, объединявших 1450 чел. Был избран оргкомитет из 7 сопредседателей, которым поручалось до 15 мая разработать и предоставить конференции устав АКСО [7, с. 1]. Организатором и первым главой объединения стал руководитель кооператива «Бутон» Д.Я. Левант. Задачами ставились защита прав кооператоров, связи с органами власти и пропаганда образа кооператора—производителя. Одним из первых шагов Союза стало издание газеты «Понедельник», первый номер которой вышел 11 сентября. Она позволяла кооператорам активнее участвовать в общественной жизни города, рассказывать о себе и высказывать позицию по тем или иным проблемам [16, с. 264].

Развитию кооперативов способствовало льготное налогообложение. В течение двух лет с момента создания кооператива налог составлял всего 2% прибыли, а по истечению этого срока — 3%. На фоне экономического спада кооперация стала прогрессивным явлением в становлении рыночных отношений. К 1990 г. появилось большое количество торгово-закупочных кооперативов, которые строили деятельность на разнице закупочных цен и розничной продаже товаров. Начиная с 1990 г. налоги поднялись сначала на 10%, затем налогообложение дифференцированно увеличилось до 25%, а в 1991 г. все кооперативы страны обложили 45% налогом [16, с. 264].

По результатам работы кооперативов Смоленской обл. доход, подлежащий обложению, составил в первом полугодии 1990 г. свыше 46 млн руб., сумма уплаченного подоходного налога — 2,7 млн, в благотворительные фонды было отчислено 168 тыс. руб. В виде зарплаты кооперативы получили 38,1 млн. руб., в расчёте на одного работника среднемесячная оплата составила 428 руб. Самая высокая сложилась в кооперативах по заготовке и переработке вторичного

сырья (613), строительных (486), спортивно-оздоровительных (429), по производству товаров народного потребления (371) [19, с. 28].

Наряду с положительными имели место и факты, когда кооператоры, пользуясь тем, что их ещё мало, увеличивали доходы за счёт вздувания цен на товары и услуги значительно выше государственных. Проверки установили, что некоторые не выполняли требования Устава кооператива. Так, например, кооператив по переработке вторичного сырья «Энтузиаст», созданный в марте 1988 г. и согласно Уставу занимавшийся производством товаров народного потребления, самовольно открыл в арендуемом по ул. Седова помещении видеосалон [17, с. 45].

В целях оказания ремонтно-строительных услуг населению создавались кооперативы при производственных жилищно-ремонтных трестах. Но большинство из них концентрировали внимание на оказании услуг не населению, а предприятиям и учреждениям, не оказывая существенной помощи по капитальному и текущему ремонту трестам, при которых они создавались. Нередки были случаи некачественного выполнения работ, нарушения сроков исполнения заказов и бухгалтерского учёта. В связи с этим, например, Ленинским райисполкомом рассматривалась деятельность ремонтно-строительного кооператива «Поиск». За нарушение Устава, несоблюдение налоговой дисциплины, занижение доходов, отсутствие бухучёта, несоблюдение трудового законодательства при приёме на работу лиц по трудовому соглашению вынесли решение о его закрытии [17, с. 45-46].

Кооперативами общественного питания и торгово-закупочными нарушались правила торговли, культуры обслуживания. Они реализовывали продукцию не в местах, специально отведённых для торговли, а там, где считали нужным, не имея вывесок, при отсутствии ценников или без указания веса продаваемого. При контрольном взвешивании нередко фиксировались отклонения от нормы по калькуляции (в меньшую сторону). Факты такого отлучались в кооперативах «Темп», «Гном», «Лавашная». Они же допускали нарушения санитарных правил и графиков медицинских осмотров. Кооператоры не вели учёта готовой продукции, выполнения работ, оказания услуг, а также израсходованного сырья и материалов. Имелись факты откровенного искажения отчётности. Так, например, кооператив «Заря» при РСУ-1 указал выручку в размере 2,5 тыс. руб., а фонд оплаты труда составлял 73,5 тыс. Также многократно и неправдоподобно превышалась зарплата над выручкой. В Рославле кооперативы «Умелец» и «Строитель» занимались ремонтом квартир, на самом же деле от населения не было получено ни рубля. Смоленские кооперативы «Комсомольско-молодёжное

объединение» и «Родина» отчёт о деятельности за 1988 г. в органы госстатистики не представили. Грубые нарушения устава, финансовой дисциплины и очковтирательство (сокрытие выручки за счёт оформления и списания материалов по подложным документам о закупки тары) поставили вне закона кооператив «Труд» по сбору и реализации ящичной тары. 19 января 1989 г. Заднепровский райисполком принял решение о его закрытии.

В марте—мае 1988 г. были закрыты кооперативы по производству товаров народного потребления «Клён» и «Ясень» и кооператив общественного питания «Кавказские обеды» из-за того, что более 6 месяцев не приступали к деятельности. Факты хищения имущества, подлоги, нарушения порядков реализации продукции были установлены в ряде кооперативов: «Рассвет», «Восточные сладости» (Смоленск), «Гжать» (Гагарин), «Строитель» (Вязьма), «Сапшо» (Демидовский район), «Шашлычная» (Вязьма) и мн. др. Виновные были привлечены к ответственности [14, с.10].

11 июня 1989 г. на Колхозной площади в Смоленске была задержана Н. Лохман. Согласно протоколу, она «продавала магнитофонные кассеты с записями хоровых песен, не имея накладной, не зная точного количества товара и имея разрешение на торговлю... в другом конце города. Цену она устанавливала “с потолка”. “Мне сказали, сколько нужно выручки сдать, а остальное моё дело”, — так оправдывалась задержанная». Наталья представляла на рынке творческий коллектив и торг вела по заданию театр-студии «Этюд», созданной при Смоленском горкоме ВЛКСМ [18, с. 2].

Благодаря кооператорам начался формироваться новый класс предпринимателей-собственников. Но процесс этот шёл в отсутствие адекватной законодательной базы, фактического отсутствия социальной и правовой защиты. К примеру, предприниматели и персонал кооперативов делали страховые взносы, но не были включены в систему профсоюзов и, как следствие, государственного социального страхования. Право законодательной инициативы у кооператоров отсутствовало. В Ленинграде в ноябре 1989 г. состоялся учредительный съезд профсоюза кооператоров. Съезд выработал концепцию, состоявшую из трёх принципов: получение права законодательной инициативы; изменение системы социального страхования; ликвидация командно-административного начала в организации профсоюзов. На основе этих принципов был принят Устав нового профсоюза и разработана программа, получившая поддержку ВЦСПС и других ведомств [16, с. 265]. Профсоюз кооператоров принимал участие в создании профсоюзных банков, товарной биржи, включил в деятельность соцстрах и социальную защиту предпринимательства. В дальнейшем он был переименован в профсоюз

работников малого и среднего бизнеса. Но после передачи соцстраха в ведение государства, его деятельность тихо сошла на нет.

Таким образом, кооперативное движение реально просуществовало всего три года, с 1988 по 1991 гг. В 1990 г. из зарегистрированных в Смоленской обл. 666 кооперативов не приступило к работе 96, за бездеятельность закрыли 88. Рост прекратился, и с 1991 г. стала вводиться новая форма предпринимательства — малые предприятия, потом ЗАО, ООО и ТОО [16, с. 264]. После выхода постановления Совмина РСФСР от 18 июля 1991 г. «О мерах по поддержке и развитию малого предпринимательства» была разработана программа подготовки и принятия законов «О фондовых биржах и ценных бумагах», «О банкротстве предприятий», «О государственных закупках» и мн. др., благодаря чему появилась правовая база, которой не имели кооператоры.

Список литературы

1. *Ахельцева Л.* «Люкс» даёт нам шанс // Смена. 1988. 22 октября.
2. В мире кооперативов // Смена. 1990. 17 марта.
3. *Гошко Н.* Тесей уходит, чтобы не вернуться // Смена. 1987. 5 декабря.
4. Дело не в названии, но неразбериха в названиях кооперативов пока имеется // Смена. 1989. 28 января.
5. Как живут кооперативы? // Смена. 1990. 24 ноября.
6. Кооперативы как они есть // Смена. 1989. 28 января.
7. Кооператоры объединились // Смена. 1989. 18 февраля.
8. *Кузьмина И.* К нам едет ревизор // Смена 1989. 16 сентября.
9. Ленинец. 1988. 22 сентября.
10. *Литвинова С.* Как свернуть голову «первой ласточке», или история одного кооператива // Смена. 1989. 7 января.
11. *Лобонов О.* 1988-й: время конкретных дел // Рабочий путь. 1988. 29 октября.
12. Не в зарплате дело // Смена 1990. 17 февраля.
13. *Осина В.* Каждому по труду // Смена. 1988. 31 декабря.
14. Привлечён к ответственности // Смена. 28. января.
15. Смена. 1989. 11 ноября.
16. *Стрелягов А.А., Халецкий В.Н.* История смоленского предпринимательства. Смоленск: Свиток, 2016.
17. *Трифсик Т.* Первые шаги кооперативов. // Политическая информация. 1988. № 23—24.
18. «Чем... торг ведёте?» // Смена. 1989. 1 июля.
19. *Черномаз Б.* О развитии кооперации. // Политическая информация. 1990. № 9.

Научное издание

**История России с древнейших времен до XXI века:
проблемы, дискуссии, новые взгляды**

Материалы Международной научно-практической школы-конференции
молодых ученых

Редактор
В.Н. Круглов

Макет и оформление
Ю.В. Балабанов

Подписано к печати 18.11.20. Формат 60×90/16. Заказ №
Тираж 500 экз. 28,0 п.л. 32,0 уч.-изд. л.

Издательский центр Института российской истории РАН
117292, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19

Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленного оригинал-макета
в ООО «Клаб Принт»
127018, Москва, 3-й проезд Марьиной рощи, д. 40, корп. 1
Тел.: +7 (495) 669-5009

Для заметок

Для заметок
